

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 153.

1 ЯНВАРЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 8).

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типо-
графіи—136 & 138, Caledonian Road, N.
Цѣна 9 пен., съ восьмымъ номеромъ
—ОБЩЕЕ ВѢЩЕ.

У Трубнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price Nine pence, with
Supplement: VETCHÉ No. 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—MDCCCLXIII—Официальный контръ-адрессъ—Разборъ основныхъ положеній преобразования судебной части
въ Россіи (продолженіе)—Нѣтъ Петербурга—Убийство Львова—Франко-Русскій союзъ—Третье отдѣленіе свѣтъ—Балтійскіе нѣмцы—Общій фондъ.

MDCCCLXIII

Въ походахъ даютъ солдатамъ черезъ два-три дня дневку, для того чтобъ собраться съ силами, исправить амуницію, осмотрѣть подковы, почистить ружья и пр.; время чернорабочее не самый день, а *канунъ* относительно будущаго и *отдыхъ* относительно прошедшаго. 1862 годъ былъ дневкой для насъ, отдыхомъ послѣ манифеста 19 Февраля, сочельникомъ передъ *созваніемъ Земскаго Собора* — по этому отдавая ему равнодушную справедливость, мы провожаемъ его въ могилу, безъ слезъ и радости. Много въ немъ *“басковъ перелопатилось”** у старой реакціонной гитары, много старовѣровъ покривилось, пало преждевременно на ноги, но всѣ они еще дышать; въ немъ также многое и зародилось, стремится обнаружиться, но не вышло еще на свѣтъ.

Между этимъ яровымъ жнитвомъ и озимовыми всходами, набралось много любопытнаго и полезнаго со стороны правительства и много пророческаго, бросающаго свѣтъ впередъ, со стороны народа.

Начнемъ какъ подобаетъ съ правительства.

Мы ему обязаны во-первыхъ истиной, что когда нѣтъ поджоговъ, то очень трудно сыскать зажигателей и чрезвычайно легко наполнить тюрьмы невинными жертвами.

Мы ему обязаны новыми доказательствами библейской истины, что богъ отдѣлившіи при сотвореніи міра воду отъ земли, такъ и животныхъ приладилъ, чтобъ морскіе жили въ морѣ, а сухопутные на сушѣ, въ силу чего бобръ не строитъ подъ водою, а рыба не занимается земледѣіемъ. Морская болѣзнь нашего правительства, сдѣлала эту истину очевидной. Морякъ Путятинъ, морякъ Константинъ Николаевичъ, морякъ Головинъ† обнаружили рѣдкую неспособность “во всѣхъ

родахъ различныхъ”. Одинъ не сумѣлъ погубить просвѣщеніе, другой не сумѣлъ его возстановить, третій (по правдѣ ему и задача по мудренѣе досталась) не сумѣлъ разомъ губить и возстановлять Польшу.

Но есть истины болѣе черныя, открытыя во всемъ безчеловѣчномъ ужасѣ отеческимъ правительствомъ въ Петербургѣ и тутъ на первомъ планѣ страшная, ненужная, ничѣмъ неоправданная, чудовищная казнь Аригольда, Сливинскаго, Ростковскаго и Щура. Ничего подобнаго не было со временъ императрицы Елизаветы... ни даже при Николаѣ, ссылавшемъ людей за то, что они слушали молча, но съ улыбкой, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Этотъ нероновскій поступокъ, сдѣланный лицомъ рено, чужими руками, подъ фирмой Лидерса, даетъ великое поученіе—тупѣйшіе люди могутъ понять, что въ данную минуту можетъ сдѣлать благодушное правительство, которому дано безконтрольное право убійства, съ утайкой причины. Намъ остается благодарить, что оно такъ скромно пользуется этимъ невиннымъ удовольствіемъ.

Самодержавные аппетиты растутъ быстро; какой шагъ они сдѣлали отъ произвольнаго ареста Огрызки, до приговора на шесть лѣтъ каторжной работы Михайлова, приговора, намѣренно прочитаннаго въ великую годовщину 14 Декабря! И какой шагъ отъ шести лѣтъ—до шести пуль въ грудь юношей пылкихъ, горячихъ и ничего не сдѣлавшихъ выходящаго изъ общихъ дисциплинарныхъ правилъ.

По такъ какъ государь еще молодъ и росту самодержавныхъ аппетитовъ трудно предвидѣть предѣлъ, то не очевидно-ли, что этому росту надобно поставить земскую плотину и подражая краснорѣчію его величества, сказать государю: “Здравствуйте московскій помѣщикъ! Мы рады васъ видѣть, мы вамъ оставляемъ свободу управлять нами, но помните, управлять по законамъ, а не по своему волю. Требуемъ за тѣмъ отъ васъ точнаго исполненія установленныхъ постановленій. Мы хотимъ чтобъ уставная грамота между нами была немедленно составлена; за тѣмъ, послѣ составленія ея къ 19 Февраля будущаго года, не ожидать никакой новой власти и никакихъ новыхъ льготъ. Слышите-ли? Не слушайте толковъ, которые ходятъ по переднимъ зимняго дворца, не вѣрьте ни графамъ, ни князьямъ, ни Адлербергамъ, ни Гагаринамъ, ни Коцебу отъ Коцебу рожденнымъ, ни пчеловѣческимъ сынамъ III отдѣ-

* Одинъ мой знакомый, московскій помѣщикъ, (какъ Александръ Николаевичъ), часто бывающій за границей, ѣздилъ недавно въ симбирскую и тамбовскую губерніи (у него какъ у Александра Николаевича помѣстья въ разныхъ губерніяхъ), гдѣ онъ не былъ года два. Онъ не могъ придти въ себя отъ перемѣны происшедшей въ помѣщичьемъ кругу—19-ое Февраля изсушило ихъ и положило въ лоскъ. “Едва я могъ узнать старыхъ пріятелей, тѣже люди, но баски полопались, кто ногу тащить, кто водки не пьетъ, кого совсѣмъ перекосило, нѣтъ веселья, всѣ сердятся, желчныя, исхудалые; солонъ пришелся имъ манифестъ!” Полопавшіеся баски должны остаться въ исторіи вмѣстѣ съ ослупеннымъ днемъ и желаннымъ часомъ.

† Иные говорятъ, что онъ землеводный, ни то, ни сѣ—намъ кажется сѣ.

лепія, а вѣрите однимъ словамъ народа вашего, собравшагося въ Земскій Соборъ. Теперь прощайте, богъ съ вами!"

Простившись съ правительствомъ, въ его высшемъ воплощеніи, намъ остается опуститься въ низменные сферы народной жизни. Сходя лѣстницу за лѣстницей зимняго дворца, опускался отъ генераль-адъютантовъ до флигель-адъютантовъ, отъ флигель-адъютантовъ до свитскихъ офицеровъ, отъ свитскихъ офицеровъ до гофъ-фурьеровъ, этихъ литераторовъ зимняго дворца, издающихъ потаенный журналъ *Его Время* (въ родѣ *Нашего Времени* издаваемого Павловымъ), мы встречаемся наконецъ съ народомъ въ караульной.

— Ну народъ, чѣмъ у тебя бродить на душѣ, скребетъ на сердцѣ? съ чѣмъ ты переходишь въ 1863 годъ? что ты придумалъ и выдумалъ?

— Какой-же это народъ?—это солдаты.

— Да солдаты развѣ не народъ?

— Что вы! посмотрите во Франціи, въ Пруссіи.

— Мы говоримъ о Россіи, можетъ въ Россіи солдатъ и не такъ далеко отъ народа.

— Sehen Sie — какъ то замѣтилъ мнѣ одинъ нѣмецкій революціонеръ, вѣровавшій, что изъ русскаго безъ палки и нѣмца ничего не сдѣлаешь, was für unser einem zu ominös ist in disem Muschik Volke — man kann nicht klug aus ihm werden.

— Chaotische Verwirrung der Barbarey, отвѣчалъ я ему.

— Ja, ja, eine ganz fatale Verwirrung. So ein Volk von Troglodyten des Herodotes.

Въ самомъ дѣлѣ, что за хаосъ эта русская жизнь, все кверлъ ногами, все внизъ головой, всѣ играютъ роли, и всѣ не то что представляютъ; никого не узнаешь по платью, а всѣ одѣты въ форму, да въ мундиръ. Гдѣ тутъ нѣмцу провести свою статсъ-классификацію, когда табель о рангахъ, при помощи всевозможныхъ поощреній отъ звѣздъ, чиновъ и крестовъ до каторжной работы и шпицрутеновъ, осталась въ родѣ линейной системы растений, чѣмъ-то наружинымъ. Сумбуръ да и только. Вчера человекъ былъ рабомъ, а землю считалъ своей собственностью. Аристократъ, вельможа, сановникъ у насъ личность наиболѣе стертая, далеко неимѣющая самобытности земскаго исправника или степнаго помѣщика. Генералы завѣдуютъ штатскими дѣлами, генералы сидятъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ синодѣ, за то архіереи въ кавалеріяхъ черезъ плечо. Выслужившійся истопникъ царскій, сѣдой и бѣлой какъ лунъ, производится за отличие въ придворные арапы...

— Да это мы все знали до 1862.

Но вотъ что мы чуяли, подозрѣвали, но не знали и что началъ намъ раскрывать 1862 годъ—это, что наши солдаты—народъ, что наши офицеры—наши братья, что мундиръ какъ короста остался между пальцами, а въ глубь не пошелъ. Кутерма петровскаго разгрома сбита всѣхъ съ толку; при трескѣ барабановъ и свистѣ шпицрутеновъ, при "музыкѣ въ шпорахъ" и съ "зубами выбитыми начальствомъ", солдаты и офицеры потеряли голову, потеряли сердце, и сдѣлались колесомъ машины заготовленія канцелярскихъ бумагъ и военной выправки. Гнусень былъ тогда русскій офицеръ, въ каждомъ сидѣлъ свой Аракчеевъ; палачъ былъ тогда русскій солдатъ, и дивиться надобно ихъ храбрости.

Но времена измѣнились, по мѣрѣ того, какъ просыпается Россія и приходитъ въ себя, съ ней вмѣстѣ просыпается русскій солдатъ, и сверхъ собственной совѣсти, его будить русскій офицеръ—не палкой, а дружеской рукой, заповѣднымъ словомъ; онъ его будить на забвеніе былаго, и на общее спасеніе отъ жгучихъ пятенъ мученической крови поляка и крестьянина.

Разстрѣленная Хрулевымъ молитва въ Варшавѣ, разстрѣленное недоумѣніе крестьянъ въ Безднѣ—испугало войско, оно раскрыло ему глаза, куда эти господа его ведутъ. Казаку на Кавказѣ стало противно бить независимаго черкеса. Хмѣль крови, забіячества, военное опьянѣніе проходитъ, оставляя мѣсто неумолимому упреку за утраченную жизнь, горькому угрызенію совѣсти и сознанію своей вины передъ народомъ. Солдаты и офицеры, поняли теперь то, что мы имъ говорили въ 1854 году: "Не легко неволить десятки тысячъ людей, съ ногъ до головы вооруженныхъ, если между ними будетъ какое нибудь единодушіе..."*

И откуда вышли, гдѣ образовались эти благородные юноши, офицеры-граждане, офицеры-народъ, эти герои Севастополя, не имѣющіе хрулевской храбрости бить дѣтей и жепщицъ, эта передовая фаланга земскаго дѣла, на которую опирается наше право на надежду—откуда они?

Изъ николаевскихъ кадетскихъ корпусовъ,—въ которыхъ имъ преподавали, что главнѣйшая добродѣтель Иисуса Христа, состояла въ повиновеніи властямъ и гдѣ тапцовальному учителю было поручено внушать танцами духъ покорности.

(Ja, ja ganz barbarische Verwirrung!)

Это не мы вамъ говоримъ, и не польскіе пропагандисты, это вамъ говорятъ разстрѣленные мученики, это вамъ говорятъ—Обручевы, Григорьевы, Игнатьевы, Трувелеры, Красовскіе и десятки другихъ, это вамъ говорятъ секретные циркуляры† изъ мѣлютинскихъ прилавокъ, предупреждающіе пуще всего сближеніе офицеровъ съ солдатами.

Нѣтъ, не доживемъ мы до того срама, которымъ гордился высокомерный Римъ, и его дѣти прижитые съ всякими нѣмками, того срама, что цѣлая дружина побѣдоносныхъ легіонеровъ зарыдала, когда Юлій Цезарь не зная чѣмъ ихъ хуже обругать, называлъ ихъ *гражданами*. До этого нравственнаго паденія, до этого извращенія всего человѣческаго, мы не падемъ.

"Мы не солдаты, мы народъ," говорятъ русскіе офицеры. "Мы не дворяне, мы народъ," говоритъ Тверское дворянство. "Я не императоръ, я *московскій помѣщикъ*," говоритъ государь, и стоитъ ему купить себѣ имѣнье въ тверской губерніи, чтобы понять себя, не *первымъ дворяниномъ*, а первымъ изъ народа.

Не за упокой свели мы на этотъ разъ нашу рѣчь, о новомъ годѣ. Кончимъ-же ее заздравнымъ кубкомъ, въ хвалу и славу русскихъ воиновъ, офицеровъ и рядовыхъ, понявшихъ свое кровное родство съ народомъ. Мы съ этимъ тостомъ торжественно вступаемъ въ 1 Января и поздравляемъ васъ съ новымъ годомъ и съ новымъ счастьемъ!

И—ръ.

31 Декабря 1862 г.

* Къ русскому войску въ Польшѣ. Лондонъ, 1854 г.

† Колоколъ листъ 152.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КОНТРЪ-АДРЕССЪ.

Дюпонъ де Леръ.— Я напечатаю.

Людвигъ Филиппъ.— А я напечатаю, что это неправда.

Дюпонъ де Леръ.— Изъ насъ двоихъ врядъ вашему-ли величеству повѣрять.

Анекдотъ 1830 года.

Г. Директоръ,

Вы помѣстили въ газетѣ "The Times", письмо заимствованное изъ журнала "Колокола", издаваемого г. Герценомъ; письмо это безъ подписи и адресовано отъ имени офицеровъ войскъ расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ къ его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. Печатавъ документъ, содержаніе котораго для насъ столь-же непріятно какъ и *безчестно*, г. Герценъ находитъ достаточнымъ засвидѣтельствовать однимъ своимъ личнымъ ручательствомъ дѣйствительное существованіе статьи, которой цѣль выставить насъ на пути измѣны монарху, отечеству и долгу.

Не сомнѣваясь, что посланіе это служить выраженіемъ только личныхъ воззрѣній г. Герцена, мы начинаемъ съ того, что отвергаемъ отъ глубины нашихъ убѣжденій, всякое соучастіе въ идеяхъ, не только намъ чуждыхъ, но и возмущающихъ чувства наши, какъ гражданъ и солдатъ.

Г. Герценъ счелъ нужнымъ давать намъ совѣты, относительно обязанности нашего званія; мы не просили его объ этомъ и желали-бы избавиться отъ такихъ попеченій. По его мнѣнію долгъ нашъ состоитъ въ поддержаніи оружіемъ всякаго безпорядка, всякаго стремленія враждебнаго правительству и общественному устройству; и все это будто-бы для славы Россіи и для нашей собственной чести.

Честь не допускаетъ измѣны священнымъ обязанностямъ, принятымъ добровольно, а г. Герцену не безызвѣстно, что всѣ мы по собственной волѣ обязались служить правительству. Долгъ-же нашъ въ Варшавѣ, какъ вездѣ, одинъ и тотъ-же, вѣрность государю и закону.

Войско существуетъ для защиты отечества; во время-же внутреннихъ смутеній, ему достается въ удѣлъ другая обязанность, не менѣе доблестная: защита общества и государственнаго порядка. Армія, подчиняющаяся вліянію личныхъ политическихъ видовъ и стремленію партій, представила-бы жалкое зрѣлище недисциплинированной и анархической толпы, опасной для всякаго просвѣщеннаго общества.

Напротивъ того, охраненіемъ мирныхъ гражданъ, ихъ спокойствія и общественной безопасности, мы надѣемся—содѣйствовать развитію и величію нашего отечества.

Строки эти не имѣютъ цѣлью просвѣтить г. Герцена, а служатъ единственно опроверженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя ему угодно было приписать намъ.

Такъ, какъ въ журналѣ вашемъ помѣщено письмо напечатанное г. Герценомъ, въ которомъ честь офицеровъ русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ, столь сильно затронута, то мы, зная безпристрастіе редакціи "Times", надѣемся, что она не откажетъ помѣстить въ своихъ столбцахъ и этотъ отвѣтъ, въ которомъ остальные товарищи наши не могли принять участія единственно по недостатку времени и по разбросанности расположенія войскъ въ краѣ.

— Отъ издателей Колокола.—Любопытный документъ этотъ присланъ намъ изъ Варшавы однимъ русскимъ офице-

ромъ, изъ числа *тѣхъ*, которые подписали адрессъ Константину Николаевичу. Документъ этотъ, говорятъ, сочинилъ начальникъ штаба *Минквицъ*. Для полученія подписей было употреблено не замысловатое, но удачное средство: разославши по гвардейскимъ полкамъ, въ Варшавѣ, литографированную копію "Минквицовой ядильи военнаго рабства", пригласили офицеровъ подписаться—*либерально* предоставивъ право, если кто изъ нихъ не хочетъ — *изложить письменно по какой причинѣ онъ не подписывается*. Со всѣми этими *французскими* гарантіями свободной подачи голосовъ, кой-куда по арміи циркуляръ не посылали, что и выражено въ ядильи Минквица слѣдующими словами: "Остальные товарищи наши не могли принять участія единственно по недостатку времени и по *разбросанности* *расположенія* войскъ въ краѣ."

Куда же было торопиться? Къ тому-же, если дѣйствительно по милости петербургскаго правительства, Сибирь стала похожа на Польшу, то Польша отъ этого не имѣетъ еще размѣровъ Сибири—чтобъ *разбросанность* *расположенія*, представляла *непреодолимость* *подписанія*. Къ тому же *торопились медленно*, адрессъ доставленный намъ въ половинѣ Октября, былъ напечатанъ 22 Октября, а до сихъ поръ "Теймсъ" не получилъ *сосредоточенность* *расположенія* вѣрноподданническихъ чувствованій Минквица съ *будущими*!... Всѣ это ясно само по себѣ, и намъ начинаетъ сдаваться, что документъ этотъ, и не переѣзжалъ вовсе границы всѣхъ Россіи и Эіо было *pro domo suo*.

Въ заключеніе одному изъ насъ—именно мнѣ остается лично благодарить за несокрушимую вѣру, что адрессъ писанъ мною. Онъ написанъ очень хорошо, и потому увѣренность Минквица мнѣ польстила. Я въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ былъ Хлестаковъ; тотъ приписывалъ самъ себѣ все, что считалъ хорошимъ, Юрія Милославскаго, Фенеллу и Сумбеку. А мнѣ *другіе* приписываютъ все красное и яковинское.

C'est la faute de Voltaire, c'est la faute de Rousseau...

Si Dieu a noyé la terre,

C'est la faute de Voltaire ;

S'il a lâché beaucoup d'eau,

C'est la faute de Rousseau !

Но такъ какъ ни скромность, ни самолюбіе мнѣ не дозволяютъ украшать себя чужими зубами, имѣя свои собственные, то я съ полной благодарностью за довѣріе начальника штаба, даю мое честное слово, что я не писалъ адреса,—а писалъ "письмо къ офицерамъ" (15 Окт. 1862, Кол. №. 148), въ отвѣтъ на три письма полученные мною. Придетъ время, мы представимъ доказательства; но теперь, разумѣется, скорѣе подвергнемся всякому нареканію, чѣмъ станемъ помогать главному штабу отыскивать въ *разбросанности* *расположенія* — благородныхъ воиновъ, которые, какъ Красовскій, не хотятъ быть палачами. Они нужны для Россіи на лучшее чѣмъ на гибель за адрессъ.

Адрессъ возбуждавшій *сосредоточенность* вѣрноподданнической ревности, еще показываетъ довѣріе къ уму, къ справедливости, къ сердцу Константина Николаевича... офицеры просятъ его взойти въ ихъ положеніе, спасти ихъ честь... Послѣ эпистолы Минквица, офицеры пидулокъ къ великимъ князьямъ писать не будутъ...

И—РЬ (А. Герценъ).

30 Декабря 1862 г.

РАЗБОРЪ ОСНОВНЫХЪ ПОЛОЖЕНІЙ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ РОССІИ.

(Продолженіе).

IV.

Первая статья, краеугольное начало "основныхъ положеній" — *независимость* суда (бережно скрытая подъ названіемъ "отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной") въ конецъ разрушена тѣмъ, что судьи (предсѣдатели и члены суда) назначаются высочайшей властью, по представленію министра юстиціи.* Зависимость судей отъ министра и цѣлой системы прокурорства слишкомъ очевидна, чтобъ можно было рассчитывать на судъ независимый. Даже самая доктрина невыборности судей, которой непреложность сильно сомнительна, даже самая эта доктрина съ отвращеніемъ отшарахнется отъ такого примѣненія ея мнѣній. Доктрина невыборности и безсмѣнности судей беретъ въ основаніе независимость судьи отъ избирателей; это еще далеко отъ подчиненія судьи особой судебно-фискальной администраціи, руководимой произволомъ центральной власти. И гдѣ-же?... въ Россіи!

Начиная сверху—по ст. 46—сенаторы и ихъ первоприсутствующіе назначаются государемъ. Вѣковой опытъ ясно показываетъ до какихъ нелѣпыхъ раздѣлъ сенаторскихъ мѣстъ доходила верховная власть въ Россіи; кто-же ручается, что впредь будетъ лучше? Развѣ верховная власть измѣнилась? Развѣ она стала умнѣе и добросовѣстнѣе? Она стала труслива—по страху дурной совѣтницѣ. Страхъ ведетъ къ лжи и тиранизму. Стало, на добросовѣстное назначеніе судей кассационнаго суда—плоха надежда.

Далѣе, предсѣдатели и члены палатъ и окружныхъ судовъ назначаются государемъ, по представленію министра юстиціи. Кого-же въ состояніи представить Панины, Замятнины, Оболенскіе и тому подобные? Дѣйствуя изъ династическихъ интересовъ центральной власти, они долею назначать людей, продающихся за почести, долею назначать людей, рекомендованныхъ имъ ихъ приближенными, ихъ начальниками департаментовъ, ихъ оберъ-прокурорами, т. е. назначать людей за взятки. Судейскія мѣста будутъ продажныя и независимость суда становится невозможностью. Одинъ случай и могъ-бы отчасти поправить дѣло, это невзначайное назначеніе министра съ гениальнымъ умомъ и героической добросовѣстностью и любовью къ благу общему; но этотъ случай непредвидимъ, а учрежденія пишутся не для исключительныхъ людей, а для того, чтобъ и самый обыкновенный человѣкъ былъ поставленъ въ невозможность дѣлать вредъ.

Коммиссія, составлявшая "основныя положенія", вѣроятно руководствовалась слѣдующими соображеніями: 1) во Франціи судьи назначались королевской властью даже и въ конституціонныя времена; 2) въ Англіи судьи назначаются королевской властью; 3) говорятъ, что въ Америкѣ суды хуже, а судьи выборные; 4) въ Россіи предсѣдатели палатъ и уѣздные судьи выборные, а между тѣмъ ни чуть не лучше коронныхъ. Слѣдственно, надо чтобъ судьи назначались правительствомъ, на французскій манеръ.

Умолчимъ о Франціи, изъ уваженія къ ея прошлымъ всемірно-историческимъ заслугамъ,—тѣмъ больше, что достаточно и одного примѣра Англіи. Не говоря уже о томъ, что королевская власть въ Англіи вовсе не состоитъ изъ произвола

династическихъ интересовъ, ея выборъ людей въ судьи чрезвычайно ограниченъ. Онъ собственно сводится на утвержденіе въ судейскія должности людей, указанныхъ мнѣніемъ судебного цѣха, цѣха законниковъ; это мнѣніе очень ясно обозначается степенью, которую кандидаты въ судьи занимаютъ въ своемъ цѣхѣ. Цѣхъ такъ сильно сложился и такъ хорошо понимаетъ опасность малѣйшаго короннаго вмѣшательства въ его существованіе, что, какое-бы ни было королевское назначеніе, навѣрно судья не станетъ защищать узко-правительственный интересъ въ ущербъ частному праву. Отсюда самые блестящіе процессы въ Англіи—это оправданіе людей противъ правительственныхъ исковъ, это процессы политическіе. Тутъ ярко выступаетъ независимость суда отъ правительства; но это нисколько не устраняетъ и темныхъ сторонъ англійскаго судоустройства—бесконечности тяжбныхъ дѣлъ, ихъ страшной дороговизны, недоступной для апелляціи бѣднымъ людямъ, процессовъ въ родѣ недавняго процесса Виндама, гдѣ цѣлый цѣхъ нагло, гласно соединяется, чтобъ разорять тяжущихся,—все это еще далеко отъ какого-нибудь идеала судоустройства; но выборность судей въ Англіи привела-бы къ большому злу. Избраніе безъ ценса избирателей—въ Англіи не мыслимо. Слѣдственно, оставляя судебный цѣхъ въ его государственной силѣ и предоставляя назначеніе судей избранію,—Англія поставила-бы судей въ зависимость отъ богатаго меньшинства, отъ извѣстнаго сословія. Если судьи высшихъ инстанцій, назначаемые королевской властью, теперь имѣютъ сочувствіе къ богатому сословію—только инстинктивно, по своему общественному положенію, то все-же они не находятся въ матеріальной зависимости отъ богатаго сословія, что непременно случилось-бы при выборности судей—въ Англіи. Въ Россіи вопросъ поставленъ иначе. Сословность избирательства еще ничѣмъ не обусловлена, а между тѣмъ одно очевидно: правительственный выборъ людей не можетъ быть удаченъ, даже еслибъ верховная власть хотѣла выбирать добросовѣстно (что также не имѣетъ никакой достаточной причины). Правительство, при назначеніи судей, не выйдетъ, не можетъ выйти изъ достиженія тройкой цѣли—интереса царской фамилии, которая будетъ искать не независимыхъ судей, а своихъ приверженцевъ,—изъ интереса министра, который будетъ раздавать мѣста по протекціи, и изъ интереса прокуроровъ, которые будутъ продавать судейскія мѣста. Именитыхъ людей по цѣху законниковъ въ Россіи нѣтъ, потому что къ частию цѣха законниковъ нѣтъ; есть только цѣлое сословіе чиновничества и правительственный выборъ будетъ обусловленъ чиномъ, полученнымъ по экзамену или по службѣ, но въ обоихъ случаяхъ не исключаящимъ назначеніе по протекціи и за взятку. Правительственная сторопа безконтрольнаго, министерскаго, правительственнаго выбора, при чиновничьемъ сословіи съ табелью о рангахъ, не выдержитъ ни малѣйшей критики. Стало, надежда оставалась-бы только на способность правительства выбирать людей? Гдѣ-же оно доказало эту способность? Не говоря о губернаторахъ, возьмемъ хотя-бы любимое занятіе верховной власти—военное дѣло: кто назначалъ бездарныхъ генераловъ въ крымскую кампанію, такъ что даже явленіе Тотлебена было невзначай и скорѣй въ противность чѣмъ въ угоду правительству? Съ чего же правительство вдругъ будетъ способно назначать людей въ мало любимыя имъ судейскія должности, когда оно въ своей военной спеціальности оказалось совершенно неспособнымъ?

* Основн. пол. Часть I, ст. 23, 39 и 46.

Результатъ очень простъ : какой-бы способъ назначенія судей въ Россіи ни выдумали,—*хуже* ихъ назначенія верховной властью, по представленію министра юстиціи, ничего нельзя избобрѣсти. Гласность и право обсужденія въ *юридическихъ журналахъ*, такъ скупо допускаемыя правительствомъ (Часть I, ст. 62) мало помогутъ. Чиновничество легко уживется съ гласностью, долею привыкнетъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ, долею происками помѣшаетъ печатать о своихъ дѣйствіяхъ—то на основаніи ст. 62-й, то просто по приказу сверху ; а особая судебно-фискальная администрація, отъ которой все зависитъ, безконтрольна и безотвѣтственна !

Почему-же “основныя положенія” такъ бодро отвергнули выборность судей? Предположимте, что выборность судей принципъ, котораго достоинство не достаточно доказано, но какъ-бы онъ ни былъ негоденъ, все-же онъ въ Россіи меньше вреденъ, чѣмъ назначеніе судей сверху. Да потомъ, не худо и остановиться съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ передъ европейской традиціей о превосходствѣ назначенія судей сверху. Мы слышимъ жалобы на американскіе суды, гдѣ судьи выборные, но мы слышимъ не меньше жалобъ и на европейскіе суды, гдѣ судьи коронныя. Мы не видали никакого изданія, гдѣ были-бы сличены судебныя рѣшенія по сходнымъ дѣламъ въ разныхъ странахъ, и потому жалобы не могутъ еще служить доказательствомъ за или противъ котораго либо изъ принциповъ, тѣмъ больше, что даже и сравнительное число жалующихся неизвѣстно. При отсутствіи числовыхъ данныхъ и при ощутительныхъ погрѣшностяхъ въ судоустройствѣ всѣхъ образованныхъ странъ, намъ остается только критика самихъ принциповъ, чтобъ придти къ приблизительно ясному заключенію.

Правительственное назначеніе судей вовсе не произошло отъ научныхъ соображеній—ни во Франціи, ни въ Англіи. Оно произошло изъ историческаго развитія отношеній народовъ къ королевской власти. Это принципъ исторической привычки, для рациональнаго оправданія которой потрудились ученые, какъ имъ не разъ случалось и въ другихъ вопросахъ возводить событіе въ теорію. Изъ этого составлялись доктрины, но ихъ непреложность еще далеко не доказана. Въ данномъ вопросѣ мы видимъ только, что Соединенные Штаты, оторвавшись отъ Англіи, почувствовали необходимость оторваться отъ преданія, и рѣшить, по здравому смыслу, что лучше, чтобъ судьи были выбраны всѣмъ обществомъ и были бы передъ нимъ отвѣтственны, чѣмъ чтобъ они были назначены правительствомъ пожизненно, безсрочно: лучше—уже и потому что всякое правительственное вмѣшательство въ судебную власть искажаетъ независимость суда и ведетъ къ превращенію правительственной власти, что противудѣйствовать этому могъ бы только сильный цѣхъ законопиковъ, но его Америка спервоначала признала за зло и отвергла. Что-же касается до искаженія независимости суда вліяніемъ избирателей, то оно возможно только при избраніи судей какимъ нибудь отдѣльнымъ сословіемъ, гдѣ выборъ не можетъ быть иначе, какъ въ ущербъ другому сословію; но при общемъ безсословномъ выборѣ, судѣ приходилось-бы мирволить всѣмъ, то есть никому. Защитники выборности судей въ американскихъ штатахъ приписываютъ недостатки ихъ судоустройства малочисленію судовъ, такъ что судьи завалены работой, сверхъ того недовольно вознаграждены за трудъ, такъ что мировые

судьи получаютъ плату съ просителей или тяжущихся. Но намъ кажется, что кромѣ этихъ недостатковъ выборность судей въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ гораздо большую погрѣшность. Она зависитъ не отъ чисто общественнаго выбора, а отъ выбора законодательныхъ собраній. Кромѣ мировыхъ судей, избираемыхъ прямо обществомъ, судьи высшихъ инстанцій (courts of common pleas) отдѣльныхъ штатовъ избираются сенатомъ штата, а судьи верховнаго федеральнаго и другихъ федеральныхъ судовъ (federal courts по смѣстнымъ дѣламъ) избираются сенатомъ и президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.* Тутъ уже чувствуется возможность зависимости судей не только отъ законодательной власти, но даже отъ личностей составляющихъ большинство въ законодательныхъ собраніяхъ, какъ въ федеральномъ такъ и въ въ отдѣльныхъ штатахъ. Не смотря на огромную поправку—выборъ, прямо народомъ, прокурора, дѣйствующаго отъ имени всѣхъ—это уже не чисто общественный выборъ судей; колонія оторвалась отъ традиціи метрополіи, но не совсѣмъ. Чисто общественнымъ выборомъ остается, какъ и въ Англіи, только выборъ мировыхъ судей,—въ Англіи сословный, въ штатахъ безсословный. Безсословность такъ важна въ этомъ случаѣ, что не смотря на уродливостъ вознагражденія мировыхъ судей платою съ тяжущихся, все же мировые судьи въ штатахъ меньше мирволятъ богатой собственности, чѣмъ въ Англіи.

Избраніе мировыхъ судей обществомъ, принятое за правило и въ Европѣ и въ Америкѣ, а также и “основными положеніями”,—невольно приводитъ къ вопросу : да почему - же выборность мировыхъ судей хороша, не ставить ихъ въ зависимость отъ избирателей и не ведетъ къ лицепріятію, а выборность судей высшихъ инстанцій будто-бы не годится и ведетъ къ зависимости судей отъ избирателей? Цѣпность гражданскаго иска и важность или маловажность преступленія—не могутъ однако служить причиной зависимости или независимости суда отъ избирателей. Цѣпность исковъ въ 20 рублей для бѣднаго челоука по крайней мѣрѣ столько-же важна, какъ цѣпность иска въ двѣсти тысячъ для богатаго, если не важнѣе. Неправое осужденіе за мнимую покражу, наказывающее трехмѣсячнымъ арестомъ, для наказаннаго не меньше оскорбительно чѣмъ ссылка на каторгу; кромѣ ареста, дѣло идетъ о честномъ имени. Нельзя-же предположить, чтобъ какой нибудь народъ учредилъ выборныхъ судей для дѣлъ *маловажныхъ*, потому только, что эти судьи могутъ быть и по хуже,—ошибутся—бѣда не велика; а для важныхъ дѣлъ надо судей коронныхъ или назначенныхъ законодательной властью, потому что судьи должны быть по лучше. Если-бы это было такъ, то судоустройство основывалось-бы на самомъ безнравственномъ принципѣ. Подобное основаніе различія высшихъ и низшихъ судовъ до такой степени уродливо, что оно не складывается въ умѣ, и невольно приходишь къ заключенію, что—выше мировыхъ инстанцій—народы наткнулись на затрудненія учредить систему выборовъ для значительнаго населенія, между тѣмъ какъ для маленькаго округа выборъ легокъ.

Мы не станемъ повторять сказанное о вредѣ сословнаго выбора мировыхъ судей; сословный выборъ судей высшихъ инстанцій столько-же былъ-бы вреденъ и вовлекалъ бы судъ въ мирволеніе привилегированному сословію. Ничтожность и недобросовѣстность большинства избираемыхъ въ Россіи

* Russel. America compared with England.

уѣздныхъ судей и предсѣдателей палатъ ничего не доказываютъ противъ выборности судей вообще. Они доказываютъ только, что дворяно-чиновничій выборъ судей не могъ быть хорошъ уже потому, что онъ былъ сословный и избиратели на столько были увѣрены, что кого ни выберутъ, сословный интересъ не пострадаетъ, что они избирали или совершенно *равнодушно*—перваго охотника занять мѣсто; или равнодушно къ уму и добросовѣстности избираемаго, но неравнодушно къ его сословному положенію, т. е. къ значительности (относительно предсѣдателей палаты) и къ незначительности (относительно уѣздныхъ судей) недвижимаго имущества и къ его чину, ничуть не беспокоясь о томъ будетъ-ли судья взяточникъ или нѣтъ, даже желая выбрать взяточника, чтобъ легче обдѣлывать свои дѣла. Вдобавокъ суды были лишены даже и той гласности, какую дозволяютъ “основныя положенія”.

При гласномъ судѣ и безсословной выборности судей, это явленіе повториться не можетъ. Мы бы предложили тотъ-же способъ для выбора судей всѣхъ инстанцій, какой предлагали для выбора посланцевъ на земскій соборъ*, т. е. округъ (всѣ безсословно) выбирать избирателей, которые выберутъ трехъ кандидатовъ для занятія судейской должности и разошлютъ ихъ имена по округу, гдѣ всѣ безсословно утвердятъ одного изъ тронхъ кандидатовъ. При этомъ способѣ выборъ дѣлается и лучшими людьми (избранными въ избиратели) и провѣряется, утверждается цѣлымъ народомъ. Трудно предположить, чтобы, при этомъ способѣ выбора, судъ былъ зависимъ отъ избирателей; повторяемъ: зависимость отъ всѣхъ, есть зависимость ни отъ кого, т. е. независимость. Безсмѣнность судьи естественно сводится на очень рациональную возможность многократнаго выбора по продолжительному довѣрію общественнаго мнѣнія. Суды высшихъ инстанцій, т. е. суды смѣстные† для нѣсколькихъ округовъ, потребовали бы участія всѣхъ этихъ округовъ въ избраніи судей по тому-же способу. Выборъ судей для кассационнаго суда, былъ-бы произведенъ, по тому-же способу, нѣсколькими или всѣми областями, смотря потому—географически одинъ или нѣсколько кассационныхъ судовъ потребуется въ Россіи.

Можетъ наше предложеніе и представлять много спорныхъ и слабыхъ сторонъ, но во всякомъ случаѣ оно не принесетъ столько зла, сколько принесетъ назначеніе судей верховной властью, по представленію министра, начальника судебна-фискальной администраціи.

(окончаніе въпредѣ).

Н. ОГАРЕВЪ.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

... Арестація продолжаются и вмѣстѣ съ ними какой-то ненужный, вялый и тупой терроръ. Вѣроятно вы знаете большую часть жертвъ. Гжа *Павлова* сослана въ Холмогоры, профессоръ *Калиновскій* (за то, что у него нашли письмо отъ знакомаго вамъ лондонскаго книгопродавца, въ которомъ не было ни одного политическаго слова) и тверской помѣщикъ *Берви* сосланы въ астраханскую губернію. Сынъ полтавскаго губернатора *Устимовича*, и еще четыре молодыхъ человека полтавской губерніи, сидятъ подъ арестомъ. Гжѣ *Милорадовичъ* не велѣно выѣзжать изъ деревни. *Писаревъ* и *Михаилъ Вороновъ* сидятъ съ начала Ноября.

* Что надо дѣлать народу, Общее вѣче, No. 2; Письмо крестьянина Мартынова Александру II, “Колоколъ” листъ 192, стр. 1094.

† Смѣстный судъ—судъ по дѣламъ, которыя касаются разныхъ округовъ.

‡ Ни о Гжѣ. Павловой, ни о Гжѣ. Милорадовичъ мы ничего не знаемъ.

Чернышевскаго не допрашивали еще, (это уже не 24 часа, а больше 2,400 часовъ!).— Памѣтеніе Валуева составить обвинительный актъ изъ печатныхъ статей этого замѣчательнаго публициста, оставлено. Говорятъ, что *одно лицо*, нѣкогда пользовавшееся честнымъ именемъ, а теперь довѣріемъ государя (мы погодимъ печатать фамилью), представило въ III Отдѣленіе письма писанныя къ нему Чернышевскимъ—задолго до ареста.

Красовскій взятъ былъ въ Кіевѣ по обвиненію въ распространеніи возмутительныхъ воззваній между солдатами. На первомъ-же допросѣ онъ прямо сознался въ этомъ, говоря, что онъ считалъ за честь служить въ рядахъ русской арміи до тѣхъ поръ, пока она была не опозорена невинно пролитой кровью крестьянъ. Въ своихъ воззваніяхъ къ солдатамъ онъ старался объяснять имъ, что честному человѣку нельзя служить болѣе въ войскахъ, которыхъ посылаютъ не противъ внѣшняго врага, а на убійства своихъ соотечественниковъ. Военносудная коммиссія приговорила Красовскаго къ смерти. Когда ему объявили приговоръ, онъ сказалъ: “Отъ души благодарю; для меня смерть теперь лучшее благо.” Что эта фраза совершенно искренна, доказываютъ многія раны Красовскаго, полученныя имъ на Дунаѣ. Въ долгомъ и тяжеломъ заключеніи Красовскому служили единственнымъ утѣшеніемъ письма солдатъ, брошенные съ камнемъ въ окно, въ которыхъ они извѣщали его, что не забудутъ его завѣгъ. Высочайшая конфирмація о Красовскомъ извѣстна изъ газетъ.

Морскіе министры оказываются на сушѣ чрезвычайно посредственными и пустыми людьми. Головинъ говоритъ во всеуслышаніе, что единый путь спасти Россійскую имперію состоитъ въ подкупѣ литераторовъ и журналистовъ. Онъ пробовалъ заинтересовать въ свою пользу Леонтьева, но говорить безуспѣшно. И что всего удивительнѣе, что въ тоже время само III отдѣленіе ищетъ сотрудниковъ для *Русскаго Вѣстника*.*

Князь Оболенскій представилъ свой ценсурный уставъ. Это величайшая нелѣпость. Вотъ вамъ паскоро нѣсколько образцовъ:

No. 1. Всѣ изданія относящіяся къ области наукъ, словесности и искусствъ и объемомъ въ двадцать и болѣе печатныхъ листовъ, могутъ печататься и выходить въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ предварительной цензуры.

Объясненіе.—По самому существу своему, законы о печати должны быть соображены съ особенностями того времени, въ которое имъ назначено дѣйствовать. Правительство наше стоитъ во главѣ всѣхъ реформъ и, дѣятельно занимаясь разработкой существенныхъ государственныхъ вопросовъ, само сознаетъ потребность гласнаго обсужденія ихъ. Въ рукахъ такого правительства цензура не должна быть слѣпымъ орудіемъ притѣсненія живой и полезной мысли. Не отрицая справедливости и основательности жалобъ на докучливость цензурныхъ формъ и обрядностей для срочныхъ изданій, на придиричивыя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требованія неблагоуразумныхъ цензоровъ, нельзя не признать, что въ настоящее время общій характеръ цензуры не чрезмерно стѣснителенъ для литературы.

* Мы не отвѣчаемъ за вѣрность этихъ новостей и удостоверяемъ только въ томъ, что мы ихъ печатаемъ слово въ слово изъ письма полученнаго нами. Мы даже сильно сомнѣваемся въ послѣдней новости объ жандармскомъ наборѣ корпуса сотрудниковъ “Русскаго Вѣстника”. Въ числѣ сотрудниковъ московскаго журнала есть имена, которыя привыкла уважать вся Россія, стоитъ назвать И. С. Тургенева и П. В. Анненкова. (Le Nord обѣщалъ новую повѣсть И. С. Тургенева въ “Р. В.”)—Ред.

№ 9. Сочинители, издатели и редакторы не могут быть преслѣдуемы за содержаніе произведеній, обнародованныхъ съ разрѣшенія цензуры; но они ни въ какомъ случаѣ не освобождаются отъ отвѣтственности предъ судомъ по искамъ за опозореніе и поруганіе.

№ 11. Высшій надзоръ и общее завѣдываніе дѣлами книгопечатанія и цензуры сосредоточивается при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ главномъ управленіи по дѣламъ книгопечатанія.

№ 31. Слѣдя вообще за направленіемъ литературы, совѣтъ (при главномъ управленіи) имѣетъ право входить прямо отъ себя къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіями о принятіи какихъ-либо, по мнѣнію совѣта, полезныхъ законодательныхъ мѣръ.

№ 103. Учинившій посредствомъ способовъ въ № 1 означенныхъ, воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка, къ низложенію верховной государственной власти, или къ посягательству на священную особу государя императора или государя наследника, или къ измѣненію установленнаго законами престолонаслѣдія, подвергается тюремному заключенію отъ двухъ до десяти лѣтъ и денежной пенѣ отъ тысячи до пяти тысячъ рублей, сверхъ того, суду предоставляется лишить виновнаго, на основаніи № 54 Улож. о Наказ. Угол. и Испр., нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Злонамѣренные распространители воззванія подвергаются тѣмъ-же наказаніямъ.

Тѣмъ-же наказаніямъ подвергаются за составленіе или подписаніе адрессовъ, или прошеній о переизмѣненіи формы правленія, или основныхъ законовъ Россійской имперіи.

§ 105. Учинившій посредствомъ способовъ въ § 1 означенныхъ, воззваніе къ отторженію отъ имперіи какой-либо ея части, или къ возбужденію вражды въ одной части населенія государства противъ другой, или въ одномъ сословіи противъ другаго, или одной части войскъ противъ другой, подвергаются тому-же наказанію, т. е. тюремному заключенію отъ одного мѣсяца до четырехъ лѣтъ и денежной пенѣ отъ сорока руб. до двухъ тысячъ руб.

§ 111. Нанесшій способами, въ § 1 означенными, оскорбленіе добрымъ правамъ, подвергается тюремному заключенію отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ и денежной пенѣ отъ одного руб. до ста руб., или одному изъ сихъ наказаній.

§ 112. Сдѣлавшій способами, въ § 1 означенными, нападеніе на начала собственности и семейнаго союза, съ желаніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, подвергается тюремному заключенію отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ и денежной пенѣ отъ одного руб. до ста руб., или одному изъ этихъ наказаній.

§ 113. Тому-же наказанію подвергаются сдѣлавшіе, способами въ § 1 означенными, нападенія на начала военной дисциплины.

§ 114. Сдѣлавшій посредствомъ способовъ, въ § 1 означенныхъ, оскорбительные отзывы о высочайше утвержденныхъ мнѣніяхъ, опредѣленіяхъ и расположеніяхъ высшихъ ихъ установленій, подвергается тюремному заключенію отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года и денежной пенѣ.

§ 121. Виновный въ умысленномъ распространеніи ложныхъ извѣстій о политическихъ и военныхъ событіяхъ и вообще слуховъ, могущихъ нарушить общественное спокойствіе и порядокъ, подвергается тюремному заключенію отъ одного дня до шести мѣсяцевъ и денежной пенѣ отъ одного руб. до двухъ сотъ пятидесяти руб.

§ 131. Редакторъ повременнаго изданія, не объявившій, по первому требованію правительства, имени автора, помѣстившаго въ его изданіи статью, подвергается денежной пенѣ до пятидесяти руб., а въ случаѣ упорства и аресту отъ трехъ до семи дней, сверхъ денежнаго взысканія.

§ 5. Газеты, журналы, сборники и другія повременныя изданія могутъ быть освобождаемы отъ предварительной цензуры по просьбѣ самихъ издателей, не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и съ тѣмъ, чтобы, кромѣ отвѣтственности по суду за всѣ нарушенія законовъ и постановленій о книгопечатаніи, изданія сіи подчинены были дѣйствию административныхъ правилъ, изложенныхъ въ IV раздѣлѣ настоящаго устава.

[Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, какому суду будетъ предоставлено вѣденіе дѣлъ по преступленіямъ слова, письма и печати при общемъ судебномъ преобразованіи, на высочайше утвержденныхъ началахъ, комиссія убѣждена, что до введенія въ дѣйствіе сего преобразованія полезно, не учреждая никакого новаго судебного мѣста, передать вѣденіе дѣлъ печати 2ой и 3ой инстанціямъ нынѣ существующаго уголовного суда, т. е. уголовной палатѣ и правительствующему сенату. съ тѣмъ, чтобы дѣла сіи производились въ сихъ судахъ по порядку и по правиламъ, ниже сего изложеннымъ.]

— Здѣсь много было толку объ одной частной исторіи. Баронъ Раденъ, командиръ гусарскаго полка въ окрестностяхъ Москвы, поссорился съ своимъ адъютантомъ Львовымъ, изъ за семейныхъ дѣлъ. Львовъ вызвалъ его на дуэль; Раденъ принялъ вызовъ съ тѣмъ, что дуэль будетъ американская, т. е. по жребію смерть; жребій выпалъ Радену, который все дѣло обратилъ въ шутку и объявилъ Львову, что онъ долженъ оставить полкъ, а иначе онъ его убьетъ. Будучи у своего брата въ Твери, Львовъ рассказывалъ, что онъ получилъ отъ Радена два письма, въ которыхъ тотъ грозилъ ему смертью, и что оба эти письма онъ хранитъ на своей груди вмѣстѣ съ портретомъ матери. Вскорѣ по возвращеніи Львова въ полкъ, братъ его получилъ анонимное письмо, извѣщавшее его о близкой смерти Львова. Братъ поскакалъ къ нему и нашелъ только одинъ трупъ, надъ которымъ земская полиція вмѣстѣ съ барономъ Раденомъ производила слѣдствіе. Въ желудкѣ у несчастнаго юноши былъ найденъ песокъ, которымъ убійцы задушили его; страшные синяки на рукахъ, послѣдствія отчаянной борьбы, и двѣ офицерскія пуговицы, которыми Раденъ призналъ своими, какъ-бы случайно отпавшими, были скрыты при слѣдствіи, и обѣ офицерскія пуговицы подмѣнены двумя солдатскими. Убійцей поставленъ какой-то пьяный солдатъ, который и принялъ на себя это преступленіе: Какъ будто одинъ человекъ можетъ такъ легко справиться? Писемъ никакихъ не оказалось.

Во время пребыванія государя въ Москвѣ, братъ Львова подалъ просьбу о назначеніи новаго слѣдствія по убійству брата. Государь поручилъ это дѣло племяннику Долгорукова, флигель-адъютанту Янковскому, который объявилъ, что раньше 8ми недѣль къ слѣдствію приступить не можетъ. Братъ Львова обратился къ одному изъ московскихъ сыщиковъ, который досталъ ему еще слѣдующее свѣденіе: Въ ночь убійства мужики проѣзжали мимо и слышали въ домѣ Львова голосъ нѣсколькихъ людей и какую-то борьбу. Янковскій объявилъ Радена невиннымъ, а отъ Львова потребовалъ отъ имени государя извинительное письмо къ Радену, которое онъ послѣ долгаго сопротивленія и написалъ....

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗЪ.

Будбергъ началъ хорошо и успѣшно союзъ двухъ полицій. Четверо поляковъ задержаны въ *Парижѣ*, одинъ вынужденъ, трое остались въ тюрьмѣ. Какой урокъ полякамъ большимъ *хронической* надеждой на Францію и какой трогательный примѣръ солидарности полицій даютъ Будбергъ и Персиньи. Она гораздо многостороннѣе чѣмъ думаютъ. Государь разрѣшилъ Валуеву принять австрійскій орденъ Леопольда... А мы и не знали, что и *нашъ* министръ внутреннихъ дѣлъ, служить еще какому то императору!

Каковы русскіе-нѣмцы, да и каковы нѣмецкіе-русскіе!*

ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ СЪЧЕТЪ.

Мы получили письмо, которое печатаемъ съ небольшими сокращеніями.

“Извѣстно какъ правительство начало преслѣдовать патриотическій гимнъ “*Boże coś Polskę*”, какъ оно стало распространять между крестьянами фальшивыя объ этомъ гимнѣ понятія, (толкую вмѣсто *ojczyzna* — *pańszczyzna*), какъ Симашко архіепископъ Виленскій, помогая правительству, распустилъ изъ своего святаго разсадника нѣсколько пилигримовъ съ тою-же цѣлюю† и пр. — расскажу маленькое происшествіе случившееся со мною.

“Взявши отпускъ пзъ петербургскаго университета, въ которомъ я тогда находился, пріѣхалъ я въ свою сторону Самогитію, въ Мартѣ 1861 г. Въ то время только что стали тамъ пѣть гимнъ. Хотя Самогитія хорошо понимаетъ по польски, однако подбитая разными сплетнями агентовъ правительства и Симашки, толковала себѣ гимнъ этотъ совершенно иначе.

— Что ты думаешь объ этой пѣснѣ?—спросилъ я одного жмудина.

— Извѣстное дѣло, что снова паны о панщизнѣ просятъ! отвѣчалъ онъ. Сталъ я толковать, что подобное мнѣніе ложно, гдѣ тамъ, крестьянинъ и слушать не хотѣлъ.

— Не говори паничь! мы сами не дураки, чтобъ не понимать! Вотъ не давно у меня одинъ пилигримъ почевалъ, тотъ также объяснялъ... Да при томъ и я читать умѣю, чтобъ судить въ чемъ дѣло...

— Другой говорилъ иначе: что дескать это неправда, что и ему также толковали, да онъ не вѣритъ.

Взялся я перевести гимнъ этотъ на нашъ самогитскій языкъ, что и удалось. Въ Петербургѣ я напечаталъ мой переводъ и отослалъ его въ Самогитію.

Пронюхавши объ этомъ, полиція достала экземпляръ переведеннаго гимна и ковенскій полицмейстръ Васильевъ съ полковникомъ жандармовъ Скворцовымъ послали экземпляръ въ Петербургъ, донося, что по слухамъ гимнъ напечатанъ тамъ и что печаталъ его какой-то студентъ Телесфоръ Н.....

Меня потребовали въ III отдѣленіе. — Тамъ какая-то коммиссія.—Судили, рядили, испытывали. Потомъ меня отвели ночевать въ опрятную комнату. На другой день потянули

* Дарвинъ, авторъ знаменитой книги *On species*, долженъ быть доволенъ, у насъ открывается, или лучше нарывается новый видъ чиновничества. Къ русскимъ нѣмцамъ и нѣмецкимъ русскимъ прибавляются русскіе-эльзасцы, т е такіе русскіе нѣмцы, которые оставшись съ нравственнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, предались французской страсти—рѣшительныхъ мѣръ, централизациі, просвѣщающаго насилия, исправляющаго беззаконія, и все это съ сохраненіемъ тяжелой, нѣмецкой *Plumpheit* и русскаго нахальства.—Мы еще займемся ихъ фауной...

† Что существовали подобные пилигримы доказываетъ вынужденное признаніе одного клерика о высланіи его бунтовать народъ противъ начинающагося движенія.

меня снова, только стали уже записывать все что я говорилъ и дали вопросы, какъ на пр. “Кто печаталъ, кто сочинялъ, кто требовалъ перевести гимнъ на русскій языкъ?” Представили при этомъ какого-то шпиона, который говорилъ по польски и уличалъ меня будто видѣлъ меня въ Ковно, и что я авторъ всего этого. На чемъ свѣтъ стоитъ запираясь, объяснялъ я, что не только авторомъ гимна этого не былъ, но что вовсе не умѣю по самогитски.

Натолковавшись въ доволъ, приказали мнѣ подписаться и отвели снова въ мою комнату.

Хотѣлось мнѣ имѣть мое признаніе. Достать его взялся одинъ полковникъ, котораго фамиліи къ несчастію не знаю.

Все вошло въ его допросы, даже отцовскія увѣщанія, но когда ничто не помогло, онъ страшалъ, что силою заставить меня сдѣлать признаніе. Я улыбался, воображая, что вѣка принужденій силою прошли, однако скоро совершенно разочаровался... Онъ велѣлъ слѣдовать за собой. Мы пришли въ какую-то комнату, въ которой вмѣсто мебели были 4 солдата и розги.

Снова отцовскія увѣщанія и снова молчаніе.

— А! стой-же негодай! закричалъ полковникъ.

— Взять его..... Взяли.....

Снова отцовскія увѣщанія и снова молчаніе.

— А! кричитъ полковникъ, дери-же этого негодая, да покрѣпче.

Стали драть... Нѣсколько десятковъ розогъ и снова ласковый голосъ полковника и снова драніе.

Всему есть конецъ и драть наконецъ перестали.

Выдержалъ, выпустили, только отдали подъ строжайшій надзоръ полиціи съ запретомъ выѣзжать изъ города...

Теперь я въ эмиграціи.

Неужели каждому такъ больно обходится знакомство съ III отдѣленіемъ?..”

Телесфоръ Н.....

И истина должна открыться

... даже въ “*Конституціонелѣ*”, журналѣ любящемъ прогрессивное правительство въ Петербургѣ. На дняхъ онъ помѣстилъ не большую корреспонденцію объ *остзейскихъ провинціяхъ*. Писавшій ее наивно удивляется одному факту, что остзейское дворянство и богатое мѣщанство городовъ, гораздо упорнѣе въ своемъ противудѣйствіи—нововведеніямъ правительства и отстаиваетъ свои монополи и средневѣковыя права съ законѣностью, которая идетъ гораздо далѣе упрямства русскихъ помѣщиковъ... И это, прибавляетъ корреспондентъ, не смотря на то, что остзейцы гораздо образованнѣе русскихъ.

Мы не находимъ этого *zu stupendisch*. Мы настолько знали русскихъ нѣмцовъ (*nos amis de la maison*), чтобъ не удивляться ихъ ур-консерватизму, тѣмъ не менѣе мы съ радостью прочли замѣчаніе “*Конституціонеля*”. Есть русскіе, которые увидавъ это въ французскомъ журналѣ, убѣдятся, что это такъ.

— *Общій фондъ*. Получено изъ Швейцаріи 400 франковъ и изъ Германіи 10 фун. 3 шил.

— *Приглашеніе* Комитета Пожертвованій Ланкаширскимъ работникамъ, присланное намъ для помѣщенія, напечатано при нынѣшнемъ листѣ Общаго Вѣща.

Отпечатано въ Вальной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типо-
графіи—136 & 138, Caledonian Road, N.
Цѣна 9 пен., съ девятымъ померомъ
—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

ЛИСТЪ 154.

15 ЯНВАРЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 9).

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzowski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price Nine pence, with
Supplement: VETCHÉ No. 9.

О ГЛАВЛЕНІЕ.—ЕХІАТІО!—Концы и Начала (Письмо седьмое)—Разборъ основныхъ положеній преобразования судебной части въ Россіи (окончаніе).
Смѣсь: Рапортъ или доносъ—Продолженіе смѣси на стр. 52 Общаго Вѣча: Доносъ или не доносъ—Уравненіи правъ иностранцевъ съ русскими, передъ
касторгой—СП. Вѣдомости—INDEPENDANCE—О яко-бы офицерскомъ письмѣ въ "ТЕЙМСЪ"—Полицейская пропаганда и навозъ—Аксаковъ и Скалонъ.

ЕХІАТІО!

Страшное, кровавое слово! Неужели нѣтъ примиренія за
былое, нѣтъ возстановленія безъ *искупленія кровью*? Неужели
всякое искупленіе требуетъ закланія жертвъ неповинныхъ и
чистѣйшихъ, крови юной и святой?

Неужели чаша эта не минуетъ нашихъ братій въ Польшѣ?

Вѣсти оттуда мрачны. Мужики разбѣгаются отъ набора,
городское населеніе, озлобленное до высочайшей степени,
собираетъ силы и лучше готово погибнуть съ оружіемъ въ
рукахъ, чѣмъ идти по выбору полиціи въ *арестантскія* роты
непріятельскаго войска. Съ дня на день можно ждать воз-
станія. Что правительство въ самомъ-дѣлѣ хочетъ поднять
народъ, чтобъ его побить? Трудно себѣ представить; оно
слишкомъ прѣсно для этого. Развѣ одинъ Велепольскій вы-
зываетъ возстаніе для того, чтобъ поплатиться съ народомъ
польскимъ за частные долги свои, за неудавшіяся фантазіи,
за ихъ неудавшіеся выстрѣлы?

Ну а великій князь... какая ему выгода? хотѣ-бы онъ по-
думалъ о всѣхъ послѣдствіяхъ и пока есть время въ этотъ по-
слѣдній часъ остановилъ-бы велепольскій наборъ. Вѣдь что
тамъ Минквицъ ни пиши, или кто другой, великій князь
знаетъ, что польское возстаніе *неминуемо* увлечетъ съ собою
часть русскихъ офицеровъ и солдатъ, и они падутъ сражаясь
съ русскими, отъ русскихъ, въ *искупленіе* нѣмецкихъ грѣ-
ховъ Петербурга, екатерининскаго раздѣла, николаевскаго
тиранства и танталовской муки *возбужденныхъ надеждъ безъ*
исполненій послѣдняго царствованія.

Неужели ему, русскому, не жаль родной, алой, молодой
крови, которая полетѣла для того, чтобъ смыть съ нашей
общей матери давно запекшуюся кровь другихъ мучениковъ?
Неужели нѣтъ руки, которая - бы отвела жертвенный пожъ и
спасла-бы людей своихъ, какъ въ библейской легендѣ? Вѣдь
имѣ нѣтъ выбора, и въ этомъ-то все ужасное ихъ трагическаго
положенія. За ними одна вина, то что они допустили, чтобъ
разумъ ихъ проснулся отъ дурманнаго опьяненія военнымъ

рабствомъ. Проснувшись, имъ нельзя было стоять сложа руки,
пилатовски допуская и казнь и правоту; военные должны
или душить поляковъ *или стать съ ними*. И это не потому,
что польское возстаніе можетъ или не можетъ обойтись безъ
нихъ — а потому высшему, нравственному закону, передъ
которымъ блѣднѣютъ и краски знамени и обѣты присяги;
передъ мощнымъ голосомъ котораго умолкаютъ всѣ голоса,
исчезаютъ всѣ долги, развязываются всѣ узы... Брутъ дѣлается
палачемъ своихъ дѣтей, а Карагеоргій сербскій казнить
своего отца.

Еслибъ окровавленные тѣни Сливickaго, Арнгольда и ихъ
товарищей могли разбудить *другой* сонъ, навѣянный ска-
зочниками зимняго дворца и, указывая на свои прострѣлен-
ныя груди, напомнить *ему*: что пули, которыя онъ послалъ
въ нихъ никого не остановили, никого не испугали, а разбу-
дили легионъ. Съ ихъ казни начинается новая эра для
русскаго войска!

Пора въ самомъ дѣлѣ, понять, что тутъ дѣло не въ нару-
шеніи дисциплины, не въ измѣнѣ знамени; тутъ иныя силы,
тутъ непреодолимое вѣяніе *наставшаго часа* совершенію
судебъ русскаго міра. Оно-то влечетъ и будитъ, исполняетъ
любовью и энергій, пророческимъ духомъ и готовностью
принести себя жертвой искупленія.

Кто вызвалъ Сливickaго и его товарищей? Не звать ихъ
пришлось намъ, а только ударить въ *Колоколъ* къ ихъ похо-
ронамъ. Кто вызвалъ рядъ горячихъ, пламенныхъ писемъ
отъ русскихъ офицеровъ изъ Варшавы?

Наставшій часъ!

... Мы передъ ними идущими на смерть склоняемъ сѣдья
головы наши, мы просимъ ихъ благословенія... И удерживая
внутренній стонъ, скажемъ только, если имъ не суждено воз-
вратиться освободителями, чтобъ они умирая, бросили вмѣсто
всякаго наслѣдства русскому войску свою святую печать—
Соединенныя братски руки съ словами Земля и Воля!

И—ръ.

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

(Письмо Седьмое).

Шесть дней на работу, а седьмой на отдых. Не даром Моисей и Прудонъ защищаютъ день субботній. Однообразный трудъ страшно утомляетъ. Надобно періодическія паузы, въ которыя человекъ вымывши руки и надѣвъ чистое платье, идетъ не на работу—а гулять, посмотреть на добрыхъ людей, посмотреть на природу, одуматься, свободно вздохнуть, “воскреснуть.”*

Вотъ и я сдѣлалъ себѣ изъ моей періодической болтовни о “Концахъ и Началахъ” воскресную рекреацию, и уйду въ нее отъ ежедневныхъ диссонансовъ, газетныхъ мерзостей и будничныхъ споровъ, въ которыхъ мѣшаются часы и числа, но мнѣнія и рѣчи остаются тѣже..... уйду какъ въ какуюнибудь отдаленную келью, изъ оконъ которой не видать многихъ подробностей, не слышать многихъ звуковъ, но ясно видны молчаливыя очерки близкихъ и далекихъ горъ и внятно доходить морской гулъ.

Можетъ ты найдешь, что я не весело праздную свои праздники — вспомни, что я въ Англіи, гдѣ изъ всѣхъ скучныхъ дней, воскресенье самый скучный.

Ну чтожъ дѣлать, посматривай еще разъ, а я съ своей стороны постараюсь какъ можно забавнѣе тебѣ рассказать тѣ печальныя вещи, о которыхъ мы говоримъ.

Да точно-ли онѣ печальны? И не пора-ли еслибъ и въ самомъ дѣлѣ было такъ—причириться съ ними? Нельзя вѣчно горевать о вещахъ, которыя не въ нашей волѣ перемѣнить. Не лучше-ли по добру да по здорову провѣрить приходо-расходныя книги, достающіяся намъ по наслѣдству и, забывая неумѣренныя траты и невознаградимыя потери, принять съ смиреніемъ духа итогъ — за новую точку отсчета. Тоскуй сколько хочешь, дѣлу не поможешь; мало-ли кто какъ могъ употребить свой наслѣдственный капиталъ; мало-ли кто что грешилъ получая его и что мы грешили за него..... *Симфонія эроика* кончена, начинается дѣловая жизнь. Вино отпицѣло, будемъ пить *сухую tisanne de champragne*. Оно не такъ вкусно, но говорятъ здоровѣе.

Сегодня я въ особенно кроткомъ расположеніи духа и невольно склоненъ къ оптимизму и розовому цвѣту.

Дѣло вотъ въ чемъ, часть образованнаго міра страдаетъ стародѣвической тоской—о счастьи, котораго она не утратила, а вовсе не имѣла. И вмѣсто того, чтобъ твердо рѣшиться на вдовство безъ замужства, хнычетъ о томъ, что *идеалъ* молодыхъ лѣтъ не похитилъ, не увезъ... что дѣлать?—не увезъ, а теперь поздно.

Люди досаждаютъ за то, что у нихъ нѣтъ крыльевъ и отъ этого не заботится объ обуви. Тягость европейской жизни въ наиболѣе развитыхъ слояхъ въ прямой зависимости отъ ея ложнаго положенія между несбыточными мечтами и пренебреженіемъ того что есть.

Рядомъ съ христіанскими идеалами серафимскихъ крыльевъ, больше и больше пропадающими въ мракъ прошедшаго, и идеалами другихъ крыльевъ, исчезающихъ въ будущемъ, — сложился цѣлый самобытный міръ, на который мечтатели сердятся за то, что онъ исполнилъ то что могъ, а не то что они ожидали, т. е. не крылья. Пока этотъ міръ не признають

официально власть и право имущимъ, до тѣхъ поръ продолжится лихорадочное броженіе, постоянная ложь въ жизни, невольная измѣна и своему идеалу и практической реальности — которая обличается въ безпрерывномъ противурѣчьи словъ и дѣлъ, фразы и поведенія.

Міръ этотъ не боекъ на словахъ и не рѣчистъ, не смотря на то, что онъ создалъ великій рычагъ, стоящій рядомъ съ паромъ и электричествомъ, рычагъ афиши, объявленій, *рекламъ*. Онъ не умѣетъ *se faire valoir*, стать во весь ростъ, во всю толщину и громко сказать народамъ: “Я Алфа и Омега вашего развитія; идите ко мнѣ и я успокою васъ, дамъ что дать можно; но перестаньте толкаться во всѣ двери, которыя вамъ не отпираются, — одиѣ потому, что некому отперѣть, другія потому, что никуда не ведутъ. Помните наконецъ, что нѣтъ вамъ бога развѣ меня и перестаньте поклоняться всѣмъ кумирамъ на свѣтѣ и желать всякихъ крыльевъ на свѣтѣ. Поймите, что нельзя проповѣдывать въ одно и тоже время христіанскую пищу и политическую экономію, социальныя теоріи и безусловное право собственности. Доселѣ моя власть существуетъ какъ фактъ, но не какъ признанная основа нравственности, даже не какъ знача, и еще хуже—меня отрицають, меня оскорбляютъ въ церквахъ и академіяхъ, въ аристократическихъ залахъ и сходкахъ клубистовъ, въ рѣчахъ и въ проповѣдяхъ, въ романахъ и журналахъ..... Мнѣ надоѣла роль богатой провинціальной родни, отъ которой столичные фаты получаютъ деньги и домашніе запасы, но о которой умалчиваютъ или говорятъ краснѣя. Я не только хочу царствовать, но хочу одѣться въ порфиру.”

Да, любезный другъ, пора придти къ покойному и смиренному сознанію, что *мѣщанство* окончательная форма западной цивилизаціи, ея совершеннѣйшее—*état adulte*; имъ замыкается длинной рядъ его сновидѣній, оканчивается эпопея роста, романъ юности—все вписавшее столько поэзіи и бѣды въ жизнь народовъ. Послѣ всѣхъ мечтаній и стремленій... оно представляетъ людямъ скромный покой, менѣе тревожную жизнь и посильное довольство—не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжкимъ трудомъ свои зимнія квартиры. Пусть другіе покажутъ свою прыть. Время отъ времени конечно будутъ еще являться люди прежняго броженія, героическихъ эпохъ, другихъ формаций—монахи, рыцари, квекеры, якобинцы,—но ихъ мимолетныя явленія не будутъ въ силахъ измѣнить главный тонъ.

Великіе, стихійные ураганы, поднимавшіе всю поверхность западнаго моря, превратились въ тихой морской вѣтерокъ—не опасной кораблямъ, по способствующій ихъ прибрежному плаванію. Христіанство обмелѣло и успокоилось въ покойной гавани реформаціи; обмелѣла и революція въ покойной гавани либерализма. Протестантизмъ, суровый въ мелочахъ религіи, постигъ тайну примиренія—церкви, презирающей блага земныя, съ владычествомъ торговли и наживы. Либерализмъ, суровый во всѣхъ политическихъ мелочахъ, умѣлъ соединить еще хитрѣе постоянный протестъ противъ правительства съ постоянной покорностью ему.

Съ такой снисходительной церковью, съ такой ручной революціей... западный міръ сталъ отстаиваться, уравниваться; все что ему мѣшало утягивалось мало по малу въ тяжелѣвшіе волны — какъ наскочные захваченные смолой янтара. Задыхался испустилъ крикъ боли и досады Байронъ

* Sie feiern die Auferstehung des Herrn,
Denn Sie sind selber auferstanden
Aus niedrigen Häuser, dämpfen Gemächen.—Faust.

и бѣжалъ, одинъ изъ первыхъ, куда-нибудь... въ Грецію.* Стоячески оставшись въ Франкфуртѣ, медленно задышался Шопенауеръ, помѣчая, какъ Сенека, съ разрывными венами, прогрессъ смерти и привѣтствуя ее какъ избавительницу... Это нисколько не мѣшало повороту всей европейской жизни въ пользу тишины и кристаллизаціи, напротивъ онъ становился яснѣе и яснѣе. Личности стирались, родовой типизмъ сглаживалъ все рѣзко индивидуальное, *беспокойное*, эксцентрическое. Люди, какъ товаръ, становились чѣмъ-то гуртовымъ, оптовымъ, дюжиннымъ, дешевле, плоше врозь, во множественности и силнѣе въ массѣ. Индивидуальности терлились, какъ брызги водопада, въ общемъ потоцѣ, не имѣя даже слабого утѣшенія “блестнуть и отличиться проходя полосой радуги.” Отсюда противное намъ, но естественное равнодушіе къ жизни ближняго и судьбѣ лицъ: дѣло въ типѣ, дѣло въ родѣ, дѣло въ дѣлѣ—а не въ лицѣ. Сегодня засыпало въ угольной копнѣ сто человѣкъ, завтра будутъ засыпаны пятьдесятъ; сегодня на одной желѣзной дорогѣ убито десять человѣкъ, завтра убьютъ пять... и всѣ смотрятъ на это какъ на частное зло. Общество предлагаетъ страховаться... что-же оно можетъ больше сдѣлать?... Въ перевозимомъ товарѣ, живомъ и мертвомъ, оттого что убили чьего-нибудь отца или сына, недостатка не можетъ быть; въ живыхъ снарядахъ для углекопней тоже. Нужна лошадь, нуженъ работникъ, а ужъ именнo саврасая-ли лошадь или работникъ Анемподистъ—совершенно все равно. Въ этомъ *все равно*, вся тайна замѣны лицъ массами, поглощеніе личныхъ самобытностей родомъ.

Одна буря было подымалась, грозя всѣхъ разбудить и помѣшать мѣщанской кристаллизаціи, снести колокольни и каланчи, ограды и таможи, но во время отведенная громоотводами—она въѣхала въ игры. И легче себѣ представить Европу, возвратившуюся въ католицизмъ времени Григорія Тильдебрандта по приглашенію Донозо Кортеса и графа Монталамбера, чѣмъ соціальной республикой по рецепту Фурье или Кабэ. Впрочемъ кто-же теперь серьезно говорить о социализмѣ! Съ этой стороны западный міръ можетъ быть доволенъ—ставни закрыты, зарницы не видать, до грома далеко... онъ можетъ спокойно покрыться стеганнымъ одѣяломъ, повязать фуляръ и погасить свѣчу.

Gute Nacht, Gute Nacht,
Liebe Mutter Dorothee!

Но, у бѣдной магери Доротеи, какъ у Гретхенъ, братъ солдатъ и, какъ всѣ солдаты, любить шумъ и драку и не даетъ спать. Она-бы его давно сбыва съ рукъ, да есть кой-какіе дорогіе пожитки, такъ на счетъ голодныхъ сосѣдей безъ сторожа нельзя. Ну, а брату мало быть сторожемъ—амбиція, я, говоритъ рыцарь, жажду подвиговъ...

... Да, еслибъ можно было свести войско на опричниковъ собственности, на тѣлохранителей капитала и лейбъ-гвардію имущества, все-бы быстро достигнуло прочнаго, окончательнаго строя. Но въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго и наслѣдственный рыцарскій духъ мѣшаетъ покойному осажденію докипающей жизни, и поддерживаетъ броженіе. Какъ грабежъ и пи заманчивъ, и кровожадность ни естественна людямъ вообще, но гусарская удалъ и суворовскій задоръ не совмѣстны съ совершеннoлѣтіемъ, съ ровнымъ и тихимъ

* До какой степени развитые люди чувствовали тогда свое отчужденіе и выдумывали себѣ жизнь, ваватія и пр., ты можешь ясно видѣть въ Recollections of the last days of Byron and Shelley—Тралоне.

развитіемъ. Отвращеніе Китая отъ всего военнаго гораздо понятнѣе у сложившагося народа, чѣмъ николаевское пристрастіе къ “выпускамъ, погончикамъ, петличкамъ.”

Вотъ тутъ и загвоздка! Что дѣлать съ *великимъ народомъ*, который хвастается тѣмъ, что онъ *народъ военный*, который весь состоитъ изъ зуавовъ, пью-пью и французовъ, т. е. тоже солдатъ?...

Peuple de France, peuple de braves!

Смѣшно говорить о покойныхъ ночахъ, прогулкахъ при лунномъ свѣтѣ, о свободахъ политической, торговой и всяческой, когда пятьсотъ тысячъ штыковъ, праздныхъ и скучающихъ, требуютъ заявить свое “право на работу.”

На то гальскій цѣтухъ и цѣтухъ, чтобъ ни одна индѣйка, ни одна утка и ни одинъ гусь въ Европѣ не дремалъ покойно.

Въ самомъ дѣлѣ, перейди Франція изъ военной службы—въ штатскую (безъ службы она ужъ не можетъ жить) и все пойдетъ какъ по маслу. Англія броситъ въ море пенужныя ружья, купленные для рейфлменовъ, мой grosier Джонсонъ (and Son) первый промѣняетъ свой штуцеръ на удочку и пойдетъ въ Темзѣ удить рыбу, Кобденъ ослабитъ все что укрѣпилъ Пальмерстонъ и фельдмаршала Кембриджскаго выберутъ предсѣдателемъ Peace Society.

Но Франція и не думаетъ выходить изъ военной службы—да и нельзя: на кого оставить Мексику, папу римскаго, и *безъ малаго* единую Италію? Знамя замѣшано, дѣлать нечего!

Peuple de France peuple de braves!

Какъ-же быть?

Позволь мнѣ на этомъ остановиться и рассказать новую встрѣчу съ однимъ старымъ знакомымъ; онъ смѣлѣй мени рѣшилъ этотъ вопросъ, потому-ли что онъ “поврежденный” или потому его и считали “поврежденнымъ”, что онъ имѣлъ куражъ говорить такія вещи—этого я не знаю.

Вотъ какъ было дѣло. Иду я какъ-то, года два тому назадъ по Странду, смотрю въ дверяхъ большой лавки съ дорожными вещами, хлопочетъ кабая-то толстенная, подвижная фигура, рѣзко не лондонская, съ разными признаками Италиі, въ свѣтлосѣрой шляпѣ, въ легкомъ желтомъ пальто и съ огромной черной бородой; мнѣ казалось что я гдѣ-то видалъ ее, всматриваюсь... онъ, точно онъ, мой здоровый, разбитной лекарь, съ волчьими зубами и веселостью хорошаго пищеваренія, тотъ самый лекарь, съ которымъ въ былыя времена, мы “рѣзали собакъ и кошекъ”, какъ онъ выражался и то не въ Италиі, а въ анатомическомъ театрѣ московскаго университета.

— На этотъ разъ, сказалъ я русскому-итальянцу, не вамъ первому достанется честь узнать стараго знакомаго.

— Ессоло! вотъ прелесть! скажите пожалуйста—и онъ бросился меня цаловать, такъ коротко онъ познакомился со мной во время своего отсутствія.

— Если вы будете часто такъ поднимать обѣ руки, замѣтилъ я ему, у васъ непремѣнно отрѣжутъ дорожный мѣшочекъ.

— Знаемъ, знаемъ, классическая страна воровства... Помните Донъ-Жуанъ, ну тамъ въ концѣ, когда онъ возвращается въ Лондонъ.

— Помню. Ну а вашъ чудакъ съ вами?

— Какъ-же, разумѣется здѣсь, онъ меня ждать остался въ Hotelѣ, сунулся было на улицу, да тотчасъ назадъ, такая говоритъ толпа и духота, что морская болѣзнь сдѣлается, вотъ меня и послалъ купить кой-какія вещицы на дорогу, мы завтра отправляемся въ Техасъ.

— Куда?

— Въ Техась, ну знаете въ Америкѣ.

— За чѣмъ?

— А за чѣмъ жили въ Калабріи. Телемакъ-то мой, ни на волосъ не перемѣнился, только эдакъ солиднѣе прежняго заговаривается. Помните какъ онъ вамъ толковалъ, что планета больна и что пора людямъ вылечиться отъ исторіи, вотъ онъ и убѣдился теперь, что лечение въ Европѣ идетъ медленно, — исторія видите какъ пошла писать въ Италиі, ну онъ и ѣдетъ въ какой-то Техась. Я привыкъ къ нему, все по прежнему споримъ цѣлый день, это людей ужасно связываетъ. Что-же, посмогримъ и Америку!

— Ну а что въ Калабріи?

— Ему-то тамъ сначала понравилось, т. е. по нашему вся Калабрія хуже послѣдняго уѣзднаго города въ какой-нибудь саратовской губерніи; тамъ хоть билиардъ есть, ну какая-нибудь вдовушка чиновница, ну хоть какая-нибудь солдатка въ слободкѣ, а тутъ разбойники, пастухи, да поцы, да такіе что и не различишь который разбойникъ, который поцъ. Наняли мы тамъ полуразваливпійся радклифовской вертепъ, ящерицы, бестіи, бѣлымъ днемъ по полу ходять, а ночью петопыри по залѣ летаютъ, хлопъ въ стѣну, хлопъ. Я впрочемъ уѣзжалъ нѣсколько разъ и въ Неаполь и въ Палермо... А каковъ Гарибальди? Вотъ человекъ-то, съ такимъ не пропадешь!.. А онъ все сидѣлъ въ своемъ замкѣ, только разъ съѣздили въ Римъ. Римъ ему по вкусу пришелся, будто сейчасъ пѣвчіи перестали пѣть "со святыми упокой!" Гамлетъ, гробокопатель!

— А что, вашъ Гамлетъ показывается?

— Безъ сомнѣнія. Онъ поминалъ васъ нѣсколько разъ, "онъ, говоритъ, сбивается еще, а впрочемъ на хорошей дорогѣ" ха! ха! ха!

— И то хорошо. Пойдемте къ нему.

— Съ удовольствіемъ.

Евгенія Николаевича я нашелъ сильно постарѣвшимъ. Лицо его больше покойное, получило какой-то клерикально задумчивой оттѣнокъ; сухая, матовая блѣдность придавала его лицу что-то не живое, темные обводы около глазъ больше прежняго впавшихъ, дѣлали зловѣщимъ прежнее грустное выраженіе ихъ.

— Вы бѣжите отъ насъ, Евгеній Николаевичъ, за океанъ, сказалъ я ему.

— И вамъ совѣтую.

— Что-же такъ?

— Утомительно-съ очень здѣсь.

— Да вѣдь вы это знали и прежде, вы мнѣ говорили это восемь лѣтъ тому назадъ.

— Это правда, но признаюсь я думалъ, что будетъ война.

— Какая война?

— Война! и онъ покрутилъ рукой.

— Это вы въ Калабріи сдѣлались такимъ кровожаднымъ?

— Мнѣ собственно ничего, но больно быть свидѣтелемъ, вчужѣ жалъ, особенно жалъ молодое поколѣніе.

— Да войну вамъ на что? чтобъ помочь молодому поколѣнію?

— Я не вновать, вопросъ такъ сталъ. Выбора нѣтъ, или война—или раззореніе на содержаніе войска.

— Каюсь вамъ чистосердечно, что ясно вашей мысли не понимаю.

— Нашла коса на камень! вставилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Это оттого, что вы и сомнѣваетесь и не много вѣрите. Это бѣда-съ. "Ясно что столы не вертятся", а тутъ сомнѣіе, "ну а какъ столы въ самомъ дѣлѣ вертятся", оно и не ясно съ. Вотъ Филиппъ Даниловичъ другое дѣло, онъ ортодоксъ, онъ и знаетъ какъ тамъ прогрессъ идетъ и все такъ къ лучшему. А я вотъ какъ пи прикидываю, вижу, что люди заступили за постромку и все дальше и дальше несутся въ болото.

— Такъ это лошадь заступила за постромку, такъ ей ногъ прочь, сейчасъ ампутацію. Радикальное лечение!

— Найдите снадобье и ампутаціи не надобно. А какъ его пѣтъ, такъ такъ и оставить больного? Западные народы изъ силъ выбились, да и есть отчего, они хотять отдохнуть, пожить въ свое удовольствіе, надобно безпрестанно перестраиваться, обстроиваться, да ломать другъ другу дома. У нихъ все есть, что надобно—и капиталы и опытность и порядокъ и умѣренность, что-же имъ мѣшаетъ? Были трудные вопросы, были любимыя мечты, все улеглось. На что вопросъ о пролетаріатѣ—я тотъ утихъ. Голодные сами или сдѣлались ревностными поклонниками чужой собственности, въ надеждѣ пріобрѣсти свою, или сдѣлались тихими лацпарони индустріи, у которыхъ ропотъ и негодованіе сломлены вмѣстѣ со всѣми остальными способностями, и это безъ сомнѣнія одна изъ важнѣйшихъ заслугъ фабричной дѣятельности..... а покоя все нѣтъ какъ пѣтъ..... держи войско, держи флоты, трагъ все выработанное на защиту, кто-же бромъ войны можетъ покончить со всѣмъ этимъ?

— Это гомеопатически кливъ клиномъ вышибать — замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Можно-ли, продолжалъ мой чудакъ, беззаботно работать въ своемъ садикѣ, зная что возлѣ, въ ущеліи какой-нибудь вертепъ бандитовъ, пандуровъ, япычаръ?

— Позвольте, перебилъ Филиппъ Даниловичъ, одно слово, пари на бутылку бургонскаго, что вы не знаете, кто эти тормазы просвѣщенія, прогресса—эти пандуры и япычары!

— Чтожъ Австрія и Россія?

— Ха, ха, ха—на вѣрнякъ обыгралъ, за вами бутылка шамбертепъ.

— Ну помилуйте, замѣтилъ съ упрекомъ Евгеній Николаевичъ, что-же Австрія можетъ сдѣлать? Страна употребляетъ всѣ усилія, чтобъ не умереть, натягиваетъ всѣ мышцы, чтобъ части не распозлились, ну гдѣ-же ей кому-нибудь грозить? человекъ одной рукой придерживаетъ погу, чтобъ она безъ него не ушла, а другой голову, чтобъ она не отвалилась. А тутъ говорятъ, что она на драку лезетъ. Пора и Россію, послѣ кампаніи, отчислить изъ пугалъ; ее не только никто не боится, но на нее никто и не надѣется больше, ни Сербы, ни Болгары, ни всѣ эти славянскіе патріоты, отыскивающіе съ IV столѣтія свое отечество и самобытность. Да это и хорошо, пусть Россія "часть жизни будущаго отъка," а въ настоящемъ отучаетъ чиновниковъ воровать да драться. Въ Европѣ есть гнеты, прессы почище устроенныя, отъ которыхъ воздуха въ легкихъ и покоя въ сердцахъ не достаетъ.

— Такъ это вы Англію и Францію такъ честите?

— Безъ сомнѣнія, еще съ Англіей можно-бы было какъ пибудъ сладить, она все эдакъ потихоньку, за угломъ, отрицательно давить, тутъ поддерживаетъ дряхлое, тамъ давнеть такъ молодое, что оно рости перестанетъ; голоднаго встрѣтитъ, говоритъ ему: "чтожъ, съ богомъ, ты свободный человекъ, иди, я тебя не держу." А Франція, ну помилуйте, одинъ

баталліонъ — за барабаномъ и двумя дудками вся Франція пойдетъ куда хотите, въ Казань, Рязань; а въ Англію она и безъ барабана вплавь бросится, лишь бы въ докахъ-то, въ Сити похозяйничать, какъ въ пекинскомъ дворцѣ. Неправда-ли, какое чудо, что между ними нѣтъ войны? Кто могъ ждать, что эти два заклятыхъ врага, будутъ покойно смотрѣть другъ на друга, съ той ненавистью, которую не могли преодолѣть, ни вѣка, ни образованіе, ни торговая выгода—и притомъ сдвигаясь все ближе и ближе, такъ что ужъ между Парижемъ и Лондономъ остается только десять часовъ ѣзды? Съ одной стороны Ламанша *legion d'honneur*, съ другой *habeas corpus*, и они терпятъ другъ друга! Понимаете-ли вы это, такъ страстно ненавидѣть и не имѣть духу? — Послѣ этого я рѣшительно въ Техасъ.

— Понятно трудно, это правда, но что *оно такъ*, это не совсѣмъ дурно. Вотъ уже когда ваша война будетъ и французы переплынутъ Ламаншъ, разумѣется, чтобъ *освободить* Англію, тогда я и самъ отправлюсь въ Техасъ.

— *A la bonheur!*—вскрикнулъ обрадованный Филиппъ Давиловичъ.

— Дренажъ-съ, временное дѣло, для расчистки мѣста и воздуха. Гдѣжъ имъ здѣсь остаться, Москва не Лондонъ, и то взяла всякихъ цѣмцевъ по дорогѣ, да и пошла въ Парижъ.

— Что-жъ изъ этого, или у васъ есть въ запасѣ какой нибудь Людвигъ XIX?

— *Въ немъ не будетъ надобности.*

— Евгений Николаевичъ — сказалъ я помолчавъ — и все то это для того, чтобъ дойти до голландскаго покоя, и за эту похлебку изъ чечевицы проститься съ лучшими мечтами, съ святѣйшими стремленіями.

— А чѣмъ худо, замѣтилъ Филиппъ Давиловичъ, снова показывая свои бѣлые зубы—ѣсть сельди да вафли, съ чистой совѣстью и такой-же салфеткой; въ домѣ, который только что выстирали, съ женой изъ рубенсовскихъ мясовъ, и кругомъ малъ мала меньше. Скидаю, фаро и кюрасо, я больше ничего голландскаго не знаю. Ха, ха, ха, изъ чего бились всѣ эти Фурье да Оверны!

— Не они одни, католики и протестанты, энциклопедисты и революціонеры... всѣ изъ чего бились? А ихъ трудъ, ихъ вѣра, ихъ борьба, ихъ гибель... это развѣ ничего? Вамъ еще надобно чтобъ и Вѣсь господня, и *Feste Burg* и фаланстеръ и якобинская республика, все-бы въ самомъ дѣлѣ осуществилось? Я помню... онъ пріостановился, и потомъ съ какимъ то внутреннимъ умиленіемъ, спросилъ меня: испытали вы, что чувствуетъ человѣкъ, когда онъ передаетъ свое воззрѣніе другому—и видитъ какъ оно всходитъ въ немъ?

— Все это хорошо, воля ваша, перебилъ ученикъ Гипократа, да какой-же прокъ съ наслажденіемъ переливать изъ пустого въ порожнее? Хлопотать-то изъ чего?

— Эхъ Филиппъ Давиловичъ, мы то съ вами изъ чего хлопотемъ, не дошли-же мы до того, чтобъ лечиться отъ смерти, а вѣдь гробовой то покой, хуже голландскаго. Ну да ужъ вамъ и богъ простить, вы ортодоксъ. — А вотъ вы то какъ-же эдакъ спотыкаетесь? прибавилъ онъ обращаясь ко мнѣ, печально качая головой.

И потомъ вдругъ расхохотавшись своимъ нервнымъ, невеселымъ смѣхомъ, сказалъ: Я вспомнилъ теперь одну нѣмецкую книгу, въ которой рассказывается о труженическомъ существованіи крота, очень смѣшно. — Звѣрь

маленькой, съ большими лапами, съ щелочками вмѣсто глазъ, роетъ въ темнотѣ, подъ землей, въ сырости, роется день и ночь, безъ усталости, безъ разсѣянія, съ страстной настойчивостью; до старости, едва перекусить какихъ нибудь зернушекъ да червячковъ и опять за работу, за то для дѣтей. готова норка, и кротъ умираетъ спокойно, а дѣти то начинаютъ во всѣ стороны рыть норки для своихъ дѣтей. Какова заплатная цѣна за пожизненную земляную работу? Каково соотношеніе между усиліями. и достигаемымъ?—ха, ха, ха, —самое смѣшное то въ томъ, что выстроивши свои отличные коридоры, переходы, стоявшіе ему труда цѣлой жизни, онъ не можетъ ихъ видѣть, бѣдный кротъ!

Этой моралью моего поврежденнаго я и заключу первый отдѣлъ “Концовъ и Началъ” и послѣдній мѣсяць 1862 года. Черезъ два дня *новый годъ*, съ которымъ тебя поздравляю, подобно набрать къ нему свѣжія силы, на кротовую работу, лапы чешутся.

И—рѣ.

29 Декабря 1862 г.

РАЗБОРЪ ОСНОВНЫХЪ ПОЛОЖЕНІЙ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ РОССІИ.

(Окончаніе).

V.

Въ гражданскомъ судопроизводствѣ “основныя положенія” ставятъ огромныя перемѣны. Они полагаютъ основною формою процессъ *состязательный* (часть III, ст. 7), словесный и судопроизводство *гласное* (ст. 8).—“Тяжущіеся и ихъ повѣренныя имѣютъ свободный доступъ къ обзорѣнію судопроизводства; дѣйствія тяжущихся сторонъ не скрываются другъ отъ друга” (ст. 30).—“Всѣ необходимыя для разъясненія дѣла свѣденія и справки собираются самими тяжущимися, и судъ не входитъ по сему предмету ни въ какую переписку съ другими мѣстами или лицами, но выдаетъ тяжущимся, по просьбамъ ихъ, свидѣтельства для полученія сихъ справокъ и свѣдѣній” (ст. 37).—“Вопросы для сужденія о дѣлѣ выводятся не иначе, какъ изъ требованій и возраженій тяжущихся” (ст. 60).—“Судъ не имѣетъ права ни постановлять рѣшенія о такихъ предметахъ, о коихъ не представлено требованій, ни присуждать болѣе того, что требовалось тяжущимися” (ст. 61).—Ст. 13 и 69 замѣняютъ апелляціонное рѣшеніе сената—*кассацией*, а ст. 69 устраниваетъ государственный Совѣтъ отъ судебного дѣла.

Слѣдственно, устраняется вся теперешняя, запутанная письменность, канцелярская тайпа, скрывавшая процессъ тяжущихся сторонъ другъ отъ друга. Устраняются происки самого суда, который имѣлъ возможность и право останавливать, запутывать дѣла, произвольно вмѣшиваться въ пріискиванія доказательствъ и возраженій и пр. и пр.—Наконецъ, устраняется рѣшеніе дѣла *по протекціямъ* въ сенатъ и государственнымъ совѣтѣ.

Вообще вся форма гражданского суда переписана изъ французскаго кодекса и, к сожаленію, отнѣпа повальнаго обыска (ст. 51) не замѣнена никакимъ участіемъ присяжныхъ.

Мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующія два обстоятельства:

Во-первыхъ, “основныя положенія” впадаютъ въ противурѣчіе сами собою. 9-я ст. отмѣняетъ формальное различіе между судопроизводствомъ исковымъ и вотчиннымъ и между *видами* исковаго судопроизводства. Это различіе существуетъ

въ 2-й части Т. X. свода законовъ (ст. 259—265), какъ какая-то ненужная, вводная глава. Кромѣ схоластическаго опредѣленія разныхъ родовъ дѣлъ—вотчинныхъ, гдѣ споръ идетъ о самой собственности (принадлежности) по крѣпостнымъ актамъ, и исковыхъ, гдѣ споръ идетъ не о принадлежности собственности, а о причиненіи ущерба; кромѣ не менѣе схоластическаго и ненужнаго опредѣленія явочныхъ и встрѣчныхъ прошеній,—все это 2-е отдѣленіе 2-й книги 2-й части Т. X.—и теперь не имѣетъ въ судопроизводствѣ, по своду законовъ, никакого значенія. Далѣе—по своду законовъ—дѣла сами собою различествуютъ по своему содержанію, но форма судопроизводства одинакова для всѣхъ: тоже прошеніе, тѣже аппелляціи, смотря по цѣнности иска; различіе исковаго и вотчиннаго начала въ формѣ судопроизводства теряется.

Напротивъ того, “основныя положенія,” устранивъ эту схоластику изъ буквы закона по ст. 9-й, приняли различіе вотчинныхъ и исковыхъ дѣлъ не въ буквѣ, а въ дѣйствительности—по ст. 2-й (часть III): “Всѣ споры о правѣ собственности и о правѣ на владѣніе недвижимостью, утвержденномъ на формальномъ актѣ, изъ вѣдомства мировыхъ судей исключаются.” Разница съ сводомъ законовъ та, что сводъ признавалъ вотчиннымъ всякій споръ о *собственности*, будь она движимая или недвижимая; а “основныя положенія” отдѣляютъ только споръ о собственности недвижимой. Отсюда—всякой исковой споръ подлежитъ разбору мирового суда, всякій вотчинной споръ о правѣ собственности или владѣнія недвижимой собственностью (по купчей, по условію и инымъ документамъ)—не подлежитъ. Отсюда—всѣ подобнаго рода споры о недвижимости, которые часто могли-бы покончиться мировымъ разбирательствомъ, не могутъ даже быть приняты мировымъ судьей. Входя въ противурѣчіе съ самими собою, “основныя положенія” также противурѣчатъ и своему оригиналу—французскому кодексу и противурѣчатъ неосновательно. Французскій кодексъ требуетъ внаго: “Никакое прошеніе о вчинаніи суда отъ сторонъ, имѣющихъ право договариваться (*transiger*) и по дѣламъ подлежащимъ договору, не будетъ принято въ судѣ первой инстанціи, если отвѣтчикъ не былъ предварительно вызванъ на соглашеніе къ мировому судѣ, или если обѣ стороны предварительно не явились въ мировой судъ добровольно.” (*Code de procedure civile*, 48). Французскій кодексъ дѣйствительно не дѣлаетъ схоластическаго различія между вотчинной и исковой формой и потому споръ о правѣ недвижимой собственности не подлежитъ исключенію изъ предварительной явки тяжущихся сторонъ къ соглашенію. За то французское судопроизводство формально безсословно. Но у комиссіи, переведившей “основныя положенія” съ французскаго, еще носились изъ русской жизни представленія о дворянской поземельной собственности и владѣніи (вѣроятно крестьянскомъ) помѣщичьими землями; по этому она не могла подвести подъ уровень одного судопроизводства всѣ тяжбы, выключила изъ мирового разбирательства дѣла о правѣ собственности помѣщиковъ-землевладѣльцевъ и пришла къ судопроизводству сословному, что необходимо вовлечетъ и самое гражданское уложеніе къ сословнымъ различіямъ.

Умноженіе тяжбныхъ дѣлъ еще вовсе не признакъ разумной цивилизаціи и развитія науки о правѣ, и скорѣе доказываетъ неустроенность и развитіе корыстныхъ интересовъ;

мировыя учрежденія во Франціи потому и названы мировыми, что предшествуютъ тяжбѣ и составляютъ попытку устранить, елико возможно, ненужныя, безконечныя состязанія корыстей и (невзначай или преднамѣренно) ложно понимаемыхъ имущественныхъ правъ, какого-бы рода ни были самыя имущества—движимыя, недвижимыя, наследственныя, прибрѣтенныя и т. д. Если “основныя положенія” лишили мировые суды ихъ главнаго характера примиренія тяжбъ для того, чтобы удержать сословный характеръ поземельной собственности; то уже лучше было-бы обратиться къ другому учрежденію—къ учрежденію третейскаго суда, и вмѣсто того, чтобы переводить его прямо съ французскаго, предложить двоякую форму третейскаго суда, по желанію тяжущихся: форму обычнаго третейскаго суда окончательнаго и третейскаго суда *неоканчательнаго*; въ послѣднемъ случаѣ спорящія стороны избирали-бы третей для уясненія спорнаго вопроса и попытки къ соглашенію спорящихъ; затѣмъ, если соглашенія не оказалось, дѣло поступало-бы въ общіе суды. Форма третейскаго суда чрезвычайно народна въ Россіи и пристрастіе къ нему, можетъ, потому и выросло у русскаго человѣка, что третейское разбирательство такъ долго служило для крестьянства—замѣною несуществовавшаго для него суда, а для другихъ сословій—замѣною уродливаго казенно-канцелярскаго судопроизводства. Но “основныя положенія,” совершенно справедливо отмѣнивъ (ст. 104) *узаконенный* третейскій судъ (по ст. 1185—1216, част. II, Т. X св. зак.), изъ *добровольнаго* третейскаго суда ничего не развили больше, какъ что о немъ сказано въ прежнихъ постановленіяхъ, или въ 3-й книгѣ (*titre unique*) французскаго гражданскаго судопроизводства; и не только не развили, но даже исказили, сдѣлавъ обязательнымъ выборъ *нечетнаго* числа третей, такъ что третейскій судъ необходимо приходитъ къ искусственному большинству голосовъ; а между тѣмъ “основныя положенія” забыли сказать какъ рѣшаетъ третейскій судъ,—единогласно, или по большинству голосовъ, и по какому большинству. Такимъ образомъ, сдѣлавъ форму третейскаго суда безплодною, “основныя положенія” сверхъ того исказили мировой характеръ мировыхъ учрежденій и, увлекаясь сословностью, ввели въ *дѣйствительность* различіе вотчиннаго и исковаго начала, которое до сихъ поръ существовало только въ буквѣ закона.

Второе уклоненіе “основныхъ положеній” отъ своего французскаго оригинала—это уничтоженіе коммерческаго суда. Хотя объ немъ во всѣхъ “основныхъ положеніяхъ” ни слова не упомянуто, но изъ части I, статей 2й и 22й,* мы не можемъ вывести внаго заключенія, какъ то, что коммерческій судъ долженъ быть уничтоженъ. Спрашивается—есть ли это прогрессъ или нѣтъ? Есть ли это (совершенно справедливое) стремленіе къ уничтоженію гильдейскихъ различій и гильдейскаго сословія? Но Франція не имѣетъ гильдій, а коммерческій судъ имѣетъ. Слѣдственно, для существованія его не нужно особой гильдейской касты, и отмѣна его не повлечетъ за собою уничтоженія гильдій. Въ Англіи нѣтъ особаго коммерческаго суда, какъ во Франціи; но за то въ Англіи нѣсколько различныхъ особыхъ судовъ, относящихся къ ком-

* Осн. Пол. Часть I, ст. 2: “Власть судебная принадлежитъ: мировымъ судьямъ, ихъ съѣздамъ, судамъ окружнымъ, судебнымъ палатамъ и правительствующему сенату.” Ст. 22: “Взвѣсивъ судовъ первой степени, существующихъ нынѣ подъ разными наименованіями, учреждаются для всѣхъ сословій и для всѣхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ такъ и уголовныхъ, суды окружные.

мерческимъ дѣламъ, какъ то — Судъ банкротской (Court of bankruptcy), судъ Лорда-мера (Lord Mayor's court), ярмарочной судъ (Court of pie poudre) и другіе. Лучше ли для Россіи оставаться безъ особыхъ коммерческихъ судовъ съ одними общими судебными учрежденіями, или лучше имѣть особые коммерческіе суды? Лучше ли уничтожить или развить существующіе коммерческіе суды? Мы не беремся сказать даже предварительнаго мнѣнія, и едва ли сама коммиссія “основныхъ положеній” въ состояніи рѣшить вопросъ сознательно и добросовѣстно. Для этого нужно знать мнѣніе торговыхъ людей, которыхъ требующія неотлагательныхъ рѣшеній дѣла, въ большихъ торговыхъ городскихъ и ярмарочныхъ центрахъ; можетъ быть, слишкомъ многочисленны, чтобы общія судебныя учрежденія были для нихъ достаточны. Мнѣніе торговыхъ людей—мы услышимъ, конечно, не въ коммиссіи “основныхъ положеній,” а развѣ на Земскомъ Соборѣ; только это мнѣніе и можетъ уяснить вопросъ съ достовѣрностью. Но подумать, по помянуть о немъ въ “основныхъ положеніяхъ” было-бы, конечно, важнѣе чѣмъ переодѣть французскаго huissier въ судебного пристава, что успѣлось бы и при далѣйшей разработкѣ судебныхъ узаконеній; вѣдь умѣли же “основныя положенія” оставить до будущихъ соображеній составъ нотаріата (часть I, ст. 91), который не менѣе важенъ и не менѣе безотлагательно нуженъ, чѣмъ составъ исполнителей судебныхъ приговоровъ гражданскаго суда; и умѣли же “основныя положенія” предоставить исполненіе судебныхъ приговоровъ уголовнаго суда обычнымъ полицейскимъ властямъ, даже не намекнувъ о необходимости ихъ преобразованія.

Различіе обыкновеннаго и сокращеннаго судопроизводства (ст. 14 и 81—91) вошло въ “основныя положенія” также въ подражаніе французскому кодексу (Code de proc. civile, liv. II, titre XXIV des matieres sommaires, 404—413). Въ сокращенное судопроизводство входятъ дѣла, по содержанію подлежащіа мировому разбору, но по цѣнѣ иска подлежащіа общимъ судамъ, и дѣла по своду законовъ—называвшіяся безспорными. Безъ сомнѣнія отнятіе безспорныхъ дѣлъ изъ вѣденія полиціи (ст. 10) составляетъ огромное улучшение; самое-же *существо** этихъ дѣлъ не допускаетъ долговременнаго судопроизводства, такъ что сокращенный порядокъ обусловленъ предѣлами, содержаніемъ самихъ дѣлъ. Едва-ли схоластическое различіе обыкновеннаго и сокращеннаго судопроизводства опредѣляетъ *формально*, что нибудь сверхъ того, что опредѣлилось-бы самимъ содержаніемъ дѣла.

Почему дѣла брачныя и о законности рожденія (ст. 92, пунктъ 2ой) вошли въ изыятія изъ общаго порядка гражданскаго судопроизводства, мы тѣмъ менѣе могли понять, что о нихъ, въ перечнѣ изыятыхъ изъ общаго порядка дѣлъ, сказано только: (ст. 103) “Порядокъ разсмотрѣнія въ гражданскихъ судахъ дѣлъ брачныхъ и о законности рожденія долженъ быть согласованъ, по возможности, съ общими началами состязательнаго процесса.”

Почему публичность засѣданія подлежитъ исключеніямъ? (ст. 58). Какія это могутъ быть *особаго свойства* (гражданскія) дѣла, надъ которыми публичность суда предосудительна для *религій, общественнаго порядка или нравственности*? Мы думаемъ, напротивъ того, что чѣмъ безнравственнѣе

* Часть III, ст. 11: “Гражданскія дѣла подлежатъ разрѣшенію по существу только въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ и именно въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ.”

самое дѣло, тѣмъ нужнѣе, тѣмъ нравственнѣе публичность суда, совершаемаго надъ нимъ, потому что только публичность суда и вводитъ въ этомъ случаѣ самый важный элементъ—кару общественнаго мнѣнія. Неужто коммиссія “основныхъ положеній”, въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что безнравственность дѣла, обнаруженная публичностью суда, можетъ развратить общество? А между тѣмъ казенный прокуроръ и коронный судья, по допущенію закономъ исключеній, имѣютъ право скрыть судъ надъ дѣломъ, то есть украсть его у публичности. Мы думаемъ, что вліяніе такого скрытія по вредѣ для общественной нравственности и правосудія, чѣмъ публичное обнаруженіе постыдной тяжбы. Или, можетъ правительство бояться за религію и общественный порядокъ, т. е. за обнаруженіе іерархическихъ и правительственныхъ безнравственностей? это лицемеріе не должно входить въ основанія судопроизводства...

Судебныя издержки по гражданскому суду могутъ подлежать критикѣ только тогда, когда коммиссія выведетъ цифры; хорошо что есть изыятіе отъ судебныхъ издержекъ по праву бѣдности. Но мы не можемъ не обратить вниманія на судебныя издержки по уголовному суду. Намъ кажется, что “основныя положенія” пришли къ невозможности. Всѣ расходы производятся изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи правительства; но одни изъ нихъ, въ послѣдствіи, взыскиваются съ виновныхъ, другіе принимаются окончательно на счетъ упомянутыхъ суммъ правительства. (Часть II, ст. 154). Съ виновныхъ взыскиваются слѣдующіе расходы: 1) деньги на прогоны и содержаніе въ пути лицъ, отряжаемыхъ для слѣдственныхъ дѣйствій; 2) вознагражденіе свидѣтелей людей, свидѣтелей и другихъ лицъ, когда они призываются къ слѣдствію и суду вдали отъ мѣста ихъ жительства; 3) издержки на храненіе и пересылку вещей, служащихъ къ изслѣдованію происшествія и на припечатаніе въ вѣдомостяхъ, и 4) издержки на матеріалы и на производство химическихъ и техническихъ изслѣдованій при уголовномъ слѣдствіи (ст. 155). “Основныя положенія” сохраняли такимъ образомъ порядокъ книги II, ст. 25—33, Т. XV св. законовъ. Но нельзя-же не принять въ разсчетъ, что это взысканіе съ виновныхъ только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ не поступитъ въ безвозвратную недоимку. Въ Россіи крестьянство по крайней мѣрѣ три четверти всего народонаселенія. Положимте случай, что крестьянинъ обвиненъ въ убійствѣ. Судопроизводство обойдется тѣмъ дорожее, чѣмъ труднѣе было собрать доказательства. Лично съ крестьянина взыскать нечего, а имущество его принадлежитъ не одному ему а цѣлой семьѣ, ни въ чемъ не виноватой; положимте, что и семьѣ заплатить нечѣмъ, тогда придется обратиться къ круговой порукѣ міра; но круговая порука не входитъ въ отвѣтственность всѣхъ за преступленіе одного. Стало, недоимка безвозвратна. Это значитъ, что гораздо проще признать расходы по уголовному суду *государственными*, потому что ихъ всегда приходится или оставить въ безвозвратной недоимкѣ, или взыскивать не съ виноватаго, а съ невиновныхъ. Оно не только проще, но и справедливѣе: въ гражданскомъ дѣлѣ взыскиваются издержки по спору частныхъ лицъ о частномъ интересѣ; въ уголовномъ дѣлѣ цѣль общества устранить на время или навсегда изъ своей среды человека, совершившаго преступленіе; стало и издержки по суду должны быть общественныя; а такъ какъ нельзя предвидѣть въ какой мѣстности произойдетъ преступленіе, то расходы могутъ падать только на общественную совокупность, на государство.*

* Русское слово *Земство* гораздо лучше выражаетъ понятіе совокупности общественной, совокупнаго интереса всего совершеннолѣтняго народонаселенія, понятіе Status — чѣмъ слово *Государство*, выражающее принадлежность страны монарху; также какъ и слово *Область* гораздо лучше выражаетъ понятіе отдѣльной, опредѣленной части *Земства*, чѣмъ слово *Губернія* или *Пашалыкъ*.

VI.

Мы прослѣдили всѣ важныя и нѣкоторыя изъ второстепенныхъ статей “основныхъ положеній”. Оглянемся еще разъ на ихъ общность.

“Основные положенія” создаютъ судъ сословный, изъ-п-д-я дворянъ-чиновниковъ, землевладѣльцевъ, судъ, гдѣ въ выборѣ мировыхъ судей, ограниченномъ губернаторской провѣркой, всѣ сословія участвуютъ по порядку, не вошедшему въ соображенія “основныхъ положеній”; они создаютъ суды первой и второй инстанціи, которыхъ географическое распредѣленіе будетъ зависѣть не отъ заявленія мѣстныхъ потребностей, а отъ разграфленія, сдѣланнаго особой комиссіей въ Петербургѣ; суды, гдѣ въ число присяжныхъ засѣдателей входятъ состоящіе на службѣ чиновники, а изъ крестьянъ только тѣ, которые были чиновниками, т. е. состояли въ должностяхъ старшинъ, старостъ и пр., но выбыли изъ должностей (за невыборомъ) и сверхъ того губернаторъ исключаетъ изъ списка присяжныхъ кого хочетъ. “Основные положенія” создаютъ суды, которыхъ всѣ судьи и члены суда, отъ первой инстанціи до кассационныхъ департаментовъ сената включительно—назначаются правительствомъ; они создаютъ суды, которые всѣ состоятъ подъ наблюдениемъ и руководствомъ судебно-фискальной администраціи прокуратуры, съ его главою—генераль-прокуроромъ, т. е. министромъ юстиціи. Создавъ эту сѣть правительственно-сословнаго суда, “основныя положенія” остались въ наивномъ заблужденіи, или лицемерной увѣренности, что взяли за главное основаніе всего проекта—отдѣленіе (независимость) судебной власти отъ власти исполнительной, административной и законодательной. Но къ этому заблужденію или къ этой увѣренности—Россія не примкнетъ.

Россія находится на той точкѣ, что эти “основныя положенія” могутъ быть введены, могутъ и не быть введены. Введеніе ихъ будетъ созданіе поваго зла, которое тѣмъ обиднѣе, что никто не понуждаетъ вводить именно его. Но что чрезвычайно важно въ “основныхъ положеніяхъ”, что составляетъ громадный переворотъ,—это то, что они напечатаны, и что отнынѣ гласно признано—не только общественнымъ мнѣніемъ, но и самимъ правительствомъ, что оставить существующее судоустройство невозможно, даже невозможно его подправить, измѣнить, а нужно учредить судоустройство совершенно иное, согласное съ современнымъ положеніемъ Россіи, ея потребностями и пониманіемъ.

Будетъ-ли петербургская комиссія руководствоваться выборкой изъ разныхъ проектовъ, которыми она вѣроятно, будетъ завалена со всѣхъ концовъ Россіи; или она будетъ какъ въ попыткѣ “основныхъ положеній”—руководствоваться собственной передѣлкой французскаго кодекса; какъ-бы то ни было,—задачи новаго судоустройства и судопроизводства не въ силахъ разрѣшить никакая комиссія, отъ верховной власти идущая, хотя-бы всѣ ея члены были поимѣнно назначены въ Петербургъ самимъ императоромъ, первымъ русскимъ дворяниномъ и московскимъ помѣщикомъ. “Основные положенія”, какъ они явились теперь, замѣняя нѣмецкую петровщину французской петровщиной, не удовлетворяютъ Россіи и никогда не сдѣлаются народными.

Задачу рѣшить можетъ только собраніе людей, которымъ ея рѣшеніе будетъ предоставлено отъ всего народа, отъ всего земства, безусловно. Только люди, представляющіе всѣ разнообразныя мѣстныя потребности Россіи и собравшіеся для устройства суда, управленія и правъ всѣхъ областей и соединенія ихъ въ одну совокупность, въ одинъ союзъ, только люди собравшіеся, по выбору земства, на Земскій Соборъ—могутъ вѣрно постановить задачу новаго судоустройства и рѣшить ее сообразно съ дѣйствительными потребностями. Публикованіе “основныхъ положеній” служитъ новымъ доказательствомъ необходимости Земскаго Собора. “Основные

положенія” или вовсе не будутъ введены, или будутъ введены на очень короткое время, потому что близость Земскаго Собора неизбежна. Правительство, если въ немъ осталась капля здраваго смысла, само увидитъ эту неизбежность, потому что оно уже теперь не знаетъ что оно дѣлаетъ, ни что ему дѣлать. Лучше, кличемъ сверху дать земству полную свободу собрать Земскій Соборъ, безъ всякихъ ограниченій выборовъ, чѣмъ дожидаться, что земство снизу кликнетъ кличъ, безъ всякаго согласія сверху.

Но по чѣму-бы побужденію ни былъ созванъ Земскій Соборъ, все-же онъ будетъ собранъ и не въ дальнемъ времени. Это не пророчество, а очевидность. И все-же задача дѣйствительнаго судоустройства падетъ на его долю. Сколько вопросовъ поднимаетъ эта задача! вопросовъ, о которыхъ пора подумать будущимъ дѣлателямъ, въ типъ готовящимся сказать свое слово въ народномъ дѣлѣ. Постараемся назвать хотя нѣсколько изъ этихъ вопросовъ.

1. Каждый человѣкъ имѣетъ право на поземельную долю.

2. Уничтоженіе чиновъ.

3. Признаніе безсословности. Законъ не можетъ признать никакихъ сословныхъ преимуществъ и привилегій за какими бы то ни было родомъ собственности, владѣнія, или занятій.

4. Выборы судей, какъ и всякіе выборы, безсословны.

5. Способъ избранія.

6. Учрежденіе волостныхъ и городскихъ судовъ.

7. Учрежденіе выборныхъ слѣдователей.

8. Учрежденіе присяжныхъ понятыхъ, независимыхъ отъ вліянія какой-бы то ни было власти.

9. Учрежденіе окружныхъ судовъ.

10. Учрежденіе областныхъ судовъ.

11. Учрежденіе союзаго суда.

Всѣ эти вопросы связаны съ разъясненіемъ правъ личныхъ, общинныхъ, областныхъ, связаны съ новымъ гражданскимъ и новымъ уголовнымъ уложеніемъ, съ выборностью полиціи и управленія и полной свободой печати. По мимо Земскаго Собора никто не въ силахъ ихъ рѣшить. Только Земскій Соборъ, соображаясь съ мѣстными потребностями и общимъ пониманіемъ, можетъ создать новое судоустройство, въ которомъ судъ приблизился-бы къ дѣйствительному значенію суда—значенію разумной поправки людскихъ отношеній, искажаемыхъ безсознательностью (историческаго) развитія, и естественно-болѣзненной (фізіо-патологической) ограниченностью людей.

Н. Огаревъ.

СМѢСЬ.

— *Репортъ*—*Rapport*, а не *Denonciation*. — Въ Колоколь отъ 1 Сентября 1862, было помѣщено письмо изъ Польши, въ которомъ говоря о дѣлѣ Арнольда, Славичкаго и пр., сказано: “арестованы они были по *репорту* Тамландера и Кроха.” *Le Nord* (10 Января) напечаталъ рекламацию, въ которой говорится, что Тамландеръ и Коршъ нисколько не участвовали въ этомъ дѣлѣ и что ихъ поведеніе было всегда безупрочно. Повторяя рекламацию, мы отъ души желаемъ, чтобы поправка была истинной. Что касается до *Le Nord*, онъ ошибается переводя слово *Репортъ* словомъ *Донось*. Мы не знаемъ какъ на *новофранцузскомъ*, но на русскомъ языкѣ есть разница между словомъ *репортъ* и словомъ *донось*, у насъ собственно сказано: *Ils ont été arrêté sur un rapport de....* *Le Nord* переводитъ *c'est grâce à leur dénonciation que...* *Репортъ*, дѣло официальное, служебное; *донось*, дѣло офиціозное, личное, дѣло вкуса и торговли.

(Доля не вошедшей смѣси, напечатана на послѣдней 52 страницѣ Овцаго Вѣща).

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138, Caledonian Road, N. Цена 9 пен., съ десятиымъ номеромъ—ОБЩЕЕ ВѢЩЕ.

ЛИСТЬ 155.

1 ФЕВРАЛЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 10).

У Триюнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price Nine pence, with Supplement: VETCHÉ No. 10.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—RESURREXIT!—По дѣлу адреса офицеровъ—Падлое злоупотребленія полицейскаго слова—Братская просьба къ русскимъ воинамъ—Письмо Н. И. Тургенева. Смысь: М. И. Топильскій—Янишъ—Удѣльные князья—Сенатъ или домъ ума лишенныхъ?—Генералъ-маюръ Фрейгангъ—Съ Дола—А. А. Яковлевъ—Подать платная горцамъ—Копчипа П. Аргиропуло—Нашъ дядя на берегахъ Шпрее—Смертная казнь въ Варшавѣ и пр.

RESURREXIT!

Туча, которую мы указывали мѣсяцы, разразилась!

Возстаніе заглохло, горить и распространяется въ Польшѣ. Что сдѣлають петербургскія пожарныя команды?.. Зальютъ его кровью—или вѣтъ?.. Да и тушить-ли кровь?

Неужели этому царствованію, которое такъ легко могло быть кроткимъ, человѣчественнымъ, суждено заступить глубже и глубже въ кровь? Кровью не вездѣ можно перейти въ бродъ; а плохіе пловцы въ зимнемъ дворцѣ.

Возстаніе это всё предвидѣли, оно не могло не быть при безобразномъ полицейскомъ наборѣ;* объ немъ предупреждали, и мы, и десять другихъ журналовъ; были даже люди, которые предупреждали великаго князя и государя — они не хотѣли отстранить возстанія, они избрали кровь!

Ну, Константинъ Николаевичъ! Какъ вы сладите съ вашей совѣстью? Ужь не ѣхать-ли куда-нибудь на горькія или кислыя воды? За чѣмъ, бога ради, за чѣмъ вы прѣзжали въ Польшу! Кто этотъ личный врагъ вашъ, который вамъ далъ эту несчастную мысль?

И вы, маркизь, не даромъ старались ваше длинное имя записать въ польскую исторію! Выскоблить его оттуда будетъ трудно — потому что торжественно хороша страница, въ которую оно попало кровавымъ пятномъ—одна изъ лучшихъ въ хроникахъ вашего отечества.

Въ самомъ дѣлѣ, что за геройство, что за песоруминая отвага, что за нецызлагасмая любовь! Въ виду цѣлаго войска, двухъ, трехъ войскъ, съ злѣйшими врагами за спиной, открыто поднять знамя возстанія и, бросая перчатку дикому самовластью, громко сказать: “Довольно! Мы не хотимъ больше терпѣть. Ступай воя, или клюй ворономъ наши трупы.”

Да, Поляки братья, погибните-ли вы въ вашихъ дремучихъ мицкевичевскихъ лѣсахъ, воротитесь-ли свободными въ свободную Варшаву, міръ равно не можетъ вамъ отказать въ удивленіи. Начинаете-ли вы новую эру независимости и развитія, заключаете-ли вашей смертью вѣковую, беспримѣрную борьбу—вы велики. Въ васъ благословенна родина ваша; она, въ своемъ терновомъ вѣницѣ, можетъ гордиться

* Что такое этотъ татарской наборъ, можно ясно видѣть изъ превосходныхъ статей “Daily Telegraph.”

сыновьями. Въ васъ благородно, изящно сочетались два великихъ наслѣдства двухъ великихъ покойниковъ; все чистое, восторженное и преданное рыцаря со всѣмъ доблестнымъ и могучимъ древняго римскаго гражданина.

Хвала вамъ!

... И когда мы, возлѣ васъ идущихъ на смерть, на каторгу, представляемъ себѣ бѣднаго русскаго воина — мы готовы рыдать какъ дѣти. Онъ долженъ краснѣть своихъ побѣдъ и бояться своихъ успѣховъ. Его положеніе страшно, *быть палачемъ людей вызванныхъ на возстаніе, или идти противъ своихъ*—гдѣ тутъ воля выбора?

Горе властямъ такъ искушающимъ, такъ бросающимъ смятеніе въ душу — насильственно разсѣкая совѣсть, и противупоставляя одинъ долгъ другому, одну любовь другой.... святыню самобытной совѣсти и правственнаго права личности — святыню родовой связи, преданія, крови.

Нѣтъ, это не пародная война—это полицейское усмиреніе войсками: это тѣ ружья, которыя стрѣляли въ Безднѣ, это тѣ приклады, которыми били петербургскихъ студентовъ, это тѣ штыки, которые завтра будутъ колоть крестьянина русскаго, по командѣ тѣхъ-же русскихъ вѣмцовъ, за то, что онъ хочетъ *съ волей землю*...

Большое несчастіе, что польское возстаніе пришло рано; многіе, и мы въ томъ числѣ, дѣлали все нашимъ слабымъ силамъ возможное, чтобъ задержать его... Велепольскій и его Телемакъ рѣшили иначе... Передъ совершающимся событіемъ—смирненіе, а не судъ; иныя силы, не сила слова рѣшается вопросъ.

— “Что-то сдѣлаетъ Европа? Она не допустить? Допуститъ-ли она еще разъ?”

Допуститъ.

Она устали другаго монарха обеспечить: “что національность польская не погибнетъ” и успокоить народныя сочувствія извѣстіемъ съ трибуны: “что порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ.”

Въ Англіи будутъ ненужные, безсильные, но очень великодушные митинги, и одна Германія приметъ искренное участіе своей радостью—что Славяне, во всякомъ случаѣ, будутъ бить Славянъ!

Искандеръ.

ПО ДѢЛУ АДРЕССА ОФИЦЕРОВЪ.

Нашему правительству приходится рѣшительно отказаться отъ литературныхъ самооправданій, риторико-жандармскихъ опроверженій, журнально-казенныхъ антикритикъ и пр. — по крайней мѣрѣ приходится воздержаться отъ нихъ въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества. Если хладнокровно разобрать дѣло, то и жертва не такъ велика. Правительство наше, которому законъ не писанъ, и которое никому ни въ чемъ не отдаетъ отчета, имѣетъ дома такія богатые средства самооправданій и антикритикъ, что сходить на бѣдную литературную аресту ему неловко. Рука привыкшая держать ключи разныхъ казематовъ и остроговъ, плетъ и палку, веревку висѣльицы и ружье направленное на кого угодно — отвыкаетъ отъ пера; оно дрожитъ въ ея пальцахъ. И что за жгучее самолюбіе опровергать словами тамъ, гдѣ можно опровергать приговорами! Зачѣмъ лить чернила, когда можно лить кровь?

Въ поясненіе этого правоученія, мы помѣщаемъ два документа, полученные нами изъ Польши. Одинъ изъ нихъ мы перевели съ французскаго, другой помѣщаемъ какъ получили.

*Письмо отъ русскихъ офицеровъ — полка къ издателю "Колокола".**

М. Г. Когда узнали мы, что письмо къ Константину отъ имени офицеровъ войскъ расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, помѣщено уже на столбцахъ вашего журнала, чувство глубокой признательности къ вамъ заняло мѣсто въ сердцахъ нашихъ.

Мы гордо взглянули на нашъ твердый отказъ, передъ лицомъ народовъ, служить дѣлу палачества и рѣшились запечатлѣть его смертію.

Изъ глубины души повторяемъ мы другъ другу: "умремъ всѣ, но не будемъ давить свободы, не замараемъ чести русской." Не такъ думало нѣмецко-татарское правительство наше.

Оно не повѣрило голосу правды, голосу дѣтей русскаго народа, а разными уловками задумало заставить насъ отказаться отъ самыхъ святыхъ чувствъ нашихъ. Но вѣдь это не такъ-то легко удастся сдѣлать.

Сотни офицеровъ, участвующихъ въ составленіи письма, готовы сейчасъ-же выставить имена свои, и нисколько не боясь смерти, убѣдительно подтвердить дѣломъ достовѣрность написаннаго документа.

Пусть будутъ прокляты, именемъ матерей ихъ, кто осмѣлится помогать правительству вырывать отъ насъ дорогое достояніе наше.

Благодаримъ васъ также за ваши искренніе совѣты и участіе въ нашемъ дѣлѣ, мы въ нихъ-то именно и нуждались. Да не изгладится память объ васъ въ сердцахъ каждаго изъ сыновъ русскихъ.

Общество Офицеровъ***аго Полка.

Р. S. Просимъ если возможно, помѣстить письмо наше на страницахъ *Колокола*, какъ фактъ вторичнаго отреченія служить правительству на гибель народовъ, а не на защиту ихъ.

Декабря 18 дня 1862 года.

* Предупреждая полицейскій скептицизмъ и не желая компрометировать друзей нашихъ, мы присягаемъ нашей честью и совѣстью, что письмо это писано къ намъ русскими офицерами изъ Польши. Что касается до письма къ редактору "Indépendance" у насъ только копія, присланная изъ Варшавы другими офицерами. Тѣхъ и другихъ братски благодаримъ и отъ всей души прижимаемъ къ нашей груди.

Издатели Колокола.

Письмо Русскихъ офицеровъ къ Издателю "Indépendance Belge."

Г. Издатель,

"Сѣверная Пчела" помѣстила выписку изъ 334-го номера вашего уважаемаго журнала, касающуюся одного факта весьма далекаго отъ истины, не смотря на то, что онъ представляетъ съ точки зрѣнія и соответственно желанію русскаго правительства. Мы говоримъ о письмѣ русскихъ офицеровъ въ Польшѣ къ в. к. Константину Николаевичу, которое было помѣщено въ русской газетѣ "Колоколъ" издаваемой въ Лондонѣ, и которое правительство признаетъ за недостоверное, и старается это распространить не только въ Россіи, но и за границей. По этому поводу мы просимъ у васъ, М. Г., позволенія поправить новости сообщенныя вамъ вашимъ корреспондентомъ изъ Россіи. Письмо русскихъ офицеровъ къ в. к. не мифъ или ловкая выдумка издателей "Колокола"; это фактъ во всей своей дѣйствительности, фактъ говорящій громко самъ за себя, и за послѣдствія могущія изъ него выйти. Очевидно, что правительство не могло ничего упустить, чтобы исказить фактъ и скрыть правду. Даже это самое письмо, которое мы теперь пишемъ къ вамъ г. издатель, будетъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, объявлено поддѣльнымъ. Мы не могли и думать напечатать наше письмо въ русскихъ газетахъ, скованныхъ смѣшной цензурой; даже за границей трудно пробиться истинѣ на свѣтъ. Но мы вѣримъ, что рано или поздно она откроется!

Письмо напечатанное въ "Колоколѣ," самое вѣрное выраженіе чувствъ, не только нѣсколькихъ личностей, но большинства офицеровъ русской арміи въ Польшѣ. Что же въ этомъ удивительнаго, что мы, утомленные положеніемъ, которое становится для насъ болѣе и болѣе невыносимо, вслѣдствіе дѣйствій русскаго правительства въ Польшѣ, что мы обратились посредствомъ иностранной прессы, (единственно открытой для насъ), къ Намѣстнику Императора, чтобы просить его спасти военную честь арміи и не употреблять солдатъ и офицеровъ палачами Польскаго народа?

Вашъ корреспондентъ говоритъ, что Вел. Князь, желая показать свое довѣріе къ арміи велѣлъ собрать войска въ казармахъ и прочесть имъ это письмо. Это ошибка: начальники войскъ ограничились тѣмъ, что прочли это письмо офицерамъ, выражая надежду В. К., что никто изъ насъ не подписалъ этого документа; мы отвѣчали глубокимъ молчаніемъ. Что же касается до какого-то позволенія, выпрошеннаго офицерами, явиться къ Е. В., чтобы протестовать противъ этого письма, это выдумка сочиненная защитниками правительства. Вел. Князь самъ созвалъ приказомъ генераловъ и офицеровъ отъ войскъ соединенныхъ въ Варшавѣ, чтобы сказать имъ тоже, что мы слышали отъ нашихъ начальниковъ; одни генералы и нѣсколько высшихъ офицеровъ отвѣчали крикомъ "ура!"

Вотъ сущая правда письма, котораго существованіе такъ формально отвергаетъ вашъ корреспондентъ, и которое вызвано съ нашей стороны дѣйствіями самаго правительства. Мы всѣ патріоты, мы выше всего любимъ Россію, нашу родину; ей принадлежатъ наши руки и наша жизнь, но при тѣсненіемъ братственнаго народа, мы ничего не сдѣлаемъ ни для величія, ни для свободы и счастья нашей страны!

Увѣряемъ васъ еще разъ, М. Г., что письмо напечатанное въ "Колоколѣ" дѣйствительное выраженіе нашихъ мыслей, и что правительство будетъ стараться затемнить этотъ фактъ

всѣми средствами, которыя въ его власти, чтобы скрыть дѣйствительное состояніе умовъ въ арміи. Мы считаемъ на вліяніе вашего уважаемаго журнала, чтобы разогнать ложь и возстановить правду. Адресуясь къ вашей безпристрастности, г. Издатель, мы надѣемся, что вы не откажете помѣстить въ вашемъ журналѣ, эти строки, писанныя подъ вліяніемъ чувства долга, и будете снисходительны къ ошибкамъ въ слогахъ нашего письма, писаннаго на иностранномъ языкѣ.

Примите и пр.

Офицеры русской арміи въ Польшѣ.

Р. S. Мы не посылаемъ вамъ подписей этого письма, потому, что еслибъ оно случайно попало начальству, то Варшавскій цитадель наполнился-бы новыми жертвами и каналъ Новогеоргиевской крѣпости вторично увидѣлъ бы кровь русскихъ офицеровъ.

Варшава 10/22 Декабря 1862.

И такъ что-же выиграло, своимъ *демантіями*, прозрачнымъ лганьемъ, кунштниками, которыхъ секретъ бросался въ глаза, заплатами которыхъ бѣлыя нитки были на лицевой сторонѣ — правительство? Деспотизму надобно держать языкъ за зубами. Многоглаголаніе вызываетъ отвѣтъ. Рѣчь вообще ставить правительство на ряду съ нашимъ братомъ; въ то время какъ нѣмота поднимаетъ его въ товарищество другаго молчанія, въ товарищество *смерти*.

НАГЛОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЕ ПОЛИЦЕЙСКАГО СЛОВА.

Промаяхнулся другъ любезный,
Не попалъ стрѣлокъ чудесный!
Фрейшюцъ.

Въ 52 No. *Сов. Лѣт.* напечатано: “извѣстно, что въ *Колоколъ* появилось недавно *подложное* письмо, написанное будто-бы офицерами русской арміи на имя в. к. Константина Николаевича..... Съ своей стороны, офицеры русской арміи, расположенной въ Варшавѣ, оскорбленные такимъ наглымъ злоупотребленіемъ ихъ имени, написали отъ своего имени протестъ, отрывокъ котораго помѣщенъ въ послѣднемъ номерѣ *National-Zeitung*.”

А откуда попалъ отрывокъ въ *Національ-Цейтунгъ*? Ха! ха! ха! Нѣтъ, сенаторъ, вы плохой стрѣлокъ!*

Читая эти строки невольно приходитъ на мысль, почему въ протестѣ писанномъ начальникомъ штаба, нѣтъ такой катковщины въ выраженіяхъ. Причины есть, во-первыхъ начальникъ штаба *зналъ*, что офицерскій адресъ до напечатанія въ Лондонѣ, ходилъ въ Варшавѣ по рукамъ, во-вторыхъ въ его крови не бродила шестой мѣсяцъ, какъ развѣдающій ядъ анчара, наша статья “о сенаторахъ.”

Къ этому надобно присовокупить, что люди мало получившіе отъ природы и еще меньше получившіе отъ воспитанія, большіе сквернословы и не разборчивы въ оружіяхъ; они дѣлаютъ намеки на деньги, на состояніе, на наследство, не имѣя возможности скрыть простительную зависть, которой порядочные люди не имѣютъ, и пуще всего уснащаютъ рѣчь площадными выраженіями. Резономъ не возьмешь, колкостью не возьмешь, что долго думать—выругался, оно будто и легче на душѣ. “Ахъ, ты такой сухой, немазаной!” вотъ тебѣ и резонъ, вотъ тебѣ и колкость. Но стрѣлокъ сенаторъ и тутъ промахнулся; до сихъ поръ тонъ его статей вредилъ одному

* Видя, что “Теймсъ” не получилъ повторъ-адреса, мы сами его послали въ “Теймсъ” и другіе журналы.

ему, онъ примирилъ съ нами нашихъ противниковъ; какое дѣло ни начини защищать пожарной трубой съ помоями—чистымъ его считать не будутъ.

Мы удивляемся только зачѣмъ начальство имѣя бархатнаго Н. Ф. Павлова, употребляетъ противъ насъ... Да нѣтъ эти сами употребляютъ... Если такъ, то чтожъ могло возбудить такое озлобленіе въ офицерскомъ адресѣ? *Виль службы* имъ нельзя оскорбиться. Трогательно-благородный тонъ, твердая, трагическая кротость его, кротость людей обрѣченныхъ на преступленіе или на жертву и которые въ послѣдній разъ обращаются къ власти и просятъ ее спасти ихъ, отъ безчестія—неволью поражаятъ.

Неужели за то что мы посмѣялись надъ тономъ бурсачныхъ учителей и надъ педантскимъ самодовольствіемъ издателей *Сов. Лѣт.*, они не могли понять всего трогательнаго и прекраснаго въ офицерскомъ адресѣ, и это только потому, что онъ былъ помѣщенъ въ *Колоколъ*? Неужели въ отмѣтку за нашу статью, они (то словъ шпионовъ и официальныхъ органовъ) рѣшились обвинить насъ въ *подложіи*? Неужели у этихъ людей мстительная ячность такъ велика, что писавши казенныя обвиненія и украшая ихъ цвѣтами своего краспорѣчія, имъ не пришелъ въ голову вопросъ: “*Ну а какъ адресъ то не подложный*, вѣдь мы выходимъ наглыми клеветниками?”

Или на этотъ азартъ очертя голову есть другая причина?

Подите поройтесь въ сердца человеческомъ, можетъ въ цинизмъ выраженій мы уловимъ крикъ извращенной совѣсти, и желаніе отвести глаза другимъ — да и себѣ.

Кто не видалъ, какъ женщина пускающаяся во всѣ тяжкія, преслѣдуетъ безстыдными словами прежнихъ подругъ, пьетъ и куражится? . . . и все это, чтобъ перекричать что-то удивительное изнутри.

БРАТСКАЯ ПРОСЬБА

КЪ РУССКИМЪ ВОИНАМЪ.

Несправедливый, подтасованный, польскій наборъ совершился! Сила одолѣла еще разъ правду; еще черное дѣло прибавилось въ формуляръ русскаго правительства, еще черная тѣнь отбросилась на васъ, на насъ, на весь народъ русскій. Безсильные отстранить ударъ отъ многострадаальной груди польской, намъ надобно употребить всѣ средства чтобъ облегчить его боль участіемъ, смягчить горе дѣлательнымъ сочувствіемъ. За этимъ-то мы и обращаемся къ *ротнымъ начальникамъ и офицерамъ, къ старымъ солдатамъ, дядькамъ и учителямъ.*

Въ ваши роты, команды, взводы вскорѣ поступятъ несчастныя жертвы польскаго набора—вырванные безъ очереди изъ семействъ, по указанію полиціи, оторванные отъ отечества—онѣ, невинные колодники, отправляются въ мрачный, дальній край, о которомъ онѣ слышали одни ужасныя преданія, въ сибирскихъ тундрахъ котораго безвѣстно погибли ихъ дѣды, ихъ отцы, лучшіе люди ихъ,—ихъ ведутъ туда служить годы и годы чужому царю, чужому дѣлу, чужому народу.... безъ друзей, безъ языка, безъ родины, которую бы защищали, безъ этого послѣдняго утѣшенія для рекрута.

Друзья, братья, русскіе воины—примите новыхъ товарищей съ распростертыми объятіями; покажите имъ, что русскій народъ добрее, лучше русскаго правительства. У васъ есть

общее поле, не весела и ваша жизнь; расскажите имъ объ вашей горькой долѣ, о двадцатилѣтней лямкѣ, о голодѣ, о воровствѣ начальства, о томъ какъ васъ наказывали, и какъ вами наказывали крестьянъ; скажите имъ, что и у васъ— послѣ Севастополя— пала повязка съ глазъ, что и ваше терпѣніе приходитъ къ концу, что крестьянская кровь, которую васъ заставляли лить, васъ душить, бродить въ вашихъ жилахъ, не даетъ спать.... что отъ нее испытанные герои какъ Красовскій пошли на каторгу, юноши какъ Сливидкій и Аригольдъ на тотъ свѣтъ. Да, скажите имъ это!

А главное, *полюбите* ихъ, остальное все само сдѣлается.

Подъ сѣрой солдатской шинелью легко хранится здоровое, теплое сердце. Человѣкъ, обреченный на кровавое, безжалостное ремесло, тамъ гдѣ то—на днѣ души бережетъ запасъ великой и простой пѣжности. Черезъ сѣдые усы, по загорѣлымъ щекамъ война, наглядѣвшася богъ знаетъ какихъ ужасовъ, участвовавшего въ нихъ, чаще лется слеза, чѣмъ по толстенной щечкѣ мирнаго гражданина, сдѣлавшаго изъ семейнаго эгоизма и безучастія ко всему внѣ своего забора, добродѣтель. Одинокій безсемейникъ артели и казармъ, лишенный всякой ласки и всякой улыбки—солдатъ ищетъ возлѣ себя полюбить что-нибудь и крѣпко привязывается.

Полюбите-же, друзья, выкрадепыхъ польскихъ рекрутовъ какъ меньшихъ братій, какъ дѣтей полка, и да будетъ надъ вами благословеніе несчастныхъ матерей и сестеръ ихъ. Матерей, которыя съ 1831 года только провожали сыновей своихъ на казнь, въ ссылку, въ изгнаніе.... Сестеръ, которыя не знаютъ другаго цвѣта какъ черный цвѣтъ траура!

И—ръ.

20 Января.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ “КОЛОКОЛА.”

М. Г.,

Въ недавно вышедшихъ “Запискахъ И. Д. Якушкина,” встрѣчаю слѣдующее:

“На слѣдующихъ засѣданіяхъ (въ Москвѣ) было рѣшено объявить во всѣхъ управахъ, что Союзъ прекращаетъ свои дѣйствія навсегда. Этой мѣрой ненадежныхъ членовъ удаляли изъ общества... За тѣмъ приступили къ сочиненію новаго устава: въ первой части оваго для вступающихъ предлагались тѣ-же филантропическія цѣли, какъ и въ Зеленой Книжкѣ. Редакціей этой части занялся Бурцевъ. Вторую часть написалъ Н. Тургеневъ для членовъ высшаго разряда. Въ этой части устава уже прямо было сказано, что цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы ограничить самодержавіе въ Россіи; а чтобы пріобрѣсти для этого средства—признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякій случай. На первый случай положено было учредить 4 главные думы: одну въ Петербургѣ, подъ руководствомъ Н. Тургенева; другую въ Москвѣ, которую поручали Ив. Алекс. фонъ Визину; третью я долженъ былъ образовать въ Смоленской губерніи; четвертую бралъ Бурцевъ привести въ порядокъ въ Тульчинѣ. Уставъ былъ подписанъ присутствующими членами и Мих. Муравьевымъ....

“Тургеневъ пріѣхавши въ Петербургъ объявилъ, что въ Москвѣ положено прекратить дѣйствія общества и потомъ одному только Никитѣ Муравьеву прочелъ новый уставъ, послѣ чего изъ предосторожности положилъ его въ бутылку и засыпалъ табакомъ. Скоро потомъ труды по обществу

раздѣлили съ Никитой полк. кн. Трубецкой и кв. Оболенскій. Николай же Тургеневъ, первое время по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, мало принималъ участія въ дѣлахъ Тайнаго Общества, хотя и не прекращалъ сношеній со многими изъ членовъ.”

Записки г. Якушкина вышли въ свѣтъ, если не подъ руководствомъ, то конечно съ участіемъ “Колокола.” По крайней мѣрѣ “Колоколъ” не однократно объявлялъ о печатаніи и обнародованіи сихъ записокъ. Вы, г. Редакторъ, безъ сомнѣнія, поймете, что сего достаточно дабы дозволить мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбою напечатать мой отзывъ на касающіяся до меня строки г. Якушкина, тѣмъ болѣе, что, за кончиною автора, я не вижу къ какому издателю или журналу я могъ бы обратиться.

Я пачну съ того, что все выписанное мною выше, совершенно ошибочно и ни мало не согласно, ни въ цѣломъ ни въ подробностяхъ, съ истинною. Я никакъ не предполагаю, чтобы г. Якушкинъ съ какимъ-либо неблагонамѣреннымъ умысломъ отступалъ отъ правды. Я не почитаю сего, съ его стороны, возможнымъ. Онъ, конечно, судилъ болѣе по слухамъ, съ разныхъ сторонъ до него доходившимъ и часто въ искаженномъ видѣ, нежели по собственному опыту. Я его мало зналъ; видѣлъ его раза два или три въ Петербургѣ; конечно и въ Москвѣ, хотя ничто особенно не напоминаетъ мнѣ его присутствія въ семъ послѣднемъ городѣ. Но я имѣлъ къ нему особенное уваженіе, такъ какъ онъ былъ единственный членъ общества, который сдѣлалъ серьезную попытку освободить своихъ крестьянъ. Я старался помочь г. Якушкину въ семъ его дѣлѣ, но все было безъ успѣха. Замѣчу мимоходомъ, что здѣсь я опять нахожу ошибку со стороны г. Якушкина: онъ говоритъ, что я далъ ему письмо къ г. Джунковскому. Я никакого письма ему не давалъ и дать не могъ, не зная вовсе г. Джунковскаго.* Какъ бы то ни было, вотъ мой доказательства ошибочности словъ г. Якушкина:

1) Въ рапортѣ слѣдственной комиссіи, пополненномъ анти-юридическою смѣсью всякой всячины, и не рѣдко очевидными противурѣчіями, гдѣ редакторъ слѣдитъ за всѣми подробностями существованія тайныхъ обществъ, нѣтъ ни одного слова о новомъ уставѣ Союза, о которомъ говорилъ г. Якушкинъ. Ни въ одномъ изъ показаній, приписываемыхъ обвиняемымъ или подсудимымъ, не упоминается о составленіи сего устава въ Москвѣ, и еще менѣе о его под-

* Ошибки г. Якушкина относительно меня такъ многочисленны, что едва-ли найдется строка въ его Запискахъ, гдѣ онъ о мнѣ упоминаетъ, въ которой не было-бы малой ошибки. Такъ, на примѣръ, онъ называетъ меня членомъ Общества и притомъ ревностнымъ членомъ, въ одно время съ кн. Долгорукимъ, между тѣмъ какъ сей послѣдній оставилъ Общество прежде моего вступленія въ оное. Такихъ-же образомъ г. Якушкинъ рассказываетъ, что я присутствовалъ въ одномъ засѣданіи съ Мих. Орловымъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ по пріѣздѣ моемъ туда, узнавъ, что Мих. Орловъ отказался отъ Общества, я былъ у него, старался его уговорить пріѣхать на слѣдующее засѣданіе и не успѣлъ. И такъ я не могъ быть вмѣстѣ съ нимъ въ засѣданіи. Далѣе г. Якушкинъ говоритъ, что я отправилъ къ нему г. Колошина въ Москву съ приглашеніемъ быть какъ можно осторожнѣе. На это я могу только сказать, что я никогда никого къ г. Якушкину не посылалъ съ какимъ-бы то ни было совѣтомъ или приглашеніемъ.

Приводимыя мною здѣсь обстоятельства незначительны; но онѣ показываютъ какъ все, что г. Якушкинъ о мнѣ повѣствуетъ, ошибочно: отъ небывалаго устава до небывалой бутылки съ табакомъ! Эта послѣдняя подробность, совершенно выдуманная, показываетъ съ какою легкостью г. Якушкинъ вѣрилъ естѣмъ разсказамъ, какъ въ значительныхъ такъ и въ незначительныхъ обстоятельствахъ. Я нахожу также нѣсколько неосновательныхъ и не вѣрныхъ разсказовъ о другихъ лицахъ, кромѣ меня, и именно о Мих. Орловѣ, но ограничиваюсь здѣсь только тѣмъ, что касается до меня лично.

писаніи всѣми членами. Это извѣстіе исключительно принадлежит г. Якушкину. Откуда взялъ онъ его? Я не могу и придумать; такъ какъ то, что я говорю ниже о комитетахъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Смоленскѣ, не можетъ изъяснить сего обстоятельства достаточнымъ образомъ.

2) Самые слова г. Якушкина показываютъ невозможность или невѣроятность чтенія и подписанія новаго устава въ присутствіи всѣхъ членовъ. Не всѣ изъ сихъ послѣднихъ пользовались общимъ довѣріемъ; были такіе, коихъ, по словамъ самаго г. Якушкина, прочіе члены не хотѣли видѣть въ общемъ присутствіи. Но не говоря даже о такихъ лицахъ, въ присутствіи коихъ было опасно читать новый уставъ, была ли какая-нибудь возможность скрыть какъ отъ нихъ, такъ и вообще отъ отсутствующихъ членовъ, неискренность уничтоженія стараго общества въ учрежденіи новаго? Правда, нѣкоторые члены, въ отдѣльныхъ группахъ, говорили иногда о семъ средствѣ обловить общество; но, при малѣйшемъ разсужденіи, являлись непреодолимые къ сему препятствія. Къ тому-же съ самаго начала московскаго съѣзда, не могло подлежать никакому сомнѣнію, что большинство членовъ желали закрыть общество. Самая причина съѣзда, или поводъ къ оному это показываетъ: За нѣсколько до того времени одинъ изъ московскихъ членовъ, Ив Алек. фонъ Визинъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и изъяснилъ, что въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, общество существуетъ только на словахъ, что оно ничего не дѣлаетъ и дѣлать не можетъ. Потому онъ предлагалъ собраться въ Москвѣ и рѣшить: преобразовать или уничтожить общество. Въ Москвѣ большинство членовъ еще болѣе убѣдилось въ невозможности какого-бы то ни было успѣха для общества.

Общество было уничтожено. Но мысль объ освобожденіи крестьянъ продолжала одушевлять меня. Я былъ увѣренъ, что многіе изъ членовъ, по благородству ихъ характера и образу мыслей, могутъ что нибудь совершить въ пользу сего дѣла. И потому я предложилъ устремить особенное вниманіе на сей вопросъ. Предложеніе мое было принято. Въ слѣдствіи сего я составилъ записку объ образованіи въ Москвѣ, Петербургѣ и Смоленскѣ комитетовъ изъ бывшихъ членовъ общества.* Сіи комитеты должны были всѣми средствами разпространять идеи объ освобожденіи крестьянъ и способствовать оному. Одинъ экземпляръ записки я привезъ съ собою въ Петербургъ и сообщилъ, вмѣстѣ съ объявленіемъ о закрытіи Общества, нѣкоторымъ изъ бывшихъ членовъ, въ числѣ коихъ не былъ однакоже Никита Муравьевъ, какъ опять ошибочно говоритъ г. Якушкинъ. Впрочемъ такихъ комитетовъ нигдѣ не было учреждено. Что я продолжалъ видаться съ знакомыми мнѣ членами общества, это справедливо; что я слыхалъ о различныхъ попыткахъ составить или возобновить какое-нибудь общество, это также справедливо; но что я въ этихъ попыткахъ не участвовалъ, это равно неоспоримо и видно даже изъ словъ г. Якушкина. Въ это время я часто слышалъ, что члены южнаго общества не признаютъ закрытія въ Москвѣ состоявшагося. Меня это ни мало не занимало, тѣмъ болѣе, что г. Пестель, бывший осенью сего времени въ Петербургѣ, сѣтуя на незначительность своего общества, объявилъ мнѣ, что оно состоитъ только изъ 9 или 10 членовъ!

* Еслибы г. Якушкинъ могъ прочесть эту Записку, когда писалъ свой разсказъ, то конечно сей послѣдній не содержалъ-бы въ себѣ того, что я теперь опровергаю.

Теперь да будетъ мнѣ позволено представить здѣсь нѣкоторыя соображенія, кои могутъ способствовать къ объясненію многихъ разногласій, противурѣчій, недоразумѣній въ сужденіяхъ и воззрѣніяхъ относительно тайнаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ "Союза Благоденствія."

Съ самаго начала его образованія до закрытія въ Москвѣ, оно было вѣчножизненно. Послѣ сего, если и допустить какія нибудь толки и соглашенія о возобновленіи общества и даже самое устройство оного въ Петербургѣ и Москвѣ, то при всемъ томъ очевидно, что и возобновленное или вновь устроенное общество продолжало жить тою-же, такъ сказать, мертвою жизнію до послѣднихъ чиселъ Декабря 1825 года. Тогда произошло извѣстное военное возстаніе. Но какъ приписывать, законнымъ образомъ, сіе возстаніе дѣйствию тайныхъ обществъ, особливо прежде существовавшихъ, когда открывается неоспоримая истина, что возстаніе было произведено нѣсколькими лицами, пришедшими къ сему рѣшительному предпріятію почти наканунѣ возстанія, и когда между сими лицами не было почти никого, или весьма мало, изъ старыхъ членовъ, а когда люди не принадлежавшіе ни къ какому обществу участвовали въ семъ возстаніи? Между тѣмъ послѣдствія были равно ужасны, какъ для участвовавшихъ въ возстаніи, такъ почти и для всѣхъ, когда-либо принадлежавшихъ къ обществу.

Для признанія какого бы то ни было проступка и преступленія, для осужденія, необходимы два условія: умыселъ и дѣйствіе. Это толкуется во всякомъ учебникѣ уголовного права и приѣмается всѣми законами. Умыселъ безъ дѣйствія, равно какъ и дѣйствіе безъ умысла, никогда не могутъ быть ни проступкомъ, ни преступленіемъ.

Но какая участь постигла, на примѣръ, Пестеля, котораго слѣдствіе и судъ признали наиболѣе виновнымъ? Положимъ, что всѣ приписываемыя ему показанія справедливы. Но что онъ совершилъ, что сдѣлалъ? Ровно ничего! Что сдѣлали всѣ тѣ, кои жили въ Москвѣ и въ различныхъ мѣстахъ имперіи, не зная что дѣлается въ Петербургѣ? Ничего! Между тѣмъ казни, ссылка и ихъ не миновали. И такъ эти люди пострадали за свои мнѣнія, или за слова, за которыя никто и отвѣтственности подлежать не можетъ, когда слова не были произнесены во всеуслышаніе. Мало знаетъ сердце человеческое тотъ, кто воображаетъ, что несправедливая кара за мнѣнія, убѣжденія изглаживаетъ ихъ изъ сердца страдальца. Напротивъ, она укрѣпляетъ ихъ, особенно когда сердце горячо и благородно, когда душа возвышенна. По сему-то мы видимъ, что претерпѣвшія подобныя бѣдствія, дорожатъ ими, гордятся ими, какъ послѣдствіями ихъ искреннихъ вѣрованій, и чувствуя болѣе и болѣе чистоту и святость сихъ послѣднихъ, мало по малу переносятъ это чувство и на все сопркосновенное къ симъ убѣжденіямъ. Такимъ образомъ даже и тѣ, кои, имѣвъ убѣжденія, не имѣли весьма великаго понятія о тайномъ обществѣ, привыкли видѣть въ семъ послѣднемъ гораздо болѣе важности, значительности, нежели сколько видѣли прежде. Все это, весь этотъ ходъ мысли и чувства совершенно еродитъ сердцу человеческому.

Послѣ сего не удивительно, что многіе не только изъ тѣхъ, кои были въ Сибири, но и другимъ лицамъ, глубоко сочувствовавшимъ ихъ участию, было неприятно, что я въ моей книгѣ говорилъ о "Союзѣ Благодѣнствія", какъ объ обществѣ ничтожномъ, незначительномъ. Но они, во-первыхъ не за-

были, что они сами раздѣляли это мнѣніе прежде постигших ихъ бѣдствій; во-вторыхъ, они не подумали о томъ, что я рѣшившись говорить, не могъ говорить иначе. Они, конечно, не могли ожидать отъ меня, чтобы я описывалъ этотъ союзъ какъ общество сильное, вездѣ распространенное, вездѣ свидѣтельствующее свое вліяніе. И если возторженный страдалецъ, изумившій всѣхъ твердостію своего характера, стоическимъ терпѣніемъ и вмѣстѣ христіанскими добродѣтелями, воспѣвалъ всесильное общество, могъ дойти до того, что приписывалъ вліянію его первую рѣчь императора Александра I на польскомъ сеймѣ, произнесенную прежде учрежденія тайнаго общества, то этотъ порывъ есть не что иное какъ *видѣніе* возторженного узника, почерпающаго силу и утѣшенія во глубинѣ пылкой души его. Но если-бы я, жившій и писавшій на свободѣ, писавшій безъ всякой иной цѣли какъ для свидѣтельства того, что я зналъ, что я видѣлъ, если-бы я вздумалъ исказить, преувеличивать, украшать знаемое и видѣнное мною; то это была-бы съ моей стороны, сущая неправда, сущій вздоръ. Взявшись однажды за перо, я хотѣлъ представить дѣло въ настоящемъ его видѣ. По обстоятельствамъ, въ конхъ я находился, я могъ это исполнить и думаю, что исполнилъ. Конечно въ то время когда я писалъ, я не зналъ многого касающагося до тайныхъ обществъ. Рапортъ слѣдственной комиссіи, конечно, открылъ мнѣ кое-что чего я не зналъ; но этому рапорту я не вѣрилъ и не могъ вѣрить, видя какъ неосновательно, ложно и противно истинѣ онъ говорилъ о мнѣ самомъ. Въ послѣдствіи, читая записки сосланныхъ въ Сибирь, я долженъ былъ признать оное, чему я не вѣрилъ и чего не зналъ прежде, и сіе въ отношеніи именно самаго г. Якушкина. Но повторяю, когда я писалъ, я писалъ то что зналъ самъ и въ главной характеристикѣ тайныхъ обществъ, я не ошибался. Однимъ словомъ: я писалъ безъ страха и безъ надежды: мнѣ некого было страшиться, я ничего не надѣялся. А если-бы, вопреки моей увѣренности, слухи о неудовольствіи на меня разнаго рода лицъ за умаленіе важности и значительности тайныхъ обществъ, могли заставить меня призадуматься и спросить самаго себя: не переступилъ-ли я предѣловъ умѣренности въ сужденіяхъ о незначительности тайныхъ обществъ? если-бы такое сомнѣніе могло возникнуть во мнѣ; то я былъ-бы въ полной мѣрѣ успокоенъ появившимися въ печати статьями изъ записокъ нѣкоторыхъ сибирскихъ страдалцевъ. Одинъ за другимъ, всѣ они говорятъ и повторяютъ, что общество всегда было безсильно и незначительно. Записки г. Якушкина тоже свидѣлствуютъ. Вся дѣятельность общества, и по симъ запискамъ, состояла въ принятии новыхъ членовъ, кои входя въ одну дверь, выходили въ другую. Еще нѣсколько времени, еще нѣсколько напечатанныхъ записокъ, и для всѣхъ будетъ ясно, какъ это всегда было ясно для меня, что тайныя общества въ Россіи, такъ какъ и тайныя общества во всемъ свѣтѣ, никогда не приводили къ тѣмъ результатамъ, конхъ отъ нихъ ожидали или страшились.

Опровергнувъ приводимые г. Якушкинымъ относительно меня факты, я кончу нѣсколькими словами о заключеніи его. Изчисливъ небывалые факты, г. Якушкинъ говоритъ: «Непонятно какъ въ своемъ сочиненіи о Россіи, онъ могъ рѣшиться отвергать существованіе Тайнаго Общества и потомъ отречься отъ участія, которое онъ принималъ въ немъ на сѣздѣ въ Москвѣ и послѣ на многихъ совѣщаніяхъ въ Петербургѣ.»

Я отвѣчаю, что я не отвергалъ существованія Общества и не отрекался отъ участія, которое принималъ въ немъ на сѣздѣ въ Москвѣ. О томъ и о другомъ я говорилъ въ моей книгѣ съ возможною подробностію. Эти слова показываютъ, что г. Якушкинъ плохо читалъ мою книгу или читалъ съ предубѣжденіемъ. Чтожъ касается до моего участія «на многихъ совѣщаніяхъ въ Петербургѣ»; то я скажу, что на настоящихъ совѣщаніяхъ, послѣ закрытія Общества, я не бывалъ; но конечно, встрѣчаясь съ знакомыми мнѣ прежними сочленами, я иногда и то не часто, говорилъ и объ обществахъ и о разныхъ предметахъ политическихъ. Г. Якушкинъ не могъ сего знать по собственному опыту, ибо онъ не былъ тогда въ Петербургѣ; слѣдовательно онъ могъ говорить только по паслышкѣ. Если г. Якушкинъ почерпалъ свои свѣденія о мнѣ изъ рапорта слѣдственной комиссіи, то онъ могъ-бы въ моей книгѣ найти, какъ я опровергаю всѣ обвиненія противъ меня взводимыя, всѣ, безъ единого исключенія и между прочимъ одно, самое важное, которое приписываетъ мнѣ слова произнесенныя въ Петербургѣ въ Декабрѣ 1824 г., тогда какъ въ то время я былъ въ Неаполѣ. Опровергать и доказывать не есть отречься.*

Отречься! Но я нахожу успокоительнымъ и до нѣкоторой степени утѣшительнымъ для меня именно то, что во время моей потерянной и мало полезной жизни, я не имѣлъ ни повода, ни причинъ отречься отъ моихъ мнѣній и убѣжденій. Въ выраженіи сихъ мнѣній могла быть нѣкоторая разница, но въ сущности, никакой: За полѣтка я мыслилъ и чувствовалъ такъ какъ мыслю и чувствую теперь.

Примите и пр.—Н. Тургеневъ.

СМѢСЬ.

ИСКЛЮЧЕНІЕ ИЗЪ СПИСКОВЪ М. И. ТОПИЛЬСКАГО.

E rotta l'alta Colonna
E'l verde Lauro.

РЕГНАРСА.

Находясь въ печальной необходимости исключить изъ списка нашихъ *натурщиковъ* М. И. Топильскаго, утратившаго свое мѣсто, намъ пріятно отдать справедливость горячности его привязанности къ Панину. Михаилъ Ивановичъ исчезаетъ какъ плющъ дѣлящій паденіе бревна юстиціи, которое онъ такъ долго обвинялъ своими гербовыми и простыми листами.

— *Янишъ*. — Директоръ вновь открытой кронштадтской гимназіи г. Янишъ, при вступленіи своемъ въ эту обязанность, взялъ съ учениковъ честное слово въ томъ, что они не будутъ курить. Черезъ нѣсколько времени, ему донесли, что ученика Яковлева, служителя гимназіи замѣтилъ въ куреніи папирсъ; г. Янишъ, подозревалъ къ себѣ Яковлева и придерживаясь правилъ воспитанія Миллера-Красовскаго, далъ ему за это плюху? Если это правда, родственники поручающіе своихъ дѣтей воспитанію г. Яниша, вѣроятно, обратятъ на этотъ случай свое особенное вниманіе.

* Это обвиненіе основано на показаніяхъ членовъ Общества, которые, тоже какъ и г. Якушкинъ теперь приписывали мнѣ небывалое и при томъ добросовѣстно, или лучше сказать безсознательно, безъ всякаго неприяннаго чувства ко мнѣ. Показаніе этихъ членовъ могло быть опровергнуто посредствомъ яснаго и неоспоримаго alibi. Разскавъ г. Якушкина опровергается въ главныхъ частяхъ противурѣчіемъ онаго со всѣми другими разсказами и членовъ Общества и самой слѣдственной комиссіи, а въ подробностяхъ, впрочемъ незначительныхъ, общимъ характеромъ легкости и неосновательности въ его повѣствованіи.

— *Удѣльные князья.* — Газеты начинают поговаривать объ отдѣленіи Польши подъ скипетромъ и трезубцемъ Константина Николаевича. Необыкновенный успѣхъ великаго князя въ Варшавѣ, любовь которую онъ приобрѣлъ, вѣленольскій наборъ, который онъ не отмѣнилъ, дѣлаютъ эту вѣсть правдоподобной. Михаилъ Николаевичъ получаетъ въ удѣлъ Кавказъ, такъ успѣшно покоренный Барятинскимъ. Куда-же дѣнутся Николай Николаевича? Мы предчувствуемъ, что *oiseleur* нашъ будетъ въ Куръ-ляндіи. И это очень хорошо. Въ Курляндіи истинные заслуги и усердіе на службѣ *хоть поздно*, но всё же вознаграждаются, какъ доказалъ Мейендорфъ, поставивъ въ прошломъ году памятникъ Мартину Лютеру.

— *Сенатъ или домъ ума лишенныхъ?* — Намъ пишутъ изъ Бессарабіи: Въ 1859 году, въ первыхъ числахъ Сентября, въ Бессарабіи, въ Сорокскомъ уѣздѣ, люди, служившіе при плугахъ у помѣщика селепія *Чутулешть*, (фамилію котораго, въ настоящую минуту не припомнимъ), числомъ *семнадцать*, между которыми *одинадцать* только были свѣше пятнадцатилѣтняго возраста, другіе-же *одинадцати* и *двѣнадцати-лѣтняго*, отправились почью въ сосѣднее имѣніе *Кукуецъ*, въ виноградникъ, бывшій на арендѣ у еврея *Или Хуна*, съ намѣреніемъ красть виноградъ. При нихъ былъ мѣшокъ для винограда и палка, на которой несли мѣшокъ. Предпріятіе, начатое смѣхомъ, окончилось весьма печально. Хозяинъ виноградника, засѣвшій съ тремя сторожами, поймалъ одного изъ пришедшихъ — арканомъ. Похитители, бросились было бѣжать, но потомъ возвратились, чтобъ освободить товарища. Завязалась драка, причѣмъ еврей, получилъ ударъ по головѣ вышеупомянутой палкой, но безъ перелома кости, т. е. *безъ увѣчья*; одинъ изъ сторожей, получилъ ударъ по рукѣ; и, какъ показало медицинское свидѣтельство, тоже *безъ увѣчья*. На другой день, всѣхъ ихъ схватили, засадили въ острогъ и пошли слѣдствія..... Слѣдствіе производилъ засѣдатель Оатъ. Онъ представилъ это дѣло, какъ *грабежъ съ насиліемъ*. Не забудьте, что половина обвиняемыхъ были *одинадцати* и *двѣнадцати-лѣтніе* мальчики. Одного изъ нихъ, засѣдатель Оатъ, производя слѣдствіе, дралъ за волосы, и до того запугалъ, что тотъ чрезъ нѣсколько дней умеръ.

Сорокско-Ясскій окружный судъ рѣшилъ дать имъ по 15 рѣзогъ. Дѣло перенесено было по апелліаціи во вторую инстанцію. Уголовный бессарабскій судъ рѣшилъ, выпустить обвиняемыхъ, зачитавъ имъ въ наказаніе ихъ *полуторговое сидѣніе въ тюрьмѣ*. Еврей, не довольствовался этимъ и апеллировалъ въ Сенатъ. Въ 1862 году, Сенатъ рѣшилъ: *одинадцать* человекъ изъ нихъ, (сидѣвшихъ въ тюрьмѣ 3 года и 3 мѣсяца), — *сослать на поселеніе въ Сибирь*!..

— *Генералъ-маіоръ Фрейманъ.* — Изъ Москвы намъ пишутъ, что храбрый кавказскій генералъ взялъ, занялъ и покорилъ II московскій кадетскій корпусъ. Вслѣдъ за покореніемъ, онъ принялся за изгнаніе лучшихъ учителей, полицмейстера, инспектора классовъ, старшаго доктора, эконома, четырехъ ротныхъ командировъ и пр. Онъ ихъ замѣстилъ мирными нѣмцами болѣе или менѣе родственниками, знакомыми по Кавказу. Правда-ли?

— *Съ Дона.* — Въ 348 №. “Сѣверной Пчелы” напечатано. Крестьяне г-жи Рыковской приносятъ мировому посреднику жалобу на свою владѣлицу, “что она *не даетъ имъ и семействамъ ихъ*, живущимъ во дворѣ ея, *содержанія*; что они питаются *отъ сосѣдственныхъ жителей*, и одежду берутъ отъ родственниковъ своихъ (не дворовыхъ).” Жалоба поступала два раза. Мировой посредникъ “удостоверился въ справедливости жалобы этихъ крестьянъ,” нашелъ помѣщицу “безпечною” и “пераспорядительною” до такой степени, что она “не только не можетъ предоставить крестьянамъ содержанія, но даже обезпечить отъ нужды и крайности себя.”

Войсковое присутствіе опредѣлило: “Такъ какъ *особенно еажныхъ* злоупотребленій за г-жею Рыковскою *нѣтъ*, то крестьянъ этихъ оставить у ней, до истеченія двухлѣтняго срока.”

— *А. А. Яковлевъ.* — Въ “Сѣв. Пч.” отъ 5 Января напечатано: “Бывшій студентъ императорскаго с.-петербургскаго университета Алексѣй Андреевъ *Яковлевъ*, по высочайшему повелѣнію, сужденъ былъ военнымъ судомъ по полевымъ уголовнымъ законамъ, и оказался виновнымъ въ распространеніи между нижними чинами сочиненій возмутительнаго содержанія и преступныхъ мыслей объ ограниченіи правъ верховной власти и измѣненіи существующаго порядка правленія. Генералъ-аудиторіатъ признавъ *Яковлева* подлежащимъ, за преступленія его, лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни — разстрѣляніемъ, по особымъ уваженіямъ, представившимся въ облегченію его участи, всеподданнѣйше ходатайствовалъ о дарованіи ему жизни, съ тѣмъ, чтобы, по лишеніи его всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ. На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата послѣдовала, въ 7-й день Декабря 1862 года, собственноручная его императорскаго величества конфирмація: ‘*Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы Яковлеву ограничить шестью годами.*’ Яковлевъ сынъ статскаго совѣтника, изъ дворянъ, какой губерціи, по дѣлу не видно.”

Прибавлять къ этому нечего, развѣ только подивиться, что почта изъ Пекина въ Петербургъ скорѣе ходитъ, чѣмъ изъ зимняго дворца въ “Сѣверную Пчелу” — конфирмація напечатана черезъ *двадцать восемь* дней.

— *Подать платимая горцамъ.* — Мы получили вѣсти изъ Дагестана, пишетъ *Courier d'Orient*. Послѣ взятія Шамиля, эта часть Кавказа только наружно покорена, ждутъ только удобнаго случая для возстанія. Русское правительство учредило въ этомъ краю туземную стражу, которой *плотится 10 р. с. въ мѣсяцъ* на человека. Люди составляющіе ее живутъ преспокойно, каждый у себя и не несутъ никакой службы. Дагестанцы пользуются деньгами, но вовсе не собираются отдать свою землю русскимъ, они согласны получать доходъ, но не хотятъ быть подданными.

КОНЧИНА П. АРГИРОПУЛО.

(Из письма).

“20 Декабря скончался въ Москвѣ, въ полицейской больницѣ, студентъ Периклъ Аргиропуло. Это была одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ, благородныхъ личностей, какой могла-бы гордиться всякая другая страна, цѣнящая въ человѣкѣ его образованіе. Русская-же жизнь, русская тюрьма убили его въ самомъ началѣ цвѣтущей жизни. Онъ умеръ въ больницѣ будучи замученъ смрадомъ, грязью и гадостью тюремнаго заключенія. Повторяю, что это была одна изъ тѣхъ, рѣдко встрѣчающихся личностей въ нашемъ вѣкѣ, которая смѣло говорила истину. За словами у него шло тотчасъ-же и дѣло. Всѣ идеи, вынесенныя чрезъ образованіе, перестали быть для него только словомъ, но вошли въ плоть и кровь. А такой человѣкъ не могъ относиться безразлично къ животрепещущимъ вопросамъ русской жизни. Убѣжденный въ крайней необходимости освобожденія русской мысли отъ цевзурныхъ колодокъ, онъ смѣло принялся за дѣло тайнаго квигопечатанія.

Не жалѣлъ онъ для такого дѣла ни трудовъ, ни силъ, ни жизни. Самъ переводилъ, поощрялъ цѣлыя десятки рукъ къ тому-же труду, платилъ бѣднымъ студентамъ хорошія деньги изъ своихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ. Когда-же набиралось довольно матеріаловъ, все это печаталось и литографировалось въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и распродавалось потомъ по самой умѣренной цѣнѣ. Деньги вырученныя отъ такого дѣла, поступали въ пользу бѣдныхъ студентовъ въ московскую студенческую кассу.”

— *Французскій путь, Австрійскій путь, а Пруссскій путь.* Такъ отзывался вѣкогда сѣдой воинъ 1812 года, возвратившись изъ за границы. Пруссакъ хвалилъ онъ вѣроятно изъ подобострастія, чтобъ польстить высшему росейскому начальству. Но мы искренно находимъ, что пальма принадлежитъ Пруссіи, и это безъ малѣйшей лести или адуляціи. Во Франціи были захвачены поляки, какъ мы говорили въ 153-мъ листѣ “Колокола;” найдя что они ни въ какія французскія дѣла не мѣшались, ихъ выпустили.*

Но не таковъ нашъ дядя на берегахъ Шпре. Мы получили на дняхъ извѣстіе, что дядошкина полиція схватила одного поляка, отвезла въ Эйдекупенъ, и сдала его съ рукъ на руки русокой полиціи. “Это вовсе не первый примѣръ, продолжаетъ корреспондентъ, поляковъ перешедшихъ границу отправляли нѣсколько разъ назадъ, и даже нѣкоторыхъ скомывали.”

Дѣйствительно прусскій путь.

И потому мы съ безконечнымъ удовольствіемъ увидѣли на дняхъ какую полную справедливость отдаетъ “Теймсъ” и его величеству прусскому королю и вѣрноподданымъ его. “Онъ счастливъ въ своихъ подданныхъ, говоритъ “Теймсъ” пот му что, намъ кажется, въ мірѣ нѣтъ выносливѣе и долготерпимѣе народа. Но подданные его очень несчастны въ своемъ королѣ. Въ его нарушеніяхъ правъ мы напрасно ищемъ таланта, который скрашиваетъ иногда великія общественныя преступленія.”† Нѣтъ прусскій будетъ гутѣе, какъ можно!

* Котати за вынужденными воляками оставившими Францію бросился чиновникъ всероссійскаго III Отдѣленія, чтобъ слѣдить что и какъ. Экіе шалуны—девогъ-то куры не клюютъ!

† He is fortunate in his subjects, for we believe a more patient and long-suffering race does not exist. But his subjects are eminently unfortunate in their King. In his invasion of their rights we look in vain for the talent which gilds great offences.—(“THE TIMES” January 17, 1863).

— *Смертная казнь въ Варшавѣ.*—Первой шагъ дорогъ, однажды разрѣшивъ себѣ кровавую расправу, прогрессивное правительство, преспокойно казнить людей, вѣшаетъ и растрѣливаетъ. Полицейскій городской I. Злобицкій былъ растрѣлянъ въ Варшавѣ 3 Января. Офиціальныи разсказъ заставляетъ думать, что Злобицкій былъ сумашедшій: онъ подалъ въ отставку обиженный штабсъ-капитаномъ Бродовскимъ и за то, что Бродовскій изъ участія къ нему наномнилъ, что дѣло еще можно перемѣнить, хватилъ его обнаженнымъ палашемъ, потомъ принялся рубить мебель, все что попадалось. И этого сумашедшаго вмѣсто больницы, отослали на казнь.

“Чась”, а за нимъ англійскіе журналы разсказываютъ дѣло иначе, они говорятъ, что Злобицкій былъ дворянинъ, что комиссаръ полиціи далъ ему оплеуху, а тотъ его убилъ. Это еще менѣе давало право казнить его.

Подписывать смертную казнь дурная привычка, она можетъ далеко завести. Кровавыя казни, приучаютъ къ убійству. Третій шпионъ палъ недавно подъ ударами убійцъ въ Польшѣ

— *Huxley и его чтенія.*—Намъ часто повторяютъ въ письмахъ, что хорошо было-бы указывать на книги выходящія въ Англии и которыя по нашему мнѣнію было-бы полезно переводить на русскій языкъ. Мы это иногда и дѣлали. Вообще книгъ, особенно замѣчательныхъ, какъ Бекль, Дарвинъ очень мало. Но есть небольшія трактаты, чтенія и пр. пазначенные для обобщенія научныхъ понятій, которые были-бы очень полезны для русскихъ читателей. Мы обращаемъ вниманіе переводчиковъ на теперь издавныя *Шестъ лекцій Huxley’я: О нашемъ знаніи о причинахъ органическихъ явленій.* Рѣдко въ Англии слышится болѣе здоровый и простой языкъ. Вотъ заглавіе: A course of six lectures to working-men by Pr. Huxley on our Knowledge of the Causes of the phenomena of Organic Nature.

— Пруссскій Почтамтъ. Лондонскіе подписчики въ Кельнѣ на Московскія Вѣдомости, не получили еще ни одного номера. Можетъ есть почетныя исключенія, но почему же не встъ получили?

въ продажѣ:

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Выпускъ I, ЗАПИСКИ И. Д. ЯКУШКИНА, (Цѣна 2ш. 6п.)

НАРОДЪ и ГОСУДАРСТВО, П. Мартянова. (Цѣна 1ш. 6п.)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАРОДНЫЙ ПОЛЬСКІЙ КОМИТЕТЪ. ВЪ ВАРШАВѣ и ИЗДАТЕЛИ “КОЛОКОЛА” ВЪ ЛОНДОНѣ —на русскомъ и польскомъ языкахъ.—(Цѣна 3 коп. сер.).

въ печати:

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ

Выпускъ Второй и Третій.

1853—1863

ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѣ

СБОРНИКЪ Л. ЧЕРНЕЦКАГО.

Если обстоятельства потребуютъ слѣдующій Колоколъ выйдетъ 10 Февраля.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 156

15 ФЕВРАЛЯ 1863.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price six-pence.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Преступленія въ Польшѣ—Исторія адреса и контръ-адреса—Конны и Начала (Письмо восьмое)—Исповѣдь русскаго правительства.

Смѣсь: Изъ Петербурга—Князь Орловъ и варонъ Бударбергъ—Вспомогательное французское войско въ Польшѣ—Запросъ свѣтѣйшему синоду о герійскомъ

двоежизнствѣ—Свѣтской консулство въ Лондонѣ—Изъ Вильно—Викторъ Гюго къ русскому войску—Кн. П. В. Долгоруковъ и пр.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Слова порицанія умягчиваютъ передъ роскошью злодѣйства, двоедушія и глупости, которую выказало петербургское правительство... и все это не оставляя своего лепета о прогрессѣ и либерализмѣ.

Мы вмѣстѣ передъ собой, сверхъ русскихъ газетъ, иностранныхъ всѣхъ цѣтовъ, отъ совершенно независимыхъ, до окончательнаго подкупленныхъ. Стало быть не трудно составить приблизительно вѣрную картину *русской ночи* въ Варшавѣ. Тутъ все преступно, отъ скрытаго плана до явнаго, отъ средствъ до цѣли, отъ самаго дѣла до образа совершенія его, до жи, которая оскорбила пахальствомъ своимъ всю страну, и послужила послѣдней каплей послѣ которой кровь полилась рѣкой.

Этимъ наборомъ русское правительство поставило себя сразу не только ниже турецкаго, но ниже австрійскаго. Оно уже апплодировало себѣ, что придумало такую ловкую штуку, ужъ начинало признаваться въ ней,* и разсылать телеграммы чуть не о радости, съ которой рекруты идутъ—да вдругъ и срѣзались.

Народъ бѣжалъ изъ Варшавы, въ лѣсахъ собирались вооруженныя толпы; онѣ отбивали рекрутъ—кричавшихъ такъ усердно въ “Нордъ” ура великому князю, поившему ихъ водкой... и правительство стало рассказывать объ ужасахъ, чтобы отвести глаза Европы и возбудить дикія страсти солдатъ... съ какой-же иной цѣлью говорилъ свою рѣчь Александръ II на измайловскомъ парадѣ? Не только-же для того онъ ее

* “Сѣв. Пчела” отъ 11 (23) января, не знаемъ по какимъ необходимымъ напечатала удивительную корреспонденцію изъ Варшавы, такъ между прочимъ склано:

“Объ этомъ рекрутскомъ наборѣ я намѣренъ поговорить въ моемъ слѣдующемъ письмѣ, потому что его нужно разсматривать въ связи съ другими, и прошедшими, и настоящими обстоятельствами и со всею политическою графою Велопольскаго. Теперь достаточно будетъ сказать вамъ, что въ самой Варшавѣ наборъ долженъ коснуться 2,000 людей подоврительныхъ и находящихся на вѣнчаніи у властей. Нѣкоторые ожидаютъ по этому случаю большихъ смутъ. Могу увѣрить васъ напередъ, что ничего не будетъ, и что спокойствіе въ Варшавѣ не будетъ нарушено, вопреки увѣреній партій дѣйствія, которая, если вѣрить слухамъ, объявила, что скорѣе рѣшится, очертя голову, произвестъ возстаніе, чѣмъ дать осуществиться этому набору, который лишитъ ее цѣлаго легіона ея приверженцевъ и послѣдователей.”

Хороши оффиціозные пророки! Но важнѣйшее тутъ, это сознаніе, что наборъ коснется именно подозрительныхъ людей—лучше—бы разрѣшить полиціи просто бить ихъ до смерти на улицахъ.

Годъ VII.

произнесъ, чтобы вопреки мнѣнію подкупныхъ журналистовъ—заявить, что въ числѣ офицеровъ, есть люди, которымъ “роль палача”, (какъ они сказали въ адресѣ Константину) надобна. Это у него сорвалось съ языка, но онъ говорилъ объ ужасахъ, о которыхъ онъ не могъ знать ничего положительнаго.

“Я и послѣ этихъ злодѣйствъ не хочу обвинять весь польскій народъ...”—Скажите пожалуйста? J'ai eu tort envers lui, cher Bertrand—mais je lui ai pardonné.*

Въ тоже время J. de S.-Petersbourg печаталъ о *Варшавской ночи*, о избіеніи русскихъ солдатъ во время сна.....

Чего собственно у нихъ недостаетъ, мозга или сердца?

Подъ видомъ набора дѣлаютъ набѣгъ, кого схватили, увезли въ цитадель, гдѣ не пашли помѣченныхъ шпионами, тамъ взяли аманатовъ, кого попало—отцовъ, матерей, женъ, дѣтей. Не будь тутъ шпионовъ, представителей бюрократической цивилизаціи Петербурга, эту ватагу разбойниковъ, можно было-бы приять за какое нибудь монгольское нашествіе. А онъ говоритъ: “я не виню Польши!” Во дворцѣ часы отстаютъ—у нихъ XIII столѣтіе а не XIX.

Нельзя сказать, чтобы мѣра эта сама по себѣ требовала столько-же изобрѣтательности, сколько животнаго бездушья. Наборъ этотъ—примѣненіе одного изъ обыкновенныхъ злоупотребленій помѣщичьяго права къ цѣлому народу. Такъ какъ прежде сего крѣпостники отдавали своихъ людей въ солдаты не по очереди, а по барской злобѣ, такъ маркиграбій съ своимъ великокняжескимъ воспитанникомъ, хотѣли отдать въ солдаты ту Польшу, противъ которой у нихъ есть зубъ.

“Люди стали бѣжать”... какъ же не бѣжать отъ вооруженныхъ шаекъ вламывающихся въ дома.

“Стали защищаться”—Еще бы! Но стало быть центральный комитетъ приготовилъ оружіе? Да какъ же было не готовить оружіе, вѣдь онъ зналъ съ какими гаротерами имѣлъ дѣло.

Наборъ этотъ безъ возстанія не могъ обойтись. Это знали русскіе, точно также какъ поляки. Иностранная газета назвала того русскаго который ѣздилъ въ Варшаву умолять Константина Николаевича не дѣлать этого набора. Великій князь, магнетизируемый Велопольскимъ, не только не послушался, но къ ранѣ прибавилъ насмѣшку—разсылая вѣсть

* “Я былъ виноватъ передъ нимъ, любезный Бертранъ,” говоритъ Робертъ Макеръ “но—но я простилъ ему!”

о тишинѣ и довольствѣ. Послѣ этого будто найдутся рабскія души, которыя будутъ винить центральный комитетъ?... Тутъ нѣкогда было думать ни о силѣ, ни о побѣдѣ. Надо было спасти великую, историческую личность, много-страдальную Польшу, надобно было нравственно спасти ее: пройди этимъ балтійскимъ Гуннамъ даромъ это преступленіе—ореола мученическая потерялась бы, великое преданіе было бы порвано, великое право на независимость было бы потрясено, Маркграбій былъ бы доволенъ...!

— “Да, да... Но зачѣмъ эти жестокости?”—Ни вы, ни я, мы объ нихъ мало знаемъ, но я вообще думаю, что война не бываетъ безъ убійствъ и что убійства не обходятся безъ ужасовъ. Но чему же удивился кроткосердый монархъ, дозволившій гаротировать цѣлый народъ, что у людей доведенныхъ до отчаянія—онъ не нашелъ ни мягкости Фрейлинтъ, ни уступчивой нѣжности ихъ?

А между прочимъ, приверженные русскому правительству, публичные листы рассказываютъ, какъ инсургенты взяли какую то кордегардію саперовъ, приставили револьверъ ко лбу каждаго, потребовали ихъ оружіе, взяли его и ушли, не убивши ни одного. Какой же въ мірѣ генералъ отъ Кастручіо Кастракане и Монтекукули—до русскаго генерала Коцебу и французскаго генерала Бурбаки, не сдѣлалъ бы—не долженъ бы былъ сдѣлать тоже?

А пророкъ къ офицерскому дому. Ну господа подписавшіе Минквицовой *maladresse*—довольны вы путемъ по которому васъ повелъ Маркграбій? Знаете ли кому вы нанесли страшный ударъ—Польшѣ? Нѣтъ, она снова высоко поднялась въ глазахъ всѣхъ народовъ. Россіи нанесли вы его. Имя русское вы сдѣлали снова ненавистнымъ какъ при Николаѣ, ненавистнымъ отъ одного края земнаго шара до другаго.

Міръ въ правѣ спросить, что это за народъ, который въ продолженіи вѣка изъ поколѣнія въ поколѣніе приходитъ терзать несчастную страну, не хотящую быть съ нимъ, ведѣящую его вкуса къ рабству?

Міръ въ правѣ спросить, что-же сдѣлало въ Россіи, привѣсти о польскомъ наборѣ это *возбужденное* общественное мнѣніе, о которомъ столько говорили? То-ли, что оно напечатало въ *Nord* адресъ готовности бить поляковъ?

Прежде по крайней мѣрѣ, засѣкая пѣлыя деревни для аракчеевскихъ поселеній, усмиряя крестьянъ отъ Пугачева до Бездны офицеры молчали, можетъ они не понимали что дѣлали. Теперь и этого оправданія нѣтъ. Они идутъ съ полнымъ сознаніемъ, они подписываютъ адреса добровольной преданности.

И все это падетъ на народъ. Его обвинять въ племенной ненависти, въ алчной стяжательности, его обвинять въ томъ, что для него дороже воли — *сила*, что уноенный своей гордыней онъ готовъ быть рабомъ для того, чтобъ покичиться тѣмъ, что можетъ въ цѣпи ковать другихъ... Что-же послѣ этого можетъ быть естественнѣе, какъ ненависть къ такому народу, всѣхъ остальныхъ?

...Еслибъ мы вѣрили, что русскій народъ въ своемъ азіатскомъ раболѣпнѣ любить господство надъ другими народами, и въ силу этого выносить рабство и въ силу этого станетъ теперь за правительство, противъ Польши—намъ осталось-бы только желать, чтобъ Россіи какъ государство, была унижена, обезславлена, разбита на части; желать, чтобъ оскорбленный

и поправный народъ русскій, началъ *новую жизнь*, для которой память прошедшаго была-бы угрызеніемъ совѣсти и грознымъ урокомъ.

Но не будемъ клеветать на него, нѣтъ доказательствъ, что онъ за эти злодѣйства? Что-же онъ сдѣлалъ?.. Вѣдь не онъ подписывалъ адресъ Минквица...

И не только не онъ, но и не всѣ офицеры.

И вотъ почему при безпрѣдѣльномъ горѣ, при всемъ ужасѣ, который обдаетъ насъ при чтеніи страшныхъ словъ “*Двое русскихъ офицеровъ, взятые въ число инсурентовъ, разстрѣляны*”, мы съ умиленіемъ и растерзаннымъ сердцемъ, готовы пасть ницъ и молиться памяти ихъ, какъ нѣкогда молились памяти юношей брошенныхъ другими палачами въ печь огненную—чтобъ они святыя мученики наши, заступники за Россію, своей жертвой, своей непорочною кровью, вымолили прощенье челоуѣчества русскому народу, еще разъ опозоренному своимъ правительствомъ!

Искандеръ.

10 февраля.

Р. S. Сегодняшній телеграмъ говоритъ о *четыре* русскихъ офицерахъ приговоренныхъ къ смерти.

Носатся слухи, что Телемакъ ссорится съ Менторомъ. Кончится тѣмъ, что *наши* надуютъ Маркграбія. Гдѣ-же была его дальновидность, когда онъ вступилъ въ союзъ съ людьми не связанными никакими нравственными убѣжденіями, никакимъ долгомъ, ни даже умомъ и логикой. Какъ-бы не пришлось Маркграбію въ своей *мѣдной каретѣ*, бѣжать отъ стыда и отъ своихъ союзниковъ.

— Корреспондентъ “*Daily Telegraph'a*” замѣчаетъ, что начальники и усерднѣйшіе усмирители Польши, *все нѣмцы* съ примѣсю француза (Бонтанъ) италянца (Паулуччи) и шотландца (Рамзей)—это напоминаетъ составъ Валленштейновыхъ полчищъ, составленныхъ изъ праздныхъ шпагъ всевозможныхъ армій, изъ офицеровъ всѣхъ странъ—у которыхъ все было что нужно для рейтеровъ и ланскене—*кромя отечества* которое-бы они защищали.

къ русскимъ офицерамъ нисавшимъ къ намъ изъ Польши.

Друзья, вы можете сдѣлать для вашихъ товарищей и для вашихъ польскихъ друзей большую услугу. Соберите на мѣстѣ, по горичнымъ слѣдамъ подробности о дѣйствіяхъ инсурентовъ, и русскихъ, дайте намъ имена офицеровъ показавшихъ особенное неутомимое усердіе и вѣрноподданнической зазоръ (хотя мы ихъ и узнаемъ по наградамъ, но можетъ-же случиться, что истинная заслуга останется незамѣченной).

Пересылать къ намъ будетъ трудно, на первое время. Оставьте у себя ваши отмытки. Впрочемъ ваши пути хороши—къ намъ все дошло.

Изд. Колокола.

Исторія адреса и контръ-адреса продолжается.

Отношенія “*Современной Лѣтописи*,” государя и “*Норда*” къ офицерскому адресу, совершенно розны. Государь вѣрить ему, и потому такъ не кстаті намекнулъ объ немъ въ мзмайловской рѣчи своей. *Современ. Лѣт.* и “*Нордъ*” не вѣрятъ, впрочемъ “*Нордъ*” ни во что не вѣритъ. Помѣстивши тотъ-же контръ-адресъ, который былъ вами напечатанъ въ “*Теймсѣ*”, въ “*Колоколѣ*” и другихъ газетахъ—съ легкими измѣненіями и выпусками—онъ его называетъ *апокрифическимъ*,

потому что онъ нами былъ посланъ прежде въ "Теймсъ",* чѣмъ офицерами въ "Нордъ".

Переводимъ изъ "Нордъ," 29 Января 1863 года, статью подъ заглавіемъ: *Протестъ офицеровъ варшавскаго гарнизона.*

"Г. Герценъ недавно напечаталъ въ своемъ лондонскомъ журналѣ "Колоколъ" адресъ будто бы отъ офицеровъ русской арміи въ Польшѣ къ вел. кн. Константину Николаевичу. Такъ какъ *Times* перепечаталъ этотъ адресъ, офицеры рѣшились послать англійской газетѣ коллективное письмо, чтобы протестовать противъ того, что они имѣли причину принять за обиду. Но прежде чѣмъ редакция этого письма была окончательно установлена, *Times* получилъ первоначальный проектъ, и напечаталъ его. Вслѣдствіе этого преждевременнаго и, слѣдственно, апокрифнаго обнародованія, офицеры адресовались къ намъ и прислали намъ для помѣщенія въ нашихъ столбцахъ слѣдующее достовѣрное письмо, сопровождаемое ихъ подписями:

Варшава 10/22 Января 1863 года.

Господинъ Директоръ,

Директоръ журнала *Times* перепечаталъ изъ *Колокола*, издаваемого въ Лондонѣ г. Герценомъ, адресованное на имя е. и. в. великаго князя Константина Николаевича, нѣкимъ неподписанное письмо отъ офицеровъ русской арміи, расположенной въ Польшѣ.

Печатавъ письмо, приносящее безчестіе русскимъ офицерамъ, письмо, представляющее ихъ измѣнниками императору и долгу-службы, г. Герценъ находитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ достовѣрности такого письма только свое личное въ томъ завѣреніе.

* Вы помѣстили въ газетѣ "The Times," письмо заимствованное изъ журнала "Колокола," издаваемого г. Герценомъ; письмо это безъ подписи и адресовано отъ имени офицеровъ войскъ расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ къ его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. Печатавъ документъ, содержаніе котораго для насъ столь-же несправедливо какъ и безчестно, г. Герценъ находитъ достаточнымъ засвидѣтельствовать однимъ своимъ личнымъ ручательствомъ дѣйствительное существованіе статьи, которой цѣль выставить насъ на пути измѣны монарху, отечеству и долгу.

Не сомнѣваясь, что посланіе это служитъ выраженіемъ только личныхъ воззрѣній г. Герцена, мы начинаемъ съ того, что отвергаемъ отъ глубины нашихъ убѣжденій, всякое соучастіе въ идеяхъ, не только намъ чуждыхъ, но и возмущающихъ чувства наши, какъ гражданъ и солдатъ.

Г. Герценъ счелъ нужнымъ давать намъ совѣты, относительно обязанности нашего званія; мы не просили его объ этомъ и желали-бы избавиться отъ такихъ попеченій. По его мнѣнію долгъ нашъ состоитъ въ поддержаніи оружіемъ всякаго безпорядка, всякаго стремленія враждебнаго правительству и общественному устройству; и все это будто-бы для славы Россіи и для нашей собственной чести.

Честь не допускаетъ намѣны священнымъ обязанностямъ, принятымъ добровольно, а г. Герцену не безызвѣстно, что всѣ мы по собственной волѣ обязались служить правительству. Долгъ-же нашъ въ Варшавѣ, какъ вездѣ, одинъ и тотъ-же, вѣрность государю и закону.

Войско существуетъ для защиты отечества; во время-же внутреннихъ смутеній, ему достается въ удѣлъ другая обязанность, не менѣе доблестная: защита общества и государственнаго порядка. Армія, подчиняющаяся влиянію личныхъ политическихъ видовъ и стремленію партій, представляла-бы жалкое зрѣлище недисциплинированной и анархической толпы, опасной для всякаго просвѣщеннаго общества.

Напротивъ того, охраненіемъ мирныхъ гражданъ, ихъ спокойствія и общественной безопасности, мы надѣемся—содѣйствовать развитію и величію нашего отечества.

Строки эти не имѣютъ цѣлью просвѣтить г. Герцена, а служатъ единственно опроверженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя ему угодно было приписать намъ.

Такъ, какъ въ журналѣ вашемъ помѣщено письмо напечатанное г. Герценомъ, въ которомъ честь офицеровъ русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ, столь сильно затронута, то мы, зная безпристрастіе редакціи "Times," надѣемся, что она не откажетъ помѣстить въ своихъ столбцахъ и этотъ отвѣтъ, въ которомъ остальные товарищи наши не могли принять участія единственно по недостатку времени и по разбросанности расположенія войскъ въ край.

Мы отвергаемъ всѣми силами нашихъ убѣжденій всякую солидарность съ идеями, которыхъ мы не только чужды, но которыя даже возмущаютъ въ насъ чувства гражданина и воина.

Г. Герценъ по своей заботливой услужливости, отъ которой мы просимъ его избавить насъ, нашелъ нужнымъ давать намъ совѣты относительно обязанностей нашего положенія. По его мнѣнію честь наша требуетъ, чтобы мы помогали оружіемъ всякому безпорядку, всякому стремленію, которое враждебно правительству и общественному порядку.

Честь не допускаетъ измѣны присягѣ, добровольно принятой. Г. Герценъ конечно знаетъ, что всѣ мы по доброй волѣ обязались служить правительству. Наши обязанности въ Варшавѣ таковы-же какъ и вездѣ: вѣрность императору и установленнымъ законамъ.

На арміи, обязанной защищать отечество во время войны, лежить не меньше священная обязанность защищать общество и спокойствіе государства во время внутреннихъ смутъ. Войско, увлекшееся какими либо индивидуальными политическими мнѣніями походило бы на лишенную дисциплины анархическую толпу, угрожающую всякому цивилизованному обществу. Мы-же напротивъ, поддерживая порядокъ и общественное спокойствіе только и надѣемся служить развитію и величію нашего отечества.

Позвольте намъ, милостивый государь, рассчитывая на вашу любезность, просить васъ, благосклонно уступить этимъ строкамъ мѣсто въ столбцахъ вашего многоуважаемаго журнала.

За тѣмъ слѣдуютъ подписи. Подписанное письмо хранится въ редакціи журнала *Le Nord*.

ПОЛКОВНИКИ :

Сорокинъ, Тевель, Паскѣвичъ, Желтухнъ, Эйхенъ, Малыновскій, Пейкеръ, Баронъ Корфъ, Капустинъ, Нильсонъ, Борисовъ, Поле, Грумъ-Гржимайло, Баронъ Моргоштернъ, Грихинъ, Бубновъ, Веймаръ.

ПОДПОЛКОВНИКИ :

Капустинъ, Росси, Авосовъ, Давыдовъ, Соловьевъ.

МАЙОРЫ :

Бойе, Грессеръ, Крыловъ, Качанъ-Дубенскій, Антушевнъ, Рагоза, Сущинскій, Фавалоньевъ, Кворрингъ, Кондратьевъ, Казн, Маріановичъ, Клевцовъ, Протополовъ, Тихонскій, Баркъ-Петровскій, Савельевъ.

КАПИТАНЫ :

Станкевичъ, Ожиговъ, Фонъ-Вейдландъ 1-й, Брюховъ, Полъ, Тукмачъ, Герироссъ, Будкинъ, Виллеръ, Тваневъ, Радишевскій, Грицкій, Курловъ, Козакевичъ, Тихменевъ, Журавлевъ, Сидоровъ, Тепловъ, Тиньковъ, Графъ Миткевичъ-Гелтокъ, Бабанинъ, Добровольскій, Грюнеръ, Лаухинъ, Гоголь, Мешковскій, Дергачъ, Споревъ, Бахты-Гирей-Едигей, Бергманъ, Штейнъ, Миндельдей, Лукашевичъ, Опорскій, Ромашкевичъ, Горба, Мирковичъ, Вейде, Булгаковъ, Акимовъ, Фонъ-Бремзенъ, Грунфельдъ, Князь Щербатовъ.

ШТАБСЪ-КАПИТАНЫ :

Брянъ, Котиковъ 1-й, Свородумовъ, Елиновскій, Мазуркевичъ, Гардеръ, Печенкинъ, Арбузовъ 1-й, Ивановъ, Мередиъ 1-й, Авенариусъ, Пикитинъ, Галлеръ, Пашокинъ, Меллеръ, Охтердонъ, Ширинъ-Шербинскій, Таубе, Казинъ, Схельскій, Фрейманъ, Олендскій, Протсенко, Невадовскій, Случевскій, Розенбаумъ, Владимірскій, Де-Витте, Діаконовъ, Повтусъ, Мончунскій, Окинчицъ, Бубновъ, Малыновскій, Бюла, Троцкий, Лихачевъ, Нагъцкій-Опошнскій, Мирецкій, Кебеле, Веселаго, Минчелевъ, Естовскій, Хлодовъ, Баронъ Искунъ-Фонъ-Гульденбандъ, Крижицкій, Брунингъ, Бѣлинскій, Тржедекъ, Вильготскій, Джерджбитскій, Мерчанскій.

ПОРУЧИКИ :

Витторъ 2-й, Кюстеръ, Шелковниковъ 1-й, Карассъ, Тяжелыниковъ, Юргенсонъ, Графъ де о'Руръ, Бушъ, Быковъ, Линденбаумъ, Мерлинъ 1-й, Мерлинъ 2-й, Пороховниковъ, Боголюбовъ, Овсянниковъ 2-й, Лапчикъ 3-й, Лемковскій 2-й, Веснинъ, Шумилинъ, Даудель, Росси, Свищевъ, Раупахъ, Баронъ Штапельбергъ, Соколовскій, Сысоевъ, Фонъ-Денъ, Гартунгъ, Раджевскій, Брантъ, Керодиновъ, Михайловъ, Баронъ Крюденеръ, Москальцовъ,

Опопренко, Муикъ, Де Роберти, Нагловскій, Паповъ, Гермесъ, Леханъ, Москвитинъ, Сахонцовъ, Зитовичъ, Бараховъ, Диденко, Снадскій, Козловскій, Алешенко, Волковъ, Муха 1-й, Муха 2-й, Роснянскій, Христинъ, Доманскій, Ебовскій, Толстой, Баронъ Искуль-Фонъ-Гульденабандъ, Картавцевъ, Швельингъ, Крымъ-Гирей, Худанискій, Гафверъ, Гессъ-де-Казье, Яворскій, Рубецъ, Гавловскій, Зеймеръ, Заржецкій.

ПОДПОРУЧИКИ :

Біаы, Франкъ, Шелковниковъ 2-й, Бачмаковъ, Лукандеръ, Котниковъ 2-й, Галицкій, Цитовичъ, Парбутъ 2-й, Мерклингъ 3-й, Арбузовъ 2-й, Петерсенъ, Фонъ-Бранденбургъ, Михайловскій, Скарятинъ, Прокофьевъ, Лавицкій 2-й, Мерехихъ 2-й, Пикитинъ, Жудра, Зеленскій 1-й, Гофманъ, Фонъ Зигеръ-Корнъ, Ушаковъ, Летягувъ, Милусть, Абросимовъ, Германъ, Шищенко, Свищевъ, Нащокинъ, Агапьевъ, Братерусъ, Черняевъ, Баронъ Мирбахъ, Баронъ Искуль, Пацевичъ, Оберъ, Козинскій - Граве, Пржемскій, Гродскій, Антушевнъ, Анисимовъ, Шеміотъ, Олдаковский, Витковский, Буткевичъ, Спирнъ, Нечискій, Рамзинъ, Рязскій, Дигна, Ястрембскій, Вандышевъ, Доманскій, Сасскій, Гобатто, Звѣревъ, Яцню, Ктитовъ, Бердяевъ, Шмитъ 1-й, Захаровъ.

ПРАПОРЩИКИ :

Ватацци, Фонъ-Вендландъ 2-й, Рожновъ, Тяжелыниковъ, Лазаревичъ, Кузинъ, Мерехихъ 2-й, Овсянниковъ 4-й, Овсянниковъ 3-й, Мерклингъ 4-й, Вяткинъ, Гавеманъ, Павоваровъ, Фроловскій, Сафоновъ, Ожиговъ, Бастромъ 1-й, Бастромъ 2-й, Готтманъ 1-й, Готтманъ 2-й, Тимофеевъ, Збруевъ, Лейманъ 2-й, Самойловъ, Тимошенко, Радзишевскій, Афросимовъ, Гартенъ, Вараксинъ, Плецъ, Пульгитъ, Прежбіано, Горбатскій, Полубинскій, Данилевскій, Тухалка, Пеледьевъ, Богдановъ, Баронъ Вревскій, Керча, Богалдинъ, Снитко, Барашевъ, Коберскій, Андриешковичъ, Свенценскій, Дупинъ-Вольскій, Саблинъ, Томашевичъ 2-й, Хилютинскій 1-й, Хилютинскій 2-й, Казанскій, Точашевичъ 1-й, Водзподовъ, Калашиинскій, Цезманъ, Кавецкій, Хлѣбовскій, Васильевъ, Гучинскій, Ильяевичъ, Краевскій, Чайковъ, Кармалевскій, Нестеровскій, Кичинъ, Веселкинъ, Шорцъ, Дергачъ, Графъ Марковъ, Марковичъ, Джанхалъ, Куденатовъ, Камзаевъ, Бяконовъ, Баронъ Моргенштернъ 1-й, Пикифорозъ, Черноглазовъ, Медяновъ, Штейнъ 2-й, Шмитъ-Лабунскій, Букаръ, Любарскій, Пушешниковъ, Ребядаловъ, Сосѣдовъ, Крюковъ 2-й, Титовичъ, Пиваничъ, Де Геннигъ, Гейденрейхъ, Булыгинъ, Занѣгинъ, Нельсина, Зегерикандъ, Бернго-Еделскій, Шукъ-Бей, Азіате.

Итого :

Полковниковъ	17
Подполковниковъ	5
Майоровъ	17
Капитановъ	44
Штабсъ-капитановъ	53
Поручиковъ	59
Подпоручиковъ	64
Прапорщиковъ	96

Всего.....355

На какое количество войск падаютъ 355 офицеровъ? Въдъ въ Польнѣ до возмущенія было слишкомъ 80000, изъ которыхъ половина была въ Варшавѣ?

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

(Письмо Восьмое).

Мужайся, стой и дай отвѣтъ !

... "Halte-là!—Stop!" сказалъ мнѣ на этотъ разъ не поврежденный, а напротивъ, одинъ поправленный господинъ, входя въ мою комнату съ "Колоколомъ" въ рукѣ. Я пришелъ къ вамъ объяснить. Ваши "Концы и Начала" перешли всякую мѣру, пора честь знать и дѣйствительно положить имъ конецъ, сожалѣя о ихъ началѣ.

— Неужели до этой степени?

— До этой. Вы знаете—я васъ люблю, я уважаю вашъ талантъ...

Ну, подумалъ я дѣло плохо, видно "поправленный" не на шутку хочетъ меня обругать, а то не сталъ бы забзжать такими лестными апрошам.

— Вотъ моя грудь, сказалъ я, разите.

Мое самоотверженіе, смѣшанное съ классическимъ воспоминаніемъ, хорошо подѣйствовало на раздраженного пріятеля, и онъ съ болѣе добродушнымъ видомъ, сказалъ мнѣ : "Выслушайте меня покойно, безъ авторскаго самолюбія, безъ изгнаннической исключительности—къ чему вы все это пишете?"

— На это много причинъ—во-первыхъ я считаю истинной то что пишу, а у каждого человѣка, неравнодушнаго къ истинѣ, есть слабость ее распространять. Во-вторыхъ... впрочемъ я полагаю, что и первого достаточно.

— Нѣтъ. Вы должны знать публику, съ которой говорите, ея возрастъ, обстоятельства, въ которыхъ она находится. Я вамъ скажу прямо. Вы имѣете самое пагубное вліяніе на нашу молодежь, которая учится у васъ неуваженію къ Европѣ, къ ея цивилизаціи—въ силу чего не хочетъ серьезно заниматься, хватаетъ вершки и довольствуется своей широкой натурой, т. е. распускающейся широко въ праздной болтовнѣ и поверхностномъ всезнаніи.

— У! какъ-же вы состарѣлись съ тѣхъ поръ какъ я васъ не видалъ, и молодежь браните и воспитывать ее хотите ложью, какъ пьянкіи поучающія дѣтей, что поворожденных приносить повинная бабка и что дѣвочка отъ мальчика отличается покроемъ платья. Подумайте лучше сколько вѣковъ люди безбожно лгали съ нравственной цѣлью, а нравственности не поправили; отчего же не попробовать говорить правду? Правда выйдетъ не хороша, примѣръ будетъ хорошъ. Съ вреднымъ вліяніемъ на молодежь—я давно примирился, взявъ въ расчетъ, что всѣхъ дѣлавшихъ пользу молодому поколѣнію, постоянно считали развратителями его, отъ Сократа до Вольтера, отъ Вольтера до Шеллея и Бѣлинскаго. Къ тому-же меня утѣшаетъ, что нашу русскую молодежь очень трудно испортить. Воспитанная въ помѣщичьихъ плантаторскихъ усадьбахъ николаевскими чиновниками и офицерами, окончившая курсъ своихъ паукъ въ казармахъ и канцеляріяхъ, она или не можетъ быть испорчена, или уже до того испорчена, что мудрено прибавить много какой-нибудь горькой правдой о Западѣ.

— Правдой!... Да позвольте васъ спросить, правда-то ваша въ самомъ-ли дѣлѣ правда?

— За это я отвѣчать не могу. Вы можете быть въ одномъ увѣрены, что я говорю добросовѣстно, какъ думаю. Если-жъ я ошибаюсь, не сознавая того, что-же мнѣ дѣлать? Это скорѣе ваше дѣло раскрыть мнѣ глаза.

— Васъ не убѣдишь—и знаете почему, потому что вы отчасти правы. Вы хорошій прозекторъ, какъ сами говорили и—и плохой акушеръ.

— Да въдъ и живу-то я въ клиникѣ и въ анатомическомъ театрѣ.

— А пишите для воспитательныхъ домовъ. Дѣтей надобно учить, чтобъ они другъ у друга каши не ѣли, да не таскали бы другъ друга за вихры, а вы ихъ подчуете тонкостями вашей патологической анатомии. Да еще приговариваете, вотъ молъ какія скверныя потрохи были у западныхъ стариковъ. Къ тому-же у васъ двѣ мѣры и два вѣса. Взялись за скальпель, ну и рѣжьте одинакимъ образомъ.

— Какъ-же это и живыхъ-то рѣзать? Страсти какія, да еще дѣтей! что-же я за Продъ вамъ достался?

— Шутите какъ хотите, меня не собьете. Вы съ большой чуткостью произносите діагнозу современнаго человѣка, да

только разобравши всѣ признаки хронической болѣзни, вы проповѣдуете, что все это произошло отъ того, что пациентъ французъ или нѣмецъ. А тѣ дома у насъ и въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что у нихъ-то и молодость и будущность. Все что намъ дорого въ преданіи, въ цивилизаціи, въ исторіи западныхъ народовъ—вы взрѣзываете безъ оглядки, безъ жалости, выставяя наружу страшныя язвы, и тутъ вы въ вашей прозекторской роли. Но валадаться вѣчно съ трупами вамъ надоѣло. И вотъ вы, отрекшись отъ всѣхъ идеаловъ въ мірѣ, сотворяете себѣ новый кумиръ, не золотого тельца, а бараній тулупъ, да и давай ему поклоняться и славословить его “Абсолютный тулупъ, тулупъ будущности, тулупъ общинный, социальный!” Вы, которые сдѣлали себѣ изъ скептицизма должность и занятіе, ждете отъ народа, ничего не сдѣлавшаго, всякую благодать, новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ, и въ ультра-фанатическомъ экстазѣ затыкаете уши, зажимаете глаза, чтобъ не видать что вашъ богъ въ грубомъ безобразіи не уступаетъ любому японскому кумиру, у котораго животъ въ три яруса, носъ расцѣлнута до скулъ и усы сардинскаго короля. Вамъ что ни говори, какія ни приводи факты, вы “въ восторгѣ пѣкомъ пламенномъ” толкуете о весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ, о многообѣщающихъ радугахъ, всходахъ! Чему-же дивится, что наша молодежь, упившись вашей неперебродившей социально-славянофильской брагой, бродитъ потомъ отуманенная и хмѣльная, пока себѣ сломить шею или разобьетъ носъ объ *дѣйствительную* дѣйствительность нашу. Разумѣется, что и ихъ какъ васъ протрезвить трудно—исторія, филологія, статистика, неотразимые факты, вамъ ни по чемъ.

— Позвольте, однако и я въ свою очередь скажу, надобно знать мѣру, какіе-же это *несомнѣнные* факты?

— Бездна.

— На примѣръ?

— На примѣръ фактъ, что мы Русскіе принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, *genus europaeum*, и слѣдовательно по самымъ неизмѣннымъ законамъ физиологии должны идти по той-же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ *уткѣ*, которая принадлежа къ породѣ утокъ, дышала-бы жабрами...

— Представьте себѣ, что и я не слыхалъ.

Я останавливаюсь на этомъ пріятномъ моментѣ полного согласія съ моимъ противникомъ, чтобъ снова обратиться къ тебѣ и отдать на твой судъ, таковыя до чести и добродѣтели моихъ посланій относящіяся парѣканія.

Грѣхъ мой весь въ томъ, что я избѣгалъ догматическаго изложенія, и можетъ слишкомъ полагался на читателей, это привело многихъ въ искушеніе и дало моимъ *практическимъ* противникамъ орудія противъ меня—разныхъ закаловъ и не одинаковой чистоты. Постараюсь сжать въ рядъ афоризмовъ основы того воззрѣнія, на который опирался, я считалъ себя вправѣ сдѣлать тѣ заключенія, которые передавалъ какъ сорванные яблоки, не упоминая ни о лѣстницѣ, которую приставлялъ къ дереву, ни о пожницахъ, которыми стригъ. Но прежде чѣмъ я примусь за это, я хочу тебѣ показать на одномъ примѣрѣ, что мои строгіе судьи, не то чтобъ были очень хорошо подкованы. Ученый другъ, приходившій возмущать покой моей берлоги, принимаетъ какъ ты видѣлъ за *несомнѣнный фактъ*, за *неизмѣнный физиологическій законъ*, что если русскіе принадлежатъ къ евро-

пейской семьи, то имъ предстоитъ таже дорога и таже развитіе, которое совершенно романо-германскими народами; по въ сводѣ физиологическихъ законовъ такого § не имѣется.

Это мнѣ напоминаетъ чисто московское изобрѣтеніе разныхъ учрежденій, постановленій, новостей, въ которыя всѣ вѣрятъ, которыя всѣ повторяютъ, и которыя между прочимъ никогда не существовали. Одинъ мой знакомый называлъ ихъ *законами англійскаго клуба*.

Общій планъ развитія, допускаетъ безконечное число варіацій непредвидимыхъ, какъ хоботъ слона, какъ горбъ верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему собаки—волки, лисицы, гончіе, борзые, водолазы, москы... Общее происхожденіе нисколько не обуславливаетъ одинаковость біографій. Каинъ и Авель были родные братья, а какія разные карьеры сдѣлали. Тоже самое во всѣхъ правственныхъ родахъ или общеніяхъ. Все христіанское имѣетъ сходныя черты въ устройствѣ семьи, церкви и пр., но нельзя сказать, чтобъ судьба англійскихъ протестантовъ была очень сходна съ судьбой абисинскихъ христіанъ, или чтобъ очень католическая австрійская армія была похожа на чрезвычайно православныхъ монаховъ афонской горы. Что утка не дышитъ жабрами, это вѣрно, еще вѣрнѣе что кварцъ не летаетъ какъ колибри. Впрочемъ ты вѣрно знаешь, а ученый другъ не знаетъ, что въ жизни утки была минута колебанія, когда аорта не загибалась своимъ стержнемъ внизъ, а вѣтвилась съ притязаніемъ на жабры, но имѣла физиологическое преданіе, привычку и возможность развиться, утка не останавливалась на бѣднѣйшемъ строеніи органа дыханія и переходила къ легкимъ.

Это значить просто на просто, что рыба *приладилась* къ условіямъ водной жизни и далѣе жабрь не вдетъ, а утка идетъ. Но почему-же это рыбье дыханіе должно сдунуть мое воззрѣніе, этого я не понимаю. Мнѣ кажется, что оно напротивъ объясняетъ его. Въ “*genus europaeum*” есть породы состарѣвшіеся безъ полнаго развитія мѣщанства—(Кельты, пѣкоторыя части Испаніи, южной Италіи и пр.)—есть другіе, которымъ мѣщанство такъ идетъ какъ вода жабрамъ—отчего-же не быть и такому народу, для котораго мѣщанство будетъ переходнымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ, какъ жабры для утки?

Въ чемъ-же состоитъ та злая ересь, то отпаденіе отъ своихъ собственныхъ принциповъ, отъ непреложныхъ законовъ мірозданія и отъ всѣхъ божественныхъ и человѣческихъ ученій и уставовъ, что я не считаю мѣщанства окончательной формой русскаго устройства, того устройства, къ которому Россія стремится и достигая котораго она можетъ пройдетъ мѣщанской полосой. Можетъ, народы европейскіе сами перейдутъ къ другой жизни, можетъ—Россія вовсе не разовьется, но именно потому что это *можетъ быть*—*можетъ быть* и другое. И тѣмъ больше, что въ томъ череду какъ стали вопросы, въ случайностяхъ мѣста и времени развитія, въ условіяхъ быта и жизни, въ постоянныхъ *складкахъ* характера, бездна указаній.

Народъ русскій, широко раскинувшись *между* Европой и Азіей, принадлежащій какимъ-то двоюроднымъ братомъ къ общей семьѣ народовъ европейскихъ, опъ одинъ не принималъ почти никакого участія въ длинной семейной хроникѣ Запада. Сложившійся туго и поздно, опъ долженъ внести или свою полную неспособность къ развитію или

развить что нибудь свое подъ вліяніемъ былаго и заимствованнаго, сосѣднаго примѣра и своего угла отраженія.

До нашего времени Россія ничего не развила своего, но кое-что сохранила; она какъ потокъ отражала, верхнимъ слоемъ, тѣснившіе ее берега, отражала ихъ вѣрно, но поверхностно. Вліяніе византійское можетъ было самое глубокое; остальное шло по петровски, брилась борода, стриглись волосы, рѣзались полы кафтана, народъ молчалъ, уступалъ, меньшинство переряжалось, служило,—а государство, которому дали общій европейскій чертежъ—росло, росло... Это обыкновенная исторія ребичества. Оно окончилось. Въ этомъ никто не сомнѣвается, ни Зимній Дворецъ, ни Юная Россія. Долгій ростъ пришелъ къ концу, пора облечься въ тогу совершенноты, стать на свои ноги, за чѣмъ-же непремѣнно на деревянныя, потому что онѣ иностранной работы? За чѣмъ же въ блузу, когда есть своя рубашка съ косымъ воротомъ?

Мы досадуемъ на бѣдность силъ, на узкость взгляда правительства, которое въ своей безплодности, усовершенствуетъ нашъ бытъ тѣмъ, что выѣсто черно-желтой Zwangs jakke, въ которой насъ пасли полтора столѣтія, надѣваетъ трехцвѣтную samisole de force, шитую по парижскимъ выкройкамъ. Но тутъ не правительство, а мандарины литературы, сенаторы журнализма, “бабьосы” политической экономіи и ивыхъ кафедръ, проповѣдуютъ намъ, какъ мой ученый другъ, что ужъ такой неизмѣнный законъ физиологии, принадлежишь къ genus europaeum, такъ и продѣлывай всѣ старыя глупости на новый ладъ, что и мы бѣдные какъ барабаны, должны спотыкнуться на той-же рытвинѣ, упасть въ тотъ-же оврагъ, и сѣсть потомъ вѣчнымъ лавочникомъ, и продавать овощи другимъ барабанамъ.

Пропадай онъ совсѣмъ этотъ физиологическій законъ!—и отчего же это Европа была счастливѣе, ее никто не заставлялъ да саро играть роль Греціи и Рима?

Въ природѣ, въ жизни, нѣтъ никакихъ монополей, никакихъ мѣръ для предупрежденія и пресѣченія новыхъ зоологическихъ видовъ, новыхъ историческихъ судебъ и государственныхъ формъ, предѣлы ихъ однѣ невозможности. Будущее импровизируется на тему прошедшаго. Не только фазы развитія и формы быта измѣняются, но создаются новые народы и народности, которыхъ судьбы идутъ иными путями. На нашихъ глазахъ, такъ сказать, образовалось новое различіе, *varietas* *сводно - европейская* въ Сѣверной Америкѣ. Не только быть, нравы, приемы американцевъ развили свой особый характеръ, но паружный типъ англо-саксонскій и кельтическій измѣнился за Океаномъ до того, что американца почти всегда узнаешь. Если достаточно было новой почвы для старыхъ людей, чтобъ изъ нихъ сдѣлать своеобразный, характеристическій народъ—почему-же народъ, самобытно развившійся, при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ западные государства, съ иными началами въ бытѣ, долженъ пережить европейскіе зады, и это—*зная очень хорошо къ чему они ведутъ?*

Да, но въ чемъ-же эти начала?

Я говорилъ много разъ въ чемъ, ни разу не слышалъ серьезнаго возраженія, и всякой разъ опять слышу одни и тѣже возраженія, добро-бы отъ иностранцевъ, а то отъ русскихъ...

Дѣлать нечего, повторимъ и ихъ опять.

Искандеръ.

15 января 1863 г.

ИСПОВѢДЬ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Мы не можемъ удержаться отъ сильнаго желанія передать нашимъ читателямъ, какъ горчаковскій журналъ философствуетъ о рекрутскомъ наборѣ въ Польшѣ, о польскомъ возстаніи и о прочемъ, и какъ “Инвалидъ” переводитъ его, а пчела принимаетъ за медъ:

“Въ Journal de S.-Petersbourg помѣщена слѣдующая статья о происшествіяхъ въ Царствѣ Польскомъ.

“Разсуждая о послѣднихъ происшествіяхъ въ Царствѣ Польскомъ, иностранныя газеты налегаютъ въ особенности на незаконность рекрутскаго сбора, и въ немъ именно желаютъ видѣть настоящую и законную причину областныхъ возстаній.

“Революціонные антрепренеры, спокойно сидящіе по своимъ угламъ въ игры и издали стряпающіе матеріалы для этой кровавой и печальной трагедіи, вѣроятно улыбнулись, прочтя эти наивныя увѣренія.

“Кому, какъ не имъ, знать навѣрное, революція-ли была слѣдствиемъ рекрутскаго набора, или рекрутскій наборъ вызванъ революціею.

“Нѣтъ пужды въ особенной прозорливости, чтобы подмѣтить революціонные подкопы, которые уже нѣсколько лѣтъ сряду грозятъ перевернуть Европу, и каждый годъ въ веселее время раздражаются какимъ-нибудь взрывомъ.

“Эта подземная работа до сихъ поръ не удавалась, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, находящихся въ связи съ общею политикой. Но революціонерамъ неиметъ. Безпорядки суть ихъ жизненная потребность; стало быть, поддерживать порядокъ для нихъ все равно, что наложить на себя руки. Этого подвига, конечно, никто и не ждалъ отъ нихъ.

“Слѣдовательно, правительства обязаны были столь же неутомимо дѣйствовать для защиты общества, какъ дѣйствовали, съ своей стороны, неутомимые враги его.

“Польша была однимъ изъ главныхъ центровъ ихъ дѣятельности. Въ страстяхъ политическихъ и религіозныхъ, весьма легко воспламеняемыхъ у народа, мало просвѣщеннаго, они находили всѣ условія, благопріятныя для посѣва революціи.

“Вождямъ этимъ прежде всего нужно было войско, преданное безпорядкамъ. Такое войско легко было набрать, благодаря различнымъ террористическимъ мѣрамъ, заимствованнымъ изъ самыхъ смутныхъ средневѣковыхъ преданій, въ массѣ народонаселенія, вообще миролюбивой, но въ то же время слабохарактерной и робкой. Чернь варшавская, равно какъ чернь другихъ городовъ польскихъ, безъ сомнѣнія, развращена, какъ обыкновенно бываетъ въ городахъ мѣщанское сословіе и мелкое дворянство; въ Польшѣ же притомъ шляхта имѣетъ совсѣмъ особый характеръ, вполне благопріятный видамъ революціоннаго комитета, и хорошо извѣстный во всѣхъ странахъ, подвергавшихся революціоннымъ кризисамъ, а именно это—масса личностей, которымъ нечего терять и есть шансы много выиграть въ смутное время.

“Если кто хотѣлъ уничтожить это мрачное предпріятіе, то слѣдовало нанести ударъ отнюдь не предводителямъ заговора. Глава его, нашедшая себѣ пріютъ за границею, недосыгаема; слѣдовательно нужно было поразить руку, обезоружить ее, лишить орудія вреднаго ихъ назначенія.

“Такъ и поступило русское правительство.

“Мы ни мало не отвергаемъ, что, производя рекрутскій наборъ въ массѣ городского населенія и избавляя отъ него сельское, правительство поступило не совсѣмъ правильно.

“Но прежде, чѣмъ требовать отъ правительства строгой законности, которой оно само очень радо было-бы держаться во всѣхъ случаяхъ, слѣдовало-бы устроить такъ, чтобы нападенія, съ которыми приходится ему бороться, не выходили изъ законныхъ предѣловъ.

“Въ одномъ изъ чужихъ краевъ, въ критическую минуту, сказано было очень лестное слово, полное глубокаго смысла: “насъ губить законность.”

“Если слова эти были такъ справедливы въ устахъ правительства, которое ратовало только противъ враговъ внутреннихъ, тѣмъ болѣе правды и силы въ этихъ словахъ, когда они относятся къ правительству, обязанному защищать страну отъ вѣншихъ нападеній.

“Вотъ чего не помнятъ публицисты-доктринеры, влюбленные въ законность. Они не хотятъ знать исключительнаго положенія, въ какое поставлено русское правительство, фактомъ непрестаннаго заговора, замышляемаго за границей: заговора обезпеченнаго покровительствомъ, которое дѣлаетъ его недоступнымъ преслѣдованію, и даетъ возможность безопасно замышлять ковы, волновать, мутить, извращать страну не подвергаясь никакимъ послѣдствіямъ, обыкновенно сопровождающимъ во всѣхъ другихъ странахъ революціонныя предпріятія.

“Вынося нападенія подобнаго рода, правительство русское пмѣетъ, по малой мѣрѣ, право обезоружить у себя обидчика, съ которымъ оно не можетъ встрѣтиться лицомъ къ лицу.

“Цѣль, поставленная себѣ русскимъ правительствомъ—та, чтобы примирить два народа изъ одного и того же семейства, разлученные роковымъ ходомъ исторіи, но соединенные неодолимою силою обстоятельствъ; умирить страсти, ихъ раздѣляющія; привести ихъ къ мирному сожителству; одновременно развить ихъ благоденствіе, ихъ богатство, ихъ народный духъ, чтобы они оказывали обоюдную любовь и содѣйствіе, переставъ ненавидѣть и губить другъ друга. За совершеніемъ этого дѣла оно трудится съ настойчивостью, которую не въ состояніи утомить эти преступныя козни. Кто становится поперекъ дороги—одинаково враги Польши, сколько и его собственные враги.

“Русское правительство не чувствуетъ къ нимъ ни малѣйшаго состраданія.

“Оно бережетъ свою попечительность для миролюбиваго городского и сельскаго населенія, жившаго трудомъ и порядкомъ, и всего больше заинтересованнаго въ подавленіи попытокъ, которыя могутъ только остановить дѣйствительныя преуспѣянія страны на открывшейся для нея дорогѣ реформъ и улучшеній. Это населеніе—вотъ истинная Польша въ глазахъ правительства.

“Что касается несчастныхъ, допускающихъ увлечь себя на служеніе анти-патріотическому и анти-общественному дѣлу, все, что только могло сдѣлать правительство—это избавить ихъ отъ этого гнуснаго вліянія, предохранить отъ опасности собственнаго увлеченія, поставивъ ихъ въ невозможность вредить здоровой части общества. Именно такова была цѣль рекрутскаго набора, эта мѣра не допустила бы многихъ изъ этихъ несчастныхъ до бѣдствій, страданій и наказаній, на которыя наводили ихъ безжалостные заговорщики.

“Мнимо-законный предлогъ, которымъ они прикрываются, никого не можетъ обмануть. Они не ждали этого предлога, чтобы устраивать свои козни противъ общественнаго спокойствія. Уже цѣлые годы они совершаются передъ лицомъ всей Европы. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ правительство было извѣщено объ ихъ планахъ; оно знало, какъ нельзя лучше, что рекрутскій наборъ долженъ послужить сигналомъ взрыва, дотолѣ отлагаемаго. Но оно знало также, что этотъ предлогъ былъ выбранъ именно потому, что руководители испытывали непосредственную на себѣ тяжесть мѣры, которая отнимала у нихъ преданныя имъ жертвы, и лишала средствъ возмущать свое отечество.

“Итакъ правительство должно было видѣть въ этомъ побужденіи оставаться твердымъ въ своей рѣшимости очистить Польшу отъ этихъ стихій безпорядка, возратить ее самой себѣ и свободѣ ея собственныя стремленія. Когда правительство останется лицомъ къ лицу единственно съ нею, оно ничего лучше не желаетъ, какъ возвратиться къ законному порядку, введенному имъ самимъ и пр.

СМѢСЬ.

Изъ Петербурга. Procès monstre. Пашъ давнишній знакомый А. О. Голицынъ, инквизиторскій помощникъ въ 1834, инквизиторъ en chef въ 1863 (двадцать девять лѣтъ, какова карьера и вѣрѣе послѣ этого исправленію людей!) готовить чудовишный процессъ для вящей славы либеральнаго царствованія Александра II. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ хватаютъ людей, на право и на лѣво, по всей Европѣ ищутъ черезъ консуловъ, поповъ, пословъ—русскихъ всѣхъ лѣтъ и возрастовъ. Посмотримъ чѣмъ этотъ *рекрутскій наборъ* окончится и что сдѣлаетъ изъ процесса Голицынъ. Кстати дѣло о зажигательствѣ такъ и кануло, его-бы прежде кончить... Литературные защитники правительства, скажите-же словечко объ зажигателяхъ.

— *Князь Орловъ и баронъ Будбергъ.*—*Теймсъ* отъ 6 Февраля говоритъ, что Русское посольство въ Парижѣ спрашивало кн. Орлова, не помѣститъ-ли опроверженіе слуха повтореннаго журналами о побѣдѣ кн. Орлова къ великому князю въ Варшаву съ цѣлью уговорить его не приводить въ дѣйствіе наборъ. Князь Орловъ будто-бы отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно ѣздилъ и что если будетъ опроверженіе, то онъ будетъ протестовать. Но въ русской службѣ отъ кн. Орлова до барона Будберга—одинъ шагъ.

— *Surtout pas trop de zèle M. Budberg.* Усердіе не все превозмогаетъ... времена Клейнмихеля прошли. Будбергъ въ остромъ припадкѣ усердія попросилъ, чтобы въ Парижѣ закрыли польскую школу въ Батиньолахъ—единственное убѣжище дѣтей изгнанниковъ, въ которомъ они могутъ получить воспитаніе, не теряя національности. Мы съ величайшимъ удовольствіемъ узнали, что ходатайство Будберга было отвергнуто государственнымъ совѣтомъ—единодушно. Отчего же Киселевъ не дѣлалъ подобныхъ усердій?

— *Вспомогательное французское войско въ Польшу.*—*Теймсъ* (6 Февр.) говоритъ, “что онъ знаетъ изъ вѣрнаго источника, что русское правительство обратилось въ Парижѣ къ властямъ, прося ихъ дать способнаго человѣка который-бы устроилъ въ Варшавѣ тайную полицію по образцу парижской. Просьба эта тотчасъ-же была исполнена и что десять дней тому назадъ вѣрный агентъ французской тайной полиціи отправился въ Варшаву съ этой цѣлью.”

Мы къ этому прибавимъ, что *человѣкъ* посланный теперь, не первый, въ Варшавѣ съ прошлой осени было нѣсколько французскихъ шпионовъ, одинъ изъ нихъ былъ какъ-то побитъ казаками.

ЗАПРОСЪ СВЯТѢЙШЕМУ СИНОДУ

о

ІЕРЕЙСКОМЪ ДВОЕЖЕНСТВѢ

Съ отшествіемъ къ преждеусопшимъ святителямъ паствы града святаго Петра (что на Невѣ) высокопреосвященнѣйшаго Григорія, оскудѣло число знаемыхъ нами св. отецъ до того, что мы находимся въ необходимости просьбу о разрѣшеніи нашего сомнѣнія, возвести на соборное разсмотрѣніе святѣйшаго снуда.

Безспорно, что мы могли-бы обеспокоить Филарета московскаго, проведя часть жизни своей-подъ его епархіальнымъ благословеніемъ. Но его горячее служеніе тѣлеснымъ наказаніямъ дѣлаетъ несообразнымъ духовныя съ нимъ бесѣды тѣмъ паче, что у него не только розги временныя, но и вѣчныя, не только палки осиновыя, но и огъ древа Едемскаго, на спинѣ человѣческой несокрушаемаго.

И такъ рѣшаемся мы, сыновнее недоумѣніе наше повергнуть всему вертограду пастырскому.

Уже-ли іерей, единой жены мужъ, можетъ безгрѣшно вѣнчаться съ другою, содержать наложницу или быть содержиму какой-нибудь вавилонской блудницей?

Безсомнѣнно, что мы не о тѣлесной жевѣ и не о плотской наложницѣ говоримъ, а о духовной—по духа инаго, свѣтско-духовнаго.

Можетъ-ли, спрашиваемъ мы, іерей, вѣнчанный съ церковью христовой, исправлять должность тѣла царскаго, консуломъ въ просторѣчи называемаго—въ Генфѣ или иномъ калвинпомерзскомъ градѣ? Можетъ-ли десница воздымающаяся отъ престола антиминомъ покрытаго, опускаться съ перомъ отъ крыла пернатыхъ для скрѣпы записей кесаревыхъ? И не слѣдуетъ-ли по крайней мѣрѣ скрѣпы мытарскія писать шуицей? Но гдѣ-же тогда училищныя лѣводланному писавію?

Буде-же сіе духовное многоженство допускается, то почему же останавливаться на должностяхъ консулярныхъ въ странахъ невѣрныхъ и не занимать дома іереевъ свѣкиро и конно учителями всадниковъ, хожалыми по градамъ и весямъ, купно приходскими душъ и квартальными тѣлесъ надзирателями?

Благословите св. отцы и разныхъ орденовъ кавалеры, разрѣшить сомнѣніе смятенной души дѣтей вашихъ.

— СВѢТСКОЕ КОНСУЛЬСТВО ВЪ ЛОНДОНѢ. Русское консульство въ Лондонѣ вызываетъ черезъ “Теймсъ” *Павла Машкулова, Василья Кельсѣва и Николая Жуковскаго* для какого-то сообщенія. Само собою разумѣется, что мы не совѣтуемъ имъ идти туда, потому что навѣрное имъ сообщать что нибудь неприятое. Но мы не можемъ не отдать справедливости—что средство употребленное консуломъ, гораздо приличнѣе отыскиванія адреса русскихъ у людей, нисколько не желающихъ служить русскому правительству.

Вотъ письмо полученное г. Трюбнеромъ:

The Consul Gen. Mr. de Berg presents his compliments to Messrs. Trübner & Co., and has the honour to request that they will be so obliging as to inform him of the addresses of Mr. W. Kelsieff, Mr. Paul Mashkouloff, and Mr. Nicolai Joukowsky, should their places of residence be known to Messrs. Trübner & Co. The above named gentlemen are supposed to be staying in London.

Mr. Kelsieff was residing about two years ago at No. 3, Britannia Terrace, Fulham Road. S. W.

32, Great Winchester Street,
London. E. C.

3/15 January, 1863.

— Изъ Вильно.—26 Декабря 1862 г. умеръ здѣсь Вендзягольскій, бывшій капитанъ-исправникомъ при Николаѣ и извѣстный тѣмъ, что схватилъ знаменитаго *Конарскаго* въ корчмѣ Бржижовнѣ близъ Вильно. Вендзягольскій получилъ Анну на шею и нѣсколько тысячъ. За гробомъ этаго почтеннаго гражданина, шли по наряду знаменитый полицмейстеръ Васильевъ и нѣсколько челоѣкъ изъ *служащихъ* у него.

ВИКТОРЪ ГЮГО РУССКОМУ ВОЙСКУ.*

Солдаты, будьте людьми. Слава эта представляется вамъ теперь, воспользуйтесь ею.

Если вы продолжите эту дикую войну; если вы, офицеры, имѣющіе благородное сердце, но подчиненные произволу, который можетъ лишить васъ званія и сослать въ Сибирь; если вы, солдаты, крѣпостные вчера, рабы сегодня, невольно оторванные отъ вашихъ матерей, невѣсть, семействъ, вы, тѣлесно наказываемые, дурно содержимые, осужденные на долгіе годы военной службы, которая въ Россіи хуже каторги другихъ странъ—если вы—сами жертвы, пойдете противъ жертвъ, если вы въ тотъ торжественный часъ, когда скорбящая Польша возстаетъ, когда еще есть время выбора между Петербургомъ и Варшавой, между самовластіемъ и свободой; если при этомъ роковомъ столкновеніи, вы не исполните единаго долга лежащаго на васъ, долга братства, если вы пойдете съ царемъ противъ поляковъ, если вы станете за ихъ и за вашего палача, если вы въ вашемъ рабствѣ научились только тому, чтобъ поддерживать притѣснителя, если вы имѣющіе оружіе въ рукахъ, отдаете его на службу чудовищному деспотизму дающему русскимъ также какъ поляковъ, если вы вмѣсто того, чтобъ обернуться противъ палачей—подавите числомъ и превосходствомъ средствъ, героическое народонаселеніе, выведенное изъ терпѣнія, заявляющее свое святое право на отечество; если въ XIX столѣтіи вы зарѣжете Польшу, если вы сдѣлаете это—звайте люди войска русскаго, что вы падете ниже вооруженныхъ ватагъ Южной Америки и возбудите отвращеніе всего образованнаго мира. Преступленія силы остаются преступленіями, и общественное отвращеніе—уголовное наказаніе ихъ.

Войны русскіе, вдохновитесь поляками, не сражайтесь съ ними.

Передъ вами въ Польшѣ не непріятель—а *примирѣе*.

Готвальд-Гаусъ, Февраля 1863.

Викторъ Гюго.

— Князь П. В. Долгоруковъ, въ слѣдствіе преслѣдованій правительствъ русскаго и французскаго, принужденъ былъ оставить Бельгію и уѣхать въ Голландію. Черезъ нѣсколько дней онъ прибудетъ въ Лондонъ, гдѣ, по устройствъ своей типографіи, будетъ продолжать изданіе “Листка”, первые пять NN. коего напечатаны были въ Брюсселѣ. Онъ пишетъ намъ, что будетъ также продолжать изданіе своего политическаго обозрѣнія: *Le Véridique*. Письма кн. П. В. Долгорукову можно пока адресовать на польско-русскую книжную лавку: S. Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho, W. Кн. Долгоруковъ снова завѣряетъ петербургское правительство, что молчать его никакъ не заставятъ.

— 15 Февраля. МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ *все нѣтъ*. А деньги взяты впередъ, что это плутовство или небрежность. Газеты посылаютъ тюками и брать почтовые деньги съ листа, это изъ рукъ вонъ.

— Въ общій фондъ получены 15 тал. отъ К. П.

* Сейчасъ получилъ я при письмѣ Виктора Гюго изъ Герисе, его воззваніе—къ русскимъ воинамъ, для напечатанія въ “Колоколѣ”. Слѣшу передать его нашимъ читателямъ. Есть великія имена являющіяся при всѣхъ великихъ событіяхъ, безъ нихъ они были-бы словно не полны.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна 9 пен., съ одиннадцатымъ номеромъ — ОБЩЕЕ БѢЧЕ.

ЛИСТЬ 157.

1 МАРТА 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 11).

У Трибнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price Nine pence, with Supplement: VETCHÉ No. 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Земля и Воля—Вольскій и Маркевичъ—SCHINDERKNECHT—Лучше поздно, чѣмъ никогда—Бѣлая церковь. Сивсъ :
Рекрутскій наборъ въ Россіи—“Свободное Слово”—Г. Будбергъ—Советъ Общества “Земля и Воля”—Изъ Morning Post—
Общій Фондъ—21 Февраля 1863—Раненбургское и Скопинское предложенія—Сборникъ Типографіи и пр.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.

Въ то время какъ петербургскій орелъ опустилъ одну изъ головъ, рветъ по ключамъ грудь несчастной Польши, около другой головы его собираются иныя тучи — свои, домашнія... Пусть онъ погодить служить молебень съ своимъ бранденбургскимъ коршуномъ, котораго позвалъ на пиръ усмиренія великаго народа.

1863 не 1831.

Если Европа таже, то Россія не таже!

Мы достовѣрно знаемъ, что столичные и областные круги соединяясь между собой и съ офицерскими комитетами — сомкнулись въ одно общество.

Общество это приняло названіе “ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ.”

Во имп этого названія оно побѣдитъ!

Земля и Воля! родныя слова для насъ, съ ними выступили и мы нѣкогда, въ зимнюю николаевскую ночь, и ими огласили раннюю зорю настоящаго дня. Земля и Воля было въ основѣ каждой статьи нашей, Земля и Воля на нашемъ заграничномъ знамени и въ каждомъ листѣ вышедшемъ изъ лондонскаго станка.

Земля и Воля—два великіе завѣта, двухъ неполныхъ развитій, два необходимыхъ пополненія вѣчно-расторженныхъ полушарій, которыхъ соединить быть можетъ удѣлъ Россіи. Она испытала до дна что значитъ земля безъ воли; она наглядѣлась до сыта что значитъ воля безъ земли...

Привѣтствуемъ васъ, братья, на общемъ пути! Съ жадностью будемъ мы слѣдить каждый шагъ вашъ, съ трепетомъ ждать отъ васъ вѣстей, съ любовью будемъ передавать ихъ, съ безкорыстной любовью людей радующихся развитію стремленій цѣлой своей жизни.

Съ вашей святой хоругвью—вамъ легко будетъ служить русскому народному дѣлу!

1 марта 1863.

ВОЛЬСКІЙ И МАРКЕВИЧЪ.

Вольскій и Маркевичъ были разстрѣлены 31 Января въ Новогеоргиевскѣ. Маркевичъ былъ подпоручикомъ витебскаго полка и взятъ въ плѣнъ при одной изъ схватокъ съ повстанцами.

Годъ VII.

SCHINDERKNECHT.

..... Il y a toujours eu dans l'estime des peuples
quelqu'un au-dessous même du bourreau—
c'est son valet!

Le Cte. de MONTALAMERT.

“Valet du bourreau”—verdeutsch—“Schinderknecht”..

Deut.-Fran. LEXICON.

Русскій офицеръ *Климкевичъ*, пишетъ ‘Бреславская газета’ былъ оставленъ пруссаками и выданъ Россіи.

Трое молодыхъ поляковъ Пронцовскій, Дзиковскій и Коперчинскій, схвачены на дорогѣ изъ Парижа въ Польшу пруссаками и выданы Россіи.—(Opin. Nation.)

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ.

I.

Печальнѣе нашъ удѣлъ, скрѣпя сердце, помѣчать главныя черты неровнаго боя польскаго Лаокоона съ петербургскимъ чудовищемъ... Съ одной стороны героизмъ до безразсудства, поэзія, любовь, великія преданія, воля, безпомощность и смерть. Съ другой—властолюбивый капризъ, забитое повиновеніе, угрызеніе совѣсти, сила и прусская помощь.

Дѣйствительно неугомонный народъ эти поляки, около ста лѣтъ не могутъ умереть. Кажется все кончено; проходятъ поколѣнія, все тихо, finis Poloniæ, Европа успокаивается на безплодномъ чувствѣ сожалѣнія—что-же тутъ дѣлать, мертвѣе не воскресишь, да и гдѣ-же было пережить столько ранъ и ударовъ. Забыть гордой боецъ подъ землей—и вдругъ отъ одного конца міра до другого раздается стонъ потрясающій веѣ совѣсти, мѣшающій всѣмъ снамъ, стонъ заживо схороненнаго народа, приподнимающагося въ своихъ кровавыхъ ранахъ и ржавыхъ цѣпяхъ и возвышающаго что онъ не умеръ!

Нѣтъ, онъ не умеръ! Мертвые не могутъ возбуждать столько преданности, самоотверженія, столько фанатическаго восторга, столько юныхъ силъ.

Но какъ исчезаютъ въ Европѣ; гдѣ ихъ было десять—нѣтъ, гдѣ два и тѣхъ нѣтъ. Идетъ и юноша съ пробивающимся усомъ, идетъ и сѣдой изгнанникъ 1831, идетъ, бросая мѣсто, работу, которой онъ не найдетъ больше въ тѣсноѣ и давнѣ западной конкуренціи, убогое досогоніе продано; Польша возсталла, Польшѣ ихъ нужно, о чемъ-же тутъ разсуждать, надобно идти.

Къ мертвымъ такъ не ходятъ; вѣдь и тѣ, которые ходили къ гробу въ Іерусалимъ, ходили не къ мертвому, а къ воскресшему.

Правъ былъ Юльянъ Клячко въ своей рѣчи въ батиньольской школѣ, когда онъ сравнивалъ польскую эмиграцію съ тѣмъ схимникомъ спасавшимся вдали отъ людей, который на вопросъ одного изъ цезарей, “что онъ дѣлаетъ?” отвѣчалъ “*Remeo! Возвращаюсь!*”

Польская эмиграція не бросила юрней, не осыла, не взошла въ свою мебель, она *возвращалась!*

Полякамъ что-то говорить, не смотря на ихъ гордую увѣренность, что они принадлежатъ къ тѣспому родству западныхъ народовъ—*что они здѣсь не дома.*

Нѣмецъ, прожившій гдѣ-нибудь лѣтъ десять, теряетъ все національное, кромѣ дуриаго акцента, вживается во всѣ интересы страны кормящей его, не стремится въ свое отечество, не болитъ объ немъ. А полякъ какъ-бы долго ни жилъ—*возвращается.* И оттого, при первомъ призывномъ звукѣ трубы съ береговъ Вислы, изгнанникъ польскій встаетъ въ Италиі, встаетъ въ Англіи, беретъ бѣдную свою котомку и идетъ нести свою кровь общей, всѣхъ скорбящей, страшно несчастной и сграшно любимой матери.

...Какая черная доля быть палачемъ этой матери, затагивать веревку на ея шею и хладнокровно сто противъ одного прирѣзывать ея дѣтей!

Можетъ только одно положеніе въ мірѣ еще хуже нашего. Это положеніе добровольнаго помощника при экзекуціи, помощника сильному противъ слабого... положеніе сыщика, полицейскаго ждущаго на дорогѣ. Нѣтъ, не быть тебѣ Пруссія во главѣ германскаго единства; нѣтъ, ты сама развалишься, государство безъ народности, военная некомпетентность, созданная королемъ-энциклопедистомъ; на твоёмъ юнкерскомъ лбѣ нѣтъ помазанія, ты останешься военной семинаріей рода человѣческаго, экзерцизь-гаузомъ философіи и аванъ-постомъ петербургской управы благочинія.

II.

“Теймсъ” говорить :

“Рядомъ съ дико-звѣрскими подвигами непріятельскаго войска въ Польшѣ, рядомъ съ сожженными деревьями, убитыми женщинами, разграбленными домами—идетъ безобразіе казенной и откупной журналистики. Эти риторическія погремущки, привязанныя къ разъяренному медвѣдю, эта кровавая грязь, липнущая къ пушечнымъ колесамъ—заставляетъ содрогаться.”

Если въ чемъ-нибудь прогрессъ несомнѣненъ въ Россіи, то это въ литературномъ растлѣніи. Пря Николаѣ всякое заявленіе политическихъ мнѣній, было запрещено. Журналистъ молча, передавалъ урѣзанный фактъ и читатели догадывались о чемъ онъ умалчиваетъ. Два, три закупленные журналиста пользовались всеобщимъ презрѣніемъ и не имѣли никакого вліянія на общественное мнѣніе. Все это измѣнилось. Теперь всякій казенный публицистъ начинаетъ съ оды на свободу, съ гимна о несокрушимомъ правѣ, съ проклятій цензуры...и такъ ведетъ, ведетъ читателя по форумамъ и капитолиямъ,...да вдругъ и очутится съ нимъ въ III Отдѣленіи и уже пахнетъ не Вашингтономъ, не Мирабо, а чисто Александромъ Оеодорычемъ Голицынымъ... Около капитальныхъ статей красуется наивный вѣнокъ такой безстыдной лжи, такого основательнаго невѣжества, такой пошлости наконецъ, что середѣ величайшаго отвращенія нельзя не смѣяться.

Статья “*Journal de S.-Petersbourg*” поразила всю Европу своей безперемонностью, своимъ обличеніемъ неслыханнаго отсутствія всякаго нравственнаго чувства въ петербургскомъ правительствѣ. Противъ нея вышли “Московскія Вѣдомости” съ либеральнымъ началомъ и англійскимъ заключеніемъ, онѣ не принимаютъ признанія “*Jour. de S.-Petersbourg*” и пахотятъ, что рекрутскій наборъ—*по выбору полиціи—совершенно законенъ....* Мы думали, что дальше идти нельзя, но 21 Но. “Вѣдомостей” оставилъ за собой все предыдущее. Начавъ одну статью похвалой польскому патриотизму и пожуривъ въ другой правительство за то, что плохо смотрѣло за поляками и мало брало мѣръ осторожности, “Московскія Вѣдомости” говорятъ : “... Паскевичъ, остановивъ наши полки у валовъ Варшавы, хотѣлъ избѣжать ужасовъ пражскаго штурма въ 1794 году; за это великодушіе, спустя тридцать два года, намъ заплатили новою вареоломеевскою почю, благодаря тому, что мы простерли свое *новое великодушіе до самозабвенія...*”

Такого канибальства мы не встрѣчали съ тѣхъ поръ какъ “Отеч. Запис.” въ бреду отъ страха (который слава богу прошелъ), требовали какихъ-то неслыханныхъ казней зажигателямъ—которыхъ и поднесъ не нашлось.

Самое замѣчательное состоитъ тутъ въ томъ, что этой вареоломеевской почы не было. И не только не было, но само собой разумѣется, что объ ней никогда никто кромѣ полицейскихъ композиторовъ не думалъ—тѣхъ самыхъ, которые наканунѣ взрыва писали, что “рекруты *довольны* тѣмъ, что рекрутство избавило ихъ отъ притязательности революціонной партіи.” Тѣхъ самыхъ, которые на другой день взрыва пачали кричать объ ужасахъ и до сихъ поръ не унимаются. Кстати къ этимъ ужасамъ.

Тотъ, кто сколько-нибудь знаетъ, что такое возстаніе—возстаніе въ двадцати пунктахъ, безъ сосредоточенности, безъ плана, безъ правильнаго веденія, тотъ пойметъ легко, какіе несчастные случаи могутъ совершиться. Но клепать на народъ геройски поднявшійся и бросившій перчатку такой силѣ, также мало рыцарски, какъ при первомъ выстрѣлѣ бросится къ прусскому дяденькѣ съ крикомъ : “*Караулъ, караулъ, helfen sie mir, Onkelchen!*”

И что могутъ значить отдѣльные случаи жестокости—въ сравненіи съ разграбленными домами, выжженными деревьями и наконецъ казнями приказанными полковникомъ Бедрягой, какъ говорить “Теймсъ” (18 Февр.)? И при всемъ этомъ есть поклонники *plus royalistes que le roi*, которые упрекаютъ Николая и Паскевича въ излишней мягкости и неосторожномъ великодушіи! Мы скоро дойдемъ до того, что сдѣлаемъ изъ Аракчеева сентиментальнаго Вертера, который отъ избытка нѣжности, засѣкалъ дюжинами солдатъ.

Обращаемся къ валуевской Почтѣ, вотъ какую напимѣръ галиматью печатаетъ она съ нѣмецкихъ голосовъ :

“До настоящей минуты (28 Января) благодаря военному положенію, въ Варшавѣ все спокойно. Съ 9-ти часовъ вечера рѣдко показывается военный на улицѣ; но въ казармы, также какъ и въ цитадель, никто не допускается. Извѣстія, полученныя до сегодня, *успокоительны и благопріятны* для правительства. Ни Плоцкъ, ни Радомъ и ни одинъ изъ другихъ городовъ не находятся въ рукахъ мятежниковъ; временное правительство, о которомъ такъ много говорили, не объявлено. Нанаденія въ Плоцкѣ и Бодзентынѣ были

всего опасѣе, а впрочемъ и insurgенты, хотя и собираются толпами. но какъ только замѣчаютъ, что численное превосходство ихъ надъ войсками не слишкомъ значительно—тотчасъ-же обращаются въ бѣгство, и скрываются въ дѣсу. Наружный видъ пойманныхъ бѣдняковъ самый жалкій. Голодные, оборванные, часто боные, они представляютъ самую грустную картину нищеты. *О военной выправкѣ, о какой бы то ни было дисциплинѣ или о правильномъ вооруженіи, жалованьи и продовольствіи, нѣтъ и помину*”.

На счетъ продовольствія insurgентовъ сказано, что имъ дается *поллота хлѣба и кварта водки въ день!*

“При Мылеевѣ, толпа въ 40 человекъ встрѣтила двухъ здѣшнихъ жандармовъ. Между insurgентами нашелся нѣкто, привезенный въ прошломъ году, однимъ изъ этихъ жандармовъ, въ Варшаву. Этотъ insurgентъ объявилъ, что сейчасъ же убьетъ жандарма: но другіе удержали его отъ такого намѣренія тѣмъ доводомъ, что было бы безчестно, еслибъ столько людей падали на двоихъ, и умертвили-бы ихъ. Копчилось тѣмъ, что жандармовъ обезоружили, отняли у нихъ лошадей, платье и отпустили ихъ въ крестьянской одеждѣ. Пока всѣ эти печальныя дѣйствія происходятъ *въ полѣ, въ шинкахъ поляки плещутъ съ русскими*.”

Это букетъ, выше этого ничего нѣтъ. Столовачальникъ помѣстившій эту статью заслуживаетъ одобренія высшаго начальства.

Генералъ-лейтенантъ Синельниковъ везъ 100,000 руб., на него напали insurgенты и обезоруживъ его, взяли деньги и дали росписку. Генералъ-лейтенантъ Синельниковъ объявилъ въ “Сѣвер. Пч.”, что деньги у него не брали и что онъ далъ не росписку, а свои *револьверы*, такъ были учтивы insurgенты. Оказывается стало на дѣлѣ, что оба дурно поступили, генералъ отдавши оружіе и insurgенты не взявши денегъ.

Кто такое Франковскій по русскимъ газетамъ?

Франковскій—миръ.

Франковскій—зять Эпштейна.

Эпштейнъ—зять Франковскаго.

Франковскій—генералъ Высоцкій.

Его взяли въ плѣнъ, и сейчасъ газеты перепечатываютъ біографію генерала Высоцкаго, вотъ молъ мы какую птицу взяли въ полонъ, а Высоцкій въ Парижѣ.

III.

Предѣлъ злодѣйства достигается рѣдко, оттого что преступленіе рѣдко достигаетъ той степени вѣлудскаго безобразія и голой безправственности, что оно равно поселаетъ отвращеніе въ старомъ и маломъ; прогрессивному правительству въ Петербургѣ удалось достигнуть этого Геркулесова столба и вотъ оно стоитъ передъ судомъ Европы, окровавленное, гадкое, двуличное, съ печальными солдатами, съ прусской родней, въ вѣнкахъ изъ подкупныхъ лентъ и присяжные всѣхъ народовъ признаютъ его *осужденіе*.

Возбудить негодованіе, ненависть, проклятіе всей Европы, Европы усталой, старой, католической, протестантской—это страшный успѣхъ.

Какъ-то наши англикующіе журналисты сладятъ съ засѣданіями парламента и со всей англійской журналисткой? Россель-то не находить, что людокрадство, не выходитъ изъ законности. Опять *стрѣлокъ* сенаторъ промахнулся. Трудная должность быть литературнымъ адвокатомъ злодѣйствъ и гласностью укрывать и прихорашивать преступленія.

IV.

лучше поздно, чѣмъ никогда.

Какъ ни странно намъ, какъ ни удивляетъ насъ самихъ это, но мы готовы привѣтствовать отъ всей души Австрію на ея новомъ пути и пожелать ей, чтобы она не сбилась съ него.

Мы не вѣримъ ни въ возможность наказаній за гробомъ, ни въ справедливость уголовныхъ каръ, мы не признаемъ ни смертныхъ грѣховъ, ни смертныхъ казней. Всякое окончательное осужденіе, всякой безапелляціонный приговоръ ограничиваетъ мысль и мѣшаетъ дальнѣйшему пониманью съ одной стороны и восстановленію съ другой. Мы готовы всегда измѣнить наши сужденія, не отступая ни на волосъ отъ общихъ началъ нашего воззрѣнія.

Какъ-бы поздно ни возвращался грѣшникъ блуднымъ сыномъ или *блуднымъ дѣдомъ*, лишь бы онъ это дѣлалъ *сознательно и откровенно*—величъ радостно заколотъ лучшаго тележка.

Воротиться никогда не поздно и не трудно, лишь-бы увидѣть свою ошибку, а поправить ее всегда легко. Вся бѣда въ томъ, что преступники невольно “скверные счетчики.” Мозгъ у нихъ такъ забитъ и такъ мало развитъ, что они рѣдко могутъ одолѣть сложную бухгалтерію жизни.

Еслибъ мы могли послать Австріи всѣ знаменитыя ариеметики, отъ ариеметики Мих. Магницкаго и ариеметики штыкъ юнкера Войтяховскаго до ариеметики Меморскаго, мы сейчасъ послали-бы въ Вѣну. Немножко пропорцій, немножко тройнаго правила и Австрія гордо подниметъ свою голову показывая индულгенцію народовъ и отпущеніе былаго за подвигъ настоящаго.

Немножко ариеметики!

...На бѣломъ австрійскомъ мундирѣ далеко видно черное клеймо выжженное вѣковымъ проклятіемъ рода человѣческаго; на вѣтхой габсбургской мантии бездна пятенъ, рѣки крови лились по ней, и рѣки слезъ. Мѣста такова нѣтъ въ обширной имперіи, гдѣ въ воздухѣ не носился-бы стоишь задушевной безжалостно народности, гдѣ-бы не валялись цѣпи перержавшія на живыхъ костяхъ.

Сколько бѣдствій, униженій вынесла она за холодное хищничество свое, за ревнивое властолюбіе. Грозныя несчастія шло одно за другимъ—Сольферино за Магентой—напоминая вѣтхому грѣшнику, что мѣра его дѣлъ исполняется, что пора каяться... Австрія запустивъ глубоко свои когти въ льва св. Марка—думала думу.

Можетъ въ самомъ дѣлѣ результатъ этой думы—ея настоящее положеніе относительно польскаго вопроса.

Пусть она выдержитъ начатое, не сойдетъ съ дороги, и ея былые грѣхи задвинутся. И она можетъ все это сдѣлать, не теряя ничего, чего терять не надобно, и выигрывая гегемонію Германіи, и.....и—это почти роскошь—и втаптывая въ грязь презрительную Пруссію—протестантскую будку православнаго петербургскаго царя.

Но пусть-же Австрія помнитъ, что не всякой день на ея улицѣ будетъ праздникъ. Она можетъ къ себѣ приложить слова своего знаменитаго противника:

“Oggi o mai!”

II—рѣ.

БѢЛАЯ ЦЕРКОВЬ.

(Отрывокъ изъ Второго Выпуска "Записокъ Декабристовъ").

1825 года Декабря 23 Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ изъ мѣстечка Кіевской губерніи Василькова, съ братомъ своимъ Матвѣемъ отправился въ Житомиръ. Дѣла Тайнаго Общества(1) требовали свиданія его съ командирами гусарскихъ полковъ ахтырскаго и александрійскаго Артамономъ и Александромъ Муравьевыми; послѣ чего онъ намѣренъ былъ проѣхать въ 8^ю пѣхотную дивизію(2). Отъ брата своего Ипполита(3) онъ получилъ съ эстафетомъ извѣстіе изъ Москвы о событіяхъ, случившихся въ Петербургѣ 14го Декабря. Въ черниговскомъ полку сіи происшествія сдѣлались извѣстными посредствомъ Михаила Бестужева-Рюмина прежде официальнаго объ оныхъ объявленія.

25го Декабря С. Муравьевъ обѣдалъ у командира 3го пѣхотнаго корпуса Рота(4), шутилъ вмѣстѣ съ нимъ на счетъ петербургскихъ событій, и въ тотъ-же день, по его позволенію, отправился къ Муравьевымъ въ мѣстечки Трояновъ и Любаръ, мѣста штабовъ александрійскаго и ахтырскаго гусарскихъ полковъ. На пути чрезъ мѣстечко Брусиловъ, С. Муравьевъ заѣхалъ къ полковнику Набокову, командиру кременчугскаго пѣхотнаго полка; разговоръ ихъ или лучше сказать отвѣтъ Набокова неизвѣстенъ(5).

По случаю полковаго праздника въ черниговскомъ пѣхотномъ полку, въ день Рождества Христова, всѣ офицеры этого полка были на вечерѣ у полковаго командира подполковника Гебеля; къ нему около полуночи явились жандармы(6) съ повелѣніемъ арестовать Сергѣя Муравьева. Бумаги въ квартирѣ его были забраны; въкоторыя успѣлъ спрятать Бестужевъ-Рюминъ, тотчасъ-же по подорожной Суханова отправившійся извѣстить Сергѣя Муравьева.(7)

По полудни 26го числа Бестужевъ пріѣхалъ въ Любаръ къ Артамонову Муравьеву. Получивъ извѣстіе о своемъ арестованіи, Сергѣй Муравьевъ приказалъ Артамонову возмутить

(1) Сергѣй Муравьевъ отправился въ Житомиръ, вотъ по какому случаю: Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, офицеръ полтавскаго полка и служившій прежде въ семеновскомъ полку, пріѣхалъ въ Васильковъ. Мать его скончалась и онъ очень желалъ побывать у отца своего. Въ это время офицерамъ, служившимъ въ старомъ семеновскомъ полку, запрещено было давать отпуска. Сергѣй Муравьевъ, страстно любившій Михаила Бестужева, рѣшился ѣхать въ Житомиръ и убѣдиль корпуснаго командира Рота позволить Бестужеву съѣздить въ Москву.

(2) Выѣхавши изъ Василькова вмѣстѣ съ братомъ своимъ Матвѣемъ, Сергѣй Муравьевъ не имѣлъ никакого намѣренія проѣхать въ 8-ю дивизію, въ которой много было семеновскихъ солдатъ между рядовыми и много офицеровъ, какъ и въ 8-ой артиллерійской бригадѣ, принадлежащихъ къ Обществу Славянъ.

(3) Сергѣй Муравьевъ не получалъ никакихъ извѣстій о петербургскихъ происшествіяхъ отъ брата своего Ипполита. Въ первый разъ онъ узналъ объ этихъ происшествіяхъ, вѣзжая въ Житомиръ, отъ севастопольскаго курьера, который подошелъ къ Матвѣю—сказалъ ему, что отецъ его здоровъ. На распросы Матвѣя, курьеръ разсказалъ о происшествіи 14 Декабря и что домъ, въ которомъ жилъ Иванъ Матвѣевичъ, былъ острѣлянъ картечью.

(4) Обѣдая у Рота, Сергѣй и Матвѣй узнали нѣкоторыя подробности о происшествіяхъ въ Петербургѣ 14 Декабря. Бестужевъ Ротъ не отпустилъ въ Москву.

(5) Полковникъ Набоковъ (Петръ Александровичъ) служилъ прежде въ семеновскомъ полку и былъ очень знакомъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ, можно было рассчитывать, что въ рѣшительную минуту Набоковъ не откажется вмѣстѣ съ своимъ полкомъ содѣйствовать въ дѣлѣ, не совсѣмъ ему чуждомъ. Не бывши членомъ Тайнаго Общества, онъ зналъ о существованіи и цѣли этого Общества.

(6) Споспѣвъ и Несмѣяновъ(?). Одинъ изъ нихъ посланъ былъ за Матвѣемъ Муравьевымъ.

(7) Въ то же время поѣхалъ съ подобнымъ намѣреніемъ разжалованный изъ артиллерійскихъ полковниковъ Башмановъ, но гдѣ былъ онъ до самого возстанія черниговскаго полка неизвѣстно. Фурманъ, по возстаніи полка, былъ высланъ въ 8-ю дивизію, заѣхалъ къ себѣ на квартиру и вѣлъ вмѣстѣ съ Башмановымъ

полкъ, сообщить о томъ-же брату своему Александру и съ нимъ двумя полками сѣѣшить на соединеніе въ Бѣлую Церковь(8). Замѣтны были нерѣшительность и колебаніе въ Артамоновѣ; онъ однако-же не сдѣлалъ отказа, и взялся послать записки отъ Сергѣя Муравьева въ 8^ю дивизію къ Спиридову и въ 8^ю артиллерійскую бригаду къ Горбачевскому. Бестужевъ вызвался ѣхать самъ въ 8^ю дивизію и въ артиллерію, прося Артамона снабдить его подорожною и нужнымъ количествомъ денегъ. Артамонъ отказалъ и въ томъ и другомъ, а совѣтывалъ Бестужеву: сѣсть на пристяжную, выѣхать на первую станцію, съ которой взять уже почтовыхъ лошадей до 8^й дивизіи. Послѣ этихъ словъ Муравьевы выѣхали въ полкъ проселочною дорогою, и безопаснѣйшею и ближайшею.

Вскорѣ по отъѣздѣ Муравьевыхъ, для новой попытки Артамона, явился подпоручикъ артиллеріи Андрѣевичъ. Узнавъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ находился при арсеналѣ, о петербургскихъ происшествіяхъ, онъ бросилъ своего командира генералъ-майора князя Обомелика и поскакалъ въ бригаду, гдѣ служилъ. Проѣздомъ чрезъ городъ Васильковъ, Андрѣевичъ видѣлся съ черниговскими офицерами, слышалъ подтвержденіе о возстаніи въ Петербургѣ, получилъ отъ нихъ 100 рублей, и отправился безъ подорожной и безъ всякаго письменнаго вида въ 8^ю дивизію и 8^ю бригаду, съ намѣреніемъ заѣхать по дорогѣ ко всѣмъ кому вѣдать о семъ надлежало. Онъ требовалъ содѣйствія отъ Швейковского, но получилъ отказъ(9), просилъ денегъ, пистолеговъ, и не получивъ ничего, дотащился до Любаръ. Здѣсь Артамонъ объявилъ ему на отрѣзъ, что нисколько не сдается ему ни въ чемъ содѣйствовать, и просилъ его дать ему покой, послѣднее подъ видомъ женينو болѣзни. Семичевъ и двое Никифоровыхъ, офицеры ахтырскаго полка, просили Андрѣевича идти съ ними къ Артамонову, увѣряя, что принудятъ его поднять полкъ; въ противномъ-же случаѣ пойдутъ и безъ него, и легко могутъ это сдѣлать, ибо полкъ находится въ сборѣ. Не согласясь дѣйствовать съ ними вмѣстѣ, Андрѣевичъ отправился обратно въ Кіевъ. На возвратномъ пути заѣзжалъ въ Васильковъ, но тамъ уже никого не было. Арестовавъ въ Кіевѣ.

Вмѣстѣ съ Муравьевыми выѣхалъ изъ Любаръ и Бестужевъ, по не въ Васильковъ, а въ Брусиловъ и Радомышль, чтобы возмутить полки: кременчугской и алексопольской, и сообщить о возстаніи артиллеристамъ въ Паволотъ(?). Безуспѣшно видѣлся съ полковникомъ Набоковымъ; Швейковский сказалъ, что вѣтъ дома. Выѣзжая въ черниговскій полкъ,

(8) Сергѣй Муравьевъ ничего не приказывалъ Артамонову, но предлагалъ поднять свой полкъ и идти на Житомиръ; въ отвѣтъ на такое предложеніе Артамонъ сталъ увѣрять Сергѣя, что съ ахтырскимъ полкомъ нельзя ничего предпринять; въ доказательство чего разсказалъ, что весь этотъ полкъ, который онъ сейчасъ приводилъ къ присягѣ, дрожалъ стоя на холодѣ. Случившійся тутъ Семичевъ, офицеръ ахтырскаго полка, съ жаромъ замѣтилъ своему полковому командиру, что онъ напрасно поноситъ полкъ, что стоитъ ему приказать и всѣ сядутъ на коня и пойдутъ куды онъ прикажетъ. Тѣмъ и кончилось.

(9) Съ Швейковского, полковаго командира алексопольскаго полка, было какое-то денежное взысканіе, которое онъ почиталъ несправедливымъ. Командиръ 3-го корпуса Ротъ объявилъ ему, что взысканіе съ него отбѣняется и что онъ долженъ почитать это за особенную милость къ себѣ императора. Швейковский съ своей стороны объявилъ Роту, что онъ никакъ не принимаетъ за милость то, что съ него не взыскиваютъ денегъ, которыхъ и взыскивать не слѣдовало. Ротъ представилъ вышнему начальству о такомъ дерзкомъ поступкѣ полковника Швейковского, влѣдствіе чего у Швейковского отняли полкъ, и онъ не командуя имъ оставался при немъ. Швейковский своей храбростью заслужилъ извѣстность во всей русской арміи; солдаты его любили, и онъ былъ ревностный членъ Тайнаго Общества. Казалось, можно было надѣяться, что при востребованіи онъ подыметъ алексопольскій полкъ, и будетъ дѣйствовать рѣшительно.

Бестужевъ оставилъ къ Швейковскому записку на станціи, поручивъ смотрителю оную доставить. Смотритель предъявилъ оную начальству. Всѣ эти обстоятельства извѣстны по судному дѣлу, производившемуся потомъ въ Могилевѣ. 28го числа вечеромъ Муравьевы пріѣхали въ Трилѣсье и тотчасъ послали записки въ Васильковъ (50 верстъ); онѣ получены въ 11мъ часу ночи: Соловьевымъ, Сухановымъ, Щепилою и Кузьминымъ (разные командиры баталіона, которымъ командовалъ Сергѣй Муравьевъ), которые приглашались явиться, какъ можно скорѣе, въ Трилѣсье. 29 по утру они были уже тамъ. Въ это время Муравьевы уже были постигнуты и арестованы Гебелемъ, который не заставъ ихъ въ Житомирѣ, пустился по слѣдамъ ихъ съ жандармомъ поручикомъ 3го корпуса Лангомъ, оставивъ въ Житомирѣ жандармовъ главной арміи Несмѣянова и Спюнова.

Прибывшие по требованію Муравьева офицеры нашли квартиру Кузьмина (командира квартирующей въ Трилѣсахъ 5ой мушкатерской роты) окруженною часовыми, пропустившими безъ сопротивленія своего командира съ его товарищами. Послѣдніе строго встрѣчены Гебелемъ, требовавшимъ, чтобы они немедленно отправились къ своимъ ротамъ. Офицеры извинялись тѣмъ, что они пріѣхали по случаю праздника къ своему товарищу и никакъ не ожидали встрѣтить обстоятельства, по которымъ посѣщеніе ихъ могло показаться Гебелю неумѣстнымъ.

Пока происходили эти разговоры, въ которыхъ наконецъ Гебель слышалъ отказъ на его требованія, Лантъ вышелъ черезъ сѣни въ кухню; почти вслѣдъ за нимъ вышелъ Щепила и Соловьевъ. Первый встрѣтился въ сѣняхъ съ Лангомъ, вырвалъ ружье у часового и бросился на него съ штыкомъ; Соловьевъ остановилъ ударъ и жандармъ пустился бѣжать изъ дома. Его не преслѣдовали; онъ добрался до попа, взявъ у него лошадей и переодѣвшись въ вагольный тулупъ поскакалъ въ Житомиръ сообщить о происшествіи. Между тѣмъ Гебель, замѣтивъ продолжительное отсутствіе жандарма, сперва громко звалъ его, потомъ пошелъ за нимъ въ кухню. Когда онъ возвратился оттуда, Щепила ударилъ его въ брюхо штыкомъ. Гебель устоялъ на ногахъ и началъ убѣждать Щепилу, чтобы онъ оставилъ свои преступныя намѣренія. Во время проповѣди Соловьевъ схватилъ его за волосы и повалилъ на полъ; услышавъ возню, Кузьминъ выскочилъ въ сѣни, сѣлъ верхомъ на лежащаго Гебеля и принялся его колотить вмѣстѣ съ Щепилою и Соловьевымъ; послѣдній однакоже скоро оставилъ Гебеля и бросился въ комнату освободить Муравьевыхъ. По Сергѣя уже не было. Онъ выскочилъ въ окно, прибѣжалъ въ сѣни и помогалъ Кузьмину и Щепилѣ трудиться надъ Гебелемъ, котораго усердно угощали прикладомъ(10). Исковерканный и брошенный безъ вниманія Гебель ползкомъ выкоробкался на улицу, хотѣлъ втащить на сани къ проѣзжему мужику, который однакоже убѣжалъ. Какой-то солдатъ взвалилъ его на сани и привезъ на дворъ къ трилѣсскому эконому графини Браницкой. Хозяинъ заботился о подавнн скорой помощи Гебелю, и между тѣмъ собралъ на свой дворъ чѣмъ попало вооруженный народъ изъ деревни. Къ этой толпѣ присоединились нѣсколько казаковъ графини Браницкой, состоявшихъ въ вѣденіи эконома.

(10) Это нѣсколько не похоже на Сергѣя Муравьева; онъ былъ человекъ довольно кроткій, образованный и никакъ не могъ участвовать въ поступкѣ свидѣтельствующемъ явно о дикости нравовъ Соловьева, Щепилы и Кузьмина, принадлежавшихъ къ Обществу Славянъ.

Обработавъ Гебеля, Сергѣй Муравьевъ съ Соловьевымъ и Щепилою отправились въ Ковалевку, для возмущенія 2й гренадерской роты. Матвѣй Муравьевъ и Сухановъ остались въ Трилѣсахъ съ Кузьминымъ, которому велѣно спѣшить въ Ковалевку собрать всѣхъ солдатъ, которые находились въ ротномъ дворѣ, и приказавъ остальнымъ, когда соберутся, слѣдовать туда-же подъ командою фельдъ-фебеля.—Командиръ второй гренадерской роты поручикъ Пешинъ тотчасъ согласился на предложеніе Сергѣя Муравьева и велѣлъ на ротномъ дворѣ собирать роту. Муравьевъ остался въ Ковалевкѣ, гдѣ соединился съ нимъ Кузьминъ съ частью 5й роты, Сухановъ и Матвѣй Муравьевъ; Соловьевъ-же и Щепила отправлены Сергѣемъ Муравьевымъ въ ихъ роты, съ приказаніемъ скорѣе присоединиться къ возстанцамъ. Около полуночи 29 числа Соловьевъ и Щепила пріѣхали въ Васильковъ, котораго нельзя было имъ миновать, они нашли при вѣздахъ на мостахъ и вездѣ, гдѣ считали нужнымъ, поставленные караулы. По приказанію Трухина осматривали всѣхъ входящихъ въ городъ и никого не выпускали изъ оного. Пѣшкомъ прокрались они на квартиру одного изъ офицеровъ, не застали его дома и спѣшили достать лошадей, къ разсвѣту были арестованы; дежурный по карауламъ поручикъ Быстржицкій, майоръ Трухинъ, и городничій Васильковскій пришли на нихъ съ цѣлою толпою. Соловьевъ посаженъ на гаубтвахту, Щепила въ частномъ домѣ. У дверей и оконъ поставлены часовые съ приказаніемъ никого не допускать и колоть и стрѣлять арестантовъ при малѣйшемъ со стороны ихъ покушеніи. Быстржицкому Трухинъ далъ повелѣніе принять вмѣсто Соловьева 2ю мушкатерскую роту и спѣшить въ Васильковъ.

29го Декабря Муравьевъ собралъ 2ю гренадерскую роту, выступилъ съ нею и съ частью 5й роты изъ Ковалевки, почивалъ въ Маріановкѣ,(11) гдѣ квартировала 1ая мушкатерская рота; ей велѣно быть въ обозѣ и дожидаться въ своемъ ротномъ дворѣ. 30го авангардъ Муравьева, подъ командою поручика Суханова, вошелъ въ городъ въ 4 часа по полудни. Трухинъ приказалъ бить тревогу и взявъ съ гаубтвахты нѣсколько часовыхъ пошелъ на встрѣчу Суханову, который показался уже на площади. Трухинъ приказалъ зарядить ружья и стрѣлять. Солдаты плохо повиновались ему. Между тѣмъ Сухановъ съ авангардомъ, съ крикомъ ура! за свободу!—добѣжалъ до гаубтвахты, остановился, запретилъ слушать Трухина бывшимъ съ нимъ солдатамъ и арестовалъ майора; солдаты надавали ему тычковъ; Бестужевъ сорвалъ съ него эполеты и отправилъ на гаубтвахту. Пока это происходило, Муравьевъ вошелъ въ городъ; Соловьевъ вышелъ съ оставшимися въ караулы солдатами, увлекъ ихъ съ собою и явился съ ними къ Муравьеву. Щепила также пришелъ къ нему съ своими караульными. Пока еще толпились на площади, полной любопытныхъ, прискакалъ прапорщикъ 17го егерскаго полка, Александръ Вадковский, и тотчасъ-же ускатъ обратно, давъ обѣщаніе Муравьеву присоединить нѣсколько ротъ къ возстанію. По прибытіи въ Бѣлую Церковь (штабъ 17го егерскаго полка) онъ тотчасъ арестованъ.

По распоряженію Муравьева, Сухановъ взялъ полковой ящикъ и знамена и занялся размѣщеніемъ солдатъ, прибывшихъ и подходившихъ, по квартирамъ. Продовольствіе не было затруднительно. Жители охотно снабжали всѣмъ, что отъ нихъ требовали.(12) Мазолевскій назначенъ въ караулъ на

(11) Здѣсь присоединился къ Муравьеву Бестужевъ.

(12) За все, что по требованію Муравьева доставлялось жителями, имъ выдавали квитанціи.

Бѣлоцерковскій вѣздъ, Рыбановскій на Кіевскій, на гаубтвахту N...—Соловьевъ дежурнымъ по карауламъ. Ночью, кромѣ арестованія жапдармовъ, ничего не случилось. Къ утру 31го числа прибыла 7ая мушкатерская рота штабс-капитана Маевского. Онъ тотчасъ извѣстилъ Муравьева, что рота его колеблется. Соловьевъ, Кузьминъ, Щепила и Сухановъ отправились туда, и безъ большого труда убѣдили 7^ю роту не отставать отъ товарищей. 31го числа въ Васильковѣ были собраны всѣ роты кромѣ 2^й мушкатерской, неусиѣвшей прибыть за отдаленностью, 1ой гренадерской, которой приказано было присоединиться къ 1^й мушкатерской ротѣ и ожидать въ Масновилковѣ, куда намѣренъ былъ Муравьевъ направить свое движеніе изъ Василькова.

Въ 11 часовъ утра велѣно всѣмъ собраться на площади. Полковой священникъ, долго колебавшійся сначала(13), рѣшился отслужить молебенъ въ присутствіи солдатъ и прочесть имъ катехизисъ, составленный Муравьевымъ; въ немъ объявлялось имъ, что царей не должно быть, что они были посланы къ наказанію народа Израильскаго, что всѣ люди рождены свободными. Не мудрено, что священникъ дрожащимъ голосомъ началъ читать этотъ катехизисъ. Бестужевъ взялъ у него и докончилъ чтеніе. Послѣ этого, Муравьевъ говорилъ короткую рѣчь, внушая солдатамъ ихъ права на свободу, призывая ихъ къ защитѣ этой свободы и для себя и для отечества, обнадеживая ихъ прибавкою жалованья, уменьшеніемъ срока службы для нихъ и облегченіемъ тягости для поселянъ; онъ заключилъ рѣчь свою такъ: кто хочетъ вмѣстѣ со мной защищать свои права, тотъ пойдетъ со мной; кто не хочетъ этого, тотъ оставайся. Я не хочу никого вести по принужденію. Трикратное: ура! было отвѣтомъ на его слова. Около 12 часовъ выступили въ Масновилковку.

Здѣсь капитанъ Козловъ ожидалъ уже съ 1^й гренадерской ротой прибытія Муравьева и тотчасъ явился къ нему съ рапортомъ, послѣ котораго его уже не видали. Узнавъ, что гренадеры не желаютъ раздѣлить его намѣреній, Муравьевъ явился къ нимъ и убѣдившись лично въ ихъ нерѣшительности, велѣлъ имъ отправиться на свои квартиры. Командиръ 1^й мушкатерской роты капитанъ Вульфъ также скрылся; примѣръ гренадерской роты отразился и на его мушкетарахъ: не болѣе полуроты присоединилось къ возстанію.

Въ Масновилковѣ былъ ночлегъ 31го и дневка 1го Января. На дорогахъ: Кіевской, Васильковской и Бѣлой Церкви поставлены караулы; солдатамъ велѣно имѣть заряженные ружья, и по первому приказанію быть готовыми къ выступленію на сборное мѣсто. Солдаты по своему растолковали хозяевамъ причину возстанія и 1го Января, когда народъ былъ у обѣдни и Сергѣй Муравьевъ, съ Матвѣемъ и Ипполитомъ, наблюдая за порядкомъ карауловъ, проѣзжали верхами мимо церкви, жители высыпали изъ храма, кланялись проѣзжающимъ и кричали: помогай Богъ тѣмъ, кто за насъ старается. По утру 1го числа въ Масновилковку прибылъ Быстржицкій съ 2ой мушкатерской ротой и тотчасъ извѣстилъ Муравьева. Соловьевъ отправился къ своей ротѣ, которая привѣтствовала его съ радостью.(14)

(13) Священнику этому далъ Сергѣй Муравьевъ 400 рублей.

(14) Рота окружила его и наперерывъ изъявляла свое удовольствіе и осыпала его вопросами: куда пойдѣмъ и скоро-ли? Онъ отвѣчалъ, что это не объявлено и надо во всемъ слушать Муравьева. Унтеръ-офицеръ Кушиловъ замѣтилъ: зачѣмъ-же онъ держитъ насъ на дневкахъ; иди-бы просто на Житомиръ.

2го Января изъ Масновилковки выступили на Бѣлую Церковь и почевали въ 10 верстахъ отъ оной въ деревнѣ Пологахъ. Сухановъ, посланный ночью для развѣдки, узналъ, что 19^й егерской полкъ выступилъ къ Житомиру, и что графиня Браницкая посылаетъ развѣзды около Бѣлой Церкви. Съ однимъ изъ такихъ развѣздовъ встрѣтился Сухановъ, бросился на нихъ съ небольшими своимъ прикрытіемъ, и храброе войско Браницкой разсыпалось во всѣ стороны.

Въ Пологахъ Муравьевъ опечаленъ былъ побѣгомъ многихъ офицеровъ. По просьбѣ остальныхъ: Соловьева, Кузьмина, Щепилы и проч., Муравьевъ вышелъ къ солдатамъ и говорилъ съ ними о постыдномъ поступкѣ оставившихъ ихъ офицеровъ. Солдаты не оставляла еще первоначальная ихъ бодрость.

3 Января выступили въ Ковалевку, въ которой въ 11 часовъ былъ привалъ. Солдатамъ вытребовали съѣстныхъ припасовъ и вина. Управляющій въ Ковалевкѣ г. Петровской пригласилъ къ себѣ Муравьева и офицеровъ и съ ними двухъ разжалованныхъ Ракузу и Гракольскаго; у него обѣдали; онъ и семейство его оказали имъ очень радужный пріемъ. Разобрали бумаги, которыя были захвачены Гебелемъ и съ уничтоженіемъ его достались Муравьеву; однимъ варили кофе, другіе отдыхали; въ часъ по полудни выступили на Трилѣсы.

На 6 верстѣхъ отъ Ковалевки послышался первый выстрѣлъ. Муравьевъ остановилъ людей и построилъ во взводную колонну съ права.(15) Стрѣлки вызваны за взводы; приказано осмотрѣть ружья. Между тѣмъ выстрѣлы съ противной стороны продолжались; полагаютъ, что стрѣляли холостыми зарядами(16), ибо никому не сдѣлао вреда. Устроивъ своихъ, Муравьевъ двинулся впередъ; онъ, Ипполитъ и Бестужевъ были впереди колонны, офицеры на своихъ мѣстахъ во взводахъ. Приблизясь на извѣстное разстояніе къ небольшому возвышенію, изъ за котораго дѣйствовали два орудія, Муравьевъ предположилъ рассыпать стрѣлковъ и подъ огнемъ ихъ атаковать орудія. Но прежде чѣмъ онъ это исполнилъ, открыли картечный огонь. Съ первыхъ выстрѣловъ Сергѣй Муравьевъ раненъ картечью въ лѣвую часть черепа надъ глазомъ и баталіонъ его разсѣлся. Кавалерія понеслась въ атаку, но ей оставалось только догонять бѣгущихъ. На мѣстѣ взяты: Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ, Соловьевъ, Кузьминъ, и Быстржицкій и два трупа: убитаго Щепилы, и Ипполита Муравьева, который, когда все бросилось бѣжать, выстрѣлилъ себѣ въ ротъ изъ пистолета(17). Ранены: Кузьминъ въ правое плечо, Ипполитъ въ ногу, Быстржицкій контузійей въ правую щиколку.

(15) Во всѣхъ переходахъ наблюдалось слѣдующее устройство: роты шли по отдѣленіямъ, одна за другой; назначался авангардъ, арьергардъ и боковыя патрули; между арьергардомъ и главнымъ отрядомъ помѣщался обозъ.

(16) При орудіяхъ, дѣйствовавшихъ противъ черниговцовъ, былъ полковникъ Пыначевъ, ревностный членъ Тайнаго Общества; многіе полагались на него безусловно, въ томъ числѣ и Сергѣй Муравьевъ.

(17) Ипполитъ Муравьевъ, произведенный въ офицеры, былъ опредѣленъ по свитѣ во 2-ую армію. 13 Декабря вмѣстѣ съ Свиступовымъ выѣхалъ онъ изъ Петербурга. Они имѣли письмо отъ Трубецкаго къ Михаилу Орлову, которое когда пріѣхали арестовать Свиступова, Ипполитъ успѣлъ истребить. Пріѣхавъ въ Васильковъ, онъ встрѣтилъ черниговскій полкъ на походѣ и остался при полку, желая непременно раздѣлить участь своихъ братьевъ. Напрасно Матвѣй уговаривалъ его продолжать свой путь въ Тульчинъ; онъ усноковалъ брата, утѣряя его, что оставшись съ ними, онъ навѣрно не попадетъ въ тюрьму, и когда увидѣлъ, что братъ его Сергѣй упалъ пораженный картечью и все бѣжитъ—онъ застрѣлился.

Взводъ гусаръ окружилъ оставшихся на мѣстѣ офицеровъ, къ которымъ пришелъ и Матвій Муравьевъ. Одинъ изъ гусарскихъ унтеръ-офицеровъ началъ бранить ихъ; Соловьевъ тотчасъ сказалъ: “г. офицеръ, прикажите ему замолчать.” Это исполнено. Взятыхъ посадили въ нѣсколькихъ сапяхъ и отправили въ Трилѣсы. Когда Соловьевъ сѣлся въ сани съ Кузьминимъ, послѣдній шепнулъ ему: “будь остороженъ, я рапелъ въ плечо, но пожалуйста объ этомъ никому не говори. Всѣхъ ихъ помѣстили въ корчмѣ, состоящей изъ двухъ комнатъ, въ маленькой—арестантовъ и при нихъ двухъ часовыхъ, въ большой—карауль. Солдатамъ было хуже; ихъ всѣхъ заперли въ stodолъ, они мерзли на холодѣ, раненые истекали кровью безъ всякаго пособія. Соловьевъ вытребовавъ соломы для своихъ раненыхъ товарищей, и Матвій Муравьевъ промыслилъ для Сергѣя кровать. Съ часъ прошло, какъ Сергѣй Муравьевъ лежалъ почти безъ движенія. Кузьминъ просилъ Соловьева приподнять его и усадить на полу около стѣны. Почти въ тоже время и Сергѣй Муравьевъ просилъ, чтобы его посадили; но лишь только исполнили его желаніе, какъ отъ большой потери крови онъ упалъ безъ чувствъ съ постели; бросились помогать ему. Раздался выстрѣлъ—Кузьмину помогать было уже поздно. Отъ выстрѣла разсыпались всѣ караульные. Съ трудомъ убѣдили ихъ арестанты занять свои мѣста. Тѣло Кузьмина вынесли и соединили съ тѣлами Щепилы и Шполита. Вскорѣ явился гусарской офицеръ и просилъ арестантовъ, чтобы они не погубили ихъ, что они не знаютъ, какъ отдѣлаться за смерть Кузьмина, который могъ застрѣлиться, потому что они по деликатности не хотѣли исполнить своей обязанности.

6го Января арестантовъ провезли въ Бѣлую Церковь: въ вечеру того же дня Сергѣя Муравьева и Бестужева разсидили по рознь; остальные были вмѣстѣ. 12го Января всѣхъ заковали и отправили въ Могилевъ на Двѣпръ; прибыли 14го. Каждого по привозѣ представляли коменданту города, командиру жандармскаго полка полковнику Гарченову; онъ посылалъ содержать въ кlostерѣ занятомъ офицерской школой, Полковникъ Гарченовъ всѣхъ поодионокѣ возилъ къ начальнику штаба 1ой арміи Толю. Толь не спрашивалъ у насъ ничего; но со всѣми ругался. 15го Января дежурный генералъ Ольдекопъ началъ снимать допросы съ черниговскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ возстаніи.

СМѢСЬ.

— *Рекрутской наборъ въ Россіи.*—Г. А. Берталь, напечаталъ въ *Мос. Вѣд.* нѣкоторыя особенности и милые обычаи саратовскаго рекрутскаго присутствія. Онъ не могъ удержаться, чтобы не рассказать во всеуслышаніе (и превосходно сдѣлавъ), не можемъ удержаться и мы, чтобы не повторить часть его разсказа. Г. Берталь попалъ въ “пріемную рекр. присутствія” въ такой день, когда принимаютъ охотниковъ: “Нѣсколько голосовъ прокричали: “лобъ!” и изъ присутствія опрометью вбѣжалъ въ “пріемную” голый паренъ, поспѣшно накинулъ кой-какъ на себя рубашку и тотчасъ-же сѣлъ на лавку, нарочно приготовленную для бритья и стрижки рекрутъ. Въ одно мгновеніе окружили его нѣсколько солдатиковъ, кто съ ножницами, кто съ ремнемъ, кто съ бритвой... и, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ толпы чиновниковъ, громко и настойчиво стали торговаться съ рекрутомъ о цѣнѣ за стрижку и бритье, и какъ вы думаете

какую заломили съ него цѣну?.... *Пять рублей серебромъ* и ни копѣйки меньше!.... Я не вѣрилъ ушамъ своимъ. Но солдатъ повторилъ требованіе свое снова громче прежняго, и потомъ прибавилъ:

— “А-зе не дасъ, такъ хузе будетъ; всего изрѣзу, да и кричать не велю!..... такъ окарнаю, сто самъ себя не узнаеешь!.....

“Рекрутъ что-то заупрямился. Тогда, не разсуждая долго, цирюльникъ отыскалъ какія-то “особенныя” пожницы, и съ злобною усмѣшкою принялся ими отчаянно выдергивать клочки волосъ съ головы бѣднаго новобранца. Несчастный вздрогнулъ отъ боли, а лицо его судорожно искривилось. Онъ не вытерпѣлъ, черезъ минуту подождалъ къ себѣ отдатчика и что-то шепнулъ ему. Отдатчикъ сначала почесалъ себѣ затылокъ, а потомъ вынулъ изъ кармана *пять рублей* и подалъ ихъ цирюльнику. Снова раздались крики: “лобъ!” Въ пріемную вбѣжалъ другой рекрутъ, за нимъ третій, четвертый и т. д., и каждый разъ повторялась та же сцена, почти безъ измѣненій; только арестанты псклочались изъ этого оклада. Что-жъ это такое? подумалъ я; да вѣдь *стригутъ*-то ихъ, кажется, не въ глухомъ лѣсу въ полночь, а среди бѣла дня, почти въ дверяхъ присутствія, стало-быть въ двухъ шагахъ отъ военнаго пріемщика!.... Отъ чего-жъ никто какъ будто бы не видитъ и не слышитъ такого явнаго и гласнаго насилія надъ бѣдными рекрутами?.... Военный то пріемщикъ что же дѣлаетъ?.....

Можетъ-ли послѣ этаго показаться намъ удивительнымъ хоть напимѣръ такого рода фактъ, что въ здѣшнемъ гарнизонномъ баталіонѣ не давно одинъ солдатикъ, лѣтъ пятнадцать *занимаясь* по рекрутской части, оставилъ по смерти своей, какъ говорятъ, *двадцать тысячъ рублей серебромъ*?

“Я обратился къ группѣ близъ меня стоявшихъ чиновниковъ, и спросилъ ихъ: неужели-же стрижка рекрутъ производится здѣсь всегда по такой чудовищной таксѣ? Мнѣ отвѣчали, что объ этомъ обстоятельстве уже не разъ говорено было даже военному пріемщику и будто-бы тотъ самъ неоднократно кричалъ и грозился на солдатъ, но что, все-таки, изъ этого ровно ничего не вышло; солдаты по прежнему берутъ съ рекрутъ все, что захотятъ.... Признаюсь, что-то мнѣ не вѣрится, чтобы военный пріемщикъ, зная объ этомъ, не могъ прекратить такого зла!.... Нѣтъ, должно быть, онъ не знаетъ.... Но вѣдь съ рекрутъ берутъ деньги и не одни только цирюльники. По окончаніи стрижки, цирюльники эти посылаютъ ихъ еще къ какому-то солдатiku, чего-то ожидающемуся у окна. Солдатикъ *получивъ* съ рекрута еще рубля два сер., записываетъ его *карандашомъ* въ какую-то тетрадку, похожую на пачку разнородныхъ лоскутковъ бумаги, и потомъ ужъ отпускаетъ: “съ Богомъ!”

— Въ Брюсселѣ вышла первая книжка *Свободнаго Слова* изд. г. Л. Бюммеромъ. Мы предсказываемъ большой успѣхъ предпріятію г. Бюммера. Составъ I кн. очень хорошъ. Обращаемъ особенное вниманіе читателей на письмо *Литвина* къ *Бакунину* и отвѣтъ на него *Русскаго*.

— *Г. Будбергъ*—видите что мы были правы, усердіе всего не превозмогаетъ?

СОВѢТЪ ОБЩЕСТВА “ЗЕМЛИ И ВОЛИ”

Приглашаетъ всѣхъ русскихъ на денежное пожертвованіе въ пользу сосланныхъ и ссылаемыхъ и на сопряженные съ общимъ дѣломъ расходы. Путешествующіе за границей могутъ доставлять деньги къ издателямъ “Колокола”, обозначая присылку какой-нибудь цифрой; получение и №. будутъ немедленно напечатаны въ “Колоколѣ”. Желающіе могутъ получать квитанціи. За исправную доставку денегъ по назначенію, издатели “Колокола” ручаются.

— Изъ *Morning Post* (Feb. 24). “Пруско-русскій союзъ легко могъ-бы доставить Франціи удобный случай возстановить свои естественныя границы. Спасти прусскаго короля отъ послѣдствій этого дѣйствія очень трудно. Если единственнымъ результатомъ его политики будетъ потеря прусской Польши, то онъ можетъ радоваться, что такъ дешево отдѣлся. Его судьба въ рукахъ трехъ великихъ державъ. Если онѣ не согласятся между собою, чтобы заставить его принять лучшую политическую дорогу, то онъ падетъ жертвой агрессивныхъ державъ. Увѣщанія одной Англіи не были-бы достаточны; но нравственное давленіе Англіи, Франціи и Австріи, дѣйствующихъ сообща и поддерживаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ въ Пруссіи,—можетъ быть могло-бы спасти его. Не всѣ пути къ честному отступленію закрыты.

“Можетъ быть прусскій король смотритъ на войну съ Франціей какъ на лучшее средство отвести вниманіе своего народа отъ своихъ не конституціонныхъ дѣйствій; но обстоятельства перемѣнились. Франція и Австрія будутъ теперь союзниками, нравственно поддерживаемые Англіей. Этотъ союзъ будетъ имѣть несокрушимую силу. По какимъ причинамъ дѣйствуетъ Австрія такъ? дѣйствуетъ-ли она изъ зависти къ Пруссіи? хочетъ-ли она отомстить Россіи? думаетъ-ли она, что союзъ Франціи съ Пруссіей опасенъ для нея? ждетъ-ли она какого нибудь вознагражденія, которое-бы ей обезпечило теперешнія ея границы?

“Никогда не представлялось лучшаго случая устроить европейскія дѣла.

“Мы должны соединиться съ Франціей и поддержать Австрію. Австрія и Англія обѣ должны требовать освобожденіе Польши. Мы не стали-бы этого совѣтывать, если-бы могли быть увлечены въ войну—но Россія слишкомъ безсильна чтобы напасть, а Пруссія, какъ ея союзникъ, слишкомъ ничтожна; обѣ державы слабы, дезорганизованы и должны подчиниться рѣшенію остальной Европы, когда Наполеонъ, лордъ Пальмерстонъ, Рехбергъ и Гарибальди соединятся для достиженія общей цѣли. Союзъ этотъ еще не существуетъ, но онъ неминуемъ.”

— Въ *Общій фондъ* получено : изъ Германіи 3 фунта, отъ Будапешта 1 фунтъ, отъ Русскаго 1 фунтъ.

21 ФЕВРАЛЯ 1863.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ напечаталъ я объявленіе о скоромъ открытіи вольной русской типографіи въ Лондонѣ.

Тогда мы были на канунѣ крымской войны, и съ тѣхъ поръ много надеждъ возникло и много исчезло... Европа взглянула иначе на Россію, что-то свѣтлое начиналось въ ней—и мы снова стоимъ на канунѣ страшныхъ событій, Россія снова ненавидима всѣмъ міромъ, все свѣтлое исчезло сверху и мы ждемъ за нашимъ станкомъ *оригиналу*, чтобы набрать приговоръ преступному правительству.

Пятое дѣйствіе романовской трагедіи началось, развязка идетъ. Польша сорвала маску съ прогрессивнаго правительства—непавидимое дома, презираемое, побитое, уличенное во лжи, стоягъ оно теперь на лавкѣ подсудимыхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, униженно прусской дружбой, кровавое и невѣрящее въ себя.—И—ръ.

— *Раненбургское и Скопинское предложенія*.—На дворянскихъ выборахъ въ Рязани, были предложены два слѣдующіе проэкта. Раненбургскій уѣздъ принялъ за основаніе мысль о необходимости упраздненія дворянства, какъ сословія, а также всѣхъ выборныхъ собраній и должностей его, немедленно по изданіи ожидаемаго узаконенія объ устройствѣ земства. Скопинскій-же проэктъ обходитъ рѣшеніе этого вопроса, оповываясь на томъ, что невозможно сдѣлать впередъ, когда именно совершится упраздненіе сословнаго значенія дворянства, и полагая, что новая жизнь можетъ указать на то, будетъ ли дворянское сословіе продолжать свое существованіе и какое мѣсто займутъ его собранія въ новой организаціи государства, при чемъ члены, защищавшіе этотъ проэктъ, не находили ничего не нормальнаго въ томъ, чтобы, отрѣшась отъ духа касты и отъ привилегій ея, дворяне, кромѣ принадлежности къ земству, принадлежали и къ обществу дворянскому, также какъ крестьяне относятся къ сельскому обществу и т. п. При баллотированіи въ собраніи, скопинскій проэктъ принятъ дворянствомъ : по 1 вопросу 236 голосами противъ 65, а по 2 вопросу 232 противъ 69. (М. В.)

— СБОРНИКЪ Первыхъ Листовъ Русской Лондонской Типографіи составленный и изданный Л. Чернецкимъ вышелъ. Вотъ его оглавленіе :

Предисловіе Искандера — Вольное Русское Книгопечатаніе въ Лондонѣ Братьямъ на Руси — Юрьевъ день! Юрьевъ день! Русскому Дворянству — Поляки прощаютъ насъ! — Вольная Русская Община въ Лондонѣ Русскому Воинству въ Польшѣ — Видѣнія св. отца Кондратія — XXIII Годовщина Польскаго Восстанія въ Лондонѣ, Речь А. Герцена — Народный Сходъ въ память Февральской революціи, Речь А. Герцена — Объявленіе о Полярной Звздѣ 1855 — Впередъ! Впередъ! Первая статья въ Полярной Звздѣ на 1856 — Объявленіе о Колоколѣ 1857 — Смерть С. Ворцова — Списокъ русскихъ книгъ и брошюръ отъ 1853 — 1863.

Въ слѣдующемъ листѣ мы передадимъ нашимъ читателямъ отрывки изъ предисловія.

— Мы считаемъ необходимымъ вѣсть слѣдующую листа Колокола выдать два полулиста, одинъ 8 Марта и одинъ 15 Марта.

ВЪ ПЕЧАТИ :

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ

Выпускъ Второй и Третій

СОБРАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА

Томъ I, Выпускъ I

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 158.

8 МАРТА 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 12).

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна 6 пен., съ двѣнадцатымъ номеромъ — ОБЩЕЕ ВѢЩЕ.

У Трибнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60. Paternoster Row, и у Tchorzowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price Sixpence, with Supplement : VETCHÉ No. 12.

О ГЛАВЛЕНІЕ.—Платье—Русскій грабежъ и разбой въ Польшѣ—Къ русскимъ женщинамъ. Смысь : Александровская конституція и Лавловское время—Пѣщцы и не-пѣщцы въ зимнемъ дворцѣ—Генералъ Хрущевъ—Полковникъ Корфъ—Поправка—Правительственная путающина—Безословность въ Москвѣ—Русскіе въ Флоренціи, Женевѣ и Пящцѣ.

ПЛАЧЪ.

Братья, братья, что-же съ нами дѣлають эти люди, эти пѣщцы? Что-же они дѣлають изъ нашихъ солдатъ, что они дѣлають изъ нашего отечества?

Неужели вы все это покроете слабодушнымъ молчаніемъ, молчаніемъ рабовъ—эти убійства, эти пожары, эти грабежи... послѣ этого набора?

Вотъ зажигатели то, вотъ разбойники-то непризнающіе права собственности, коммунисты его императорскаго величества! и объ этихъ шайкахъ пьяныхъ убійцъ, одичалыхъ грабителей, звѣрей падшихъ въ состояніе царскихъ опричниковъ, объ этихъ несчастныхъ жертвахъ голода, побоевъ, нравственной слѣпоты и казарменной дрессировки, *Пивалидъ* печатаеть : “Войска наши во всемъ блескѣ выказали тѣ свойства, которыя составляютъ славу и красу каждой арміи.”

А! такъ вы берете на себя отвѣтственность за каннибальскую войну съ аккомпаниментомъ грабежа, поджоговъ и убійствъ.

Вотъ какъ Александръ Николаевичъ вздумалъ сдѣлаться *земскимъ царемъ*—царемъ и Стенькой Разинымъ вмѣстѣ!

Высочайше утвержденная жакри! Полиціей и штабомъ устроенное избіеніе помѣщиковъ и разграбленіе ихъ домовъ!

Ну, солдатики, вы хорошо отслужили вашу службу въ Польшѣ, не забудьте и дома какъ вы весело жгли господскія усадьбы, каково попили вина изъ панскихъ погребовъ, каково поразбивали сундучки съ ихъ добромъ, “при всемъ блескѣ пожара.” Не все-же поляковъ, да поляковъ—вы уже не оставьте вашей милостью нашихъ-то русскихъ...

...Николай, когда ему предлагалъ вѣшающій Муравьевъ гайдамачину, отпрянулъ съ ужасомъ; онъ понялъ, что освещенные Екатериной ножи обоюдоостры, что одной стороною *мать отечества* могла рѣзать головы помѣщиковъ, а другой стороною такой ножъ пожалуй какому-нибудь *отцу отечества* кисть отрѣжетъ до локтя.

А благодушный монархъ не отпрянулъ!

Годъ VII.

Ну въ Стеньки Разины идти, такъ въ Стеньки Разины, тогда нечего разыгрывать нѣмецкаго генерала и первого дворянина—бороду, кушакъ, топоръ въ руки, да *землю и волю* народу русскому... тутъ будетъ смыслъ... А представлять разомъ и Петра 1-го, и хлопа, и московскаго помѣщика, для выгоды—старая штука.

Видите-ли какъ мы были правы, когда говорили, что у *нихъ* нѣтъ никакого нравственнаго начала; Николай цинически поставившій *самодержавіе* на своемъ знамени, былъ только наивно откровененъ.

Выжившіе изъ исторіи Миронинги, пора имъ пасть или пора *пасть Россіи*. Только паденіе этой династии нѣмецкихъ татаръ можетъ смыть съ пасть копоть пожаровъ, невинную кровь и виновное повиновеніе.

Потому-то не молчите. Горе, если вы будете молчать, молчать можно изъ страха, изъ равнодушія—или изъ тупости, не замѣчая какъ нашъ Гаррикъ одной половиной лица общается льготы и свободы, а другой мигаетъ своимъ рейтерамъ, чтобъ они жгли, грабили, казнили... Если польское избіеніе пройдетъ даромъ, то имѣя въ рукахъ “красу арміи” вновь отмоченную въ крови и закаленную въ грабежѣ и убійствахъ, Романовы проучать васъ!

Было время, въ которое высоко цѣнилась тихая слеза сочувствія, рукожатъе и шопотомъ сказанное слово участія съ глазу на глазъ.

Этого мало теперь.

Тогда все молчало. Власть молча продавливала грудь, молча ѣхали кибитки, молча плелись сыльные, молча смотрѣли имъ въ слѣдъ оставшіеся. Говорить было трудно, что-то не понималось, не было ясно; мы ни себя, ни народа порядкомъ не знали... былъ общій катехизисъ очищавшій насъ, но далекий отъ приложенія.

Время измѣнилось. Вы потому уже не можете молчать, что власть говорить не умолкала; литература подкуплена ею; журналистика въ рукахъ камеръ-лакеевъ гласности; холопы—риторы, составляютъ новую придворную капеллу славосла-

вящую и превозносящую всякое дѣйствіе правительства, даже тогда, когда оно низко лжетъ, обвиняя восторженныхъ юношей въ пожарѣ апраксинскаго двора. Правительство въ высокоуміи легкихъ побѣдъ, доставленныхъ ему смертью ненавидимаго предшественника, надменное отсутствіемъ пороковъ покойника—зазналось; это отсутствіе пороковъ, *это ничто*—оно приняло за добродѣтель, умилилось и начало восхвалять себя передъ собой. Оно забыло, что татарское самовластіе должно быть безграмотно, что его удары и *на-сланія бѣды*, не должны возводиться въ рѣчь, не должны помѣчаться кровью; оно забыло, что Азія не имѣетъ исторіи, что ея перевороты похожи на наводненія, на катаклизмы природы, на повальные болѣзни—одинъ слой покрывается другимъ, осыпается на немъ, тутъ нѣтъ ни права, ни оправданія, тутъ одинъ законъ—законъ тиготѣнія. А наша вѣнецкая Азія, хочеть, оставаясь звѣремъ, прибавить къ зубамъ и когтямъ, какъ въ басняхъ Крылова, людское краснорѣчіе; она хочеть отмахиваться не только кнутомъ, но и словомъ.

Передъ говорящимъ молчать рабъ. Слово ровно принадлежитъ мнѣ *и ему*. Слово принадлежитъ всякому, слово начало свободы. Говорите-же, говорите, потому что вамъ нельзя молчать. Отъ васъ ждутъ рѣчи!

Они будутъ упрекать Пиколоа и Паскевича въ излишнемъ великодушіи, а поляковъ въ Варшавской ночи, которой не было—а вы будете молчать?

Они, стоя въ болотѣ польской крови, на горахъ польскихъ труповъ, на пеплѣ сожженныхъ уѣздовъ, будутъ подзадоривать безъ того обезумѣвшихъ солдатъ на мѣсть*—они будутъ доносить, клеветать, ругаться..... А вы будите молчать?...

Вы должны говорить, чтобъ мы, встрѣчаясь съ иностранцемъ, не краснѣли какъ краснѣетъ сынъ опозоренной матери...

Дайте мнѣ вамъ рассказать одно изъ самыхъ унижительныхъ событій моей жизни, о которомъ я старался забыть, забыть даже писавши мои воспоминанія, и вспоминалъ, благодаря государю императору, только теперь.

Весной 1848 года я былъ въ Римѣ. Республика 24 Февраля была уже провозглашена, Европа колыхнулась, Ломбардія начинала борьбу съ Австріей, и въ Римѣ революція изъ торжественно-мирнаго, восторженнаго характера переходила въ угрюмый, подозрительный и страстный. Разнесся слухъ, что австрійцы одолеваяютъ. Piazza del popolo съ утра кипѣло народомъ, мрачнымъ, ожесточеннымъ, толпы громко обвиняли папу и его министровъ въ измѣнѣ; въ открытыхъ коляскахъ стояли тамъ-сямъ ораторы, и проповѣдывали: я былъ на площади возлѣ одной изъ импровизи-

* Мы знаемъ подробности объ несчастномъ убійствѣ солдатъ при начальномъ возстаніи, знаемъ ихъ отъ очевидца. Мы со временемъ расскажемъ этотъ печальный эпизодъ съ именами; вредъ произведенный этимъ, вовсе не приговореннымъ событіемъ, былъ огроменъ; поляки сами съ отчаяніемъ порицали поступокъ одного изъ отдѣльныхъ начальниковъ. Съ тѣхъ поръ мы спрашиваемъ "Моск. Вѣдом.," III отдѣленіе и главный штабъ Константина Николаевича гдѣ-же было что-нибудь подобное, гдѣ это повторилось, какія доказательства что тутъ былъ планъ? Гнусно сильному звать на помощь не только пруссаковъ, но клевету.

рованныхъ трибунъ, въ ней стояли все знакомые—Гонзалесъ съ знаменемъ въ рукѣ, Леопольдъ Спини. Народъ густѣлъ, давилъ, тѣснился. Итальянская толпа самая учтивая во всемъ мірѣ, римской плебей аристократъ; итальянская чернь ведетъ себя изыщѣ на площади, чѣмъ англійская "бѣла" въ Конентъ-Гарденѣ. Къ тому-жъ итальянцы чрезвычайно вѣжливы съ иностранцами, но въ этотъ день кровь слишкомъ кипѣла въ жилахъ, лихорадка темнила мозгъ. Меня кто-то толкнулъ, и я толкнулъ; толкнутый разсердился, посмотрѣлъ на меня, пробормоталъ что-то, слово-два перелегѣло между сосѣдями, громче и громче, и около сдѣлался ропотъ... "Кто это? За чѣмъ онъ здѣсь? Онъ не здѣшній? Зачѣмъ впереди? Зачѣмъ слушаетъ?—Tedesco? Austriaco?" Голоса подымались, ближніе мрачно поглядывали на меня и на людей въ коляскѣ. Гонзалесъ все это видѣлъ и, подавая мнѣ руку, помогъ мнѣ вѣзти въ ихъ экипажъ, потомъ обращаясь къ возлѣ-стоявшимъ, сказалъ имъ: "Братья, это нашъ другъ, одинъ изъ нашихъ."

— E forestiere?

— Si, si, é Polacco—сказалъ Гонзалесъ, и таже толпа разразилась крикомъ: e viva il Polacco!

Для чего вы выдали меня за поляка? — замѣтилъ я Гонзалесу, Io sono Russo! кричала я имъ, но толпа меня не слушала, кто-то говорилъ рѣчь.

— Вы, сказалъ мнѣ Гонзалесъ, поклоняясь ко мнѣ, меня простите, объяснять теперь нѣтъ никакой возможности, а въ этомъ раздражительномъ положеніи шутить печего, *да и намъ не ловко было-бы*... Дайте утихнуть горячкѣ, потомъ объясняйте какъ хотите... Толпа двигалась съ крикомъ: all'armi! all'armi!—Ей было не до меня.

... Не вставайте, сказалъ Пиколоа Павловичъ, потюживъ руку на плечо большому князю Козловскому, на балѣ у Паскевича.

— "Еслибъ я и хотѣлъ встать в. в., я не могъ-бы, шесть-десять милліоновъ рукъ удерживаютъ меня"...

Да, въ эту минуту я былъ придавленъ, не только шести-десятью милліонами рукъ, но и рядомъ вѣковъ, событій, несчастій, преступленій. О, еслибъ я могъ тогда сказать примирительное слово, еслибы я могъ оправдать—не себя, мое оправданіе было легко—а народъ русскій!

Я вѣдь чувствовалъ, что онъ, *не такъ* виноватъ—*не въ томъ* виноватъ... "Послушайте добрые люди"...и я пятнадцать цѣлыхъ лѣтъ стоялъ въ коляскѣ Гонзалеса и защищалъ, защищалъ нашу общую, родную мать.

Я—и этого вѣнка я не дозволю сорвать съ себя ни чьими руками—я видѣлъ какъ западные люди внимательнѣе и внимательнѣе всматривались, иначе смотрѣли... Смерть Николая мнѣ помогла.

... Что-же вы, анаемы, сдѣлали изъ всѣхъ усилій нашихъ, все что мы лѣпили по песчинкѣ—смыли ваши помои, унесла ваша грязь, и черезъ пятнадцать лѣтъ я снова нда по уличнѣ боюсь, чтобъ не узнали, что я Русскій.....

Ц—ръ.

РУССКІЙ ГРАБЕЖЪ И РАЗБОЙ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Мы получили три письма изъ Польши отъ русскихъ офицеровъ. Волось становится дыбомъ читая ихъ. Дурно дѣлается *Пивалидѣ* защищая поведеніе разбойничьихъ шаекъ нашихъ въ Польшѣ; связанная цензурой и начальствомъ, газета можетъ молчать и всякой пойметъ причину молчанія, но отводить глаза читателямъ и прихорашивать позорное безчеловѣчье, воровство, это такая уступка, которая ни для какого Милюткина и ни для какого великаго князя не дѣлается.

Изъ перваго письма. “Окончаніе возстанія не видно, оно вовсе не ослабѣваетъ (писано недѣли двѣтому назадъ). Войска наши ходятъ по деревнямъ и по лѣсамъ, при этомъ они грабятъ помѣщичьи дома. Майоръ *Немидовъ* допустилъ своихъ солдатъ разграбить дома помѣщицы Унятовской и графини Бнинской. Чего нельзя было унести, то приказалъ майоръ порубить и поломать, даже пухъ изъ подушекъ и перья выпустили на воздухъ. Этотъ и другіе грабежи до того испортили войска, что въ настоящую экспедицію подъ начальствомъ командира полка (олонецкаго пѣх.) пришлось посылать казаковъ, которымъ ничего для грабежа не оставалось, “бить пайками пѣхоту.”

Изъ втораго письма. “Въ экспедицію подъ начальствомъ *Шильдеръ-Шульднера* войско дошло до неистовства въ грабежѣ, разбоѣ и безчеловѣчьи; офицеры участвовали съ солдатами въ самыхъ гнусныхъ продѣлахъ. Безнаказанность всего совершаемаго подстрекаетъ другихъ. Не только тѣла убитыхъ тотчасъ бывають обираемы, но раненыхъ добивають солдаты, чтобъ воспользоваться одеждой и деньгами. Порядочные офицеры останавливали солдатъ, умоляли, приказывали, но ничего не могли сдѣлать. Солдатамъ *внушено* не довѣрять офицерамъ. Недавно по какому-то доносу былъ обыскъ у девяти офицеровъ олонецкаго пѣхотнаго полка и только у одного изъ нихъ нашли какія-то двѣ запрещенныя книги, за что и посадили на гаубтвахту; вел. кн. велѣлъ его выпустить.

“Изъ офицеровъ всего больше отличился штабсъ-капитанъ *Толмачевъ*, человекъ котораго прежде товарищи уважали. Ворвавшись въ домъ Модлинскаго и предавъ все на разграбленіе, онъ говоритъ *изъ своихъ рукъ убилъ* тяжело раненаго инсургента. Библіотека одна изъ лучшихъ въ Польшѣ была разбросана, мебель поломана, *семнадцать* лошадей уведены. Что можно было увести—каandelabры, часть мебели, даже женскую одежду, побѣдители привезли въ г. Влоцлавкъ. Сначала *Шильдеръ* былъ недоволенъ и хотѣлъ арестовать *Толмачева*, но сжалился. Семнадцать лошадей впрочемъ *поднесены генералу и впрямь возвратятся по принадлежности*, а *Толмачева*, говорятъ, генералъ представилъ къ отличію.”

Изъ третьяго письма. “Инсургенты, бросавшіе оружіе, были немедленно убиваемы. Солдаты и казаки грабятъ въ городахъ бѣлымъ днемъ, грабятъ женщинъ и дѣтей, грабятъ въ домахъ и церквахъ. Пѣхотный рядовой солдатъ укралъ изъ костела чашу и продалъ ее за 15 р. табачному ревизору *Краевскому*, о чемъ тотъ и довелъ до свѣденія воен. начальнику *Маслову*. Въ *Радомѣ* унтеръ-офицеръ ограбилъ сына *Волковинскаго*, бывшаго провіантскаго чиновника, шедшаго въ школу.”

КЪ РУССКИМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Сестры!

Въ русской исторіи самыми дорогими для всякаго истиннаго патріота страницами всегда были тѣ, которыя говорятъ о сверженіи ига монгольскаго и о спасеніи Россіи Мининымъ. Кто хотя разъ прочувствовалъ эти два случая, вникая въ глубокое ихъ значеніе, не можетъ не сочувствовать всѣмъ сердцемъ стремленію поляковъ избавиться отъ нашего ига, тяготящаго на нихъ такъ долго и гораздо мучительнѣе монгольскаго, мучительнѣе потому, что они, покоренные нами, были гораздо образованнѣе насъ покоренныхъ монголами, которымъ не стыдно было давить насъ, они были дикари, знающіе только дикія необузданныя движенія инстинктовъ; а намъ, напругающимъ всѣ силы для подражанія цивилизованной Европѣ, считающимъ себя на равной съ нею степени развитія, намъ—владѣть Польшей, угнетать ее, ненавидѣть поляковъ, сочувствовать подавленію ихъ возстанія и грѣшно и непростительно. Мы совершенно терлемъ право принадлежать къ образованнымъ націямъ, называться христіанами. Сочувствіемъ правительству, или равнодушіемъ къ настоящимъ событіямъ въ Польшѣ мы сами на себя накладемъ иго тяжелое, ужаснѣе котораго не можетъ быть ига на свѣтѣ: иго нравственнаго униженія и рабства души, до того покорившейся произволу, что онъ можетъ заставить насъ совершать дѣла самыя противныя нашей чести и совѣсти и заставляеть насъ дѣлать на всякомъ шагу подлости. Россія гибнетъ хуже чѣмъ во времена Минина, ее надо спасти.

Сестры, будемъ-же мы на этотъ разъ Мининымъ! Не допустимъ нашихъ мужей, братьевъ, сыновей окончательно сгубить себя. Неужели ни одна изъ насъ не содрогнется прикоснувшись къ рукѣ убійцы обезоруженныхъ, женщинъ и маленькихъ дѣтей? И всѣ, поднявшіе руку противъ возставшихъ поляковъ, стали уже не воины—защитники отечества, а разбойники, убійцы. Откроемъ имъ глаза, докажемъ имъ, что поляки правы и что убивать за правое дѣло невыразимо низко. Употребимъ всю силу любви нашей къ нимъ, чтобы поднять ихъ духъ до геройскаго, смѣлаго отрѣченія идти противъ поляковъ. Но надо спѣшить; ни время, ни событія не терпятъ.

Въ настоящую минуту нѣтъ ничего тяжелѣе и грустнѣе чувства русскаго патріотизма. Любить и не имѣть чѣмъ гордиться, а напротивъ краснѣть и плакать за любимый предметъ—это невыносимо. Сдѣлаемъ все, чтобы спасти Россію! Сила любви *непобѣдима!* она одна даетъ могущество женщинѣ; одна она можетъ быть ея оружіемъ. Пусть-же эта сила поможетъ намъ разбудить Россію къ новой жизни и остановить ее на краю бездны, въ которую она ослѣпленная мчится сломя голову. Примемся дружно за дѣло, презирая препятствія—и успѣхъ не сомнѣенъ!

Примите сердцемъ слова посылаемыя вамъ отъ искренняго сердца сестры.

Украинка.

С М Ъ С Ъ.

— *Александровская конституція и Павловское время.* — *Теймсъ* повторяетъ 6 Марта слухъ, напечатанный въ двухъ французскихъ газетахъ, о предполагаемомъ дарованіи конституціи Польшѣ и о награжденіи ея Константиномъ Николаевичемъ, который будетъ повышенъ изъ императорскихъ братьевъ—въ короли польскіе. Не знаемъ правда это или нѣтъ. Но можемъ сказать одно, что вся эта *горчица послѣ ужина* никого не удовлетворитъ. Почему петербургское правительство не умѣло сдѣлать *этого дара* во время, безъ приказа Наполеона, безъ совѣта Пальмерстона, безъ дружбы Пруссіи, безъ ненависти Австріи, безъ побѣдъ Лангевича. Конституція 1815 года, плохая корпія на раны, нанесенныя опустошительнымъ разбоемъ русскаго войска.

А *Наше Время*, соревнуя съ *Московскими Вѣдомостями* въ описаніи ужасовъ дѣлаемыхъ польскими инсургентами, описываетъ съ примѣрнымъ азартомъ убійство *жандармскаго* капитана *Гроуерта* — на дорогѣ близъ куровской станціи. Бѣжалъ онъ съ пріятнымъ порученіемъ генерала Хрущева (скупающаго головы инсургентовъ), арестовать какихъ-то людей и засадить ихъ въ Ивангородскую крѣпость. Инсургенты вмѣсто того чтобы связать себѣ руки и отдаться капитану — убили его. Жаль; жаль и то, что капитанъ Гроуертъ служилъ въ жандармахъ, (подлая служба, самъ Потаповъ вамъ это подтвердитъ). И почему *Наше Время* такъ чувствительно къ жандарму, жандармское ремесло опасно во время возстанія, Гроуертъ счастливѣе другихъ, онъ нашелъ родственную редакцію, которая назвала его *мученикомъ*, какъ удивятся въ раю—это первый святой по корпусу жандармовъ.

— *Пльмцы и не-пльмцы въ зимнемъ дворцѣ.* — Иностранные журналы повѣствуютъ намъ, что *пльмецкая* партія побѣдила старо-русскую (вѣроятно Аксакова?), панславистскую (вѣроятно *Погодина*?) и что въ силу этого Адлербергъ былъ посланъ въ Польшу. Какъ будто Адлербергъ имѣетъ какое нибудь мнѣніе, представляетъ что-нибудь уловимое не только всей Россіи, но и кредиторамъ своимъ! Все это похоже на дичь. Но для насъ въ этой дичи важна *миѣическая* правда. Отчего пльмецкая партія притихаетъ когда дѣлается что-нибудь путное, и свободно дышетъ, оживаетъ, какъ только въ Россіи снова начинается бирюшница, военная экзекуція, *Ordnung und strenge Disciplin*?

— ; Просимъ нашихъ корреспондентовъ написать намъ, правда-ли, что генералъ Хрущевъ скупаетъ головы инсургентовъ, т. е. что онъ положилъ награду за каждую голову, которую припесутъ крестьяне?

— Правда-ли, что полковникъ *Корфъ* застрѣлился, чтобы не исполнить варварскій приказъ?

— **ПОПРАВКА.** Въ 157 листѣ, на стр. 1303, въ лѣвой колоннѣ поставлено: “Теймсъ говоритъ” — это и равно выносные знаки, совершенно ошибочно переставлены изъ другой статьи.

— *Правительственная пугачевщина.* Генералъ-адъютантъ *Назимовъ* напечаталъ нѣчто въ родѣ пугачевского воззванія къ топорамъ: напомнивъ крестьянамъ объ освобожденіи ихъ государемъ, онъ говоритъ. “Еще не приведена окончательно въ исполненіе высочайшая воля, открывшая вамъ новую гражданскую жизнь и обеспечившая ваше будущее благосостояніе, и уже стараются возбудить въ васъ преступныя чувства неблагодарности и возмущенія противъ того государя, которому вы обязаны этими благодѣяніями! Вы должны доказать безпачетность подобныхъ покушеній, и немедленно задерживая всякаго, кто бы на нихъ отважился, предавать его въ руки ближайшаго начальства, для поступленія по законамъ. Сочѣствуя охраненію въ краѣ общественнаго спокойствія, вы тѣмъ самымъ будете способствовать для собственной вашей пользы, скорѣйшему открытію дѣйствій повѣрочныхъ комиссій, которыя должны окончательно устроить вашъ поземельный бытъ, и коихъ учрежденіе было бы замедлено и затруднено возникновеніемъ безпорядковъ”.

— *Безсостловность въ Москвѣ.* *Москов. Вѣд.* (13/25 Февр.) извѣщаютъ насъ о слѣдующемъ курьезномъ единодушіи всѣхъ сословій на московскихъ городскихъ выборахъ.

“Вчера происходило первое общее предварительное совѣщаніе московскихъ городскихъ выборныхъ отъ разныхъ сословій. Въ помѣщеніи, гостепріимно предложенномъ О. Л. Бревнерномъ, собрались въ довольно значительномъ числѣ, для совѣщаній съ представителями сословія потомственныхъ дворянъ, выборные отъ остальныхъ сословій, *кромя мѣщанскаго, которое къ сожалѣнію отсутствовало.*”

Каково состригла редакція? На городскихъ-то выборахъ не было *мѣщанъ*!

— Кстати къ *Моск. Вѣд.* стрѣлокъ сенаторъ опять промахнулся въ своемъ вѣрноподданническомъ фурорѣ, радуясь, что въ Европѣ ничего не сдѣлано въ пользу Польши, онъ *schadenfrohn*, говоритъ: “Въ Страсбургѣ (погра. городъ отъ Торна) 24 Января произведено было нападеніе на прусскую пѣхоту, нападеніе это подниметъ вопль во всей Германіи”. — Гдѣ-же этотъ вопль?

— Въ *Флоренціи*, на митингѣ собранномъ въ пользу польскаго дѣла, говорятъ англійскіе журналы, русскій офицеръ, служившій у Гарибальди во время Сицилійской кампаніи, произнесъ рѣчь, принятую съ большимъ сочувствіемъ.

— Въ *Женевѣ*, на поминкахъ 24 Февраля 1848 года, были собраны между русскими деньги для отправления двухъ поляковъ въ Польшу.

— За то, въ *Пиццѣ*, вѣрноподданные иного толка — *Валеріанъ Скрыпицынъ**, графъ Александръ Апраксинъ, *Семёнъ Сулима*, собрали до 5,000 фр. для русскихъ солдатъ въ Польшѣ.

ВЪ ПЕЧАТИ :

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ

Выпускъ Второй и Третій.

СОБРАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА

Томъ I, Выпускъ I.

* Не тотъ-ли Скрыпицынъ, который извѣстенъ обращеніемъ унать въ греческое православіе?

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна 6 пеп., съ тринадцатымъ номеромъ—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

ЛИСТЪ 159.

15 МАРТА 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 13).

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price Sixpence, with Supplement: VETCHÉ No. 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Увѣдомленіе—Great Western—Студентамъ въ Россіи—Десятилѣтіе Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ (отрывокъ изъ предисловія)—Хвала русской женщинѣ—Домбровскийъ и Мехела—Надвисяніи—Die Geschicklichkeit ist mit einem Oekonomie verbunden—'Le Nord'—Убийство въ Японіи—Озидій фондъ—Поправка.

Мы считаемъ необходимымъ уведомить тѣхъ кому нужно знать, что г. Осипъ Демонтовичъ назначенъ Временнымъ Польскимъ Правительствомъ Коммиссаромъ въ Литву.

Издатели Колокола.

GREAT WESTERN.

Прочно, неизбѣжно установилось старое званіе Европы, долго устроивалось и перестраивалось оно, урѣзывало куски отъ живаго мяса, приставляло ихъ какой-то политической ринопластикой къ чужому тѣлу, ставило контрфорсы съ той и другой стороны, тратило всѣ свои доходы для того, чтобъ вести миръ—но за то сложная задача ея равновѣсія разрѣшена торжественно, плодъ мудрыхъ уступокъ, насильственныхъ браковъ, предвѣренныхъ воздержаній, глубоко обдуманныхъ комбинацій и хитро завязанныхъ дипломатическихъ узловъ—увѣнчался.

Равновѣсіе это усилилось костью и привычкой, мудрымъ равнодушіемъ къ добру и злу, христіанскимъ смиреніемъ, съ которымъ принимается всякое несчастье ближняго и всего больше мощной рукой капитала, притягивающей новоды всѣхъ страстей—своимъ credit и debit.

Пока вѣтеръ не дуетъ, дѣйствительно все держится благополучно, но кто можетъ отвѣчать за штиль? Взаимное уничтоженіе силъ для равновѣсія, отдаетъ его на произволъ всякой случайности, всякому толчку. Не только достаточно ввиться гениальной личности, гениальной мысли, ряду преданныхъ людей, ряду восторженныхъ фанатиковъ—но стоитъ какому нибудь ослу лягнуть, чтобы старый успокоившійся маятникъ снова началъ биться изъ угла въ уголъ.

— Только упереться то ослу придется въ воздухъ...

— Помилуйте, король прусскій уже опъ-ли... Архимедъ, а вѣдь нашелъ-же точку, въ которую упирался задними ногами, чуть не сдвинулъ Францію на Рейнъ, а можетъ и сдвинуть; но я не стану спорить ни объ ослиныхъ копытахъ, ни объ бранденбургскихъ конвенціяхъ. Тѣмъ больше, что въ послѣднемъ случаѣ могутъ возразить, что всякій король, Архимедъ или нѣтъ, представляетъ сводную силу всѣхъ подданныхъ, особенно въ такой странѣ какъ Пруссія, которая хотя и ворчатъ доктринерски, но послушна какъ негръ.

Годъ VII.

Мы говоримъ о тѣхъ буряхъ, которыя пробуждаются въ какой-нибудь пезамѣтной точкѣ, растутъ, растутъ, поднимаютъ цѣлыя массы и грозятъ сорвать съ якоря Great Western.

Что кажется значить одинъ человѣкъ, сто человѣкъ, даже тысяча—а эта капля и переполняетъ сосудъ, а отъ этой-то песчинки паровозъ срывается съ рельсовъ.

...Что сказали-бы вы, еслибъ, нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, кто-нибудь показавъ-бы вамъ, въ небольшой компаніи лондонскаго boarding-house'a средней руки, шесть человѣкъ тихо бесѣдующихъ около чайнаго стола и прибавилъ-бы: "Вотъ эти господа рѣшили разрушить равновѣсіе Европы." Тутъ не было ни Гарибальди, ни Ротшильда. Совсѣмъ напротивъ, это были люди безъ денегъ, безъ связей, люди заброшенные на чужбину, волей, а вдвое того неволей. Одинъ изъ нихъ только что возвратился изъ русскою каторжной работы, другой шелъ туда прямой дорогой, третій самъ оставилъ Сибирь, четвертый бросилъ свой полкъ, чтобъ не быть палачемъ друзей.

— Они хотѣли разрушить равновѣсіе Европы?

— Вопросъ только шелъ о времени.

— Это ужасно смѣшно...

— Какъ-же не смѣшно, но знаете-ли, что всего смѣшнѣе?

— Что?

— То, что они исполнили свое желаніе.

— Кто-же были эти люди;

— "Что въ имени тебѣ," двое были членами варшавскаго центрального комитета.

Мною можетъ воля человѣка, его сила страшна, ей почти нѣтъ предѣла, стоитъ ей быть чистой, беззавѣсно отдающейся дѣлу и чувствовать внутри себя—океанныя теченія.

Эта самодержавная мощь, независимая отъ табели о рангахъ, глубоко сердитъ и оскорбляетъ нашихъ отечественныхъ камеръ-лакеевъ прогресса. Они напыщенные своимъ званіемъ редакторовъ отъ полиціи, не могутъ вынести дерзости лицъ, имѣющихъ притязаніе не по чину брать участіе въ исторіи, имѣющихъ наглость вмѣшиваться въ чужія дѣла, въ дѣла цѣлаго народа, безъ всякаго права и приглашенія. Одинъ только громадный успѣхъ заставляетъ этихъ строгихъ аристократовъ передней вспомнить обязанности ливреи, перемѣнитъ ея цвѣтъ, признавая новую власть и на нее переводя старое работаніе

Генеалогія этого взгляда у наших чинъ-чина почитающихъ писателей и писарей понятна. Это приложеніе къ высшимъ сферамъ крѣпостнаго состоянія, при патриархальныхъ понятіяхъ котораго женитьба сына и непорочность дочери—было дѣло не отца съ матерью, а *дѣло барское*. Но крѣпостное состояніе окончилось. Не пора-ли отбросить другія части рабскаго кодекса и на людей внѣ царской службы не смотрѣть какъ на *недорослей*?

Пока мы будемъ держаться за сарафанъ кормилицы, боясь буку, пока мы будемъ прятаться за другихъ, боясь генераловъ, мы свое дѣло будемъ считать *барскимъ*. Пусть кто посмѣлѣе заглянетъ за печку, буки тамъ нѣтъ. Пусть заглянетъ за кавалергардовъ зимняго дворца—*силы* тамъ нѣтъ.

— Да по какому праву?

По какому праву? Да вотъ по тому, по которому тѣ неизвѣстные, тѣ подземные, какіе-то мытари и грѣшники, какіе то рыбаки—сдѣлались кормчими человечества на цѣлые осьмнадцать вѣковъ. По которому какіе-то каторжные, сосланные сказали Италіи: “возьми одръ твой и иди!”—И Италія отъ Этны до Монблана встала и пошла.

По какому праву?

По праву—сильной любви.

По праву—сильной вѣры.

По праву—святой отваги.

По тому праву, по которому пошелъ Христосъ на крестъ за *чужое дѣло*—за грѣхи человечества.

Всякой имѣетъ право звать съ собой ближнихъ и дальнихъ. Не пойдутъ за тѣмъ кто ошибся *въ дѣль*, не пойдутъ за тѣмъ, кто ошибся *въ себя*. Но силенъ будетъ голосъ того, у кого въ сердцахъ глубоко и громко звучать тѣ ноты, которыя непреодолимо волнуютъ его окружающія массы, составляя ихъ религію, ихъ поэзію, ихъ идеалъ, ихъ радость и печаль, ихъ *хорошія* слезы и человеческую боль... Если при этомъ тотъ, кто зоветъ, весь отдается дѣлу, не имѣетъ *кумира развѣ его*—народы пойдутъ съ нимъ.

Мы глядя на герольдовъ, на тамбуръ-мажоровъ, на скороходовъ, думаемъ, что они ведутъ процессію, потому что впереди, это большая ошибка. Движеніе дается рулемъ, опущеннымъ въ воду, золоченая грудь корабля съ своимъ флагомъ повинуется ему или тонетъ. Кто не боится схватиться за руль, тотъ и поведетъ корабль.

Въ этой-то отвагѣ та сила поляковъ, передъ которой русская императорская власть осунулась, армія сдѣлалась разбойничьей шайкой, великій князь малымъ княземъ, прусской король кварталнымъ надзирателемъ—та сила, отъ появленія которой, черствое сердце Европы дряхлой, усталой, занятой, равно востепенулось въ Стокгольмѣ и Неаполѣ, въ Флоренціи и Шотландіи. Европа содрогнулась отъ ужаса за безумную кучку людей, которая гордо стала передъ нелѣпой, глупой лавиной, грозящей раздавить послѣднюю хижину ея матери, говоря ей: “Прежде ты помѣраешься съ нами... увидимъ чья возьметъ... только знай впереди, побѣдить насъ нельзя... *насъ не будетъ больше* когда ты одолѣешь!” Лавина двинулась. Стоянь ужаса вырвался изъ груди всѣхъ народовъ; сонъ и равновѣсіе Европы поколебались. Еще и еще геройства оттуда, еще и еще судорожный крикъ—и куда дѣнется вѣнской трактатъ и *sie sollen ihn nicht haben*... все нагнулось и подалось—императорская Франція и цезарская Германія,

сардинская Италія и скандинавскій полуостровъ, тяжелый на подъемъ славянскій міръ, и тяжелый на ходу, перегруженный англійскій корабль...

Отвѣтъ схватиться за руль—у насъ нѣтъ; мы скорѣе согласны просто погибнуть, мы боимся отвѣтственности—оттого поляки дѣйствуютъ, а мы разсуждаемъ. Для поляка *все въ общемъ дѣль*—любовь, религія, традиція, семья, свобода, честь. Для насъ *общее дѣло* представляетъ *благородный интересъ*, мы имъ занимаемся какъ дилетанты искусствомъ между *настоящимъ дѣломъ*, т. е. ничѣмъ не жертвуя

... “Мы видѣли вчера, говорить одинъ французскій журналъ, какъ отправлялись къ своимъ *братьямъ въ лѣсу*—дѣти народа-страдальца (*nation douloureuse*), и были глубоко потрясены. Матери, сестры, провожали ихъ, видно было, что онѣ удерживали слезы. Старецъ вышелъ впередъ и сказалъ прощальное слово отрокамъ шедшимъ въ легионъ отчаянія—и вотъ чѣмъ онъ утѣшалъ ихъ: “Если вы падете, помните, что ваша смерть послужитъ новымъ доказательствомъ, что Польша бессмертна”.

И дѣти отправились.....

Что говорятъ наши старцы русскимъ отрокамъ? Что сестры и матери—одинъ женскій голосъ раздался и то съ Украины—хоть бы онѣ учили отравиться, идти въ отставку, вѣдь это не то, что посылать на смерть.....

Проснитесь—же, пока есть время, чтобъ спасти русскій народъ и себя.

И—рѣ.

СТУДЕНТАМЪ ВЪ РОССІИ.

Друзья, мы получили на дняхъ воззваніе къ вамъ, юпошеское, восторженное отъ студентовъ изъ Пизы. Вѣдь и вы молоды и ваше сердце не отвыкло еще сильнѣе биться при тѣхъ великихъ словахъ, которыя существуютъ какъ звукъ для успокоившихся въ лонѣ эгоизма умниковъ, поучающихъ васъ философіи повиновенія и поэзіи полицейскаго порядка. Примите-же съ любовью слова посылаемыя вамъ итальянскими юпошами изъ *Circolo democratico fra studenti in Pisa*.

“Братья студенты! Съ нѣкотораго времени доходить до насъ звонъ русскаго *Колокола* и мы надѣялись, что онъ дойдетъ до народа русскаго, что онъ будетъ ударять къ предсмертной борьбѣ самовластья, что онъ разбудитъ не подозревающихъ, что опасность близка. И въ самомъ дѣлѣ до насъ доходили голоса освобожденныхъ крестьянъ, голоса дворянъ признающихъ права земледѣльцовъ (вещь безпримѣрная). Наша надежда росла. Прогрессъ неотвратимо идетъ роковымъ путемъ, неотвратима судьба свободы, неотвратимо торжество права и истины.

“И они должны были восторжествовать у васъ!

“Но вдругъ раздался у насъ крикъ войны между вами и братьями вашими, громятъ пушки несчастную Польшу, льется казачья кровь за поддержку тиранства и великій примѣръ *Попова* мало находитъ послѣдователей. И тутъ-то мы подумали объ васъ, русскіе студенты, вы, вѣрно, какъ мы любите отечество и любите чтобъ его уважали и уважаютъ въ другихъ ту же любовь. Вы юпоши должны хранить незапятнанную чистоту вашихъ чувствъ, готовность жертвы мученичества. Думая о васъ, мы рѣшили обратиться къ вамъ рѣчь. Студенты въ Италіи проливали кровь свою на всѣхъ поляхъ, на которыхъ дрались за отечество. Во Франціи въ 1848 когда другіе сомнѣвались, уступали, колебались, слѣдуетъ или

пѣтъ вступать въ сношеніе съ правительствомъ унижавшимъ страну, молодежь школъ водружила знамя республики на баррикадахъ. Спасите вашу честь, которую пятнаетъ правительство ваше, дѣлая изъ васъ убійцъ—людей защищающихъ священнѣйшія достоянія человѣка! *Начните* и за вами пойдутъ, начните, побѣда будетъ за вами, а если вы падете, вы падете въ искупленіе страны вашей отъ позора и проклятія, которые иначе падутъ не на одну голову царя, а на ваше отечество”.

За товарищей : С. Паренпо.

Л. Морони.

Ж. Сечедеи.

Секретарь : Ж. Де Мори Бажолин’.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѢ

СБОРНИКЪ ЕЯ ПЕРВЫХЪ ЛИСТОВЪ

(Отрывокъ изъ предисловія).

..... Въ Маѣ мѣсяцѣ (1853) вышелъ первый отпечатанный въ ней листъ, и съ тѣхъ поръ станокъ русскій работалъ неостанавливаясь.

Тяжелое время было тогда : Россія словно вымерла, цѣлые мѣсяцы проходили и не было въ журналахъ ни слова о ней ; вѣрѣдка появлялась вѣсть о смерти какого-нибудь дряхлаго саповника, о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени какой-нибудь великой княгини...еще ѣже доходилъ до Лондона сдавленный стонъ, отъ котораго сердце сжималось и ломилась грудь ; частныхъ писемъ почти вовсе не было, страхъ приостановилъ всѣ связи...

Въ Европѣ было иначе, но не лучше. Наступало пятилѣтіе послѣ 1848 года—и ни малѣйшей полоски свѣта...темная, холодная почъ облежала со всѣхъ сторонъ...

Съ средой, въ которую я былъ заброшенъ, я становился все далѣе.

Невольная сила влекла меня домой. Были минуты, въ которыя я раскаявался, что отрѣзалъ себѣ пути возвращенія, *возвращенія* въ эту Сибирь, въ этотъ острогъ, передъ которымъ шагаль двадцать восьмой годъ, въ своихъ ботфортахъ, свирѣпой часовой со “свинцовыми пулями” вмѣсто глазъ, съ пазадъ бѣгущимъ малайскимъ лбомъ и звѣриными челюстями выдающимися впередъ ! Какъ омуты и глубокія воды тянутъ человѣка темной ночью въ неизвѣстную глубь—тянуло меня въ Россію.

Нѣтъ, казалось мнѣ, столько силъ не могутъ быть задавлены такъ глупо, изсякнуть такъ нелѣпо... И мнѣ представлялись живѣе и живѣе народъ печально сторонящійся и чуждый всему что дѣлается и гордая кучка полная доблести и отваги декабристовъ, и восторженно юношескій кругъ нашъ, и московская жизнь послѣ ссылки. Передо мной послылись знакомые образы и виды, луга, лѣса, черныя избы на бѣломъ снѣгу, черты лицъ, звуки пѣсенъ и... и я вѣрилъ въ близкую будущность Россіи, вѣрилъ, *когда всѣ сомнѣвались*, когда не было никакого оправданія вѣрѣ.

Можетъ я вѣрилъ оттого, что не былъ самъ тогда въ Россіи и не испытывалъ на себѣ оскорбительнаго прикосновенія кнута и Николая, можетъ и отъ другаго, но я крѣпко держался за мое вѣрованіе, чувствуя, что когда я и его выпущу изъ рукъ, у меня ничего не останется.

Русскимъ станкомъ я возвращался домой, около него должна была образоваться русская атмосфера...могло-ли быть, чтобъ нѣко не откликнулся на это первое *Vivos Voco* ?

Но “живъ человѣкъ” на самомъ дѣлѣ не торопился отвѣчать.

Вѣсть о томъ, что мы печатаемъ по-русски въ Лондонѣ—испугала. Свободное русское слово сконфузило и обдало ужасомъ не только дальнихъ, но и близкихъ людей, оно было слишкомъ рѣзко для уха привукнуваго къ шопоту и молчанію ; безцензурная рѣчь производила боль, казалась неосторожностью, чуть не доносомъ... Многие совѣтовали основаться и ничего не печатать ; одинъ близкій человѣкъ за этимъ пріѣзжалъ въ Лондонъ. Это было тяжело. На это я не готовился.

“Не они, откликнутся другіе !” и я шелъ своей дорогой, безъ малѣйшаго привѣта, безъ теплаго слова, т. е. безъ теплаго слова *изъ Россіи* ; въ Лондонѣ былъ человѣкъ, который попалъ иначе смыслъ нашего станка, одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей польскаго изгнанія.

Преждевременно состарѣвшійся, болѣзненный Станиславъ Ворцель,* вслѣдствіе при вѣсти о русской типографіи, онъ помогать мнѣ дѣлать заказы, рассчитывалъ число буквъ, устраивалъ станокъ въ польской типографіи. Я помню какъ онъ взялъ у меня со стола первый корректурный листъ и долго разсматривая его, сказалъ мнѣ глубоко тронутый : “Боже мой ! Боже мой ! до чего я дожилъ, вольная русская типографія въ Лондонѣ ! Сколько дурныхъ воспоминаній послѣдняго времени стираетъ съ моей души этотъ клочекъ бумаги замараной голландской сажей !”

Угасая святой старикъ видѣлъ успѣхъ типографіи и передъ смертью благословилъ еще разъ нашъ трудъ своей умирающей рукой.

Этотъ первый листъ, о которомъ идетъ рѣчь† былъ обращенъ къ ‘Русскому Дворянству’ и напоминалъ ему, что пора освобождать крестьянъ, и при томъ съ землею—или быть бѣдѣ.

Второй былъ о *Польшѣ*.

Крестьянское дѣло и Польскій вопросъ сами собой легли въ основу русской пропаганды.

И вотъ съ тѣхъ-то поръ, любезный Чернецкій, мы десятый годъ печатаемъ съ вами безъ усталости и отдыха, и имѣемъ уже порядочную біографію нашего станка и порядочный ворохъ книгъ.... Дайте вашу руку на новое десятилѣтіе, и не сердитесь, что я повторяю всенародно то, что я вамъ сто разъ говорилъ наединѣ. Помощь, которую вы мнѣ сдѣлали упорной, неусыпной, всегдашней работой, страшно мнѣ облегчила весь трудъ. Братская вамъ благодарность за это, въ лицѣ вашемъ польская помощь и участіе въ нашемъ дѣлѣ не перемежались.... Спасибо вамъ !....

.....И тѣмъ больше спасибо вамъ, что начала наши были томпы и бѣдны. Три года мы печатали, не только не продавъ ни одного экземпляра, но не имѣя возможности почти ни одного экземпляра послать въ Россію, кромѣ первыхъ летучихъ листовъ отправленныхъ Ворцелемъ и его друзьями въ Варшаву—все печатанное нами лежало у насъ на рукахъ или въ книжныхъ подвалахъ благочестиваго *Paternoster Row*.

* Въ концѣ Сборника помѣщена небольшая статья о его кончинѣ изъ “Полярной Звѣзды.”

† Юрьевъ День ! Юрьевъ День !

Мы не уныли съ вами.... и печатали себя—да печатали. Книгопродавецъ съ Berner Street, какъ-то прислалъ купить на 10. ш. “Крещеной Собственности”. я это принялъ за успѣхъ, подарилъ его мальчику шиллингъ на водку и съ нѣскольکو буржуазной радостью, отложилъ въ особое мѣсто этотъ *первый* гафсоврепъ выработанный русской типографіей.

Сбытъ въ дѣлѣ пропаганды также важенъ какъ и во всякомъ другомъ. Даже простой, матеріальный трудъ нельзя дѣлать съ любовью, зная что онъ дѣлается напрасно. Заставьте лучшихъ въ мірѣ актеровъ играть въ пустой залѣ, они будутъ играть прескверно. Консистеріи знающія по обязанности своего сана топкость нравственныхъ пытокъ, приговариваютъ поповъ за воровство, пьянство, и другія свѣтскія слабости *толочь воду*.

Но не все-же мы толкли воду съ вами Чернецкій, пришелъ праздникъ и на нашей улицѣ.

Онъ начался торжественно.

Утромъ 4 Марта я вхожу по обыкновенію часовъ въ восемь въ свои кабинетъ, развѣртываю “Теймсъ”, читаю, читаю десять разъ и не понимаю, не смѣю понять грамматическій смыслъ словъ, поставленныхъ въ заглавіе телеграфической новости: The death of the Emperor of Russia.

Не помня себя, бросился я съ “Теймсомъ” въ рукъ въ столовую, я искалъ дѣтей, домашнихъ, чтобы сообщить имъ великую новость и со слезами искренней радости на глазахъ, подаль имъ газету.... Нѣсколько лѣтъ свалилось у меня съ плечъ долой, я это чувствовалъ. Остаться дома было невозможно. Тогда въ Ричмондѣ жилъ Энгельсонъ,* я на скоро одѣлся и хотѣлъ идти къ нему, но онъ предупредилъ меня и былъ уже въ передней, мы бросились другъ другу на шею и не могли ничего сказать кромѣ словъ: “Ну наконецъ-то онъ умеръ!” Энгельсонъ по своему обыкновенію прыгалъ, перепаловалъ всѣхъ въ домѣ, пѣлъ, плясалъ, и мы еще не успѣли придти въ себя, какъ вдругъ карета остановилась у моего подъѣзда и кто-то неистово дернулъ колокольчикъ, трое поляковъ прискакали изъ Лондона въ Твикнемъ. не дожидаясь поѣзда желѣзной дороги, меня поздравить.

Я велѣлъ подать шампанскаго, никто не думалъ о томъ, что все это было часовъ въ одиннадцать утра или ранѣе. Потомъ безъ всякой нужды мы поѣхали всѣ въ Лондонъ. На улицахъ, на биржѣ, въ трактирахъ только и рѣчи было о смерти Николая, я не видалъ ни одного человѣка, который-бы не легче дышалъ, узнавши что это бѣльмо снято съ глаза человечества и не радовался-бы, что этотъ тяжелой тиранъ въ ботфортахъ, наконецъ зачисленъ по химіи.

Въ воскресенье домъ мой былъ полонъ съ утра, французскіе, польскіе рефужье, нѣмцы, итальянцы, даже англійскіе знакомые приходили, уходили съ сіяющимъ лицомъ, день былъ ясный, теплый, послѣ обѣда мы вышли въ садъ.

На берегу Темзы играли мальчишки, я подзвалъ ихъ къ рѣшоткѣ и сказавъ имъ, что мы празднуемъ смерть ихъ и нашего врага, бросилъ имъ на пиво и конфеты пѣлую горсть мелкаго геребра. Уре! Уре! кричали мальчишки, Impernikel is dead! Impernikel is dead! гости стали имъ тоже бросать сикспенсы и трипенсы, мальчишки принесли элю, пироги, келовъ, привели шарманку и принялись плясать. Послѣ этого пока я жилъ въ Твикнемѣ мальчишки всякій разъ, когда встрѣчали меня на улицѣ снимали шапку и кричали, Impernikel is dead!—Уре!

Смерть Николая удеситерила надежды и силы. Вся Россія легче вздохнула, приподняла голову и будь воля—покричала бы отъ всей души съ твикнемскими мальчишками Impernikel is dead! hooray!

Подъ вліяніемъ весенней оттепели и на нашъ станокъ въ Лондонѣ взглянули ласковѣе. Наконецъ-то насъ замѣтили...

И—рѣ.

* Авторъ—Видный св. Кондратій, статья “Что такое государство?” въ 1 лп. “Полярной Звѣзды” и пр.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА У ЛАНГЕВИЧА.

Вчера мы видѣли фотографію русской дамы, которая убѣгая отъ преслѣдованій русской полиціи, явилась въ станъ къ Лангевичу, вступила въ ряды инсургентовъ и исполняетъ должность адъютанта при Чаховскомъ. Мы не печатаемъ ея фамиліи, потому что не знаемъ согласно-ли это съ ея желаніемъ. Хвала ей, и искренній привѣтъ ей отъ насъ!

ДОМБРОВСКИЙ И МЕХЕДА.

Насъ просятъ извѣстить, что полковникъ *Домбровский* и капитанъ главнаго штаба *Мехеда*, убиты въ Тамашовѣ.

Исполняя желаніе корреспондента, мы прибавимъ, что по одному изъ писемъ полученныхъ нами, капитанъ *Мехеда* погибъ не въ сраженіи, а былъ поднятъ на штыки русскими солдатами, недовольными тѣмъ, что онъ останавливалъ грабежъ.

— *Слѣ. Пч.* выписываетъ изъ “Надвислянина” слѣдующее: Католическіе монастыри *липовскаго округа* объявили инсургентамъ, что всѣ драгоценности и церковная утварь состоящая изъ золота и серебра жертвуются монахами въ пользу инсургентовъ. Что за чудное свойство польскаго возстанія, что оно очищаетъ все до чего касается, даже Австрію и монастыри!

— Die Geschicklichkeit ist mit einer Oekonomie verbunden. Въ одномъ пограничномъ мѣстечкѣ въ Познани *оружья дома*, (пишетъ намъ одинъ знакомый) сдѣлали небольшое депѣ русскихъ солдатскихъ шинелей, фуражекъ, ружей и пр. Для того, чтобы пруссаки могли иной разъ маскироваться и подъ этой русской оболочкой, помогать слабой романовской имперіи противъ Лангевича и другихъ мощныхъ враговъ ея. Сверхъ торжества родственной дружбы доходящей до пожертвованія всякимъ чувствомъ благородства, приличія, оно выгодно. Платеъ ужасно изнашивается на войнѣ, король другъ, взявши русскія шинели подвергаетъ только прусскую мясную начинку опасности, а ‘пуговки, погончики, петлички,’ на счетъ племянника.—Хлѣбъ соль вмѣстѣ а табачекъ врозь!

— *Le Nord* (отъ 14 Мар.) говоритъ, что 3 Мар. (19 Фев.) въ Петербургѣ были разбросаны прокламаціи съ зеленой печатью *Земля и Воля*. Странно, что мы почерпаемъ этого рода новости изъ такого источника. Мы очень желали-бы знать содержаніе прокламаціи изъ пастоящаго Сѣвера, а не изъ парижскаго.

— *Убійство въ Японіи.*—Въ одномъ изъ давнихъ листовъ “Колокола” была помѣщена доставленная намъ, отъ неизвѣстнаго корреспондента изъ Китая, исторія объ убійствѣ японца, русскимъ морскимъ офицеромъ. На дняхъ мы имѣли случай встрѣтиться въ Лондонѣ съ однимъ извѣстнымъ путешественникомъ, который тогда былъ самъ въ Японіи; рѣчь дошла до несчастной исторіи убитаго японца. Онъ разсказалъ намъ какъ было дѣло. Слѣшимъ передать нашимъ читателямъ, что офицеръ убилъ японца *случайно*. Начальнику того мѣста *не былъ данъ выкупъ*, а по его совѣту, дали женѣ убитаго, небольшую сумму денегъ, собранную между офицерами.

Сколько разъ просили мы нашихъ корреспондентовъ писать только о вещахъ совершенно имъ извѣстныхъ. Или по крайней мѣрѣ, прибавлять, что знаютъ дѣло по слухамъ, когда неувѣрены въ немъ.

— Въ *Общій фондъ* получено отъ В. Печерина 1 фунтъ (No. 1), изъ Германіи 7 фунт. 10 шил. (No. 2), изъ Парижа 125 франковъ и для Польскаго дѣла отъ нѣсколькихъ русскихъ студентовъ изъ Германіи 40 гульденовъ.

— *ПОПРАВКА.* Въ 158 листѣ, на стр. 1311, въ лѣвой колоннѣ, строк. 11 напечатано: кровью, читай: словомъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138, Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 160

1 АПРѢЛЯ 1863.

У Трибнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Прокламація “Земли и Воли”—1831—1863—“Молодецкое поведение солдатъ.” Слѣдъ : Манифестъ и литературный Липранди—Изъ
Москвы—Графъ Ностицъ—Печай—Совсемъ пошелъ въ Николай—Крестьяне демагоги—Командиръ врандерб. вѣд. рѣгимента—Константиѣ Николаевичъ,
гр. Дристовичъ и архіерей Фелинскій—Развратъ войны—Бѣдѣ русское имя—Русскіе посланники—Императорскій указъ—Объявленія.

ПРОКЛАМАЦІЯ “ЗЕМЛИ И ВОЛИ”.

Наконецъ сказалося въ Россіи живое слово участія къ
польскому дѣлу—сказалося путемъ *подземной* литературы
какъ и слѣдовало ожидать въ странѣ, въ которой, за мѣсяце,
публицистовъ держатъ больше полугода въ казематахъ, а по-
томъ ссылаютъ на каторжную работу,—сказалося “ЗЕМЛЕЙ
и ВОЛЕЙ.” Прокламація разсѣянная 19 Февраля [3 Марта]
въ Москвѣ и Петербургѣ (*которой текста мы не получали*),
была о Польшѣ. Писавшіе ее подають руку полякамъ во
имя юной Россіи и обращаются къ солдатамъ и офицерамъ,
удерживая ихъ отъ преступнаго повиновенія.

Этотъ голосъ былъ необходимъ, съ него начнется реби-
литация Россіи—и потому глубокая благодарность людямъ
сдѣлавшимъ ее возможной.

Холопы слова, литературные опричники и полицейскіе
отъстники, доморощенные и проживающіе *in partibus*,
называютъ ихъ и насъ измѣнниками Россіи, говорятъ, что
мы стоимъ въ рядахъ злѣйшихъ враговъ ея и пр.*

Имъ мы не будемъ отвѣчать. Они за тѣмъ правдивымъ
ценсомъ, за которымъ нѣтъ ни оскорбленій, ни обидъ. Они
пользуются особыми привилегіями, какъ объявленные бан-
круты, какъ публичныя женщины, какъ ихъ страдательные
собратья не пишущіе въ пользу правительства, а подслуши-
вающие ему въ пользу.

Съ ними говорить нечего.

Но можетъ быть въ числѣ друзей нашихъ, найдутся люди
не вполнѣ освободившіеся отъ традиціонныхъ предразсудковъ,
не ясно разграничившіе въ своемъ сознаніи *отечество*
съ государствомъ, смѣшивающіе родственную любовь къ
своему народу, готовность страдать объ немъ и для него,
готовность отдать ему трудъ, жизнь—съ готовностью безмы-
сленно повиноваться всякому правительству. Имъ-то мы и
хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Мы съ Польшей, потому что мы за Россію. Мы со стороны
поляковъ, потому что мы русскіе. Мы хотимъ независимости
Польшѣ, потому что мы хотимъ свободы Россіи. Мы съ

* Въ другомъ мѣстѣ нашего листа, мы выписываемъ изъ III Отдѣленія
“Русскаго Вѣстника” нѣсколько ругательствъ противъ прокламаціи, и фразу
изъ манифеста правительствующей редакціи. Пусть читатели сами измѣрятъ
глубину наденія московскихъ доктринеровъ.

Годъ VII.

поляками, потому что одна цѣль сковываетъ насъ обихъ.
Мы съ ними, потому что твердо убѣждены, что нецѣлостъ
имперіи, идущей отъ Швеціи до Тихаго Океана, отъ Бѣлаго
Моря до Китая—не можетъ принести блага народамъ,
которыхъ ведетъ на смычкѣ Петербургъ. Всемирныя мо-
нархіи Чингизовъ и Тамерлановъ принадлежатъ къ самымъ
начальнымъ и самымъ дикимъ періодамъ развитія—къ тѣмъ
временамъ, когда сила и обширность составляютъ всю славу
государства. Онѣ только возможны съ безвыходнымъ раб-
ствомъ внизу и неограниченнымъ тиранствомъ на верху.
Была-ли нужна или нѣтъ наша имперская формація, намъ на
сію минуту дѣла нѣтъ—она фактъ. Но она сдѣлала свое время и
запесла одну ногу въ гробъ—это тоже фактъ. Мы стараемся
отъ всей души—помочь другой ногѣ.

Да, мы противъ имперіи, потому что мы
за народъ!

И—ръ.

1831—1863.

I.

— “Можно-ли было думать, чтобъ у этого старика было
такъ много крови...” говорилъ Макбетъ.

— “Чтожь это, кровь-то не смывается?—воды!... дайте
воды!...” говорила его жена.

Дѣйствительно, есть старики, у которыхъ крови не только
много, но у которыхъ кровь молода... и до того марка, что
ее нѣтъ никакой возможности смыть.

Россія испытываетъ все это... и дай богъ, чтобъ не было
убитаго въ лѣсу, котораго тѣнь стала-бы являться на каждую
пирушку.

Польское возстаніе провело глубокую черту. Въ будущихъ
учебникахъ на немъ будетъ оканчиваться одна глава русской
исторіи и начинаться другая. Тутъ переломъ—продолжать
прежнюю жизнь можно, но переломъ будетъ чувствоваться,
по черты стереть нельзя. Таже жизнь по ту сторону, нрав-
ственно будетъ *не та*. Россія будетъ помнить, что въ жилахъ
старика было очень много крови, что эта кровь лилась все
по ея рукамъ... и что она ничего не сдѣлала, чтобъ ее смыть.

— А развѣ у Польши меньше было крови въ 1831 году?

— Нѣтъ, по у Россіи было меньше совѣсти, т. е. сознанія.
За полусознанныя злодѣйства, за преступленія сдѣланныя

въ подусиѣ, исторія не показываетъ, а даетъ англійскій вердиктъ temporary insanity. Вопросъ весь въ томъ: имѣетъ-ли Россія 1863 столько-же права на этотъ вердиктъ какъ Россія 1831?

Мы рѣшительно отрицаемъ это.

Польское возстаніе, слѣдовавшее черезъ пять лѣтъ послѣ 14 Декабря, застало Россію въ распложъ, подавленную и въ глубокомъ раздумьи. Чуть-ли не въ первый разъ тогда русскіе подумали въ самомъ дѣлѣ о себѣ. Серьезное пониманіе у народовъ является очень поздно, плодомъ большихъ испытаній, потрясеній, неудачъ; самые развитые народы ошибаются вѣка цѣлыя подъ вліяніемъ мечтаній и фантазій. Франція около вѣка воображала себя либеральной и даже республиканской. Русское раздумье было совершенно на мѣстѣ. Кичась государственнымъ значеніемъ и вліяніемъ въ европейскихъ дѣлахъ, петровская Россія воображала, что ей также легко будетъ заимствовать у сосѣдей политическую свободу, какъ военно-полицейскую имперію. Удесатеренный деспотизмъ заставилъ призадуматься тѣхъ, кого не пришибъ окончательно, они начали сомнѣваться въ своихъ путяхъ; стремленіе ихъ было истинно, по оно удовлетворялось готовыми рѣшеніями, не подходившими къ явленіямъ русской жизни. Тяжелое чувство отсутствія корней не меньше давило все мыслящее и пробужденное, какъ правительственный гнѣтъ. Выходъ былъ не ясенъ, слабость очевидна.

Польскій вопросъ былъ смутно понимаемъ въ то время. Передовые люди, люди шедшие на каторжную работу за намѣреніе обуздать императорское самовластіе—ошибались въ немъ, и становились, не замѣтая того, на узкую государственно-патріотическую точку зрѣнія Карамзина. Стоитъ вспомнить факты, рассказанные Якушкинымъ, негодованіе М. Орлова, статью Лунина и пр. У нихъ была своего рода ревность къ Польшѣ; они думали, что Александръ I больше любилъ и уважалъ поляковъ чѣмъ русскихъ. Они были еще подъ обаяніемъ петровской традиціи; мы и моложе ихъ, но всѣ воспитались въ ней, и не такъ-то давно отдѣлились отъ нея.

Таково было настроеніе общества въ 1830.

О народѣ не могло быть и рѣчи; это было спящее озеро, котораго подсиѣвныя теченія никто не знаетъ, и на зачерпнувшей поверхности котораго стояли помѣщичьи усадьбы, присутственные мѣста и всякія будки и казармы.

Николай—нѣсколько оправился отъ 14 Декабря къ тѣмъ порамъ и успокоился, сгубивъ цѣлыя арміи тифомъ и голодомъ въ балканскихъ дефилеяхъ и смѣнивъ опаснаго Ермолова на Кавказѣ бездарнымъ Паскевичемъ. Вдругъ на него обрушилась вѣсть парижской революціи 1830 года. Онъ погорячился. Онъ гвардейскимъ офицеромъ, середѣ всесовершеннѣйшаго мира, объявилъ, что скоро придется сѣсть на лошадь, и велѣлъ ставить армію на военную погу. Онъ Людвигу Филиппу нагрубилъ безъ всякаго вызова. Только развѣ въ 1848 году онъ превзошелъ 1830 годъ въ стѣпеніи всякой заявленной мысли, всякаго слова не согласнаго съ началами всепоглащающаго абсолютизма. Въ это время, онъ въ первый разъ водрузилъ свое дикое знамя—“Самодержавіа, Православія, Народности...”; съ этого времени, въ противоположность тому что дѣлалось въ Европѣ, началось въ его головѣ то обоготвореніе въ себѣ царскаго титула, которое довело его наконецъ черезъ двадцать пять лѣтъ до совершеннаго затмѣнія умственныхъ способностей, до того, что на маневрахъ,

передъ атакой, онъ плакалъ въ три ручья, снимая каску и вслухъ прося — “о дарованіи побѣды благочестивѣйшему императору Николаю Павловичу—яко съ нами Богъ...”

Но если никто не вѣрилъ въ божественность императорской власти, то въ силу ея вѣрили всѣ, любившіе ее и ненавидившіе, свои и чужие, герцогъ Веллингтонъ и маршалъ Себастьяни, Метернихъ и Казиміръ Перье, ораторы нападавшіе на Россію и Пушкинъ писавшій имъ отвѣтъ въ стихахъ.

И такъ, съ одной стороны смутное стремленіе сбросить съ себя деспотическую опеку; парализованное сознаніемъ чуждости съ народомъ; съ другой подавляющій призракъ чудовищной власти императорства, противъ которой можно было вести подземныя мины, но бороться лицомъ къ лицу нельзя было и думать.

Какой-же протестъ былъ возможенъ въ пользу Польши въ 1831? Скрытое сочувствіе—оно было, были стихи вырвавшіеся со слезами, были горячіе приемы сосланныхъ, университетская молодежь (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ) была за Польшу. Журналы, литература, не имѣли никакого политическаго значенія при тогдашней цензурѣ. Общество, сильно падавшее, оставалось равнодушнымъ, хотя и было меньшинство, воспитанное подъ западнымъ вліяніемъ и ненавидѣвшее Николая за безцеремонность его деспотизма—оно радовалось неудачамъ Дибича и глупостямъ Паскевича.

Дипирамбомъ дикой власти штыковъ съ кулачной угрозой клеветникамъ Россіи и неслыханными въ послѣднія столѣтія гоненіями дѣтей, стариковъ, цѣлаго поколѣнья,—оканчивается возстаніе 1831.

За тѣмъ тянется печальный рядъ годовъ самой прозаической эпохи николаевскаго царствованія. Уцѣлѣвшая Польша ушла за границу, рассказывая народамъ о злѣйшемъ угнетеніи. Народы европейскіе, еще не испытавшіе пятидесятихъ годовъ, еще полные упованій и самонадѣянности, печально ступали польскаго выходца и ненависть къ Россіи становилась общимъ чувствомъ женщинъ, дѣтей, аристократовъ и плебеевъ. Лондонская чернь ворчала вслухъ при посѣщеніи Николаемъ Англии, лордъ Дудлей Стюартъ послалъ ему подписку въ пользу поляковъ. На насъ лежала капля крови, мы были помѣчены побѣдой надъ поляками.

Дома продолжался сухой деспотизмъ. Николай, окруженный посредственностями, своими Бенкендорфами и Клейнмихелями, вколачивалъ неподатную Россію въ рамы передней, обращая статскихъ дворовыхъ въ военные денщики, и все это холодно, грубо, безпощадно, отравляя жизнь.

Еслибы этими мѣрами ему удалось остановить внутреннюю работу, развитіе Россіи остановилось-бы на долго, для зимняго дворца возвратились-бы счастливыя времена “Очакова и покоренія Крыма”; для Европы времена татарскихъ нашествій, приведенныхъ въ регулярно-нѣмецкую форму, которыми ее страдалъ іезуитской памяти Довозо Кортесъ.

Но мысль взошедшая внутрь назрѣвала, слово насильственно возвращенное назадъ разлѣдало грудь, подтачивало тюремныя стѣны и если фасадъ острога остался тотъ-же, то внутри многое измѣнилось.

Сначала боль, утрата близкихъ надеждъ, оскорбленія были слишкомъ живы, униженія слишкомъ раздражали. Много энергическихъ благородныхъ натуръ сломились, зачахли физически или нравственно. Печерникъ искалъ спасенія въ католицизмѣ, Полежаевъ въ разгулѣ и оргіи.

Вопросъ о выходѣ изъ этого ада, изъ этого чистилища ставился такимъ мучительнымъ вопросомъ для мыслящаго чловѣка, что не находя разрѣшенія, одни, какъ мы сей часъ сказали, бросились въ бѣгство, потерялись, другіе отрицали возможность выхода—какъ Чаадаевъ. *Отрава* раздумья шла глубже и глубже, скептицизмъ и пропія были литературными признаками внутренняго пожирающаго огня. Байронизмъ Пушкина и Лермонтова, не былъ просто подражаніемъ, онъ былъ также своевремененъ и *националенъ* петровской Руси, какъ потрясающій смѣхъ Гоголя.

Слой, въ которомъ совершалась эта работа, небылъ доступенъ правительству; такъ глубоко не рѣжетъ плуть. Николай былъ чловѣкъ совершенно необразованный и скверно окруженный; тайная полиція его, составленная изъ шулеровъ, битыхъ офицеровъ, воришекъ пойманныхъ на кражѣ казенныхъ денегъ, мелко плавала. Они боялись дерзкаго слова, бархатнаго берега à la Karl Sand, сигары на улицѣ; они искали классическихъ конспираторовъ съ кинжалами, плащами и присягами, которыя страшно произнести при цервныхъ женщинахъ.

Открытую, огромную конспирацію проникавшую въ душу безъ присяги и ходившую по улицамъ безъ калабрской шляпы, они не могли уловить; ихъ пальцы были слишкомъ грубы.

Въ этой конспираціи участвовало все, не только не сговариваясь, но и не подозрѣвая того—такъ наливаются въ одно и тоже время, подъ вліяніемъ одной и той-же атмосферы, независимыя другъ отъ друга почки, составляющія общій характеръ весны. Кто не были ея агентами? Студентъ знавшій на память стихи Рылѣва, Полежаева и ѣхавшій *на кондичю* въ помѣщичій домъ, лекаръ отправлявшійся на службу въ дальній край,* семинаристъ пріѣзжавшій на ваканционные мѣсяцы въ родное село, учитель читавшій словесность кадетамъ и вся словесность и всѣ университеты, лицей, духовныя и военныя академіи, театры, корпусы, западники и славянофилы, самые разные характеры и самыя противоположныя направленія — Чаадаевъ и Полевой, Бѣлинскій и Гоголь, Грановскій и Хомяковъ.

Одна Русь не петровская, Русь народная оставалась въ сторонѣ отъ этого движенія. Она той Руси, въ которой происходило движеніе, не знала—да и ее не знали тамъ. До этой работы мысли, до внутренняго протеста, пожалуй до этого угрызенія совѣсти ей дѣла не было и это совершенно естественно. Не она оторвалась отъ своего быта и всплыла надъ нимъ, не въ ней могли и должны были зародиться сомнѣнія въ путяхъ своихъ; она *продолжала* свой непосредственный бытъ подъ тяжелымъ гнетомъ крѣпостнаго состоянія, чиновничьяго грабежа и бѣдности.

Та часть народа, которая отвернулась отъ прежняго быта и оторвалась отъ прежняго единства съ поспѣшностью измѣны, та безъ сомнѣнія и должна была сперва придти къ сознанию своего страннаго положенія совершенной разобщенности—разобщенности *въ обѣ стороны*: потерявъ связь съ народомъ,

* Въ 1835, во время моей ссылки въ вятскую губернію, я пошелъ въ уѣздномъ городѣ Саранулѣ прекрасно составленную бібліотеку, въ которой получались всѣ новыя книги и журналы на русскомъ языкѣ. Участники брали эти книги на домъ, и имѣли читательную залу. Все это было заведено, съ невѣроятными усиліями, жертвами и съ огромной настойчивостью, уѣзднымъ лекаремъ, вышедшимъ изъ московскаго университета. Фамилія его кажется Чудновскій.

она осталась чужой міру той цивилизаціи, которой платья и фасады были ею приняты, а сущность осталась неусвоенной. Первая минута, въ которую она прогрѣзилась въ своемъ маскарадномъ платьѣ, отъ грома побѣдъ, отъ ломки и перестройки, отъ непрерывныхъ служебныхъ дѣлъ и военныхъ учений, въ которую она пошла, что нѣмецкіе кафтаны и французскія слова не даютъ европейскихъ условій жизни, она очутилась съ глазу на глазъ съ императорскимъ самовластіемъ. Воображая себя Европой или пародомъ, она хотѣла схватить его подъ уздцы, но лишаясь всякой правомѣрной основы, выработанной на Западѣ и всякаго народнаго сочувствія—она была побѣждена. И, какъ мы сказали, съ этого пораженія начинается тотъ мучительный трудъ мысли, который, перебирая поту за потой, еще не достигалъ ни до какого результата въ 1831 году; но въ тридцать послѣдующихъ лѣтъ сдѣлалъ огромные шаги.

Христіанство, съ своей необычайно глубокой психологіей, связывало искупленіе съ раскаяніемъ и исповѣдью. Это равно относится къ лицу и къ нѣлымъ народамъ. Надобно было совѣсти русской не только раскаться въ *любви* къ силѣ и заблесту военной имперіи, въ гордости штыками и суворовскими боями, но и привести это къ слову, надобно было ей исповѣдаться.

И съ исповѣди начинается ея пробужденіе.

Послѣ покоренія Польши, лѣтъ пять осаживались въ Россіи николаевскіе порядки, въ угрюмой тишинѣ. Общество больше и больше падало, литература молчала или дѣлала дальніе намеки; только въ стѣнахъ университета слышалось иногда живое слово и билось горячее сердце... да время отъ времени могучая пѣснь Пушкина, противурѣча всему что дѣлалось, будто пророчила, что такая здоровая и широкая грудь многого выпесетъ.

Лично люди спасались—кто наукой, кто искусствомъ, кто вымышленной дѣятельностью. Лично люди отворачивались отъ всего окружающаго, и наблюдали въ недостижимой дали движеніе западныхъ свѣтилъ—но внутренняя боль, недоумѣнія, не могли успокоиться, они должны были дострадаться до истины и пайти въ себѣ выраженіе. Чаадаева письмо представляетъ первую, осязаемую точку перегиба, отъ которой идутъ два расходящіеся ряда пониманья.

...“Посмотрите вокругъ себя. Все какъ будто на ходу. Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ли у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ли добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего что бы привязывало, что-бы пробуждало наши сочувствія, стремленія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго; все проходитъ, течетъ мимо не оставляя слѣдовъ. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ.

“Истинное общественное развитіе не начиналось еще для народа, если жизнь его не сдѣлалась правильнѣе; нашъ нравственный міръ находится въ хаотическомъ броженіи, подобномъ переворотамъ, которые предшествовали настоящему состоянію планеты.”*

Mea culpa, mea maxima culpa!

Далѣе отрицательное сознаніе идти не могло, чуть-ли этотъ *нигилизмъ* не трагичнѣе новаго. Что было дѣлать послѣ такого сознанія? Вздохнуть, сложить руки и смиренно нести на себѣ крестъ родины.

* Чаадаевъ.

На этомъ сознаниі долженъ былъ обличиться переворотъ, *если только силы на выздоровленіе были въ груди.* И дѣйствительно, мрачная исповѣдь Чаадаева вызвала сильной отпоръ. Отпоръ человѣка за живо погребаемаго. Отпоръ *инстинктивной* вѣры — одностороннему сомнѣнію. Вновь выходившая русская мысль, какъ царь Иванъ Васильевичъ, одержимая болѣзною и слабая, слышала за дверями какъ Чаадаевъ ей читалъ отходную — и покидая одръ свой, бросилась заявить свои права на жизнь.

Во имя чего? Во имя народнаго быта *и до - петровской Руси* т. е. обходя съ тѣмъ-же отвращеніемъ — *имперію*, съ которымъ смотрѣлъ на нее ихъ противникъ. “Это временной нарость, говорили они, иностранное рубище, приросшее правда къ тѣлу, но только къ кожѣ, его можно отодрать...”

— “А тамъ-то что?” говорили скептики, качая головой.

Границы турнира были обозначены.

До 1848 года только въ этой *литературной* борьбѣ и чувствовался пульсъ живаго сердца.

И — рѣ.

“МОЛОДЕЦКОЕ ПОВЕДЕНІЕ СОЛДАТЪ”.

по вѣстѣ.

М. В. Д.

БРЕСТСКАГО УѢЗДА
ПРЕДВОДИТЕЛИ ДВОРЯНСТВА.

7 Февраля 1863.

№ 136.

г. Брестъ.

*Его превосходительству
г. родненскому губернскому
предводителю дворянства.*

Старшина верстатской волости, временно-обязанный крестьянинъ имѣнія Долбизны, Дементій Оныщувъ, 30 Января, являсь ко мнѣ лично, донесъ : что 28 числа того-же Января, казаки папавъ на дворъ Долбизну, всѣ хозяйственныя строенія со всѣми запасами и животнымъ скотомъ, а въ томъ числѣ сельскій запасный магазинъ съ находящимся въ ономъ хлѣбнымъ запасомъ, сожгли, убивъ при семъ случаѣ помѣщика Викентія Снѣжку и 5 человѣкъ людей.

Слѣдствіемъ сего, порученіями отъ 30 Января, я возложилъ на обязанность гг. депутата отъ дворянъ помѣщика Карловича, попечителя сельскихъ магазиновъ помѣщика Завистовскаго и чиновника канцеляріи своей, губернскаго секретаря Пищатовскаго, тотчасъ отправиться на мѣсто въ имѣніе Долбизну, для дознанія и донесенія мнѣ объ оказавшемся.

За таковымъ распоряженіемъ моимъ вышеупомянутые лица рапортомъ отъ Февраля мѣсяца донесли : что за прибытіемъ въ имѣніе Долбизну гг. помѣщиковъ Снѣжковъ-Блоцкихъ, совмѣстно съ приглашенными помѣщиками Михаиломъ Игнатовичемъ, Зенономъ Избицкомъ, Станиславомъ Язиповскомъ, Иваномъ и Михаиломъ Квапишевскими, нашли всѣ дворовыя и экономическія строенія, со всѣми паходящими въ нихъ запасами и животнымъ скотомъ, сожженными, жилой господскій домъ совершенно раззоренимъ; вотчинника имѣнія помѣщика Викентія Снѣжко-Блоцкаго и 4 человѣкъ мертвыми, наярженныхъ уже къ похоронамъ, трое людей изъ дворовой прислуги израненныхъ; въ оставшемся господскомъ домѣ окна, двери, мебель, зеркала, посуду фарфоровую и стеклянную и все прочее перебитое и переломанное, словомъ весь дворъ превращенный въ пепелъ, а въ домѣ слѣды жесточайшаго опустошенія. На вопросъ за тѣмъ найденной на мѣстѣ дворовой прислуги помѣщиковъ Снѣжковъ, а именно : эконома Антона Жеры, повара Венедикта Сельвесюка, лакея Іосифа Шершелевича, отставнаго унтеръ-офицера Филиппа

Полосюка, Казимиры Маковской, Елизаветы Канкевичовны, Апполонія и Эмилиі Жеро, смотрителя долбизнянскаго винокуреннаго завода еврея Іоселя Розенталя и надсмотрщика при винокурнѣ за волами еврея Дувида Гелерштейна; всѣ сіи лица въ присутствіи вышеупомянутыхъ помѣщиковъ объявили имъ слѣдующее : что 26 Января г-жа помѣщица Снѣжка съ дѣтьми отправилась къ своей сестрѣ въ имѣніе Радваниги къ помѣщицѣ Дзяконской. 27 Января утромъ сынъ гг. Снѣжковъ отставной поручикъ Александръ Снѣжко-Блоцкій по должности мирового посредника уѣхалъ въ городъ Брестъ, а вскорѣ за симъ вотчинникъ имѣнія помѣщикъ Викентій Снѣжко по хозяйственнымъ дѣламъ въ мѣстечко Высокое-Литовское. Того-же дня передъ вечеромъ прибыли во дворъ Долбизну вооруженные жители Царства Польскаго, расположились въ ономъ для отдыха, угрожая пистолетами и саблями, потребовали отъ дворовой прислуги съѣстныхъ продуктовъ для себя и фуража для лошадей, въ числѣ коихъ сами взяли на убой изъ воловни два вола, и изъ складнаго магазина до двадцати ведеръ вина; вскорѣ по ихъ прибытіи возвратился домой помѣщикъ Викентій Снѣжко-Блоцкій, и найдя во дворѣ на отдыхѣ упомянутыхъ жителей, просилъ ради устраниенія его отъ могущей послѣдовать за то непріятности со двора удалиться, что они внемля усиленнымъ просьбамъ старца, исполнили, направивъ путь свой въ Бѣловежскую пушу. 28 Января въ половинѣ дня появился отрядъ нашего русскаго войска, состояющійся изъ казаковъ, пѣхоты и артиллеріи; впереди оного на довольно близкомъ разстояніи отъ отряда, ѣхали четыре казака, которые минуя дворъ Долбизну послѣдовали въ деревню оного же названія тутъ-же при дворѣ расположенную, но вскорѣ изъ оной возвратившись во дворъ, приостановились при винокурнѣ, гдѣ у дверей найдя стоявшихъ мѣстныхъ сторожей и нѣкоторыхъ лицъ изъ дворовыхъ людей, спрашивали не были-ли во дворѣ поляки, когда именно и куда обратились, что имъ надлежало объяснено. За симъ одинъ изъ казаковъ потребовалъ табаку, а когда поваръ Венедиктъ Сельвесюкъ отказался неимѣніемъ такового, тогда казакъ вскричалъ : “ахъ ты мятежникъ, поляковъ на отдыхѣ угощали, а намъ даже табаку нѣтъ”, началъ ссѣдать съ лошади, за нимъ и его товарищи; такимъ отзывомъ перепуганные сторожа бросились во внутрь винокурни съ намѣреніемъ скрыться, что увидя казаки закричали ура, на сей зовъ надбѣжалъ слѣдовавшій за ними отрядъ въ тотъ-же часъ оцѣпивъ цѣлый дворъ, казаки, пѣхота и артиллерія вбѣжали на оный, въ ту же минуту одни казаки бросились къ квартирѣ г. мирового посредника 3-го участка Александра Снѣжко-Блоцкаго, разломавъ двери и замки занялись грабежомъ его имуществъ, а другіе въ винокурню, въ которой найдя спиртъ пили оный непомѣрно, въ этой суматохѣ одинъ изъ казаковъ бывшій уже отъ опьяненія въ безпамятствѣ, выстрѣлилъ изъ ружья въ своего товарища; за симъ послѣдовали выстрѣлы изъ ружей, пистолетовъ и орудій, послѣдствіемъ коихъ убиты въ винокурнѣ сторожъ Миронъ, вышедшій изъ кухни на дворъ, поваръ Михаилъ Уласюкъ, и путившійся бѣжать изъ пантарни еврей по имени Тевель. Ограбивъ совершенно квартиру г. мирового посредника, а также въ винокурнѣ надсмотрщика за волами еврея Дувида Гелерштейна и прочихъ лицъ, обратились къ жилому господскому дому, въ который вошедши равномерно занялись грабежомъ, ломая замки у комодовъ, сундуковъ, ящиковъ и шкаповъ.

Среди сего находившимся въ домѣ служанкамъ приказали бѣжать, а помѣщика Викентія Свѣжку вывели на дворъ, и кожь скоро онъ сошелъ съ крыльца, посыпались къ нему выстрѣлы изъ пистолетовъ, коими перебили ноги; а когда отъ сего помѣщикъ Свѣжко пошатнулся, два казака подхватили его подъ руки, поддерживали, прочіе кололи его-же пиками; наконецъ израненнаго выстрѣлами и изколотаго пиками, положили на землѣ, а замѣтивъ въ немъ еще признаки жизни, добились шашками; за симъ спявъ съ него платье, бросили совершенно обнаженнаго, оставя на немъ одну лишь изорванную рубашку. Въ это-же самое время когда производились выстрѣлы при винокурнѣ и господскомъ домѣ, нѣсколько казаковъ вбѣжавъ въ хлѣбный сарай, найдя въ ономъ шесть человѣкъ временно-обязанныхъ крестьянъ, занимающихся молотбою на малотильницѣ ржи, произвели по нимъ тоже выстрѣлы, послѣдствіемъ коихъ крестьяне Дмитрій Лукашукъ и Василій Андреюкъ убиты, крестьянина-же Ермолая Пилинова жестоко избили, а три человѣка крестьянъ со стодола успѣли бѣжать; наконецъ, затворя двери сараевъ со скотомъ, зажгли, и всѣ дворовыя строенія какъ то : стодолу съ озимовымъ и яровымъ хлѣбомъ, дворовый хлѣбный магазинъ съ таковымъ-же сельскимъ запаснымъ; магазинъ съ разными господски вещами и запасами, а также хлѣбнымъ виномъ и спиртомъ; воловню, овчарню, конюшню, возовню, пактарню съ канцелярією мирового посредника и древальнею, всѣ сіи строенія со всѣмъ находящимся въ нихъ имуществомъ сгорѣли, а движимое имущество гг. помѣщиковъ Свѣжковъ найденное въ домѣ, какъ то : наличные деньги, драгоценности, серебряный столовой приборъ, мужское и женское платье, бѣлье, часы, ковры и все прочее казаками разрублено и увезено съ собою, посуда-же стеклянная и фарфоровая перебита на мѣстѣ. Когда все то происходило, гг. офицеры, какъ пояснила дворовая прислуга по видимому усильно старались воздержать казаковъ отъ грабежа, раззоренія и убійства, но они до такой степени были разъярены, что съ дерзостью угрожали офицерамъ таковыми-же выстрѣлами и по нимъ, если только будутъ имъ мѣшать. Въ дѣйствіяхъ ихъ принимали участіе и вѣкоторые нижніе чины пѣхоты и артилеріи. Найденная въ живыхъ дворовая прислуга осталась при жизни собственно по прибытіи туда командующаго симъ отрядомъ свиты его императорскаго величества г. генералъ-маіора графа Ностица, который приказаніемъ своимъ прекративъ буйства казаковъ, послѣдовалъ съ отрядомъ далѣе на пути въ Бѣловежскую пушу, для преслѣдованія выше упомянутыхъ вооруженныхъ жителей Царства Польскаго, оставя во дворѣ убитыми помѣщика Викентія Свѣжку-Блоцкаго повара Михаила Уласюка, мѣстныхъ крестьянъ Дмитрія Лукашука, Василія Андреюка, винокуреннаго сторожа по имени Мирона и еврея Тевеля, а также раненныхъ эконома Антона Жеро, повара Венедикта Сельвесюка и избитаго мальчика Томаша Зезелинскаго, къ пользованію коихъ приглашенъ вольно практикующій лекаръ Володкевичъ. Далѣе таже дворовая прислуга и прочіе лица рассказывали : что казаки, слѣдуя къ имѣнію Долбизнѣ, на дорогѣ въ полдвѣцкомъ лѣсу, встрѣтивъ еврея Арона Дувида везшаго бочку вина 10²⁵/100 ведеръ, пріостановивъ его, выпили вина до трехъ ведеръ, и потому прибыли въ Долбизну почти не въ трезвомъ видѣ, а тутъ на мѣстѣ найденнымъ въ винокурнѣ спиртомъ похмѣлились до безпамятства.

По объявленіи командированнымъ чиновникамъ всего выше изложеннаго, они съ приглашенными помѣщиками приступили къ осмотру мѣстности сгорѣвшихъ строеній, слѣдствіемъ чего по объясненіямъ покойнаго Викентія Свѣжко, г. Мироваго посредника Александра Свѣжко—Блоцкаго, а также эконома Жеро и прочей дворовой прислуги, составивъ причиненнымъ убыткомъ произведеннымъ пожаромъ и довершеннымъ грабежомъ особый списокъ съ обозначеніемъ въ ономъ стоимости, представили ко мнѣ съ докладомъ, что сельскій хлѣбный запасъ помѣщался въ дворовомъ зданіи, и сгорѣло хлѣба озимаго 180 и яроваго 140 четвертей, на сумму 1,110 руб. серебромъ.

Сообщая о выше прописанномъ вашему превосходительству, имѣю честь просить вашего въ семъ предметѣ покровительства и предстательства, какъ въ охраненіи прочихъ помѣщиковъ отъ подобныхъ несчастныхъ случаевъ, такъ равно въ исходатайствованіи (по прилагаемому при семъ списку) всѣмъ убыткамъ справедливо слѣдуемаго отъ казны вознагражденія въ количествѣ 76,399 р. семейству безвинной жертвы Викентія Свѣжко, женѣ его Констанціи и дѣтямъ сыновьямъ Александру, малолѣтнимъ Владиславу, Юліяну и Константину, равно дочерѣ Софіи оставшимся въ настоящее время безъ всякаго пріюта и средствъ къ содержанію. При томъ неизлишнимъ считаю присовокупить : что помѣщикъ Викентій Свѣжко-Блоцкій, (нынѣ убитый) отправляя службу по дворянскимъ выборамъ, удостоился получить въ награду орденъ св. Владиміра 4-ой степени; къ бывшему въ 1851 году мятежу не принадлежалъ, и ни къ какимъ тайнымъ обществамъ прикосновенъ не былъ, равно чрезъ все время проживанія своего въ Брестскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Долбизнѣ, велъ себя благопристойно, какъ слѣдовало всякому вѣрно-подданному, и въ предосудительныхъ поступкахъ, никогда замѣченъ не былъ, слѣдовательно за симъ оставшееся его несчастное семейство вполне заслуживаетънисходительное попеченіе вашего превосходительства. О послѣдующемъ-же не оставте почтить меня своимъ увѣдомленіемъ.

Въ должности предводителя дворянства—Вильчевскій.

П Р А В О У Ч Е Н І Е.

М. В. Д.
исправляющаго должность
ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА Г. ГРОДНО
и
ГРОДНЕН. ГРАЖД. ГУБЕРНАТОРА.
по канцел. стола 4, № 110
21 января 1863 года.
Г. ГРОДНО.

*Г. Гродненскому
Полиціймейстеру.*

Господинъ генералъ-губернаторъ по случаю объявленія крахъ на военномъ положеніи, просить меня сдѣлать распоряженіе, чтобы помѣщики находились въ ихъ имѣніяхъ и не собирались не только въ губерскіе, но и въ уѣздные города. Давая о семъ знать вашему высокоблагородію, предписываю обязать всѣхъ находившихся въ Гроднѣ помѣщиковъ подписками, немедленно выѣхать отсюда въ ихъ имѣнія и не отлучаться изъ оныхъ въ города, о послѣдующемъ же съ представленіемъ подписокъ помѣщиковъ мнѣ довести, не оставивъ наблюсти за исполненіемъ помѣщиками данныхъ ими обязательствъ.

Генералъ-маіоръ, правитель Канцеляріи—Ласточкинъ.

Съ ужасомъ и отвращеніемъ напечатали мы этотъ кровавой документъ и будемъ ждать, когда “Инвалидъ” опровергнетъ его достовѣрность. Мы хотѣли-бы задернуть покровъ и

скрыть не гробъ, а зіяющія рапы—мы устали, читая и читая всякій день объ этихъ ужасахъ. Молча хотѣли-бы мы оплакать судьбу несчастныхъ крестьянскихъ дѣтей, изъ которыхъ правительство воспитываетъ своихъ бульдоговъ. Но молчаніе не возможно передъ цинизмомъ официальной прессы. Есть какое-то приводящее въ ужасъ легкомысліе въ отрицаніи неопровержимыхъ преступленій — императорскими *лейбъ-скрибальерами*, особенно, когда къ ихъ укрывательству прибавляется царская благодарность грабившимъ солдатамъ “за молодецкое поведеніе.” Нельзя молчать при видѣ монарха, ласкающаго пьяныхъ грабителей и приголубливающаго дикихъ убійцъ... Стукъ деревяшкой калеки Иваница не заглушаетъ, а дѣлаетъ звучнѣе стонъ умирающихъ отъ *молодечества* милыхъ шалуновъ.

СМѢСЬ.

М А Н И Ф Е С Т Ъ .

Желая разомъ ободрить государя императора и Польшу, правительствующая редація “Русскаго Вѣстника” напечатала Манифестъ, въ которомъ пахотимъ слѣдующія державныя слова, долженствующія запечатлѣться въ сердцахъ истинныхъ подданныхъ. “Мы чувствуемъ себя народомъ великимъ и сильнымъ. Мы еще стоимъ за себя и въ тоже время, съ божіею помощію не забудемъ о долгѣ справедливости къ родственному намъ народу польскому”. МИХАИЛЪ—ждали мы въ концѣ, но манифестъ безъ подписи.

“Мы съ божіею споспѣшествующей милостію!” Каковъ нашъ Мазанилло? И каковъ—

Л и т е р а т у р н ы й Л и п р а н д и ?

Вотъ образчикъ жандармской литературы, общаеиный нами изъ III Отдѣленія “Русскаго Вѣстника”:

... “Рокъ не до конца прогнѣвался на Польшу. Онъ поразилъ ее, но онъ-же и судилъ ей рѣдкое счастье: на противной сторонѣ, въ самомъ разгарѣ битвы, полякъ находитъ себя союзниковъ, которые готовы подписать, не разбирая, всѣ его условія. На русской сторонѣ находятъ опъ люди, которые съ трогательнымъ великодушіемъ готовы принести ему въ жертву интересы своей родины, цѣлость и политическое значеніе своего народа, находятъ людей, готовыхъ изъ чести послужить ему послушными орудіями.

“19 Февраля, въ самый день восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Императора и вмѣстѣ въ годовщину освобожденія столькихъ милліоновъ народа отъ крѣпостной зависимости, разбрасывалось въ Москвѣ новое издѣліе нашей подземной печати. Мы было думали, что эта забава уже надѣла нашимъ прогрессистамъ, но вотъ передъ нами новая прокламація со штемпелемъ *Земля и Воля*. Авторы этого подметнаго листка, говоря отъ лица русскаго народа, призываютъ къ нашимъ офицерамъ и солдатамъ въ Польшѣ, убѣждая ихъ покинуть свои знамена и обратить свое оружіе противъ своего отечества. Такого поступка нельзя было бы ожидать даже отъ нашихъ прогрессистовъ. Это еще хуже пожаровъ. По надобно думать, что прокламація эта, какъ и многое другое, есть дѣло *эмисаровъ польской революціи*, хотя нашему народному чувству оскорбительно и больно, что наши враги такъ низко думаютъ о насъ, рассчитывая на успѣхъ подобной проделки. Эти пророки и герои Русской земли (какъ польскіе агитаторы чествуютъ ихъ, лѣся ихъ глупости), сами не подозреваютъ, чьихъ рукъ они создатели.

“Авторы этой прокламаціи не соглашаются на то, чтобы Польша оставалась въ соединеніи съ Россіей. Какое право имѣемъ мы, восклицаютъ они, хозяйничать въ Польшѣ, когда она сама этого не желаетъ? Какое право! Вотъ до какой метафизики восходятъ наши патріоты! Все зло міра сего хотятъ они взыскать съ своего народа. Они не спрашиваютъ, по какому праву дѣлается что-нибудь въ другихъ мѣстахъ.

“Борьба наша съ Польшей не есть борьба за политическія начала, это борьба двухъ народностей, и уступить польскому патріотизму въ его притязаніяхъ, значитъ подписать *смертный приговоръ русскому народу*. Пусть-же наши педруги изрекаютъ этотъ приговоръ: русскій народъ еще живъ, и сумѣетъ постоять за себя. Если борьба приметъ тѣ размѣры, какіе желалъ-бы придать ей польскій патріотизмъ и наши заграничные порицатели, то не найдется *ни одного русскаго*, который-бы не поспѣшилъ отдать свою жизнь въ этой борьбѣ.”

До какихъ *казенныхъ объявленій* можетъ довести безкорыстный патріотизмъ. Но по счастью скоро не будетъ ни “Русскаго Вѣстника,” ни “Московскихъ Вѣдомостей,” казенныя объявленія перейдутъ къ мирному Николаю Филиповичу и два атлета съ ледункой черезъ плечо, посвѣщаютъ рѣзать поляковъ въ высшую славу *русскаго имени*.

— Изъ Москвы. — Въ Одесскомъ Вѣстникѣ напечатано очень интересное письмо изъ Москвы, въ которомъ пишутъ, между прочимъ, слѣдующее: “Походы противъ административныхъ злоупотребленій, которыми Русскій Вѣстникъ блистательно было открылъ свое поприще, теперь ему совершенно чужды, и въ протестахъ противъ такихъ злоупотребленій, онъ уже видитъ пѣчто въ родѣ сопротивленія закону. Онъ поддался какимъ-то вліяніямъ, и многое показало уже, какъ перемѣнились прежнія сочувствія. За то, говорятъ, много выигралъ онъ въ нашихъ глухихъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствія Русскаго Вѣстника *эмансипировали* общество отъ тяготѣвшаго недавно либеральнаго настроенія. Это показала и подписка. Однако, въ слѣдствіе этого, многіе согрудники его оставляютъ, и въ кружкѣ царствуетъ тоска и молчаніе. То и дѣло дезертируютъ въ аксаковский кружокъ, и тотъ растетъ съ каждою недѣлею. Честность и прямота убѣжденій не смотря на различіе мнѣній, сильны въ литературномъ мірѣ. Многіе ожидали, что Московскія Вѣдомости, съ переходомъ редакціи, поправятся и будутъ живѣе. Но съ выходомъ первыхъ номеровъ, говорятъ, подписка почти прекратилась. Впрочемъ въ провинціи узнать это трудно: большинство нашихъ журналистовъ имѣетъ обычай начинать нумерацію подписчиковъ № 2,000 или 3,000. Многіе изъ подписчиковъ Московскихъ Вѣдомостей, получивъ обычные “билеты на полученіе,” крѣпко раскаялись, а нныя уже продаютъ ихъ съ уступкою. Это фактъ. По этому поводу какіе-то шутники выдумали, будто бы “билеты” Московскихъ Вѣдомостей ходятъ, какъ акціи, по биржевому курсу. Явится нѣсколько номеровъ поинтереснѣе, и курсъ возвысится на полтинникъ, и т. д. Однако теперь курсъ все падаетъ.”

— Графъ Постицъ, генералъ-маіоръ усмирявшій такъ успѣшно мятежниковъ, что заслужилъ высочайшую благодарность, вдругъ *растроилъ свое здоровье*, что попросилъ и получилъ увольненіе отъ командованія отрядомъ. Какъ несчастія преслѣдуютъ въ Польшѣ храбрыхъ русскихъ генераловъ, съ Дибича начинала. Давно ли ударъ паралича сразилъ храбраго Рамзая. Давно-ли цвѣтущій Ламбертъ растроилъ свое здоровье и здоровье Гершенцевейга.

— *Спокойствие въ Кіевѣ.*—Старшій кievскій полицмейстеръ объявляетъ: “въ слѣдствіи обнаруженія въ нѣкоторыхъ домахъ значительныхъ складовъ оружія и другихъ боевыхъ принадлежностей, нынѣ выѣзжается имъ (домохозяевамъ) въ обязанность имѣть строгій и бдительный надзоръ, чтобы боевыя принадлежности не могли быть хранимы въ домахъ и надворныхъ строеніяхъ, которыя по этому случаю должны быть тщательно и постоянно осматриваемы, обо всемъ-же замѣченномъ, равно и всякихъ сборищахъ у нихъ постояльцевъ, гг. завѣдывающіе домами обязаны тотчасъ поставить полицію въ извѣстность и пр.

Старшій полицмейстеръ, полковникъ Ивенсенъ.

— *Печаль*—разстрѣляны, такъ какъ разстрѣляны нѣсколько офицеровъ изъ предводителей. Какъ торопятся они убивать плѣнныхъ, и чему-же дивиться, что солдаты ихъ просто прикалываютъ, безъ военно-судной пародіи. Торопятся потому, что боятся не успѣть.—Шакалы порядка!

— Совѣтъ пошелъ въ Николай. В. Спб. Г. II. сообщаютъ слѣдующее дикое распоряженіе государя-реформатора юридической части:

15 Февраля на невскомъ проспектѣ крестьяне Аванасьевъ и Ивановъ, сорвали съ головы прохожаго бобровую шапку. “По докладу о поступкѣ означенныхъ крестьянъ государю, е. в. повелѣтъ соизволилъ: крестьянъ Аванасьева и Иванова отдать въ солдаты, съ тѣмъ, чтобы они служили въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ. О такомъ высочайшемъ повелѣніи дано знать 2-му департаменту управы, для немедленнаго приведенія его въ исполненіе”.

Неужели нѣтъ у насъ закона о краденыхъ шапкахъ, неужели надобно объ этомъ докладывать государю, неужели съ тѣхъ поръ какъ армія наша побѣждаетъ грабежемъ, ее снова дѣлаютъ арестанскими ротами? Николай Филипповичъ, ‘Сѣверная Почта’, ‘Московскія Вѣдомости’, защитники царскаго прогресса! объясните намъ, по какому закону судить у насъ Земскій Царь?

— *Крестьяне Демагоги.* Корреспонденція Bullier передала вѣсть, что “Сѣвер. Почта” объявила высоч. повелѣніе, чтобы указъ о крестьянахъ демагогахъ 1861 года остался во всей силѣ въ 1863. Нордъ съ нѣкоторой горячностью замѣтилъ, что указа о крестьянахъ демагогахъ никогда не существовало. А что точно былъ указъ, но это на счетъ крестьянъ возмутителей (instigateurs de troubles), и этотъ указъ дѣйствительно продолженъ, но вовсе не потому чтобы опасались что-нибудь со стороны крестьянъ—“а со стороны революціонныхъ пропагандистовъ.”

И такъ ошибка Bullier состояла въ томъ, что онъ называлъ instigateurs de troubles—демагогами. Въ Вяткѣ ихъ зовутъ каштанами, такъ-бы Bullier и называлъ raysans kachetans, а крестьянъ демагоговъ въ Россіи нѣтъ.

— *Командиръ бранденбургскаго кирассирскаго регимента.* Обристомъ этого регимента король—дядя назначилъ императора aller Reussen. Хотя въ Пруссіи и не такъ выгодно быть командиромъ кавалерійскаго полка какъ въ Россіи, но на всякой случай хорошо имѣть почетное мѣсто удаленія въ Потсдамѣ. Въ 1848 неаполитанскій король, упорно защищая королевское право измѣнять присягѣ, сказалъ разъ министру: “Io sono nato libero e voglio morire libero—я не позволю вамъ диктовать мнѣ законы; еслибъ дошло до этого, то помните “я командиръ полка въ русской арміи и поѣду въ Петербургъ.”

ВОЗВРАЩЕНІЕ Е. И. В. ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО

ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІЕЙ ВЪ ВАРШАВУ.

Е. и. в. Константинъ Николаевичъ наканунѣ своего отъѣзда благополучно возвратился въ Варшаву.

Слухъ о ссорѣ Константина Николаевича съ императоромъ подтверждается. Позенскій корреспондентъ “Теймса” говоритъ, что петербургская дворня долго подкапывается подъ нимъ и прибавляетъ божественную фразу: “By the old Russian, or what is the same, the German party at St. Petersburg—his retreat has been long desired.” Наконецъ-то поняли, что old Russian party это то и есть немецкая партія военнаго деспотизма, неограниченнаго самодержавія, ригеризма, юнкеризма, педантизма и доктринизма, партія идущая со временъ Петра I разными Минихами, Остерманами, Биронами, Нессельродами, Клейнмихелями до Шильдеръ, Шульценовъ и прочихъ Куръ-Эствъ и Лифляндскихъ Шульцовъ и Миллеровъ.

— *Графиня Хребтовичева и архіерей Фелинскій.*—Какое то письмо гр. Хребтовичевой, въ которомъ она показывала сочувствіе къ полякамъ, попало въ великому князю—отсюда огорченіе, удаленіе. За тѣмъ—ужь чего кажется крѣпки нервы у католическаго архіерея, а тоже не выдержали—и Фелинскій не хочеть оставаться въ “совѣтѣ нечестивыхъ”,

Oh, Charles, oh mon Roi,
Tout le monde t'abandonne!

Побѣды на полѣ телеграфа (какъ выразился Daily Telegraph). Гдѣ ни встрѣчали инсургентовъ русскіе отряды, вездѣ они ихъ разбили, разсѣяли... Куровскій былъ два раза убитъ, и видя, что это не помогаетъ, самъ застрѣлился и потомъ попалъ въ плѣнъ. Его, говорятъ, будутъ судить за самоубійство. Инсалидъ извѣщаетъ, что 11 Марта Падлевскій убитъ. Le Nord, повторяя эту вѣсть, прибавляетъ, что покойникъ не безъ успѣха на другой день попалъ на русскихъ. Обозъ Лаптевича былъ отбитъ и уничтоженъ четыре раза. При этихъ побѣдахъ съ нашей стороны всякой разъ убивался неизмѣнной казакъ и тяжело ранился одинъ рядовой. Шайки состоявшія изъ 200, 300 человекъ дурно вооруженныхъ, соединились (по телеграму помѣщенному въ Le Nord) отъ отчаянія въ 6,000 войска. Мудрено-ли, что поляки побѣждаютъ, когда они сражаются послѣ смерти и собираются въ тройномъ количествѣ послѣ пораженія. Не даромъ Сѣв. Исл. 2/14 Марта говоритъ: “это напоминаетъ донесенія сардинскихъ проконсуловъ въ Неаполь, которые все пишутъ о подавленіи возстанія такъ что, если поймать ихъ на словъ, то окажется, что они подавляютъ уже давно подавленное возстаніе, то есть употребляютъ энергическія мѣры противъ людей, уже давно смиренншихся.”

Въ Краковѣ толпа русскихъ шпионовъ, которая поддѣлываетъ прокламаціи, вербуетъ галичанъ, и старается ихъ увлечь въ какую-нибудь анти-австрійскую демонстрацію. Мы подадимъ австрійскому министерству прекрасную мысль принять ихъ за серьезныхъ польскихъ конспираторовъ и отослать инсургентамъ, далѣе объ ихъ будущности заботиться нечего. Ихъ судьба будетъ совершенно обеспечена.—Двое изъ шпионовъ захвачены, говорятъ газеты.

— *Развратъ войны.*—“Рус. Инв.” такъ начинаетъ корреспонденцію изъ Вильно: “Вчера привезли сюда двухъ раненыхъ солдатъ 1. гв. московскаго полка. Они съ восторгомъ рассказываютъ товарищамъ о перестрѣлкѣ, въ которой удалось принять участіе.” Отъ чего-же съ восторгомъ? Чѣму тутъ восторгаться? Чему радоваться?

— БѢДНОЕ РУССКОЕ ИМЯ.—Мы получили изъ Парижа письмо, отъ котораго болѣзненно сжалось наше сердце. Какимъ обидамъ, какимъ преслѣдованіямъ подвергается теперь русскій по милости нѣмецкаго правительства!

Въ день перелома поста 12 Марта, на балѣ въ Прадо, толпа узнала русскаго, его окружили съ крикомъ: “Палачъ Польши, вонъ его, вонъ палача!” шляпу его бросили на полъ и жистоптали ногами. “Господа, говорилъ потерявшійся паціентъ, господа, я не русскій—я—я полякъ.”

— Полякъ, такъ кричите да здравствуетъ Польша!

— Русскій попробовалъ прокричать *mezzo voce*.

— Громче, громче.

Прокричалъ онъ и громко.

— За чѣмъ-же, если вы полякъ, вы здѣсь, а не въ Польшѣ?

— Я поѣду.

— Поѣдете, кричала толпа, вонъ его, вонъ поляка гуляющаго по баламъ. И бѣднаго русскаго вывели.

Вслѣдъ за тѣмъ два жандарма конвоировали, такъ-же вонъ изъ залы, какую-то гризетку, вздумавшую одѣться въ красную русскую рубашку; рубашку хотѣли изорвать, маску проводжали свистомъ и шиканьемъ.

Протестуйте, господа, говорите громко Парижу, Европѣ, Америкѣ, что не всю-же Россію выражаетъ зимній дворецъ и его политика, а затѣмъ не мѣшаетъ принять и добрый совѣтъ, не время теперь русскому таскаться въ Прадо и Мабилѣ.

— Изъ Флоренціи.—(23 Марта). “Въ заключеніе уведомлю васъ о непріятномъ происшествіи, которое здѣсь было съ однимъ изъ вашихъ соотечественниковъ. Извѣстный композиторъ Кашперовъ, ставившій два года тому назадъ оперу *Maria Tudor* въ Миланѣ, ставилъ здѣсь *Vienni*. Опера его пала, но никто ее не слышалъ; опера пала потому, что публика не хотѣла слушать музыки сочиненную русскимъ. Съ поднятія занавѣси, партеръ закричалъ: “неужно русскихъ, пусть ѣдутъ въ Петербургъ,” свистъ и шумъ не дали никакой возможности продолжать представленіе. Очень жалъ Кашперова, композита съ истиннымъ талантомъ. Но ненависть возбужденная теперь въ Италіи къ русскимъ такова, что лучше-бы не дѣлать опыта.”—(Изъ Письма).

— Русскіе посланники, говорятъ, требуютъ у Горчакова прибавки жалованья, во-первыхъ, за безчестье, которому они подвергаются во всѣхъ столицахъ, во-вторыхъ, за удвоенную службу. Съ ногъ сбились наши нѣмцы въ должности русскихъ представителей. Вездѣ должны они протестовать противъ слишкомъ горячихъ рѣчей въ пользу Польши, слишкомъ шумныхъ демонстрацій—въ Туринѣ, въ Стокгольмѣ, въ Лиссабонѣ (на что это похоже?). Тутъ князи Чарторижскаго принимаетъ національная гвардія, тамъ польскія знамена. Посолъ скачетъ, посолъ объясняется, посолъ говоритъ, что государь гнѣвается. Послу отвѣчаютъ—что дѣлать, общественное мнѣніе, а тутъ принцъ Наполеонъ излагаетъ мысли нѣсколько не похожія на пивалидыя мнѣнія московскихъ Вѣдомостей, папа показываетъ католическія пристрастія. Австрія на старости лѣтъ закалалась и капли польской крови не беретъ въ ротъ. Какое счастье, что старикъ Шредеръ умеръ и что Нессельродъ не воскресъ. Жалованье удвойте—князь, оклады удвойте князь...

И только ты Пруссія! *Du freies Land, du Land der Eichen und der Lunker*—ты одна останешься *петербургскѣмъ трей*, одна твоя камера ходитъ, припавъ/заушеніе, поздравлять палецьку страны (*Landesvater*) съ днѣмъ тезоименитства.

Н. ТРЮБНЕРЪ и С. ТХОРЖЕВСКІЙ объявляютъ что у нихъ поступила въ продажу МЕДАЛЬ, выбитая въ память десятилѣтія *Вольной Русской Типографіи* въ Лондонѣ. Медаль эта работы извѣстнаго художника К. Винера, медальера короля голландскаго, продается у Н. Трюбнера, 60, Paternoster Row, City и у С. Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, Soho, по 6 шил.

— ПОМѢЩИКИ И КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.—“Императорскій указъ, отъ 23 Марта, основанный на *мѣстныхъ* причинахъ, уничтожаетъ всѣ обязательныя отношенія, существовавшія до сихъ поръ между помѣщиками и крестьянами въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и четырехъ уѣздахъ Витебской губерніи. Выкупъ долженъ быть окончательно приведенъ въ исполненіе въ этихъ мѣстностяхъ. Съ 1-го Мая крестьяне должны платить *оброкъ* правительству, которое въ свою очередь выплатитъ помѣщикамъ *цѣну выкупа* (*prix des rachats*). Въ указѣ обозначены всѣ распоряженія, которыя нужны для осуществленія этой мѣры.” (*Le Nord*, 24 Марта).

Мѣстныя причины, выписанныя “Нордомъ” изъ “Сѣверной Почты,” сводятся на то, что “помѣщики обѣщали надѣленіе крестьянъ землѣю даромъ.” Слѣдственно страшно, чтобы и крестьяне не примкнули къ возстанію. Правительство пускается въ конкуренцію съ панствомъ—кто скорѣй освободитъ крестьянъ съ землѣю! Явленіе утѣшительное для движенія крестьянскаго вопроса. Правительство со *страха* хватилось за мѣру, которая два года тому назадъ была-бы разумна. Да и тутъ оно не приступаетъ къ дѣйствительному рѣшенію задачи, какъ она была поставлена два года тому назадъ, т. е. изъ вознагражденію помѣщиковъ изъ *государственныхъ доходовъ*; а оставляетъ оброки, дѣлаясь только коммиссіонеромъ между двумя врагами, съ явнымъ желаніемъ надуть обоимъ, т. е. крестьянъ оставить на повышенномъ оброкѣ въ пользу казны, а помѣщикамъ выплатить цѣну выкуповъ по нарицательному курсу—бумагъ и бумажекъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстій о подробностяхъ и послѣдствіяхъ указа. Нѣсколько важныхъ вопросовъ приходятъ невольно на умъ:

1) Что эта мѣра принята для польскихъ губерній—поздно или не поздно?

2) Что скажетъ русское крестьянство, которое останется на барщинѣ, или непосредственномъ оброкѣ и нѣкихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ—въ наказаніе за то, что эти помѣщики не начинаютъ никакого возстанія? Ужъ не попросятъ-ли русскимъ крестьянамъ помѣщиковъ взбунтоваться или не взбунтоваться-ли самими?

Да будетъ что будетъ! Во всякомъ случаѣ первый дворянинъ и московской помѣщикъ разкачиваетъ подъ собою стулъ не на шутку; далеко слышно какъ полки трещать.

POLSKA. Подъ этимъ заглавіемъ выходитъ съ Марта мѣсяца польская газета. Цѣна за 9 померовъ 5 фран. въ Парижѣ и Лондонѣ, 4 фран. въ Брюсселѣ. Ее можно выписывать отъ Л. Люблинера въ Брюсселѣ и отъ полковника Гавронскаго въ Парижѣ, 18, Quai de Bethume.

THE SERBIAN NATION and the EASTERN QUESTION, by VLADIMIR IOVANOVITCH, LONDON. Иовановичъ извѣстный сербскій патриотъ. Рекомендуемъ его книгу русскимъ читателемъ.

СОВѢТЪ ОБЩЕСТВА “ЗЕМЛИ И ВОЛН”

Приглашаетъ всѣхъ русскихъ на денежное пожертвованіе въ пользу сосланныхъ и ссылаемыхъ, и на сопряженные съ общимъ дѣломъ расходы. Путешествующіе за границей могутъ доставлять деньги къ издателямъ “Колокола,” обозначая присылку какой-нибудь цифрой; полученіе и №. будутъ немедленно напечатаны къ “Колоколѣ.” Желающіе могутъ получать квитанціи. За исправную доставку денегъ по назначенію вздателю “Колокола” ручаются.

— Въ *Общій фондъ* получено: отъ русскаго ученаго 3 фун., отъ Д. 1 фунтъ. Изъ Италіи, для польскаго дѣла 100 фран.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138, Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна 9 п., съ четырнадцатымъ номеромъ—ОБЩЕЕ ВѢЩЕ.

ЛИСТЪ 161.

15 АПРѢЛЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 14).

У Триюбера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 14.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—А. А. Потебня—Русскіе офицеры—1831—1863 (II)—Пантелеймонъ и Тихонъ—Книгожигатель Савва. Смѣсь: Периодика тѣшится и полиция тоже—Пять лѣтъ каторги—Зарница совѣсти—Словесныя розги—Игры случайности—Пановскій—Sta Borussia—М. Хотинскій—Къ автописамъ русскаго шпионства—Митингъ въ Hyde Park'ъ—"Daily News"—Ward Jackson, и пр.

А. А. ПОТЕБНЯ.

Одинъ изъ членовъ польскаго правительства сообщилъ намъ изъ Кракова вѣсть, исполнявшую насъ безконечной горестью. Нашъ близкій другъ Андрей Афанасьевичъ Потебня, одинъ изъ главныхъ учредителей русскаго офицерскаго комитета въ Польшѣ, участникъ на первомъ планѣ въ адрессѣ офицеровъ Константину Николаевичу—убить въ сраженіи у Песковой скалы.

Не знала русская пуля, сразившая Потебню, какую жизнь она остановила на первыхъ шагахъ ея.*

Чище, самоотверженіе, преданіе жертвы очищенія Россія не могла принести на пылающимъ алтарѣ Польскаго Освобожденія.

РУССКІЕ ОФИЦЕРЫ ВЪ РЯДАХЪ ИНСУРГЕНТОВЪ.

Подложный адрессъ офицеровъ в. к. Константину, оканчивается настоящимъ. Корреспондентъ "Теймса" (3 Апрѣля) говоря о двухъ русскихъ братьяхъ Рыковыхъ, стоящихъ въ главѣ Литовскаго движенія съ Рошинскимъ и графомъ Тишкевичемъ, прибавляетъ: "Въ рядахъ инсургентовъ много русскихъ офицеровъ. Это подтверждаетъ, что чувства выраженные въ извѣстномъ адрессѣ в. к. не были вымышленны. Никто не говорилъ, что число подписей было огромно; можетъ адрессъ подписала какая-нибудь сотня офицеровъ. Я и теперь не думаю, чтобъ въ числѣ инсургентовъ было сто русскихъ офицеровъ, но во всякомъ случаѣ ихъ много".

Мы къ этому прибавимъ, что на дняхъ намъ сказывалъ полякъ, прѣбывавшій съ театра войны, что онъ самъ видѣлъ, русскихъ офицеровъ въ стану возставшихъ.

Есть печальная эпоха, въ которую любовь къ отечеству, заставляетъ однихъ разорвать съ нимъ племенную солидарность, другихъ, которымъ невозможно по своему положенію остаться въ сторонѣ, идти въ ряды не своихъ—а *правыхъ* и сдѣлать на большемъ размѣрѣ то, что дѣлаютъ ежедневно

наши офицеры, недозволяющіе солдатамъ грабить и жечь.* Свободный человѣкъ не можетъ признать такой зависимости отъ своего края, которая-бы заставляла его участвовать въ дѣлѣ противномъ его совѣсти.

Если еще есть между русскими солдатами въ Польшѣ люди чистые, войны честные, исполнявшіе свой долгъ слѣпо вѣря въ присягу, но исполнявшіе его *безъ восторга*, о которомъ говоритъ "Инвалидъ", пусть они подумаютъ—не правы-ли тѣ офицеры, которые бросили ряды палачей? Пусть они подумаютъ сами и остерегутся отъ подкупныхъ *подстрекателей*, которые очень хорошо знаютъ, что дѣло русскаго правительства самое черное, но которые еще лучше знаютъ, что проба его серебра самая высокая.

Остерегитесь отъ сердобольныхъ друзей, умиляющихся надъ долготерпѣніемъ "христолюбиваго воинства два года оскорбляемаго поляками". Спросите ихъ, отчего они не умилялись, когда васъ обкрадывали въ пищѣ, гоняли сквозь строй, морили въ лазаретахъ безъ лекарствъ?—Поляки, видите, осмѣливались пѣть гимны, не смотря на хрулевскія пули; поляки осмѣливались носить конфедератки, не смотря на то, что это господамъ въ Петербургѣ не угодно... А вы должны были все это терпѣть!—Не вѣрьте ихъ жалости, не вѣрьте, когда они говорятъ: "Вы подвергаетесь всѣмъ лишеніямъ партизантской войны, но утѣштесь, вы стоите за общенародное, русское дѣло".

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Проклятое дѣло вытравливанія цѣлаго народа изъ народныхъ семей не есть наше общенародное, русское дѣло.

Мало мѣста у насъ что-ли? Мало у насъ *своихъ*? Пусть выходятъ помѣряться кто угодно, пусть попробуетъ нашу силу. Или мы клянемся, что безъ Польши жить не можемъ?

И отъ чего-же намъ съ Польшей, съ Украиной, съ Финляндіей не жить какъ вольный съ вольными, какъ равный съ равными? Отчего-же все мы должны забирать себѣ въ крѣпостное рабство? Чѣмъ мы лучше ихъ? Развѣ нѣмцами, состоящими у насъ въ должности правительствующихъ татаръ въ Петербургѣ?

* Кстати къ грабежамъ и разбою, интересно посмотрѣть какими инвалидными средствами правительство опровергаетъ отвратительную исторію съ англійскимъ купцомъ Фликенштейномъ, подробности ея въ "Теймсѣ" и другихъ журналахъ.

* Въ слѣдующ. листѣ мы поговоримъ объ немъ.

Воскресите въ себѣ честныхъ воиновъ — чадъ крови — улегаются, угаръ бѣшенства проходить — спросите свое сердце, свою совѣсть и гоните прочь прикладами всѣхъ этихъ чернильныхъ искаріотовъ, подбивающихъ васъ на ненависть и притѣсненіе несчастнаго народа.

Еще слово объ офицерахъ. Вообще мы знаемъ по газетамъ и еще больше изъ *разсказовъ*, что молодые офицеры, особенно армейскіе ведутъ себя человѣчески, стараются всѣми силами удерживать солдатъ отъ грабежа и убійства и съ горестію видятъ, что солдаты ихъ не слушаютъ. Причина очевидна — нравственной связи между офицерами и солдатами нѣтъ, довѣрія нѣтъ. Приобрѣтавъ его на улицахъ города, въ которомъ солдатамъ позволили безнаказанно грабить, приготовивши ихъ къ тому голодомъ и холодомъ, вицетой и водкой — поздно. *Объ этомъ надобно было прежде думать.*

По несчастью прошедшаго не воротишь, но урокомъ этимъ слѣдуетъ офицерамъ воспользоваться, тѣмъ больше, что *ближайшее будущее Россіи ни отъ кого столько не зависитъ, какъ отъ офицеровъ и отъ ихъ союза съ солдатами.*

Не даромъ нашъ православный Меродъ — Милютинъ въ своемъ іезуитскомъ циркулярѣ такъ пастойчиво предписываетъ начальству смотрѣть, чтобы не было сближенія между офицерами и солдатами. Опыты сближенія были въ Петербургѣ и въ Польшѣ, въ Южныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ. Аригольдъ и Сливичій пали подъ царскими пулями за бѣсѣды съ солдатами; а сколько офицеровъ были исключены, переведены, даже разжалованы за учрежденіе чтеній, воскресныхъ школъ для солдатъ?.. Надобно продолжать, надобно расширить кругъ дѣятельности, надобно заставить солдатъ забыть въ офицерѣ помѣщика, дворянина, надобно приобрести его любовь — тогда придетъ и довѣріе. Чему дивиться, что солдаты теперь еще не довѣряютъ офицеру? Пусть офицеры спросятъ свою собственную совѣсть — *заслужили-ли они довѣріе солдатъ?*

И — рѣ

1831—1863.

II.

Не мы свели вопросъ на книжной споръ, а такъ было на самомъ дѣлѣ. Вся умственная жизнь Россіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ сводилась на литературу и преподаваніе. Споръ этотъ занималъ конечно не больше двухъ, трехъ сотъ головъ, изъ которыхъ половина были очевь молоды. Но эта ариархическая слабость, когда всѣ остальные ничѣмъ не заняты, ничего не значить. Мельшничество съ возбужденной мыслію, вѣрой, сомнѣніемъ, выдѣляясь изъ массы не пчѣющей никакого опредѣленнаго направленія, изъ массы дремлющей, равнодушной, становится по необходимости свѣтскимъ духовенствомъ, т. е. начиная пропагандой и проповѣдью, часто оканчиваетъ властью и ведетъ паству по своей дорогѣ.

Кругъ умственной дѣятельности того времени былъ вѣтъ правительства совершенно отсталого, и вѣтъ народа молчаливаго въ отчужденности, онъ былъ въ книгѣ и аудиторіи, въ теоретическомъ спорѣ и въ ученыхъ кабинетахъ. И дѣйствительно, только въ литературѣ и университетахъ приходилось еще правительству отражать и сдерживать; только тамъ еще жизнь пыталась выступить изъ тѣсныхъ береговъ цензуры и

надзора, только тамъ еще чувствовалась упругость. Литература и учебныя заведенія были единственными граждански доблестными, честными сферами дѣятельности неподатной Россіи того времени.

Сенатъ и синодъ, гражданское вѣдомство и военныя власти, дворянскія собранія и *beau monde* боялись не только оппозиціи, но всякой самобытности, боялись чтобы на нихъ не пало подозрѣніе въ *мильниахъ*. Солидные люди съ внутреннимъ ужасомъ смотрѣли на отвагу Н. С. Мордвинова, дерзавшаго не только имѣть, но и подавать *мильниа*. Николай едва сдерживалъ свою ярость противъ дерзкаго старца.

Одна литература, одни аудиторіи протестовали постоянно, протестовали на сколько могли — молчаніемъ и пропусками, тамъ, гдѣ пельзя было словомъ; *запрещенными* стихами ходившими по рукамъ и намеками уколывавшими подъ пальцами цензора. Теперичное растаѣніе литературы и учебныхъ заведений начинается съ нынѣшняго царствованія. Откупная журналистика и полицейскіе профессора, проповѣдующіе философію рабства и пишущіе доносы цѣлой конференціей — явленія совершенно новыя. Во все николаевское время не было аудиторіи, которая съ сочувствіемъ стала бы слушать доктрину слѣпнаго повиновенія — юноши-консерваторы и гугвернменталисты тогда вовсе не существовали; развитіемъ этой нравственной *собачьей старости* которая сильно распространяется, мы обязаны послѣднимъ годамъ преподаванія и журналистики.

И такъ, не мы придали учено-литературному спору тридцатыхъ годовъ историческую важность въ умственномъ развитіи Россіи, а такъ было на дѣлѣ. О самомъ спорѣ мы не будемъ распространяться, объ немъ писали много, мы только напомнимъ, что одна сторона стремилась продолжать петровскій переворотъ въ смыслѣ *революціонномъ*, усваивая Россіи все выработанное народами съ 1789, и перенося на нашу почву англійскія учрежденія, французскія идеи, германскую метафизику. Считая западныя формы гражданственности выше формъ топорной работы Петра I и его наслѣдниковъ, они были совершенно правы; но принимая ихъ за *единоспасающую*, общечеловѣческія формы, идущія ко всякому быту, они впадали въ вѣчную ошибку французскихъ революціонеровъ. Противники ихъ возражали имъ, что формы, выработанныя западной жизнью, хотя-бы и имѣли общечеловѣческое развитіе, но рядомъ съ нимъ должны были сохранить и свои частно народныя элементы, что эти элементы останутся намъ чужими и не удовлетворятъ насъ, потому, что у насъ другія притязанія и другія препятствія, другое прошедшее и другая обстановка въ настоящемъ. Къ этому присоединялась вѣра въ элементы, лежащіе въ бытѣ народномъ, и раздражительная обидчивость за прошедшее.

До ясности не договорились ни тѣ, ни другіе, но по дорогѣ было возбуждено множество вопросовъ; въ полномъ разгарѣ спора его настигла февральская революція. Она является тѣмъ третьимъ, который своею кровью поставилъ точки на і. Мрачное время для Россіи между 1848 годомъ и крымской войной имѣетъ для насъ большое значеніе, на которое кажется не было обращено достаточнаго вниманія.

Гонимія, начавшіяся послѣ революціи 48 года, противъ печатнаго слова и преподаванія, перешли всѣ границы тупаго и гнусаго; они были гадки, они были смѣшны — они довели литературу до угрюмаго молчанія, *но говорить въ*

смыслъ николаевскаго консерватизма не заставили ее. Тоже было въ преподаваніи; наружно подавленное, оно внутри осталось вѣрнымъ своему святому призванію пропаганды, очеловѣченія. И если столичные профессора были иногда стѣсняемы докучливымъ надзоромъ и доносами, то преподаваніе шло своимъ чередомъ въ провинціальныхъ университетахъ, гимназіяхъ, семинаріяхъ, кадетскихъ корпусахъ и пр. Эта децентрализація образованія, чрезвычайно важна не только географически, но и пониженіемъ, такъ сказать, ценса его; она просачивалась глубже и терялась на самыхъ границахъ грамотности. Мѣры правительства ни къ чему не привели.

Педагогія противустояла даже своего рода *chef d'œuvre* — ростовцовской инструкціи преподавателямъ военно-учебныхъ заведеній.

Кто-же сдѣлалъ это?

Это сдѣлалъ новый кряжъ людей, возставшій ввысь, и вводившій исподволь свои новые элементы въ умственную жизнь Россіи. Онъ пріобрѣталъ больше и больше права гражданства въ ней, въ продолженіи того времени какъ Николай сбивалъ верхушки и грубыми ударами уродовалъ оравжерейныя и перво развитыя организаціи.

Отщепенцы всѣхъ сословій, эти *новые люди*, эти нравственные разночинцы, составляли не сословіе, а *среду*, въ которой на первомъ планѣ были учителя и литераторы, литераторы работники, а не дилетанты, студенты окончившіе и не окончившіе курсъ, чиновники изъ университетскихъ и изъ семинаристовъ, мелкое дворянство, оберъ-офицерскія дѣти, офицеры выпущенные изъ корпусовъ и проч. Новые люди, маленькіе люди, они были не такъ замѣтны и нравственно столько-же свободнѣе прежнихъ, сколько связаннѣе матеріально. Бѣдность даетъ своего рода осмотрительную силу и строй.

Дворянски-помѣщичья Русь, въ которой до этого времени преимущественно сосредоточивалось умственное и литературное развитие, была — помимо преслѣдованій — въ фальшивомъ положеніи. Она не могла серьезно провести ни одной мысли, не переходя черезъ ограду, оберегавшую ее сословныя права. Связанная образованіемъ съ формами европейской жизни, связанная крѣпостнымъ состояніемъ съ петербургскимъ режимомъ, она должна была отрѣчься отъ своихъ монополей или невольно вносить противурѣчіе во всякій вопросъ. Для нея, какъ касты, была одна будущность — ограничить верховную власть царя олигархической думой; на это не было матеріальной силы. На выходъ изъ сословія не доставало силы нравственной. Типъ англomanовъ и либераловъ помѣщиковъ захваченныхъ на своемъ стремительномъ пути къ парламентской свободѣ — освобожденіемъ крестьянъ съ землею, останется на надгробномъ памятникѣ російскаго благороднаго дворянства — въ родѣ карикатурныхъ уродцевъ, которыми средневѣковые зодчіе украшали капители церковныхъ колоннъ.

Аристократическая Россія отступала на второй планъ, ея голосъ сталъ слабѣть; можетъ она, какъ Николай, была скомфужена событіями 1848 года. Чтобъ оставаться народной въ литературѣ, ей пришлось оставить городскую жизнь, взять охотничье ружье, и бить, по землѣ и на лету — дичь крѣпостнаго права.

Другая сила шла на смѣну, другая ширинга становилась на мѣсто истощившихся вождей и бойцовъ.

Еще въ людскихъ ушахъ раздавался звукъ погребальной проповѣди Чаадаева, которая, шевеля многое въ груди, не давала ничего кромѣ утѣшеній *на томъ свѣтѣ* какого-то далекаго будущаго — а уже свѣтлые звуки малороссійскаго напѣва, неслись издали вмѣстѣ съ жартами и смѣхомъ, если и не добродушнымъ, то смѣхомъ здоровой груди — а ужъ въ стертой журналистикѣ, скучной въ Москвѣ и истасканной въ Петербургѣ вырѣзывались сильнѣе и ярче черты настоящаго представителя молодой Россіи, дѣйствительнаго революціонера въ нашей литературѣ.

Бѣлинскій былъ человѣкъ необыкновенно свободный, его ничто не стѣсняло, ни предразсудки схоластики, ни предразсудки среды, онъ является полный вопросовъ — ищетъ разрѣшеній, не подтасовывая выводовъ и не пугаясь ихъ. Онъ откровенно ошибается и искренно ищетъ другого разрѣшенія; у него была въ виду одна истина и ничего развѣ ей. Бѣлинскій вышелъ на сцену безъ герба, безъ знамени, безъ диплома, онъ не принадлежалъ ни къ какой церкви и ни къ какому сословію, онъ ничѣмъ не былъ связанъ и никому не присягалъ. Ему нечего было щадить, но за то онъ могъ всему сочувствовать... Въ первую минуту, когда онъ, искушаемый злѣмъ и ѣмцаго любомудрія, увлекся *разумностью всего сущаго*, онъ безбоязненно написалъ свою бородинскую статью. Какую страшную чистоту надобно было имѣть, какую самобытную независимость и безконечную свободу, чтобъ напечатать что-нибудь въ родѣ оправданія Николая въ началѣ *сороковыхъ годовъ*?

Эту *чистоту ошибки* поняли тѣ самые люди, которые не могли простить двухъ стихотвореній Пушкину, которые отвернулись отъ Гоголя за его "переписку съ друзьями". На Бѣлинскаго многіе (и я въ томъ числѣ) сердились, но чувствовали что заблужденіе искренно, что онъ воротится. Такъ и было.

Въ Бѣлинскомъ мы встрѣчаемъ ту великую отрѣшенность отъ впередъ идущихъ понятій и авторитетовъ, которая составляетъ отличительную черту и силу русскаго генія, ее смутно провидѣлъ Чаадаевъ, объ ней и мы говорили много.*

Можетъ эта отрѣшенность, эта внутренняя свобода съ виѣшнимъ рабствомъ, лишила нашу жизнь многихъ теплыхъ минутъ, многихъ привязанностей, можетъ она внесла въ нее сломанность, которая выражалась господствомъ ироніи. Но она дала намъ страшную независимость. Мы какъ дѣти не знавшіе ни отца, ни матери, были бѣднѣе, но свободнѣе; наша мать и нашъ отецъ были идеалы и потому не они стѣсняли насъ, а мы имъ втѣсняли очищенный образъ свой и свое подобіе.

Идеаль Бѣлинскаго, идеаль нашъ, наша церковь и родительской домъ, въ которомъ воспитались наши первыя мысли и сочувствія были *западный міръ* съ его наукой, съ его революціей, съ его уваженіемъ къ лицу, съ его политической свободой, съ его художественнымъ богатствомъ и несокрушеннымъ упованіемъ.

Идеаль Хомякова и его друзей, былъ въ прошедшемъ народа русскаго, въ его бытѣ преобразенномъ въ небывалой чистотѣ. Но апофеоза какъ-бы ни была преувеличена, все-же въ ней главныя черты истинны. *Жизніе* необходимо при

* .. Nous sommes une immense spontanéité... l'intelligence russe est l'intelligence unipersonnelle par excellence.

всякомъ причисленіи къ лику святыхъ и въ идеалѣ Славянъ, сохранившемъ бытовыя особенности нашего народа, было великое пророчество принимаемое ими за воспоминаніе.

Которому изъ идеаловъ суждено было одолѣть? Или на чемъ они могли помириться и идти объ руку?

Элементы къ разрѣшенію этого вопроса принесла революція 1848 съ своими послѣдствіями.

По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ споръ, о которомъ мы говорили измѣнился.

И—рѣ.

ПОСЛѢДНІЕ МОГИКАНЕ КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

Въ московской губерніи, богородскомъ уѣздѣ находится имѣніе принадлежащее послѣдникамъ умершаго Ф. Ф. Пантѣева, село Гребнево; послѣдники Пантѣева начали на крестьянъ недоимку, которую крестьяне не признаютъ за собой и отказались платить. Пантѣевы сочли это за бунтъ и потребовали полицію, которая явилась по первому требованію и не принимая оправданія и не разбирая дѣла, отобрала у крестьянъ домашнія пожитки и домашній скотъ, которые и продала на уплату недоимки.

Во владимірской губерніи, у уѣзднаго предводителя дворянства Александра Дмитріевича Тихменева, есть имѣніе называемое Новая деревня. Тихменевъ, богатый помѣщикъ, въ разныхъ губерніяхъ далъ въ надѣлъ крестьянамъ никуда негодную землю. Крестьяне пришли къ нему на дворъ и стали просить его не обижать ихъ и переимѣнить землю, потому что эту обрабатывать нельзя и она ихъ не прокормитъ. Тихменевъ, не сказавши крестьянамъ ни слова, далъ знать губернатору, что у него въ деревнѣ бунтъ и крестьяне хотятъ убить его. Губернаторъ отправилъ роту солдатъ, которыхъ размѣстили по избамъ крестьянъ и которыхъ они должны были кормить, крестьянъ-же изъ избъ выгнали въ хлѣва; простоявши съ недѣлю солдаты истребили весь крестьянскій домашній скотъ, а когда ничего не осталось, то губернаторъ далъ распоряженіе обобрать у крестьянъ лошадей и домашніе пожитки для продажи на содержаніе солдатъ. Крестьяне пошли въ Петербургъ просить отца освободителя заступиться за нихъ, но государь, видя вездѣ бунты, не возшелъ въ ихъ дѣло. Раззоривши окончательно крестьянъ, солдаты отправили обратно, а дѣло пошло въ судъ. Тихменевъ говоритъ публично, что истратитъ 10,000 р. с., а поставитъ на своемъ и крестьянамъ другой земли не дастъ. Чѣмъ еще кончилось неизвѣстно.

КНИГОСОЖИГАТЕЛЬ САВВА.

Ахматовъ, оберъ-прокуроръ синода, при поступленіи своемъ въ эту должность, нашелъ дѣла по многимъ епархіямъ въ крайнемъ запущеніи и видя, что московскій митрополитъ Филаретъ по своей старости, а его викарій Леонидъ по болѣзни ничего не дѣлаютъ, предложилъ государю назначить Филофея, избраннаго Филаретомъ себѣ въ преемники, исправлять должность московскаго митрополита, а Филарету числиться московскимъ-же митрополитомъ на покой. Филарету объ этомъ дала знать императрица (*женская нескромность!*). Филаретъ тотчасъ написалъ письмо государю, въ которомъ просилъ его дать ему для помощи второго викарія. Государь долженъ былъ согласиться на его предложеніе. Филаретъ назначилъ въ эту должность Савву, ректора троицкой духовной академіи. Савва этотъ извѣстенъ тѣмъ, что

поступивши въ ректоры и узнавъ, что у семинаристовъ есть печатныя и писанныя сочиненія Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго и другихъ авторовъ, ночью сдѣлалъ обыскъ у семинаристовъ въ ящикахъ и шкафахъ, и къ большому своему удовольствію нашелъ рукописи сочиненій Пушкина, Гоголя и разныхъ свѣтскія книги, въ числѣ которыхъ и сочиненіе Н. А. Полюсова; Савва обобралъ все и, записавъ имена кому принадлежать книги и рукописи, осудилъ эти соблазнительныя и еретическія письма предать торжественному сожженію. На другой день на дворѣ академіи разложенъ былъ костеръ, вокругъ котораго поставили семинаристовъ и по приходѣ отца Саввы, въ сопровожденіи всѣхъ учителей и духовнаго штаба, все найденныя книги и рукописи положили на костеръ и сожгли въ присутствіи всѣхъ депутатовъ. По окончаніи церемоніи, семинаристы, имѣвшіе рукописи были наказаны, а имѣвшіе свѣтскія печатныя книги получили выговоры и всѣмъ семинаристамъ было объявлено, что желающіе заниматься въ свободное время чтеніемъ, могутъ только читать журналы и книги духовнаго содержанія, а за свѣтскія будутъ выключаемы изъ академіи. Вотъ какого человека Филаретъ избралъ себѣ въ помощники и сдѣлалъ викаріемъ московскимъ. Посвященіе Саввы было въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1862.

СМѢСЬ.

ПЕРЕДНЯЯ ТѢШИТСЯ И ПОЛИЦІЯ ТОЖЕ.

Мы получили очень интересное письмо изъ Москвы, по несчастію оно сильно опоздало, и потому новости имъ сообщаемыя не имѣютъ больше интереса. Письмо это писано вскорѣ послѣ отъѣзда государя изъ Москвы. Въ немъ есть поправки къ помѣщенной нами статейкѣ о пребываніи государя (въ 147 л.); нашъ корреспондентъ говорилъ, что обѣдъ данный въ коронацію купцами, стоилъ 12,000 р., а въ новомъ письмѣ сказано, что обѣдъ стоилъ 120,000 р. Съ раскольниковъ взяли не 28,000, а не достававшіе 9,000 р. и проч.

Одна изъ самыхъ интересныхъ подробностей, о которой намъ не удалось слышать, состояла въ *секретномъ* спектаклѣ, данномъ 15 Декабря въ московскомъ маломъ театрѣ. Играли комедію *Дядя и Племянникъ*. Комедію эту написалъ отставной николаевскій генералъ Марковъ; въ ней обругано все молодое поколѣніе, выставлены живые литераторы самымъ отвратительнымъ образомъ, не пощажены и мертвые—особенно Гоголь; въ ней обруганы воскресныя школы, молодые офицеры (въ лицѣ Пындрикова), выставленные пегодьями, обруганы университеты и пр. Театральной комитетъ не разрѣшилъ представленіе этого пьески. Марковъ обратился къ Адлербергу I. Адлербергу пьеса понравилась, онъ приказалъ ее пропустить; но комитетъ боясь послѣдствій, отказался разрѣшить представленіе безъ высочайшаго приказа. Адлербергъ къ государю. Однако и онъ уперся, говоря, что пьесу освижутъ, и что все-таки всѣ будутъ знать, что она дается по его разрѣшенію. По желая утѣшить Адлерберга и дворню, государь позволилъ дать пьесу Маркова *секретно* 15 Декабря, 1862—въ Субботу. Билеты раздавали Адлербергъ и Львовъ. При чемъ Адлербергъ сказалъ Львову (директору московскаго театра), что если кто-нибудь осмѣлится шикнуть или свиснуть, то директоръ лишится мѣста. Спектакль былъ дакъ, Адлербергъ съ всякой челядью хохоталъ, всѣ аплодировали; государь однако посовѣстился и не былъ.

Къ письму приложена афишка печатная, безъ означенія года и театра; афишка эта библиографическая рѣдкость.

въ СУББОТУ, 15 ДЕКАБРЯ.

ПЛЕМЯННИКЪ и ДЯДЯ.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ, соч. Г. Маркова.

Въ эпилогѣ Г-жа Егорова будетъ танцовать *Rondéja*.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

Пындрикъ, Зенонъ Аркадьичъ, офицеръ, въ отпуску	Г. САМАРИНЪ.
Пудовикъ, Андрей Семеновъ, его дядя, председа- тель гражданской палаты,	Г. ШУМСКІЙ.
Зарницкая, Надежда Павловна, молодая вдова,	Г-жа МЕДВѢДЕВА.
Трикоето, Раиса Васильевна,	Г-жа ТАЛАНОВА.
Генералъ, начальникъ войскъ квартирующихъ въ губерніи,	Г. ПОЛТАВЦЕВЪ.
Хохолковъ, Тарасъ Ивановичъ, офицеръ мѣстнаго гарнизона, товарищъ Пындрика,	Г. КОЛОСОВЪ.
Растаковский, Янъ Яновичъ, ходатай по дѣламъ,	Г. САДОВСКІЙ.
Агнеса Камельская, танцовщица, сопутствую- щая Растаковскому,	Г-жа ЕГОРОВА.
Рустяновъ, секретарь гражданской палаты,	Г. ЖИВОКИНИ.
Зубаревъ, совѣтникъ той же палаты,	Г. НИКИФОРОВЪ.
Прокуроръ,	Г. ЖИВОКИНИ 2-й.
Гнилинскій, шуллеръ,	Г. ОЛЬГИНЪ.
Квартальный,	Г. МАТВѢЕВЪ.
Слуга Зарницкой,	Г. ДУДКИНЪ.
Слуга Пудовика,	Г. САДОВСКІЙ 2-й.
Слуга въ общественномъ саду,	Г. КРЕМНЕВЪ.
Гости обоего пола.	

1-е дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Зарницкой; 2-е въ губернскомъ городѣ;
3-е въ общественномъ саду этого города; 4-е въ квартирѣ Пудовика.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ въ Эпилогѣ :

Пындрикъ,	Г. САМАРИНЪ.
Пудовикъ,	Г. ШУМСКІЙ.
Надежда Павловна Пындрикъ, бывшая Зарницкая,	Г-жа МЕДВѢДЕВА.
Растаковский,	Г. САДОВСКІЙ.
Агнеса Камельская, танцовщица,	Г-жа ЕГОРОВА.
Исправникъ,	Г. НИКИТИНЪ.
Становой,	Г. КАЛИВИНЪ.
Опекунъ,	Г. СОКОЛОВЪ.
Управляющій завѣщаннаго имѣнія,	Г. ТУРЧАНИНОВЪ.
Зарницкій, прямой наследникъ завѣщаннаго имѣнія,	Г. ЛЕНСКІЙ.
Слуга,	Г. ЗАВЬЯЛОВЪ.
Почетныя гости на свадьбѣ.	

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ главномъ домѣ завѣщаннаго имѣнія,
снута 4 мѣсяца послѣ предыдущаго акта.

— 0 —

ДЯДЮШКИНЪ ФРАКЪ и ТЕТУШКИНЪ КАПОТЬ.

Комедія-водевиль, въ 2-хъ картинахъ, соч. Н. Яковлевскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

Кузьма Аникѣевичъ Кочерыжкинъ,	Г. НИКИФОРОВЪ.
Машенька, дочь его,	Г-жа ПОЗНЯКОВА (Восп.).
Осипъ Осиповичъ Сморгковъ,	Г. ШУМСКІЙ.
Федоръ Максимовичъ Квасовъ,	Г. СОКОЛОВЪ.
Матрена Карповна, жена его,	Г-жа ТАЛАНОВА.
Пашенька, дочь ихъ,	Г-жа НИКУЛИНА (Восп.).

Акулина, кухарка Кочерыжкина, . . . Г-жа АКИМОВА.
Павошникъ, Г. ШАНКИНЪ.

Это-уже не le roi s'amuse, а l'antichambre s'amuse...

А вотъ какъ тѣшится полиція. Въ письмѣ приложены отрывки Дневника происшествій изъ Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей :

— 26 Декабря 1862 года) утромъ, Мясницкой Части, въ Кривомъ переулкѣ, поднять въ безчувственномъ состояніи невзвѣсный человѣкъ, лѣтъ 30, свѣтлорусый, одѣтый въ черномъ суконномъ сюртукѣ и брюкахъ, который, по доставленіи въ Частный Домъ умеръ. По осмотру у умершаго на тѣлѣ оказались незначительныя ссадины и пятна, по знакамъ насилія не было.

— 29 Декабря, Мясницкой Части, на набережной рѣки Москвы, у Устинскаго моста, усмотрѣно мертвое тѣло неизвѣстной женщины, по видимому лѣтъ 40, одѣтой въ старомъ люстриновомъ пальто на ватѣ и прочемъ ветхомъ платьѣ; у неизвѣстной по осмотру на тѣлѣ знаковъ насилія не оказалось.

— 29 Декабря, Сушевской Части, близъ Марьиной рощи на землѣ почетнаго гражданина Алексѣева, найдено мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка, по видимому крестьянина, лѣтъ около 50, средняго роста, свѣтлорусаго, одѣтаго въ красной рубахѣ, полосатыхъ портахъ и сапогахъ, на котормъ знаковъ насилія не было.

— 30 Декабря, Лефортовской Части, на Измайловскомъ шоссе, поднято мертвое тѣло неизвѣстнаго званія человѣка лѣтъ 40, средняго роста, волосы на головѣ и бородѣ русые, одѣтаго въ триковомъ сѣромъ жилетѣ, ситцевой рубахѣ и черныхъ суконныхъ панталонахъ, на головѣ черныи картузъ; по осмотру на тѣлѣ этого человѣка знаковъ насильственной смерти не было.

— 1 Января, утромъ въ 4 часу, Мясницкой Части, 1 квартала, на Рождественномъ бульварѣ поднято мертвое тѣло неизвѣстной женщины, лѣтъ 40, слабаго тѣлосложенія, волосы на головѣ темнорусые, одѣтой въ люстриновой на ватѣ кофтѣ, ситцевомъ платьѣ, на головѣ большой шерстяной платокъ; по осмотру же на тѣлѣ этой женщины никакихъ знаковъ не оказалось.

— 2 Января, въ 5 часовъ утра, Мясницкой Части, 1 квартала, на мостовой около дома купца Шекина, найдено мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка, лѣтъ 50, волосы темнорусые съ просѣдью, одѣтаго въ люстриновомъ пальто, сатиновомъ сюртукѣ и триковыхъ брюкахъ, на котормъ, по осмотру, никакихъ знаковъ не было.

— 4 Января, утромъ, Прѣсенской Части, на проѣздѣ Камеръ-коллежскаго вала, усмотрѣно мертвое тѣло неизвѣстнаго званія человѣка, лѣтъ 24, средняго роста, волосы на головѣ и усахъ русые, одѣтое въ миткалевой рубашкѣ, въ камлотовыхъ сѣрыхъ жилетѣ и брюкахъ, на шеѣ красноватый шерстяной шарфъ. По осмотру на тѣлѣ этомъ никакихъ знаковъ не оказалось.

— 5 Января, днемъ, Прѣсенской Части, за Камеръ-коллежскимъ валомъ, найдено мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка, лѣтъ 50, крѣпкаго тѣлосложенія, средняго роста, смуглый лицомъ, волосы на головѣ и бородѣ съ просѣдью, одѣтаго въ ветхомъ триковомъ холодномъ пальто, въ полосатыхъ портахъ и ватеныхъ сапогахъ, на головѣ черныи картузъ; по осмотру же на тѣлѣ этого человѣка никакихъ знаковъ не было.

— 6 Января, въ 10 часовъ вечера, Прѣспенской Части, на 2-й Ямской улицѣ былъ поднятъ въ безчувственномъ состояніи неизвѣстный человѣкъ, лѣтъ 30, росту выше средняго, свѣтлорусый, одѣтый въ голубой пантовой рубахѣ, полосатыхъ панталонахъ, валеныхъ сапогахъ, который, по доставленіи въ Частный Домъ оказался уже мертвымъ. По осмотру у неизвѣстнаго кромѣ ссадинъ на носу, изъ коего вытекло малое количество крови, никакихъ знаковъ не найдено.

— 20 Января, проживающая Мѣщанской Части, 4 квартала, въ Сокольникахъ на дачѣ г. Копылова, подольская мѣщанка Наталья Антонова, объявила полиціи о покражѣ у нея въ ночь на означенное число, неизвѣстными людьми денегъ 100 руб. и имущества на 100 руб. При дознаніи Антонова объяснила, что 19 числа, въ 7 часовъ вечера, она услышала стукъ въ сѣнную дверь и когда дверь была отворена, то въ квартиру вошли четыре человѣка, изъ коихъ двое были одѣты въ солдатскія шинели съ тесаками, а двое въ чуйкахъ; одинъ изъ этихъ людей, зажавъ ей ротъ, дѣлалъ угрозы и приказалъ товарищамъ ломать сундукъ и вытаскивать имущество, послѣ сего неизвѣстные скрылись и она отъ испуга не могла различить примѣтъ похитителей.

Послѣднее происшествіе самое интересное, съ тѣхъ поръ прошло много времени, мы особенно просимъ извѣстить насъ чѣмъ кончилось это дѣло, и кто были эти два вора въ солдатскихъ шинеляхъ съ тесаками.

Изъ этого можно было-бы заключить, что полиціи вовсе нѣтъ въ Москвѣ или что она чрезвычайно слаба. Но вотъ доказательство противнаго: оберъ-полицмейстеръ Крейцъ далъ секретное предписаніе частнымъ приставамъ, чтобы во все пребываніе государя въ Москвѣ не было ни значительныхъ кражъ и ни одного убійства, и дѣйствительно не было. Приходится бѣднымъ москвичамъ просить государя о перенесеніи резиденціи въ первопрестольный градъ.

За то вѣдь какъ и горевали москвичи послѣ отъѣзда государя, служившаго имъ life-preserver'омъ. Городъ покрылся мракомъ, фонари стали зажигаться не въ 4½ часа, а въ 6½ и гаснуть въ 11 часовъ, а не въ три—и воровство снова пошло какъ по маслу, которое осталось въ экономіи.

— ПЯТЬ ЛѢТЪ КАТОРГИ. Подъ неіѣвымъ названіемъ *Взысканіи—Свер. Ич.* сообщаетъ намъ новое политическое дѣло, со всей старой обстановкой каторги, розогъ и проч. Вотъ въ чемъ состояло мнѣніе государственнаго совѣта:

“Г. С. въ деп. граждан. и духов. дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія пр. сената, 5-го деп., о бывшихъ студентахъ медико-хирургической академіи: Василии Хохряковѣ (22-хъ) и Петрѣ Беневоленскомъ (19 лѣтъ), о мѣщанинѣ Михаилѣ Митрофановѣ (21-года) и крестьянахъ: Михаилѣ Ѳедоровѣ (17), Василии Трифоновѣ (18), Егорѣ Коченковѣ (23 лѣтъ) и Иванѣ Антоновѣ (21 года), признавъ ихъ, по собственному сознанию и обстоятельствамъ дѣла виновными: Хохрякова и Беневоленскаго—въ злоумышленномъ распространеніи возмутительныхъ воззваній, съ цѣлью возбудить къ неповиновенію верховной власти; Митрофанова, Ѳедорова и Трифопова—въ имѣніи у себя одного изъ означенныхъ воззваній и въ передачѣ онаго другимъ, впрочемъ безъ злаго умысла; Коченкова—въ недонесеніи, кому слѣдовало, на виновнаго въ чтеніи возмутительныхъ воззваній, и Антонова—также въ недонесеніи о передачѣ ему подобнаго же воззванія.

“Совершенно соглашаясь съ сенатомъ о мѣрѣ наказанія всѣхъ сихъ лицъ, Г. С., въ отношеніи одного изъ подсудимыхъ, а именно: Петра Беневоленскаго, принявъ въ уваженіе имѣющіяся въ дѣлѣ смягчающія вину его обстоятельства, и руководствуясь Св. зак. (изд. 1857 года) т. XV кн. 1, улож. о Нак. ст. 167 и 168, признавъ возможнымъ ходатайство предъ государемъ императоромъ о смягченіи Беневоленскому, слѣдующаго ему, по закону, наказанія.

“По симъ соображеніямъ Г. С. *мнѣніемъ положили*: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе сената и, въ слѣдствіе сего, 1) участь бывшаго студента императорской медико-хирургической академіи, Петра Беневоленскаго, повергнуть монаршему милосердію, съ представленіемъ, не благоудно-ли будетъ е. и. в. повелѣть: *Беневоленскаго*, но лишеніи всѣхъ правъ состоянія, вмѣсто ссылки въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на пять лѣтъ и четыре мѣсяца, какъ по закону слѣдовало, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; 2) бывшаго студента той-же академіи, Василия Хохрякова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ, а за тѣмъ поселить въ Сибири навсегда; 3) мѣщанина Михаила Митрофанова подвергнуть аресту на три недѣли, съ отдачею потомъ подъ надзоръ полиціи на три года; 4) крестьянъ Василия Трифопова и Михаила Ѳедорова наказать розгами, по пятнадцати-ударовъ каждому, и за тѣмъ также отдать подъ полицейскій надзоръ на одинъ годъ; 5) крестьянина Егора Коченкова наказать розгами пятнадцатью ударами, и 6) крестьянину Ивану Антонову сдѣлать строгое внушеніе, чтобы на будущее время немедленно доносилъ, кому слѣдуетъ объ извѣстныхъ ему преступленіяхъ”.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано:

“Быть по сему, но съ тѣмъ чтобы Хохрякову срокъ каторжной работы ограничить пятью годами”.

въ С.-Петербургѣ, 27 Февраля 1863 года.

Пять лѣтъ каторжной работы, за распространеніе *какого то* воззванія, безъ малѣйшихъ послѣдствій и безобразное поронье розгами. Какое жалкое состояніе русскаго народа и какое гнусное управленіе!

— *Зарница Совѣсти.*—Мы почти обрадовались, увидя въ правительственномъ органѣ, что-то въ родѣ ужаса и утрызненія совѣсти. Мы не вѣримъ въ вѣчныя паденія, можетъ въ опускающемся полу литературнаго III отдѣленія есть діо, въ которое ударившись иные всплываютъ... Одинъ изъ листовъ древа официальной гласноты поблѣднѣлъ, сконфузился, и занесъ бредъ... но въ его бреду словно есть сознаніе, что онъ зашелъ далеко, что на совѣсти кошки скребутъ... и пускай ихъ—это кошки нравственнаго возстановленія.

Вотъ отрывки изъ страннаго и неловкаго лепета проспавшейся совѣсти:—“Чѣмъ скорѣе будетъ прекращено вооруженное возстаніе поляковъ, тѣмъ будетъ лучше и для Россіи и для Польши. Дѣло это лежитъ на русскихъ войскахъ, и всякое распоряженіе имѣющее цѣлю облегчить и ускорить его окончаніе, есть важный шагъ къ освобожденію польскаго вопроса изъ-подъ искусственныхъ вліяній.

“Съ этой точки зрѣнія можно только радоваться отправленію подкрѣпленій въ Царство Польское. При враждебномъ настроеніи большей части чиновническаго класса Царства и

при пассивности сельского люда,* отношенія городовъ и мѣстечекъ съ уѣздами къ законному и къ революціонному правительству опредѣляются присутствіемъ войска. Есть войска въ городѣ, народъ повинуется законному правительству; нѣтъ ихъ, онъ подчиняется революціонному подъ вліяніемъ чиповниковъ и ксеидзовъ. Для подавленія возстанія недостаточно обходить край подвижными колоннами, которыя разбиваютъ и уничтожаютъ оружіемъ партіи инсургентовъ; необходимы войска еще и для простаго занятія пунктовъ, войска, которыя подчиняли-бы жителей распоряженіямъ законнаго, а не революціоннаго правительства, и освобождали-бы ихъ отъ революціоннаго терроризма.

“Что же касается до жестокостей войскъ, о чемъ такъ много толкуютъ въ Европѣ, то къ крайнему прискорбію устраненіе ихъ зависитъ не отъ русскихъ офицеровъ, а исключительно отъ самихъ поляковъ. Прекратится возстаніе, прекратятся жестокости; † пожалуй, пусть возстаніе даже и продолжается, но пусть поляки соберутся въ армію и прекратятъ свой партизанскій образъ войны, при которомъ каждый начальникъ шайки разыгрываетъ роль царька и по своему поступаетъ съ нашими плѣнными, тогда несомнѣнно прекратятся и жестокости.” ‡

(Моск. Вѣд. Марта 23, т. е. Апрѣля 4).

— *Словесныя розни.*—Мы всегда готовы отдать полную справедливость смягченію правовъ и прогрессу, гдѣ-бы они не являлись въ обширномъ отечествѣ нашемъ. Такъ мы съ большимъ удовольствіемъ увидѣли удачную замѣну крѣпостныхъ розогъ наказаніемъ духовнымъ, шляхетнымъ шпыняніемъ надъ бывшими рабами.

Теперь господа не посылаютъ съчъ людей ни въ конюшню, ни въ частный домъ, а въ *Московскія Вѣдомости*. Рядомъ съ справедливыми упреками Николаю Павловичу за излишнее великодушіе къ полякамъ, съ защитой южно-американскихъ крѣпостниковъ, журналъ москво-южнаго туризма, вѣдомости завели исправительную колонію, и вотъ какъ пролетѣлъ словами А. Щербачевъ, дворовыхъ людей казельскаго уѣзда:

“Дворовые люди здѣшняго уѣзда задумали отпраздновать 19 Февраля, какъ день для нихъ незабвенный; по вопросу, какъ-бы это сдѣлать лучше и сообща, сильно затруднялъ ихъ. Мысль о дешовкѣ, на которую упирали нѣкоторые изъ нихъ, была отвергнута большинствомъ. Чтобы разрѣшить недоумѣніе, отрядили депутатовъ къ посредникамъ, которые и предложили имъ устроить балъ. Предложеніе было принято, и тутъ-же рѣшено дать балъ въ первый день масленицы, такъ какъ 19 Февраля приходилось постомъ. Набрали распорядителей, которыхъ уполномочили собирать съ желающихъ участвовать въ этомъ предпріятіи. Каждый кавалеръ долженъ былъ платить 50 к. а дама 20 к.

“Новость эта нашла себѣ сочувствіе не въ однихъ дворовыхъ, но многіе изъ *благородныхъ* жертвовали въ пользу бала.

“Мировые посредники уступили имъ домъ нанятый для съѣздовъ; въ назначенный для бала день, часовъ въ 7, онъ уже былъ полонъ гостей. Балъ открытъ тостомъ за здоровье императора.

“Сначала шло очень чинно и монотонно, новость положенія, по видимому, стѣсняла ихъ. Дамы хихикались и угощались чаемъ и фруктами; кавалерамъ былъ устроенъ буфетъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось оживленнѣе. Кавалеры

* Давно-ли сельское населеніе было активно за правительство?

† Помилуйте, давно-ли-же вы роспинались и образа снимали, что этихъ жестокостей не было?

‡ Sehr gut!

болѣе галантерейнаго обращенія подходили къ дамамъ съ любезностями. “Ахъ помилуйте!” напротивъ слышалось часто—“вы въ копфузъ меня приводите!” и пр. Начались пляски, пѣсни, игры въ сосѣди,—словомъ балъ былъ настоящимъ и продолжался часовъ до трехъ.

“Удовольствіе такого рода до того понравилось бывшимъ дворовымъ, что они, помимо посредниковъ, затѣяли устроить другой балъ, и съ этой цѣлью наняли домъ. 7 Февраля былъ другой еще оживленнѣе перваго. Съ каждого посторонняго посѣтителя взималось 50 к.”—А. Щербачевъ.

Не забудьте друзья тона этой статейки, онъ вамъ знакомъ, барыни ваши такъ “хихикались” говоря вслухъ объ васъ въ гостинной. Вы видите, помѣщики неисправимы, въ душѣ они останутся крѣпостниками. Это ваши залятые враги. Чѣмъ нибудь они васъ будутъ съчъ, какія-нибудь *Московскія Вѣдомости* да найдутъ вмѣсто конюшни и частнаго дома.

— *Странныя шры случайности.*—Какъ особенно замѣчательный феноменъ природы, выписываемъ мы изъ 54 Но. *Москов. Вѣд.* слѣдующую поправку:

“въ Но. 51, отъ 7 марта, въ статьѣ “Наши Космополиты,” г. Щербальскаго, замѣчена важная опечатка.

“Напечатано:

“и въ такую-то минуту, какіе-то Хамы позволяютъ себѣ издѣваться надъ своимъ народомъ и говорить, что возстаніе Польши есть для него благодѣяніе.”

“Слѣдуетъ читать:

“и въ такую-то минуту, космополиты позволяютъ себѣ” и такъ далѣе.

По такому-же капризу *случайности*, какъ *космополиты*, отъ перестановки буквъ и отъ замѣны ихъ другими, дѣлаются *хамы*,—Хамы, не въ печати а въ самомъ дѣлѣ, дѣлаются страшными Іафетами, отчаянными Симами и на оборотъ. Эту игру случайности мы особенно видѣли въ нашу революціонную и маскарадную эпоху. Намъ не случилось встрѣчать враговъ церкви больше страстныхъ какъ аббатъ Ламене, демократовъ больше искреннихъ и простодушныхъ какъ графа Станислава Ворцеля и Дефлота, родившихся въ высшей аристократіи. Рядовые всего больше боятся офицеровъ выслужившихся изъ солдатъ. Аристокрація не имѣетъ большихъ поклонниковъ родовитости, прирожденныхъ привилегіей, бѣлой кости и столбовой доблести, какъ люди которыхъ скромное начало терлется, какъ начало Нила (что не мѣшаетъ ихъ разливу оставлять запасы фараоновыхъ мышей, абасовъ, крокодиловъ и прочихъ ученыхъ звѣрей Египта) въ тинѣ неизвѣстности. Еслибъ это не была тоже типографическая ошибка, можно было-бы думать, что защищая феодальныя права князей, графовъ, они думаютъ, что и на нихъ падетъ что то отъ сіянія княжескаго, отъ лучезарности графской и что ихъ по крайней мѣрѣ примутъ за бароновъ.

— *Тотъ-ли Пановскій?*—Глубокое знаніе польскихъ дѣлъ, открывающееся въ передовыхъ статьяхъ *Моск. Вѣд.*, заставляетъ многихъ думать, что этотъ источникъ свѣдѣній принесъ съ собою *третій при двухъ*—г. Пановскій. Одинъ г. Пановскій долго и съ отличіемъ служилъ въ Варшавѣ при Паскевичѣ.

STA BORUSSIA!

Heil dir im Siegerkranze!

Баста Боруссія! Останови твой смѣлый полетъ кверху-погоми, страна-дядя! за тобой никто поспѣть не можетъ. Давно-ли ты парила такъ метафизически высоко, на крылахъ трансцендентальнаго идеализма, надъ Австріей; а теперь и Австрія словно на горѣ—такъ опередила ты, Боруссія, въ твоемъ паденіи! Будь-же скромна, остановись—heil dir im Siegerkranze! На что-же останавливать *кортію*, посланную изъ Парижа польскимъ инсургентамъ?..это роскошь. Ну—полюка, другаго, по выбору, выдать русскому правительству на казнь—отчего-же—можно, благо Европа бранится, но позволеть. Но кортію перехватывать не хорошо—огласка будетъ!

— **АСТРОНОМЪ НАБЛЮДАТЕЛЬ И МИССИОНЕРЪ ХОТИНСКИЙ.**—На дняхъ мы получили изъ Петербурга вѣсть о томъ, что “какого-то профессора Ходинскаго или Хотынскаго—III отдѣленіе отправило наблюдателемъ въ разныя страны и между прочимъ въ Лондонъ, съ жалованьемъ 12,000 фр. или руб. Въ письмѣ прибавлено, “что корреспондентъ не ручается за цифру жалованья, но что фактъ миссіи этого господина ему извѣстенъ изъ вѣрнаго источника.”

Свѣденія, которыя намъ случалось получать этимъ путемъ всегда оправдывались. Какой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ *М. Хотинский* въ самомъ дѣлѣ проживаетъ въ Лондонѣ и занимается разными наблюденіями.

Предоставляя г. Хотинскому всѣ средства подтвердить или опровергнуть официальность своего ученаго порученія, мы съ своей стороны готовы всегда способствовать благотѣльнымъ видамъ правительства и убѣжденные что въ Англіи всего труднѣе дѣлать знакомства—постараемся *слѣдующаго миссіонера наблюдателя* рекомендовать англійскому народу.

Степень сближенія будетъ зависеть не отъ насъ; обстоятельства впрочемъ къ тѣсному знакомству именно теперь хороши.

10 Апрѣля, 1863.

Издатели Колокола.

— **Къ лѣтописямъ петербургскаго шпионства.**—*Двумя мерзавцами и тремя сестрами милосердія меньше.* Слухъ о томъ, что въ Варшавѣ убили на улицѣ двухъ шпионовъ подтверждается самимъ *Нордомъ*. Жаль, что не четырехъ!

“С.-П. Вѣдомости” отъ 11/23 Марта сообщаютъ слѣдующій милый анекдотъ:

“Незадолго Лангевичъ повѣсилъ будто-бы трехъ варшавскихъ дамъ, прибывшихъ въ его лагерь служить у него или въ видѣ ординарцевъ, или сестрами милосердія. Такъ какъ тайные агенты поляковъ знаютъ, что дѣлается въ каждомъ варшавскомъ домѣ, то знали, что дѣлаютъ и эти танцовщицы, и съ кѣмъ онѣ водятся. Давно было знать Лангевичу относительно ихъ профессіи; вѣпи пріѣзжихъ осмотрѣны, и у всѣхъ будто-бы *найденъ ядъ*. Здѣсь называютъ даже фамиліи этихъ несчастныхъ: Михальская, Хмилевская и Доброногій. “Не Доброногова-ли?” спрашивалъ корреспондентъ, по оказалось, что на этотъ разъ сестра милосердія, какъ покойная Елизавета Воробей, называлась по мужски.

Quæ medicamenta non sanant — ferrum sanat, то есть не мытьемъ, такъ катаньемъ, не оружіемъ смерть причиняющимъ, такъ оружіемъ врачующимъ и жизнь дающимъ; солдаты плохи, грабятъ и не умиряютъ,—актрисы хороши. У императора моего обителей много, и въ тѣхъ обителяхъ много разнообразнѣйшихъ оружій. отъ дыбы преображенскаго застѣжка, до уступающаго подъ тяжестью дворянскаго несѣкомаго тѣла квадрата на полу третьяго отдѣленія; отъ *частныхъ* приставовъ до *публичныхъ* женщинъ.

И какая находчивость одѣтъ танцовщицъ сестрами милосердія—авось либо умирающій проболтается, кого-нибудь замѣшаетъ—а не умираетъ, можно яду подбавить органическаго или минеральнаго. Мы совѣтуемъ въ числѣ оружій сражаться съ русскимъ правительствомъ брать съ собою *nitrate d'argent*.

Вотъ до чего добавались барышни! Непадобно мѣшать двѣ мнѣя слабости, доносить вамъ всего менѣе приходится. Дѣло другое

Головинъ—его ремесло такое, министръ отъ просвѣщенія, по поволѣ немножко жандармъ, и по этому долженъ былъ обратиться съ просьбой къ баденскимъ квартальнымъ, на счетъ списочка русскихъ молодыхъ людей, участвовавшихъ въ панутственномъ концертѣ, данномъ почтенному предшественнику Головина Путятину, въ Гейдельбергѣ. Само собою разумѣется, что баденскіе полицейскіе съ восторгомъ воспользовались случаемъ одолжить петербургскаго министра.

HYDE PARK И ЗАПРЕЩЕННЫЙ МИТИНГЪ.

Консервативная журналистика съ восторгомъ и упоеніемъ повторитъ новость о томъ, что полиція запретила митингъ въ Hyde Park'ѣ “изъ политическихъ видовъ”. Когда-же эти господа поймутъ хоть юту въ англійскихъ законахъ и въ здѣшней администраціи? Дѣвичья память ихъ забыла, что послѣ дикихъ побоищъ между англійскими гарибальдіями и ирландскими *пѣтми*, митинги были запрещены въ паркахъ. Запрещеніе въ сущности не имѣющее силу закона, чисто административное.

Митингъ не былъ допущенъ не потому, что онъ *за* Польшу, а потому, что онъ созванъ былъ *въ паркѣ*. Митингъ который бы имѣлъ цѣлью благодарить императора Александра II за назначеніе Берга въ какіе-то *adlatus'ы*; митингъ, который-бы имѣлъ цѣлю изъяснить свое сожалѣніе о растройствахъ умственныхъ способностей прусскаго короля—также точно не былъ бы допущенъ. Полиція (не знаю многому-ли научили Константина Николаевича два лондонскіе полицмена, дававшіе ему уроки, а было чему поучиться) и не препятствовала собственно. Полицейской сказалъ очень учтиво, если кто приметъ мѣсто чермана (президента), то онъ будетъ въ необходимости *его арестовать*. Чтожъ изъ этого? Въ континентальномъ воображеніи тутъ Алжиръ, Каена, Иркутскъ, Иртышъ, цѣпи, казаки, пруссаки... Здѣсь совсѣмъ не то—чермана на другой день выпустили-бы, а много, много заставили-бы заплатить пѣскольکو шиллинговъ.

Митингъ былъ дурно созванъ; еслибы было тысячь десять народу съ самаго начала, полицейской еще учтивѣе сказалъ-бы тоже и пошелъ-бы закусывать.

Мы не знаемъ кто сзывалъ этотъ митингъ, но черманъ или бюро поступили дурно. Надо было допустить полицейскому арестовать кого-нибудь, тогда мы увидѣли-бы вопросъ о правѣ полиціи запрещать митинги передъ судомъ, а легко можетъ быть и передъ парламентомъ.

— *Польскій манифестъ въ “Daily News.”*—*Daily News* напечаталъ 4 Апрѣля длинную диссертацию о польскихъ дѣлахъ, присланную какимъ-то польскимъ комитетомъ, но такъ какъ многіе приняли эту диссертацию за манифестъ Народнаго Правительства Польскаго—то уполномоченный представитель его въ Лондонѣ, Іосифъ Цверцякевичъ,* счелъ своей обязанностью протестовать.

— *Ward Jackson.*—Пароходъ Ward Jackson, на которомъ отправился комиссаръ польскаго правительства *Г. Демонтовичъ* и полковникъ *Ө. Лапинскій* съ отрядомъ польскихъ воюнтеровъ, находится въ Мальмѣ. Капитанъ Р. Ветерли не исполнилъ условія и изъ трусости или иныхъ побужденій, оставилъ въ Копенгагенѣ пароходъ со всѣмъ экипажемъ, исключая трехъ матросовъ и объявилъ, что дальше не повезетъ. Поляки были принуждены высадиться въ ближайшей шведской гавани. Въ Мальмѣ отрядъ былъ принятъ жителями съ энтузіазмомъ.

Въ журналахъ была бѣздна вздору, повтореннаго и нашими газетами, объ этой экспедиціи. Никакія дамы не участвовали ни въ снаряженіи корабля, ни въ покупкѣ его груза, да и никакіе мушкетеры кромѣ поляковъ. Все было сдѣлано на *польскія деньги, данныя поляками*.

— Въ *Общій фондъ* 10 шил. (N. 9) и 40 фр. (N. 10).

— Потученные 2,000 фр. изъ Неаполя для польскаго дѣла, переданы *Г. Цверцякевичу*.

— Пакетъ, за No. 11 полученъ.

— *Письмо о дѣлѣ Красовскаго получили, величайшая благодарность за него. Мы совершенно согласны съ корреспондентомъ.*

* Уполномоченный представитель польскаго правительства въ Парижѣ: *Орденга*.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 162.

1 Мая 1863.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна 9 пенс. съ пятнадцатымъ листомъ—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

У Трибнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 15.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 15).

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Между молніей и громомъ—Надгробное слово—Подполковникъ Красовскій—Дѣло Зейферта. Ситсъ : Болтовня о Центральномъ комитетѣ—Пропламяція—Къ своводѣ книгопечатанія въ Россіи—Военное, свѣтское и духовное тиранство—Записки Деевристовъ и сочиненія М. Михайлова—'Всесвѣдѣніе' и 'Московскія Вѣдомости'—Александръ Николаевичъ пошелъ въ горы—Дороговизна кухонныхъ снарядовъ—Общій фондъ—Поправка.

МЕЖДУ МОЛНІЕЙ И ГРОМОМЪ.

Штиль! Нервная тишина; тишина ожиданья... тяжелаго, мучительнаго. Кто не знаетъ мгновений, которыя проходятъ между молніей и громомъ—мысль перервана, работа остановилась... иные крестятся, приговаривая "святъ, святъ," другіе внимательно считаютъ, стараясь отгадать близко-ли, далеко-ли гроза.

Мы все это переживаемъ теперь. Молнія сверкнула на Западѣ, удара нѣтъ. Скоро-ли, близко-ли... уже скорѣе разразился-бы!

Атмосфера душная, парить, все припало къ землѣ, только слышно журнальное жужжанье, а вѣстей нѣтъ. Что война въ Польшѣ? какъ течетъ польская кровь, какъ грабятъ русскіе, существуетъ-ли Константинъ Николаевичъ, Велепольскій? все словно исчезло въ ожиданіи.

А какъ это зарница?

30 Апрель.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО.

Друзья юноши,

Великая скорбь и великое упованіе пудятъ меня говорить съ вами.

Надгробнымъ словомъ хочу звать васъ къ усиленному труду на постройку новой жизни. Память Потебни — ничѣмъ лучше не могу почтить. Онъ погибъ ради этой новой жизни, увѣренный, что его смерть послужитъ примѣромъ и завѣтомъ. Я не встрѣчалъ юноши преданіе общему дѣлу, больше отбросившаго всякіе личные интересы и такого безустальнаго въ своей постоянной работѣ—основаго обществу русскихъ офицеровъ и солдатъ, для завоеванія русскому народу земли и воли. Судьба его поставила въ Польшѣ, гдѣ онъ и основалъ комитетъ русскихъ офицеровъ.* Вскорѣ потомъ онъ пріѣзжалъ къ намъ. По желанію его и его друзей мы напечатали адрессъ офицеровъ къ великому князю и адрессъ офицеровъ къ офицерамъ. "Я ѣду," писалъ онъ къ намъ на возвратномъ пути въ Польшу, "а въ ухахъ у меня раздаются: мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся!"...

* Вотъ что А. А. Потебня писалъ 7 Іюня 1862 изъ Варшавы къ А. Герцену: М. Г. Въ своемъ воззваніи къ русскимъ войскамъ въ Польшѣ въ 54 г. вы

Годъ VII.

Но намъ еще разъ суждено было увидѣться.

Пріѣхавши въ Польшу, онъ соединилъ общество русскихъ офицеровъ съ главнымъ обществомъ "Земли и Воли" въ Россіи.

А какъ онъ жилъ въ Польшѣ! Для того, чтобы не быть прикованнымъ къ мѣсту, онъ уже давно оставилъ свой полкъ и долго скитался, являясь то тутъ, то тамъ, гдѣ только требовали обстоятельства, ежеминутно подвергаясь опасности быть узнаннымъ и разстрѣленнымъ.* Онъ глубоко чувствовалъ трудность положенія русскаго въ Польшѣ—весь ужасъ драться противъ своихъ и всю необходимость отпора петербургскому гнету. Онъ глубоко чувствовалъ позоръ, который ляжетъ на имя русское, если въ войскѣ не найдется ни одного свободнаго голоса, ни одного свободнаго подвига, а только палачество да палачество... Но что-же можно было дѣлать? Собрать русскій отрядъ, сначала пристать съ нимъ къ польскому возстанію, и потомъ идти въ Россію подымать народъ за землю и волю и, вѣроятно, погибнуть, заявивъ, что пашлись солдаты и офицеры, которые не хотѣли быть палачами въ Польшѣ, но хотѣли сложить головы, чтобы кликнуть первый кличъ на всю Русь—о слушной порѣ, когда земля русская должна быть отдана безсословно вольному русскому народу.

Потебня собралъ отрядъ...

Несчастный случай разрушилъ его... Но теперь мы не станемъ говорить объ этомъ; много причинъ заставляютъ

писать: "мы скажемъ вамъ что дѣлать когда придетъ часъ"; по нашему крайнему убѣжденію этотъ часъ мишелъ; что можно было сдѣлать—сдѣлано; если вы имѣете вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, вы должны знать также и духъ войска въ Польшѣ; мы на столько сблизились съ патріотами польскими, что во всякомъ случаѣ примемъ прямое участіе въ близкомъ возстаніи Польши, но мы на столько привыкли уважать ваше нѣмъ, что хотѣли бы прежде знать ваше мнѣніе по этому вопросу. Я уже писалъ вамъ разъ по порученію своихъ товарищей; тогда я еще не зналъ что пропаганда будетъ такъ легка и такъ успѣшна; теперь войско, квартирующее въ Варшавѣ, стоитъ на такой ногѣ, что готово драться съ своими, еслибъ они вздумали идти противъ поляковъ. На свое письмо я не получилъ никакого отвѣта; можетъ быть оно не дошло до васъ, можетъ быть вы не нашли нужнымъ отвѣчать на письмо, правда, нѣсколько дикое. Во всякомъ случаѣ отъ имени многихъ офицеровъ обращаюсь еще разъ къ вамъ съ просьбою уведомить насъ о вашемъ мнѣніи о положеніи нашемъ въ Польшѣ.

* ... Я только что возвратился... Я не могу вамъ писать теперь подробно о результатѣ этой побѣды, но вообще онъ оказался лучшимъ, нежели мы могли предполагать. Событія приближаются, работы слишкомъ много у каждого, у меня въ особенности; а между тѣмъ мое положеніе со дня на день становится труднѣе; на мной просто охотятся и не знаю долго-ли можно будетъ скрываться отъ нихъ... (Отрывокъ изъ письма Потебня изъ Варшавы отъ 17 [5] Дек. 1862).

молчать. Вы это поймете, друзья юности! Придет время—мы скажемъ; въ лѣтописяхъ пропуска не останется.

Положеніе становилось невыносимо. Потепня пріѣхалъ къ намъ, чтобы сколько-нибудь одуматься. Черезъ нѣсколько дней онъ опять поѣхалъ въ Польшу, давши намъ слово, во всякомъ случаѣ, сохранить комитетъ русскихъ офицеровъ и его связь съ обществомъ “Земли и Воли.”

Въ Мартѣ мы получили записку, писанную карандашомъ: “Песочная Скала, 3 Марта. Пишу къ вамъ изъ лагеря Лавгевича; я рѣшился остаться здѣсь... Надежды сдѣлать что нибудь—мало; попробуемъ. Вашъ А. П.”

Это была послѣдняя записка. Въ одной изъ схватокъ у Песочной Скалы онъ былъ убитъ. Подробностей намъ не нишутъ.

Друзья юноши! Дайте волю моей личной скорби. Я любилъ его какъ сына. Я чувствовалъ, что онъ погибнетъ за дѣло—*чужое*, по многой розни въ постановкѣ общественныхъ вопросовъ,—но *свое*, потому что оно дѣло свободы; я чувствовалъ, что онъ ѣдетъ на убой, а все-же—съ мыслью, что его уже нѣтъ на свѣтѣ—не могу ужиться. Знаю, что плакать некогда, а слезы душатъ. Гляжу на его портретъ; онъ его прислалъ намъ за нѣсколько дней до битвы. Мы напечатаемъ снимокъ, чтобы вы его знали и помнили, и показывали народу русскому, во искупленіе котораго отъ грѣховъ петербургскаго императорства—онъ сложилъ голову. Гляжу на его дипломъ, который онъ мнѣ оставилъ на память, чувствуя, что уже не вернется.* Да еще два-три письма. Вотъ и все что отъ него осталось...

И гдѣ его трупъ? И долго-ли онъ страдалъ, подстрѣленный русской пулей? И кто, и гдѣ похоронилъ его?

... И то, что онъ сказалъ передъ кончиной
Изъ слушавшихъ его, не появлялся ни единый...

Я знаю, что онъ сказалъ... Онъ сказалъ, что съ радостью отдаетъ свою молодую жизнь за оправданіе имени русскаго, въ надеждѣ, что своей смертью заставить восторжествовать много юношей и идти на завоеваніе народу русскому земли и воли. Только этой мыслью онъ и жилъ, стало онъ съ ней и замеръ.

Друзья! Отслужите по немъ такую панихиду, которая его достойна. Дайте другъ другу слово продолжать его дѣло.

Вы, которые его знали,—не расторгайте своей связи, какъ бы вы ни были разсыпаны по пространству земли русской, сохраните свято офицерской кружокъ, котораго вліяніе должно сдѣлаться *силой* по всему русскому войску. Не разъединяйтесь съ обществомъ “Земли и Воли.” Сплотитесь въ единой крѣпкой союзъ, котораго работа соединила-бы все войско и все крестьянство—въ одно стремленіе, въ одну мысль, въ одно дѣло. Отмстите за его смерть стройнымъ сооруженіемъ русской свободы.

Вы, которые его не знали, которыхъ его смерть разбудитъ изъ дремоты,—примыкайте къ обществу. Не спрашивайте

* Шляссельбургскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Андрей Потепня—за отличное знаніе теоріи и практической части ручнаго огнестрѣльнаго оружія и усердіе къ службѣ въ теченіи курса 1858—1859 года, учебнымъ Совѣтомъ Стрѣлковой Офицерской Школы, на основаніи § 61 Положенія о Школѣ, высочайше утвержденного 1 Сентября 1859 г., удостоенъ свидѣтельства перваго разряда—Декабря, 1, дня 1859 года.

Учебнаго Совѣта Стрѣлковой Офицерской Школы:

Предсѣдатель Полковникъ Ванновской(?)

Члены: Полковникъ Овручевъ,
Капитанъ Гирстфельдъ,
Поручикъ Вельяминовъ-Земновъ.

Привѣтъ дѣлалъ Капитанъ Ташеръ.

сильно оно или не сильно; не говорите, что вы примкнете тогда, когда убѣдитесь, что оно сильно. Покуда вы такъ будете спрашивать, откуда-же взять ему силы? Поймите, что вы, каждый собою, приносите свою силу и что, примыкая, вы создаете силу союза. Если вы будете медлить и сомнѣваться, вы не создадите этой силы и только обречете себя на самопрезрѣніе.

Обстоятельства сложны. Польское дѣло еще не разрѣшилось. Элементы движенія, разсѣянные по Россіи, медленно скопляются въ тучу.

Перейдетъ-ли польское дѣло изъ національнаго въ крестьянское и, съ литовской окраины, какъ дрожжи, зашевелитъ всю Россію? Устанутъ-ли отъ борьбы обоюдно—и Польша, страстной преданностью приносящая свои благородныя жертвы, и петербургское императорство, заклеившее себя изумительной неспособностью? Сведутъ-ли они, при враждебной для обоихъ сторонъ помощи европейскаго Запада, свою развязку на какое-нибудь освобожденіе Польши?... Какъ это знать!

Вѣроятно же всего, что дѣло земли и воли русскаго народа придется готовить еще не одинъ день; что русская дѣятельность еще не на одинъ день обречена на работу терпѣливую, неутомимую, которая гораздо тяжелѣе и требуетъ гораздо больше преданности и труда—чѣмъ просто идти на сраженіе. Умирать всегда больно; умереть въ страстномъ настроеніи битвы—еще самый легкой видъ смерти. По жить въ ностоянномъ трудѣ приготовленія строя на борьбу, никогда не теряя времени и никогда не хватая очертя голову, никогда не уставая, не унывая при неудачѣ, не зазнаваясь и не останавливаясь при успѣхѣ—это задача тяжелая; а *теперь* это *ваша* задача, друзья юноши! Примите ее на себя съ твердостью, проводите ее съ горячимъ сердцемъ и холодной обдуманностью. Съ школьной скамьи начиная, возьмите на себя добіесть быть совершеннолѣтними.

Какъ былъ хорошъ Потепня, въ этой неуспыпной дѣятельности собиранія строя! Условія, въ которыхъ онъ находился, не дали ему выбора; онъ не могъ не идти на преждевременную смерть. Утрата его для дѣла огромна. Спѣшите заступить его мѣсто, вы юноши-офицеры, вы—подобно ему—страдальцы кадетскихъ корпусовъ, которыхъ узкое, тупое, вѣчеловѣчное воспитаніе домучило до пониманія свободы—не оставляйте военной службы. Какъ-бы она ни была тяжела—терпите и идите въ войско создавать ту силу, которая несокрушимо станетъ за землю и волю народную.

Было время, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы говорили офицерамъ, преданнымъ общему дѣлу,—не оставляйте военной службы, на васъ лежитъ обязанность силу палачества превратить въ силу освобожденія. По лучшіе люди не вытерпѣли и вышли въ отставку или перешли въ гражданскую службу. Считаю до 15 тысячъ офицеровъ, оставившихъ войско съ 1855 года. То-ли было бы теперь, еслибъ они оставались на своихъ мѣстахъ? Не повѣряйте этой огромной ошибкѣ.

Что-же они выиграли переходомъ въ гражданскую службу? Еще въ то время мы говорили—оставляйте гражданскую службу, выходите вонъ изъ рядовъ чиновничества. Чиновничество можетъ быть только или правительственнымъ, или немощно. Задача быть чиновникомъ не правительственнымъ, чиновникомъ оппозиционнымъ—задача невозможная. Чиновничество

обречено на уничтоженіе; оно должно быть замѣнено службой общественной, мирской, выборной—а не казенной. Пополюя ряды казеннаго чиновничества—вы только поддерживаете учрежденіе, которое должно вымереть, которое чѣмъ скорѣй вымереть—тѣмъ лучше. Событія оправдали наше мнѣніе. Даже мировыя учрежденія, взявши на себя управительственное распоряженіе соединить двѣ несоединимыя выгоды, втоптались бесплодно въ насильственное составленіе добровольныхъ уставныхъ грамотъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ станутъ оказываться все безсильнѣе, т. е. все бесплоднѣе, или все правительственнѣе, т. е. все гаже.

Вы, которые, на студенческой скамьѣ, не рѣшились избрать какой-нибудь особенной, любимой вами дѣятельности, и равнодушно смотрите на ту или другую карьеру; но неравнодушно смотрите на будущность народа,—ступайте въ военную службу. Новый, свѣжій воздухъ повѣетъ въ войскѣ съ вашимъ приходомъ. Вы примкнете себя къ солдату, вы примкнете войско къ крестьянству—а въ этомъ одна изъ главныхъ задачъ.

Другая задача, не меньше важная, не меньше трудная, не меньше требующая силы и выдержки—это разъясненіе самимъ себѣ общественныхъ условій, цѣлей и потребностей земли русской и разъясненіе ихъ самому народу.

Да въ этомъ-то опять и повторяется приложеніе все той-же вѣчной истины экономической науки: “совокупность постановки и раздѣленіе труда.” Для этого-то и нужно общество, для этого и нужны люди, которые, сохраняя совокупность постановки, развѣтвлялись-бы на мыслящихъ и дѣйствующихъ, пишущихъ и проповѣдующихъ, военныхъ и ходящихъ. Для этого-то и не нужно спрашивать—“довольно-ли сильно общество”—а примыкать, чтобы сдѣлать его *страшно сильнымъ*, и каждому брать на себя то дѣло, которое сподручно.

Друзья юноши! Вы найдете въ себѣ силу роста тѣмъ легче, что обстоятельства съ каждымъ днемъ уясняются и, что вамъ уже теперь видно—гдѣ людей искать нечего и, слѣдственно гдѣ людей искать надо.

Дѣло русской свободы шло своимъ окольнымъ путемъ, который не худо припомнить, чтобы хорошенько осмотрѣться. Въ 25-мъ году за него стояли дворяне, богатые дворяне изъ знатныхъ семей, больше или меньше смутно, больше или меньше ясно понимая, что цѣль ихъ перестать быть дворянами. Въ то время только *они* думали, *они* говорили, *они* писали, *они* служили въ войскѣ, *они* подымали войско, *они* мечтали въ гражданской службѣ выжить правительственныхъ злодѣевъ путемъ легальности. *Они* возстали противъ самодержавія и, заявивъ первую мысль политической свободы, мученически сошли съ поприща; ихъ сословіе, продолжало цаловать руку подписавшую ихъ приговоръ; народъ остался къ ихъ дѣлу равнодушнымъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ явились другіе страдальцы, тоже изъ дворянъ. Это уже были люди не изъ знатнаго, а скорѣе изъ средняго дворянства; даже одинъ мѣщанинъ примкнулъ къ нимъ. Они оставили въ сторонѣ политическую свободу, или едва коснулись до нея; ихъ самоотрѣченіе шло дальше, они отрѣкались не только отъ своего сословія, но отрѣкались отъ *помѣщичества*; ихъ трудъ шелъ на разработку социальнихъ теорій Запада. Они прошли незамѣченные своимъ сословіемъ и неузнанные народомъ.

Тѣмъ не меньше—и дѣло Декабристовъ, и дѣло общества Петрашевскаго имѣли свое огромное значеніе, свое неистребимое вліяніе. И то и другое выражало *степень* русской мысли, и то и другое оставалось *завѣтомъ* для преемниковъ. Въ кучкѣ людей, составлявшихъ тайныя общества и создававшихъ литературу, Россія почти втихомолку, сама не зная гдѣ и какъ, сжато, мгновенно переживала всѣ развитія европейской мысли и приходила къ сознанію ея недостаточности или неприложимости. Дѣло политической свободы стало *завѣтомъ* для всѣхъ поколѣній, слѣдовавшихъ за декабристами; но мысль о недостаточности формальной равноправности и законности, недостаточности конституционныхъ формъ, основанныхъ на сословности и цензѣ, безъ дѣйствительнаго самоуправленія всѣхъ, вытекающаго изъ иного понятія отношеній къ собственности—проникла и росла въ общемъ сознаніи. Необходимость социальнаго основанія для преобразованія Россіи стала *завѣтомъ* съ сороковыхъ годовъ; но неприложимость социальнихъ теорій выдуманныхъ—приводитъ опять къ разработкѣ понятій о собственности и самоуправленіи, вытекающихъ изъ самихъ условій народной жизни. Въ обоихъ случаяхъ дворянство заявляло необходимость безсословности, отрѣкалось отъ самаго себя, и заявивъ это самоотрѣченіе своими лучшими людьми—оставило касту догнивать, цѣпляясь вмѣстѣ съ правительствомъ, за какую-то постепенность смутныхъ и неполныхъ преобразованій. Служа правительству орудіемъ власти, чиновничествомъ, каста естественно вмѣстѣ съ правительствомъ чувствуетъ, что у нихъ земля изъ подъ ногъ уходитъ и невольно старается корыстную попытку самохраненія облагородить неопредѣленнымъ именемъ постепенности. Последнія происшествія на дворянскихъ собраніяхъ, закидывающихъ черными шарами всякую мало-мальски живую мысль, ясно доказываютъ, что дворянство покончило всякую инициативу въ жизни. Оно ее покончило и въ литературѣ, не говорю уже объ *отцахъ*, но большое число изъ его *дѣтей* (юношей, къ которымъ не обращается наше слово)—ударилась въ чувство сохраненія помѣщичьихъ правъ, безсознательно-своекорыстно пошли по слѣдамъ подкупныхъ газетчиковъ, профессоровъ—вѣющихъ гнилую паутинку своихъ высокомерно-крошечныхъ идеекъ, экс-профессоровъ—когда-то простодушныхъ, а потомъ озлобленныхъ, видя что здоровая молодежь не можетъ сочувствовать ихъ золотушной мысли. Съ слабыми отгѣнками—эти *дѣти*, когда у нихъ не хватаетъ духу просто пристать къ литературѣ безсестной, или къ доктринерскому изувѣрству выдаваемому за науку,—порождаютъ въ литературѣ направленіе, похожее на плесканіе въ мутной лужѣ, гдѣ ни до чего яснаго, ни до какого опредѣленнаго понятія не доберешься. Живая мысль отъ нихъ отлетѣла.

Тутъ вамъ людей искать нечего; довольно счестся своими въ томъ маломъ меньшинствѣ изъ нихъ, которое сохранило оба *завѣта*: отрѣченіе отъ дворянства и отрѣченіе отъ помѣщичества. Счетъ будетъ не труденъ.

Но между тѣмъ какъ отцы и дѣти касты (за исключеніемъ вагяднаго меньшинства) уходили въ смерть, возникала и росла другая молодежь, которой нечего отрѣкаться отъ дворянства и помѣщичества,—образованная молодежь *разночинцевъ*. Изъ духоты семинарій, изъ подъ гнета духовныхъ академій, изъ бездомнаго чиновничества, изъ удрученнаго мѣщанства—она вырвалась къ жизни и взяла инициативу въ литературѣ. Этой молодежью, Россія совершаетъ свое

отрѣченіе отъ буржуазіи; скомканно, сжато, мгновенно переживаетъ и отрицаетъ всякую буржуазную сословность и опять таки приходитъ къ понятію дѣйствительной безсословности, къ безсословности не по имени, а по общественному отношенію къ собственности, къ безсословности не формально-юридической, но экономической. Отрекаясь, отнюдь не отъ науки, но отрицая дворянство и отрекаясь отъ буржуазіи,—она изъ города и помѣщичьей усадьбы уходитъ на село, примыкаетъ къ крестьянству, идетъ въ народъ. Она должна собрать себя въ общество; она должна умножить, вырастить это общество въ силу, пополняя свои ряды людьми изъ такъ называемаго низшаго слоя—солдатами, дворовыми, мужиками.

Вотъ гдѣ вамъ людей искать—надо.

Недавній приговоръ Сената, осудившій, по одному дѣлу пропаганды, двухъ медицинскихъ студентовъ вмѣстѣ съ троими крестьянами—доказываетъ, что пора этого союза пришла.

Ваша дѣятельность очерчивается сама собою.

Выходя изъ потребности добыть, съ народомъ и для народа, землю и волю—вы необходимо должны поставить себѣ цѣлью созваніе земства для самоустройства; на вашемъ знамени долженъ быть написанъ Земскій Соборъ. Безъ опредѣленной цѣли нельзя ни ясно понимать, ни ясно проповѣдывать, ни собрать людей на одно дѣло.

Вашъ теоретическій, литературный трудъ долженъ сосредоточить свои силы въ одну цѣль, чтобъ не расплыться въ вопросахъ до того общихъ, что уходить въ безконечность. Вамъ предстоитъ разработка тѣхъ вопросовъ, которыхъ рѣшеніе подлежитъ земскому собору. Трудъ огромный, но опредѣленный. Свобода вѣры и проповѣди, свобода науки, свобода и повсемѣстность преподаванія; условія поземельнаго владѣнія въ Россіи, ихъ статистическій разборъ, повѣрка народнаго взгляда на землевладѣніе и отсюда вытекающія послѣдствія; значеніе селъ и ихъ внутреннее хозяйственное устройство; ихъ естественное управленіе; организація суда; отношеніе мѣстныхъ потребностей къ областнымъ и къ постановкѣ общей земской жизни; устройство областныхъ думъ и общаго собора; способъ выборовъ; способъ взиманія податей на областныя и общія нужды; сельскія банки и ихъ соединеніе въ общее кредитное учрежденіе и пр. и пр. Работы много, времени мало. Страстность настроенія развивается быстро; спѣшите разработать то, что нужно; спѣшите работать, чтобъ пониманіе не отставало позади отъ движенія, по стройно росло вмѣстѣ.

Вашъ практическій трудъ долженъ сосредоточить свои силы въ одну цѣль, чтобъ не расплыться въ безплодномъ броженіи, въ революціи ради революціи, чтобъ не перейти въ праздную революціонную фразу, которая такъ пусто-звонно раздражаетъ слухъ на ненужныхъ сборищахъ людей, которые не знаютъ откуда и куда идутъ. Поставивъ на своемъ знамени Земскій Соборъ, вы практически опредѣлите цѣль, на которую люди пойдутъ, потому что она имъ видна. Правительство едва, и то со страху, приближается къ точкѣ зрѣнія Сперанскаго, которая не можетъ удовлетворить потребностямъ земства. Конституція можетъ быть дана, но Земскій Соборъ долженъ быть взятъ. Вы пойдете къ цѣли, не отдыхая ни у какого бархатнаго порога.

Ваша дѣятельность очерчивается сама собою: Ясное географическое распредѣленіе своихъ центровъ, совпадающее съ мѣстными условіями жизни; выборъ руководителей, какъ

можно болѣе сознательный, при совершенномъ устраненіи всякой игры мелкихъ самолюбецъ и завистей; устная и печатная проповѣдь о земскомъ соборѣ и вопросахъ, которые на немъ должны быть поставлены и рѣшены; проповѣдь обращенная къ неученымъ, но способнымъ здраво мыслить, а не споръ съ заучившимися до утраты здраваго смысла; проповѣдь, обращенная къ отрекающимся отъ помѣщичества и сословности и къ тѣмъ, которые по своему положенію ни къ тому, ни къ другому непричастны, а не праздный споръ съ тѣми, которые и въ томъ и въ другомъ закоренѣли; приращеніе общества людьми изъ народа. Когда ваше число и ваши требованія выростутъ въ войскѣ и крестьянствѣ, тогда, значить, настало время громогласнаго, дѣйствительнаго созыванія земства.

Но будьте страшно искренни съ самими съ собою и не представляйте себѣ своихъ силъ, въ какую бы то ни было минуту, сильнѣе, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ. Лучше лишній годъ употребить на приготовительную работу, чѣмъ обрушиться въ немогущую попытку. Искренно счестся во время своими силами—требуетъ великаго самообузданія, самообладанія, дѣйствительнаго практическаго смысла и дѣйствительной преданности, не своему хотѣнью, а дѣлу. Помните, что приготовительная работа—это ростъ въ силу; рядомъ съ нимъ идетъ соотвѣтственное приращеніе врага до безсилія. Слѣдственно, на этой работѣ и этомъ ростѣ основано возможное устраненіе кровавыхъ дѣлъ и превращеніе возстанія въ стройную организацію снизу, въ самоустройство, изъ народа растущее.

Опредѣленная цѣль, самообладаніе, искренность съ самими собою, трудъ неутомимый и знающій что время дорого, вотъ что вы должны взять на себя, юноши—гопмые и оклеветанные, по чистые и преданные.....

Горькая мысль мелькнула у меня: ну! если кто-нибудь изъ васъ скажетъ—“по какому праву ты намъ даешь совѣты, ты, безопасно стоящій на томъ берегу? Мы и безъ тебя знаемъ что дѣлать”.....

Нѣтъ! Это скажутъ развѣ тѣ, которые не съ вами, а противъ васъ. Вы этого не скажете.

Мой совѣтъ—мое убѣжденіе.

Я говорю съ вами по праву—

По праву искренней преданности общему дѣлу.

По праву глубокой любви къ вамъ.

По праву свѣтлой надежды на васъ.

По тому праву, по которому, при вѣсти объ убитомъ Потебнѣ, мое первое движеніе сказать *вамъ*, друзья юноши—дайте ваши руки! Да раздѣлите же вы мою скорбь, потому что у насъ и скорбь общая, и соединимтесь въ одно упованіе, на одну работу—и, когда придетъ время,—вмѣстѣ поидемте черезъ всѣ опасности на торжество вольнаго, землевладѣющаго русскаго народа.

Н. Огаревъ.

ПОДПОЛКОВНИКЪ КРАСОВСКІЙ.

Опредѣленіе генералъ-аудиторіата.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала собственноручная е. и. в. конфирмація :

Генералъ - аудиторіатъ разсмотрѣвъ военно-судное дѣло о подполковникѣ александрійскаго гусарскаго е. и. в. великаго князя Николая Н. старшаго

“Подполковнику Красовскому замкнуть смертную казнь политическою смертию, съ исполненіемъ надѣлимъ обряда, въ семъ случаѣ въ законахъ установленнаго и за тѣмъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ, на 12 лѣтъ.”

Гатчина, 11 Октября, 1862.

Онъ состоялъ прикомандированнымъ къ кадетскому корпусу въ м. Корсунь Киевской губерніи, Каневского уѣзда, одѣвался въ крестьянскую одежду и ходя въ ней, входилъ въ близкое сношеніе съ крестьянами. Вслѣдствіе сего, онъ былъ востребованъ въ Киевъ и подвергнутъ секретному полицейскому надзору. Послѣ того, оставаясь въ Киевѣ и узнавъ, что находившійся тогда въ лагерѣ близъ Киева, 4-ой резервной баталіонъ Житомирскаго пѣхотнаго полка, назначенъ къ выступленію въ м. Богуславъ, Каневского уѣзда, для усмиренія крестьянъ, рѣшился возбудить нижнихъ чиновъ этого баталіона къ неповиновенію, для чего сочинилъ воззваніе къ нимъ, въ которомъ, превратно толкуя объ обязанности солдатъ и осуждая дѣйствія правительства, внушалъ солдатамъ, что ихъ посылаютъ быть палачами того народа, къ которому сами они принадлежатъ и между которыми находятся ихъ отцы, матери, братья и сестры, что имъ прикажутъ сѣчь и разстрѣливать ихъ начальники, въ угожденіе тѣмъ чиновникамъ и помѣщикамъ, которые такъ грабятъ и раззоряютъ несчастнаго мужика и солдаты будутъ угождать тѣмъ людямъ, которыхъ сами терпѣть не могутъ; что не пойти одному, двумъ, тремъ—мудрено—а не пойти всѣмъ очень легко; со всѣхъ взыскать не посмѣютъ; что приказъ сѣчь и стрѣлять крестьянъ за то, что хотятъ земли и воли, хотя-бы былъ и царя—есть приказъ окаянный и его исполнять не слѣдуетъ; въ противномъ случаѣ угрожалъ имъ наказаніемъ Божиимъ, проклятіемъ отцовъ, матерей и всего народа, какъ проклиняются войны, побивавшіе по приказанію царя Ирода младенцевъ, и войны, распивавшіе Спасителя по приказанію Пилата. Это воззваніе за нѣсколько дней передъ выступленіемъ баталіона изъ лагеря, 17 Іюня, Красовскій разбросалъ во многихъ экземплярахъ около лагеря, ходя въ малороссійской одеждѣ. Но одинъ изъ офицеровъ сего баталіона квартирмейстеръ *Караиловъ*, знавшій лично Красовскаго, замѣтилъ его и видѣлъ какъ имъ былъ брошенъ одинъ экземпляръ воззванія, о чемъ тогда-же и объявилъ дежурному по баталіону офицеру, а Красовскій между тѣмъ успѣлъ скрыться. Въ то же время сдѣлано было розысканіе въ лагерѣ и найдено еще 5 экземпляровъ воззванія.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ командира баталіона, по распоряженію исправлявшаго тогда должность Киевскаго военнаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Гессе, сдѣланъ былъ обыскъ въ квартирѣ подполковника Красовскаго, и у него оказалась малороссійская одежда, въ которой онъ проходилъ близъ лагеря, подбрасывая воззваніе. Въ то же время Красовскій самъ сознался въ этомъ преступленіи, что подтвердилъ при слѣдствіи, и въ судѣ, объяснилъ, что самъ сочинилъ воззваніе, переписалъ оное въ шести экземплярахъ и самъ подбросилъ къ солдатамъ въ лагерѣ, не имѣя никакого сообщника.

Въ доказательство того, что найденные экземпляры воззванія были переписаны самимъ имъ, онъ написалъ нѣсколько

полка Красовскомъ—находить, что подсудимый Красовскій, сужденный по полевымъ уголовнымъ законамъ, за возбужденіе солдатъ къ неповиновенію, первоначально навлекъ на себя подозрѣніе въ намѣреніи облизаться съ крестьянами для внушенія имъ вредныхъ мыслей, потому, что лѣтомъ настоящаго года, выѣхалъ изъ Киева, гдѣ

образцовъ въ присутствіи слѣдственной комиссіи, съ которыми, по сличенію, совершенно оказались сходными въ почеркѣ подброшенные экземпляры воззванія.

Но цѣли возбужденія солдатъ къ неповиновенію Красовскій при слѣдствіи не открылъ, отзываясь, что можетъ объявить объ этомъ только лично е. и. в.; а въ военномъ судѣ утверждалъ, что причины побудившія его написать воззваніе, составляютъ его тайну, выразилъ однакожь, что дѣло это, которое правительство считаетъ преступнымъ, онъ почитаетъ честнымъ и благороднымъ, и что причиною, побудившею его къ тому, было негодованіе его на унижительную роль, какую въ глазахъ его играетъ то войско, принадлежностью къ которому онъ нѣкогда гордился; съ того времени, какъ офицеры и солдаты будучи выѣшаны въ дѣло освобожденія крестьянъ, служатъ правительству противъ народа, живою понудительною мѣрою, и потому онъ съ людьми играющими эту роль, не желалъ имѣть никакой солидарности, и рѣшился лучше пострадать нежели показать, что онъ принадлежитъ къ нимъ.

Въ отобранныхъ у Красовскаго при обыскѣ бумагахъ ничего, относящагося прямо къ этому его преступленію не найдено, но оказалось много запрещенныхъ, возмутительныхъ и пасквильныхъ стиховъ и другихъ сочиненій, которыя по объясненію его, были списаны имъ или съ брошюръ заграничнаго изданія, или съ рукописей лицъ неизвѣстныхъ, или уже умершихъ, безъ всякой цѣли, а нѣкоторыя и самимъ имъ были сочинены. Этихъ сочиненій онъ, какъ отозвался, никому не передавалъ, по нѣкоторыя изъ нихъ намѣревался передать своему сыну, когда бы онъ былъ въ состояніи понимать, считая это священнѣйшею обязанностью какъ гражданина, такъ и отца.

По окончаніи дѣла въ военномъ судѣ, когда подсудимому уже былъ объявленъ приговоръ, онъ на другой день, 12 Августа, при осмотрѣ помѣщенія его, вторымъ Киевскимъ комендантомъ генералъ-маіоромъ *Левковичемъ*, представилъ ему выпутую тогда-же изъ подъ подкладки бывшаго у него пальто, записку отъ имени солдатъ 4-го резервнаго баталіона житомирскаго пѣхотнаго полка, въ которой выражено сочувствіе ихъ къ нему, какъ къ честному и благородному страдальцу, при томъ сказано, что у нихъ осталось 4 экземпляра его воззванія, которое они выучили наизусть и передали кому слѣдуетъ, и что между ними еще мало такихъ, которые его понимаютъ, но скоро будетъ больше и наконецъ всѣ.

По объясненію Красовскаго, означенная записка съ привязаннымъ къ ней небольшимъ камешкомъ, была брошена къ нему неизвѣстно кѣмъ въ послѣднихъ числахъ Іюня или въ первыхъ Іюля въ растворенную форточку окна; но онъ не рѣшился ее представить тогда, потому что не считалъ честнымъ и благороднымъ обнаружить такихъ людей, признательность которыхъ цѣпять выше всѣхъ самыхъ близкихъ ему, и онъ не перестанетъ гордиться во всю жизнь свою, и записку намѣревался передать въ семейство свое. Впрочемъ Красовскій отозвался незнакоміемъ кто эти его приверженцы, объяснивъ, что изъ солдатъ упомянутого баталіона никого не знаетъ, но подтвердилъ, что имъ дѣйствительно подброшено было къ солдатамъ въ лагерь не 6, а 10 экземпляровъ воззванія, и что онъ прежде скрывалъ это съ цѣлю, чтобы тѣмъ отклонить слѣдственную комиссію отъ розысканія остальныхъ неотысканныхъ экземпляровъ до выступленія баталіона изъ лагеря.

По произведенному изслѣдованію не обнаружено кѣмъ была писана подброшенная къ Красовскому означенная записка, по удостовѣренію-же начальника штаба резервовъ армейской пѣхоты (Ковалевскаго) въ 4-мъ резервномъ баталіонѣ Житомирскаго полка духъ весьма хорошій и предводитель дворянства *очень доволенъ поведеніемъ* нижнихъ чиновъ.

По симъ обстоятельствамъ генераль-аудиторіатъ находитъ подполковника Красовскаго виновнымъ въ имѣннѣйшѣй запискѣ возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій, въ распространеніи которыхъ онъ хотя не участъ, но самъ объяснилъ, что намѣревался нѣкоторые изъ нихъ передать своему сыну по достиженіи имъ надлежащаго возраста; въ оужденіи правительственныхъ мѣръ въ отношеніи усмиренія неповиновущихся крестьянъ военною силою и въ покушеніи возбудить нижнихъ чиновъ 4 резервнаго баталіона житомирскаго пѣхотнаго полка къ неповиновенію при назначеніи ихъ для усмиренія крестьянъ чрезъ подбрасываніе къ нимъ возмутительнаго воззванія, въ чемъ не только не изъяснилъ во время слѣдствія и суда никакого раскаянія, но считалъ такіе преступныя свои дѣйствія честными и благородными, скрывая и дѣйствительное число подброшенныхъ имъ экземпляровъ того воззванія, съ цѣлю, какъ самъ впоследствии объяснилъ, отклонить слѣдственную комиссію отъ розысканія неотысканныхъ экземпляровъ. По этому генераль-аудиторіатъ полагаетъ подсудимаго подполковника Андрея Красовскаго за означенныя преступленія на основаніи 600 и 601 ст., I кв. Воен. Угол. Уст. лишить чиновъ, медали въ память войны 1853—1856 и всѣхъ правъ состоянія, *казнить смертію—разстрѣляніемъ.**

Вотъ воззваніе Красовскаго :

Житомирцы !

Полкъ вашъ молодецки дрался во всѣхъ кампаніяхъ, по еще ни разу не поднималъ руки на своихъ, не отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ безоружныхъ крестьянъ, своихъ-же русскихъ. Для этого теперь-же выводятъ васъ изъ Кіева раньше времени.

Помните-же друзья, что русскій солдатъ защитникъ своей родины, а не цѣпной Барбось, котораго спускаютъ безъ разбора на звѣрей и на человѣка, не бѣшеная собака, одинаково кусающая какъ своего, такъ и чужаго. Послѣ войны, народъ встрѣтилъ какъ друзей и избавителей тѣхъ изъ васъ, которые остались въ живыхъ, а по убитымъ молятся въ церквахъ и понынѣ.

Теперь-же велятъ вамъ быть не друзьями, не спасителями, а палачами того народа, къ которому вы сами принадлежите, между которыми находятся ваши отцы и братья, сестры и матери. Вамъ прикажутъ сѣчь и разстрѣливать ихъ ваши начальники, въ угожденіе тѣмъ чиновникамъ и помѣщикамъ, которые такъ грабятъ и разоряютъ несчастнаго мужика, и вы будете угождать тѣмъ людямъ, которыхъ и сами вы терпѣть не можете. Гдѣ-же тутъ правда?

Отцы и матери молились за васъ и благословляли васъ во время войны,—теперь-же васъ можетъ ожидать ихъ проклятіе, и постыдное названіе палачей своего народа можетъ вамъ остаться на всю жизнь.

Не пойти одному, двумъ, тремъ противъ своихъ по приказу командира—мудрено, съ немногихъ легко взыщутъ; а не пойти всѣмъ очень легко; со всѣхъ то и взыскать не

* Конfirmaція государя послѣдовала 11 Октября (1862). Исполнена высочайшая конfirmaція передъ войсками кіевскаго гарнизона 26 Октября (1862).

посмѣютъ. Приказъ сѣчь своихъ и стрѣлять по нимъ, за то, что они хотятъ земли и воли, будь онъ и самого паря приказъ—все-же онъ приказъ окаянный. Исполнять его ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. За это и богъ накажетъ и свои близкіе люди проклянутъ.

Сто разъ легче умереть такъ какъ ваши товарищи въ Крыму, чѣмъ жить палачемъ отца и матери, сестры и брата; палачами родной земли русской.

Воины, избивавшіе младенцевъ по приказу царя Ирода, воины, распивавшіе и мучившіе Христа по приказу Пилата, они и начальству своему угодили и присягу соблюли; но народъ и сама церковь святая имъ этого и до сихъ поръ не прощаютъ. Тоже будетъ и съ вами, если исполните окаянный приказъ.

Поведутъ васъ—идите, но почните до парода и пальцемъ не дотрогивайся. Кровь его (говорить слово божіе) падетъ на васъ и на дѣтей вашихъ. Аминь.

17 Іюня 1862 года.

Солдаты Житомирскаго Резервнаго Баталліона

Господину Подполковнику и Кавалеру Красовскому.

Ваше высокоблагородіе! Мерзавцы и подлецы, недостойные благороднаго названія, выдали васъ, но у васъ не все такіе, чтобы васъ не разумѣли; но крайности сами вы мзволите видѣть, что четырехъ изъ вашихъ писемъ не доискались* они у васъ, мы ихъ на память заучили и въ другіе полки, кому слѣдуетъ передали. Спасибо вамъ, честный, благородный страдалецъ, за вашу любовь къ бѣдному солдату и его брату, бѣдному мужику. Такіе офицеры, особливо полковники—рѣдкость. Эхъ! ваше высокоблагородіе, кабы вы изволили быть нашимъ начальникомъ, куды мы за вами ни попли-бы! Кабы солдатомъ у васъ въ баталіонѣ очутились, не то бы вашу аммуницію,—самыхъ бы васъ на рукахъ носили. Честь и слава честному и славному страдальцу, подполковнику малороссійскому!

Насъ, изволите сами видѣть, ваше высокоблагородіе, нынче мало такихъ, что васъ настоящее разумѣютъ; завтра будетъ больше половины, а тамъ и все. Наши малороссійцы вами гордятся и васъ русскіхъ дразнятъ: «такихъ, каже, у васъ капаповъ нема». Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе; мы за васъ будемъ Бога молить, чтобы Господь милосердный помогъ дѣло кончить.

Покорно благодаримъ, ваше высокоблагородіе, что и насъ крестьянъ разумнымъ словомъ не оставили.

Житомирцы.

опасность имѣть домъ въ Петербургѣ.—дѣло Зейферта.

Въ Петербургѣ имѣетъ домъ поручикъ измайловскаго полка *Зейфертъ*; въ домѣ этомъ жила пѣкты Витгенштейнъ, особа находящаяся подъ покровительствомъ ген.-губ. Суворова. Она желала выѣхать изъ дома Зейферта, не покончивъ съ нимъ какихъ-то счетовъ. Не надѣясь склонить Зейферта, родственникъ Мте Витгенштейнъ (тоже Витгенштейнъ) обратился къ правителю канцеляріи оберъ-полковника ген. Харламову. Этотъ послѣдній приказалъ приставу оказать Мте Витгенштейнъ содѣйствіе къ выѣзду изъ квартиры. Приставъ передалъ это приказаніе надзирателю. Надзиратель (*Щербаковъ или Черкасцовъ* не припомнить корреспондентъ)

* Красовскимъ было подброшено 10 писемъ-воззваній, изъ которыхъ 4 скрыты.

взявъ челоѣкъ 5 городскихъ, стправился къ дому Зейферта, котораго нашель прогуливающимся у подъѣзда.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Прогуливаюсь.

— Кто же такъ прогуливается, гуляющіе обыкновенно дѣлають длинный конецъ, а вы все топчетесь у одного дома. Эдакъ могутъ подумать богъ знаетъ что! Вы знаете какое теперь время; на васъ обращаютъ вниманіе. Я вамъ совѣтую уйти.

— Благодарю; по совѣтовъ не спрашиваю.

— Такъ я вамъ приказываю, а если не исполните приказаніе, то могу принудить.

— Попробуйте.

— Эй! городовые. Уйдите г. Зейфертъ!

— Подите сами.

— А... когда такъ—связать его!

— Меня?... съ этимъ вмѣстѣ Зейфертъ выхватилъ саблю и ударилъ квартальнаго по знолету; городовые окружили бунтовщика, связали ему назадъ руки веревкой и повели по улицамъ Петербурга, въ морскую, къ оберъ-полицмейстеру Анненкову. Представъ предъ него, связанный Зейфертъ сказалъ: Генералъ, вы видите во-первыхъ кто я? велите меня развязать?—“Развяжутъ когда будетъ нужно, а теперь сведите его во 2-ю часть”. И повели Зейферта тѣмъ-же порядкомъ въ часть.

Пазпачили слѣдствіе, потребовали депутата отъ полка, Зейферта перевели въ ордоансъ-гаузъ. Дѣло однако вышло до того скверное, что Анненковъ хотѣлъ сдѣлать *бунтовщика сумашедшимъ*; по докторъ 2-го воен. сухоп. госпиталя далъ отзывъ, что онъ не сумашедшій, но что субъектъ чрезвычайно первый и что первая система его до того возбуждена, что онъ можетъ впасть въ опасное бѣшенство.

Офицеры полка, въ родѣ повальнаго обыска, дали о подсудимомъ отзывъ: что личность Зейферта вполне благородная, но что онъ какъ первый челоѣкъ, чрезвычайно возмущался всякою несправедливостію. Не любимъ начальствомъ за то, что не терпя никакой несправедливости, за всякаго, даже неблизкаго товарища ходилъ объясняться.

Тѣмъ не менѣе Зейфертъ съ начала *Ноября 1862 г.* и по *нынѣ* сидитъ въ ордоансъ-гаузѣ.*

Деять-десятихъ Петербурга не знаетъ объ этомъ событіи и впервые узнаетъ изъ вашихъ листковъ.

А ргоровъ къ блюстителямъ порядка, намъ рассказывали вотъ какой случай, свидѣтельствующій о степени безопасности нашей сѣверной столицы. Спускъ на Неву, съ петербургской отъ Спасителя, разъ пять ломался зимою. По этому часто запрещался вѣздъ. Въ одинъ изъ такихъ случаевъ, купецъ Л. Громовъ въ 11½ часовъ ночи доѣхавъ до гагаринскихъ мостковъ, отпустилъ извозника и отправился черезъ мостки пѣшкомъ. Только что онъ перешелъ черезъ Неву, какъ три челоѣка накинули ему на голову какую-то одежду, избили и вынули изъ кармана бумажникъ съ деньгами и бумагами; стоявшіе-же въ 5 шагахъ два городскихъ не только не остановили грабежа, но и не двинулись съ мѣста. Этотъ случай рѣшительно остался безгласнымъ.

С М Ъ С Ъ

— *Петербургскій Голосъ и балтійская болтовня о центральномъ комитетѣ.*—“Голосъ” выписываетъ изъ *Ostsee*

* Мы поздравляемъ г. Зейферта, онъ ордоансъ-гаузомъ спасся отъ незавидныхъ лавровъ, которые его товарищи поднимають въ Польшѣ. Изд.

Zeitung слѣдующее: “Тайна, которою были покрыты имена членовъ *центрального, революціоннаго комитета*, начинаетъ мало по малу обнажаться, и при этомъ обнаруживаются имена молодыхъ людей, до такой степени не замѣчательныхъ, что даже въ *Польшѣ* едва-ли они многимъ известны. До 26 Февраля [10 Марта] председателемъ комитета былъ инженеръ варшавско-вѣнской желѣзной дороги Марчевскій. Схваченный въ этотъ день въ Варшавѣ, онъ по настоящее время заключенъ въ тамошнюю цитадель, *идъ ему предстоитъ получить заслуженное возмездіе за свой поступокъ*. Между членами комитета находятся: Бобровскій, Леско и Данилевскій—все молодые люди, отъ 20-ти до 24-хъ лѣтъ, которые приняли на себя временное управленіе Польшею, еще сидя на школьныхъ скамейкахъ (!). Молодость и темныя имена членовъ революціоннаго комитета и составляютъ причину, почему, не смотря на всѣ мѣры стѣсненія, имъ удалось, до настоящаго времени, сохранить анонимность общества.”

Остзейскій газетчикъ думаетъ, что великіе люди, какъ великіе князья, должны родиться съ андреевской лентой черезъ плечо и съ офицерскимъ дипломомъ въ карманѣ. Я съ своей стороны тоже думаю. Съ какой стати молодымъ людямъ соваться въ историческіе дѣятели, на эдакія должности надобно, чтобъ опредѣляло начальство людей пожилыхъ, чиновныхъ; а это такъ молокососы, самозванцы. Всего смѣшнѣе, что *неизвестныхъ людей* хотять дѣлать историческими людьми, это *contradictio in adjecto*. Бывали такіе безпорядки и прежде, но за то, таковыя историческія личности и вышли, Кромвель на пр. даже инженеромъ не былъ на желѣзной дорогѣ, а просто былъ пивоваръ; за то кромѣ дебоша въ англійской традиціи ничего не сдѣлалъ.

Впрочемъ какого-же порядку ждать отъ возмутителей.

Гораздо страшнѣе то, что открывши кто члены зловерднаго комитета, тѣхъ-же журналистовъ ждетъ еще открытіе—именно то, что *члены-то другие*, если не всѣ, такъ à peu près. Вотъ сюрпризъ-то будетъ!

— *Прокламація.*—“Инвадъ” съ большою важностію разбираетъ прокламацію ‘предводителей инсургентовъ,’ напечатанную въ ‘Daily News’, называя ее “замѣчательнымъ документомъ”. Можетъ эта диссертація и замѣчательна, но не документъ. Кто эти предводители? Какіе предводители имѣютъ теперь довольно досуга, чтобъ писать цѣлыя брошюры. Мало-ли кто что пишетъ въ сграпѣ гдѣ цензура и не одобряетъ и не дозволяетъ. І. Цверцякевичъ, уполномоченный делегатъ польскаго правительства въ Лондонѣ, давно покопчилъ “съ замѣчательнымъ документомъ.”

— *Къ свободѣ книгопечатанія въ Россіи.*—Для поясненія различія сдѣланнаго нами выше между одобреніемъ и дозволеніемъ, перепечатываемъ изъ *С. Пч.* слѣдующее замѣчательное улучшеніе цензуры, которымъ Россія обязана собственномъ е. и. в. инициативѣ: “Государь императоръ, имѣя въ виду, что выраженію “*одобрено цензурою*” весьма часто придаютъ положительное значеніе, и предполагають, что цензура признаетъ этимъ за статьями тѣ или другія достоинства, тогда какъ въ сущности выраженіе это должно имѣть только отрицательный характеръ, и удостовѣрять, что статья или книга не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, въ 1-й день Марта сего года, высочайше повелѣтъ соизвоилъ означить впредъ цензурное одобреніе выраженіемъ “*дозволено цензурою, число, мѣсяцъ, годъ и мѣсто.*”

— *Военное тиранство.*—Русскія газеты подтверждают о томъ, что *Ольшескій и Морицъ* разстрѣляны.

— *Свѣтское тиранство.*—83 Но. Сѣв. Пч. послѣ адреса Петербургскаго дворянства, и рѣчей князя Суворова и Скарятина, помѣщаетъ снова подъ ироническимъ заглавіемъ *Взысканіе*, слѣдующее:

“Дворяне *Феликсъ Томашевичъ* и *Матвій Петровскій*, по произведенному надъ ними, по полевымъ уголовнымъ законамъ, военному суду, оказались виновными въ распространѣніи возмутительной брошюры, подъ названіемъ *Мужицкая Правда*. Виленскій военный, гродненскій, ковенскій и минскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *Назимовъ*, конфирмаціею своею, уже обращенною къ исполненію, опредѣлилъ: дворянъ *Петровскаго* и *Томашевича* лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ: перваго на шесть лѣтъ, а послѣдняго на четыре года. Конфирмація эта, 22 Февраля сего года, доложена государю”.

Нѣсколько дней спустя мы прочли въ Сѣв. Пч. слѣдующее объясненіе о “*Мужицкой Правдѣ*”, которая превращается уже въ *летучіе листки*:

“Нужно знать, что литовское крестьянство, которое польскіе агитаторы всячески старались склонить на свою сторону, стало въ послѣднее время колебаться, уступая фанатическому краснорѣчію ксендзовъ и агентовъ центрального комитета, пустившаго корни, какъ видно, и на литовской почвѣ. 19 Февраля пастушило, а настоящей воли все еще нѣтъ. Какое то темное сомнѣніе стало пробираться въ сердце здѣшняго крестьянина, которому польскіе агенты уже давно предсказывали, что 19 Февраля не принесетъ ему полной свободы. Къ вѣщаему-же волненію умовъ, съ начала текущаго года, въ селахъ и деревняхъ всего края стали появляться летучіе листки возмутительнаго свойства, подъ названіемъ “*Мужицкая правда*” (*Mużyskaja prawda*). Въ этихъ летучихъ листкахъ центральный литовскій комитетъ или какой-то господинъ, называющій себя *Яськомъ*, *юсподаремъ* (хозяиномъ) изъ *подъ Вильна*, подлаживаясь подъ говоръ бѣлорусскаго простолюдина, старается разными хитро-слетеными софизмами и мѣткими словцами, втолковывать здѣшнимъ крестьянамъ, что они до тѣхъ поръ не будутъ освобождены, пока они, вооружившись косами и сѣкирами, не пойдутъ вмѣстѣ съ повстанцами — стражаться съ москалями и освобождать отечество (*batkouszczynu*) и т. д. Не знаемъ, на сколько эти летучіе листки уже успѣли подѣйствовать на умы здѣшнихъ крестьянъ, которые, говоря вообще, плохо вѣрятъ въ золотыя горы, сулимые имъ польскими патріотами въ родѣ *Яська*, господаря изъ-подъ Вильна; но во всякомъ случаѣ можно положительно сказать, что существующее двусмысленное положеніе здѣшнихъ крестьянъ долѣе, летучіе листки непременно вызвали бы броженіе, которымъ инсургенты не замедлили бы воспользоваться. Указъ 1 Матра положилъ конецъ проискамъ послѣднихъ”.

— *Духовное тиранство.*—Архимандритъ *Оеодоръ*, жертва происковъ *Аскаченскаго* до сихъ поръ содержится въ *Переяславскомъ Никитскомъ монастырѣ*. Онъ два раза подавалъ въ Синодъ прошеніе объ увольненіи его изъ духовнаго званія въ *крестьяне*. Синодъ отказывается, но предлагаетъ отказаться отъ ученой части, на это онъ не соглашается.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ И СОЧИНЕНІЯ М. МИХАЙЛОВА.

Цѣль обоихъ изданій извѣстна. I, II и III выпуски *Записокъ* вышли. Г. Трюбнеръ взялъ почти все изданіе. Въ финансовомъ отношеніи дѣло кончено; но мы не скроемъ отъ нашихъ читателей печальнаго удивленія, съ которымъ мы узнали, что *Записки Декабристовъ* и заграничное изданіе *Сочиненій М. Михайлова* расходятся туго.

Это фактъ заставляющій много и грустно думать.—И—ръ.

— *Пытать ихъ разбойниковъ, жилы тянуть, въ каторгу сослать*, клеймы приставить, барбарами шмаровать и по надобности въ Сибирь заточить—а то представте себѣ “во *Всеобщемъ Дневникѣ*” объявлено, что всѣ воспитанники, задержанные въ шайкахъ, ежели не достигли возраста для поступленія въ рекруты, т. е. ежели убивали русскихъ, не имѣя 20 лѣтъ отъ роду, отдаются родителямъ или поступаютъ въ заведенія для продолженія наукъ. Хорошо будетъ тамъ вліяніе этихъ юношей, побывавшихъ и въ *сибирь*, и въ лѣсахъ, дѣлавшихъ почныя нападенія на войска при колокольномъ звонѣ, производившихъ грабежи, попойки и наконецъ притѣсненія мирнымъ жителямъ, не желавшимъ принять участіе въ мятежѣ. Эти молодые люди сдѣлаются героями или по крайней мѣрѣ львами своихъ заведеній. Имъ будутъ поклоняться товарищи, а можетъ быть и начальники.” (*Мос. Вѣд.*).

Говорятъ что въ Парижѣ не могутъ рѣшить кому поднести *Монтионовскую* премію въ нынѣшнемъ году за скромную добродѣтель—издателю *Московскихъ Вѣдомостей* или прусскому королю.

Я предлагаю ее дать дѣйст. ст. сов. и кав. *М. Хотинскому*.

А впрочемъ *Константино-то Николаевичъ* ни на что не похожъ дѣла распустить въ Польшѣ.

“Въ церквахъ стали слышаться возмутительныя проповѣди довольно часто. Ксендзы призываютъ народъ къ возстанію”.

“Стало-быть (взываетъ тотъ-же неумытлый стражъ порядка и издатель *М. В.*) въ польской столицѣ не только можетъ тайно засѣдать революціонный комитетъ, не только можетъ публика оплевывать наши войска, но и служители алтаря могутъ явно проповѣдывать возстаніе.” Чего-же смотреть В. К.?

— *Александръ Николаевичъ пошелъ въ юры.*—Лучшій генералъ у него *Бергъ*, лучшій дипломатъ *Будбергъ*, лучшій другъ *Адлербергъ*. Da stehen die Ochsen am Berge.

— *Дороговизна кухонныхъ снарядовъ княгини Чернышевой.* “*Теймсъ*” извѣщаетъ насъ, что *Маркизь Пепол* навязалъ домъ князя Чернышева за 11,000 руб. въ годъ. Домъ, разумѣется, напаятъ былъ посломъ—furnished, meublée, т. е. съ кухонными снарядами и пр., но таковыхъ въ домѣ княгини не оказалось. Пепол потребовалъ, и княгиня согласилась дать кастрюльки, сковороды и вергѣлы за пустую прибавку 9,000 руб. въ годъ. Каково торгуетъ княгиня? А вѣдь домъ-то (замѣчаетъ “*Теймсъ*”) подаренъ *Николаемъ Чернышеву*.

Какъ *Викторъ-то*—*Емануилъ* убивался чтобъ послать своего итальянскаго посла въ Петербургъ—вотъ и плати теперь за соусняки, да чумички 9,000 руб. въ годъ.

— Въ *Общій фондъ* отъ В. Печерина 2 ф. (Но. 6), изъ Швейц. 20 фр., отъ Но. (3,131) 29 фр. и 50 фр. съ знакомъ 3,14.

ПОПРАВКА. Въ прошломъ листѣ на 1332 стр. въ лѣвой колоннѣ напечатано: *москвоужаго вмѣсто москворѣцкаго*.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна 9 пен. съ шестнадцатымъ листомъ — ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

ЛИСТЪ 163.

15 МАЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 16).

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60. Paternoster Row, и у Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 16.

ОГЛАВЛЕНІЕ. — Первое мая — Чего они такъ испугались? — 1831—1863—Донось на Спб. Вѣдомости. Смѣсь: Крестьяне и помѣщ. Мажаровъ—Еще каторжная работа—Какое правленіе въ Россіи?—Абрамовичъ и Келлеръ—Начало амнистии—Патріотизмъ въ Парижѣ—Коналинскій счетъ временныхъ — 'Очерки' и 'Нордъ'—А. А. Потебня—Изъ Варшавы и Петербурга—Совѣтъ общества 'Земля и Воля'—Отвѣты—Покушенія на англійскую прессу и пр.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Сегодня правительство наше празднуетъ *первое Мая*, на этотъ разъ не въ Екатерингофѣ и не въ Сокольникахъ, оно его празднуетъ *въ Польшѣ*.

Первое Мая! Колдуньи и Калиостры, до чего ихъ палецъ коснется, то загниваетъ, то, отравлено, то становится чудовищемъ. Язычники и христіане, дѣти, женщины, старики, привыкли съ 1-мъ Маемъ соединять начало тепла, зелени, цвѣтовъ, юности, чего-то празднично-свѣтлаго! Въ этотъ именно день начнется кровавая амнистія Польши, варооломеевская не ночь, а педѣля... мѣсяцъ... можетъ больше; въ этотъ день совершится то всепрощеніе, которое священникъ даетъ послѣ причастія и передъ топоромъ!

Ужасочъ, болью, стыдомъ наполняется наше сердце; слезъ нѣтъ, ихъ не достаточно! О еслибъ въ самомъ дѣлѣ, мы меньше любили несчастную родину нашу, еслибъ мы только жалѣли великаго мученика, намъ было-бы легко, насъ поддерживала-бы ненависть, мы были-бы крѣпки упованьемъ мести... а тутъ, сердце ломится на двое подъ бременемъ любви къ жертвѣ и палачу.

Благословенна судьба твоя, другъ и братъ Потебня!

Ты не увидишь какъ царь празднуетъ русское первое Мая. Ты не узнаешь какъ онъ умѣетъ изъ весенняго торжества сдѣлать пиръ преображенскаго застѣва и изъ слова прощенья — пытку, казнь, казнь цѣлаго народа.

... Все бѣжеть, испуганное и предчувствующее бѣды, отъ страшнаго мѣста помѣченнаго царскимъ милосердіемъ, высочайшимъ всепрощеньемъ — такъ, говорятъ, крысы бросаются впасть съ корабля, который тонетъ или горитъ, оставляя его страшнымъ судьбамъ своимъ.

И онъ ѣдетъ, несчастный alter ego, морской Пилать. Посѣдитъ-ли онъ, какъ Марія Антуанета въ ночь своего путешествія изъ Варена?... Или члены августѣйшихъ фамилій сѣдуютъ только отъ личныхъ причинъ? И Маркграфій исчезаетъ, и его не пужно — нужно однихъ палачей, палачей, нѣмцовъ, нѣмцовъ и палачей.

Сегодня начнется *пруско-русская кампанія* — Витгенштейнъ, Брюннеръ и Минквицъ,* пойдутъ тремя густыми колоннами отъ Калиша, Варшавы, Влоцлавка, тѣснить инсур-

* См. "Теймсъ" 1 [13] Мая.

гентовъ къ познанской границѣ, а тамъ русскій генералъ прусской службы, *четвертый* нѣмецъ, Валдерзе ждетъ ихъ *съ радушнымъ пріемомъ*.

— И Европа допустить? Спрашивали мы въ Февралѣ.

— Допустить, отвѣчаемъ въ Маѣ.

И—ръ.

ЧЕГО ОНИ ТАКЪ ИСПУГАЛИСЬ?

Или чѣмъ *ихъ всѣхъ* такъ настрашали, что нельзя больше удержать вопль, крикъ, плачь, завыванье патріотизма, усердіе безъ границъ, преданность безъ смысла? Адрессы, панихиды, молебны на чистомъ воздухѣ и въ воздухѣ продымленномъ ладономъ, адреса отъ грамотныхъ и безграмотныхъ, отъ старообрядцовъ и новообрядцовъ, отъ кур-эст-и лѣф-ляндскихъ русскихъ, отъ временно-обязанныхъ крестьянъ и безсрочно раззоренныхъ помѣщиковъ, отъ старшинъ рогожскаго кладбища и отъ школярей кладбища науки, называемаго московскимъ університетомъ.

Да гдѣ-же опасность, бѣда, съ которой стороны идутъ двадцать языковъ? Гдѣ ихъ полки, флоты, пушки, пари, вожди?

Неужели столько чувства, души, славянскихъ оборотовъ и вѣрноподданническаго лиризма, вызвано этими "жалкими шайками мятежниковъ въ Польшѣ", съ которыми "здорово-мыслящая" часть народа не сочувствуетъ, которыхъ крестьяне выдаютъ за легкую плату съ головы и которыхъ наши "молодые солдаты", всякой разъ какъ сколько-нибудь обдосужатся отъ грабежа и воровства, уничтожаютъ и уничтожаютъ *по нѣскольку разъ*?

Полно такъ-ли слабы были эти шайки? Какъ-же бы имъ держаться съ 21 Января, не смотря на триумфы Шильдеръ-Шульднера, викторіи Витгенштейна, Постица, не смотря на зачѣну Бергомъ — *одной половины* Константина Николаевича, Велепольскаго и архіерея Фелипскаго?

Чѣмъ-же держатся *шайки*?

Оружія не пропускаются. Цѣпная Пруссія бѣгаетъ на веревкѣ по всей познанской границѣ, лаеетъ, кусаетъ и лижетъ казакамъ смазные сапоги. Австрія утомленная двухъ-мѣсячнымъ благородствомъ, раскаивается въ *красныхъ* поползновеніяхъ и тоже припираетъ дверь. Остальныя державы помогаютъ *платонически*, сочувствіемъ, корпіей, статьями, и

концертами, въ которыхъ послѣднею ноту поетъ Горчаковъ. Дѣло сведется на то, что Польшѣ только и было помощи и ободренія, что изъ Петербурга, сначала рекрутскимъ наборомъ, а потомъ наборомъ словъ, выданнымъ подъ ироническимъ названіемъ амнистіи 31 Марта.

Предположимъ, что всѣ новости *Инвалида* ложны и всѣ вѣсти *Сѣверной Почты* лишены истины; предположимъ, что эти “шайки” цѣлая Польша, которая хочетъ независимости и умѣетъ умирать за нее, предположимъ что русскіе генералы изъ рукъ вопъ плохи, солдаты больше по части промысла, а офицеры съ отвращеніемъ участвуютъ въ убіеніи народа—все-же нѣтъ резона надѣлать такого патріотическаго скандала, словно покойникъ Ростопчинъ бѣгаетъ съ заженной спичкой по Москвѣ, а покойникъ Наполеонъ ѣдетъ изъ Филей къ драгомиловскому мосту.

Помилуйте, нѣмые возглаголили и говорящіе возбредили, государь императоръ и московскіе профессора, раскольники и протестанты, головы съ думами, дворянство безъ думы и головы, все это начало вдругъ увѣрять въ своей готовности царствовать, преподавать, молиться по старымъ книгамъ, торговать и ничего не дѣлать, съ единственной цѣлью посрамленія врага и отстаиванія неприкосновенности предѣловъ любезнаго отечества нашего.

То, что было величественно въ 1812 году, теперь не только пошло, но отвратительно.

Потому-то намъ и кажется, что Потаповъ, ѣздившій по распоряженію высшаго начальства въ Москву раздражать патріотизмъ до истерички адресовъ и до университетскихъ конвульсій, сдѣлалъ ошибку; что высшее начальство, пославшее его, сдѣлало ошибку, что государь съ своимъ предупредительнымъ “петровъ меня” сдѣлалъ ошибку.

Изъ польскаго дѣла мы себѣ почетнаго знамени не выроемъ—полицейскому усмиренью и казни цѣлаго народа ни восторга, ни лавры не идутъ.

Есть дѣла, которыхъ не надобно приводить къ рѣчи, которыми можно только втихомолку пользоваться, но нельзя окружать громкими словами, благородными порывами. Это слишкомъ обижаетъ истину, всякое нравственное чувство человека. Мы много темпаго выносимъ въ тѣни, чего не можемъ выпести на бѣломъ свѣтѣ и еще меньше при звукѣ трубъ и литавръ, при демонстраціяхъ, адресахъ и пр.

“Все это дѣлается не противъ Польши, а противъ Европы”, будто это лучше? Народу молчавшему цѣлое тысячелѣтіе, можно было помолчать еще недѣли двѣ, чтобъ услышать хоть одну угрозу, хоть одинъ военный звукъ, нельзя-же впередъ испугаться, впередъ придти въ восторгъ и усердіе. Нельзя-же призывать въ зимній дворецъ двухъ генералъ-губернаторовъ, одного декана и одного ректора, дворянскихъ предводителей и другихъ патріотовъ, для того, чтобъ государь прочелъ имъ свою антикритику и возраженіе на статьи “Opinion Nationale” или “Daily News”.

Дѣлая все хорошее съ воздержаніемъ и постепенностью, останавливая розгу на 201 ударѣ, уничтожая цензуру на 21 листѣ, правительство показало, что оно вполне цѣнитъ всю важность *задержанія въ прогрессѣ*; за чѣмъ-же было такъ необдуманно спускать на волю горячечной патріотизмъ, лихорадочный страхъ и пр. И все-то это оттого, что нашли въ Европѣ журналы, нераздѣляющіе мнѣнія “Московскихъ

Вѣдомостей”,* оттого, что въ Швеціи хорошо принялъ Чарторяжскаго.

Какой недостатокъ такта, чутка, декорама!

Если въ русскомъ правительствѣ были серьезные люди, люди честные, положимъ исполненные патріотическихъ, монархическихъ, барскихъ предразсудковъ, но съ любовью къ народу, они поберегли-бы изъ внутренняго, религіознаго благочестія, простое сердце простыхъ людей, которые безхитростно поддались официальному обману и, помня недавнее освобожденіе, воображаютъ, что отечество въ опасности и отдаются чувству ненависти къ несчастному, героическому

* Намъ досадно и совѣстно, что мы такъ часто починаемъ “Моск. Вѣдом.”, тѣмъ больше, что статьи противъ насъ ихъ издателей даютъ отому характеръ личной. Возрастающій цинизмъ этой черной газеты, дѣлаетъ невозможнымъ молчаніе. Мы смѣло говорили, что въ русской литературѣ еще не было ничего подобнаго, ни во времена О. Булгарина ни во времена предшественника г. Каткова, К. Шапкова. Есть граница, передъ которой обыкновенно продажная литература останавливается, лицемерно или искренно, въ свирѣпомъ требованіи преслѣдованій, деспотическихъ мѣръ, казней и пр. Героическая редакція “Моск. Вѣд.” не знаетъ этихъ пороговъ, останавливающихъ робкія и слабыя души. На пр.:

“Хотимъ ли мы удовлетворить пынѣшнимъ притязаніямъ польскаго патріотизма, и пожертвовать ему существованіемъ Россіи? Въ такомъ случаѣ надобно намъ выводить изъ Царства Польскаго войска, отступать все далѣе и далѣе къ Уральскому хребту, и готовиться къ мирной кончинѣ. Если же этого мы не хотимъ, если всякая мысль о чемъ-либо подобномъ кажется намъ нецѣлостью и приводитъ насъ въ негодованіе, то никто, ни даже самъ Полякъ, не въ правѣ былъ бы стѣновать на правительство, еслибъ оно сочло нужнымъ принять болѣе рѣшительныя мѣры, для того, чтобъ избавить Польшу отъ безплоднаго и изнурительнаго раздраженія, а Россію отъ лишней траты крови и силъ въ борьбѣ, которая можетъ превратиться въ европейскую войну. Въ настоящее время всякое наружное утѣшеніе національному чувству въ Царствѣ Польскомъ станетъ гибелью и для Польши, и для Россіи. Война, такъ война; военное положеніе, такъ военное положеніе. При теперешнемъ ходѣ дѣлъ, правительство имѣетъ полное основаніе сосредоточить всѣ власти въ Царствѣ Польскомъ въ рукахъ людей, недоступныхъ оболещеніямъ польскаго патріотизма и революціоннымъ устрашеніямъ. До тѣхъ поръ пока не прекратится возстаніе, пока порядокъ въ Царствѣ Польскомъ не будетъ восстановленъ, всякая уступка національному чувству будетъ не примирять насъ съ Поляками и Европой, а напротивъ только усиливать вражду, распаляя съ одной стороны требованія, а съ другой заставляя прибѣгать все болѣе и болѣе къ жестокимъ мѣрамъ для ихъ отраженія.

“Итакъ, прежде всего державы желаютъ прекращенія происходящихъ теперь смутъ въ Польшѣ, а потомъ, въ будущемъ, устраниенія причинъ, которыя ихъ поражаютъ. Этому именно желаетъ и сама Россія, и желаетъ, конечно, гораздо искреннѣе чѣмъ любая изъ трехъ державъ, жалующихся на польскія смуты.—(Моск. Вѣд. 19 Apr.)

“На Россіи лежитъ обязанность какъ можно скорѣе отнять у нихъ всякій поводъ къ жалобамъ. Польское возстаніе тревожитъ эти державы: онѣ должны быть довольны, если оно будетъ какъ можно скорѣе прекращено. Однѣ военныя усилія Россіи оказываются пока недостаточными для этого; актъ верховнаго милосердія не обезоружилъ мятежниковъ: чтобы можно было хотя отчасти удовлетворить жалобы великихъ державъ приходится принять мѣры административнаго порядка, которыя лишны бы революціонный польскій комитетъ возможности вооружать новыхъ шайки на мѣсто разбитыхъ, взымать съ эгою цѣлью налоги, устрашать мирныхъ гражданъ казнями или, вѣрнѣе, тайными убійствами. Административныя средства, существующія въ Царствѣ съ 1861 года, до сихъ поръ оказывались для этой цѣли недостаточными; если и по истеченіи срока амнистіи, мятежъ не прекратится и существующія административныя средства не начнутъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, то очевидно, необходимо будетъ установить въ Царствѣ, на время мятежа и войны, русскую военную администрацію, которая, какъ можно надѣяться, скоро покончитъ съ польскимъ возстаніемъ”.—

(Моск. Вѣд. 20 Apr.)

Каковъ Père Duchêne III Отдѣленія!

Не знаемъ чему больше дивиться, бездушію мысли, смѣлости признаться въ ней за какую-бы цѣну-то ни было, или шаловливой ироніи втораго отрывка, напоминающей иронію поручика Жеребятникова, надъ несчастнымъ арестантомъ, котораго ведутъ палазывать. “Ну такъ ради сиротскихъ слезъ твоихъ, милую я тебя.—Катай его,—жги его, лупи, лупи, обжигай,—еще ему, крѣпче сиротѣ,—ха, ха...”

Не забудьте, что поручикъ Жеребятниковъ не проповѣдывалъ англійскаго парламентаризма, свободы печати, уваженія къ личности.

умершаго Бѣлинскаго и завидовалъ его смерти!... Тогда-то, онъ, страстно любившій Россію, просилъ найти ему какую нибудь кафедру въ Бельгіи, потому, что если и были у него силы умереть за Россію, то жить въ ней не было больше.

А жизнь шла своимъ чередомъ.

Живуча русская жизнь—всѣ невзгоды, всѣ удары сошли ей съ рукъ. Отчего? Не отъ того-ли что они не по тѣмъ мѣстамъ били, отъ которыхъ *зависили жизнь и ростъ этого страннаго организма?*

Въ самый пущій разгаръ деспотизма и гоненій въ Россіи и реакціи въ Европѣ,—въ Москвѣ и въ Петербургѣ, господствующее направленіе умовъ начинаетъ заботиться о другихъ вопросахъ. Хомяковъ, К. Аксаковъ и ихъ кругъ обращаютъ особенное вниманіе на русскую *сельскую общину, на общинное владѣніе землей*. Кругъ Петрашевскаго въ Петербургѣ, программой своихъ занятій дѣлаетъ изученіе *соціально-экономическихъ теорій*.

Славянофилы выходили этимъ путемъ изъ археологіи.

Кружкомъ Петрашевскаго начинается обратное движеніе, которое по необходимости овладѣло умами послѣ 14 Декабря. Практическое движеніе ушедшее тогда въ книгу, рвалось снова изъ книги въ практическую дѣятельность. Кружокъ Петрашевскаго сложился въ общество; правительство его приняло за заговоръ. Заговора не было, по Липранди, какъ трюфельная ищейка, чуюла его.

Петрашевцевъ вывели на площадь, сдѣлали маневры разстрѣливанія и разослали въ цѣпяхъ по “мертвымъ домамъ,” по каторгамъ; а ихъ мысли бродили, высказывались въ частныхъ спорахъ, бесѣдахъ.

Одно ужасало всѣхъ—непреодолимая сила императорской власти. Всѣ человѣческія стремленія бились бесплодно въ какія-то неприступныя, гранитныя ограды...

Вѣра въ эту непреодолимую силу самаго Николая спасла Россію—она привела въ ботнической заливъ флотъ Sir Charles Napier'a.

Николай сѣздалъ посмотреть на него, и воротился съ состарившимися глазами, съ осунувшимся лицомъ.

Онъ понялъ бѣду... чары исчезали.

Съ каждымъ залпомъ въ Крыму, громовое эхо потрясало Петербургъ; стѣны зимняго дворца разсѣдались. Всѣ стали догадываться, что только обшивка была гранитная, а внутри щебень. При исторически-казенной постройкѣ всероссійскаго императорства, какъ и при всѣхъ казенныхъ постройкахъ, какое нибудь интенданство крало.

Николай понималъ, что скрыть этого пельзя; бродя безъ сна какимъ-то привидѣніемъ по заламъ своего дворца и заставляя часовыхъ молиться на колѣняхъ о побѣдѣ, онъ сталъ обдумывать *измѣны*—*измѣны* всему что считалъ святымъ, за что вытравилъ въ себѣ человѣческое сердце и сгубилъ два, три молодыхъ поколѣнія. Онъ хотѣлъ кликнуть кличъ къ Славянамъ, возстановить ненавистную Польшу и поставить на ноги только что задавленную имъ Венгрію—лишь-бы снова зимній дворецъ сталъ незыблемъ и грохотъ, лишь бы гранитную обшивку снова припили за сплошную скалу—лишь-бы не было больше видно колеблющихся мачтъ Sir Charles Napier'a, и не слышно эхо севастопольскаго грома... Пусть ополчается крестьянинъ, пусть дружины сами выбираютъ себѣ начальниковъ!

Это былъ конецъ темнаго петербургскаго царства. Далѣе полицейскія плотины не могли удерживать напора, да и самъ вахтеръ не могъ далѣе удержаться.

Мрачно подавленное неудовольствіе приподняло голову, шептанье замѣнилось ропотомъ: “что же это такое? за кровь, за деньги, за лишеніе всѣхъ правъ человѣческихъ, они не умѣютъ защитить земли отъ непріятеля, живущаго за тридевять земель и приплывшаго на корабляхъ.” Пельзя печатать—рукописныя тетради ходятъ изъ рукъ въ руки, читаются вслухъ, вѣтъ прежняго страха. Онъ умеръ, чего-же бояться? всѣ забыли, что *другой онъ*—живъ. И вотъ, сквозь прорвавшуюся плотину, понесся мутный и пѣнящійся потокъ либеральныхъ и консерваторныхъ помоевъ, увлекая съ собою всякую всячину, черепки философскихъ системъ, обломки соціальныхъ мыслей, труны утопшихъ экономическихъ ученій, скелеты конституцій, словомъ все прибитое къ цензурнымъ стѣпамъ и лежавшее тамъ годы, всплыло въ старомъ ботомѣ, съ тнпой и мохомъ. За это-то и сердились солидные люди, имъ хотѣлось, чтобы изъ объятій Николая Россія вышла Минервой—при совѣ, глобусѣ и циркулѣ.

Большой бѣды въ этомъ столпотвореніи вавилонскомъ не было, не въ самомъ-же дѣлѣ мысль русская сдѣлалась бы зрѣлѣе въ куртку каторжнаго, въ которой держалъ ее Николай. Вообще *инженерская* воздержность въ ожиданіи зрѣлости вовсе ненатуральна.

Какъ только человѣкъ видитъ возможность принять участіе, дѣйствовать, дѣйствіе становится для него физиологической необходимостью. Оно можетъ быть преждевременно, необдуманно, даже ложно, *но не можетъ не быть*. Никакая религія, никакая общественная теорія, не доходитъ до полноты сознанія, прежде пачала осуществленія. Въ приложеніи она узнаетъ свои односторонности, выполняетъ ихъ, отрѣкается отъ нихъ. “Зелена жизнь и сѣда паука,” говорятъ сами нѣмцы, утратившіе, за плоды съ древа теоретическаго вѣденія, не только всякое значеніе въ кругу народовъ, но всякое уваженіе ихъ.

Всплывшій вздоръ уплываетъ, а движеніе водитъ остается. Привычка участія, заявленія своей воли, своей мысли—не пройдутъ.

Тамъ гдѣ есть движеніе нечего болѣть и приходитъ въ отчаяніе. Неподвижна смерть и трупъ молчаливъ, жизнь не пропала тамъ гдѣ говорятъ всякую всячину; а тамъ гдѣ вѣка повторяютъ одно и то же, какъ на Аѳонской горѣ, тамъ гдѣ говорятъ готовыми фразами, готовые попятія и застывшія мысли. Сверхъ того говорить *дѣло* у насъ не было легко; намъ все приходилось говорить *снова* и къ тому-же еще надобно было перечить почти всему сказанному нашими учителями, принятому давнымъ давно всѣми. Освобождаясь отъ идолопоклонства самодержавія, мы не замѣчая попадали на тропинку къ другой церкви, къ другому идолопоклонству, но вѣры въ себѣ въ него не нашли. Для всякаго западнаго народа переходъ отъ теологической монархіи къ теологически-либеральному православію былъ легокъ. Наше счастье и несчастье въ томъ, что мы довольствуемся меньшимъ чѣмъ опи, а требуемъ гораздо больше. Дай намъ протестантизмъ, мы сдѣлаемся духоборцами. Коснись до крепостнаго права, мы требуемъ и землю. Чувство говоритъ намъ отставшимъ, намъ рабамъ, что общественная религія опережившихъ насъ *не наша*, что-же удивительнаго, что все это выражалось не любовью, хаотически, съ отчаяннымъ нигилиз-

момъ и безнадежнымъ православіемъ; себѣ самой уяснялась мысль, всякими крайностями переходя изъ ребяческаго состоянія инстинкта въ возможность сознанія.

Правильны или неправильны были результаты, было-ли въ нихъ больше *зрѣлости* чѣмъ *спѣлости* или на оборотъ: одно не подлежитъ сомнѣнію — это былъ новый взмахъ жизни, новый плескъ освобождепной волны; оставаясь въ тѣхъ-же цѣпяхъ, подъ тѣми-же затворами, мы стали больше свободными людьми.

Въ подтвержденіе этого, я приведу замѣчательный фактъ, на который мало обращали вниманія. Рядомъ съ подкупной литературой, съ журналами на казенныхъ подрядахъ, съ III Отдѣленіемъ на университетскихъ кафедрахъ, общественная нравственность чрезвычайно поднялась. Мужество своего мнѣнія, утраченное окончательно въ прошлое царствованіе, появляется снова, не боясь отвѣтственности.

Съ Декабристами у насъ исчезаетъ *гражданская доблесть*. Борьбой этихъ побѣжденныхъ, но не изложенныхъ титановъ, оканчивается героическій періодъ оппозиціи. Во все царствованіе Николая, тонъ политическихъ подсудимыхъ былъ уклончивый и основывался на заперательствѣ. Равнодушіе общества убивало бесплодную отвагу.

Это измѣнилось въ послѣднее время.

Человѣкъ, гонимый за свои мнѣнія, за слово, снова гордо стоитъ предъ судомъ; онъ за стѣной чувствуетъ сочувствіе хора, онъ знаетъ, что его слово жадно слушается, онъ знаетъ, что его примѣръ будетъ великою проповѣдью.

Грустно, твердо явился *Михайловъ* предъ сенатомъ. Богатѣйшія стариковъ судившихъ его обомлѣла, разинула ротъ; въ прохожденіи ихъ долготѣней военной и гражданской службы они ничего подобнаго не слыхали. Рьяный Бутурлинъ требовалъ смертной казни за дерзость подсудимаго.

Спокойно, мужественно стояли юноши — *Арнольдтъ*, *Сливицкій* и *Ростковскій* передъ рейтерами, которымъ велѣно было ихъ осудить на смерть.

— “Вы писали это неподписанное письмо къ Лидерсу?” спрашиваетъ презусъ Арнольда. “Я, отвѣчаетъ Арнольдъ, но я не успѣлъ его копчить”, беретъ перо и подписываетъ свое имя.

И это не отдѣльные примѣры, не исключенія, это становится нормой; такъ поступили другіе офицеры, Обручевъ на примѣръ; такъ поступилъ заслуженный, покрытый ранами подполковникъ Красовскій и молодой гардемаринъ Трувеллеръ.

“Я публикую мой проэктъ подъ своимъ именемъ; пора намъ перестать бояться и если мы хотимъ, чтобы съ нами перестали обращаться какъ съ дѣтьми, намъ надобно перестать дѣйствовать по дѣтски; тотъ кто хочетъ правды и справедливости долженъ уметь безбоязненно стоять за нихъ”.

Когда я прочелъ эти строки въ брошюрѣ Серно-Соловьевича, мнѣ казалось что я, мы — выросли; такіа слова, такіа выраженія не существовали въ николаевское время, они дѣлаютъ грань въ исторіи, по которой можно мѣрить сколько верстъ мы отъѣхали отъ *незабвеннаго* этапа.

Когда люди такъ *забываются*, такъ *закосятся*, такъ дерзко выдаютъ себя, тогда въ самомъ дѣлѣ имъ *нужна правда и справедливость*, а не милость царская и монаршая ласка.

Эти слова, эти отвѣты передъ судомъ палачей, въ ведѣ заряженныхъ ружій, въ виду каторги, молодое поколѣніе мо-

жетъ положить на вѣсы; они лучше всего оправдаютъ *дѣтей* противъ *отцовъ*, еслибъ отцы въ самомъ дѣлѣ нападали на нихъ. Ими они легко искупятъ и угловатость формъ и заносчивый языкъ.

Это нравственно-доблестное отношеніе, сильно заявляющее себя въ русскомъ обществѣ, не оставляетъ ему выбора, не только между царемъ и Польшей, но между *молчаніемъ и словомъ*. Забитый, потерявшійся человѣкъ, молчавшій на все, могъ молчать облитый невинной кровью — но послѣ Михайлова и ‘Великорусса’, послѣ разстрѣленныхъ офицеровъ и Красовскаго, послѣ того какъ вся Россія видитъ необходимость Земскаго Собора, чтобы взять въ опеку правительство неспособное и туда-же злое — *мы не можемъ молчать* передъ убіеніемъ цѣлаго народа. Передъ убіеніемъ, которое совершается нашими руками, на наши деньги, нашимъ повиновеніемъ.

У насъ даже тѣхъ печальныхъ правъ нѣтъ, на которыя могли-бы опереться западные народы. Гдѣ у насъ изувѣрство заставляющее человѣка поддерживать честь знамени въ какомъ бы безчестномъ дѣлѣ оно ни являлось? У насъ нѣтъ алчпаго патріотизма, теряющаго всякую идею справедливости, когда можно стяжать клочекъ земли. У насъ нѣтъ и того педагогическаго крестинизма ученаго раба, помогающаго своему ландсфатеру не выпускать на волю народы, подпавшіеся одному ошейнику съ нимъ — потому что эти народы не кончили еще ихъ *academische Studien*.

Пропувишеся русскіе не имѣютъ права на такой патріотизмъ, онъ ниже ихъ мысли, сознаніе облызываетъ еще больше чѣмъ дворянство.

Торопитесь-же заявить вашъ голосъ!

Торопитесь для того, чтобы во время отвязать вашу лодку отъ императорской барки и заявить вашъ не казенный флагъ. Торопитесь, чтобы защитить народъ русской. Торопитесь, чтобы не остались безъ протеста подлые, подкупные органы, натавливающие русскіхъ солдатъ на поляковъ, чтобы нечистая рѣчь ихъ потерялась за вашимъ крикомъ негодованья.

Мы ждемъ васъ! Земля и Воля дали вамъ примѣръ.

И—ръ.

ДОНОСЪ НА “СПБ. ВѢДОМОСТИ”.

Послѣ ряда ругательствъ, обращенныхъ къ намъ и за которыя мы не въ правѣ сердиться, чувствуя, что и мы не особенно щадили полицейски-литературную шваль III отдѣленія, всѣхъ этихъ публичныхъ мужицъ, продающихъ красоту своего слога, всѣхъ этихъ камелей по тысячи р. с. въ мѣсяцъ съ пера, и дѣйствит. статскихъ речейниковъ по триста р. съ уха — и такъ послѣ ряда ругательствъ въ нашу пользу, *Московскія Вѣдомости*, приступаютъ къ своему служебному дѣлу и прямо, явно, недвусмысленно *доносятъ* на то, что *Петербургскія Вѣдомости* (т. е. *Валентинъ Коршъ*) не горячъ въ патріотизмъ, и мирволитъ полякамъ. Поступокъ этотъ необыкновенно много выигрываетъ отъ того обстоятельства, что В. Коршъ *личный братъ* Каткова, бывшій издатель *Московскихъ Вѣдомостей*, братъ Е. Корша, бывшаго соиздателя *Русскаго Вѣстника*. Упечъ изъ личности своего-противника въ Потапицу, *quel sort plus digne d'envie?*

Думалъ-ли Головинъ, когда онъ защищалъ въ Парижѣ *теорію* подкуповъ (ругая взятки!) и *восхищался* продѣлками французскихъ министровъ, какой-онъ безправственный починъ сдѣлалъ въ Россіи разглашеніемъ журналистики? А потомъ эти

господа примутся кричать, когда восторженный юноша, отдавая себя порядкомъ отчета прирѣжетъ пѣмца Кодебу; а потомъ жепѣ пенсію, восклицанія и притворное участіе, когда невидимая рука казнитъ Манишевскаго.

А и этотъ доносъ на *Пет. Вѣд.* имѣетъ свои морали. Усобица въ редакціи *Русскаго Вѣстника* памятна всѣмъ. Кто не оплакивалъ непреклонной Агари, обѣжавшей въ безплодныя степи Агени, въ то время какъ Леонтьевъ захватилъ съ патриархомъ своимъ все хозяйство и сталъ пасти стадо тучныхъ барановъ подѣ кровомъ брачнаго ложа. Агарь не безупрѣчно вела себя въ степяхъ своихъ, у нея родился тамъ ребенокъ отчаянія и протеста, зараженный французской централизациею и благоговѣніемъ къ просвѣтительной силѣ австрійскаго жандарма.

Пусть Измаилы попробуютъ теперь отечественнаго *будочника*... Въ тѣ времена противъ нихъ возсталъ вооруженный учебниками объ англійской конституціи Катковъ, тотъ-же Катковъ, который теперь ведетъ въ будку В. Корша!

Tempora mutantur—было время и не такъ-то отдаленное, когда тоже не другой Катковъ посѣтилъ насъ въ Лондонѣ, а теперь актъ этотъ онъ называетъ позорнымъ, “паллигримствованіемъ къ вольноотпущеннымъ сумашедшаго дома”.

Да это недоносъ-ли ужъ? Вотъ, что значить потерѣться на тѣзжей!

Цѣтъ, свои люди—сочтутся!

П—ръ.

СМѢСЬ.

“— *Журналъ Донскаго войскаго присутствія 15 Ноября.* № 248. Крестьяне полковника *Мажарова*, подали войсковому атаману жалобу о томъ, что они, въ числѣ 40 душъ, отбываютъ повинности какъ слѣдуетъ, но г. Мажаровъ, за невыполненіе будто-бы уроковъ, наказалъ чрезъ старшину крестьянъ: Брапченко, Малиренко и Лебедева жестоко, и за тѣмъ, пригласивъ *экзекуцію* въ 105 казаковъ, и *мирового* посредника Егорова, приказалъ наказать 15 человекъ и одну женщину за то, что крестьяне не соглашались подписать уставную грамоту. По словамъ истцовъ, четыре крестьянина находятся послѣ этого въ болѣзненномъ положеніи, а г. Егоровъ сказалъ, что если крестьяне не согласятся на требованія помѣщика, то онъ пришлетъ еще *экзекуцію* въ 100 чел., и они будутъ раззорены до основанія. Мировой посредникъ Карповъ, по изслѣдованіи дѣла, сообщилъ присутствію, что, по жалобѣ г. Мажарова, трое крестьянъ дѣйствительно были наказаны розгами кандидатомъ старшины, за неисправныя работы на барщинѣ, и по жалобѣ также Мажарова, команда была введена *мировымъ посредникомъ* для возстановленія нарушеннаго порядка, а такъ какъ по прочтеніи г. Егоровымъ уставной грамоты, крестьяне не соглашались ни на какія условія изъ упорства, то онъ вынужденъ былъ 15 человекъ наказать чрезъ казаковъ въ томъ числѣ и женщину, за грубость и сопротивленіе мѣстнымъ властямъ. Что касается до угрозъ, высказанныхъ посредникомъ, то это было не что иное, какъ *увѣщаніе*, а потому г. Карповъ полагаетъ жалобу крестьянъ, какъ не заслуживающую совершенно никакого вниманія, оставить безъ послѣдствій.

“Войсковое присутствіе, получивъ такое сообщеніе отъ мирового посредника Карпова, “не подвергая сужденію” дѣйствій посредника Егорова, поручаетъ разслѣдовать тому-же г-ну Карпову вторую жалобу крестьянъ о томъ, что помѣщикъ ихъ

день ото дня усиливаетъ въ полѣ работы и уроки, которые отбываютъ крестьяне иногда на своихъ дняхъ, что г. Мажаровъ, осматривая скошенный и повязанный въ снопы хлѣбъ, напелъ колосы на землѣ, и чрезъ кандидата волостнаго старшины, наказалъ жестоко по 25 ударовъ трехъ крестьянъ, а изъ наказанныхъ прежде лежатъ и теперь Дрюченко и Астапченко, что хотя крестьянинъ Орленко съ давнихъ поръ одержимъ болѣзнію, но владѣлецъ, за болѣзнь его, подѣ предлогомъ прогула, вознамѣрился отобрать у него пару воловъ, а съ крестьянина Талалаева, котораго пужно кормить по старости и калѣчеству, требуетъ за прогулы 60 р. асс.

“Г. Карповъ, по изслѣдованіи этой жалобы, напелъ, прежде всего, что наказанные крестьяне совершенно здоровы, и что судя по виду ихъ, онъ не полагаетъ наказаніе жестокимъ. Крестьянинъ Орленко дѣйствительно находится съ давняго времени больнымъ и барщины отбывать не можетъ, но по требованію помѣщика, у него берется на барщину пара воловъ. Талалаевъ не имѣетъ семейства, усадьбы и хозяйства, и притомъ бѣденъ, слабаго здоровья и преклонныхъ лѣтъ, и поэтому для списканія пропитанія все лѣто, пробылъ сторожемъ на бакшахъ; владѣлецъ-же, считая это за прогулы, требуетъ съ него 60 р. асс. Притомъ все общество объяснило, что помѣщикъ сверхъ уроковъ принуждаетъ мужиковъ отрабатывать за больныхъ женщинъ, а за крестьянина, умершаго послѣ долгой болѣзни, требовалъ съ несовершеннолѣтнихъ дѣтей его отбыванія барщину за пробоглые дни, и сверхъ того, принуждаетъ отбывать по нѣскольку дней за штрафъ.

“Такимъ образомъ, по изслѣдованію самого г. Карпова, жалобы крестьянъ на г. Мажарова, оправдались, а потому г. Карповъ положилъ: обязать крестьянъ, *чтобъ они не утруждали высшее начальство неумѣстными просьбами*, а обращались съ ними къ посреднику и въ мировой сѣздъ, а г. Мажарова предvarить, чтобъ онъ поступалъ съ крестьянами согласно Положенію. Рѣшеніе посредника разсматривалъ мѣсскій мировой сѣздъ, и присудилъ: незаконныя дѣйствія г. Мажарова *поставить ему на видъ, и просить* его строго придерживаться Положенія, а крестьянамъ подтвердить обращаться впредь для разбирательства *по указанію* посредника Карпова.

“Войсковое присутствіе, въ свою очередь, опредѣлило: заключеніе мирового сѣзда оставить въ своей силѣ, съ тѣмъ однакоже, чтобы полковникъ Мажаровъ заплатилъ штрафъ, примѣняясь къ ст. 22 Мѣстн. Полож., въ пользу тѣхъ крестьянъ, которые были сами употребляемы имъ въ работы или выпущданы для того быкомъ, вопреки Положенію.”

— *Еще каторжная работа.*—Пятой департ. сената разсматривалъ дѣло: “о почетномъ гражданѣ Николаѣ Васильевѣ 18-ти, канцелярскомъ служителѣ Николаѣ Волковѣ 20-ти, бывшемъ студентѣ с.-петербургскаго университета Николаѣ Вороновѣ 19-ти и сынѣ чиновника 12-го класса Яковѣ Емельяновѣ 17-ти лѣтъ, признавъ ихъ, по собственнымъ отвѣтамъ, уликамъ и другимъ обстоятельствамъ дѣла, виновными: Васильева — *въ злоумышленіи на жизнь Государя Императора*, выраженномъ въ составленномъ и распространяемомъ имъ, Васильевымъ, возмутительномъ воззваніи и въ другихъ *сочиненіяхъ*; Волкова—въ участіи въ этомъ-же преступленіи и недонесеніи о томъ правительству; наконецъ Воронова и Емельянова—въ недонесеніи, кому слѣдовало,

намѣренія Васильева распространить возмутительное воззваніе, *мнѣніемъ положилъ*, утвердить по настоящему дѣлу заключеніе правительствующаго сената, и въ слѣдствіе сего, на основаніи приведенныхъ въ опредѣленіи сената узаконеній: 1) *Васильева и Волкова*, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію, чрезъ повѣшаніе, и 2) *Воронова и Емельянова*, лишивъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпость баждаго на два года”.

Государственный Совѣтъ представляя приговоръ на утверждепіе, обратилъ вниманіе на несовершеннолѣтіе преступниковъ. Государь измѣнилъ приговоръ сената слѣдующимъ образомъ :

“*Васильева и Волкова, вмѣсто смертной казни сослать въ каторжную работу на десять лѣтъ.*

“*Воронову и Емельянову ограничить содержаніе въ крѣпости однимъ годомъ*”.

С -Петербургъ, 23 Марта 1863 г.

— *Какое правленіе въ Россіи?* — “Morning Post” вдругъ не говоря худаго слова, объявляетъ, что правительство въ Россіи *деспотическое*.

Слышите, въ Россіи правительство *деспотическое*? Что за сумашествіе!

Такъ Павелъ I былъ деспотъ?

Такъ Николай I былъ деспотъ?

Такъ это и Александръ II деспотъ? Вѣдь съ тѣхъ поръ какъ начали забывать незабвеннаго, форма правленія не измѣнилась.

Нѣтъ, эти якобинцы, не понимаютъ русскаго правительства “и не повяты тебѣ его” — какъ говаривалъ Н. Ф. Павловъ.

Если Польша возстала, то это оттого, что мало воли дали русскому самодержавію, очень ограничили его свободными учрежденіями. Если офицеровъ разстрѣливали — это не деспотизмъ, это Лидерсъ. Если держутъ въ казематахъ, ссылаютъ за слово, за мнѣніе, безъ суда — на то есть законъ, все по своду... томъ, статья — а не деспотизмъ. Ясно, что “Москов. Вѣд.” не могли выпести такой *афронтъ*, не смотря на то, что онъ напечатанъ англійскими буквами, на англійской бумагѣ въ Англіи. Справедливо говоритъ начальникъ “Москов. Вѣд.” что онъ не станетъ *говорить*: “какъ больно русскому человѣку слышать, что серьезный органъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ считаетъ себя въ правѣ называть нашъ образъ правленія деспотическимъ”.

А вѣдь еслибъ органъ Пальмерстона не много призадумался, онъ этой ошибки не сдѣлалъ-бы и не было-бы “больно русскому человѣку”. Начальникъ Москов. Вѣд. “тѣмъ себя прославилъ”, что онъ по Гнейсту и по другимъ пѣмцамъ проповѣдывалъ, съ школьнымъ ожесточеніемъ, англійскую конституцію, англійскій судъ, двукамерность, силу богатства, равенство передъ голодомъ, словомъ все до англійскаго пластыря и англійской соли, а теперь онъ съ еще большимъ ожесточеніемъ защищаетъ правительство, ввѣрившее ему его столь важный постъ; изъ этого ясно, что правительство защищаемое имъ — парламентское, свободное, а не деспотическое. Или Пальмерстонъ не читалъ “Русскаго Вѣстника”, или не читаетъ “Вѣдомостей”; изъ этой страшной альтернативы онъ не можетъ выйти.

— *Абрамовичъ и Келлеръ*. Правительство не только упало въ Берга, во и въ Абрамовича. Вотъ термометръ Александра II. По лицамъ можно судить о духѣ.

Мин. вн. д. Келлеръ, говоритъ въ циркулярѣ разосланномъ губернаторамъ, что правительство очень недовольно рапортами мѣстныхъ властей относительно поведенія русскихъ войскъ. Онъ даетъ знать мѣстнымъ властямъ, что правительство только въ томъ случаѣ будетъ принимать подобные рапорты, когда они будутъ основаны на свѣденіяхъ *доставленныхъ военнымъ начальствомъ*. Въ заключеніе запрещается гражданскимъ властямъ называть сражающихся “русскими императорскими войсками” и “инсургентами,” а называть ихъ впредь “наши войска” и “мятежники.”

Корреспондентъ *Daily Telegraph* (29 Апрѣля) пишетъ: “Вѣсть объ этомъ распоряженіи была прежде напечатана вкратцѣ (въ *Times*’ъ и даже въ французскихъ газетахъ) мы откровенно винимся, что не повѣрили ей. Здѣсь она повторена съ такими подробностями, что нѣтъ мѣста сомнѣнію.”

— *Начало амнистіи*. — Начальникъ *Юрбургскаго* таможеннаго округа Денъ, командировалъ отрядъ войска съ двумя офицерами Прокофьевымъ и Пастернаковымъ, дабы они разѣзжая по лѣсу объявляли инсургентамъ монаршую амнистію. Офицеры отправились не въ лѣсъ, а по таурогенскому шоссе въ мѣс. Скаудвили, оттуда поѣхали по окрестнымъ помѣщикамъ; къ первому какъ болѣе зажиточному въ Одаево — Хлѣвинскому, заставъ 80 лѣт. старика больного, арестовали его и его управляющаго; между тѣмъ другая партія привезла изъ Упины Словачинскаго и изъ Сасловицъ Кипика. Вина ихъ была въ томъ, что управляющій Хлѣвинскаго накормилъ когда то инсургентовъ, а Словачинскаго и Кипика потому что противу царскаго указа отпустили усы и бороды. Помѣщики изъ своихъ мѣстъ отправились въ собственныхъ экипажахъ. Эта роскошь больному Хлѣвинскому позволена была не на долго; офицеры, отправляясь изъ Скаудвилъ, велѣли помѣщиковъ пересадить на крестьянскую тѣлегу и повезли въ Таурогенъ. На другой день, Денъ отправилъ *закованныхъ* помѣщиковъ на почтовой тѣлѣгѣ, подъ карауломъ сорока объѣзчиковъ въ Ковпо къ губернатору Кригеру. Не лучше-ли было-бы, прибавляетъ корреспондентъ, разомъ исполнить совѣтъ Берга “выгнать всѣхъ поляковъ въ лѣсъ и, по случаю хорошей погоды, лѣса зажечь”.

Посторонній свидѣтель. — (Прислано изъ Самогитіи).

— *Патріотизмъ въ Парижѣ*. — Русскіе живущіе въ Парижѣ собрали для раненыхъ солдатъ въ Польшѣ 7,000 фр. Имена извѣстныхъ и знаменитыхъ участвовали въ этой коллектѣ, назначенной не столько для закрытія ранъ, полученныхъ на войнѣ, сколько для раскрытія вѣрнопопданническихъ чувствъ.

— *Ковалинскій съчетъ беременныхъ*. — Екатеринославской губерніи, въ Ростовскомъ уѣздѣ, возникло уголовное дѣло о *наказаніи беременной женщины* землевладѣльцемъ, Михаиломъ Ковалинскимъ и пр... и пр... Для насъ важно то, что два года послѣ освобожденія, варвары эти съкутъ *беременныхъ* женщинъ.

— “*Очерки*” и “*Le Nord*”. — “Очерки”, *вынужденные обстоятельствами*, прекратили свое изданіе. Злой, ироническій *Le Nord*, насмѣшливо прибавляетъ: “а газеты консервативнаго направленія процвѣтаютъ.”

— А. А. ПОТЕБНЯ. — “Народная Газета” говоритъ, что А. Потебня, глава комитета русскихъ офицеровъ въ Польшѣ, погибъ не при Песочной Скалѣ (какъ было сказано въ *Колоколѣ*), а въ извѣстномъ ночномъ нападеніи на кладбищѣ при Скалѣ. “Онъ находился при Лангевичѣ, съ важными порученіями. Во время сраженія, не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія, онъ схватилъ косу, во главѣ колонны пошелъ въ атаку и погибъ сраженный пулей въ грудь. Смерть его — прибавляетъ Н. Г. — великая потеря, человекъ чистѣйшій и благороднѣйшій, всей душой любившій свободу.”

— НАМЪ ПИШУТЪ изъ Варшавы (въ концѣ Апрѣля) — “Высшее начальство само испугалось неистовствъ, которыя дѣлаютъ наши солдаты, оно прибѣгаетъ къ угрозамъ, къ строгимъ наказаніямъ, чтобъ останавливать буйство, грабежъ и разбой, но усилія до сихъ поръ тщетны. Солдаты не только не повинуются, но грозятъ штыками офицерамъ, старающимся ихъ унимать. Дерутся они плохо. Кой-какъ держутся въ перепалкѣ на дальнемъ разстояніи, но такъ какъ у поляковъ пороку мало, и они жалѣютъ зарядовъ и сейчасъ берутся за косы, то наши солдаты, большей частью, разбѣгаются по деревнямъ, гдѣ грабятъ, убиваютъ всѣхъ безъ разбора. Крестьяне и помѣщики приведенные въ отчаяніе, и не видя себѣ спасенія въ своемъ отравленіи отъ возстанія — больше и больше пристають къ нему. Къ этому много способствовалъ тоже манифестъ Центральнаго Комитета, что съ 1 Мая всѣ хлопы безъ разбора, принимающіе участіе въ народномъ возстаніи, должны быть надѣлены пятью моргами земли. Помѣщики этому не противятся, и массами подчиняются Центральному Комитету.

“Бергъ пріѣхалъ въ Варшаву съ дикимъ планомъ вызвать городъ на возстаніе и подавить его войсками. Великій князь помѣшалъ ему. Между ними съ самаго начала шла пресмѣшная борьба, въ которой вообще роль великаго князя была благороднѣе. Такъ на пр. Бергъ прячется, окружилъ себя конвоями. Константинъ Николаевичъ сталъ тотчасъ ѣздить одинъ въ открытомъ экипажѣ.”

— Петербургъ. — “Не смотря на всѣ патріотическія демонстраціи и адреса преданности, правительство чего-то боится. На дняхъ здѣсь арестовали больше *ста человекъ*, и разослали по разнымъ губерніямъ — безъ суда, безъ слѣдствія, административнымъ порядкомъ. Говорятъ, что изъ Вятки привезли сюда учителя семинаріи *Красовскаго*, основавшаго тамъ публичную библіотеку. Въ Одессѣ закрыта книжная лавка *Рудольфа*. Здѣсь были опять разосланы тайно-напечатанныя прокламаціи.”*

Мы прибавимъ къ этому, что *Evening Star* 9 Мая, говоритъ о какомъ-то арестѣ офицера *Лукина* и студента, котораго фамиліи нѣтъ — въ Псковѣ.

* “Теймсъ” и “Экспрессъ” говорили о какой-то тайной прокламаціи съ “*Evening Star*,” о первомъ листѣ журнала “Свобода,” издаваемого “Землей и Волей.” Мы только что получили “Свободу” и напечатаетъ ее въ слѣдующемъ листѣ.

СОВѢТЪ ОБЩЕСТВА “ЗЕМЛИ И ВОЛИ”

Приглашаетъ всѣхъ русскихъ на денежное пожертвованіе въ пользу сосланныхъ и ссылаемыхъ, и на сопряженные съ общимъ дѣломъ расходы. Путешествующіе за границей могутъ доставлять деньги къ издателямъ “Колокола,” обозначая присылку какой-нибудь цифрой; полученіе и Но. будутъ немедленно напечатаны къ “Колоколѣ.” Желающіе могутъ получать квитанціи. За исправную доставку денегъ по назначенію издателя “Колокола” ручаются.

— Ответы. — Редакція *Колокола*, по желанію К. А. извѣщаетъ, что его письмо получено и что она удивляется, почему оно было послано. Подобными дѣлами можетъ быть интересуется посольство, консульство, полиція, но конечно не мы, это явная ошибка въ адресѣ.

— Письмо полученное нами о телеграммѣ г. Титова и какой-то барыни, принявшихъ на себя скромное названіе — “русской колоніи въ Штутгартѣ” и сообщившихъ императрицѣ въ Петербургъ интересную новость, что “Русская колонія поздравляетъ государыню съ днемъ рожденія государя,” не особенно интересно. Телеграмма эта только доказываетъ, что г. Титовъ, не смотря на превосходную память, не забывающую дни рожденія, вовсе не злопамятенъ, и забылъ утрату тѣхъ алыхъ дней, когда онъ съ *доброшюрными* Кавелинымъ воспитывали будущность Россіи...

— Имя? — Имя? — Бога ради имя! — Англійскіе журналы повторили изъ *Illustrated Times* о посягательствѣ на лондонскую журналистику агента петербургской полиціи. “Нѣсколько дней тому назадъ какой-то господинъ адресовался къ нѣсколькимъ извѣстнымъ сотрудникамъ уважаемыхъ журналовъ, говоритъ *Ill. Times*, для помѣщенія статей въ защиту поведенія Россіи относительно Польши, намекая, что въ случаѣ согласія, предложеніе это окажется *выгоднымъ* для принявшихъ его. Предложеніе было немедленно отвергнуто, по крайней мѣрѣ въ двухъ случаяхъ, извѣстныхъ мнѣ, что впрочемъ можно было ожидать, зная эти личности, или характеръ главныхъ участниковъ въ Лондонской прессѣ.”

Эки баловники! И тутъ взяточками да головнинскими подкупами... Мало подсылать Хотинскихъ и другихъ подслушивать, мало “Московскихъ Вѣдомостей”, нѣтъ, еще давай подкупать и англійскую прессу. Жаль право, что тѣлесныя наказанія выводятся, чѣмъ кромѣ розогъ уймешь ихъ.

— ЛИСТОКЪ и LE VERIDIQUE. — Князь Н. В. Долгоруковъ перевезъ изъ Брюсселя въ Лондонъ свою русскую типографію; гдѣ на дняхъ отпечатанъ 6-ой Но. “Листка.” Въ этой типографіи онъ заводитъ и французскій шрифтъ и будетъ продолжать изданіе “Le Véridique.” Письма и свѣденія слѣдуетъ присылать ему по слѣдующему адресу: —

Prince Peter Dolgoroukow, 7, Parson's Green, Fulham, London.

— СОЧИНЕНІЯ М. М. МИХАЙЛОВА — изданныя въ пользу автора въ Берлинѣ 1862 у Георга Стильке.

— ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ. — Спѣшимъ указать нашимъ читателямъ на эту замѣчательную брошюру, вышедшую въ Берлинѣ у Швейдера.

— Въ *Общій фондъ* получено отъ “русскаго офицера на русское дѣло” 31 т. 20 гр. (что составляетъ 4 ф. 15 шил.)

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138, Calcedonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна 9 пенс. съ семнадцатымъ листомъ—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

ЛИСТЬ 164.

1 Іюня 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 17).

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement : VETCHÉ No. 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—С. Падлевскій—Свобода—Конституція и Земскій Соброръ—Россиада—Два образчика Валуевскихъ циркуляровъ—

Платъ о Минишевскомъ—Финляндія—Самара—Пять розы безъ шиповъ—Для свѣденія—Общій фондъ.

С. ПАДЛЕВСКІЙ.

Мая 15 Сигизмундъ Падлевскій разстрѣлянъ царскими солдатами въ Плоцкѣ. Еще благородная, еще юная жертва со стороны Польши, еще преступленіе съ нашей стороны.

Давно-ли онъ былъ въ нашей средѣ въ числѣ *тѣхъ шести*, о которыхъ мы говорили, полный надеждъ, полный отваги...

Правъ былъ тотъ Папа, который отвѣчалъ польскимъ духовнымъ, просившимъ у него мошей. “Развѣ вы забыли, что гдѣ-бы вы ни взяли горсть земли вашего отечества, вы бережете мощи вашихъ мучениковъ”.

СВОБОДА.*

No. 1.

(Перепечатано съ листа, паданнаго въ Россію).

Единственнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, терзающихъ Россію, есть самодержавный деспотизмъ; подъ вліяніемъ его сложился весь настоящій гибельный порядокъ вещей, давящій насъ и губящій всякое развитіе. Самый поверхностный взглядъ на всѣ отрасли русской жизни подтверждаетъ эту очевидную истину и убѣждаетъ, что всѣ онѣ парализованы и убиты бессмысленнымъ самодержавіемъ, составляющимъ непрерывную іерархическую цѣпь, начинающуюся самодержавнымъ императоромъ и окончивающуюся самымъ послѣднимъ чиновникомъ, такимъ-же самодержцемъ въ сферѣ, ему подчиненной. Уродливыя попытки разныхъ реформъ еще нагляднѣе выставляютъ всю несостоятельность самодержавія.

Мнимое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, лишеніе народа его собственности—земли, и избіеніе крестьянъ; судебная реформа, сохраняющая прежній административный произволъ подъ мненіемъ “предупредительныхъ мѣръ” и, естественно, немогушая ввести правильнаго суда при существованіи деспотизма; лицемерныя заботы о “благѣ народа” и новые обременительные налоги и поборы, раззоряющіе

преимущественно бѣднѣйшіе классы народа; пошлое либеральничанье и закрытіе воскресныхъ школъ—единственнаго источника народнаго образованія; закрытіе университетовъ съ безчеловѣчнымъ преслѣдованіемъ лучшей учащейся молодежи; пелѣнья разглагольствованія объ уничтоженіи цензуры и свободѣ печати (вещь немыслимая при самодержавіи) и окончательная передача литературы въ полное распоряженіе III-го Отдѣленія и Валуева съ комп.; шутовскіе гимны благодушію монарха и, съ одной стороны, казематы, ссылки въ каторгу; съ другой—кровавая жестокость въ упорномъ отстаиваніи незаконнаго господства надъ польскимъ народомъ, господства тѣмъ болѣе гибельнаго для нашего отечества, что, раззоряя и губя нашъ народъ, оно еще вызываетъ неизбѣжное столкновеніе съ европейскими державами, могущее окончиться еще болѣе печальными послѣдствіями, чѣмъ какія мы видѣли у стѣпъ разрушеннаго Севастополя.—Въ этихъ строкахъ вся исторія нынѣшняго правительства обидная и позорная для людей, терпящихъ такое правительство....

Но терпѣнію людей есть конецъ. Даже рабы, доведенные до безнадѣжнаго отчаянія, встаютъ за свои похищенные права и возстаніе ихъ тѣмъ грознѣе, чѣмъ ужаснѣе были оскорбленія и истязанія. Измученные и лишенные всѣхъ человѣческихъ правъ, всѣ классы русскаго общества почувствовали наконецъ потребность новой свободной жизни. Императорское самодержавіе, по самому принципу, не способно удовлетворить этой потребности, и никогда добровольно не можетъ отказаться отъ вооруженнаго господства надъ жизнью людей и ихъ свободой,—и потому должно быть разрушено; цѣпи императорскаго деспотизма, глубоко врѣзавшіяся въ народный организмъ, должны быть разорваны. Стремленіе разорвать эти цѣпи обнаружилось въ разныхъ концахъ обширной нашей родины и запечатлѣлось кровью поборниковъ русской свободы.—Напрасно правительство думаетъ обмануть русскую и заграничную публику, увѣряя ее въ мнимомъ сочувствіи къ себѣ народа; мученическая кровь крестьянъ,—кровь, пролитіемъ которой почти повсемѣстно прославляла себя “царская воля” еще не застыла; не застыла и та кровь, которую высасываютъ у нашихъ сыновей и братьевъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости достойные намѣстники царской власти—Голицынъ, Потаповъ и комп.

* Колоколъ искренно привѣтствуетъ “Свободу”.

Кровь пролита—этою кровью протестъ противъ самодержавія признанъ имъ же самимъ. Отступленія теперь быть не можетъ : для людей отдавшихъ со всею энергіею служенію дѣлу народнаго освобожденія, — исходъ одинъ только — въ неуклонной борьбѣ съ врагомъ русскаго народа, съ императорскимъ правительствомъ, всегда обманывавшимъ насъ, всегда попиравшимъ заветныя права наши, проливающимъ нашу кровь, губившимъ братьевъ и сыновей, уничтожавшимъ покой, разрушавшимъ трудъ, разорявшимъ богатство нашей страны.

Для этой борьбы и составилось Общество “ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ”. Говорить о силѣ этого Общества—неумѣстно ; мы можемъ замѣтить только, что это Общество успѣло соединить въ себѣ членовъ тѣхъ отдѣльныхъ кружковъ, которые не разъ уже заявляли себя и вмѣсто которыхъ правительство преслѣдовало непричастныхъ къ дѣлу лицъ. Русскій центральный народный комитетъ является только представителемъ антиправительственной организаціи. Организація Общества не образовалась изъ людей, увлекаемыхъ на борьбу съ правительствомъ одними возбужденными страстями или безотчетнымъ фанатизмомъ. Образование нашей организаціи вызвано потребностью самаго общества, въ которомъ пробудилось сознаніе необходимости и неизбежности борьбы съ самодержавнымъ деспотизмомъ. Лучшее выраженіе себѣ сознаніе это нашло въ многочисленныхъ жертвахъ изъ всѣхъ классовъ народа. Время заветной борьбы пришло и мы не уклоняемся и идемъ на нее, сильные желаніемъ лучшей доли нашей родины, крѣпкіе всегдашней готовностью заплатить жизнью за исполненіе своего желанія.

Такъ организація наша составила изъ людей, непоколебимо убѣжденныхъ, и по слишкомъ очевиднымъ данымъ, что при неспособности правительства, революція въ Россіи неизбежна, что она неминуемо разразится въ возстаніи угнетеннаго и подавленнаго народа и что, при жестокости и тугоуміи правительства, она можетъ получить исполинскіе размѣры кровавой драмы, если все или по крайней мѣрѣ большинство способное и честное изъ образованныхъ классовъ не станетъ на сторону доведеннаго до возстанія народа и не обезсилитъ тѣмъ самымъ окончательно правительства, лишивъ его какой бы то ни было пользы въ дикомъ упорствѣ. Такимъ образомъ, выступая на борьбу съ правительствомъ за права народныя, Народный Комитетъ въ настоящее время ставитъ себѣ одною изъ задачъ—привлеченіе образованныхъ классовъ на сторону интересовъ народа и, значитъ, ихъ собственныхъ. Въ этой задачѣ ясно стремленіе такъ называемыхъ революціонеровъ—предотвратить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить то кровопролитіе, которое правительство вызоветъ своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ.

Въ силу всего сказаннаго, Народный Комитетъ призываетъ теперь открыто всѣхъ русскихъ гражданъ на служеніе великому дѣлу народнаго освобожденія. Никто изъ честныхъ, здравомыслящихъ людей не можетъ, оставаясь правымъ предъ своею совѣстью, уклоняться отъ служенія этому дѣлу. Пусть всѣ тѣ, которые могутъ и готовы вмѣстѣ съ нами

энергически и непрестанно, не щадя себя ни въ какихъ трудахъ и опасностяхъ служить народному дѣлу,—присоединяются къ намъ ; доступъ къ намъ такіе люди найдутъ всегда и вездѣ при посредствѣ нашихъ столичныхъ, провинціальныхъ и заграничныхъ агентовъ, снабженныхъ отъ Комитета, извѣстными установленными уполномочіями и довѣренностями. Агенты Комитета сообщаютъ вновь вступающимъ въ организацію и уже достаточно испытаннымъ лицамъ особую, за печатью Комитета, инструкцію знакомящую подробно съ задачами Общества и съ тѣмъ какъ вести дѣло организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не призываемъ людей къ сверхъестественнымъ самопожертвованіямъ : люди, жизнь которыхъ тѣсно связана семейными узами, или которые не способны по своему положенію къ дѣятельному участію въ общенародномъ дѣлѣ,—тѣ люди тѣмъ не менѣе могутъ оказывать посильную пользу съ своей стороны доставленіемъ разныхъ средствъ, необходимыхъ для обширной дѣятельности организаціи, между прочимъ, доставленіемъ денежныхъ пожертвованій. Для этихъ пожертвованій наша открытая касса находится въ Лондонѣ, при редакціи “Колокола”. Въ самой же Россіи денежные взносы доходятъ до Комитета чрезъ вышеупомянутыхъ столичныхъ и провинціальныхъ агентовъ, выдающихъ нумерованныя, съ приложеніемъ особой печати Общества, квитанціи.

Нумера выданныхъ квитанцій печатаются въ ближайшихъ нумерахъ “Свободы” или “Колокола”.

Призывая въ настоящую минуту открыто всѣхъ и каждого къ содѣйствію въ народномъ освобожденіи, Народный Комитетъ, естественнымъ теченіемъ обстоятельствъ поставленный во главѣ русскаго революціоннаго движенія, отвѣтствуетъ предъ каждымъ изъ членовъ Общества “Земля и Воля” въ томъ, что онъ будетъ неуклонно и постоянно вести дѣло къ предполагаемой цѣли—къ разрушенію императорскаго самодержавія и къ торжеству народныхъ интересовъ, которое должно выразиться прежде всего въ созваніи Народнаго Собранія изъ выборныхъ представителей свободнаго народа. Собраніе это само опредѣлитъ новый общественный строй нашего свободнаго отечества, и послѣднимъ моментомъ дѣятельности Общества “Земля и Воля” будетъ гарантія свободныхъ выборовъ въ Народное Собраніе и огражденіе Собранія отъ всякихъ насильственныхъ вліяній и отъ притязаній имущественныхъ и сословныхъ привилегій.

Затѣмъ, Комитетъ считаетъ нужнымъ сообщить членамъ организаціи, что, сообразуясь съ желаніемъ большинства членовъ—Комитетъ будетъ отъ времени до времени выпускать свои печатныя изданія, подъ настоящимъ названіемъ. Въ этихъ изданіяхъ будетъ или разъясняться общее положеніе дѣла въ Россіи, или-же будутъ дѣлаться обществу предостереженія и указанія на разныя гнусныя дѣйствія правительства, которыя оно всегда старается скрыть. Вмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, сообразно съ ходомъ дѣла, будутъ постепенно выясняться цѣли Общества и тѣ средства, которыми оно идетъ къ ихъ осуществленію.

(Типографія Общества “Земля и Воля”).

РАЗЧИСТКА НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

(Статья Вторая)

КОНСТИТУЦІЯ И ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

... il me semble impossible de ne pas accepter l'idée qui fait l'esprit de tout votre livre, savoir, que le fonctionarisme est le véritable fléau de la Russie et qu'une réforme quelconque ne peut réussir qu'autant qu'elle émaucipe les personnes et les choses de ce joug insupportable et fasse décider des intérêts tant communs que particuliers par les intéressés. Ceci est, dans ma conviction, plus important que le système représentatif même le mieux ordonné; bien qu'en Russie les deux choses paraissent devoir aller pair à pair et être nécessaires l'une à l'autre.

J. STUART MILL (lettre particulière).*

“Конституція можетъ быть дана; но земскій соборъ долженъ быть взятъ”. Мы должны достигнуть до земскаго собора, какая бы ни была дана конституція.

Конституція можетъ быть дана сословная. Она можетъ быть дана какъ готовый уставъ, которому приказано повиноваться.

Земскій соборъ, какъ съѣздъ выборныхъ отъ всего земства, необходимо основанъ на безсословности выборовъ, и собирается не для исполненія даннаго, приказаннаго устава, а для устройства земли русской по потребностямъ земства, для узаконенія правъ владѣнія, выборной администраціи и суда, областного распредѣленія и учрежденія формы правительства.

Попробуемъ разобрать этотъ вопросъ отчетливо.

I.

Слово “конституція” употребляется такъ различно, что смыслъ его чуть-ли не мѣняется глядя по человѣку, который его произноситъ. Отъ этого иные говорятъ, что для Россіи необходима конституція; другіе говорятъ, что Россіи вовсе не нужна конституція, и сбивчивость понятій то о конституціи, то о Россіи—держитъ общественное мнѣніе въ хаосѣ, который мѣшаетъ людямъ понять и свои цѣли и свои средства.

Само по себѣ, слово “конституція” выражаетъ *составъ* чего бы то ни было. Такимъ образомъ говорится о *конституціи* человѣческаго тѣла—крѣпкой или слабой. Говорится о *конституціонной* болѣзни, когда она вѣлась въ кровь и плоть, перешла въ *составъ* организма. Я потому обращаю вниманіе на первоначальное значеніе слова “конституція” въ смыслѣ *состава*, что оно разъ было очень удачно примѣнено къ общественному устройству, и именно въ Англіи. Англійская конституція въ самомъ дѣлѣ представляетъ тотъ *составъ*, въ который Англія выработалась всей своей исторической жизнью, такъ что писанный *уставъ*, писанная конституція не есть что нибудь особо придуманное, а служитъ дѣйствительнымъ выраженіемъ всего общественнаго *состава*. Представительство всѣхъ представимыхъ элементовъ Англіи стало во главѣ управленія. Королевской совѣтъ, начавшійся на совершенно феодальныхъ основаніяхъ, разрослся въ *пар-*

*“Мнѣ кажется, что нельзя не согласиться съ основною мыслью вашей книги, т. е. съ тѣмъ, что чиновничество составляетъ дѣйствительную язву Россіи и что всякое преобразование останется безуспѣшнымъ, если не освободитъ насъ подъ его несноснаго ига людей и вещи, и не отдастъ равно общіе и частные интересы на рѣшеніе самихъ заинтересованныхъ. По моему убѣжденію, это гораздо важнѣе самаго благоустроеннаго представительства, хотя въ Россіи, кажется, что и то и другое (представительство и самоуправленіе) должны идти рука объ руку, и другъ для друга необходимы”.

Дж. Стюартъ Милль (изъ частнаго письма).

ламентъ (слово, которое возшло въ употребленіе уже съ XIII-го столѣтія). Главные бароны (barones majores) съ самой великой хартіи короля Іоанна (XIII столѣтія) отличались отъ меньшихъ бароновъ (barones minores) родомъ поземельной собственности и формой приглашенія на засѣданіе въ парламентъ. Къ меньшимъ баронамъ присоединились всѣ городскіе и посадскіе представители (burgesses) и число ихъ все увеличивалось. Созываніе парламентовъ становилось для королей все болѣе и болѣе обязательнымъ. Парламентаризмъ росъ рука объ руку съ ростомъ обычнаго права, упроченіемъ неприкосновенности лица, независимостью судебныхъ учрежденій, а также и съ упроченіемъ феодальной наследственности за старшимъ сыномъ, и неотъемлемости личной собственности законно приобрѣтенной (движимой, заработанной). Такимъ образомъ въ Англіи выработались два представимые элемента: собственность феодальная, поземельная, неотчуждаемая и собственность приобрѣтенная. Первое обусловило существованіе особой, верхней палаты парламента, палаты лордовъ; второе обусловило существованіе низшей палаты (house of commons), палаты людей, имѣющихъ всякого рода свободно отчуждаемую собственность, слѣдственно людей выбираемыхъ въ представители тѣми, которыхъ собственность не ниже установившагося ценса. Неприкосновенность лица, иначе какъ по суду, давно была дѣломъ по закону упроченнымъ и его представлять въ парламентъ было печего; оно подразумѣвалось равно для всѣхъ. По этому конституціонный уставъ Англіи, выражающій весь ея общественный составъ, признаетъ за представимый элементъ всякую личную собственность до извѣстнаго *минимума*, ниже котораго остается свободная личность, не имѣющая повода быть представимой за неимѣніемъ достаточной собственности. Два рода собственности составили два сословія и слѣдственно два сословныхъ элемента представительства—собственность неотчуждаемая и собственность перепродажная*. Королевская власть, уступая парламентаризму, свелась на роль центральной управы королевства, исполнительной власти подчиненной парламенту. Такимъ образомъ выросла изъ состава цѣлой исторической жизни, конституція олигархо-буржуазной республики съ монархическими формами.

На континентѣ конституціи были только подражаніемъ англійской. Представимость народныхъ элементовъ была выдумана правительствами по англійскому оригиналу, а жизнь

* Захѣтимъ (это для насъ въ послѣдствіи чрезвычайно важно), что различіе способовъ отчуждаемости землевладѣнія, перепродажнаго тенецтва (найма земли) и фермерства (арендаторства) не послужила въ Англіи ни къ какому сословному различію, ни къ какому построенію особаго сословія землевладѣльцевъ, которое-бы давало право на особое представительство, особую представительную палату. Различіе осталось весьма рѣзко: поземельная собственность неотчуждаемая стала въ особое представительство. Всѣ остальные роды собственности охватились въ одинъ общій избирательный ценсъ. Захѣтимъ еще, что феодальная поземельная собственность удерживалась въ Англіи, конечно, въ ущербъ экономическому развитію страны и ея несовмѣстность съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе чувствуется въ экономическомъ мірѣ. Она составляетъ препятствіе къ движенію поземельныхъ цѣнностей; она не имѣетъ явнаго кредита, ни выражающихъ ее кредитныхъ бумагъ въ обращеніи, не имѣетъ представляющихъ ее цѣнностей на рынкахъ королевства. Займы подъ залоги (въ частные руки) составляютъ такіе семейные тайны, въ мракъ которыхъ не проникло никакое статистическое изслѣдованіе; ихъ цифра и значеніе въ общемъ обращеніи цѣнностей неизвѣстны. Отсюда поземельная цѣнность лишена живой текучести и представляетъ если не мертвый, то какой-то окаменѣлый капиталъ. При этомъ случаѣ, не могу не вспомнить, какъ безумно наше правительство лишило поземельную цѣнность ея выраженія и слѣдственно ея обращаемости въ экономическомъ мірѣ, когда уничтожило банковыя учрежденія, ниславшія поземельныя цѣнности въ обращеніе посредствомъ обмѣна вкладовъ и залоговъ.

подъ него не подходила. И основныя населенія, и завоевательныя напавы носили иной физиологической чеханъ, и обстоятельства складывались иначе. Народы шли иными путями. Обычное право нигдѣ не выработалось довольно сильно, чтобы не уступить правительственному законодательству. Самоуправленіе мѣстное—или вдругъ подчинялось стремленію къ административной централизациі, или не имѣло потребности выйти изъ подъ нея и ограничивалось мелкими, домашними интересами.

Франція только съ небольшимъ тридцать лѣтъ вынесла англійскія конституціонныя формы. До революціи, феодализмъ давно уже тералъ почву; аристократія сохраняла призракъ власти, но земли переходили въ собственность простыхъ покупателей. Интересъ феодальной собственности улетучивался въ интересъ сословія, опиравшагося на остаткахъ традиціонныхъ злоупотребленій. Въ сущности была административная централизациі старой монархіи, и только. Провинціальныя парламенты, съ трудомъ отстаивая провинціальныя права противъ монархіи, не имѣли силы отстоять ихъ противъ религіозной идеи административной централизациі національной, противъ религіи національнаго единства. Франція перешла отъ провинціального представительства къ представительству штатовъ (сословіи), потомъ къ общему безсословному представительству, работавшему для созданія новаго административнаго единства. Изъ монархической централизациі, Франція, посредствомъ революціи, перешла къ централизациі философской во имя правъ человѣка вообще. Между тѣмъ представимость общихъ отвлеченныхъ идей, а не дѣйствительныхъ экономическихъ интересовъ и интересовъ мѣстнаго самоуправления—оказалась невозможностію. Философская административная централизациі убила представительство и перешла въ централизациі императорскую, ставшую во главѣ страны, раздѣленной ею на административныя департаменты. Конституціи, введенныя послѣ императорства, опредѣляли представимость административно, по департаментамъ, числу душъ и ценсу. Изъ какихъ внутреннихъ, историческихъ даппыхъ вышла, на примѣръ, хотя-бы конституціи тридцатаго года? Чтѣ обусловливало ценсъ въ 200 франковъ подати? Что значила камера перовъ, назначаемая изъ королевскихъ чиновниковъ? Представляла-ли она интересъ неотчуждаемой поземельной собственности? Нѣтъ! — Была-ли она провѣрочной комиссіей законодательнаго собранія, какъ американскій сенатъ? Нѣтъ! Она представляла нѣкоторую лишнюю гарантію въ пользу королевской власти. Представительство палаты депутатовъ было опредѣлено произвольно. Дѣйствительныхъ конституціонныхъ элементовъ, дѣйствительныхъ представимыхъ интересовъ, выходящихъ изъ общественнаго состава,—не выразилось въ конституціонной Франціи. Отсюда новая революціи, новое безсословное представительство общихъ отвлеченныхъ идей, и новая императорская централизациі.

Въ другихъ странахъ подражаніе англійскимъ конституціоннымъ формамъ дошло до еще бѣднѣйшихъ результатовъ. Въ Пруссіи результатъ достигъ до жалкаго и смѣшнаго. Сама Италия не можетъ успокоиться съ пьемонтскимъ конституціоннымъ единствомъ, и—послѣ достиженія полной независимости отъ иностранныхъ владычествъ—едва-ли эта форма окажется возможной въ странѣ отдѣльныхъ городскихъ центровъ, всегда имѣющихъ стремленіе къ самобытной жизни.

Англійскія конституціонныя формы, пересаженныя на континентъ, не привились.* Представимые элементы сложились иначе, не уживаются съ ними, и ищутъ своего исхода. Отъ этого на континентѣ никогда, подъ “конституціей,” не понимали устава, выросшаго изъ общественной жизни, выработаннаго общественнымъ составомъ; а понимали уставъ, сочиненный и предложенный правительствами, по примѣру англійской конституціи, съ большимъ или меньшимъ ограниченіемъ монархической власти, съ произвольнымъ опредѣленіемъ избирательства и неопредѣленностью представимыхъ элементовъ. Отсюда, въ обыденномъ употребленіи слова, подъ “конституціей” разумѣется писанная грамота, ограничивающая какимъ-бы то способомъ ни было монархическую власть, и подъ конституціоннымъ правленіемъ—правленіе монархическое ограниченное.

Въ этомъ смыслѣ слово “конституціи” принялась въ Россіи. Отъ этого уже начались являться, а вскорѣ явится и огромное число сочинителей проектовъ “конституцій,” и отъ этого у многихъ является неопредѣленное отвращеніе отъ “конституцій,” отвращеніе, при которомъ подъ часъ забывается, что какое названіе ни употребляй, а съ уничтоженіемъ деспотизма необходимо пачинается *правленіе представительное*.

Само правительство, не удовлетворяясь, или видя, что никто не удовлетворится проектомъ о губернскихъ управлахъ, говорятъ, рѣшилось поступить въ число сочинителей проекта конституціи и поручило это сочиненіе самому скромному изъ Корфовъ, вѣроятно потому, что онъ написалъ біографію Спераискаго.

Но мы изъ этого, равно какъ и изъ всѣхъ толковъ и изъ самихъ обстоятельствъ, можемъ заключить одно, что становится съ каждымъ днемъ очевиднѣе: *самодержавіе долѣе держаться не можетъ*.

Это выводъ отрицательный. Положительный вопросъ сводится на слѣдующее: способна-ли Россія къ представительному правленію и какіе элементы въ ней представимы?

Н. ОГАРЕВЪ.

(Продолженіе впрѣдъ).

РОССІАДА.

Россія бранная царца!

Державинъ.

(Постановка патриотизма и усердія въ Петербургѣ—Малоръ Карповъ съчетъ малора—Русскія шайки по желѣзной дорогѣ и въ Лятвѣ—Генералъ Гавецкій—Убіиства, разбѣи и битѣи женщинамъ—Постановка усердія и патриотизма въ Москвѣ—Изъ Сибири).

Подъ этимъ херасковскимъ названіемъ мы будемъ сообщать нашимъ читателямъ новости объ успѣхахъ разложенія официальной, казарменной, канцелярской, императорской, гвардейской, армейской, нѣмедкой, дворцовой, полицейской Россіи.

Развитіе ея *дикаго мяса* и гангрены идетъ съ быстротой, побѣждающей всѣ ожиданія враговъ и друзей. Никакого мамонтоваго организма надолго не хватитъ при такой острой болѣзни.

* Маленькія государства, какъ Голландія и Бельгія, удержали и вѣроятно еще долго удержатъ англійскую конституціонную форму и потому, что эта форма ближе къ ихъ внутреннему развитію, и потому, что ихъ объемъ облегчаетъ возможность ужиться со всякимъ компромиссомъ. Швеція, сколько намъ кажется, имѣетъ свои совершенно оригинальные элементы представительства и потому свою совершенно-оригинальную конституцію, которая потому именно и способна идти въ ростъ, что она не результатъ абстрактнаго подражанія, а результатъ дѣйствительнаго состава народнаго жизни.

Мы представимъ для начала Россіады выписки изъ полученныхъ нами писемъ, неизмѣняя ничего, и пропуская только подробности, которыя было-бы небезопасно печатать. Комментарій мы не прибавимъ никакихъ; всякое слово можетъ только ослабить впечатлѣніе. Мы безконечно благодарны нашимъ корреспондентамъ, и просимъ еще и еще подробностей объ интересномъ процессѣ, которымъ петербургское правительство переходитъ въ какой-то лимбургской сыръ.

Начнемъ съ невнятнаго дивертисемена преданности и усердія, поставленнаго княземъ Суворовымъ въ день рожденія государя :

“Дѣло началось вотъ какъ : при дворѣ какъ извѣстно постоянно пилать Суворова за его либерализмъ и за революціонный духъ петербургскихъ жителей, которому онъ, по мнѣнію Строгановской партіи, не противудѣйствуетъ довольно усердно. Вотъ Суворовъ, вмѣстѣ, какъ говорятъ, съ Долгорукинымъ выдумалъ въ видѣ отвѣта демонстрацію. Онъ извѣстилъ въ официальной бумагѣ Анненкова, что дошли до него слухи о томъ, что народъ готовится собраться 17 числа на Адмиралтейской площади и тамъ становясь на колѣни поднести государю хлѣбъ-соль, то что онъ считаетъ своею обязанностью извѣстить г. оберъ-полицмейстера, что онъ (т. е. генералъ-губернаторъ), съ своей стороны, никакого препятствія къ подобному измѣненію народной преданности не видитъ. Дальнѣйшаго хода дѣла почти и рассказывать нечего; Анненковъ разумѣется смекнулъ въ чемъ дѣло : созвалъ всѣхъ частныхъ и объявилъ имъ, что его свѣтлость не видитъ никакой причины препятствовать выраженію чувствъ петербургскаго населенія. Частные объявили въ свою очередь квартальнымъ ту-же самую радостную новость, а теперь (писано два дня до демонстраціи), городовые и будочники стогнаютъ народъ въ частные дома; съ нихъ берутъ по полтиннику, а съ болѣе зажиточныхъ и по рублю серебромъ на золотое блюдо, на которомъ будутъ подносить государю хлѣбъ-соль.

“О подлости совершенномъ съ адресомъ петербургскаго дворянства вы знаете вѣроятно уже давно, и гораздо обстоятельнѣе нежели я бы могъ рассказать вамъ эту исторію, и потому перехожу къ предметамъ болѣе для меня извѣстнымъ.*

“18 Апрѣля. Вчерашняя демонстрація не удалась. Съ самаго утра шелъ мелкій, пронизательный дождикъ, какой, мнѣ кажется, бываетъ только въ Петербургѣ да въ Лондонѣ и успѣшно “остудилъ” вызванный г. оберъ-полицмейстеромъ патріотической жаръ. Однако нельзя не похвалить стратегическихъ способностей выказанныхъ имъ по поводу вчерашнихъ вѣрноподанныхъ операцій. Чтобъ лучше сыграть “стремящіяся волны народа”, всѣ дворовые, которые въ нынѣшнемъ случаѣ должны были представлять роль “пѣйзановъ” были раздѣлены на три большихъ отряда и согнаны въ соборъ Казанскій и Исакиевскій и церковь Вознесенія, что на Вознесенскомъ проспектѣ. Только что царь, который выслушалъ молебень въ Исакиевскомъ, тронулся оттуда, какъ дали знать въ Казанскій, и толпа сейчасъ-же отправилась оттуда по Невскому къ зимнему дворцу, уменьшаясь однако значительно по дорогѣ, вслѣдствіе дождя, который сталъ накрапывать все сильнѣе. Вслѣдъ за государемъ бросилась тутъ-же толпа изъ Исакія и Вознесенія, но пока народъ (около 1000 чел.) не

сошелся у дворцоваго крыльца, государь уже скрылся. Постоялъ, постоялъ народъ въ какомъ-то полу-мрачномъ раздумьи и вполголоса сталъ разбирать вопросъ : “Выйдетъ-ли царь, или нѣтъ?” и рѣшивши, что царь разсердился, что такъ мало народу и потому не выйдетъ. Между тѣмъ вышелъ какой-то камеръ-лакей показалъ народу золотое блюдо, на которомъ старшины только-что подносили внутри дворца хлѣбъ-соль и сейчасъ-же ушелъ. Черезъ полчаса или болѣе народу стало надобно и мало по малу онъ сталъ расходиться, сперва по одиночкѣ, а потомъ и цѣлыми кучками, вскорѣ разѣхались и кареты и коляски окружавшія александровскую колонну, въ надеждѣ на какое-нибудь трогательное зрѣлище, и на мокрой площади остались одни только часовые да два извозчика у угла пѣвческаго моста. Тѣмъ и окончилась демонстрація”.

Изъ Вильно. “На дняхъ былъ у меня офицеръ, который мнѣ рассказалъ слѣдующій фактъ : Маіоръ Карповъ (орловскій помѣщикъ) съ отрядомъ стрѣльцовъ, какого-то линейнаго полка и драгунъ, преслѣдовалъ такъ называемую шайку мятежниковъ верстахъ въ десяти, двѣнадцати къ Югу отъ Козловой-Руды, одной изъ станцій на желѣзной дорогѣ между Ковно и Вержболово. Послѣ 2-дневныхъ напрасныхъ маршей по полямъ и лѣсамъ, Карповъ пришелъ со своимъ отрядомъ въ деревню, названіе которой точно также, какъ и фамилія ея владѣльца, польскаго помѣщика, мой рассказчикъ забылъ. Карповъ обманутый уже двумя-тремя лазутчиками на счетъ направленія взятаго “мятежниками”, подавши наконецъ на слѣдъ ихъ послѣдняго привала у самаго входа въ деревню, вошелъ съ своимъ отрядомъ на помѣщичій “дворъ”, а самъ отправился въ домъ. У самаго входа попался ему девятилѣтній сынъ помѣщика, когда на вопросъ были-ли здѣсь повстанцы? мальчикъ отвѣчалъ что не были, то Карповъ велѣлъ принести веревки и блокъ, ввинтить послѣдній въ потолокъ, веревкой обложилъ горло мальчика и грозилъ ему немедленной смертью въ случаѣ дальнѣйшаго отказа выдать пребываніе польскаго отряда. Мальчикъ испугался и признался, что повстанцы дѣйствительно были въ деревнѣ, но оттуда отправились въ лѣсъ и что отецъ его долженъ знать гдѣ они теперь. Позвавъ отца (отставнаго маіора русской службы) и получивъ отъ него такой-же не удовлетворительный отвѣтъ, Карповъ велѣлъ ему раздѣться до нага. Помѣщикъ согласился, полагая, что его будутъ обыскивать. Но дѣло кончилось иначе. Раздѣтаго старика Карповъ велѣлъ двумъ казакамъ положить и *бить казацкою нагайкою* пока онъ самъ допрашивалъ пытаемаго о направленіи взятомъ повстанцами. На девятомъ ударѣ помѣщикъ сознался и далъ требуемый отвѣтъ. Уходя, Карповъ оставилъ избитому старику росписку въ томъ, что будучи принужденнымъ вынудить силою показаніе у отставнаго маіора помѣщика такого-то, этотъ послѣдній на девятомъ ударѣ указалъ на направленіе, по которому пошелъ отрядъ польскихъ мятежниковъ. Помѣщикъ изорвалъ записку тутъ же, а Карповъ съ отрядомъ отправился въ лѣсъ. Результатъ извѣстенъ изъ газетъ, (припертые къ широкому и бездонному болоту, поляки потеряли много плѣнныхъ, и всѣ почти остальные погибли въ болотѣ). Сейчасъ-же послѣ возвращенія въ Вильно, Карповъ доложилъ Назимову обо всемъ случившемся и между прочимъ о высѣченномъ нагайкою помѣщикѣ. Назимовъ не желая компрометировать себя въ подобномъ дѣлѣ, ограничился тѣмъ, что написалъ обо всемъ государю.

* Совѣтъ не знаетъ и просимъ сообщить.—Ред.

Но русское воинство въ Вильно не могло позволить подобное обращеніе съ своимъ товарищемъ. Подъ главнымъ руководствомъ генерала Ганецкаго (Владислава Казимировича или Казимира Владиславовича, однимъ словомъ несомнѣннаго поляка, который теперь ведетъ себя жестоко съ виленскими пѣвными), русскіе офицеры въ Вильно дали Карпову публичный обѣдъ, на которомъ въ довершеніе всѣхъ пьяныхъ рѣчей и тостовъ, Ганецкій обнялъ Карпова со слезами умиленія и поставилъ его дѣйствіе съ польскимъ помѣщикомъ въ примѣръ всѣмъ прочимъ офицерамъ. За достовѣрность всей этой исторіи я ручаюсь и надѣюсь прислать вамъ въ скоромъ времени какъ фамилію помѣщика, такъ и названіе его деревни. Что государь сдѣлаетъ съ Карповымъ пока еще неизвѣстно”.

Изъ другого виленскаго письма. “На всѣхъ станціяхъ 800-верстной желѣзной дороги расположены войска. При остановкѣ поѣзда на станціи, рота, занимающая ее, выходитъ на платформу, строится и стоитъ подъ ружьемъ, пока поѣздъ не отойдетъ. На 2 или 3 станціи отъ Ейдткунена (Козлова-Руда) стояла подъ ружьемъ рота какого-то армейскаго полка. Армія, какъ видно, одѣта хуже гвардіи, и люди въ ней физически плохи. Солдаты въ Козловой-Рудѣ были одѣты въ лохмотья, ростомъ карлики. Кромѣ того *зесь строй былъ пьянъ*, и ружья какъ-то смѣшно качались у нихъ въ рукахъ. Одежда одного изъ пассажировъ привлекла вниманіе одного изъ этихъ храбрыхъ воиновъ, который, не стѣсняясь фронтомъ и присутствіемъ въ строю офицера съ обнаженной шпагой, обратился къ путешественнику съ такою рѣчью: “что сѣрый, ходишь, подь-ка сюда, *пополощу* въ тебѣ штыкъ, онъ въ дѣлѣ-то былъ, поржавѣлъ въ крови вашего брата,” и т. д. Тутъ-же другой солдатъ выбѣжалъ изъ строя, и шутя схватилъ за бороду высушившагося изъ вагона еврея. Офицеръ спокойно смотрѣлъ на то что дѣлалось; солдаты не обращали на него никакого вниманія.

“На одной станціи посадили четырехъ солдатъ, ѣхавшихъ на слѣдующую станцію. Окна въ вагонѣ были открыты; солдаты приказываютъ закрыть ихъ (съ крикомъ и употребленіемъ мѣстоимѣнія ты). Большинство пассажировъ безпрекословно повинуются. Только одинъ молодой человѣкъ находитъ это ничѣмъ необъяснимымъ деспотизмомъ. Солдаты страшно ругаются; одинъ изъ нихъ подходитъ къ молодому человѣку и грозитъ, въ случаѣ неисполненія приказанія, тѣмъ, что выкинетъ его шапку изъ окна. Мы ждали чѣмъ это кончится; вдругъ видимъ, летитъ шапка чрезъ окно, и грозный кулакъ виситъ надъ головой непокорнаго пассажира. Не въ терпѣніе стало, всѣ пассажиры разразились потокомъ брани и угрозъ, и получили неожиданный успѣхъ. Солдаты притихли, и одинъ изъ нихъ пробормоталъ извиненіе. Но не долго это продолжалось. Тутъ дѣйствовала только старая привычка—бояться и уважать кричащаго и ругающагося. Скоро солдаты вспомнили, что времена не тѣ, и еслибы не случилась станція, намъ пришлось-бы вынести отъ нихъ оскорбленія, а можетъ быть, и нападеніе. Пассажиры объяснили все дѣло какому-то капитану. Онъ вошелъ въ вагонъ и спросилъ солдатъ: такъ-ли? Тѣ, *сидя*, отвѣчали ему, что все такъ, да только вотъ что не такъ, что онъ принимаетъ нашу сторону, и не заботится объ здоровьи арміи его величества, а онъ-то объ ней заботятся, и боясь простуды, требовали закрытія оконъ. Офицеръ согласился съ ними, сказавъ намъ, что онъ удивляется, что мы требуемъ отъ необразованнаго человѣка какой-то *утонченной (?) вѣжливости*.

“Въ Вильнѣ видны только пьяные солдаты, гвардейскіе офицеры, франтящіе боевой формой—высокими сапогами, и заряженными револьверами. Встрѣчаются жида и жидовки. Молодыхъ мужчинъ вовсе нѣтъ. Чаше попадаются хорошо одѣтыя дамы, но въ глубокомъ траурѣ. Офицеры *приняли себѣ за правило* не уступать дороги такимъ дамамъ, которымъ по этому приходилось ходить въ грязи по улицѣ.

“Въ Вильнѣ есть чудотворныя ворота, съ образомъ Божіей матери—Острыя Браны. Обычаемъ принято снимать шапки при проходѣ черезъ ворота; но офицерскіе кепи не покидали умныхъ головъ своихъ собственниковъ. Два раза въ день, утромъ и вечеромъ, польскія дамы собираются, и тогда вся улица передъ святыми воротами представляетъ самое трогательное, но ужасно подавляющее зрѣлище. Матери, сестры, жены мучениковъ польской свободы стоятъ на колѣняхъ, распростертыя на камняхъ мостовой, и молятся. Мертвая тишина иногда прерывается воплями, а разъ при мѣ крикомъ кучера везшаго какого-то генерала, который не отставалъ отъ кучера, и тоже кричалъ: сторонись. (Польскіе извозчики въ эти часы объѣзжаютъ это мѣсто: кругъ весьма не большой). Послѣ 9 часовъ нужно имѣть при себѣ фонарь, что впрочемъ не спасаетъ отъ воровства молодцовъ нашихъ. Солдаты сами рассказываютъ, что дѣйствительно “наши” часто *шалаютъ*, прикочають на улицѣ, ограбятъ и дадутъ знать въ ближайшую патруль, что они видѣли тамъ то трупъ.

“Съ сыномъ содержателя одной извѣстной гостиницы случилось среди бѣла дня слѣдующее: къ нему подходитъ дза солдата, и требуютъ рубль на водку. Онъ не даетъ. “Ей, баринъ, смотри, плохо будетъ, говорю плохо.”—Нѣтъ, не дамъ рубля.—“Такъ-то, ей, караулъ, караулъ.” Приходитъ на крикъ патруль и молодой человѣкъ теперь еще сидитъ въ крѣпости, обвиненный въ томъ, что торговалъ ружье у солдата его императорскаго величества.

“Говорятъ, что много русскихъ офицеровъ перешли на сторону инсургентовъ, что и солдаты-поляки переходятъ. Даже многіе русскіе солдаты перешли къ полякамъ *за плату 30 рублей въ мѣсяцъ*. Дѣло въ томъ, что полякамъ нужны бываютъ барабанщики, трубачи, и другіе незамѣнимые спеціалисты, и они легко находятъ ихъ въ рядахъ русской арміи.

“Я видѣлъ собственными глазами, даю въ томъ честное слово, какъ казакъ билъ нагайкой по спинѣ и по юбкамъ молодую даму, одѣтую въ глубокой трауръ. Нѣсколько офицеровъ шли подъ руку мимо этой сцены. Дама обращается къ нимъ о защитѣ. Одинъ изъ нихъ, улыбаясь, отвѣчаетъ, что казаки не находятся подъ ихъ командой, и что сверхъ того они не входятъ въ полицейскія дѣла и наказанія.

“Фундаменты (цоколи) всѣхъ домовъ въ Вильно окрашены въ красный цвѣтъ, а всѣ вывѣски въ синій. Прежде большинство цоколей въ городѣ было чернаго цвѣта, какъ самаго немаркаго. Цвѣтъ тутъ не имѣлъ никакого значенія. Но Назимовъ вообразилъ, что дома трауръ носятъ—и шелъ перекрасить ихъ въ красный цвѣтъ. Теперь нѣтъ ни одного дома въ Вильнѣ безъ краснаго цоколя. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ всѣ вывѣски окрасить въ синій цвѣтъ, и прибавить ко всѣмъ *сверху* русскіе переводы. Въ тоже время онъ приказалъ виленскимъ извозчикамъ оставить свои европейскіе платья, и нарядиться въ русскіе кучерскіе кафтаны и шапки.

“Такое пріятное для сердца русскихъ словянофиловъ рас-

пораженіе было верхомъ несчастія и угнетенія въ мѣстныхъ извозниковъ. Многие изъ нихъ оставили свою ѣзду и пошли до лѣсу”.

Повальный патріотизмъ. Въ “Общемъ Вѣстѣ” читатели прочтутъ прелюбопытныя подробности объ остромъ характерѣ патріотической эпидеміи въ Москвѣ. “Патріотизмъ начался тѣмъ, что стали солдаты посылать по церквамъ служить молебны; за тѣмъ были взяты стратегически-полицейскія мѣры, чтобы стогнать работниковъ, крестьянъ... Адрессъ крестьянъ былъ диктованъ въ канцеляріи Тучкова Родзевичемъ, адрессъ безпоповцамъ написалъ *передъ чаемъ* Катковъ, на адрессъ поповцевъ былъ открытъ бѣгъ между Н. Ф. Павловымъ и казанскимъ либераломъ И. К. Бабстомъ; Бабстъ, какъ нѣмецъ и протестантъ, обѣжалъ православнаго Павлова. Молебенъ 17 Апрѣля представлялся по случаю приѣзда секретаря французскаго посла, и пр.

Изъ Сибири. Не могу вамъ передать того щемлящаго душу зрѣлища, которое представляютъ сосланные поляки, встрѣчающіеся на каждомъ шагѣ по большой дорогѣ.

Народъ и ямщики жалуютъ ихъ. Между прочими сосланными я встрѣтилъ одного поляка 22 лѣтъ, большаго и слабаго; его везли въ *Енисейскъ* за то, что онъ разъ на улицѣ пропѣлъ извѣстный гимнъ, который пѣла и поетъ вся Польша. По дорогѣ изъ Ирбита въ Москву, мнѣ попались 26 политическихъ арестантовъ; у многихъ были обмороженные и простуженные руки и ноги, пятна на лицѣ; всѣ едва одѣты въ худыхъ полушубкахъ... а императрица Марья Александровна плачетъ о томъ, что попы въ западныхъ губерніяхъ служатъ въ старыхъ ризахъ.”

Неподложный молебенъ. Рядомъ съ этой грязью по ступицу, съ этимъ официальнымъ фиглярствомъ, надувательствомъ государя и надувательствомъ народа, съ диктованными адрессами и поддѣльными молитвами—на насъ какъ-то грустно и умирительно подѣйствовала слѣдующая вѣсть полученная нами изъ Петербурга: “Палачи служили благодарственный молебенъ по случаю отмѣны тѣсныхъ наказаній.” Бѣдные люди, невольные исполнители общественной свирѣпости и мести—и они освободились!

ДВА ОБРАЗЧИКА ЦИРКУЛЯРНО РАЗОСЛАННЫЕ ВАЛУЕВЫМЪ.*

I.

Секретно.

Адрессъ на имя Государя Императора,

(Послѣ краткаго титула, какой употребляется на великомъ выходѣ съ прибавкою на концѣ: *Освободителю народа русскаго отъ крѣпостной зависимости*, писать:)

въ знакъ глубочайшей признательности,
(отъ такого-то общества, села).

Вѣрноподданный Адрессъ.

Мы нижеподписавшіеся, предъ лицемъ Бога всевидящаго и правосуднаго, въ Его храмѣ въ торжественный и приснопамятный день нашего освобожденія отъ неволи, симъ свидѣтельствуемъ и клянемся нашему Всемилоостивѣйшему Освободителю, Великому Государю Императору Александру Николаевичу въ томъ, что люди недобрые оклеветали насъ предъ Нимъ, когда сказали, что мы желаемъ присоединиться къ Польшѣ, и что всѣ мы и наши потомки желаемъ жить и умереть подъ властію незабвеннаго нашего Царя - Отца Александра II и Его преемниковъ, въ неразрывномъ еди-

* Мы только что получили эти два документа, разосланные въ западныя губерніи; откровенно безстыднѣе рѣдко поступало даже петербургское правительство.—Прим. Ред.

неніи съ родною и единовѣрною намъ Россією, а ни какой Польши и поляковъ и зпать не хотимъ. 19 Февраля 1863 г.* (Слѣдуютъ подписи грамотныхъ буквами, не грамотныхъ—крестами, а на концѣ подпись священника и причта).

II.

Рѣчь къ временно обязаннымъ крестьянамъ, по случаю полученія ими полной личной свободы, 19-го Февраля 1863.

Привѣтствую васъ, друзья мои, отъ всей полноты души, съ восторгомъ привѣтствую васъ величайшимъ счастьемъ, какое только можетъ быть даровано человѣку на землѣ, привѣтствую васъ съ полученіемъ той свободы, которая пынѣ дарована вамъ незабвеннымъ во вѣки нашимъ Благодѣтелемъ, нашимъ Паремъ - Отцемъ, человеколюбивѣйшимъ Александромъ II. Прежде вы не имѣли этой свободы, дѣлали то, что вамъ было приказано, тамъ, гдѣ указано, тогда когда у васъ свой бѣдный хлѣбъ валялся съ колоса, прежде вы были почти не люди; теперь, о радость! вы свободны, еще разъ съ восторгомъ привѣтствую васъ.

Вы знаете, мои братья, кому вы обязаны этимъ счастьемъ, я уже называлъ вамъ Имя незабвеннаго Освободителя вашего; чтожъ вы принесете ему въ даръ за Его къ вамъ отеческую любовь, за освобожденіе васъ отъ недавней неволи? Онъ ничего отъ васъ не требуетъ, кромѣ взаимной любви и молитвы.

Осѣни же себя пынѣ, всякая душа русская, православная, крестнымъ знаменіемъ, пади на колѣна и отъ всей души помолись Богу о ниспосланіи твоему Освободителю, твоему Мовсею, всего лучшаго на землѣ и на небѣ; не забывай Его въ своихъ молитвахъ, когда только молишься Богу и завѣщай эту молитву своимъ дѣтямъ и внукамъ, въ вѣки вѣчныя.

Но есть еще одинъ способъ сколько нибудь возблагодарить вашего Освободителя. Душа Его теперь болѣзнуетъ отъ возстанія противъ Него вашихъ недавнихъ владыцъ—польскихъ; они хотятъ отдѣлить нашъ край отъ родной и единовѣрной Россіи, вырвать его отъ покровительства православнаго Царя русскаго, вашего Освободителя и, можетъ быть, снова закабалить васъ въ то тяжкое рабство, отъ котораго вы пынѣ освобождены Имъ. Они уже просили объ этомъ Царя и даже осмѣлились сказать въ этой просьбѣ, что вы сами желаете отдѣлиться отъ Него, отъ Россіи и присоединиться къ Польшѣ. Вижу ваше всеобщее негодованіе при одномъ извѣстіи объ этой гнусной, взведенной на васъ клеветѣ предъ вашимъ Освободителемъ; вѣрю отъ всей души, что васъ оклеветали предъ Царемъ нашимъ; но Онъ-то, Отецъ нашъ, почему знаетъ, что это клевета, какъ Онъ отвѣтитъ клеветникамъ, что это клевета, пока мы сами не скажемъ, что это точно клевета. Чтожъ намъ дѣлать, спросите вы? А вотъ что: напишемъ на бумагѣ, что насъ предъ Царемъ оклеветали, что мы клянемся за себя и наше потомство жить и умереть подъ властію нашего Освободителя и Его преемниковъ русскихъ Государей, въ одной семьѣ съ родною и единовѣрною намъ Россією, а Польши и польскихъ пановъ не знать не хотимъ,—и пошлемъ эту бумагу къ Самому царю.†

* Адрессы въ тотъ же день могутъ быть препровождены къ благочиннымъ, для отсылки архипастырю, а мы уже будутъ препровождены къ генералъ-губернатору для передачи Государю Императору. Адрессы и частію поученія можно разнообразить какъ угодно. Дѣло тутъ не въ краснорѣчіи.—Прим. въ текстѣ.

† Когда послѣ этой рѣчи послѣдуетъ взрывъ единодушнаго согласія на подписку адреса, тотчасъ же предъявить его и подписывать. Можно это сдѣлать и послѣ молебна, но лучше предъ молебномъ. Рѣчь должна быть читана на память, безъ тетрадки, а во всякомъ разѣ безъ печатнаго лоскутка, потому что весь процессъ дѣла долженъ быть покрытъ глубокою тайною для враговъ нашихъ, до вѣдомому одному Богу.—Прим. въ текстѣ.

— *Плачь о Минишевском.*— Всякого убитого человека жаль, жаль прежде чѣмъ успѣшь подумать, дать себѣ отчетъ. Жаль героическихъ дѣтей Польши, юношей идущихъ на смерть за свою вѣру, любовь и надежду. Жаль русскихъ солдатъ идущихъ по неволѣ, исполняя обязанность. Жаль защитниковъ Пуэбло, жаль американцевъ... Но почему изъ массы сраженныхъ, убитыхъ, умершихъ отъ ранъ, вырвать жандармскаго офицера, предъ которымъ Павловъ склонилъ свой ятаганъ “на погребенье”? Почему *Nord* и “Крейц-цей-тунгъ” такъ огорчились смертью польскаго журналиста служившаго видамъ русскаго правительства и это во время возстанія его отечества?

Минишевскій по словамъ “Норда” былъ не только вѣнскимъ фельетонистомъ “Дневника”, но и чиновникомъ министра внутреннихъ дѣлъ Келлера. И не одного Келлера: “Положимъ, продолжаетъ *Nord*, что Минишевскій писалъ только тѣ статьи, которыя ему заказывалъ Велепольскій, но за то онъ ихъ всегда подписывалъ”—и не смотря на эту облегчающую причину, за такую бездѣлицу польское правительство Минишевскаго приговорило къ смерти.

Введи подобные обычаи, просто нельзя будетъ продаваться русскому правительству и Головинъ съ Валуевымъ должны будутъ закрыть лавочку (по крайней мѣрѣ польское отдѣленіе).

И вѣдь подумаешь какая злоба! Мало что невиннаго человека казнили, но продолжили казнь послѣ смерти. “По милости террора царящаго здѣсь, никто не слѣдовалъ за гробомъ Минишевскаго, кромѣ жены и трехъ полицейскихъ, командированныхъ отъ начальства”, (за чѣмъ-же изъ третьяго отдѣленія не прислали трехъ московскихъ журналистовъ?). И тремъ-то полицейскимъ тоже Келлеръ и Велепольскій продиктовали ихъ горячее участіе, а они только шли его! “Ни одинъ священникъ не смѣлъ идти за гробомъ”, а выйдетъ пожалуй еще хуже, ни одинъ и не хотѣлъ. “Вотъ, какъ почтили, громозаключаетъ *Nord*, мужественнаго патріота, который говорилъ истину людямъ.”

Несчастный Сократъ! Не послать-ли Тебу “съ свѣтлой улыбкой младаго чела”, за какой-нибудь вѣчно отравляющей цикутой? Павловъ помѣстилъ своего жандарма въ св. мученики, Минишевскій пошелъ въ Сократы, въ Джордано-Бруно.

...А я все думаю о нашихъ, своя рубашка, хоть посконная и грязная, а все ближе къ тѣлу; большое счастье, что у насъ въ правахъ утверждается больше и больше полная свобода торговли своей совѣстью и убѣжденіями; продавайся кому хочешь, ниши доносы, радуйся конфискаціямъ, трѣбуй головъ, висѣлицъ и пѣпей и только доживешь до того, что ляжешь “аниенская лента широко тебѣ на грудь”.

Что хочешь говори, а образованіе и прогрессъ, смягчая нравы, дѣлаютъ жизнь пріятнѣе.

Впрочемъ (отъ слова ничего не будетъ) на всякій случай не мѣшало-бы охотникамъ до правительственной маратовщины и съ тѣмъ вмѣстѣ до хорошихъ похоронъ впередъ заготовить какого-нибудь неопалимокупинскаго или николомокринскаго попа, чтобы онъ шелъ за гробомъ съ пѣвчими, которые могутъ послѣ вѣчной памяти грянуть

А мы золото хоронимъ!

А мы серебро хоронимъ!

ФИНЛЯНДІЯ.

Финляндцы даютъ намъ урокъ. Сколько Армфельдъ ни хлопоталъ, по университетъ не счелъ нужнымъ писать вѣрноподданническаго адреса. А за тѣмъ и всѣ остальные финляндцы отказались.

САМАРА.

А въ Самарѣ-то разбойнички шумятъ!

Пѣтъ, не разбойнички, а дворянчики; крѣпостное право у нихъ отняли, сами знаете, безъ крѣпостнаго права что за жизнь благородному человеку... Дѣлать нечего, мужичковъ не воротить, дворовыхъ еще меньше. Благороднымъ самаритянамъ и пришло въ голову самихъ себя и другъ друга обратитъ въ крѣпостное состояніе, чтобы имъ быть къ Самарѣ крѣпкими. Кто можетъ человеку помѣшать (если онъ не на рекрутской очереди) уродовать себя, хоть розгой сѣкя! Починъ они сдѣлали славный, снеслись черезъ предводителя съ министеріей, вызывать изъ за границы всѣхъ согуберниковъ. Впредь не хотятъ имъ давать плакатные паспорта иначе, какъ на самый короткій срокъ, а просрочить—бѣда. Говорятъ что новая форма паспортовъ будетъ такая: “Объявитель сего, Самарскій крѣпостной дворянинъ, отпущенъ мною (предводителемъ), на три мѣсяца для пріисканія (здоровья, гувернанты)—и буде означенный дворовый Самарскій дворянинъ просрочить срокъ, ни гдѣ егосъ одержателямъ гостинницъ не держать, а поступить какъ съ бѣглымъ и непомнящимъ Самарской губерніи, (т. е. наказавъ въ Police Correctionnelle или въ County Court'ѣ черкасскими розгами не выше двухъ сотъ ударовъ, препроводить въ Самару по этапу, давъ на прокормленіе по 3 коп. сер. въ день...)”

“Сѣвъ. Пчела”, помѣшая телеграфическую новость объ этомъ, прибавляетъ, что печатаетъ ее съ удовольствіемъ. Что тутъ “пчеламъ” правится, право не знаю—на людской вкусъ это отвратительно. Мы, судя по меду, имѣли гораздо лучшее понятіе о пчелиномъ вкусѣ.

— *Штъ розы безъ шиповъ.*— Шиповъ? Какой Шиповъ? Шиповъ 14 Декабря, Шиповъ Паскевича, Шиповъ Николая, польскій Шиповъ, варшавскій министръ Шиповъ, генералъ-адъютантъ Шиповъ, памятный въ Польшѣ, забытый въ Россіи Шиповъ—словомъ тотъ Шиповъ является въ печати и на кимвалъ сладкозвучномъ бряцаетъ похвалу николаевской кротости, мудрости Паскевича, хвалитъ ихъ добрыя мѣры, хвалитъ самого себя, пѣсколько давая чувствовать теперечному правительству, что даже и въ “Московскихъ Вѣдомостяхъ” не всѣ розы для него безъ шиповъ...

— *Для свѣденія.*—Правительство предписало пограничнымъ тамошнямъ арестовать, при въѣздѣ въ Россію: гг. Головчикова, Бакста и Зальцмана.

— *Слѣдующій листъ Колокола выйdetъ 8 Іюня.*

— СОЧИНЕНІЯ М. М. МИХАЙЛОВА — издавныя въ пользу автора въ Берлинѣ 1862 у Георга Стильке.

— Въ *Общій фондъ* получено отъ No. 69 одинъ фунтъ, отъ Украинца три руб. сер.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138, Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138, Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 165.

10 Іюня 1863.

У Трубнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

О Г Л А В Л Е Н І Е. — Россіада II и III : Письмо литвина изъ Литвы, Письмо русскаго изъ Польши, Русскіе журналы, Императорская пугачевщина.

Смѣсь : Финляндія и адресъ — Пиръ въ Стокгольмѣ — Г. М. Хотянский и III отдѣленіе — Личное объясненіе — Общій фондъ и пр.

РОССИАДА.

II.

Злой тоской удручена
Есть Муравью ползеть она.

Zuchthaus und Festung's Kuhr,
Knut und Blei Kuhr,
Soldaten Kuhr...

Словомъ какихъ нѣмецкихъ и татарскихъ *куръ* правитель-
ство ни употребляло въ Литвѣ и Волыни, отъ *Назимова до*
Гонецкаго (посланнаго туда за неимѣніемъ Реада) — полонизмъ
не проходить, а растеть.

Осталось послѣднее средство, отчаянное, николаевское —
муравьиный спиртъ. Не будетъ ли его втирать опытный
фершалъ Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ, своей единствен-
ной рукой?

Да-съ, правительство головвинскаго прогресса, цотапов-
скаго либерализма, валуевского адрессизма, кроткое, пуховое,
милосердное — снова прибѣгаетъ къ человѣку, который самъ
себя по доброй волѣ, называлъ *палачемъ*.

Муравьевы въ модѣ. Государь въ полномъ муравейникѣ.

Муравьевъ — сюда.

Муравьевъ — туда.

Муравьевъ — направо.

Муравьевъ — налево.*

Николай Николаевичъ старшій, Николай Николаевичъ
младшій, Михаилъ Николаевичъ, есть еще Андрей Николае-
вичъ, преподобный, но онъ обыкновенными земными грѣ-
хами не занимается и остается по части... святыхъ мѣсть.

Намъ впрочемъ до другихъ дѣла нѣтъ, намъ дорогъ
гшшатель — онъ-то и назначенъ операторомъ западныхъ
провинцій.

Не на долго разставались мы съ вами, Михаилъ Нико-
лаевичъ, съ новымъ мѣстомъ — съ новымъ счастьемъ! Ваше
высокопревосходительство, оправдайте довѣріе его величества;
покажите, что вы не хвастаясь, говорили, "что вы не изъ тѣхъ
Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые вѣ-
шаютъ."

Теперь, украшенные арендами и сѣдинами, вы можете

* Въ иностранныхъ газетахъ сказано, что въ случаѣ войны, начальство надъ
русской арміей будетъ предложено Муравьеву-Карскому, генералу очень спосо-
бному; въ тѣхъ-же газетахъ было сказано, что послали на Амурскія.

Годъ VII.

привести въ исполненіе свѣтлыя мечты вашей юности — не тѣ
жалкія мечты, которыя вы имѣли будучи членомъ пестелев-
скаго заговора — но тѣ зрѣлыя мечты человѣка, проклады-
вающего себѣ карьеру, о вырѣзываніи помѣщиковъ польскаго
происхожденія, мечты которыя ны кротко нашептывали
покойнику. Державный фрунтовику не соглашался, онъ не
зналъ во сколько темповъ по военному артикулу слѣдуетъ
рѣзать помѣщиковъ и какимъ маршемъ должно идти на
гайдамачину. Николай боялся, что жакри безъ формы
испортитъ выправку солдатъ. Теперь бояться нечего. Армію
вамъ подготовили чудесно, Ванька Каинъ вичего не имѣлъ
подобнаго, съ такими молодцами можно удивить міръ; не
только передуть помѣщиковъ, но и крестьянъ патріотовъ
самыхъ снова раздавить вашимъ управленіемъ государствен-
нымъ имуществомъ.

И такъ, генераль, *soyez à la hauteur de vos convictions*,
и благородное потомство скажетъ, что вы не изъ тѣхъ Мура-
вьевыхъ, которыхъ дѣлаютъ графами Амурскими, а изъ тѣхъ,
которыхъ дѣлаютъ князьями Аракчеевскими.

... И вотъ по неволѣ приходитъ въ голову вопросъ. Кому
они служатъ всѣ эти гуртовые заплечные мастера и ихъ
литературные подмастерья, мелкіе палачи, мелкіе журна-
листы, Муравьевы и Ганецкіе, Назимовы и Карповы, каты и
Катковы, практики и теоретики торговой казни и лобнаго
мѣста, декораторы демонстрацій, адрессныхъ дѣлъ постав-
щики и газетныхъ статей подрядчики?

Служать они само-собой разумѣется себѣ, но нашъ вопросъ
въ томъ, кто будетъ *тотъ послѣдній*, которому пойдутъ въ
прокъ всѣ эти злодѣянія — словомъ и дѣломъ?

Государь, государство, цѣлость Россіи, величіе имперіи,
распространеніе православія, благосостояніе нѣмцевъ?

Совсѣмъ нѣтъ — ни государю, ни его августѣйшей фамиліи,
ни церкви, ни ея святѣйшему синоду, ни самодержавію и
его правительствующему сенату, ни амурско-манджурской
гралицѣ, ни вержболовской таможенѣ никакой пользы не
будетъ. Нѣмцамъ первымъ и въ первый разъ въ Россіи
пользы не будетъ..

Кому-же?

Подумайте хорошенько,

.....

Сила, которой всё сослужили службу, начиная съ самаго Александра Николаевича, не во дворцѣ; сила эта—сила кроющаяся въ темномъ бору, вѣющая по полямъ, невидимо собирающаяся въ вихрь, который все понесетъ по своему направиленію. Ей то и пойдетъ впрокъ.

Видно и въ исторіи суженнаго конемъ не объѣдешь.

А какъ его имя?

Спросите у воротъ перваго прохожаго, какъ дѣлаютъ невѣсты на святкахъ, а мы помолчимъ до другаго раза. Хочется васъ помучить — вотъ что значить писать о Муравьевѣ Вѣшателѣ.

III.

Письмо литвина изъ Литвы—Письмо русскаго изъ Польши—Русскіе журналы—Императорская пугачевщина, ея ораторы, средства, организація.

Сначала пусть читатели прочтутъ эти канибальскіе факты и эти страшные документы, мы не предпошлемъ имъ ни одного слова.

Изъ письма Литвина отъ 8 Мая 1863.

(Переводъ съ польскаго).

Амнистія, провозглашенная вмѣстѣ съ конфискаціей, по достоинству оцѣнена на Западѣ. Нѣтъ надобности и говорить, что ни одна рука, поднятая противъ нея и варварства, не опустилась по поводу амнистіи. Безобразный союзъ ея съ секвестромъ произвелъ достойные плоды: еще большія насилія и злоупотребленія. Аресты усилились, берутъ людей по одному подозрѣнію. Черезъ недѣлю послѣ провозглашенія амнистіи, одинъ землевладѣлецъ, старикъ, посаженный въ тюрьму назадъ тому шесть недѣль, за то, что къ нему заходили инсургенты, потребовалъ аудіенціи у слѣдственной комиссіи и сказалъ ей: “Я узналъ, что провозглашена амнистія; мнѣ бы желательно чтобы вы сообщили мнѣ ея содержаніе.” Ему прочитали манифестъ. “Послѣ этого”, сказалъ землевладѣлецъ, “спрашиваю васъ господа, по какому праву держите меня въ тюрьмѣ и извращаете царскую волю? На худой конецъ можете меня только подозрѣвать, что я хотѣлъ взяться за оружіе; я же сознаюсь, что былъ инсургентомъ, но теперь слагаю передъ вами оружіе—и требую освобожденія.” На это предсѣдатель комиссіи отвѣчалъ, что нѣтъ распоряженія освободить заключенныхъ, а напротивъ, приказано ихъ содержать. Само собою разумѣется, что его до сихъ поръ не выпустили.

Беззаконія и тиранства солдатъ день ото дня увеличиваются. На полѣ сраженій тѣшатся надъ ранеными инсургентами, подвергаютъ ихъ медленнымъ истязаніямъ, колятъ штыками руки, ноги... Не было примѣра, чтобы нашли трупъ инсургента въ одеждѣ. Часто, надъ умирающими, солдаты начинаютъ драку и раятъ другъ друга изъ за этой постыдной добычи.

Съ плѣнными войска обходятся ужасно; вяжутъ веревками, бьютъ кулаками, прикладами ружей, плюютъ въ лицо, прибавляя къ тому по обычаю ругательства и насмѣшки; часто, взятыхъ въ сраженіи здоровыхъ, привозятъ въ городъ полуживыми.

Съ мирными жителями, которые не принимаютъ никакого участія въ возстаніи, обходятся не менѣе варварскимъ образомъ. Проѣзжающихъ по дорогамъ задерживаютъ, обыскиваютъ, осыпая ругательствами. Въ меньшихъ городахъ, солдаты забираютъ все въ питейныхъ донахъ и лавкахъ бесплатно, а когда хозяинъ требуетъ платы, ему въ насмѣшку показы-

ваютъ штыкъ, или-же отвѣчаютъ: “мошенники, вѣдь мы васъ защищаемъ, деремся за васъ”. Даже въ большихъ городахъ въ Вильнѣ и Ковнѣ солдаты, средь бѣлаго дня, отнимаютъ у проходящихъ палки и зонтики, и если кто пожалуется, полицмейстеръ отвѣчаетъ, что такого приказанія не было отдаваемо, что это злоупотребленіе (гвардейскіе казаки спеціально занимаются отниманіемъ палокъ и зонтиковъ). Не смотря на жалобы, злоупотребленіе это продолжается. Недавно драгуны, (видно что каждый полкъ имѣетъ свою спеціальность), изорвали дамамъ платья саблями и передомали криволины, подъ предлогомъ, что онѣ укрываютъ запрещенные предметы. Назадъ тому три дня, казачій патруль въ девять часовъ вечеромъ отнялъ у одного изъ моихъ знакомыхъ фонарь, а нѣсколько минутъ спустя подошелъ другой патруль и отнялъ у него часы и кошелекъ съ деньгами въ наказаніе за то, что ходить безъ фонаря. Естественно, что это была подготовленная съ обща продѣлка. Мой знакомый и не жаловался, зная, что это былъ-бы напрасный трудъ.

Воспитанники учебныхъ заведеній въ Шавляхъ и въ Тельшахъ должны были разѣхаться, потому, что дома, въ которыхъ производилось преподаваніе наукъ и въ которыхъ помѣщались воспитанники, заняты войскомъ, не смотря на протесты училищныхъ начальствъ. Назадъ тому двѣ недѣли городской въ Тельшахъ остановилъ вѣзжавшаго въ городъ фермера и при обыскѣ похитилъ у него изъ иармана 160 руб. сер. и когда фермеръ началъ звать на помощь, онъ закричалъ: “Мятежникъ! мятежникъ!”—сбѣжались солдаты, забрали тарантасъ и несчастнаго фермера съ малолѣтнимъ сыномъ отвели связаннаго къ военному начальнику Коченову. Правда что вскорѣ арестованнаго уволили, но денегъ отдали только 50 р. потому, что болѣе не оказалось у городского, котораго Коченовъ отправилъ въ госпиталь подъ видомъ что онъ сумасшедшій. Весь край нашъ наполненъ такого рода сумасшедшими, и подобныя тому сцены повторяются ежедневно.

Подвижныя колонны, проходя черезъ деревни, хватаютъ крестьянъ, спрашиваютъ гдѣ инсургенты и когда тѣ отвѣчаютъ что не знаютъ, или поведутъ колонну и не найдутъ инсургентовъ, тогда бьютъ, увѣчаютъ и иногда убиваютъ этихъ людей. Само собою разумѣется, что въ деревнѣ забираютъ все что только возможно. Помѣщичьи усадьбы и села находящіяся вблизи лагерей инсургентовъ, или тѣ, черезъ которые они проходили, послѣ стычекъ часто поджигаютъ и истребляютъ. Послѣ этого естественно, что съ приближеніемъ войскъ все убѣгаетъ. Солдаты преслѣдуютъ ихъ говоря, что это должно быть мятежники, потому что убѣгаютъ, и стрѣляютъ по нимъ. Отъ этого падаетъ ежедневно много вовсе безвинныхъ жертвъ. Когда жители въ отчаяніи ищутъ защиты у офицеровъ, они пожимая плечами говорятъ, что въ войскѣ нѣтъ дисциплины, что они ничего сдѣлать не могутъ и что при малѣйшемъ ихъ словѣ, солдаты провозглашаютъ, что офицеры за одно съ инсургентами.

Есть однакожъ и офицеры, которыхъ поступки слѣдуетъ передать. Между ними отличается капитанъ, по прозванію Графъ, получившій воспитаніе въ академіи генеральнаго штаба, переведенъ изъ гвардейской артиллеріи въ генеральный штабъ и прикомандированъ къ генералу Лихачеву, начальнику войскъ въ Ковенской губерніи. Этотъ-то г. Графъ высланъ былъ съ подвижною колонною въ Эйразолу и нигдѣ не могъ найти инсургентовъ, хотя они были постоянно возлѣ

него. Между тѣмъ полученъ доносъ, что нѣсколько инсургентовъ при переправѣ черезъ Дубисеу заходили въ помѣстье Михаила Довгирда. Когда инсургенты давно уже перешли Дубисеу, на другой день г. Графъ, преслѣдуя ихъ, заходитъ на мызу Довгирда. Этотъ Довгирда былъ сосланъ въ солдаты на Кавказъ, тамъ заслужилъ Георгія и женился на русской. На прошеніе его о дозволеніе воспитывать дѣтей въ католическомъ исповѣданіи, Александръ II велѣлъ отвѣчать, чтобъ онъ объ этомъ и не думалъ, если хочетъ оставаться на мѣстѣ. Случилось, что въ день прибытія отряда Графа, умерла у Довгирда старшая дочь, бывшая за мужем за полковникомъ Юзефовичемъ, русскимъ по происхожденію. Все семейство молилось у тѣла покойницы вмѣстѣ съ прибывшимъ нарочно православнымъ священникомъ. Вдругъ входитъ г. Графъ, бросается на Довгирда и съ крикомъ выговариваетъ ему почему онъ не донесъ о пребываніи у него инсургентовъ, обыская его при этомъ ругательствами. Старикъ замѣтилъ бѣснующемуся воину: "Это моя дочь лежитъ." На это Графъ продолжая ругаться, отвѣчалъ: "Что мнѣ до твоей дочери! скажи какъ ты смѣлъ не донести о инсургентахъ?"—"Если не уважаете моихъ сѣдыхъ волосъ", отвѣчалъ Довгирда, "если въ васъ нѣтъ чувства человѣчества, то по крайней мѣрѣ уважьте тѣло покойной жены вашего сослуживца полковника. А обиды легко дѣлать, имѣя за плечами двѣ роты солдатъ и казаковъ". На это Графъ, впадая въ бѣшенство: "Молчи, мошенникъ, не то прикажу тебя отодрать нагайками!" И сдѣлалъ-бы это, если-бы попъ не вмѣшался въ это дѣло.

Этотъ самый Графъ, нѣсколько дней послѣ того, идучи впереди своего отряда встрѣтилъ студента московскаго университета, Володка. Студентъ былъ безоруженъ, но для Графа было достаточно того, что онъ былъ верхомъ, а главное что былъ молодъ; велитъ задержать его, спрашиваетъ гдѣ инсургенты, потому что онъ вѣрно ѣдетъ отъ нихъ, и когда Володка отвѣчалъ что не знаетъ, тогда Графъ приказалъ драть его нагайками. Молодой человѣкъ стиснулъ зубы и не прооролъ ни одного слова. Его истязали полчаса и когда ничего не добились, *самъ Графъ билъ несчастнаго кулаками по лицу.* Послѣ этого Володка полуживой отвезенъ былъ въ Ковно и сданъ въ слѣдственную комиссію, которая навѣрно сошлетъ его въ солдаты, а Графъ, за свою экспедицію можетъ быть получить крестъ.

Достойно удивленія и весьма характеристично то, что вотъ уже два мѣсяца какъ продолжаются эти насилія и не смотря на ежедневныя жалобы генераламъ Майделю и Лихачеву и губернатору Кригеру, однакожь ни одинъ подобный поступокъ не подвергся наказанію и даже не показываютъ виду чтобы намѣрены были наказывать за эти варварства.

Грабежъ просто пользуется покровительствомъ властей: ежедневно на улицахъ солдаты продаютъ паграбленныя вещи; на аукціонахъ дѣлаемыхъ для продажи вещей взятыхъ въ обозахъ инсургентовъ, продаютъ дамскія шляпы, подносы, серебряныя подсвѣчники и другія вещи, о которыхъ трудно предположить чтобы могли находиться въ лагеряхъ инсургентовъ.

Возстаніе въ Литвѣ и Самогитіи постоянно увеличивается. Несмотря на то, что русскія колонны перебѣгаютъ край въ разныхъ направленіяхъ, формируются постоянно новые отряды инсургентовъ вездѣ, гдѣ только нѣкоторое время нѣтъ русскихъ войскъ.

Крестьяне съ каждымъ днемъ припимаютъ болѣе искреннее участіе въ возстаніи; духовенство совершенно ему предано; евреи способствуютъ ему хотя пассивно. Только недостатокъ лучшаго оружія весьма чувствителенъ, хотя въ послѣднее время получено его нѣкоторое количество. Черезъ Пруссію почти нѣтъ возможности получить оружія: прусскія власти бдительнѣе и усерднѣе здѣшнихъ. Въ послѣднее время возстаніе заняло весь Вилкомирскій уѣздъ до границъ Ново-Александровскаго. Тельшевскій уѣздъ, гдѣ были собраны значительныя силы, воспользовался уходомъ генер. Майделя съ 2,500 чел. и тотчасъ-же вспыхнулъ. Въ Шавельскомъ уѣздѣ возстаніе сильно развивается, уже 13 Апрѣля около Трышенъ подъ Билюнишками, Писарскій съ горстію инсургентовъ, причинилъ значительный уронъ двумъ соединеннымъ колоннамъ войскъ. Послѣ стычки, русскіе сожгли Билюнишки, но всего любопытнѣе то, что вмѣстѣ съ тѣмъ сожгли и тѣла своихъ убитыхъ, дабы скрыть свою потерю. Это укрывательство сдѣлалось общимъ правиломъ русскихъ отрядовъ. И такъ, если только поле сраженія остается за ними, то раздѣляютъ своихъ убитыхъ (чтобъ нельзя было ихъ отличить отъ инсургентовъ) и поспѣшно закапываютъ. Если-же для похоронъ употреблены бывають крестьяне, то подъ строжайшею отвѣтственностію приказываютъ имъ не открывать никому сколько погребено тѣлъ и вдобавокъ вынуждаютъ клятву. Естественно, что такимъ образомъ тайна скрывается не долго.

Большія или меньшія стычки происходятъ ежедневно, такъ что подробно ихъ исчислить невозможно; вообще-же можно сказать, что дѣла инсургентовъ идутъ хорошо. Въ началѣ они теряли обозы, но теперь сдѣлались опытнѣе и умѣютъ ихъ сохранять.

Въ послѣднія двѣ недѣли инсургенты имѣли нѣсколько очень счастливыхъ стычекъ. Яблоновскій сформировалъ свой отрядъ и доведя его до 2,000 человѣкъ, раздѣлилъ на нѣсколько частей и самъ съ меньшею частию прорвался до прусской границы, взялъ тамъ нѣсколько оружія и остановившись въ укрѣпленномъ лагерѣ у Таурось подъ Караполемъ, отгѣснилъ съ урономъ русскихъ, которые два раза атаковали его. Лагерь былъ окруженъ съ трехъ сторонъ болотомъ, русскіе вязли въ немъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Русскіе отступили, и на этотъ разъ не могли уже забрать своихъ труповъ и оружія; пало ихъ 67; раненыхъ отвезли въ Юрбургъ и Таурогенъ 80 слишкомъ. Послѣ этой битвы Яблоновскій двинулся на прежнюю позицію.

21 Апрѣля въ Роговскомъ лѣсу, инсургенты подъ предводительствомъ Долэнги тоже восторжествовали. Ксендзъ Мацкѣвичъ былъ героемъ этого дня; словомъ и дѣломъ одушевлялъ на бой и во главѣ косиньеровъ такъ сильно ударилъ во флангъ непріятеля, что принудилъ его къ отступленію. Долэнга имѣлъ уже 2,700 человѣкъ. Отрядъ этотъ раздѣленъ былъ на 5 частей.

Одна часть подъ предводительствомъ Мацкѣвича перваго Мая вошла въ мѣстечко Оникшты, уничтожила тамъ русскія власти. Оникшты находятся посреди деревень государственныхъ крестьянъ, которые, какъ извѣстно отличаются передъ другими пламеннымъ участіемъ въ возстаніи. Ксендза Мацкѣвича, когда онъ вступилъ въ Оникшты съ крестомъ, съ развернутымъ знаменемъ и народнымъ гимномъ,—встрѣтили съ неописаннымъ восторгомъ; народъ падалъ ему въ ноги,

цѣловалъ полы его одежды, матери подносили къ нему своихъ дѣтей.

Назадъ тому недѣля, происходила стычка не подалеку отъ дороги изъ Вилкомира въ Вильно подъ Ширвинтами. Сильный отрядъ русскій подъ начальствомъ генерала Гацѣвскаго, изъ 6 ротъ пѣхоты и 2 эскадроновъ кавалеріи, наткнулся на соединенные отряды Городенскаго и Вислоуха. Бой былъ кровопролитный. Городенскій и еще 13 инсургентовъ пали; русскихъ убито 89, которыхъ по отступленіи инсургентовъ въ глубину лѣса, приказано крестьянамъ поспѣшно похоронить, подъ присягой сохранить тайну. Четыре только трупа для виду отослали въ Вильно и тамъ похоронили съ почестями. Вѣроятно въ русскихъ бюллетеняхъ только и будетъ сказано объ этихъ четырехъ. Гацѣвскій направился къ Овникштамъ, куда прибылъ два дня послѣ прохода Мацкѣвича.

Чиновники по выборамъ и мировые посредники въ Литвѣ, всѣ уже подали въ отставку; даже Домэйко, который долго отпѣкивался, нѣсколько дней тому назадъ тоже подалъ въ отставку, объявляя свой поступокъ въ энергическомъ письмѣ на имя Назимова.

Изъ Польши.

(Изъ письма русскаго корреспондента).

М. Г.

Считая долгомъ отозваться, на ваше приглашеніе, напечатанное въ 156 листѣ *Колокола*, я рѣшился сообщить вамъ о дѣйствіяхъ одного изъ нашихъ полковъ противъ возставшихъ жителей Польши.

Постараюсь писать короче, выставя на видъ главныхъ членовъ грабежа, насилія, поджоговъ и убійства несчастныхъ. За вѣрность описываемаго мною ручаюсь словомъ честнаго человѣка. (*Письмо подписано*).

Съ 10/22 на 11 Января сего года, квартировавшіе въ мѣстечкѣ Шидловцѣ, Радомской губерніи, 3 и 4 роты Могилевскаго пѣхотнаго полка, не смотря на извѣстіе, о приближеніи отчасти вооруженныхъ людей, оставались безъ предосторожностей.

Ночью толпа вооруженныхъ бросилась на часовыхъ, изрубивъ четырехъ человѣкъ, успѣла захватить семнадцать винтовокъ, изъ ротнаго цейхауза. Войска въ безпорядкѣ отступили въ поле. На завтра съ разсвѣтомъ, когда въ мѣстечкѣ не было ни одного вооруженнаго, войска ворвались въ мѣстечко, и ограбили его, убили нѣсколько невинныхъ, арестуя всѣхъ мужчинъ по подозрѣнію—и съ ними возвратились въ штабъ полка г. Радомъ, штабсъ-капитанъ *Нѣмченко* связалъ всѣхъ 72 на одну веревку, такъ что несчастные едва могли двигаться, въ числѣ ихъ былъ 70 лѣтній ксендзъ, взятый съ постели!

20 Января [2 Февраля] 1, 2, 3, 4-я линейныя и 1-я стрѣльцовая роты Могилевскаго полка, рота 2 Санернаго баталіона, сотня казаковъ, при двухъ орудіяхъ 7 артиллерійской бригады, соединясь съ баталіономъ Смоленскаго пѣхотнаго полка и эскадрономъ Новороссійскаго драгунскаго подъ начальствомъ генералъ-маіора Марка, направились къ мѣстечку Вонхопку, предполагая застать тамъ главныя силы инсургентовъ. Въ полуверстѣ отъ мѣстечка отрядъ нашъ былъ встрѣченъ пальбой изъ слабой цѣпи инсургентовъ; имъ отвѣчали сотни ружей и нѣсколько гранатъ; послѣ первыхъ выстрѣловъ инсургенты отступили къ мѣстечку, но и тамъ не имѣя возможности защищаться, по малочисленности,

разбѣжались по лѣсамъ, а съ ними и жители, кто могъ уйти. Торжествуя мнимую побѣду, отрядъ вступилъ въ мѣстечко, и не слушая команды, открылъ учащенную пальбу въ церкви, дома, сараи и огороды; наконецъ убѣдившись, что инсургентовъ нѣтъ, потому что на сотни выстрѣловъ не было отвѣта, христіановѣ войны принялись за грабежъ: бѣлье, платье, деньги, пѣнные вещи, скотъ, лошади, домашняя птица, все отнималось у жителей и за одно слово сопротивленія имъ платилось пулей или штыкомъ; чего нельзя было взять съ собою, то ломали, жгли, рубили. Старики, женщины, дѣти безъ разбору, были убиваемы, если хотѣли спастись бѣгствомъ, или не могли исполнить дикихъ требованій солдата. Повѣрите ли вы, что не только солдаты, но и офицеры принимали участіе во всѣхъ этихъ ужасахъ; даю вамъ слово честнаго человѣка, что ни чувство мести, ни личность, но справедливое негодованіе, заставляетъ меня выставить на видъ нѣсколько ихъ поступковъ*. Штабсъ-капитанъ *Нѣмченко*, войдя къ костелу мѣстечка, забралъ все нопавшее подъ руку изъ церковной утвари какъ то: дароносную чашу, переплеть евангелія, оправленный въ золото съ драгоценными камнями и крестъ усыпанный брилліантами; отнеся все это въ свою повозку, онъ изъ магазиновъ бралъ полотно, шелковыя и бархатныя матеріи и наконецъ покупалъ у солдатъ все дорогое за десятую часть цѣны. Могилевскаго-же полка командиръ 4 роты, капитанъ *Олендзкій*, (литвинъ по рожденію) вывелъ пару лошадей, изъ конюшни мирнаго жителя, что видѣлъ адъютантъ Константина Николаевича, капитанъ *Коморовскій*.

Командиръ 1^й стрѣльцовой роты, штабсъ-капитанъ *Масловскій* 1, имѣя при себѣ повозку, остановился на дорогѣ, гдѣ должны были проходить съ грабежа солдаты его роты для его личнаго осмотра; покоряясь необходимости, они отдавали ему часть лучшихъ награбленныхъ вещей; по его же приказанію была взята лошадь у крестьянина, и впряжена въ его повозку. Маіоръ *Ридигеръ*, съ помощью денщика и солдатъ, вынесъ четверть пшеничной муки изъ магазина. Поручикъ *Михайловскій* представилъ генералу *Марку* солдата съ награбленными вещами; но генералъ узнавъ отъ солдатъ, что представленный ему былъ прежде поведенія хорошаго, отпустилъ его съ вещами безъ наказанія. Наконецъ когда нечего было грабить и не кого убивать, войска зажгли мѣстечко... много еще пало жертвъ, скрываясь отъ дикой ярости солдатъ.

Придя въ Радомъ, солдаты открыто продавали награбленные вещи; покупателями были офицеры и евреи, и только чрезъ три дня были предприняты мѣры къ прекращенію этой позорной торговли.

За подвиги въ Шидловцѣ, Вонхопкѣ, *Олендзкій* и *Нѣмченко* представлены къ Владиміру; а поручикъ *Львовъ*, изъ револьвера добивавшій раненыхъ, и баталіонный адъютантъ прапорщикъ *Абфаль*, стрѣлявшій изъ винтовки (и по донесенію Марка, убившій начальника стрѣльцовъ непріятельскихъ войскъ), оба представлены къ повышенію чиновъ.

Также вѣрно, что на возвратномъ пути изъ Вонхопка, командиръ 2 стрѣльцовой роты, Смоленскаго пѣхотнаго полка, штабсъ-капитанъ *Краевичъ*, пришелъ въ мѣстечко Суходневъ и не найдя въ ономъ инсургентовъ, приказалъ грабить и потомъ зажигать почти каждый домъ отдѣльно, уцѣлѣли

* Само собою разумѣется мы готовы напечатать оправданія.

только костелъ и домъ ксендза.... Посуда, мебель, одежда, бѣлье, платье, съютъ, все забиралось по приказанію Краевича и на лошадяхъ ограбленныхъ, сожженныхъ и убитыхъ жителей привезено ихъ имущество въ штабъ полка г. Кельце. Самъ командиръ полка, *Чинири* получилъ громкую извѣстность за грабежъ и безчеловѣчіе. На одномъ фольваркѣ, онъ взялъ сорокъ лошадей, хотя тамъ не было инсургентовъ, донесъ что отбилъ обозъ и получилъ генерала!

О дѣлѣ подъ Малагошемъ 12/24 Февраля, я знаю всѣ подробности, но не достасть ни силъ, ни воли описать весь ужасъ этой ужасной безчеловѣчвой рѣзни; много нашлось храбрецовъ добивать раненыхъ и если бы Лангевичъ зналъ о нападеніи нашихъ съ трехъ сторонъ, то никогда не проигралъ бы дѣла; тогда было еще не время отважиться на отчаянный бой; и хотя мѣстность занятая Лангевичемъ была превосходна во всѣхъ отношеніяхъ, но отъ неумѣнія стрѣлять и совершеннаго незнапія военного дѣла его солдатъ, онъ послѣ трехъ часовой рѣзни былъ разбитъ; до трехъ сотъ человѣкъ, лучшей молодежи выбыло изъ фронта, нѣсколько плѣнныхъ, два орудія и знамя достались намъ.

На завтра, возвратясь съ преслѣдованія, войска вошли въ м. Малогише. Уже по привычкѣ ограбивъ все, храбрые воины ворвались въ костелъ, гдѣ лежали раненые инсургенты; *ихъ перебили*, для того, чтобъ снять съ нихъ все, и похвалиться числомъ убитыхъ жертвъ. Въ дѣлѣ подъ м. Козеницы, подполковникъ *Устюжанинъ* съ тремя ротами солдатъ, не рѣшился напасть на лагерь изъ двухъ сотъ инсургентовъ, и потребовалъ еще роту и артиллерію; пока онъ получилъ подкрѣпленіе инсургенты отступили; преслѣдуя ихъ поручикъ Львовъ и баталіонный адъютантъ Абфаль, съ цѣпью безъ резерва ушли на двѣ версты, отъ главныхъ силъ; когда не смотря на сигналъ, барабанный бой и выстрѣлы цѣпь не возвращалась, отрядный начальникъ Устюжанинъ растерялся, и не зналъ, что дѣлать. Но не смотря на это онъ донесъ, что взялъ лагерь (два котла и телегу сломанную) и убилъ *двѣсти* человѣкъ, но я знаю навѣрно, что убито *девять* человѣкъ, а между тѣмъ за эти подвиги онъ представленъ къ чину.

Двѣ роты Могилевскаго полка съ эскадромъ Екатеринославскаго драгунскаго, ковоинировали 134-хъ несчастныхъ до г. Варшавы; изъ взятыхъ съ оружіемъ, 17 австрійскихъ подданныхъ; пять отправлены въ каторжную работу, четыре въ арестантскія роты, сорокъ безъ выслугъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ въ солдаты и 68-мъ конскриптовъ. Начальникомъ отряда былъ козеницкій герой подполковникъ Устюжанинъ. Сторожемъ, кашеваромъ и артельщикомъ для плѣнныхъ майоръ Шишкинъ Могилевскаго полка. Въ двухъ верстахъ отъ Радома четыре дамы прилично одѣтыя, желая подать денегъ и кое-что изъ провизіи для плѣнныхъ, шли полѣмъ, спрашивая, нельзя ли дать деньги и пищу; увидавъ ихъ, Устюжанинъ далъ шпоры лошади и галопомъ поскакалъ къ дамамъ; тѣ остановились, но видя, что онъ съ непристойными словами несется прямо на нихъ, разбѣжались. Онъ потомъ опять старался подойти, но грозный воинъ съ большей яростью скакалъ на нихъ, угрожая чуть не смертию!

Во все время похода не смотря на жаркіе дни и большіе походы, отрядъ долженъ былъ останавливаться въ полѣ, гдѣ не было воды; несчастныхъ морили голодомъ и не позволяли жителямъ привести имъ куска хлѣба или мяса. Много не-

пріятности, брани, толчковъ перенесли эти бѣдные люди, пока наконецъ ихъ сдали съ Варшавскую Цитадель.

Тотъ-же отрядъ проходилъ чрезъ небольшой фольварокъ, владѣтель котораго предложилъ Устюжанину съ офицерами закусить у него; за это радѣше онъ былъ арестованъ, и когда онъ спросилъ за что онъ взятъ и куда его ведутъ, майоръ *Шишкинъ ударилъ его въ лицо*, сказавъ, что всѣхъ поляковъ надо вѣшать; его провели по песку версты пять и только о просьбѣ офицеровъ отпустили.

Во время роздыха отряда, изъ лѣсу показался человѣкъ, но увидя его убѣжалъ; казаки привели несчастнаго, сдѣлали обыскъ; нашли на немъ двѣ рубашки и двѣ пары нижняго платья; онъ называлъ себя Вавжинецъ Казала, говоря, что шелъ въ деревню искать работы, что прежде жилъ въ Варшавѣ, что родился въ деревнѣ Томчицы въ пяти верстахъ отъ мѣста гдѣ его взяли. Не смотря на это, его арестовали и повели съ собою до новаго мѣстечка, гдѣ отрядъ ночевалъ. На завтра, проходя деревню Томчица, отрядъ остановился; позвали солтыса деревни, который сказалъ, что знаетъ этого человѣка, что прошлой ночью онъ былъ у него, что Казала спрашивалъ у солтыса, гдѣ расположена большая партія повстанцевъ, для того что Казала желалъ къ нимъ присоединиться, однако Вавжинецъ Казала отвергалъ это показаніе солтыса. И вотъ началась пытка. Главный инквизиторъ Шишкинъ, въ присутствіи Устюжанина, офицеровъ и солдатъ раздѣваетъ несчастнаго, нагайки драгунъ дружно работаютъ, все тѣло 35 лѣтняго мужику изрѣзано нагайками, но онъ ни въ чемъ не сознался; его отослали въ Радомъ, посадили въ тюрьму и отдали подъ судъ!!

8/20 Апрѣля 11-я и 12-я роты Могилевскаго полка, часа въ три утра, вступали въ деревню Гатки; не доходя двухъ верстъ, въ корчмѣ были арестованы двое вооруженныхъ; подходя къ первымъ домамъ, авангардъ былъ встрѣченъ выстрѣлами съ одной стороны и косинерами съ другой, причемъ былъ раненъ въ голову косою и упалъ командиръ 11-й роты штабсъ-капитанъ Веселаго. Косинеры отступили; наша цѣпь прошла возлѣ лежащаго Веселаго; въ это время рядовой *Забрскій* нанесъ ему штыкомъ насквозь въ грудь рану, отъ которой Веселаго чрезъ нѣсколько часовъ умеръ, и повѣрите-ли, онъ былъ обобранъ, револьверъ, часы, деньги взяты солдатами его-же роты. Забрскій самъ явился къ командиру полка, и увѣрилъ, что убилъ своего ротнаго командира вмѣсто поляка.

Ужасно, безысходно положеніе русскаго офицера въ Польшѣ—быть палачемъ Польши, быть свидѣтелемъ всего этого, и не имѣть возможности сбросить съ себя опозоренное имя война!

Изъ русскихъ Газетъ.

Речь генералъ - губернатора Назимова. Изъ Вильны пишутъ, что 18-го Апрѣля генералъ-адъютантъ Назимовъ сказалъ, въ многочисленномъ собраніи дворянъ, слѣдующую рѣчь: "Вы начали измѣною, и кончите вашей гибелью. Сегодня ночью отсюда снова ушли къ инсургентамъ 100 юношей, изъ которыхъ ни одному нѣтъ 17-ти лѣтъ отъ роду. Все это натворили женщины и женщины самыя дурныя. Неужели вы до того слабы, что не можете держать вашихъ женъ и дѣтей въ повиновеніи? Зачѣмъ вы здѣсь живете? Ступайте въ ваши помѣстья; сидите тамъ тихо и старайтесь, чтобы все оставалось спокойно. Въ противномъ случаѣ,

знайте, что я не въ состояніи защищать васъ отъ вашихъ крестьянъ; войска мнѣ нужны противъ скрывающихся въ лѣсу. Надѣюсь, что вы кое-чему научились изъ дѣла графа Моля. Уѣзжайте съ Богомъ!" На эту рѣчь никто изъ присутствовавшихъ не нашелся ничего отвѣчать.

Распоряженіе начальства. Въ официальной части Виленскаго Вѣстника напечатано: "По случаю состоянія края на военномъ положеніи, примѣняя къ оному въ точности правила, на сей предметъ существующія, г. виленскій военный, гродненскій, ковенскій и минскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками виленскаго военного округа призналъ необходимымъ привести въ дѣйствіе слѣдующія мѣры: 1) Воспретить всѣмъ мѣстнымъ обывателямъ мужескаго пола, какъ городскимъ, такъ и сельскимъ, за исключеніемъ крестьянъ, отлучку съ мѣстъ жительства на разстояніи болѣе 30 верстъ, безъ особыхъ видовъ, выданныхъ губернскимъ или военными уѣздными начальствами. 2) За нарушеніе сего правила, подвергать мѣщанъ и однодворцевъ отлучкѣ въ рабочія роты вѣдомства путей сообщенія, на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до одного года, а дворянъ—заключенію въ тюрьмѣ на тѣ же сроки и штрафу отъ 50 р. до 100 рублей. 3) Тѣ и другія взысканія налагать въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, по приговорамъ военныхъ судовъ, а въ прочихъ мѣстахъ—по приговорамъ судовъ полицейскихъ. О настоящемъ распоряженіи его высокопревосходительства г. генералъ-губернатора объявляется для всеобщаго свѣденія. 3-го Мая 1863 года.

Мѣры начальства въ Могилевской губерніи. "Сѣв. Пчела" отъ 12 [24] Мая перепечатываетъ рядъ мѣръ для преслѣдованія подозрительныхъ личностей. Начальникъ губерніи объявилъ по волостямъ: "что онъ, вполнѣ полагаясь на вѣрность и преданность крестьянъ государю императору, прилагаетъ ихъ учредить по возможности надлежащія караулы, задерживать подозрительныя лица и представлять ихъ ближайшимъ полицейскимъ начальствамъ, и вообще, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать къ охраненію общественнаго порядка; при этомъ вмѣнилъ въ особенности старшинамъ, старостамъ, что они, какъ представители обществъ, облечены властію по волѣ правительства, болѣе всего должны заботиться о прекращеніи всѣхъ противозаконныхъ дѣйствій и о преслѣдованіи злоумышленниковъ. По доведеніи объ этомъ до свѣденія государя, высочайше повелѣно судить мятежниковъ по полевымъ уголовнымъ законамъ. Апрѣля 25 дня 1863 года.

Вслѣдъ за симъ, мѣстнымъ начальствомъ сдѣланы слѣдующія распоряженія: "По городу Могилеву объявлено, что съ девяти часовъ по полудни запрещается городскимъ обывателямъ ходить по улицамъ иначе, какъ съ особенными на то письменными разрѣшеніями мѣстнаго полицейскаго главнаго начальства, а также, чтобы съ того часа были закрыты всѣ шинки и трактирные заведенія. Всякія скопища на улицахъ строго воспрещены. Несостоящіе въ военной службѣ, жители Могилевской губерніи, кромѣ крестьянъ православнаго исповѣданія, обязаны, въ день объявленія сего свести всякое имѣющееся у нихъ огнестрѣльное и холодное оружіе, а также порохъ, въ г. Могилевѣ и могилевскомъ уѣздѣ, въ канцелярію могилевскаго баталіона внутренней стражи, а по уѣзднымъ городамъ и прочимъ уѣздамъ—въ мѣстныя полицейскія управленія. Полиціи въ отношеніи принятія отъ жителей оружія дѣйствуютъ по даннымъ инструк-

ціямъ, въ слѣдствіе которыхъ *всѣмъ не католикамъ* оружіе возвращается, и они только заявляютъ о томъ полиціи. Ослушники всѣхъ этихъ распоряженій начальства будутъ судимы, какъ мятежники, на основаніи военныхъ полевыхъ законовъ. Независимо отъ сего, господинъ начальникъ губерніи, по предоставленной ему власти, по поводу возникшихъ въ послѣднее время смутъ и безпокойствъ въ вѣренной ему губерніи, призналъ необходимымъ замѣнить нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ другими временными, и вмѣнилъ при этомъ имъ въ непремѣнную обязанность: во-первыхъ, *поддерживать и развивать* въ крестьянахъ то чувство непоколебимой преданности къ Царю Освободителю и привязанности къ общей нашей родной Россіи, которыхъ крестьяне Могилевской губерніи въ настоящее время явили столь блестящіе примѣры. Во-вторыхъ, объяснять крестьянамъ, что мятежная шайка поляковъ составляетъ только ничтожную горсть въ обширномъ русскомъ царствѣ, и что, при дружномъ, усердномъ содѣйствіи всѣхъ вѣрноподданныхъ, она въ непродолжительномъ времени лишится возможности нарушать общественное спокойствіе. Въ-третьихъ, крестьянамъ слѣдуетъ также ввѣшать, что, на сколько мятежные паны заслужили гнѣвъ государя, на столько же помѣщики, оставшіеся вѣрными своему долгу, *любезны* ему. Въ-четвертыхъ, обратить также вниманіе на отбываніе крестьянами повинностей за земли, отведенныя въ ихъ пользованіе, ввѣшая имъ, что если даже бывший помѣщикъ ихъ и покажется въ рядахъ мятежниковъ, то они, крестьяне, не менѣе того должны отправлять повинность, такъ какъ эти повинности возложены на нихъ не для помѣщика лично, а за землю, которою они пользуются. Въ-пятыхъ, ввѣшать помѣщикамъ, что они должны снисходительно смотрѣть на не совсѣмъ иногда исправное отбываніе повинностей, такъ какъ смутныя обстоятельства края возложили на крестьянъ много новыхъ повинностей, а потому нельзя требовать ихъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они отбываютъ ихъ по уставнымъ грамотамъ—размѣрѣ, установленномъ не для исключительнаго положенія. Въ-шестыхъ, всѣхъ писарей *поляковъ*, безъ исключенія, или даже *подозрѣваемыхъ въ сочувствіи къ полякамъ*, уволить, замѣнивъ ихъ русскими и вполнѣ благонадежными."

Офицеръ генеральнаго штаба Л. Топорра. При нападеніи инсургентовъ, напечатано въ русскихъ газетахъ, на Горки и Горегорецкую школу, ими начальствовалъ Л. Топорра, русскій офицеръ генеральнаго штаба—въ мундирѣ. Кромѣ его былъ еще русскій *дезертеръ* въ числѣ инсургентовъ.

— "*Руку, батюшка, руку.*" (Изъ записокъ бывшаго охотника).

Когда Ганецкій возвращался побѣдоносцемъ надъ какими-то отрядами повстанцевъ, въ Вильнѣ случилась вотъ какая штука, помѣченная "Спб. Вѣд.": "Около Зеленаго моста, какой-то бородачъ, въ красной поддевкѣ, протѣснился сквозь густую толпу народа къ генералу Ганецкому, взялъ его руку, крѣпко пожалъ ее, потомъ поцѣловалъ, и, бросивъ свою шапку вверхъ, заоралъ своею мощною грудью: ура, генералъ Ганецкій! Толпа подхватила эти слова и—пошла кричать и бросать шапки вверхъ"(!)

Около этой открыто приготовляемой правительственной жакри, вьется гирлянда ядовитыхъ цвѣтовъ полицейской литературы. Тутъ забыто все человѣческое, стыдъ, сожалѣніе,

состраданіе, всякое уваженіе къ истинѣ. Тутъ журналистъ будочникъ пишетъ о томъ, что усердіе крестьянъ простываетъ, отъ того что правительство держитъ сторону общаго врага, т. е. поляковъ, и возвращается съ шакальной злобой на распорядженіе изъяснявшее изъ рукъ палачей неограниченно-вольныхъ инсургентовъ. Тутъ, не краснѣя, клеветаютъ на бѣдныхъ кіевлянъ, чтобъ выставить ихъ раболѣпие и свирѣпое бездупіе. “Жители Кіева смотря на *окровавленные головы плыныя*, вмѣсто скорби о нихъ, *дарили презрѣніемъ*, а конвоирующимъ крестьянамъ давали деньги и благодарили ихъ за участіе. Нужно было слышать, съ какимъ жаромъ мужики-крестьяне рассказывали о своихъ триумфахъ”.

Тутъ рассказываются сказки въ родѣ Карамзинской Марыи Посадницы, о селѣ Черкизовѣ: Старшина Бычковъ собираетъ *политическую* сходку (когда и какимъ закономъ онѣ разрѣшены, мы не знаемъ). Крестьяне разсуждаютъ о польскомъ вопросѣ, о Владиславѣ и о Пожарскомъ, старикъ отецъ отдаетъ четырехъ сыновей царю, а бабы “готовы ему все отдать,” ну словомъ сказка такъ хороша, что *Nord* перевелъ ее.

До послѣдняго времени мы смотрѣли съ отвращеніемъ на журнальныя произведенія валуево-головнинскихъ готоваленъ, но когда дикія и свирѣпыя мысли Маратовъ деспотизма, стали превращаться въ правительственныя распоряженія, отвращеніе замѣнилось щемящимъ душу ужасомъ, тутъ чернила слишкомъ близки къ крови, слова къ свинцу.

Какъ мрачно и грозно наступаетъ намъ будущее! За чѣмъ оно идетъ этимъ шагомъ, за чѣмъ нарождается этимъ путемъ, окруженное кровавыми обманами, ложью правительства и лицемернымъ, корыстнымъ коварствомъ литературы.

— Судьбы наши могли иначе совершиться.

— Могли...

— Кто-же виноватъ, что они пошли этими несчастными путями?

— Лучше спросите кто правъ? И если кто - нибудь, сознаетъ себя правымъ, безупречнымъ, пусть броситъ камень.

Намъ не приходится роптать, а съ сокрушеннымъ сердцемъ подумать о самихъ себѣ. Всего больше виноваты люди страстно желавшіе блага русскому народу, любившіе его темнымъ инстинктомъ и пророческой мыслью, магнетизмомъ и пониманьемъ, чувствовавшіе, что время настаетъ и не умѣвшіе ничего сдѣлать во время.

Что винить правительство за то, что оно защищаетъ себя всѣмъ чѣмъ ни попало! Да и виновато-ли оно въ томъ, что при первомъ едва, едва освобожденномъ словѣ, литература его продала; виновато-ли оно, что пересаживая науку съ короткой цѣпи на длинную, правительство съ удивленіемъ нашло новую полицію въ университетахъ и гласное III отдѣленіе въ журналахъ? Мы должны себя винить.

И что страшнѣе всѣхъ ужасовъ дѣлаемыхъ правительствомъ и всѣхъ подлостей дѣлаемыхъ благопріобрѣтенной имъ литературой—это то, что изъ видовъ нечистыхъ, оно грязными и окровавленными руками отворить дверь, въ которую толкается будущее... дѣлая мзъ триумфальныхъ воротъ каудинскіе фурукулы, искажая его характеръ.

Когда зародышъ созрѣваетъ и ему нѣтъ разумнаго выхода на бѣлый свѣтъ, ни мѣста для росту, онъ не останавливается, а идетъ путемъ безумнымъ, судорожными взрывами, отклоняясь въ сторону, ломая все, ломая себя, въ крови, въ огнѣ, въ чаду.

Такія рожденія носятъ сами въ себѣ казнь за прошедшее.

И потому склонимъ головы наши предъ океаническою силой, поднимающей теперь народъ русскій. Ни народъ, ни царь, ни пѣмцы, никто не подозреваетъ, что одинъ будятъ и что пробуждается у другихъ.

Намъ остается одно утѣшеніе. Мы не ошиблись въ сущности русскаго переворота, въ его аграрномъ смыслѣ и когда самъ царь для своихъ пировъ, хочетъ возбудить народъ въ свою пользу, онъ является Пугачевымъ.

СМѢСЬ.

— *Финляндія и адрессъ.*—Мы помѣщаемъ съ истиннымъ удовольствіемъ отрывокъ изъ *Теймса*, о fiasco адресснаго министра. Когда-то Головинъ мечталъ о томъ, что надобно награждать чиновниковъ за *независимость*, онъ можетъ теперь наградить цѣлую страну. Абортивъ Валуге не произвелъ въ Финляндіи ложныхъ потуговъ патріотическаго *брёда по образцамъ*... Привѣтствуя ея благородное пробужденіе и признавая ея полную аутономію, какъ аутономію Польши, Украйны, мы признаемся откровенно, что мало знаемъ внутренній вопросъ ихъ и съ радостію открыли-бы колонны *Колокола* для финскихъ вопросовъ.

“Старанія агентовъ русскаго правительства вызвать со стороны гельсингфордскаго муниципальнаго совѣта и финскаго литературнаго общества, имѣющаго большое влияние въ краю вѣрноподданичскіе адрессы, совершенно не удались, не смотря на обѣщанія всякаго рода льготъ и уступокъ. Третій опытъ былъ тогда сдѣланъ съ академическимъ сенатомъ, думали, что онъ будетъ не такъ упоренъ.* Графъ Армфельдъ писалъ къ генералу барону Мунку, вице-консулу университета, г. Арпа ректору и другимъ членамъ сената. Баронъ Мункъ тотчасъ-же собралъ чрезвычайный совѣтъ и предложилъ ему совсѣмъ готовый адрессъ преданности и усердія, писанный, какъ думаютъ Армфельдомъ. *Двое членовъ* были за адрессъ (*Шелманъ* недавно сдѣланный сенаторомъ и управляющимъ финансами и *Ариель* директоръ(?)). Сенатъ просилъ 48 часовъ для обсужденія вопроса, и въ слѣдующемъ собраніи, по предложенію одного профессора отвергнулъ предложеніе на томъ основаніи, что русскіе законы не дозволяютъ служащимъ подписывать политическіе адрессы и что сенатъ не имѣетъ на то никакого права. Рѣшеніе сената было принято съ большею радостію. Подобныя вызовы адрессовъ были дѣланы и въ другихъ городахъ, безъ успѣха. Въ Або сенаторъ Брешеръ созвавъ гражданъ предложилъ написать адрессъ усердія и преданности петербургскому правительству, граждане не согласились, вице-президентъ Тильманъ, былъ не болѣе счастливъ въ апелляціонномъ судѣ” и пр.

— 5 Июнл. Телеграмма *Nord'a*, Стокгольмъ. Гельсингфордскіе граждане созданные *еще разъ* начальствомъ, снова отказались подписать адрессъ преданности императору.

— *Пиръ въ Стокгольмѣ.*—Въ отвѣтъ нападеніямъ на Швецію, въ полуофициальныхъ журналахъ, стокгольмскіе граждане сдѣлали пиръ въ честь М. Бакунина. Бакунинъ, мы увѣрены, первый русскій, въ честь котораго шведы давали не дипломатическій, вынужденный обѣдъ—а дружескій, братскій пиръ. Наконецъ-то и шведы увидѣли, что петербургское правительство и русскій народъ не одно и тоже. На этомъ обѣдѣ молодой полякъ провозгласилъ тостъ “въ память Потѣбни и всѣхъ русскихъ погибшихъ за польское дѣло!” Подробностей праздника у насъ нѣтъ, ждемъ ихъ съ нетерпѣніемъ.

* Вѣроятно по сравненію съ академическимъ сенатомъ московскаго университета.

г. м. хотинскій и ш отдѣленіе.*

Мы получили отъ г. М. Хотинскаго слѣдующее письмо :

Милостивые Государи,

Въ № 161 “Колокола” я прочелъ статью, въ которой вы извѣщаете о полученномъ Вами увѣдомленіи, что какой-то профессор Ходинскій или Хотыпскій отправленъ отъ III отдѣленія наблюдателемъ въ разныя страны и между прочимъ въ Лондонъ, съ жалованьемъ по 12,000 фр. или руб., за симъ Вы прибавляете, что какой-то д. с. с. Хотинскій проживаетъ въ Лондонѣ и занимается разными наблюденіями и пр.

Я не отвѣчалъ тогчасъ-же на это извѣщаніе, потому что находился въ Россіи. Нынѣ, возвратясь на короткое время въ Лондонъ, спѣшу настоящимъ отвѣтомъ, покорнѣйше прося Васъ Милостивые Государи, во имя *правды*, которой защитниками Вы себя объявляете, напечатать это письмо въ ближайшемъ номерѣ Вашего Журнала.

До профессора Ходинскаго или Хотыпскаго, котораго я вовсе не знаю, мнѣ нѣтъ никакого дѣла, равно, какъ и до слѣдственнаго ему будто-бы порученія. Что-же касается до меня нижеподписавшагося, то я долгонъ считаю довести до Вашего и всѣхъ Вашихъ читателей свѣденія, что я ни отъ кого подобныхъ порученій не принималъ, да вообще исполнять такіа порученія несогласно съ моимъ характеромъ и убѣжденіями. Я, въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ занимаюсь постоянно науками, а въ послѣднее время присоединилъ къ тому еще промысленно-торговое предпріятіе; къ соглядатайству же и миссіонерству чувствую себя совершенно неспособнымъ. Что касается до средствъ моихъ къ жизни, то хотя до этого никому нѣтъ никакого дѣла, но я могу откровенно сказать Вамъ, что неговоря о собственномъ небольшомъ состояніи, я напечаталъ болѣе двадцати томовъ учено-литературныхъ трудовъ и сотрудничалъ во многихъ русскихъ журналахъ, что доставляло мнѣ постоянно около 4,000 руб. въ годъ и мѣнять этого *честнаго труда* на тотъ, который Вы мнѣ навязываете я не намѣренъ и даже не вижу выгоды.

Если вы имѣете какія-либо положительныя доказательства, что я продалъ себя, то напечатайте ихъ и пусть публика судить насъ. Если-же этихъ доказательствъ нѣтъ, то возводимое на меня обвиненіе есть чистая *клевета*! Спрашиваю Васъ и каждаго—позволительно-ли бросать грязью на честное имя человека изъ за подозрѣнія, неимѣющаго никакихъ положительныхъ основаній? Вызываю Васъ доказать мою виновность и если Вы не докажете (что я энергически утверждаю), то пусть весь стыдъ клеветы падетъ на ея изобрѣтателя. Я былъ въ Лондонѣ и теперь нахожусь здѣсь по моимъ частнымъ дѣламъ и занимаюсь покупками, да посѣщеніями здѣшнихъ ученыхъ учреждений, а не присматриваніемъ за кѣмъ-бы то ни было, или вывѣдываніемъ какихъ-либо тайнъ политической пропанды.

Повторяя просьбу мою о напечатаніи этого письма въ ближайшемъ номерѣ “Колокола”, я желаю Вамъ Милостивые Государи, того-же спокойствія совѣсти, которыми самъ наслаждаюсь.

М. Хотинскій.

31, Leicester Square, London.

Для насъ эта исповѣдь наивнаго сердца также мало опровергаетъ связи ученаго автора “двадцати томовъ” съ III Отдѣленіемъ канцеляріи е. в., какъ его личное объясненіе у князя П. В. Долгорукова, которое г. Хотинскій запомнилъ, не смотря на то, что *Листокъ* могъ ему легко напомнить.

Требовать отъ насъ доказательствъ *документальныхъ*—

* О вторичномъ прѣздѣ ученаго корреспондента III Отдѣленія собственной е. в. канцеляріи, мы увѣдомили въ свое время поляковъ и русскихъ друзей нашихъ англійскими журналами.

старая шутка. Мы можемъ доказать только доносомъ на того кто писалъ, но доносовъ мы не дѣлаемъ, или дѣлаемъ ихъ на основаніи *similia similibus*, исключительно на шпіоновъ. Письмо въ которомъ насъ извѣщали о служебныхъ рекреацияхъ г. Хотинскаго, я ему читалъ вслухъ при пяти свидѣтеляхъ, и онъ не изъявилъ никакого сомнѣнія въ его матеріальной достовѣрности. Но дѣло не ограничивается этимъ письмомъ. Мы были извѣщены и о *последующихъ дѣйствіяхъ* ученаго корреспондента потаповскаго заведенія; мы знали, что онъ снова ѣдетъ въ Лондонъ (изъ чѣмъ можемъ сослаться на князя П. В. Долгорукова и на нѣсколько другихъ свидѣтелей) и не знали чему больше дивиться, цивическому-ли мужеству г. Хотинскаго, или пелѣности Потапова, посылающаго того же тайнаго корреспондента въ тотъ-же городъ, гдѣ его тайный трудъ былъ такъ явно оцѣненъ—забывая, что маскарадная шутка оканчивается тамъ, гдѣ падаетъ маска.

За симъ, издатели *Колокола*, отказываются отъ помѣщенія всякаго рода писемъ и статей г. Хотинскаго—кромѣ *Колокола* есть много органовъ для такихъ продуктовъ.

— *Личное объясненіе.*—На дняхъ я получилъ слѣдующую записку: “Старикъ—писалъ изъ за границы въ Москву, что редація проситъ денегъ за то, чтобы не печатать записки Трубецкаго. Въ Москвѣ объ этомъ толковали съ злорадствомъ. Нѣсколько строкъ по этому поводу будутъ полезны и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше”.

Жаль, что приходится объясняться въ такомъ дѣлѣ. Жаль, что старикъ, нѣкогда мнѣ знакомый, сталъ такъ легковѣренъ. Я можетъ и промолчалъ-бы изъ уваженія къ памяти другаго старца, но чтобы отравить радость московскихъ *друзей* нашихъ, я напечаю единственное письмо, писанное мною по дѣлу записокъ князя Трубецкаго, а личныхъ разговоровъ я вовсе не имѣлъ.

31 декабря 1862 г.

“М. Г. Письмо ваше огорчило меня по многимъ причинамъ. Предпринимая съ религіознымъ уваженіемъ изданіе “Записокъ Декабристовъ”, я объявилъ объ этомъ мѣсяцевъ шесть тому назадъ и сказалъ о назначеніи денегъ вырученныхъ за ихъ продажу.

“Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что записки кн. Трубецкаго были присланы человекомъ не имѣющимъ права, и напечаталъ ихъ. Записки И. Д. Якушкина продались и доставили 1,000 фр. въ пользу сосланныхъ. Не имѣя ввиду вашего письма, я на тѣхъ-же основаніяхъ уступилъ г. Трубецкому записки кн. Трубецкаго. Вы меня очень одолжили бы, написавъ какъ мнѣ слѣдуетъ поступить. Если остановить изданіе, (что безъ объявленія въ “Колоколѣ” сдѣлать нельзя), то сверхъ издержекъ за печать, вы лишаете 1,000 фр. несчастныхъ людей и не захотите, чтобы я принялъ на себя расходъ.

“Я полагаю, что лучше всего записки издать и на нихъ напечатать, что вашъ протестъ опоздалъ. Отвѣта вашего я буду ждать мѣсяць, послѣ котораго записки выйдутъ.”

У С. Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Str., Soho, продаются ЗАПИСКИ РУФНА ПИОТРОВСКАГО, (1843—1846).

NORRKLÄRING, ERIC BJÖRSTRÖM, 1863.

— SIGISMUND GERSTMAN, Bruxelles, 34, Rue Neuve, проситъ насъ извѣстить о выходѣ изданной имъ Carte politique, statistique et heralidique de la Volhynie, Podolie et de l'Ukraine.

— Мы получили отъ двухъ особъ “въ пользу поляковъ” два *либра* и передали ихъ по принадлежности.

— Въ *Общій фондъ*: за No. 2102—сто франковъ; за No. 2103—сто пятьдесятъ франковъ; за No. 2101—сто фр.

— *Слѣдующій листъ Колокола выйдетъ 20 Іюня.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138, Caledonian Road, London, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛЮСТЬ 166.

20 Іюня 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 18).

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна 9 пен. съ восемнадцатымъ листомъ—ОБЩЕЕ ВѢЩЕ.

У Трибнера & Со. въ книжномъ лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 17.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Подлые!—Конституція и Земскій Соборъ—Россиада IV: Возстаніе въ Россіи, Преданные, Зажигатели, Теорія грабежа, Лавры и мирты—День и Колоколъ—Смѣсь: Волжскій манифестъ—Толль-свѣущій—Общій фондъ и пр.

ПОДЛЫЕ!

Монахъ Конарскій и Генрихъ Абихтъ были повѣшены въ Варшавѣ.

Муравьевъ разстрѣлялъ ксендза С. Ишору, потомъ повѣсилъ Болеслава Колышку.*

Женщинъ содержавшихся за пѣніе гимна сѣкутъ, мужчинъ при допросѣ застрѣляютъ, собираются наказыывать за трауръ и пр.

“Покажи мнѣ, какъ ты испугался, я скажу тебѣ кто ты такой.”

Подлость низкихъ, ограниченныхъ, пошлыхъ натуръ, во всей грязи своей выступаетъ при страхѣ и чувствѣ своего безсилія. Злодѣи разстрѣливали пѣвчихъ начальниковъ, вещь неслыханная по сую сторону Африки. Но...становится страшнѣе—первый дворянинъ вооружаетъ мужиковъ, Толль бьетъ помѣщиковъ по зубамъ...еще степень страха, ну какъ въ самомъ дѣлѣ французъ-то двинется—что мы сдѣлаемъ, силенки наши малыя, дѣло сиротское, такъ давай вѣшать, т. е. давай прибавлять къ смерти оскорбленіе, ослѣпить человѣка, но прежде наплевать ему въ глаза.

Роману Сангушкѣ, да что Роману Сангушкѣ—Христу плевали въ глаза, потомъ его повѣсили. Знаете вы ту великую картину, гдѣ Іисусъ съ связанными руками кротко смотритъ на бѣснующуюся полицейскую чернь, которая его бьетъ розгами, — передъ этимъ образомъ молились вѣка, что-же много взяли палачи и ихъ начальники?

Ни сердце, ни умъ, ни опытъ, ничему ихъ не учать, отъ того, что они подлые.

Всѣ прежніе грѣхи, всѣ настоящіе недостатки Польши испускаютъ ей—ей мученики и наши мучители. Они смертью своей убиваютъ враговъ своихъ. Каждое замученное тѣло, брошенное грязными палачами въ землю польскую, освобождаетъ ее и освобождаетъ насъ самихъ отъ призрачнаго патріотизма.

Нѣтъ, мы не вѣримъ, чтобъ юное поколѣніе Россіи приняло на себя эти капли непорочнои крови, эти веревки сръзанные съ вѣселицы. Чѣмъ оно изъ любви къ имперіи російской стало со стороны палачей, грабителей, со стороны пытки, для этого надобно быть самому подлымъ, проданнымъ, или сумасшедшимъ.

II—ръ.

* Мы взяли имена пострадавшихъ изъ русскихъ газетъ. По иностранцамъ, прибавляютъ еще нѣсколько убитыхъ вилеискимъ злодѣемъ—въ томъ числѣ графа Платера и помѣщика Лешковичъ.

Годъ VII.

РАЗЧИСТКА НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ.

(Статья Вторая)

КОНСТИТУЦІЯ И ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

II.

Россія способна къ представительному правленію; это доказывается уже и тѣмъ, что *самодержавіе дольше держаться не можетъ*, а другого выхода нѣтъ, какъ представительное правленіе. Другого выхода въ Россіи, какъ и въ цѣломъ человѣчествѣ, не придумаешь. Если страна не управляется деспотически, то она управляется своими выборными людьми, какъ ни называйся при этомъ уставъ о формѣ правленія—конституція, хартія, грамота; какъ ни называйся собраніе выборныхъ людей—дума, соборъ, парламентъ, палата, камера; какъ ни называйся исполнительная (распорядительная) власть—царь, король, герцогъ, президентъ республики, императоръ или старшина.* Если самодержавіе обезсиливается, если оно не можетъ сладить съ своимъ положеніемъ, то, по мѣрѣ его обезсиленія, въ обществѣ расцвѣтутъ стремленія къ управленію выборному, представительному.

Доктринаризмъ (продажный или юродствующій) находитъ другого рода выходъ, который въ самомъ себѣ носитъ противорѣчіе и потому не есть выходъ: это постепенное преобразование посредствомъ правительственныхъ мѣръ. Обезсиливующее самодержавіе должно провести рядъ преобразованій. Оно должно припяться за нихъ, потому что оно обезсилило. Николай Павловичъ, послѣдній представитель не падающаго самодержавія, не хотѣлъ за нихъ прини-

* Въ “основныхъ положеніяхъ новаго судоустройства”, правительство старалось привести смутное, казуистическое различіе между властью распорядительной (*pouvoir administratif*) и властью исполнительной (*pouvoir executif*) придавая значеніе распорядительной власти—правительству, а исполнительной—губернскимъ властямъ. Тутъ кроется у самого правительства какой-то стыдъ передъ тѣмъ, что оно самодержавное, т. е. деспотическое, т. е. разомъ законодательная и исполнительная власть, и потому ему хотѣлось подвести себя подъ особую графу распорядительной власти. Въ смыслѣ правленія представительнаго—собраніе представителей составляетъ власть законодательную, относительно которой правительство—власть исполнительная (*executif*), т. е. власть исполняющая рѣшенія законодательнаго собранія, а такъ какъ это исполненіе заключается въ рядѣ соотвѣтственныхъ распоряженій, то исполнительная власть есть вмѣстѣ власть распорядительная, административная, совѣтъмъ противоположно мнѣнію правительственнаго проекта, которое распорядительную власть безсознательно приравниваетъ къ исполнительной, а законодательной власти.

маться. По какъ-же правительство будетъ проводить ихъ, если оно обезсильно? Или оно не обезсильно — ну тогда оно и не захочетъ проводить ихъ. Но оно захотѣло, слѣдственно оно обезсильно. Оно захотѣло преобразовывать... Но какая-же цѣль этихъ преобразованій и какія средства?

Цѣль... да мало-ли цѣлей!... Уничтоженіе крѣпостнаго права, гласность и независимость суда, выборное хозяйственное управление губерній... Далѣе цѣль теряется во мракѣ неопредѣленности.

Средства—введеніе правительствомъ сочиненныхъ законовъ посредствомъ военно-канцелярской силы.

Цѣль недосказана—а средства въ противорѣчіи не только съ недосказанной цѣлью, но и съ каждымъ отдѣльнымъ проэктомъ.

Освобожденіе крестьянъ, сочиненное чиновничествомъ и вводимое чиновничествомъ при пособіи военной силы, не могло удовлетворить ни освобождаемыхъ крестьянъ, ни освобождающихъ чиновниковъ. Вводя свободу, чиновники шли противъ собственныхъ интересовъ, и потому это введеніе свободы имѣло весь характеръ полицейскаго распоряженія и требовало военной силы для предотвращенія неминуемаго послѣдствія полицейскаго свободо-введенія, т. е. того послѣдствія, что крестьяне остались въ полномъ убѣжденіи, что данная имъ воля не настоящая и что настоящая воля придетъ послѣ. Чиновничество съ военной силой не убили этого убѣжденія, а только, на время, заставили людей пританцовывать. Правительство оказалось не въ силахъ—ни въ самомъ дѣлѣ освободить, ни убить вѣры въ иное освобожденіе. Мы замѣтимъ покаместъ (и это для нашего вопроса чрезвычайно важно), что правительство не рѣшилось приступить къ освобожденію крестьянъ *безъ земли* и, хотя съ грѣхомъ больше чѣмъ по поламъ, но все-же признало за ними нѣкоторое право на землю.

Гласность суда и его независимость (скрываемая подъ другими названіями и пока еще существующая только въ проэктѣ) будетъ приводима въ исполненіе также чиновничествомъ, и самый проэктъ составленъ съ цѣлью невозможнаго огражденія чиновничества и полицейскихъ распоряженій отъ гласности и независимости суда. Проэкты носятъ самъ въ себѣ противорѣчіе. Независимость суда въ немъ не достигнута; приведеніе проекта въ исполненіе будетъ въ рукахъ людей, которыхъ весь интересъ въ подчиненіи суда распорядительной власти. Въ общемъ сознаніи останется только убѣжденіе, что дѣйствительная организація независимаго суда—еще впереди.

Выборное, хозяйственное управленіе губерній, подъ наблюдениемъ и началомъ распорядительной власти, поставить въ недоумѣніе и мѣстную распорядительную власть и выборную управу; границы между ними не могутъ быть ясно опредѣлены; захватъ наибольшей власти будетъ цѣлью обѣихъ сторонъ—или выборы, совершаемые подъ наблюдениемъ распорядительной власти, вслѣдствіе этого наблюденія, принесутъ съ собой только новый видъ чиновничества. Въ обѣихъ случаяхъ (т. е. будетъ-ли существовать неразрѣшимая распря между управою и казенной властью, или управы превратятся въ чиновничество) въ общемъ сознаніи останется неудовлетворенность реформой и потребность на иную выборность и иное представительство. Мысль о необходимости представительнаго правленія станетъ расти, какъ богатырь, не по днямъ, а по часамъ.

Что-же сказать о реформахъ, которыя сами по себѣ никого не удовлетворяютъ, а въ исполненіе приводятся средствами, противорѣчащими всякой реформѣ?

Да только то, что такіа реформы невозможны.

Сильное самодержавіе никакой освободительной реформы создать *не захочетъ*, а безсильное самодержавіе никакой освободительной реформы создать *не можетъ*. Надо сознаться, что въ обѣихъ случаяхъ самодержавное правленіе самое уродливое.

Да и въ концѣ концовъ всѣхъ неудачныхъ, поstepенныхъ реформъ, цѣль ихъ—пока теряющаяся во мракѣ неопредѣленности—все-же представительное правленіе, которое всѣ эти реформы преобразуетъ съизнова.

Слѣдственно, отъ представительнаго правленія мы не уйдемъ, потому что кромѣ его нѣтъ дѣйствительнаго выхода; а попытки преобразования руками безсильнаго самодержавія не нужны, потому что несбыточны. Оно должно отрѣчься отъ своего существованія, или пасть подъ натискомъ общественныхъ силъ.

Въ обѣихъ случаяхъ, на мѣсто самодержавія явится правленіе представительное.

III.

Но кромѣ этой внѣшней неизбежности замѣщенія разрушающихся формъ—другими формами, Россія имѣетъ свои элементы представимости, которыхъ внутренняя потребность взойти въ дѣйствительную жизнь постоянно растетъ.

Какіе-же элементы представимы въ Россіи?

Вообще представимы могутъ быть не люди поголовно, а интересы извѣстныхъ группъ.* Такимъ образомъ могутъ быть интересы сословные, интересы церковные, городскіе, сельскіе, племенные, мѣстные, областные и т. д. Всѣ они сводятся на интересы матеріальныя, экономическіе и интересы общественнаго устройства заинтересованныхъ группъ.†

Разсмотримъ-же какіе интересы не могутъ быть представимы въ Россіи, чтобы ясно вывести тѣ, которые представимы.

Представимы-ли въ Россіи интересы сословные?

Дворянство, духовенство, купечество, мѣщанство, крестьянство, однодворчество, войсковое сословіе (казачество)... пожалуй еще ученое сословіе...

Дворянство отдѣляется на два отдѣлка: родовое и чиновное приобрѣтенное. Провести между ними черту нѣтъ никакой возможности. Дворянскіе права вчерашняго статскаго совѣтника совершенно равны правамъ самаго наичистѣйшаго (если

* Можетъ на этомъ основана постоянная неудача избирательствъ законодательныхъ собраній и центральныхъ правителей посредствомъ прямой поголовной подачи голосовъ (suffrage universel). Смыслъ представимости теряется. Внѣшнее juxtapositio, пересчитываніе разнородныхъ единицъ, не даетъ живаго выраженія общественныхъ силъ—а только формализмъ народнаго участія въ управленіи, формализмъ ничѣмъ не осмысленный, лишенный содержанія. Живое содержаніе можетъ являться только въ группѣ людей соединенныхъ въ одну групповую потребность, въ групповой интересъ, который представляетъ извѣстную, самобытную силу въ общемъ государственномъ составѣ.

† Такимъ образомъ интересы церковные могутъ быть представимы не въ смыслѣ религіи, а въ смыслѣ устройства и правъ духовенства, содержаніе церквей, и пр. Интересы научные представимы не въ смыслѣ теоріи—а въ смыслѣ организаціи высшихъ и низшихъ школъ, содержанія учителей и пр. Теорія—будь она религіозная или научная—остается свободна отъ всякаго управленія и потому не представима. Но всякое управленіе посредствомъ выборныхъ людей, а не посредствомъ полицейскаго насилія,—предполагаетъ признаніе полной свободы теоріи, равно религіозной или научной, полной свободы вѣры и убѣжденія, безъ чего никакой групповой интересъ не въ силахъ выразиться свободно. Подчиненіе человѣческой совѣсти какой-бы то ни было внѣшней власти прямо противоположно смыслу представительнаго правленія.

такой найдётся) потомка Рюрика и Гедмина. Если-бы еще родовое дворянство не служило, его можно-бы принять за самобытное сословіе. Но оно постоянно служить. Значение дворянина въ государствѣ оцѣнивается не по старинности его рода и особенности его правъ, даже не по объему его родового имущества, а по чину и по мѣсту занимаемому на службѣ. Неслужащее родовое дворянство, или бѣдное родовое дворянство въ маленькихъ чинахъ, совершенно равняется личному дворянству, т. е. мелкому чиновничеству изъ разночинцевъ: передать въ потомство родовое наслѣдіе ему нельзя, потому, что нечего или почти нечего; а права его состоятъ въ огражденіи отъ побой по закону, т. е. равняются правамъ станціоннаго смотрителя, или вообще человѣка обіагороженнаго 14 мѣ классомъ. Богатый дворянинъ, который не на службѣ, или никогда не былъ на службѣ, такое исключеніе, которое теряется до незамѣтности. Отсюда маленькое дворянство (личное и бѣдное) цѣнится по чину и по мѣсту и, достигая такого чина—на пути къ которому достаточно навязалось, чтобы купить имѣніе—оно вливается въ родовое дворянство, которое опять уважается не по роду, а по чину и мѣсту въ казенной службѣ. Слѣдственно, въ этомъ смыслѣ дворянство выражаетъ интересъ казенной службы, интересъ чиновничества.

Спрашивается: въ какомъ-бы то ни было законодательномъ собраніи, съ цѣлью самоуправленія страны посредствомъ выборныхъ людей, можетъ-ли быть представимъ интересъ казенной службы, т. е. тотъ интересъ, для огражденія страны отъ котораго собрались выборные люди? Очевидно это была бы нелѣпость.* Эта нелѣпость уже являлась въ Россіи, въ маломъ видѣ, на губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ. Что ни дѣлали отдѣльныя благородныя личности, чтобы возвести ихъ на степень сословныхъ мѣстныхъ представительствъ,—онѣ разрѣшались въ избранное чиновниками казенное чиновничество. и только. Послѣдній фактъ достаточно доказываетъ, что русское дворянство не больше какъ сословіе чиновничества—и въ этомъ смыслѣ оно не представимо, или его сословное представительство привело-бы снова къ казенной власти, чѣмъ совершенно противоположно задачѣ представительнаго правленія, т. е. задачѣ самоуправленія страны посредствомъ избираемаго законодательнаго собранія.

Но можетъ у дворянства есть другой представимый, сословный интересъ?... Если онъ и есть, то чтобъ имѣть право на его представимость, дворянство прежде всего должно перестать служить, перестать быть чиновничествомъ, должно стать внѣ всякаго интереса казеннаго управленія страной. Какой же у него другой сословный интересъ и какаѣ возможности выйти изъ чиновничества?

Другой представимый, сословный интересъ была-бы поземельная собственность. Но тутъ уже надо замѣтить, что съ прекращеніемъ крѣпостнаго права, при отчуждаемости родовой собственности (равно свободной продажей и продажей за долги)—интересъ сословія исчезаетъ. Поземельнымъ собственникомъ является каждый, какого-бы онъ сословія ни былъ: дворянинъ, купецъ, попъ, казакъ, учитель, мѣщанинъ, великій князь или NN. Можетъ-ли изъ этого составиться сословный интересъ?

* По французскому закону объ избирательствѣ (19 Апрѣля 1831) большая часть служащихъ въ правительственной службѣ не могли быть избираемы въ депутаты (ст. 64). Англійскій законъ еще болѣе ограничиваетъ избираемость лицъ состоящихъ на службѣ и исключаетъ изъ числа избирателей людей, служащихъ въ полиціи.

Положимте, на минуту, что можетъ. Но онъ еще не составленъ, потому что такого сословія еще не существуетъ, и потому *теперь* онъ не представимъ. Какъ составится это сословіе—это еще вопросъ. Кто рѣшить этотъ вопросъ—петербургское самодержавіе или представительное правительство? Если (какъ требуетъ здравый смыслъ) предоставить составленіе устава частнаго землевладѣнія и на немъ основаннаго сословія—представительному правительству, то нельзя выдумать никакого особаго отъ народа сословія землевладѣльцевъ и ихъ особаго сословнаго интереса—прежде чѣмъ дѣло рѣшено представительнымъ правительствомъ; а это требуетъ предварительно представительства безсословнаго.

Въ настоящемъ положеніи вещей, подъ частной поземельной собственностью, разумѣется та доля мірскихъ земель (розданныхъ царями и императорами своимъ служилымъ людямъ за разныя послуги въ пользу самодержавія) которая, при настоящемъ преобразованіи крѣпостнаго права, не возвращена въ міръ, а оставлена за дворянствомъ. Слѣдственно, теперь интересъ частнаго землевладѣнія—все еще интересъ сословнаго чиновничества, которое не можетъ отдѣлиться отъ интереса казенной службы, а этотъ интересъ прямо противоположенъ всякому представительному правленію, потому что его представительство немедленно сливается съ казеннымъ управленіемъ.

Какой-же выходъ для дворянства? Перестать служить? Но оно теперь это сдѣлаетъ меньше чѣмъ когда либо, потому что перестать служить теперь—значитъ перейти въ землевладѣющіе разночинцы и перестать быть сословіемъ власти. Теперь, больше чѣмъ когда либо, дворянство связано съ чиномъ; теперь, по мимо чина, уже нѣтъ и тѣни достаточной причины для его существованія.

Но предположимте, что оно предпочтетъ свою человѣческую свободу и самостоятельность выборнаго управленія—чиновничей власти и смѣшному названію дворянина, (двора его императорскаго величества человѣка) и останется только землевладѣльцемъ. Какое-же это будетъ сословіе землевладѣльцевъ?

При огромныхъ долгахъ, лежащихъ на дворянскихъ имѣніяхъ, только небольшое меньшинство дворянства выдержитъ настоящее положеніе безденежья; большинство продастъ земли; каждый дворянскій надѣлъ цѣликомъ или долею перейдетъ въ руки разночинцевъ. Кто такое покушникъ и что станетъ съ продавцомъ? Покушникъ—купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ или община. Купецъ и мѣщанинъ—люди городскіе; крестьянинъ—человѣкъ мірской; община—міръ, сельская собирательная единица. Городской человѣкъ, купивши помѣщичью землю, нисколько не перестанетъ принадлежать къ городскому сословію и не составитъ члена особаго землевладѣльческаго сословія, точно также какъ когда онъ за городомъ покупаетъ фабрику; онъ просто останется городскимъ человѣкомъ, купившимъ землю внѣ города. Крестьянинъ, купившій землю внѣ своего села, не перестанетъ быть крестьяниномъ, мірскимъ человѣкомъ. Община, купившая помѣщичью землю, превратитъ ее въ землю мірскую. А продавецъ-помѣщикъ, продавшій землю, припишется всего вѣроятіе къ городу, очень рѣдко къ волости. Никуда не принадлежать потому невозможно, что—гдѣ бы человѣкъ ни основался—онъ невольно принимаетъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ округа вслѣдствіе общихъ нуждъ, общихъ налоговъ, общаго устройства, вслѣдствіе

физиологической необходимости стадной жизни.* Слѣдственно сословія остаются сельское и городское, а особаго землевладѣльческаго сословія не выкроишь. Меньшинство теперешнихъ владѣльцевъ, которое удержало бы дворянскіе надѣлы непроданными, не будетъ въ силахъ составить особаго сословія и, въ общественныхъ дѣлахъ, вынуждено будетъ участвовать или съ волостью, или съ городомъ. Продажей-ли, или наймомъ передается землевладѣніе—покупщикъ или наемщикъ, относительно выбора членовъ мѣстнаго управленія или членовъ общаго представительнаго, законодательнаго собранія, могутъ участвовать только съ округомъ, а никакъ не отдѣльнымъ сословіемъ. Иначе мы гдѣ нибудь въ Архангельской губерніи найдемъ десятокъ частныхъ землевладѣльцевъ и будемъ вынуждены признать ихъ за сословіе. Оно, на первый взглядъ, смѣшно по ихъ малочисленію, а въ сущности оно смѣшно потому, что ложно въ самомъ принципѣ.†

Отсюда естественный выводъ :

1) Дворянство, какъ чиновничество, непредставимо, потому, что оно представляло-бы интересъ казеннаго управленія, прямо противоположный интересу представительнаго управленія, что нелѣпо. А выходя изъ чина, оно перестаетъ быть дворянствомъ и слѣдственно, какъ сословіе, опять непредставимо.

2) Интересъ частнаго поземельнаго владѣнія не можетъ создать интереса особаго сословія. Теперь онъ не представимъ, потому что такого сословія нѣтъ; въ будущемъ онъ непредставимъ, потому что такого сословія быть не можетъ.

3) Остаются представимые интересы сельскіе и городскіе.

4) Если дворянство предпочитаетъ представительное управленіе казенному, то ему нѣтъ другого выхода, какъ принять участіе въ выборахъ представителей, не въ качествѣ особаго сословія, а подавая голоса или съ городами или съ волостями, на равнѣ со всѣми.

Если главный сословный интересъ, заявляющій свои притязанія, несостоятеленъ, то другіе сословные интересы еще менѣе возможны.

Интересъ духовенства — интересъ прихожанъ. Около половины русскаго населенія—старообрядцы и интересы ихъ духовенства не совпадаютъ съ интересами духовенства господствующей церкви; но и тѣ и другіе совпадаютъ съ интересами ихъ прихожанъ. Вдобавокъ, бѣлое духовенство всѣхъ согласій (гдѣ только есть духовенство) не можетъ не найти больше выгодъ пользоваться всѣми гражданскими правами на равнѣ съ своими прихожанами, чѣмъ стоять

* Свобода передвиженія, рода занятій (точно также какъ свобода вѣроисповѣданія) нисколько не устраняетъ принадлежность человека къ данному мѣстному обществу; можно свободно переходить изъ одного общества въ другое, можно жить вдали отъ своего общества; но не участвовать въ нуждахъ общества долею дохода съ своего мѣстнаго владѣнія, не быть членомъ никакой круговой поруки общественныхъ интересовъ—не мыслимо, какъ скоро признано право на какое нибудь владѣніе и участіе въ дѣлахъ общества. Особнячая личность воображима только въ качествѣ совершеннаго пролетарія, ничего не производящаго или живущаго въ пустынѣ; но это была бы личность изъ міра фантазіи. Безконечная свобода лица, изъ условій общественной жизни, переходитъ въ уродливый призракъ. Вся задача въ уравновѣшиваніи личной свободы и общественныхъ требованій отъ человека. Въ странѣ, невольна слагающейся въ признаніе права каждаго на поземельной пай, отрѣшенность отъ участія въ общественной круговой поруки и не принадлежность ни къ какому мѣстному обществу—невозможна.

† Англійское фермерство (которое отчасти подходило бы къ будущему предполагаемому сословію) не подаетъ голосовъ по сословію, а только нераздѣльно съ своимъ приходомъ (коммуной, частью города) въ мѣстѣ котораго ферма находится; оно подчинено только общимъ условіямъ цѣны и особаго сословія не составляетъ.

отдѣльнымъ сословіемъ (въ смыслѣ гражданскихъ правъ и общественнаго устройства, разумѣется) и пользоваться меньшими правами лишь бы сохранить сословную отдѣльность. Духовенство—это родъ занятій, а не особое гражданское учрежденіе. Особое представительство духовенства противно самимъ выгодамъ духовенства.

Интересы купечества и мѣщанства сливаются въ общій интересъ города. Купечество и слишкомъ малочисленно и слишкомъ переходчиво (варіабельно) изъ одного состоянія въ другое, чтобъ составить сословіе, способное на отдѣльное представительство. Да едва ли города захотятъ избирать отдѣльными сословіями, уже и потому чтобъ не дать домовладѣющему дворянству права отдѣльнаго представительства. Представимымъ остается только городъ безсословно.*

Интересы крестьянства не могутъ имѣть внутри себя отдѣльныхъ сословныхъ интересовъ. Здѣсь одинъ интересъ сельскій или волостной. Различія, которыя мы здѣсь встрѣтимъ, могутъ быть только мѣстные или племенные. Сюда относятся различія селъ, владѣющихъ землею передѣльно (великорусское племя) и селъ владѣющихъ землею въ раздѣлъ, подворно, но безъ права отчужденія земельнаго участка въ стороннія руки, вонъ изъ мірской межи (южнорусское племя, одноворцы, казачество).

Безъ сомнѣнія, всѣ элементы племенные, мѣстные, особые по историческому обычаю или по различію географическихъ условій,—составляютъ отдѣльные группы, въ общей связи другъ съ другомъ, и необходимо придуть къ представительству интересовъ каждой группы на общемъ представительномъ собраніи.

Такимъ образомъ, мы естественно приходимъ къ заключенію, что въ Россіи представимы волостные, городскіе, племенные и мѣстные или областные интересы только *безсословно*.

(продолженіе впереди).

П. Огаревъ.

РОССІАДА.

IV.

Возстаніе въ Россіи.

Шелъ въ комнату—попалъ въ другую.

Горе отъ...

Россія представляетъ огромный политическій клубъ — губернскіе города foyers, въ которыхъ отчаянные патріоты и вышедшіе изъ себя царіоты объявляютъ войну Европѣ, и общаются поддерживать тронъ противъ нѣсколькихъ *шаекъ* польскихъ повстанцовъ. Дворянскія собранія, градскія думы, сельскія управы, предводители, казаки, университеты, ямщики, — все населеніе поднимается мужественно, за сильнаго противъ слабого, и пишетъ адреса по валуевскимъ прописямъ. Это движеніе распространяясь далѣе и далѣе, выходитъ изъ всѣхъ границъ—ума, смысла, приличій, географическихъ предѣловъ — и какъ дальній, усталый раскатъ грома, оканчивается 54-мя подписями русскихъ путешественниковъ и четырьмя студентами, поддерживающими въ какомъ-то нѣмецкомъ захолаустыи подписками тронъ, алтарь, Каткова и свою будущую карьеру...

* Едва-ли нужно упоминать о невозможности особаго сословнаго представительства ученаго сословія; тутъ также различія не въ сословіи, а въ родѣ занятій. Въ Россіи же ученое сословіе до сихъ поръ нераздѣльно отъ казеннаго чиновничества, начиная отъ фельдшера и уѣзднаго лекаря до профессора Бабста, докавызывающаго сочиненіемъ вѣрнопопуданническихъ адресовъ нераздѣльность ученаго сословія отъ казенныхъ интересовъ.

За этимъ первымъ актомъ какъ и слѣдовало ждать *introduzione marziale*, и вмѣсто увертюры—*aux armes citoyens!* Обывательская стража, *garde nationale*, чивика, *akademische-frei-schörler Legion*.

Все такъ... совершенно въ порядкѣ... и мы снова свѣтло смотримъ въ будущее.

Переменчивы времена, а съ ними и душа человѣческая—кому не приснопамятны строгія поученія “Дня” студентамъ за цѣты брошенные на могилу Грановскаго, за ихъ вышательство въ ихъ собственныя дѣла, за оппозицію матрикуламъ, и пр., строгъ былъ “День” въ дни бѣдствій и полицейскаго избиенія студентовъ; онъ холѣлъ, чтобъ студенты какъ институтки въ смольномъ монастырѣ или арестанты въ Шпильбергѣ жили внѣ общественныхъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ внѣ участія въ нихъ. И вдругъ съ неизрѣченнымъ удовольствіемъ мы читаемъ въ “Днѣ”: “До насъ дошелъ слухъ исполнѣй достовѣрный, что многіе, очень многіе студенты московскаго университета, возмущенные оскорбительными надеждами, возлагаемыми врагами Россіи на русское молодое поколѣніе, хотѣтъ заявить открытымъ протестомъ, что никогда, ни въ какомъ случаѣ не отдѣлятся они отъ русскаго народа, что его дѣло—ихъ дѣло, его знамя,—ихъ знамя, что въ случаѣ опасности они вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ станутъ за единство, цѣлость и честь русской земли. Мы отъ всей души привѣтствуемъ такую мысль московскихъ студентовъ. Пора, давно пора обличить словомъ и дѣломъ наглую и дерзкую ложъ публицистовъ, которые посѣяли столько подозрѣній и раздора въ русскомъ обществѣ и разъединили русскую учащуюся молодежь съ русскимъ народомъ. Пора, давно пора освободиться изъ-подъ правственнаго гнета того фальшиваго демократизма, который, именемъ народа, учить измѣнять родной землѣ и обманывать русское крестьянство! Пусть-же возвратятъ себѣ русскіе студенты довѣренность русскаго народа... Редакция “Дня” съ своей стороны готова всѣми способами содѣйствовать осуществленію этой прекрасной мысли. Такой примѣръ московскаго университета могущественно подѣйствуетъ на прочіе университеты, на все наше молодое учащееся поколѣніе.”

По дѣлу преданности.

Шведскій журналъ “*Allchanda*” подробно рассказываетъ отеческія усилія Рокасовскаго, чтобъ поддѣть на адрессъ гражданъ Гельсингфорса. Чего и чего онъ имъ не обѣщалъ, и государеву любовь, и свою дружбу, и собраніе діэты осенью и всякія петербургскія блага и московскія льготы. Даже слово *адрессъ* было ловко избѣгнуто, но финляндцы никакъ не могутъ почувствовать остзейскаго жара къ всероссійскому престолу, ни возбудить въ себѣ курляндской любви къ нашему отечеству.

А хотѣлось адреса отъ финскихъ скалъ! “*Allchanda*” вотъ какъ повѣствуетъ о причинѣ особеннаго вниманія къ финнамъ: Непиръ въ разговорѣ съ Горчаковымъ, говорилъ о томъ, что, въ настоящемъ положеніи, Россіи не легко будетъ противустоять виѣшней войнѣ. На это Горчаковъ отвѣчалъ, указывая на адрессы. Непиръ замѣтилъ между прочимъ, что адрессовъ изъ Финляндіи еще нѣтъ. Это ничего не значить, черезъ двѣ недѣли вы увидите всю Финляндію у ногъ государя.—День Троицынъ проходитъ, Мальбрука пѣтъ какъ нѣтъ!

По дѣлу зажигателей.

У насъ есть *слѣдъ слѣда*, чтобъ добраться до знаменитыхъ

зажигателей-революціонеровъ, которыхъ ищутъ съ того памятнаго времени, когда на алтарѣ отечественнаго яacobинства сгорѣлъ Шукинъ дворъ. Сколько разъ мы ни спрашивали чѣмъ кончилось дѣло, рыбіе молчанье всѣхъ русскихъ журналовъ краснорѣчиво говорило, что коммиссія ничего не нашла, кромѣ нѣскольکو сотъ арестантовъ, подозрѣваемыхъ, что они начитались Бюхнера до зажигательства. Въ правительствѣ составились три партіи, князь Суворовъ и всѣ *честные* люди съ нимъ хотѣли обнародовать, что въ зажигательствахъ не открыто никакого участія политическихъ партій. Вауевъ и всѣ *ловкіе* люди съ нимъ нашли, что такихъ печальныхъ фактовъ обнародовать не слѣдуетъ, и что лучше на всякій случай оставить молодую Россію въ подозрѣніи, что для нея нѣтъ ничего святаго, ни даже Шукина двора. Третья партія, самая радикальная, идетъ далѣе, ставитъ все *на карту*, ее въ правительствѣ представляетъ Н. Ф. Павловъ. Эта партія *нетъ* отъ намека къ положительному обвиненію, средство отчаянное, безкозырное, но которое удастся, какъ это знаетъ переводчикъ Отелло по ролю честнаго Яго.*

Чтобъ помочь правительству и III отдѣленію, мы обращаемъ вниманіе на два факта, которые могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на то, что зажигатели принадлежатъ больше *отцамъ члѣмъ дѣтямъ*, и что ихъ надобно искать не столько въ молодой Россіи, сколько въ Адрессъ-Календарѣ. Въ гельсингфорскомъ театрѣ представлялись живыя картины, публика аплодировала шведскому знамени. Услышавъ объ этомъ, Рокасовскій отправился самъ въ слѣдующее представленіе. При немъ повторилась та же исторія. Рокасовскій горячо принявъ дѣло къ сердцу и говорить директору, нельзя ли упразднить знамя; а директоръ говорить нельзя, публика ждетъ, и Рокасовскій отвѣчаетъ, какъ дескать хотите”. А тутъ какъ нарочно наканунѣ *театръ возьми да и сори*. Полиція выбилась изъ силъ, ищетъ, ищетъ, нѣтъ виновныхъ... Ужъ не тѣ-ли это, что Шукинъ дворъ-то подожгли?

Второй намекъ очень тонкой, приготовляя умы къ непредвидѣннымъ пожарамъ и предупреждая слухи о *поджогахъ* какой-то полицейской типографіи, вотъ какой приказъ отдалъ московскій оберъ-полицмейстеръ, *Мая 7 дня 1863, No. 82*:

1446 статьею улож. о наказ. уголов. и исправ. воспрещается курить табакъ въ конюшнѣ, на сѣновалѣ, чердакѣ, или въ кладовой, гдѣ хранятся удобовоспламеняющіяся вещества, а также не дозволяется курить и на улицѣ.

Нынѣ замѣчено мною, что на улицахъ въ городѣ являются лица, курящія сигары и папиросы, въ явное нарушеніе сказаннаго закона.

Предписываю по полиціи имѣть наблюденіе, чтобы никто не курилъ на улицахъ, и вездѣ, гдѣ это воспрещается”.

Вслѣдъ за тѣмъ, чтобъ и *водѣ* не было обидно, онъ приказалъ 8 *Мая 1863, No. 124*:

Предписываю имѣть строгое наблюденіе, чтобы въ рѣкахъ, протекающихъ въ городѣ, отнюдь никто не купался съ барокъ и вообще на открытыхъ мѣстахъ.

Подписалъ свиты его величества генераль-маіоръ, *Графъ Крейцъ*.

Oh der Kreuz—gute Mann!

* “Бунты могутъ быть вездѣ, но бунтъ еще не революція. По этому ее устроить у насъ нѣтъ никакого средства. Вотъ, поджечь домъ, кого-нибудь изподтишка зарѣзать, это дѣло осуществимое. За этимъ, иногда, не углядишь”. (Н. В.) Каково извиненіе должностнаго и сильно озабоченнаго наблюдателя!

— *Теорія чистою грабежа и возведеніе онаго въ гражданское право и военную привиллеію.*—Приказъ войскамъ кievскаго военного округа. Мая 12-го дня 1863 года. Предписываю, при поражении мятежническихъ шайекъ, когда вмѣстѣ съ войсками участвуютъ крестьяне, съ отбиваемой отъ мятежниковъ съ боя добычею, поступать слѣдующимъ порядкомъ: Лошадей и прочіе предметы, составляющіе рабочія средства и продовольственные припасы, выдавать участвовавшимъ въ дѣйствіяхъ крестьянамъ, которые весьма часто, преслѣдуя шайки, истощаютъ свои запасы, и вынуждаются для своего продовольствія покупать хлѣбъ на свои деньги. Отбитый скотъ и продовольственные припасы, ежели войска будутъ въ нихъ нуждаться, раздѣлять между войсками и крестьянами; ежели же войска въ продовольствіи нуждаться не будутъ, то эти предметы обращать въ пользу крестьянъ. Пожитки отдавать также въ пользу крестьянъ. *Деньги, цѣнныя вещи, оружіе и боевые припасы* должны быть отобраны, и при описи представлены тому начальству, въ вѣденіе котораго будутъ отправлены плѣнные для сужденія и обслѣдованія ихъ дѣйствій. Если случится командамъ казачьихъ полковъ, безъ участія другихъ войскъ или крестьянъ, отбивать добычу, то поступать съ оною согласно пунктовъ 275—280 приложения 38 къ 3077 статьѣ 2 й книги 1 й части свода военныхъ постановленій, но съ тѣмъ однако, чтобы отбиваемое казаками оружіе поступало на пополненіе утраченнаго или въ замѣнъ приведеннаго въ негодность, а остальное было представлено для храненія въ арсеналѣ, по той причинѣ, что оно, какъ остающееся у казаковъ безъ употребленія могло бы быть ими продано въ частныя руки, что строжайше воспрещается въ здѣшнемъ краѣ въ настоящее время. Когда же казаки будутъ дѣйствовать совмѣстно съ другими войсками и крестьянами, то предоставлять въ исключительную ихъ пользу только то, что ими самими отбито, а въ прочей добычѣ они входятъ въ общій раздѣлъ, какъ сказано выше о войскахъ, и наконецъ, если добыча приобрѣтается безъ содѣйствія крестьянъ, то всѣ тѣ предметы, которые, на основаніи вышесказаннаго, предоставляются въ пользу крестьянъ, оставляя въ пользу нижнихъ чиновъ, не иначе какъ съ вѣдома и съ разрѣшенія начальника отряда. Затѣмъ возлагаю на начальниковъ войскъ отстраненіе всякихъ своеволій со стороны подчиненныхъ имъ лицъ, предваряя, что *грабежъ и насильственное отнятіе чужой собственности* подвергнетъ виновныхъ и начальниковъ строжайшей отвѣтственности по законамъ. Подписалъ: командующій войсками, генералъ-адъютантъ *Анненковъ 2 й.*—(Кіев. Тел.).

Что мало судей этого дѣла компетентнѣе Анненкова 2, въ этомъ согласится всѣ занимавшіеся отбиваніемъ отъ мятежниковъ ихъ имущества. Онъ первый постановилъ прекрасный примѣръ, не пощадивъ своего племянника, сосланнаго по 14 Декабря, воспользовавшись его имѣніемъ, и не возвратилъ его послѣ его возвращенія. Такъ какъ добыча эта была добыта безъ казаковъ и крестьянъ, то Анненковъ и не дѣлился ни съ кѣмъ.

— *Лаоры и Мирты.*—Въ окрестностяхъ Житомира крестьяне замѣтили, что у одного помѣщика большое сборище, но не давая ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, дали повстанцамъ поужинать, уложить оружіе и пр. на повозки, и за тѣмъ связали ихъ, и доставили въ городъ. Когда губернаторъ подарилъ крестьянамъ повозки и лошадей, то одинъ изъ нихъ сказалъ: “Скажите слово, и за 1,000 руб. ляха нельзя будетъ отыскать.”—(“Сѣв. Почта”).

“ДЕНЬ” И “КОЛОКОЛЪ”.

Наконецъ пришелъ и для “Колокола” *черный день*. Какой то неумолимый г. Касьяновъ, проживающій въ Парижѣ, разгромилъ всѣхъ русскихъ, не пощадилъ даже русской дѣвицы Б., дочери заволжскихъ степей; съ луговой стороны матушки Волги, которая говорила *eh bien* вмѣсто *eh bien*—дошелъ наконецъ и до насъ грѣшныхъ.

Помѣщаемъ отрывки изъ его обвиненій и сѣгованія:

“Никакими нравственными побужденіями не можетъ быть оправданъ союзъ съ врагами родной страны, ничто въ мірѣ не можетъ извинить призывъ иноземной рати на родную землю! Развѣ не измѣнникомъ русскому народу является теперь Бакунинъ, предводительствующій польскимъ отрядомъ, или шайкою *всякаго сбора мастеровъ, подмастерьевъ и работниковъ революціи, охотниковъ до крови* и до разрѣшенія всякихъ задачъ грубою силою вооруженнаго кулака? Вы конечно знаете, что эта экспедиція не достигла своего назначенія и вмѣсто Либавы попала въ Швецію. Стоитъ ли обращать вниманіе на такія противорѣчія!... Положительно извѣстно, что Бакунинъ въ Швеціи *торжественно* общается Шведамъ, отъ имени Россіи (!!) Финляндію и Остзейскія провинціи, а Польшѣ прибавку нѣсколькихъ русскихъ губерній. Москву, кажется, не отдаетъ—пу и за это спасибо!

“Что это такое? развѣ не измѣна? Вы скажете—сумашествіе, но если и такъ то это сумашествіе такого злаго качества, что человѣкъ, нравственно способный впасть въ подобное сумашествіе, уже тѣмъ самымъ преступленъ, преступленъ этою своею способностью! Вѣрьте мнѣ—лжетъ онъ—ни любви, ни уваженія къ народу нѣтъ въ томъ человѣкѣ, который вносить мечъ и огонь къ народу въ домъ и, самозванно величаясь представителемъ народа, навязываетъ ему силу, втѣсняетъ въ него своими и чужими кулаками—благо свободы своей личпой выдумки и приготовленія! А то, что затѣяно Бакунинымъ—развѣ это не та же вбиваемая, всаживаемая пулями, *оспаемая свобода*?!.....

“Неужели въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ рассказывали, не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ есть молодые люди, которые, и послѣ этихъ поступковъ Бакунина, продолжаютъ еще благоговѣть предъ его авторитетомъ и считать его дѣло честнымъ и благороднымъ? Не вѣрю. Для этого были бы нужны два условія: или прогнать нравственно насквозь, или имѣть въ головѣ, вмѣсто человѣческаго, мозгъ цыплячій, а всего этого въ нашей молодежи я предполагать не хочу и не смѣю.

“Но кого мнѣ искренно жаль—такъ это Герцена. Вы знаете рѣзкую противоположность нашихъ основныхъ воззрѣній, вы знаете, какъ я смотрю на “Колоколъ”—но тѣмъ не менѣе я многое прощалъ этому человѣку, ради высокой искренности его убѣжденій и всегдашней готовности отречься отъ своего взгляда, если онъ убѣждался въ его ошибочности. Мнѣ случилось его видѣть вскорѣ послѣ Восточной войны и онъ рассказывалъ мнѣ, какой мучительный годъ онъ прожилъ одинъ въ Англіи, вдали отъ Россіи—осажденной со всѣхъ сторонъ сильнѣйшимъ непріателемъ, съ какимъ лихорадочнымъ трепетомъ брался онъ каждое утро за газеты, боясь прочесть въ нихъ извѣстіе о взятіи Севастополя, какъ гордился его мужественной обороной. Когда я упрекалъ его за вредное вліяніе на русскую молодежь, въ которой его сочиненія развиваютъ кровожадные революціонные инстинкты, и указалъ ему на одну фразу его статьи въ Поляр-

ной Звѣздѣ, Герценъ оправдывался съ жаромъ, отклонялъ отъ себя упрекъ въ кровожадности, старался дать иное толкованіе своей фразѣ, и положительно увѣрялъ, что не принималъ ни малѣйшаго участія въ воззваніяхъ къ раскольникамъ, не за долго предъ тѣмъ перехваченныхъ въ Россіи.

“И теперь этотъ человѣкъ—въ союзъ съ деспотической Франціей, съ противнымъ ему Бонапартомъ, съ аристократической Англіей, съ политическими изгнанниками всѣхъ странъ (о которыхъ—собственно о французахъ—онъ отзывался съ глубочайшимъ презрѣніемъ, понятнымъ только русской душѣ, ненавистницѣ лжи и фразы), въ союзъ съ поляками—проповѣдующими не возстановленіе Польши, а порабощеніе русской народности въ Западномъ краѣ и уничтоженіе русскаго народа—съ поляками, не признающими за нами никакихъ правъ на политическое бытіе и провозгласившими (въ прокламаціи, изданной тамъ, у Бакунина, въ Швеціи), что Польша должна быть возстановлена въ предѣлахъ 1771 года! И Герценъ въ союзѣ съ ними! И не только онъ въ союзѣ съ врагами русской земли—онъ содѣйствуетъ имъ совѣтомъ и указаніемъ, онъ, какъ сторонникъ ихъ, радуется успѣхамъ польскихъ шаекъ, т. е. побѣдамъ русскихъ, празднуетъ вмѣстѣ съ ними *Варшавскую ночь Польши*, и въ нѣсколько тысячъ русскихъ людей были умерщвлены самымъ предательскимъ образомъ... Конечно, Герценъ не дѣйствуетъ за одно съ Бакунинымъ, и вѣроятно не рѣшится, какъ онъ, навести ружейное дуло на русскаго солдата, но онъ солидаренъ съ Бакунинымъ, онъ не отрекся отъ него, и русская кровь, которою вскорѣ обогрится, а можетъ быть уже и обогрѣлся Бакунинъ, забрызжетъ и на Герцена! Отъ Бакунина мы ничего другаго и не ждали, и не уважали его никогда нисколько—но отъ Герцена мы не могли этого ожидать и—ждемъ... Да, ждемъ раскаянія. Не можетъ же быть, чтобы Герценъ не понималъ социальныхъ и историческихъ требованій русскаго народа. Онъ не такъ уже ослѣпъ, чтобы не видѣть, что русскій народъ не потерпитъ ничьего чужаго вышательства, а тѣмъ менѣе вооруженнаго, что русскій народъ встанетъ весь какъ одинъ человѣкъ за русское государство, за того, кого считаетъ своимъ представителемъ, кому вручилъ оберегательство чести народной и государственной... Стало быть, и Бакунину и Герцену пришлось бы имѣть дѣло не съ правительствомъ и не съ войскомъ только, а со всею русскою землею, со всѣмъ русскимъ народомъ. Народъ не поддастся ласкательствамъ непрощенныхъ и неуполномоченныхъ попечителей о его благѣ, которые захотятъ отдѣлить народное дѣло отъ государственнаго и предложить ему чужестранную помощь противъ русскаго же правительства! Если и имѣются у народа какіе-нибудь свои порядки, то не путемъ крови, не насиліемъ желаетъ народъ отстранить ихъ... Неужели Герценъ забылъ русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай? Неужели Герценъ сумѣлъ заглушить въ себѣ то русское народное чувство, которое заставляетъ забыть всѣ раздоры, всѣ неудобствѣ, всѣ споры—въ виду внешней опасности, грозящей всему государству?”

“Не только бездну роетъ Герценъ между собой и русскимъ народомъ, не только отлучаетъ онъ себя на вѣки отъ родной земли, но если онъ не прекратитъ своего образа дѣйствій, если его возбужденіями прольется хотя одна лишняя капля русской крови—кровь русскаго народа, вмѣстѣ съ народ-

нымъ проклятіемъ, падетъ ему на голову. И одна ли лишняя капля! Цѣлая рѣка крови могутъ потечь—благодаря воззваніямъ, фальшивымъ манифестамъ и всякимъ соблазнамъ, разставленнымъ совѣсти безбородыхъ увлекающихся юношей! Руки ли, по локоть въ русской крови, въ крови русскаго народа, протянетъ онъ братски къ русскому народу?!”

“Но знаете? Вы назовите меня сумасбродомъ, поэтому, но мнѣ все сдается, что Герценъ не вынесетъ этого противорѣчія, что ему не удастся заглушить свою русскую совѣсть, и что когда-нибудь, въ одно прекрасное утро, онъ поступитъ совершенно по русски. Кто знакомъ съ психологической стороной русской уголовщины, читалъ уголовныя дѣла и изучалъ русскихъ преступниковъ изъ народа, тотъ хранитъ въ памяти своей множество случаевъ—какъ иной преступникъ-бродяга, въ самомъ раздолѣ грабежа и разбоя, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вмѣсто того, чтобы идти на право, по проторенной дорожкѣ въ кабакъ, беретъ на лѣво—въ земскій судъ, объявляетъ о себѣ и своемъ преступленіи, отдается суду и несетъ наказаніе!... Стокующая русскій человѣкъ по правдѣ, падоусть ему ложь, опротивѣтъ зло—и возстановляетъ онъ правду—наказаніемъ и искупленіемъ! Что нибудь подобное, вѣрнее мнѣ, случится и съ Герценомъ. Теперь, можетъ быть, онъ еще будетъ потѣшаться надъ моими словами (а еще болѣе станутъ глумиться надъ ними ваши петербургскіе весельчаки)—но какъ бы ни смѣялся Герценъ, а слова мои вѣрнутся въ его память... Пусть бы только пересталъ онъ губить нашу несчастную русскую молодежь, пусть бы внашалъ онъ ей истинное уваженіе къ народу, а не деспотизмъ демократовъ, считающихъ себя вправѣ издѣваться надъ невѣжествомъ народа обманами и подлогами! Фальшивые манифесты... Какая подлость, какое ругательство надъ народомъ! Этотъ обманъ, этотъ подлогъ, развѣ это не тоже насиліе, развѣ это не такой же деспотизмъ, не эксплуатація грамотнаго надъ неграмотнымъ, зрячаго надъ слѣпымъ, образованнаго надъ необразованнымъ?!”

Листъ этотъ “Дня”, дошелъ до насъ поздно; мы будемъ непремѣнно отвѣчать г. Касьянову въ одномъ изъ слѣдующихъ “Колоколовъ”; но намъ казалось необходимымъ просить издателя “Дня” помѣстить въ своемъ почтенномъ журналѣ слѣдующее письмо посланное ему по почтѣ 11 Іюня:

М. Г. Въ 19 Но. “Дня” вы напечатали письмо г. Касьянова, который меня знаетъ, но котораго я вовсе не знаю. Г. Касьяновъ вѣроятно безъ большихъ слезъ оплакиваетъ меня, и можетъ безъ дурнаго намѣренія клеветать на Бакунина. Отвѣтъ мой впереди—имъ я не буду беспокоить вашъ “День”, но позвольте мнѣ вступиться за отсутствующаго, и просить васъ о помѣщеніи этихъ строкъ въ вашемъ журналѣ.

Напечатать ихъ вы можете. Я увѣренъ, что вы не рѣшились—бы воспользоваться начальническимъ разрѣшеніемъ обвинять насъ, не испросивъ дозволенія напечатать отвѣтъ. Сверхъ того, зная скромные размѣры отечественной цензуры, я сокращусь до невозможности.

Бакунинъ никогда не предводительствовалъ никакимъ польскимъ отрядомъ, и не имѣлъ намѣренія предводительствовать. Его поѣздка имѣла совсѣмъ другую цѣль. Я не слыхалъ (а кажется могъ бы!) ни о какомъ участіи его въ прокламаціяхъ, манифестахъ и пр.

“Положительно извѣстно”, говоритъ г. Касьяновъ, “что Бакунинъ въ Швеціи торжественно общается шведамъ отъ имени Россіи” (вы сами не вытерпѣли, и поставили тутъ два восклицательныхъ знака) “Финляндію и Остзейскія провинціи, а Польшу—прибавку нѣсколькихъ русскихъ губерній. “Что это такое”, продолжаетъ г. Касьяновъ, “развѣ не измѣна?”

Нѣтъ, гораздо проще—это неправда.

Позвольте, почтенный сотоварищъ, надѣяться, что вы не откажете въ просьбѣ уважающаго Васъ изд. “Колокола”—

Orsett House, Westbourne Terrace, 10 Іюня, 1863.

СМѢСЬ.

ВОЛЖСКИЙ МАНИФЕСТЪ И РОССИЯ ВЪ ОСАДНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Вотъ текстъ манифеста, разосланнаго по деревнямъ, на берегахъ Волги. Мы его беремъ съ печатнаго экземпляра.

Божіею Милостию

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ и пр.

Въ постоянной заботливости Нашей о благѣ всѣхъ вѣрноподанныхъ Нашихъ, Мы, указомъ въ 19 день Февраля 1861 года, признали за благо отмѣнить крѣпостное право надъ сельскимъ сословіемъ Богомъ вѣренной Намъ Россіи.

Уступая просьбамъ помѣщиковъ, Мы, какъ ни тяжело было Нашему Монаршему сердцу, повелѣли однако всѣмъ временно обязаннымъ крестьянамъ оставаться въ теченіи двухъ-лѣтняго срока, т. е. по 19 Февраля настоящаго 1863 года, въ полной подчиненности у ихъ бывшихъ владѣльцевъ.

Нынѣ призвавъ Всемогущаго на помощь настоящимъ Манифестомъ, объявляемъ полную свободу всѣмъ вѣрноподаннымъ Нашимъ, къ какому-бы званію и состоянію они не принадлежали. Отнынѣ свобода Вѣры и выполненіе обрядовъ ея Церкви составить достояніе всякаго.

Всѣмъ крестьянамъ, какъ бывшимъ крѣпостнымъ такъ, и государственнымъ, даруемъ въ опредѣленномъ размѣрѣ землю безъ всякой за оную уплаты, какъ помѣщикамъ такъ и государству, въ полное неотъемлемое потомственное ихъ владѣніе.

Полагаясь на вѣрность Народа Нашего, и признавъ за благо для облегченія края упразднить армію Нашу, Мы отнынѣ впредь и навсегда освобождаемъ Нашихъ любезныхъ вѣрноподанныхъ отъ всякаго рода наборовъ и повинностей рекрутскихъ; за тѣмъ солдатамъ арміи Нашей, повелѣваемъ возвратиться на мѣста ихъ родины.

Уплата подушныхъ окладовъ, имѣвшихъ назначеніемъ содержаніе столь многочисленной арміи съ дня изданія сего Манифеста отмѣняется. Всѣмъ солдатамъ, возвращающимся изъ службы, также всѣмъ дворовымъ людямъ, фабричнымъ и мѣщанамъ повелѣваемъ дать безъ всякаго возмездія надѣлы земли изъ казенныхъ дачъ обширной Имперіи Нашей.

Въ каждой волости, равно въ городѣ, народъ избираетъ четырехъ пользующихся его довѣріемъ челоѣкъ, которые собравшись въ уѣздномъ городѣ изберутъ совокупно уѣзднаго старшину и прочія уѣздныя власти, четыре Депутата отъ каждаго уѣзда, избравшись въ губернской городѣ, изберутъ губернскаго старшину и прочія губернскія власти. Депутаты отъ каждой губерніи призванные въ Москву составить Государственный Совѣтъ, который съ Нашею помощію будетъ управлять всею Русскою землею.

Такова Монаршая Воля Наша.

Всякій объявляющій противное и неисполняющій сей Монаршей Воли Нашей, есть врагъ Нашъ. Уповаемъ, что преданность народа оградитъ престолъ Нашъ отъ покушеній злонамѣренныхъ людей, не оправдавшихъ Наше Монаршее довѣріе.

Повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ вѣрить одному нашему Монаршему слову. Если войска, обманываемыя ихъ начальниками, если генералы, губернаторы, посредники, осмѣлятся силою воспротивиться сему Манифесту—да возстанетъ всякій для защиты даруемой Мною свободы и не щадя живота, выступитъ на брань, со всѣми дерзающими противиться сей Воли Нашей.

Да благословитъ Всемогущій Господь Богъ Начинанія Наши! Съ Нами Богъ разумѣйте языцы и покоряйтесь яко съ Нами Богъ!

Данъ въ Москву, въ тридцать первый день Марта, въ мѣсяцъ отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третья, царствованія-же Нашаго въ девятое.

Въ подлинномъ собственною Е. И. В. рукою подписано

(М. П.)

Александръ.

Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ.

Велика отвѣтственность, которую берутъ на себя авторы такого рода воззваній. Путь этотъ опасенъ—народъ перестанетъ вѣрить печатному слову.

Мы увѣрены, что общество *Земли и Воли*, принимающее за правило устранять отдѣльныя попытки не имѣть никакого участія въ составленіи этого манифеста. Мы не сомнѣваемся, что это воззваніе сдѣлано людьми благородными, но не сообразившими между прочимъ и того, что они въ немъ поддерживаютъ старую, несчастную мысль, что царь хочетъ дать настоящую волю, только ему все кто-то мѣшаетъ; въ то время, когда ясно, что не только другіе мѣшаютъ царю, но онъ самъ себя мѣшаетъ, потому что онъ самъ настоящей воли дать не хочетъ.

Если этотъ манифестъ изданъ особымъ кружкомъ, то нельзя не посоветовать ему и всѣмъ другимъ, присоединиться къ главному обществу и дѣйствовать тогда съ единствомъ плапа.

Хорошо и правительство, которое за распространеніе какого-то листка, *не имѣвшаго никакого дѣйствія*, отдало всю Россію и всѣхъ русскихъ, произволу губернскихъ начальствъ, т. е. дикихъ губернаторовъ въ родѣ пермскаго Лашкарева. “Подобныя преступленія не должны оставаться безнаказанными, хотя-бы цѣль, къ которой они направились, и была для нихъ недостижимою. Губернскимъ начальствамъ вмѣнено въ обязанность, по высочайшему повелѣнію, предавать распространителей лжеманифеста и *другихъ возмутительныхъ воззваній военному суду, на тѣхъ основаніяхъ*,* на которыхъ въ прошедшемъ году повелѣно было производить военно-судныя дѣла о поджигателяхъ”.

— “Теймсъ” и другія газеты полны анекдотовъ о генералѣ Толлѣ; онъ забиваетъ на смерть помѣщиковъ—сѣчетъ, дерется, и проч.

— Получено въ *Общій фондъ* черезъ С. Тхоржевскаго, подъ буквою *Б шесть ф.* Изъ Германіи 2 ф. Отъ No. 19—1 ф. 12 ш.

— Для семействъ убитыхъ и раненыхъ поляковъ отъ русскихъ—4 фун.

— Тетрадь подъ лит. А получена.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ

Выпускъ I, ЗАПИСКИ И. Д. ЯКУШКИНА, (цѣна 2ш. 6п.).

Выпускъ II и III Кн. ТРУБЕЦКАГО, (цѣна 4ш.).

ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѢ,
СБОРНИКЪ ЕЯ ПЕРВЫХЪ ЛИСТОВЪ.

(цѣна 2ш. 6п.).

У С. Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Str., Soho, продаются ЗАПИСКИ РУФИНА ПІОТРОВСКАГО, (1843—1846).

NORRКÆRING, ERIC BJORUSTRÖM, 1863.

— СОЧИНЕНІЯ М. Л. МИХАЙЛОВА — изданныя въ пользу автора въ Берлинѣ 1862 у *Георги Стильке*.

* То есть самымъ неосновательнымъ образомъ разстрѣливать, какъ два года тому назадъ разстрѣлили несчастнаго еврея въ Одессѣ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 136 & 138, Caledonian Road, London, N.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 167.

10 Іюля 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 19).

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольномъ Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. Цена 9 ш., съ девятнадцатымъ листомъ—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 19.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Польскій мартирологъ—“Колоколъ” и “День”—Россіяда: свовода книгопечатанія, адресоложство, южновцы, М. П. Погодинъ, каннивалскій ордъ и казни. Снѣсъ: Наслѣдникъ престола—Ихъ вѣрны—Секреты—Повѣда—Общій фондъ.

ПОЛЬСКІЙ МАРТИРОЛОГЪ.

УБИЕНІЕ ПАВЛЫХЪ И РАНЕНЫХЪ.

Русскими солдатами по приказу начальства убиты:

Въ Люблинѣ ФРАНКОВСКІЙ, тяжело раненый,

Въ Кіевѣ ЗЕЛИНСКІЙ.

Въ д. Варки КОЦОНОВИЧЪ, САДОВСКІЙ, ЛАБЕНСКІЙ.

Въ Динабургѣ графъ ПЛАТЕРЪ, взятый не на полѣ битвы, не съ оружіемъ въ рукахъ...

Въ Вильнѣ Юліанъ ЛЬСНЕВСКІЙ.

Въ Сѣдльцахъ Константины МИЦЕВИЧЪ, Александръ ЧАРНЕЦКІЙ.

Чему же дивиться, что солдаты добиваютъ раненыхъ, у нихъ есть цѣль—сплать сапоги. А эти отчего убиваютъ? Оттого что они звѣри, оттого что они мерзавцы. Нѣтъ, не то, ни звѣря такого нѣтъ, ни слова.

Покойтесь святые мученики! Авось либо русское имя, запятнанное вашей кровью, отмститъ русской мстью за васъ! И да погибнуть палачи ваши!

Мы кончили кровавый списокъ, когда прочли, что раненый СЪРАКОВСКІЙ *попущенъ* въ Вильнѣ. А въ г. Лидѣ разстрѣляны ксендзъ ФАЛЬКОВСКІЙ.

... Далѣе разбой, насиліе и палачество идти не могутъ. Такъ вели тридцатилѣтнюю войну, такъ оканчивали Богемію, такъ дикіе въ Азіи и Африкѣ истребляютъ цѣлыя поколѣнія...

И есть рабы риторы и рабы доктринеры, прославляющіе это злодѣйское царствованіе! И есть безумные, простодушно защищающіе это кровавое правительство и подзадоривающіе его!... Тотъ кто любитъ народъ русскій, тотъ долженъ во искупленіе его звать на главу его кару очистительныхъ несчастій..... На сколько поляки счастливѣе насъ — имъ предстать только честная кончина — позоръ завѣщается намъ!

... Чего ждетъ старый міръ, міръ цивилизаціи, гуманности? Краснорѣчіемъ палатъ и журналовъ не развѣжешь

Годъ VII.

ни одной петли затягиваемой царемъ, не отведешь ни одного дула отъ груди приговоренныхъ.

Пора наконецъ разрѣшиться вопросу кто изъ насъ правъ... мы-ли въ нашемъ недовѣріи къ Европѣ, или ея поклонники въ своей вѣрѣ?

Много горя приняли мы за нашу дерзость отъ нашихъ ученыхъ соотечичей, пока имъ *служба* не мѣшала быть рабами и Европы...

Кого же оправдаетъ она?

... Въ самомъ началѣ возстанія мы отвѣчали на вопросъ: “Что же Европа, развѣ допустить усмирить Польшу какъ въ 1831?—*Допустить!*”

Тоже повторили мы черезъ четыре мѣсяца. И теперь черезъ полгода намъ кажется, что она *допуститъ гораздо больше чѣмъ* въ 1831 году.

Конечно Европа можетъ сказать, что это не ея дѣло, и даже будетъ права по тону высокому понятію братства народовъ и круговой ихъ поруки, которымъ такъ кичится Англія, и которое называется *неомыслительствомъ*. Безъ сомнѣнія она имѣетъ полное право сложа руки смотрѣть какъ лучшій, по-этический, рыцарскій, доблестный представитель ея—Полыпа, гибнетъ, терзаемая грубымъ, плотояднымъ животнымъ, паразитно выросшемъ на несчастномъ, забитомъ народѣ, и еще больше—смотрѣть съ тѣмъ наслажденіемъ, съ которымъ, по словамъ Лукреція, человекъ сидящій на берегу, смотритъ на утопающаго.

Все это такъ—но Европа исходитъ участіемъ...она гуманная, сострадательная, вовсе не радуется, а кричитъ утопающему: “работай, держись, выбивайся изъ силъ... я тебѣ подамъ... если не рухну, то прекрасный совѣтъ и слезу сердца—не очень молодого, но все-же чувствительнаго!”

Да и кому она повинна отвѣтомъ?

Не поможетъ—такъ и не поможетъ. Неужели ей смотрѣть на то, что какой-нибудь сумашедшій датскій принцъ скажетъ: “Однѣ публичныя женщины в судомойки воютъ и причитаютъ тогда, когда надобно дѣйствовать!” И—гъ.

“КОЛОКОЛЪ” И “ДЕНЬ”.

(Письмо къ г. Касьянову).

Милостивый Государь,

Послѣ той доброй и благочестивой женщины, которая года четыре тому назадъ такъ усердно сокрушалась обо мнѣ, или по крайней мѣрѣ объ будущихъ судьбахъ моей души—вы первый русскій пожалѣвшій меня и признавшійся въ этомъ въ русскомъ журналѣ, выходящемъ въ Россіи—какъ-же мнѣ не быть благодарнымъ и не отвѣчать вамъ. Журнальные или лучше сказать *дежурные* противники мои, ограничиваются обыкновеннымъ полицейскимъ краснорѣчіемъ, и думаютъ, что обругавъ меня, они исполнили все что требуетъ отъ нихъ служба.

Вы, если и на *патріотизмъ*, то все-же не на службу, и и чрезвычайно радъ поговорить съ партикулярнымъ соотечественникомъ.

Вы сказали въ вашемъ письмѣ изъ Парижа, что *искренно* меня жалѣете—и я не хочу въ этомъ сомнѣваться, но по несчастію, можно быть очень искреннимъ и очень ошибаться. Вы меня считаете въ этомъ положеніи, и вѣроятно ничего не имѣете противъ того, чтобы я вамъ платилъ тою-же монетой.

Какъ самый искренній человѣкъ, подъ вліяніемъ страстнаго увлеченія, можетъ любя истину принимать за правду всякую ложь—это я вамъ сейчасъ докажу. Еслибъ вы не были одержимы острымъ патріотизмомъ, могли-ли бы вы повѣрить “въ *вареоломеевскую* ночь Польши, гдѣ *нѣсколько тысячъ* *человѣкъ русскихъ* были умерщвлены самымъ *предательскимъ* образомъ?”

Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ была эта *вареоломеевская* ночь? Когда погибли эти *нѣсколько тысячъ* *человѣкъ предательски* убитыхъ? Нѣсколько тысячъ труповъ не могутъ пропасть какъ булавка? Дѣлали-ли вы эти вопросы? Спросили-ли вы имена погибшихъ полковъ, имена городовъ и селъ въ которыхъ они погибли?

Повторяя канибальскую клевету, выдуманную полиціей, подумали-ли вы какой страшный вредъ вы дѣлаете? Пока полицейскую фантазію *муссировали* (какъ говорятъ у васъ въ Парижѣ) на *всѣ* покупаемые журналисты, которыхъ всѣ презираютъ—а поляки иногда въ самомъ дѣлѣ *отшажутъ*, порядочные люди не вѣрили; но видя тоже самое въ журналѣ представляющемъ хотя и крайнее мнѣніе, но все-же мнѣніе а не *отдомство*, многіе убѣдятся, что въ самомъ дѣлѣ было такъ—и вы плеснули масла въ разжигаемую правительствомъ племенную ненависть...

Встрѣчая вашей вѣрой *вареоломеевскую* ночь Польши, вы вмѣсто грома проклятій *русскому* “радующемуся избіенію *нѣсколькихъ* тысячъ соотечественниковъ”—“жалѣете” объ немъ. Въ этой непослѣдовательности, я вижу что-то въ родѣ сомнѣнія на счетъ *вареоломеевской* ночи, и съ своей стороны, начинаю жалѣть, что меня не было съ вами, когда вы были удручены ужасной вѣстью. Какой елей пролилъ-бы я на вашу скорбь—я сказалъ-бы вамъ, что эти *нѣсколько тысячъ* убитыхъ, за исключеніемъ *нѣсколькихъ* *человѣкъ*—слава Богу здоровы, и значительно поправили свое бѣдственное положеніе, *молодецки* ограбивши пол-Польшу.

Въ началѣ возстанія въ двухъ-трехъ мѣстахъ, *нѣсколько* солдатъ застигнутыхъ въ расплохъ были убиты. Эти кровавыя и ненужныя жестокости повредили повстанцамъ больше десяти

телеграфическихъ побѣдъ Шильдеръ-Шульдера, Витгенштейна, Миллера, Шульца и другихъ *нѣмецкихъ* Пожарскихъ, спасающихъ Россію въ виду Кракова, предательски отданнаго Австріи отцемъ нынѣшняго государя.

Изъ этихъ отдѣльныхъ фактовъ, выдумали сказку о предполагаемой *вареоломеевской* ночи, для поощренія солдатъ и патетическаго введенія ихъ въ пугачевскій день. Объ *нѣсколькихъ* тысячахъ я и не слыхалъ, не смотря на то, что съ Января мѣсяца слѣжу съ сердечнымъ трепетомъ и самымъ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ въ Польшѣ. Я знаю многихъ изъ главныхъ дѣятелей, я видѣлъ какъ люди бѣжали въ Польшу и видѣлъ какъ возвращались, я говорилъ съ людьми которые едва успѣли вымыть руки отъ пороку и отъ крови своихъ рацъ, и могу васъ увѣрить, что ничего не слыхалъ похожаго на разбой русскихъ солдатъ, грабежъ ихъ начальниковъ, добиванье, разстрѣливанье *плѣнныхъ* и раненыхъ. Въ послѣднее время явилось съ польской стороны больше ожесточенія чѣмъ прежде; пенять не на кого—это вызвано пожарами, грабежомъ, убійствами и начальническими зуботычинами.

Не говорите пожалуйста объ этихъ интересныхъ жертвахъ, которыхъ караетъ таинственная, но жестокая рука вѣмическаго суда, надъ которыми не могутъ довольно наплакаться *ихъ товарищи по службѣ*... Приподнимите немного виноградные листья *Journal de S. Petersbourg*, и съ другой стороны банные листы *Московскихъ Вѣдомостей*, и вы ясно увидите что эти невинныя жертвы—шпіоны, доносчики, переметчики.

Они имѣютъ конечно отъ природы право на жизнь, но приобрѣли тоже своимъ трудомъ право на побой и на всѣ другія послѣдствія ими избранной карьеры... Что прикажете дѣлать съ этой растленной тварью, ползающей по окровавленному полю, подслушивая, подглядывая, продавая, передавая своихъ? Какъ съ ними быть не только въ разгарѣ междоусобія, но на мирныхъ берегахъ Москвы рѣки? Что на пр. прикажете дѣлать съ...что это?...будто кто-то испугался?...а я нарочно сказалъ, у меня и имени собственнаго никакого въ головѣ не было...

Если вы этихъ негоднѣвъ жалѣете, то сдѣлайте одолженіе—не жалѣйте меня. Да и что вамъ объ нихъ печалиться?...ночные гады, подслушивающіе въ мракѣ и тишинѣ, по своему званію враги *Дня и Колокольнаго звона*.

И что значить уничтоженіе шпіоновъ и переметчиковъ въ сравненіи съ разстрѣливаніемъ этихъ героическихъ людей, отвагъ, преданности которыхъ удивляется весь свѣтъ? За рядами солдатъ, за крѣпостной стѣной сидитъ спокойно и безопасно какой-то презусъ Семяка, и приговариваетъ къ разстрѣливанію—сегодня Нечая, завтра Падлевскаго, послѣ завтра Франковскаго. Правительство переговаривая съ Европой и корча гуманное лицо, торопится въ полумракѣ на скорую руку, пока ее кто-нибудь не схватилъ за обшлагъ, убить, придушить наибольшее число вождей, которымъ оно само можетъ только поставить въ вину ихъ фанатическую любовь къ отечеству. И ваше сердце молчитъ, когда на крѣпостномъ валу проклятыхъ цитаделей, одинъ молодой трупъ падаетъ за другимъ—не въ бою, а по Семякину суду?...

... Такъ какъ вы повѣрили въ *вареоломеевскую* ночь, не смотря на то, что петербургская исторія зажигательствъ могла вамъ дать мѣру правительственнаго вранья, такъ увлеченные ревнивымъ патріотизмомъ, вы повѣрили всякимъ газетнымъ

сплетнямъ, которыя унять и продать *à la ligne*, въ низменныхъ политическихъ болотахъ, тощія рыболовы нѣмецкихъ газетъ—и громите Бакунина, бросая въ человека много вынесшаго за свои убѣжденія, рядъ нелѣпыхъ обвиненій. За чѣмъ-же у васъ такъ мало памяти, такъ мало критики—и, простите меня, такъ мало сердца? Отчего вы не остановились ни передъ какимъ раздумьемъ? Я не принадлежу къ числу сентиментальныхъ поклонниковъ всякаго страданія и всякаго мученичества, но признаюсь откровенно, что прежде чѣмъ-бы я рѣшился на рѣзкое порицаніе человека вышедшаго послѣ двѣнадцати лѣтъ изъ каземата и ссылокъ съ тою-же вѣрой и съ полной готовностью снова идти въ казематъ, съ которой взошелъ въ нихъ, я десять разъ подумалъ бы или по крайней мѣрѣ искалъ-бы доказательствъ. Можетъ ваши московскіе круги очень обильны этими несокрушаемыми энергіями, этими цѣльными характерами—все-же это не резонъ.

Бакунинъ, послѣ своего пріѣзда въ Лондонъ, нѣсколько разъ высказывалъ свое мнѣніе объ Литвѣ и Волыни, о Подольѣ и Украинѣ. Оно совершенно согласно съ нашимъ мнѣніемъ, заявленнымъ не одинъ, а двадцать разъ съ 1848 года. Что наши мнѣнія не совершенно ошибочны—въ этомъ насъ удостовѣряютъ три свидѣтельства. Съ нами соглашались дѣятельные, передовые представители польскаго возстанія. Съ нами соглашались русскіе офицеры, и вообще русскіе независимые, т. е. не несущіе на себѣ креста патріотизма и не ищущіе анненскаго креста въ петлицу. Наконецъ, съ нами соглашались—и это важнѣе остальнаго—Украинцы. Авторъ превосходной статьи въ “Колоколѣ” 1860, листъ 61, заключаетъ слѣдующими словами, сжато представляющими все воззрѣніе наше: “Пусть же ни великоруссы, ни поляки, не называютъ своими земли заселенныя нашимъ народомъ.”

Мы признаемъ отдѣльнымъ провинціямъ полное право на всяческую аутономію, на вольное соединеніе, на полное слитіе, на полное расторженіе. Кто изъ насъ будетъ оспаривать права остзейскихъ провинцій на неразрывную связь съ петербургскою имперіей? Ихъ къ этому паразитизму влечетъ, сверхъ симпатіи и химическаго сродства, ихъ гадкое отношеніе къ финнамъ; нѣмецкій элементъ безпомощно потерялся бы на балтійскихъ берегахъ безъ огромной полицейской руки поддерживающей его; но этому мы находимъ на пр. совершенно естественнымъ адресъ Езея и другихъ его товарищей. Ну, а Финляндія—она вовсе не проситъ полицейской поддержки, она вообще ничего не проситъ отъ Петербурга кромѣ того, чтобъ онъ ее оставилъ въ покоѣ; на какомъ-же справедливомъ основаніи можно ей, противъ ея воли, втѣснить благодѣянія полиціи, цензуры, III отдѣленія?

Разумѣется, что мысль федерализаціи и разчлененія, также какъ мысль національности, можно довести до каррикатуры преувеличеніями. Но это будетъ шалость, а не возраженіе; только тѣ группы, провинціи, тѣ части государства и будутъ добиваться до самобытности, которые имѣютъ дѣйствительные элементы на особность, на самобытность. Съ какой стати налужская губернія или тульская скажетъ, что она хочетъ быть *своей*, какъ Украина?

Мы не вѣримъ ни въ благосостояніе, ни въ прочность чудовищныхъ имперій, намъ не нужно столько земли, чтобъ любить родину. Желаніе географическихъ расширеній принадлежитъ къ росту народовъ, и если оно переживаетъ ребя-

чество, то это свидѣтельствуется только о неспособности такого народа къ совершеннѣйшему. Все неразвитое—органическая пластика, начальное искусство—бросается на количественную категорію, все неразумное опирается на силу кулака.

Между вами, нами, русскимъ народамъ и имперіей всероссійской совѣмъ нѣтъ столько общаго какъ думаютъ. Мы знаемъ какъ сильны предрасудки въ этомъ отношеніи, но вѣдь и другіе предрасудки были сильны и также облиты были кровью жертвъ и кровью преданныхъ, а гдѣ они теперь? Цѣлость агломерата, храненіе его наростовъ, отстаиваніе насильно проглоченныхъ кусковъ, которыхъ слѣдокъ не переваривается, все это постороннее судьбамъ народа, враждебное имъ. Во имя сильной, несокрушимой имперіи народъ былъ раздавленъ, обобраенъ, во имя ея держалось крѣпостное право, чиновничество, рекрутчина. И это не все. Отнимая всѣ гражданскія права у простаго человека, у этого круглаго раба, поддерживали въ немъ кичливую мысль о непобѣдимости российской имперіи, въ силу которой у него развилось, вмѣстѣ съ высокомеріемъ относительно иностранцевъ, смиреннѣйшее работнѣе передъ непобѣдимыми своими властями.

Неужели и православный “День” принимаетъ бусурманскую мысль нѣмецкихъ любомудровъ, что цѣль народа—государство, такъ какъ цѣль мужа и жены бракъ? Кромѣ нѣмца или доктринара, никто не будетъ поддерживать такіа школьныя нелѣпости. Оставьте государственнымъ людямъ, какъ Катковъ и Горчаковъ, проповѣдывать цѣльность имперіи. Они по своему положенію должны защищать ими представляемое государство. Катковъ сознается, что не можетъ безъ боли думать о потерѣ Польши, онъ страдаетъ какъ будто у него отнимаютъ ногу или казенныя объявленія. Вашъ День-то за чѣмъ хочетъ владѣть католиками? Эта патріотическая жадность никуда негодится и можно вовсе не дѣлая преступленія отдать чужое. Никто не обвиняетъ англійскихъ министровъ въ измѣнѣ за то, что они отдають Ионическіе острова. Лордъ Чатамъ вѣкъ тому назадъ говорилъ, что Америка на столько зряна, что не останется подъ опекой метъ эполон и что потому умѣе ее оставить въ покоѣ.

Ни сила безъ права, ни право безъ силы ничего не рѣшаютъ. Историческія воспоминанія, археологическіе документы, также не достаточны для возстановленія національности, какъ насиліе для ея подавленія. Преданіе и *statu quo* составляютъ своего рода *выборку*—одно погибло, другое осталось, измѣнилось; разные элементы, разные слѣды прошедшаго переплелись въ *настоящемъ* жизни народной, создали свои стремленія, запросы. Чего хотятъ народы, они умѣютъ заявить.

Навязать рѣшеніе гораздо мудренѣе чѣмъ кажется, и равно трудно правительству и революціи. Что сдѣлала прусская камера, призывая народъ не имѣющій смысла политической свободы, къ защитѣ конституціи? Что сдѣлало русское правительство съ Польшей тридцатью николаевскими годами? Поляки *съ самаго дѣла* хотятъ независимости и идутъ одинъ противъ десяти, коса противъ ружья, револьверъ противъ пушки.

Изъ сказаннаго вы видите, что ни одинъ изъ насъ не *предпринималъ* ни одного вопроса относящагося до провинцій. Мы присматривались, изучали этотъ предметъ, но не рѣшали ничего. Изучали не въ польскихъ воспоминаніяхъ, не въ мнѣніяхъ русскихъ государственныхъ людей, а въ самихъ совершавшихся событіяхъ, на сколько они доходили до насъ.

Вы помните можетъ торжество устроенное народомъ ковенской губерніи осенью 1861? Цѣлыя деревни, старый и малый съ богородицами и хоругвями, съ своими ксеидзами и женами, шли брататься съ польскимъ населеніемъ въ воспоминаніе соединенія Литвы съ Польшей.

Пспуганное правительство тотчасъ схватилося за оружіе и, вслѣдъ за другой демонстраціей въ Вильнѣ, подвергло весь край военному положенію. Какое-же еще доказательство можетъ быть яснѣе, что *Литва дѣйствительно тянется къ Польшѣ*?—“Да это видите не литовскій народъ, а нѣсколько помѣщиковъ, потерянныхъ въ цѣломъ народонаселеніи, и нѣсколько горожанъ, составляющихъ едва замѣтную точку въ итогѣ крестьянъ.” Такъ для чего-же войско, казаки, кавалерія, инфантерія? Неужели можно вести правильную войну съ нѣсколькими шляхтичами и горстью работниковъ?

Осадное положеніе вообще дѣлаетъ очень подозрительнымъ пламенную любовь народонаселенія къ травительству. И мы вправѣ были сдѣлать наше заключеніе. Заключеніе это вовсе не ведетъ къ признанію, что Литва принадлежитъ Польшѣ, а что если ей не будутъ *препятствовать насиліемъ, то она поидетъ съ ней*.

Миѣнія нашего мы вовсе не скрывали, напротивъ мы только во имя его и соединялись—и когда Варшавскій Центральный Комитетъ хотѣлъ сблизиться съ нами, тогда онъ намъ писалъ, впередъ заявляя свое согласіе съ двумя основами нашей религіи: “*что возстающая Польша признаетъ права крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой*”.

Признавая это, члены комитета могли остаться при своемъ желаніи возстановить прежнія границы Польши. Раздѣлъ Польши никогда не былъ признанъ поляками, за чѣмъ-же они съ своей стороны впередъ откажутся отъ провинціи, не зная, не извѣдавъ чего тамъ хочетъ народъ. Они могли догадываться, что кievская губернія на пр. не съ ними, но ихъ-ли это было дѣло говорить?

Около того-же времени, т. е. прошлой осенью, три офицерскиххъ письма изъ Польши, просившихъ нашего совѣта, дали намъ случай еще разъ подробно и ясно повторить наше миѣніе и то, что мы подали руку комитету, пменно на этихъ основаніяхъ. (Кол. 147).

Какой-же актъ, какое слово можете вы привести въ доказательство, что Бакунинъ измѣнилъ свое воззрѣніе? Какую статью, какую фразу “Колокола” можете вы указать, какъ предрѣшающую вопросъ о провинціяхъ?

Вы говорите, что *положительно* знаете о какихъ-то *торжественныхъ* обѣщаніяхъ Бакунина—давайте ихъ!

Вѣроятно вы не называете положительными доказательствами слова “собственного корреспондента” какой-нибудь нѣмецкой газеты, пишущаго свои *стокольмскія* письма изъ ближайшей полпивной?

Вспомните еще разъ, вы это говорите во время войны, когда Россію полицейски толкаютъ въ кроваваый патріотизмъ, и она подымаетъ, если не оружіе, то адреса. Неужели же доблестно и хорошо въ такое время, когда всякіе кочегары à la Павловъ и Валуевъ разжигаютъ дикія страсти, патравливать вѣращихъ вамъ людей на человѣка, который если и не согласенъ съ вашимъ миѣніемъ, то все-же дѣйствуетъ изъ чистаго убѣжденія, который если и не на вашъ ладъ, то все же страстно любитъ народъ русскій, который не шарахнулся

ни передъ топоромъ палача, (который à la lettre былъ занесенъ надъ его головой), ни передъ цѣпями, ни передъ заточеніемъ, который вчера оставилъ страну долгой ссылки и сегодня пошелъ на новую опасность.

Воля ваша—не хорошо!

Вы посмотрите до чего доводитъ *дневной* патріотизмъ: Nord переводитъ статьи изъ *Дня* рядомъ съ отрывками изъ *Моск. Вѣдомостей*; *Jour. de St. Petersburg* ихъ хвалитъ. И эти статьи пишутся безыорыстно, изъ любви къ отечеству! Не даромъ я споконъ вѣка любилъ народъ русскій и терпѣть не могъ патріотизма. Это самая злая, ненавистная добродѣтель изъ всѣхъ!

Нѣтъ, господа, вы мелко плаваете, вашъ независимый патріотизмъ такъ неосторожно близко подошелъ къ казенному, что издали кажется будто бы у него красный воротникъ. Въ припадкѣ фанатизма для васъ не существуетъ больше ни объективная истина, ни свободное сужденіе, вы не можете дать волю ни чувству, ни уму. Вы воображаете, что потомъ можно будетъ наверстать, а теперь не до спора—но вѣдь до этого потомъ далеко, да сверхъ того вамъ надобно *chemin faisant* не только стоять на одной доскѣ съ палачами, въ родѣ изверга Муравьева, но поддерживать ихъ вмѣстѣ съ Потаповыми и Катковыми.

Вы не можете больше признать не злодѣя въ противникѣ. А было время, когда “терзая другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, ни мы не сомнѣвались, ни наши противники (т. е. ваши друзья) въ горячей любви насъ и ихъ къ Россіи”.* Было и другое время, когда эти слова вызвали дорогой для меня отзвѣвъ сочувствія.

Теперь не тѣ времена.

Теперь насъ называютъ измѣнниками.

А вѣдь мы тѣ-же, стоимъ на томъ-же чужомъ берегу какъ въ 61 году, можетъ немного виднѣе—отъ пониженія хора. Слабые—разбѣжались отъ страха, фанатики отъ изувѣрства; людишки никогда не знавшіе что такое боль по народной боли, клеветавшіе на нашего крестьянина, чтобъ оправдать свое безучастіе, свое эстетическое *farniente* и эпикурейское дегустаторство жизни, людишки таскавшіеся годы изъ угла въ уголъ Европы, не зная что дѣлается въ Россіи, когда мы рвались страстью и мыслью домой и слѣдили съ лихорадкой за каждой подробностью крестьянскаго дѣла... и эти-то людишки туда-же отвернулись отъ насъ съ патріотическимъ негодованіемъ... ха, ха, ха...

— Нѣтъ, не ждите моего раскаянія. Я все-же скорѣе пойду въ кабакъ, чѣмъ въ земскій судъ. Моя совѣсть покойна, и не только совѣсть—покойна и незыблема моя любовь къ русскому народу; что же бы я былъ безъ нея? Вся теплая, личная, поэтическая сторона моего нравственнаго бытія только въ этой любви и въ упованіи основанномъ на ней, потому-то я такъ ненавижу и *илъ* Петербургъ, и *вашу* Москву и всю эту отвратительную имперію, которой пульсъ мѣрится кнутомъ и пролитой кровью мучениковъ, и которой каждая побѣда—обида всему что дорого человѣку.

Мы не можемъ измѣнить нашему воззрѣнію, это сильнѣе насъ, да и не хотимъ вовсе. Пусть все идетъ прочь, пусть идутъ старые друзья... ихъ столько ушло, что остальныхъ жалѣть нечего. Пусть, читая на память свѣжіе уроки своихъ профессоровъ рабства, идетъ прочь часть молодаго поколѣнія.

* Это было сказано въ статьѣ на почину К. С. Аксакова. “Колоколъ” 1862.

Жаль его, но мы знаемъ какъ его воспитали нравственные кастраты, испугавшіеся *слишкомъ большой воли* захватившей ихъ послѣ смерти Николая, трусы торопившіеся подтянуть паруса, чтобъ избѣгнуть бурь и кораблекрушеній въ корытѣ...

Мы останемся въ смиренной грусти ждать другаго прилива... придетъ онъ или нѣтъ, придетъ на радость или на горе, мы все-же не измѣнимъ ни истинѣ, ни русскому народу... и если не можемъ ничѣмъ другимъ ему быть полезными, то будемъ полезны тѣмъ, что искупимъ его и васъ въ глазахъ грядущихъ поколѣній, свидѣтельствуя, что были же трезвые люди, когда вы всѣ опьянѣли на царской попойкѣ, отъ страха передъ Европой и отъ детевои, поддѣльной Валуевки.

Придетъ время, и вѣроятно оно не за горами, мы скажемъ своимъ и чужимъ, что мы дѣлали во время кровавой борьбы... Ошибались мы или нѣтъ—не знаемъ, но знаемъ, что любовь наша равно не измѣнила ни роднымъ, ни друзьямъ, что мысль наша ни на волосъ не отошла отъ тѣхъ основаній, на которыхъ мы жили всю нашу жизнь, во имя которыхъ говорилось каждое слово наше.

Вы понимаете, что это время не пришло, червь не источилъ еще трупы мучениковъ и падшихъ воиновъ, раны не закрылись на столько чтобъ можно было касаться къ нимъ, кровь льется какъ изъ ведра—и въ рукахъ полиціи, тупой и безчеловѣчной, бездна дорогихъ людей.

Вотъ главное что я хотѣлъ вамъ сказать. Теперь, что вы тамъ толкуете о моемъ союзѣ съ Франціей, съ Наполеономъ, съ аристократической Англіей, это—будемте откровенны—такой вздоръ, что тутъ просто хочется хохотать... Вѣдь вы это все употребили такъ для тѣни, вѣдь вы не верите этому....

Сами же вы напомнили (хоть и не совсѣмъ вѣрно) о крымской войнѣ. Я не скрывалъ передъ разсвирѣпѣвшимъ старымъ міромъ моего мнѣнія и говорилъ его съ варварской откровенностію въ лицо, говорилъ и послѣ, когда еще *Русскій Вѣстникъ* ползалъ, тяжелымъ и безкрылымъ насѣкомымъ, около ногъ Англіи... я и теперь тоже говорю. По моему мнѣнію объ Европѣ нисколько не мѣшаетъ мнѣ еще откровеннѣе отзываться о казняхъ, грабежѣ и гнусностяхъ дѣлаемыхъ въ Польшѣ. "Языкъ мой—врагъ мой"; но ищите смѣло, можете сыщите двухъ враговъ, но двойнаго языка не найдете.

... Если-же вы обвиняете меня за то, что диапазонъ нашихъ статей измѣнился, что тонъ ихъ другой—то въ этомъ трудно оправдаться. Хороши-бы мы были нечего сказать, еслибъ разсуждали теперь съ тѣмъ философскимъ спокойствіемъ о польскихъ дѣлахъ, съ которыми я писалъ объ нихъ въ 1859 году.

Какъ будто тонъ живаго разговора зависитъ исключительно отъ одного изъ участниковъ? Расскажу вамъ въ заключеніе одинъ случай, который вамъ покажетъ, что камертонъ не всегда у насъ въ рукахъ.

Въ началѣ 60 года, въ нашемъ изгнаніи готовился праздникъ—праздникъ странный, небывалой. Русскіе выходцы сзывали изгнанниковъ на свободной британской землѣ, сзывали представителей самаго краснаго радикализма, самыхъ крайнихъ социальныхъ ученій; на этомъ праздникѣ, при громѣ Марсельезы, я долженъ былъ провозглашать тостъ за "Александра II—начавшаго освобожденіе крестьянъ!"

Что бы ни говорили съ точки зрѣнія чиновной *Vornehmthuerey*, бюрократической *Blasirtheit* и доктринерскаго

лакейства—а этотъ тостъ раздался-бы далеко... Не ищите въ этихъ словахъ ни хвастовства, ни высокомерія. О значеніи нашего праздника, мы можемъ догадываться а *contrario*, взявъ въ счетъ то нѣжное вниманіе, которымъ правительство насъ окружаетъ, посылая одного лазутчика за другимъ присматривать за нами, и заставляя двухъ-трехъ журналистовъ безпрестанно, но небезплатно обругивать насъ.

Пришло 10 Апрѣля. Все было готово и вдругъ депеша о варшавскихъ убійствахъ. Сжалось сердце. Стало какъ-то не ловко отъ праздничныхъ приготовленій... принесли письма отъ польскихъ друзей; они не могли идти въ бродъ по свѣжей крови и перешагнуть черезъ родные трупы, чтобъ праздновать съ нами, и я глубоко чувствовалъ, что они правы. Украли у насъ и этотъ день. Все точившее нашу жизнь, все исполнявшее желчью наше слово и приучившее къ ненависти наше сердце, снова всплыло... Отложить праздникъ не было никакой возможности, стали собираться гости, иностранцы и падни насъ, русскіе краснѣли съ нами вмѣстѣ. О тостѣ за императора и помину не было, съ тяжелымъ сердцемъ, безъ рѣчей, а со слезами выпили мы за *освобожденныхъ крестьянъ и освобождающихся поляковъ*, и грустно опустили бокалы.

Вотъ какъ мѣняется тонъ.

На первый разъ довольно; если вы будете отвѣчать, то позволите мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой, вы въ вашей статьѣ говорите о какихъ-то подложныхъ манифестахъ. Что-же, вы и ихъ намъ приписываете что-ли? Пожалуста увѣдомьте готового къ услугамъ вашимъ.

1 июля, 1863.

И—ръ.

РОССИАДА.

V.

Сводоа явгопечатавіа—Адресоложство—Юхновцы—М. П. Погодинъ—Вазни.

Государь по докладу Валуева "о вредномъ направленіи газеты *Современное Слово* и о неоднократномъ напечатаніи въ той-жѣ газетѣ статей съ нарушеніемъ постановленія о ценсурѣ, велѣлъ прекратить дальнѣйшее изданіе газеты."

Казалось-бы по здравому смыслу, что гдѣ есть ценсура, тамъ не издатель отвѣчаетъ; но вѣдь и не сказано, что дѣло это рѣшено по здравому смыслу, только по высочайшей волѣ.

Въ 4 No. *Времени*, статья подъ заглавіемъ "Роковой Вопросъ", показала Валуеву (Персипы—да и только!) направленной "прямо *наперекоръ всѣмъ патріотическимъ чувствамъ и заявленіямъ*, вызваннымъ нынѣшними обстоятельствами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣмъ дѣйствіямъ правительства, до нихъ относящимся" (до чувства и заявленій!) Въ силу сего, Валуевъ нажаловался государю, а тотъ и повелѣлъ прекратить изданіе журнала *Время*.

Нельзя-ли кстати прекратить и *Финляндію* за ее *прямо наперекоръ*, за ее *безчувствіе и незаъявленіе*?

Ну, а васъ редакторы отъ *короны*, поздравляемъ съ новымъ подписчиками...

Не умѣть остановиться во время, не звать мѣры—страшный недостатокъ въ государственномъ *щеголь* какъ Валуевъ. Пошлая комедія адресовъ доходить не только до скучнаго и смѣшнаго, но до отвратительнаго и гнуснаго, до открытаго вымогательства въ Финляндіи, до угрозы и тюремнаго заключенія въ западныхъ губерніяхъ. Скоро Муравьевъ будетъ нападать изъ за угла на прохожихъ съ веревкой и крикомъ: "адресъ или горло!"

И какъ не стыдно печатать весь этотъ однообразный хламъ, высосанный полицейскимъ насосомъ изъ уѣздныхъ городовъ, посадовъ, селъ, деревень, мѣстечекъ, волостей!

Кого они обманываютъ?* Или это игра въ родъ того какъ дѣти играютъ—“ты будешь лошадыю, я буду кучеромъ”—и дѣйствительно, одинъ начиналъ выкидывать ногами, а другой его хлестать.

До какого циническаго неистовства дошло это адресоложство—доказываютъ старообрядцы города Спаса и его уѣзда (Тамбовской губернии). Они до того заврались и запутались въ вѣрнопопдадническихъ постромахъ, что въ адрессѣ-то государю начали хвастаться тѣмъ, что у нихъ есть собрать по вѣрѣ, М. Кораушевъ, который *ловилъ поляковъ въ Тамбовской губернии*, былъ по охотѣ, по влеченію сыщикомъ, доносчикомъ—и это ставится въ заслугу и доказательство вѣрнопопдадничества.

Юхновцы. Мы всегда были увѣрены, что юхновскій патриотизмъ лучше самарскаго, такъ и вышло. Подождемъ только, что скажутъ *Кайцы*, (право есть городъ *Кай*, хотъ и обиженный, но заштатной, а все-же есть). Самарцы (а вслѣдъ за ними и Казанцы) не хотѣли, чтобъ прикѣпленные къ ихъ губерніи дворяне баловались въ чужихъ краяхъ. Юхна говоритъ: за чѣмъ-же я въ своихъ баловаться? Она положила 19 Мая: “На все время теперичныхъ тревожныхъ обстоятельствъ считать не приличнымъ и оскорбляющимъ общественное мнѣніе, всякіе излишніе расходы, поѣздки за границу, или пребываніе безъ нужды въ столицахъ, траты на иностранныя издѣлія” и пр. “Да сохранить каждый изъ насъ (юхновцевъ) избытокъ на усиленіе средствъ къ пораженію зазорнаго врага”... Юхновцы не только побѣдили самарцевъ въ патриотизмѣ, но хотятъ еще голодомъ побѣдить Петербургъ.

Гегель-то и выходитъ правъ, что каждое дѣло можно довести до такой праивности, что выйдетъ совсѣмъ противоположное.

Погодинъ. Маститый *Михаилъ Петровичъ*, распорядившись на счетъ будущей судьбы славянскаго міра, почувствовагъ неотлагаемую нужду завернуть въ *Москов. Вѣдомости*, чтобъ довести до свѣдѣнія публики “о какихъ-то людяхъ въ странныхъ костюмахъ”, сильно подозрѣваемыхъ въ намѣреніи поджечь Москву (вѣроятно для большей тайны одѣвшихъ въ странные костюмы!). Погодинъ совѣтуетъ имъ уѣхать по добру да по здорову—и хорошо дѣлаегъ, потому что натравивши такимъ образомъ народъ, недалеко до всякой Верещагиновщины.

Предавъ такимъ образомъ своей судьбѣ людей въ странныхъ костюмахъ, Погодинъ повѣствуетъ, что онъ съ своей стороны доволенъ польскими женщинами, находитъ польскій патриотизмъ героическимъ, но жалѣетъ, что средства они употребляютъ подлыя (экая галиматья!), называетъ поляковъ народомъ Конрадовъ Валенродовъ(?) причѣмъ замѣчаетъ, что Мицкевичъ ему подарилъ экземпляръ своей поэмы.

Старость! Что дѣлать, хорошо писали, *Михаилъ Петровичъ*, нечего сказать, немножко жестоко, рабо, а все-же хорошо—пора и перестать!

* Да вѣдь какъ упрямъ! “Сѣн. Почта”, “Journal de S. Petersburg”, а потоку “Nord” и др. опровергаю “Opinion Nationale”, говорятъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ не рассылало образцовыхъ формъ для адрессовъ и возбудительныхъ рѣчей. На это ми отвѣчаетъ почтенный редакторъ, что у насъ нѣтъ печатный оригиналъ циркуляра, полученнаго нами изъ Петербурга, и перепечатаннаго въ “Колоколѣ”. 1. 184. Мы готовы подвергнуть его экспертамъ для опредѣленія шрифта, бумаги и пр. ... Le jeu est fait! Mr. le Ministre, Угодно-съ?

Правительственное разрѣшеніе кражи оружія и грабежа разнаго имущества. — Въ 149 Но. *Сѣверной Пчелы* напечатана инструкція Муравьева объ образованіи систематическаго преслѣдованія польскаго населенія въ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерніяхъ. Сверхъ дикихъ мѣръ военно-полицейскаго своеволя, сверхъ всякаго рода тиранства и лишенія всѣхъ человѣческихъ правъ жителей края, отданнаго ему *кроткимъ* Александромъ на уничтоженіе — въ этихъ инструкціяхъ можно почерпнуть теорію собственности русскаго правительства (ставящаго себя ея твердымъ защитникомъ). Въ 6 § сказано: Отобранное оружіе (у помѣщиковъ, шляхты, ксендзовъ, монастырскихъ жителей, горожанъ и пр. и пр.) передавать въ военное вѣдомство для вооруженія гдѣ нужно сельской стражи.* Въ 14 § велѣно на имѣнія всѣхъ помѣщиковъ (неблагодарныхъ), налагать немедленно секвестръ. “Разнаго рода хлѣбъ, находящійся въ секвестрованныхъ имѣніяхъ, употреблять *тотчасъ* на продовольствіе войскъ и сельскихъ карауловъ, *прочіе продукты и имущество* также немедленно продавать и вырученныя деньги и всѣ доходы обращать на покрытіе расходовъ казны по укрощенію мятежа”.

Канибальскій обѣдъ въ Москвѣ. Москвичи давали обѣдъ въ англійскомъ клубѣ издателю “Моск. Вѣд.” *Каткову*. На этомъ обѣдѣ былъ пить тостъ за Муравьева вѣшателя. О таковой чести былъ ему посланъ телеграммъ въ Вильно.

Два года тому назадъ, когда невинная кровь крестьянъ лилась въ Безднѣ, какіе-то крѣпостники хотѣли дать въ Казани обѣдъ Апраксину, но остановились передъ замѣчаніемъ одного изъ предводителей: “Что не хорошо мѣшать шампанское съ кровью”.

А теперь, на обѣдѣ данномъ въ честь правительственнаго публициста, пьютъ за здоровье изверга и палача, нагло въ глазахъ всего міра принимая солидарность его мѣръ и казней.

Вотъ гг. “День” и товарищи, куда вы попали съ вашимъ патриотобѣсіемъ. Бойтесь смерти Кокошкина!

Рядомъ съ канибальскимъ обѣдомъ идетъ и цѣлая *канибальская литература*.

Вотъ какъ рассказываетъ корреспондентъ Павлова казнь, бывшую въ дер. Варки: “Три предводителя бандъ, Коновичъ, Садовскій и Лабенскій, разстрѣляны на мѣстѣ преступленія. Вслѣдствіе новаго состоявшагося приказа, толпы народа собрались на мѣсто казни; генералъ сказалъ рѣчь, эффектъ которой, говорятъ, былъ потрясающей. Коновичъ и Садовскій—отставные офицеры. По выраженію очевидца, *у всѣхъ трехъ передъ казнью ноги ходили ходуномъ, и не мудрено*. Между прочими куріозами, заключающимися въ цитадели, я, проходя ежедневно мимо одного рѣшетчатого окна, вижу трехъ женщинъ; одна старая и двѣ молодыя, у старой видъ забитый, у молодыхъ отчаянный. Всѣ три вянты въ бандѣ, молодыя въ мужскомъ нарядѣ, съ красными конфедератками на головахъ. *Любопытно знать какую роль играютъ эти женщины въ бандахъ?*”

* Во Франціи и Австріи когда отбирали оружія, все-же ихъ не крали, а вылавали билеты. Въ числѣ оружій могутъ быть охотничьи ружья, старинныя, наслѣдственные и пр., большой цѣны.

Вотъ какъ въ 'Нашемъ Времени' описывается казнь Генриха Абихта и ксендза Канарскаго. "Берусь за перо подъ гнетомъ тяжкаго впечатлѣнія, сейчасъ я видѣлъ смертную казнь, видѣлъ въ первый разъ въ жизни, и дай Богъ, чтобъ въ послѣдній. Повѣсили Абихта и ксендза Канарскаго. Абихтъ судился уже нѣсколько мѣсяцевъ; это важный политическій преступникъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Абихтъ бѣжалъ за границу, былъ членомъ общеевропейскаго революціоннаго комитета, "участвовалъ въ Коллолѣ",* какъ сказано въ конфирмаціи, а слѣдовательно былъ въ связи съ нашими лондонскими агитаторами и ихъ знаменитыми дѣяніями. Въ прошломъ году въ мартѣ мѣсяцѣ, возвратился въ Варшаву, и съ тѣхъ поръ до арестованія неутомимо пропагандировалъ возстаніе; при допросахъ онъ ничего важнаго не открылъ, и никого не назвалъ. Капудинъ Канарскій взятъ на дняхъ отрядомъ генерала Меллеръ-Закомельскаго въ бандѣ; въ лицѣ его правительство, *вѣроятно, покарало сословіе*, стоящее въ главѣ возстанія. Висѣлица была поставлена на гласисѣ пятадели, и выстроена, безъ трапа; осужденныхъ поставили на скамеечки, которыя потомъ изъ-подъ нихъ выбивали. Утромъ въ три четверти шестаго часа, подсудимыхъ вывели изъ 10-го павильона, подъ сильнымъ эскортомъ жандармъ. Впереди ѣхалъ верхомъ палачъ, въ красномъ плащѣ; палачъ игралъ самую пассивную роль; онъ не прикоснулся ни къ чему рукой, нуженъ былъ только его плащъ. Кругомъ эшафота размѣстили войско; подсудимыхъ поставили въ центрѣ каре, сдѣлали на караулъ, и аудиторъ прочелъ конфирмаціи. Затѣмъ принесли бѣлыя рубашки. Съ возвышеннаго мѣста, на валу, гдѣ стоялъ, я видѣлъ, что Абихтъ надѣлъ рубашку самъ, поправилъ длинные рукава, приподнял подолъ и пошелъ. За Абихтомъ шелъ Канарскій; онъ былъ тверже, потому что былъ проше, безъ аффектаціи. И это понятно: Канарскому 43 года, Абихту только 27. Начали съ Абихта; ему долго надѣвали петлю: кажется, она была мала. Покуда неловкіе помощники палача расправляли веревку, Абихтъ скатился со скамейки; онъ не выдержалъ до конца трудной роли предсмертныхъ эффектовъ, и отъ сильнаго напряженія лишился чувствъ; палачи втащили его уже на рукахъ. Черезъ нѣсколько секундъ оба качались на воздухѣ! Католическій ксендзъ стоялъ на колѣняхъ возлѣ Канарскаго, съ молитвенникомъ въ рукахъ, съ опущенной головой; возлѣ Абихта былъ лютеранскій пасторъ. Я подошелъ къ эшафоту; колпакъ свалился съ головы повѣшеннаго. Абихтъ висѣлъ зелено-блѣдный, волосы его развѣвались вѣтромъ; это былъ красивый мужчина, съ выразительными чертами лица. Лице Канарскаго меня поразило, цвѣтъ его не измѣнился нисколько; Канарскій смотрѣлъ во всѣ глаза, какъ будто еще не умеръ. Я обошелъ эшафотъ сзади, и загадка разъяснилась: преступникъ висѣлъ только передней частью шеи, сзади петля приподнялась на голову, и не затянулась вполне; несчастный вѣроятно жилъ нѣсколько минутъ, что доказывали и руки его, судорожно сведенныя впередъ, хотя и связанные сзади".

А вотъ рассказъ С. Н. Вѣд. о взятіи Сѣраковскаго.

"Вечеромъ пріѣхалъ офицеръ Копорской роты, который съ нѣсколькими солдатами, въ густомъ лѣсу, на болотистой полянѣ, наткнулся на маленькую мызу, запертую со всѣхъ сторонъ. Ее окружили; отворилось окно, изъ котораго услы-

шали: "Входите, я здѣсь, Сѣраковскій." Кромѣ того, тутъ были Колышко и часть штаба Сѣраковскаго, всего 21 человекъ, которыхъ послѣ дѣла перевезли въ ближайшую мызу. Попытали какого-то графа, который самъ былъ въ шайкѣ. Узнавъ объ этомъ, нашъ генералъ послалъ меня съ 40 стрѣлками, чтобы перевезти этихъ плѣнныхъ въ штабъ.

"Часовъ въ 12 ночи мы пріѣхали на мызу. Въ передней были Копорцы; пробравшись до дверей, у которыхъ стояли двое часовыхъ, я вошелъ въ комнату, гдѣ было до 12 плѣнныхъ, спавшихъ на соломѣ, включая одного молодого человека, сильнаго тѣлосложенія, съ красивымъ, но рѣзкимъ лицомъ. Онъ всталъ и рекомендовался: "Колышко." На нѣкоторыхъ изъ спавшихъ было бѣлье чернаго цвѣта—*вѣроятно нижній трауръ*. Я вошелъ въ сосѣднюю комнату и былъ пораженъ обстановкой. Посреди комнаты, увѣшанной картинами, на большой кровати лежалъ раненый Сѣраковскій. У его изголовья сидѣли два доктора въ польскихъ костюмахъ. Въ глубинѣ комнаты, на соломѣ, лежало шесть раненыхъ. Ко мнѣ подошелъ на цыпочкахъ молодой человекъ очень красивой наружности, поклонился и сказалъ: "Я графъ Косаковскій, адъютантъ нашего генерала." Я невольно улыбнулся, говоря: "*Кончите эту комедію и разбудите Сѣраковскаго; мнѣ велѣно немедленно перевезти васъ всѣхъ въ штабъ, въ Медейку.*" Но Косаковскій продолжалъ въ томъ же духѣ: "Это невозможно, поручникъ; рана нашего генерала опасна, теперь кризисъ, онъ не переживетъ. Подождите до семи часовъ утра." Не знаю, съ цѣлью ли смягчить меня, доктора и Косаковскій окружили меня, и упрасивали на французскомъ языкѣ. Нужно сказать, что на мызѣ разпустили слухъ (вѣроятно чтобы напугать насъ), что по дорогѣ въ Медейку, въ лѣсу, находится часть шайки Майковича, сдѣлавшая засаду и замыслившая отбить плѣнныхъ. Этотъ слухъ привелъ меня въ сомнѣніе. Я разбудилъ *самозваннаго* генерала, который, просыпаясь, сказалъ: "Вы пріѣхали взять меня, но я не могу ѣхать, г. офицеръ; погодите до семи часовъ утра; я буду полезнѣе живой, а то мертвого привезете." Но я объявилъ имъ, что эти просьбы для меня подозрительны, что если они надѣются на помощь мятежниковъ, то это напрасно. Въ два часа начало свѣтать немного. Я разбудилъ всѣхъ и велѣлъ одѣваться, что было исполнено неохотно. Наконецъ ихъ всѣхъ посадили на подводы. Для Сѣраковскаго (по случаю раны) найдена была на мызѣ коляска. Но онъ не выходилъ, прося позволенія напиться чаю, говоря, что это придастъ ему силъ для предстоящаго путешествія. Я позволилъ, но приготовленія длились слишкомъ долго. Я сказалъ ему: "Сѣраковскій, про васъ идетъ слава въ шайкахъ, что вы человекъ съ желѣзною волей: *докажите, что вамъ чашка чаю ни по чѣму.*" Черезъ минуту онъ сидѣлъ въ коляскѣ, съ докторомъ и Косаковскимъ. Еще не доходя Вилькомира, мы видѣли великолѣпную мызу, не уступающую дворню: это было имѣніе Косаковскаго. Этотъ юноша лѣтъ двадцати, красивый и богатый, не былъ раненъ. О немъ никто не зналъ, что онъ въ шайкѣ, и онъ легко могъ бы скрыться въ своей мызѣ послѣ дѣла. "Я не могъ оставить моего генерала, когда онъ въ несчастіи," сказалъ онъ мнѣ, и сталъ жать руки Сѣраковскаго.

... "Мы приблизились къ лѣсу и ѣхали шагомъ; ко мнѣ подбѣжалъ унтеръ-офицеръ, говоря: "*Ваше благородіе, въ случаѣ нападенія, прикажете колоть?*" — Что за Азія,

* Генрихъ Абихтъ дѣйствительно годъ почти работалъ въ нашей типографіи.

вскликнулъ Сбраковскій : спрашивать громко такія приказанія!—Я сѣлъ въ его коляску и объяснилъ ему, что солдаты не считаютъ ихъ военнопленными, а *разбойниками*, и не *безъ основанія*.* Мы разговорились. “Я вышелъ изъ Ковно съ тремя человѣками, говорилъ Сбраковскій; въ непродолжительное время у меня уже сформировалась тысячная шайка. Наше шествіе по Жмуля было триумфальное : c’était une protestation sanglante! Вездѣ насъ встрѣчали какъ семью. Бабы крестьянскія приводили своихъ сыновей, но мы не брали,—у насъ безъ нихъ было довольно.” Я не выдержалъ и сказалъ ему, что это неправда, что мы шли за нимъ шагъ за шагомъ и вездѣ видѣли ужасные слѣды шайки и бѣдствующій народъ. Онъ и тутъ нашелся : “Мы парочно говорили крестьянамъ, чтобъ они жаловались на насъ—это нужно, чтобъ вы ихъ не трогали.” Вдругъ изъ лѣсу вышли нѣсколько мятежниковъ, и на минуту это насъ привело въ сомнѣніе. Но они тотчасъ замахали конфедератками, въ знакъ покорности и готовности сдаться, и встрѣтившіеся по дорогѣ два казака привели ихъ. Одинъ былъ лѣтъ 17, съ раненою рукой. Я спросилъ его, по своей ли охотѣ онъ былъ въ шайкѣ. “Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, у меня хотѣли отъ меня повѣсить, если не пойду.” Сбраковскій призадумался, а потомъ сказалъ : “Онъ вретъ.”—Сбраковскій, какое же бремя вы брали на свою совѣсть, сколько теперь, по вашей милости, несчастныхъ!—“Ничего, сказалъ онъ, это кровавыя слезы, которыя потомъ дадутъ бѣлые цвѣты; нужно, чтобы Пашка давала знать о себѣ, чтобъ ее не забыли.”

— Корреспондентъ “Моск. Вѣдом.”, рассказывая о казни *Денисовскаго* въ Вильнѣ, говоритъ : “Осужденнаго вывели изъ воротъ монастыря въ сопровожденіи ксендза. Страшно печальное и посинѣвшее отъ изнуренія лицо политическаго преступника представляло рѣзкую противоположность съ фантомной ксендза, возбуждавшею во мнѣ невыразимое отвращеніе. Впечатлѣніе, производимое этими рѣзкими чертами лица и сумрачной злобы, подлости и коварства, нисколько не смѣнилось образомъ креста и шептаніемъ молитвы...† *Денисовскаго* осудили за распространеніе между крестьянами возмущительнаго манифеста, и за возбужденія ихъ къ мятежу. Какъ только отошелъ ксендзъ, палачъ завязалъ преступнику глаза и надѣлъ рубашу, которая закрывала всю голову несчастнаго. Два человѣка повели подъ руки эту бѣлую шатающуюся фигуру и привязали къ столбу, за которымъ вырыта была яма. Самый актъ разстрѣльня далеко не производитъ того ужаснаго впечатлѣнія, какъ видъ этой фигуры привязанной къ столбу. Раздался залпъ. Фигура, спустя нѣкоторое время, обнаружилъ движеніе. Прошло нѣсколько минутъ. Раздался другой залпъ. Фигуру ощутили, отвязали, свезли въ яму и здѣсь-же зарыли.”

СМѢСЬ.

— *Наслѣдникъ престола и политическая экономія въ путешествіи.*—Не безъ удовольствія прочли мы въ Nord’ѣ извѣстіе о сопровожденіи юнаго Наслѣдника въ его прогулкѣ по Россіи—нашимъ многостороннимъ и политическимъ экономомъ Бабстомъ, извѣстнымъ филологическими студіями, и геологически-раскольническими адрессами. Не безосновательно замѣчаетъ “Nord”, “c’est une excellente idée, qui sera d’une utilité réciproque”. (это прекрасная идея, которая принесетъ обоюдную пользу).

* Все это отвратительное мѣсто сиромный наборщикъ “М. Вѣд.” выпустилъ! † Мы и не знали что у насъ разрѣшили священниковъ ругать по оренбургски.

— НЕ ВѢРИМЪ!—22 №. Для въ корреспонденціи изъ Парижа говорить о новой мѣрѣ провинческаго наказанія поляковъ, преувеличивающихъ злодѣйства русскаго начальства. Ее избрѣлъ знаменитый И. С. Тургеневъ. Даровитый авторъ *Отцовъ* и *Дѣтей* будто бы вознамѣрился въ подложной корреспонденціи рассказать “какъ одинъ казачій полковникъ поссорился съ своимъ эсауломъ за то, что тотъ жареныхъ польскихъ дѣтей ѣсть съ французской, а не съ англійской горчицей”.

Анекдотъ этотъ, напоминающій *дядюшку* и *снучатъ*, (дядюшка какимъ-то букетомъ кургановскаго писмовника, снучатъ—дѣтской безлитростностію изобрѣтенія), намъ кажется апокрифнымъ. Тургеневъ вовсе не политическій человѣкъ, это онъ доказалъ также блестяще, какъ все что онъ доказывалъ. Но не будучи человѣкомъ политическимъ, онъ все-же *человѣкъ*—и понимаетъ какъ было бы безнравственно жартовать падъ поляками, когда надъ ними тѣшутся такіе малые забавники какъ Муравьевъ и вся палачующая братія. Не вѣримъ да и только!

СЕКРЕТЫ ЧАСТНЫЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ.

а) *Секретъ частный* : *Макаръ Денисовичъ безъ фамиліи и безъ означенія мѣста служенія.*

Зять братьевъ Р. и мужъ любимой ими сестры жилъ въ г. Остроленкѣ Плоцкой губерніи, 22 Аврѣля мужъ сестры братьевъ Р. получилъ *предписаніе арестовать* какого-то пана, въ лѣсу на него напали “китайскіе либералы”. Самъ Макаръ Денисовичъ “былъ человѣкъ полнокровный, лѣтъ подлѣ 50 и горячка большой”, его повѣсили, братья Р. черезъ *Мос. Вѣд.* требуютъ о взносѣ его въ число жертвъ (безъ фамиліи и мѣста служенія) “либеральнаго деспотизма”. А вѣдь мы догадываемся гдѣ зять служилъ... Хотите пари?

б) *Секретъ правительственный* : *Офицеры кривца Карла полка перешли къ мятежникамъ.*

“Государь Императоръ, въ 19-й день сего Мая, повелѣвѣннѣе соизволилъ пожаловать рядовому либаускаго пѣхотнаго припца Карла прусскаго полка Александру *Ровбъ* серебряную медаль съ надписью “за усердіе” для пошенія въ петлицѣ, на анненской лентѣ, за вѣрность его долгу и присяги и выказанную смѣлость при побѣгѣ изъ шайки мятежниковъ, къ которымъ онъ былъ взятъ офицерами означеннаго полка, передавшимися мятежникамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ рядовому *Ровбъ* пожаловано 50 руб. сер.”

— *Побѣда!*—Наконецъ-то роскошскіе и валуевскіе бесцѣпные труды увѣнчались, если и не богатыми, то сельскими вѣнцомъ. Нѣсколько финскихъ мужиковъ изъ *Поселияры*, *Куопіо*, *Рандасальми* и *Симьяте*, изъявили чувства благоговѣнія и преданности государю императору...

— Въ *Общій фондъ* (N. 20) отъ Малоросса 5 ф. н. (N. 7), черезъ С. Тхоржевскаго 5ф. 6ш. 4п. Отъ В. Печерина 2 ф. н.

ЕВВАТА. Въ прошломъ листѣ напечатано : “Получено подлѣ бук. Ъ—6 фунтовъ”, вмѣсто шести, слѣдуетъ читать паша.

— СОЧИНЕНІЯ М. Л. МИХАЙЛОВА — издаваемы въ пользу автора въ Берлинѣ 1862 у *Георія Стильке*.

P. S. Въ слѣдующемъ листѣ (который выйдетъ 1 Августа), мы помѣстимъ *Тобольское Дѣло*, т. е. полицейскія свѣдѣнія по поводу проѣзда Михайлова черезъ Тобольскъ.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. Цѣна 9 пенс., съ двадцатымъ листомъ—ОБЩІЙ ВЪЧЕ.

ЛИСТЬ 168.

1 АВГУСТА 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHIE NO. 20).

У Трибнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchornowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHIE No. 20.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Протестъ—Сигизмундъ Свражовскій—“Дѣнь” и “Колоколъ”—Казни и пытка—Россиада VI: Хрестоматія изъ русскихъ газетъ—Писмо къ Н. В. Долгорукова—...А дѣло идетъ своимъ чередомъ. Смѣсь: Н. С. Тургеневъ—Кіевскій генералъ-губернаторъ—Явленный салтъ—Общій фондъ.

ПРОТЕСТЪ.

Если останутся въ изгнаніи десять французовъ, я останусь въ ихъ числѣ, если двое, я буду однимъ изъ нихъ, если останется одинъ, я буду этотъ одинъ!

Викторъ Гюго.

... Десять разъ вложи мы перо, чтобъ придти въ себя, чтобъ подавить горе и негодование. Слишкомъ много ужаса и позора! Кровь пьянитъ ихъ... они глумятся, они обругиваютъ и душатъ на смерть, они оскорбляютъ трупы и пятнаютъ доны и женъ надшихъ и сражающихся—и все это русскіе, грамотные, воспитанные, пишущіе въ журналахъ... Въ нашей литературѣ ничего подобнаго не было.

Все скверное въ русской натурѣ, все искаженное рабствомъ и помѣщичествомъ, служебной дерзостью и безправіемъ, палкой и шпіонствомъ, все всплыло наружу, украшенное либеральными бубенчиками, всплыло совмѣщая въ себѣ въ какомъ-то чудовищномъ соединеніи Аракчеева и Пугачева, крѣпостника, подьячаго, капитанъ-исправника, голъ кабацкую, Хиестакова, Тредьяковского и Салтычиху...

И въ этомъ-то чаду убійствъ, пытокъ, стона, рукоплесканій палачамъ, въ этомъ свирѣпомъ шабашѣ разъяреннаго патріотизма—дрожащаго передъ Европой и фордыбачащагося передъ связаннымъ и раненымъ арестантомъ, просыпается, воскресаетъ народъ русскій отъ долгой смерти подъ двумя гробовыми крышами! Неужели эта грязь смѣшанная съ кровью, послужитъ цементомъ, которымъ сплотятся сословія и касты—съ однимъ народомъ?... Неужели выходъ изъ петровской эпохи, будетъ со всей петровской безчеловѣчностью и со всей донетровской, исключительной національностью?

Что дѣлается въ народѣ—мы не знаемъ. Продѣлка адресовъ ничего не значить. Но за то знаемъ, что общество, что дворянство, вчерашніе крѣпостники, либералы, литераторы, ученые и даже ученики, повально заражены; въ ихъ соки и ткани всосался патріотическій сифилисъ. Какъ далеко пошелъ ядъ, Москва доказала по своему стерляди.

Голъ VII.

Тоска Муравьеву—историческое событіе. Въ лучшее время разгара французской революціи, мы не поминимъ, чтобъ въ Парижѣ пили за Карье или Фуше, ни даже чтобъ дѣлали оваціи—литературнымъ помощникамъ Фуке Тиньелли, журнальнымъ rouvoveurs de la guillotine “поставщикамъ гильотины.”

Передъ такимъ паденіемъ молчать нельзя, надобно чтобъ честное меньшинство заявило свое veto, свой протестъ, чтобъ оно заявило свой разрывъ съ обществомъ, потерявшимъ голову и сердце. Пусть они апеллируютъ “отъ пьяной Россіи къ Россіи трезвой”, пусть они положатъ начало очищенія Россіи въ глазахъ всѣхъ народовъ, потому, что теперь бѣснующійся Саул—не одинъ Николай, а вся дворянская, служебная Россія.

Если никто не сдѣлаетъ этого протеста, мы одна будемъ протестовать. На голосъ человѣческаго негодованія никакого права не надобно, тутъ нѣтъ ни ценса, ни табели о рангахъ; тутъ достаточно имѣть совѣсть и не имѣть безучастнаго хладнокровія. Личность человѣка вовсе не такъ поглощена государствомъ и не такъ подвластна ему, какъ проповѣдуютъ по нѣмецкимъ теоріямъ великорусскіе патріоты. Въсѣмъ человѣку по неволѣ племенную солидарность въ преступленіяхъ—послѣднее отрицаніе всякаго нравственнаго достоинства его. Въ правѣ свободныхъ людей не дѣлать злодѣйствъ и не хвалить ихъ никто не сомнѣвался. Наши патріоты толкуютъ, что передъ страшной опасностью грозящей Россіи, должны умолкнуть совѣсть и умъ. Гдѣ эта опасность? Трусость—худой критеріумъ. Если кому нибудь грозитъ опасность, то развѣ одряхлѣвшей, неспособной въ своихъ старыхъ, нѣмецкихъ формахъ имперіи, которая ничего не умѣетъ предупредить, ничего не умѣетъ поправить, и поэтому борется съ нѣсколькими кучками повстанцевъ, отъ бѣшенства и досады что не можетъ ихъ побѣдить, принялась убивать раненыхъ, вѣшать больныхъ и грабить помѣщиковъ. Чѣмъ скорѣе эта имперія развалится, тѣмъ лучше.

А они для спасенія этой имперіи хотятъ поглотить всякую личную инициативу, заглушить вольный голосъ казеннымъ хоромъ; затерять лицо въ массахъ, распуścić его въ стихіяхъ влекомыхъ безотчетными приливами и отливами, и которыхъ именно оттого легко увлечь.

Если въ самомъ дѣлѣ, вся Россія повѣритъ имъ, что теперь слѣдуетъ обняться съ Муравьевымъ и протянуть руку III отд., если она будетъ на столько *патріотична*, что не содрогнется ни отъ казней, ни отъ ихъ апотеозы въ журналахъ, то одолевши возстаніе, російская имперія сложится въ огромное славянское затишье, военной Китай, стоячій и скучный, который замретъ въ своемъ безвыходномъ рабствѣ и личной сгертости.

Вотъ почему надобно протестовать.

Для оппозиціи молчанія мало. При Николаѣ еще можно было молчать, онъ самъ молчалъ или отдавалъ приказы. Велерѣчіе правительства и его *статъешниковъ*, его канцелярій энтузіазма, его фабрики адресовъ не даютъ мѣста молчанію.

Бываютъ минуты утомленія и горечи, въ которыя кажется что надобно переждать, что ничего не сдѣлаешь противъ стихійнаго бѣшенства, спущеннаго съ цѣпи и намѣренно разъяреннаго, что не переселишь словомъ горячешный бредъ и не совладаешь доводами, съ дикимъ безуміемъ.. вовсе не ищущимъ себѣ логическихъ оправданій. На дѣлѣ выходить не такъ. Нѣтъ силъ молча выждать, оттого, что нѣтъ возможности отсрочивать боль и печаль... оттого, что тутъ и схоронено и похоронено все, что у насъ есть. Мы не монахи, чтобъ стоять ибѣлыми свидѣтелями ужасовъ совершающихся около насъ, у нихъ была за временными бѣдствіями цѣлая вѣчность и за слезой молитва, у насъ нѣтъ ни молитвы, ни вѣчности; наша любовь, наши упованія, наши интересы, всѣ временныя, даже локальныя и мы не имѣемъ интересовъ развѣ ихъ.

Если нашъ вызовъ не найдетъ сочувствія, если въ эту темную ночь ни одинъ разумный лучъ еще не можетъ проникнуть и ни одно отрезвляющее слово не можетъ быть слышно за шумомъ патріотической оргіи, *мы останемся одни съ нашимъ протестомъ*, но не оставимъ его. Повторять будемъ мы его для того, чтобъ было свидѣтельство, что во время общаго опьяненія узкимъ патріотизмомъ, были-же люди, которые чувствовали въ себѣ силу отрѣчься отъ гниющей имперіи, во имя будущей, нарождающейся Россіи, имѣли силу подвергнуться обвиненію въ измѣнѣ, во имя любви къ народу русскому. Можетъ наша рѣчь, иной разъ какъ угрызеніе совѣсти, помѣшаетъ пирующимъ между кулебякой Каткову и кубкомъ Муравьеву!

И—ръ.

15 июля 1863.

СИГИЗМУНДЪ СЪРАКОВСКІЙ.

“Онъ погибъ, говоритъ *Теймсъ*, отъ рукъ солдатъ, которымъ сдѣлалъ столько блага”.

“Сѣраковскій, повѣствуетъ корреспондентъ Н. Ф. Павлова, началъ говорить при допросѣ о долгѣ, о чести, но былъ, *какъ говорится, срѣзанъ*. Сѣраковскій долженъ конечно понять”. И точка—даже *alinea*. Это загадка, которой смыслъ долженъ быть мерзокъ, но не ионятепъ.

Сказаніе “Кельнской Газеты” проще. “Сѣраковскій раненый въ спянной хребетъ, не могъ держаться на ногахъ. Въ день казни, его солдаты принесли на помошь и потѣмъ *его вздернули на веревкѣ съ низу вверхъ* (mit dem Strange von Unten in die Höhe). Наканунѣ было разрѣшено проститься съ нимъ его женѣ, но раненый былъ безъ памяти”.

Теперь скажемъ и мы нѣсколько словъ русскимъ солдатамъ о томъ кого они несли и кою *вздерживали на веревкѣ*. Намъ все сдается, что русскій солдатъ еще опомнится, а потому онъ долженъ знать. Сѣраковскій въ очень молодыхъ лѣтахъ попалъ въ одну изъ николаевскихъ проскрипцій, былъ отданъ въ солдаты въ оренбургскій корпусъ и отправленъ на берега Сыръ Дарьи. Тамъ коротко изучилъ онъ ужасное положеніе полковаго крѣпостнаго, военнаго раба, называемаго солдатомъ. Въ дали, въ которой не было ни контроля, ни постороннихъ, кромѣ киргизъ, онъ наглядѣлся на тѣлесныя наказанія и съ тѣхъ поръ имъ овладѣла одна мысль, дошедшая у него до фанатизма, до *idée fixe* — добиться уничтоженія палокъ, розогъ, шпицрутеновъ и пр. въ русской арміи.

Въ началѣ царствованія Александра II, Сѣраковскій былъ возвращенъ въ Петербургъ и въ скоромъ времени поступилъ офицеромъ въ главный штабъ. Съ этого времени начинается непрерывный, упорный трудъ его. Имя офицера Сѣраковского также мало должно быть забыто въ дѣлѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ арміи, какъ имя князя Орлова.

Сѣраковскій говорилъ, убѣждалъ, проповѣдывалъ *уменьшеніе* тѣлесныхъ наказаній старымъ генераламъ, фрунтовицамъ, которые всю свою службу лупили солдатъ, онъ приучалъ ихъ уши къ своей якобинской мысли. Вторымъ шагомъ Сѣраковского были сравнительныя статистическія таблицы, составленныя имъ самимъ, въ которыхъ наглядно доказывалось, что число преступленій въ разныхъ арміяхъ находится не въ обратномъ, а въ прямомъ отношеніи — съ свирѣпостію наказаній, особенно тѣлесныхъ, такъ что гдѣ больше наказаній и гдѣ они свирѣпѣе, тамъ и преступленія свирѣпѣе и многочисленнѣе. Какъ ни ясны были выводы Сѣраковского, имъ не доставало въ глазахъ консерваторовъ авторитета. Сѣраковскій выхлопоталъ у Сухозанета мѣсто делегата въ статистическій конгрессъ, собиравшійся въ 1860 году въ Лондонѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ конгрессъ, Сѣраковскій втѣснилъ свой вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ солдатъ. Потребовалъ цифры, процессы, всѣ подробности. Сначала въ самой Англіи на это смотрѣли съ неудовольствіемъ, имъ не нравилось сравненіе съ французской карательной системой. Военнымъ секретаремъ или министромъ былъ тогда благородный и умный Сидней Гербертъ; нервный, подвижной, страстный Сѣраковскій, увлекъ холоднаго брита, *sir Herbert* велѣлъ ему доставить всѣ свѣденія, дружески припималъ его, познакомилъ съ своей семьей и пр.

Мнѣніе конгресса оправдывало выводы Сѣраковского. Тутъ не было собственно и вопроса, но Сѣраковскому нужно было это мнѣніе для того, чтобъ *генералами науки* и людьми такъ высоко поставленными въ мнѣніи всего міра, какъ лордъ Брумъ и др., пришибить нашихъ генераловъ-дантистовъ.

Едва онъ свезъ свой раппортъ въ Петербургъ, какъ снова поѣхалъ въ Алжиръ и Францію для изученія на самой практикѣ дисциплины и дисциплинарныхъ заведеній безъ тѣлесныхъ наказаній.

Годъ тому назадъ онъ женился въ Парижѣ.

Мы познакомились съ нимъ въ 1860.

Человѣкъ дѣятельности непомѣрной, разсѣянный какъ всѣ люди поглощенные одной мыслью, сосредоточенные на одномъ дѣлѣ, онъ никогда не зналъ не только часу, но не

зналъ обѣдалъ или нѣтъ; постоянно занятый своимъ проектомъ, онъ не стѣснялся съ другими и нѣсколько разъ прѣзжалъ за полночь, будилъ меня если я спалъ и садился возлѣ постели читать записку, листовъ въ пять, которую ему надо было везти утромъ часовъ въ 8 къ Сиднею Герберту или въ конгрессъ.

Мистикъ, какъ большая часть поляковъ, да мистикъ и по самой фанатической, нервной натурѣ своей, Сбраковский по политическимъ мнѣніямъ былъ всего ближе къ чисто социальному воззрѣнію. Къ Россіи у него не было не только тѣни ненависти, но онъ съ любовью останавливался на мечтѣ о независимой Польшѣ и дружественной съ ней вольной Россіи.

Не думалъ я, подтрунивая надъ его мистическими фантазіями и надъ его разсѣянностію, что передо мной будущій мученикъ, что люди, для избавленія которыхъ отъ палокъ и униженія, онъ положилъ пол-жизни — своими руками, его раненаго, его нестоящаго на ногахъ, вздернуть на веревкѣ и задѣшать “не какъ *военно-плынаго* — что великодушно ему замѣтилъ конвоировавшій его офицеръ-литераторъ, а какъ *разбойника!*”

У кого правильно поставлено сердце, тотъ пойметъ, что Сбраковскому не было выбора, что онъ долженъ былъ идти съ своими... И такая казнь!

“ДЕНЬ” И “КОЛОКОЛЪ”.

Богомольная старушка въ комедіи Островскаго рассказывала любопытный фактъ о какомъ-то салтанѣ Махнутѣ, который творилъ судъ *по неправдѣ*, такъ что и рѣшеніе у него всякой разъ выходило *неправое*.

Издатель *Дня*, отодвинувшій на второй планъ г. Касьянова, сильно смахиваетъ на этого Махнута. Конечно г. Аксаковъ воленъ тоже думать о насъ, но на то есть третейскій судъ, и въ этомъ случаѣ довольно обширный, т. е. весь родъ людской. Судъ *по правдѣ* понятенъ всякому нормальному человѣку, въ какой губерніи онъ бы ни родился, любить Москву или Петербургъ, ходить подъ благословеніе папы римскаго, попа русскаго или бѣлокришника владыки. Судъ *по неправдѣ*, какъ постукиваніе духовъ, доступенъ только вѣрующимъ и посвященнымъ.

Правда обязываетъ до нѣкоторой степени всякаго человѣка не лишеннаго здраваго смысла и не награжденнаго *смысломъ большимъ*. Вѣра не обязательна нисколько для ближняго и самъ г. Аксаковъ прекрасно доказалъ это въ своемъ изиданіи кн. Августина Голицына. Издѣваясь надъ раскольническими вѣрованіями простаго народа, онъ нѣсколько кощунствуя въ монополъ господствующей церкви, обзываетъ, не безъ остроумія, ихъ догматы, *ихъ* святую вѣру “фокусъ—покусами спасенія”, и въ тоже время прибавляетъ, что они могутъ быть совершенно *искренни*. Августинъ Голицынъ вѣроятно съ своей стороны находитъ аксаковский синодальный фокусъ-покусъ подозрительной пробы, да на бѣду еще имѣетъ за собою весь католическій міръ. Повѣрка тутъ одна—инквизиція и костеръ. Но для этого надобно имѣть на своей сторонѣ полицію, свободу жечь людей—къ тому же все это очень больно, но ничего не доказываетъ.

Издатель “Дня” имѣетъ и другой критеріумъ, онъ основанъ на “значительной доли русскости”. Тутъ тоже бѣда. Не всякій родится русскимъ кто захочетъ. Какъ же убѣдить того несчастнаго, который съ рожденіемъ принесть въ крови значи-

тельную долю андалускости или скандинавскости?... а такихъ очень много. Придется и тутъ внушать русскость муравьевщиной, то есть казнь людей, лошадей, воловъ, усадьбы, поля и лѣса...

Мы считаемъ *неправдами* *тѣ правды*, которыхъ доказательства зависятъ отъ стихій внѣшнихъ разуму и которыя такъ близки къ костру и висѣлицѣ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ я съ ужасомъ отпрянулъ отъ славянофиловъ изъ за ихъ рабства совѣсти. Я долгое время не умѣлъ повясть дѣльную сторону воззрѣнія, окруженнаго эпитимьями, отлученіемъ, изувѣрствомъ, духомъ гоненія и нетерпимостію. Они на меня сердились за то, что я говорилъ — попадись имъ власть въ руки, они за поясъ заткнутъ III отдѣленіе и что не смотря на всѣ возгласы о Петербургѣ и нѣмецкой имперіи, въ нихъ самихъ дремлетъ Николай, да еще постриженный въ русскіе попы. *Ne reveillez pas le chat qui dort!*

По счастью сущность ихъ ученія не зависитъ отъ нихъ. Московскіе могикане славянофильства пройдутъ скоро, а то что было истиннаго въ ихъ воззрѣніи, найдетъ мозги и сердца больше человѣчественные и меньше патріотическіе.

“Наши чужекрайные русскіе, говоритъ г. Аксаковъ, обезпокоились; они хлопчутъ *теперь* о томъ, какъ бы примирить житіе бытѣ за границей съ “любовью къ отечеству,” съ живымъ участіемъ въ его судьбахъ. Однимъ словомъ: они хотятъ любить Россію издали, и прослыть любящими ее—не расходуясь на эту любовь никакими пожертвованіями, не раздѣляя съ Россіей ея бѣдъ и напастей, не подсобляя нести общую ношу.

“Они избрали часть весьма благую: пользоваться удобствами чужестраннаго быта и въ то же время не тянуть никакой лямки—ни той, которую тянутъ народы, среди которыхъ они проживаютъ въ качествѣ *гостей*; ни той, которую тянемъ мы всѣ у себя дома...” Намъ *рѣшительно непонятны* притязанія тѣхъ русскіхъ, которые слишкомъ откровенно и явно выдѣлили себя изъ среды русскаго общества и народа, стали не тайными, а гласными эмигрантами, въ той или другой формѣ явились отступниками русской народности, нарушили духовное общеніе съ русскимъ народомъ; намъ *непонятны ихъ притязанія* считаться русскими *наравнѣ* со всѣми нами, пользоваться правомъ нравственнаго гражданства въ русскомъ обществѣ.”

Китайское обвиненіе человѣка за то, что онъ живетъ по ту или по другую сторону границы нѣ Азіи и Самары, совершенно непонятно. Кажется англичанъ мудрено обвинить въ недостаткѣ энергическаго патріотизма, но когда, въ какое время цѣлыя семьи англичанъ не жили и не умирали на континентѣ, въ Америкѣ, и пришло-ли кому нибудь въ голову ставить имъ это въ преступленіе? А я еще смѣлся въ 1848 надъ Арманъ Марастомъ за то, что онъ опредѣлялъ свободу признаннымъ правомъ *d’aller et venir*... Трудно, особенно у насъ, прививаются самыя простыя элементарныя понятія личной свободы. Мы все еще внутри себя “временно-обязанные” и долго не будемъ умѣть ни себя считать не вольноотпущен-

* Какія-же это особенныя таги несутъ у насъ издатели? Что они пошли на войну, или пожертвовали полсостояніемъ? Не разворвался-ли ужъ издатель “Моск. Вѣдомос.”? Не проигралъ-ли Павловъ на бивуакахъ “Наше Время”? Въ Англіи мы платимъ и *income tax* и другіе поборы, вѣдь другихъ тагъ не требуютъ. Конечно мы въ Европѣ гости, но во Франціи меня трактовали совершенно за своего и высылали и осматривали бумаги и не пускали десять лѣтъ.

щенными, а вольными, ни въ ближайшем уважать его личную независимость, все хочется по помѣщичьи распоряжаться человекомъ *на его пользу*, не замѣчая, что этимъ путемъ люди доходятъ до военныхъ поселеній и до страшнѣйшей полицейской бюрократіи.

Г. Аксаковъ, врагъ путешествій какъ Николай Павловичъ, помѣщаетъ меня въ число тѣхъ русскихъ, которые *теперь* хлопчутъ о “примиреніи жита-бытья за границей—с живымъ участіемъ въ судьбамъ Россіи”, и заключаетъ тѣмъ, что ему рѣшительно непонятны мои притязанія быть русскимъ *на равнѣ съ нимъ и другими*.

Ну это *теперь* продолжается довольно давно, а именно *четырнадцать* лѣтъ. Въ 1849 я писалъ моимъ друзьямъ въ Россію (у меня были тогда друзья въ Россіи), что я остаюсь на Западѣ, *исключительно* для того, чтобы начать свободную русскую рѣчь, устроить для Россіи безценсурный органъ, и *исключительно* заниматься этимъ съ тѣхъ поръ. Чего же мнѣ было дожидаться касьяновскаго Дня, чтобы заявлять мое живое участіе и таковую же преданность?

Притязаній на равенство въ “русскости” съ г. Аксаковымъ и всѣми русскими вообще я тоже никогда не покидалъ, и оно только не всегда было такъ совершенно непонятно славянофиламъ какъ теперь. Я сберегъ нѣсколько писемъ, дорогихъ для меня по глубокому сочувствію къ моей дѣятельности, писемъ отъ людей серьезныхъ и высоко стоявшихъ въ томъ станѣ, въ которому принадлежитъ редакторъ Дня. “Дѣло ваше начатое, сказано въ одномъ изъ нихъ, займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія, Колоколъ единственный органъ, къ которому прислушивается правительство... онъ замѣнилъ въ немъ совѣсть”. Почему же мнѣ было не считать себя русскимъ на равнѣ со всѣми русскими. Не могъ же я думать, что все это была ложь или мистификація, поддерживавшая меня въ пагубномъ заблужденіи со стороны людей, которымъ я не дѣлалъ никакого зла, которыхъ любилъ, не смотря на разномысліе — по сужденія которыхъ я не спрашивалъ.

Не понимая—почему я имѣю притязаніе на нравственное гражданство въ русскомъ обществѣ, г. Аксаковъ естественно не попалъ почему и хотѣлъ, чтобы мое письмо было напечатано въ Днѣ, (хотя я и сказалъ, что отвѣчать г. Касьянову буду въ другомъ мѣстѣ, что и сдѣлалъ въ прошл. листѣ Кол.). Правительство, запрещавшее до шедоферотьевской брошюры произносить мое имя, разрѣшило меня пугать. Льготой этой жадно воспользовались квартальные надзиратели журналовъ благочинія. Я ждалъ нападки въ независимомъ листѣ, чтобы пріобрѣсти право отвѣта, не наступивши въ полицію. Мнѣ казалось, что издателю будетъ совѣстно обвинять человека съ завязаннымъ ротомъ, и не ошибся. Письмо съ моей подписью въ русскомъ журналѣ увеличиваетъ мое нравственное гражданство въ русскомъ обществѣ.

“Что же касается до начальническаго разрѣшенія обвинять его и Бакунина, заключаетъ г. Аксаковъ, то г. Герцъ и Бакунинъ, ставши явно въ ряды противниковъ русскаго народа и принявъ участіе въ настоящемъ кровопролитіи, сами дали разрѣшеніе обвинять ихъ, безъ всякаго на то официального дозволенія. *Никому и въ голову не придетъ спрашивать или давать разрѣшеніе*, чтобы обвинить Лангевича, Свѣнторжецкаго, Чарторижскаго и имъ подобныхъ. Точно также никому и въ голову не придетъ заботиться

о томъ, можно ли будетъ пояснить возраженіе Лангевича, Свѣнторжецкаго и другихъ “бандитовъ,” когда имъ открыто поле всей евронеиской журналистики”...

И такъ издатель Дня признается, что въ Россіи никто не считаетъ нужнымъ, осыпая бранью и обвиненіями какого нибудь “бандита”, (кто не знаетъ, что на русскомъ языкѣ, да и на всѣхъ кромѣ итальянскаго “бандитъ” не значитъ изгнанникъ, а разбойникъ) въ родѣ Лангевича—заботиться позволять ему отвѣчать или нѣтъ... Вотъ какъ азіатски безцеремленно у насъ еще обходятся съ лицами находящимися подъ гнѣвомъ правительства. Это бросаетъ печальный свѣтъ на популярность Муравьева въшающаго зря и на Москву записывающую шампанскимъ его труды...

Положимъ, что исключительный *патріотизмъ* г. Аксакова идетъ до грубости—Бакунину, мнѣ, всякому русскому осмѣливающемуся иначе понимать благо Россіи, чѣмъ петербургскіе нѣмцы и иначе любить народъ русскій, чѣмъ московскіе славяне; но такъ по генеральски обращаться съ поляками несущими не *меньше его тягу* своей родины, любящими свое отечество, столько же сколько г. Аксаковъ свое—это не понятно! Въ чемъ состоитъ удовольствіе назвать “бандитомъ” молодого героя, чистаго поляка, который съ горстью юношей бросилъ перчатку пресловутому Колоссу, продержался нѣсколько мѣсяцовъ безъ порядочнаго оружія, безъ воиновъ пріобыкшихъ къ строю, подвергаясь ежечасно смерти, дрался какъ левъ, и кротко, безшумно, сошелъ съ диктаторскаго кресла въ австрійскую тюрьму..? Да еще при этомъ наивно признаваться, что про Чарторижскаго, Лангевича можно печатать чортъ знаетъ что, не заботясь о томъ разрѣшатъ-ли полицейскіе напечатать ихъ отвѣтъ и зная навѣрное, что иностранные журналы, въ которыхъ онъ будетъ, останутся за границей цензуры и имперіи! Жалкое паденье!...

... Но идемъ далѣе.

Rièse de resistance, Малаховъ курганъ непріятельскихъ дѣйствій противъ меня составляетъ Бакунинъ, на немъ и имъ издатель “Дня” хочетъ уличить меня во лжи, двоедушіи, двусмысленномъ языкѣ, словомъ во всемъ, что дѣлаетъ изъ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ прекраснаго дипломата, а изъ неслужащаго человека отъявленнаго негодая.

На главное обвиненіе Бакунина я уже отвѣчалъ въ письмѣ г. Касьянову (прошл. листѣ “Колокола”), мнѣніе Бакунина о самозаконности провинцій *осталось неизмѣнно*, я не читалъ ни въ одной рѣчи, ни въ одной статьѣ, чтобы онъ отъ него отъбазался. Можетъ онъ иной разъ не возражалъ на какую нибудь ультра-экзальтированную выходку поляка, но развѣ онъ не сказалъ въ своемъ первомъ посланіи къ Славянамъ,* что русскіе всего меньше имѣютъ права возставать противъ ошибки поляковъ, “что мы слишкомъ грѣшны противъ Польши, чтобы судить ее.” Печистая совѣсть, незаглаженное преступленіе, кровь на рукахъ обязываетъ насъ къ большой скромности..... сколько разъ я эгоистически желалъ полнаго торжества польскаго дѣла, чтобы наконецъ стать съ ними на равную ногу...

“Изъ Англіи отправляется пароходъ, нагруженный оружіемъ и цѣлымъ польскимъ отрядомъ для высадки на русскомъ берегу. *Всѣмъ извѣстно*, что пароходъ попалъ въ Швецію случайно, въ слѣдствіе отказа англійскаго шкипера продолжать плаваніе до Либавы. Съ этимъ-же отрядомъ находился на пароходѣ, *по утверженію всѣхъ газетъ* и Бакунинъ”.

* “Колоколъ” 15 Февраля 1862.

А сверхъ всѣхъ есть еще многіе, которые знаютъ, что Бакунинъ поѣхалъ въ Стокгольмъ *мѣсяцемъ раньше* экспедиціи Лапинскаго и Демонтовича и что его поѣздка не имѣла никакого отношенія къ экспедиціи, о которой тогда вѣроятно не думалъ самъ Демонтовичъ. Положимъ, что Бакунинъ имѣлъ самыя несбыточныя цѣли, самыя фантастическія надежды, но все-же онъ не имѣлъ цѣлью *предводительствовати польскими отрядами*; да и врядъ-ли было-бы это сообразно желанію поляковъ, особенно въ экспедиціи, которой начальствовалъ такой опытный, знающій и отважный партизанъ—какъ Лапинскій.

Въ Швецію пароходъ попалъ *не случайно*. Не капитанъ завезъ экспедицію въ Швецію, а воспользовался тѣмъ, что коснулись земли, чтобъ привести въ исполненіе планъ, съ которымъ онъ вѣроятно поѣхалъ изъ Соутенда.

Вѣра въ писанія журнальныя вещь хорошая, но критика вещь страшно полезная. Издатель “Дня”, повѣрилъ даже *морской уткѣ* пущенной на берегъ русскими крейсерами, бояся *важнѣ* “и продолжительныхъ и хладныхъ”.

“Бакунинъ, говоритъ “День”, остался въ Швеціи, когда, посѣвъ долгой стоянки, экспедиція Лапинскаго попыталась вновь пробраться къ курляндскому берегу, но, *завидѣвъ крейсеровъ, и сославшись на бурю*, возвратилась въ Швецію”.

И такъ г. Аксаковъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что Лапинскій возвратился испугавшись грозныхъ Аргусовъ нашихъ и выдумалъ бурю? Не нарочно-ли онъ утопилъ двадцать товарищей своихъ бывшихъ на одной изъ двухъ лодокъ снушенныхъ въ виду земли? Имена ихъ извѣстны, большая часть были французы и итальянцы. Лапинскій не только не бѣжалъ отъ крейсеровъ, но былъ уже на берегу съ экипажемъ маленькой лодки, когда большая лодка стала тонуть,* ему ничего не оставалось дѣлать, какъ плыть назадъ. Вторая экспедиція Лапинскаго не удалась, но это было верхъ отваги.

Издатель “Дня” вѣрить не только гардемаринской уткѣ, но и сухопутнымъ лебедямъ первой величины, на пр. онъ вѣрить тому, что “русскихъ военныхъ начальниковъ въ Польшѣ : прекаютъ въ излишней и неумѣренной деликатности съ поляками” и не вѣрить, (не вѣрить очевидностямъ, такой же актъ вѣры, но съ другой стороны) въ страшный рядъ грабежей русскихъ солдатъ, выжиганье городовъ и селъ, въ убійство раненыхъ (которое теперь приняло на себя правительство, а сначала предоставлялось охотникамъ). Офицеры испугались деморализація солдатъ, солдаты грубили имъ, офицеръ генеральнаго штаба, Мехеда, былъ убитъ, останавливая русскихъ солдатъ. Многіе изъ начальниковъ помогали разбою и принимали львиную часть добычи; составились рынки, на которыхъ открыто продавались вещи награбленныя у жителей не принимавшихъ никакого участія въ возстаніи, сотни семействъ бѣжали въ Галицію укрыться отъ этого организованнаго разбоя. Все это дѣлалось въ самомъ началѣ возстанія и продолжалось мѣсяцы. *Инвалиды, Сѣвер. Почта* и даже *Моск. Вѣд* не могли вполне скрыть тѣхъ ужасовъ, которыми запятнали себя солдаты, а издатель *Дня*, публицистъ, будто никогда не слыхалъ ни слова объ этомъ—упрекаетъ насъ, что мы выкапываемъ отдѣльные

* На этой лодкѣ были большей частью молодые люди, большая часть французовъ и итальянцевъ, когда не было больше никакого спасенія, они громко прокричали на общій имъ языкъ *Vivat Polonia!* и погибли.

факты, не выгодные для храбраго русскаго войска, и смягчаемъ звѣрскіе поступки поляковъ, въ родѣ убійства какого то жандармскаго капитана.

Въ моемъ письмѣ г. Касьянову я признался, что дѣйствительно мы очень мало жалѣемъ жандармовъ и сыщиковъ, и вовсе не жалѣемъ шпионовъ, казенныхъ журналистовъ и другихъ чиновниковъ III отдѣленія... туда имъ и дорога. А то если дать волю сентиментальности, придется плакать когда какой нибудь полякъ пристрѣлитъ Муравьева—за чѣмъ же намъ отбивать хлѣбъ у *Моск. Вѣдомостей*?

Далѣе издатель *Дня* ставитъ рядъ фактовъ и послѣ каждого упрекаетъ, что мы не протестовали. Почему онъ знаетъ противъ чего мы протестовали и противъ чего не протестовали? Развѣ только одно средство и есть протестовать? Славянофилы въ старые годы лучше понимали строй партіи. Въ прошломъ *Колоколъ* мы сказали: “Придетъ время, и вѣроятно оно не за горами, мы скажемъ своимъ и чужимъ, что мы дѣлали во время кровавой борьбы... Ошибались мы или нѣтъ—не знаемъ, но знаемъ, что любовь наша равно не измѣнила ни роднымъ, ни друзьямъ, что мысль наша ни на волосъ не отошла отъ тѣхъ основаній, на которыхъ мы жили всю нашу жизнь, во имя которыхъ говорилось каждое слово наше. “Вы понимаете, что это время не пришло, червь не источилъ еще трупы мучениковъ и падшихъ воиновъ, раны не закрылись на столько чтобъ можно было касаться къ нимъ, кровь льется какъ изъ ведра—и въ рукахъ полиціи, тупой и безчеловѣчной, бездна дорогихъ людей”.

Ну и довольно...

Хотѣлъ я эту статью кончить иначе, снова явилось желаніе высказать еще разъ нашъ символъ вѣры. Одинъ періодъ нашей заграничной дѣятельности явнымъ образомъ пришелъ къ своему рубежу. На его-то предѣлѣ, вступая въ грозное и черное время, хорошо было бы приостановиться, провѣрить себя, сказать еще разъ кто мы и почему мы считаемъ себя русскими не хуже издателя *Дня*—и въ тоже время “съ злобой радостью” видимъ, какъ разсѣдается петербургская имперія, въ которой для насъ сошлось все что мы ненавидимъ по мелочи на Западѣ, все что отравляло жизнь нашу съ молодыхъ лѣтъ—отъ скоманнаго слова, отъ отсутствия воли, отъ непрерывнаго зрѣлища паглаго насилія и безвыходнаго рабства—до начальническаго тона, генеральскаго “ты” и помѣщичьяго сѣкущаго раболѣпія.* Хотѣлось намъ нѣтъ спросить, что же удивительнаго, что боль отъ страданій народа, не бравшаго никакого участія въ оргіяхъ имперіи, стоявшаго молча и печально подъ ея же изнуряющими ударами, вмѣстѣ съ одинакой кровью въ нашихъ жилахъ, до того тѣсно сросли насъ, что мы любя и жалѣя его за его несчастное прошлое, за бѣдственное настоящее, мало по малу уловили нѣскольکو чертъ его *будущаго*, и этому *будущему* посвятили нашу жизнь, такъ какъ Альфieri посвятилъ свои трагедіи—*Al popolo italiano libero futuro?*...

* Есть что-то безконечно возмутительное въ постоянномъ противопоставленіи русскаго дворянства польской шляхтѣ, точно оно въ самомъ дѣлѣ было демократичнѣе ея. Не тѣмъ ли, что соединяло въ себѣ все хлопское передъ царемъ, со всѣмъ шляхетнымъ отношеніемъ къ монарху? Да и давно ли же отняли изъ безчеловѣчныхъ рукъ помѣщиковъ-старей русскихъ крестьянъ? Ложь и постоянная ложь! Мало что намъ выдумали цѣлую хлестаковскую исторію петровскаго періода, намъ выдумываютъ настоящее, и наговорятъ до того, что кто нибудь и поверитъ.

Но оставимъ это до другаго раза. Не мѣсто въ этой статьѣ внутреннему голосу, въ ней его примутъ за оправданіе, а намъ не передъ кѣмъ оправдываться. На злыя нападки, на узкія обвиненія нельзя отвѣчать исповѣдью, тутъ надобно парировать удары противника, а не отерывать ему свою грудь.

Искандеръ.

25 Іюля 1863.

КАЗНИ И ПЫТКА.

“Уроженецъ Гродненской губерніи, Сокольскаго уѣзда, Матвій Цюхна, оказался виновнымъ въ подговорѣ крестьянъ къ возстанію, распространеніи между ними брошюръ вреднаго содержанія и нелѣпыхъ слуховъ о дѣйствіяхъ правительства; за преступленія эти, Матвій Цюхна—разстрѣляно, 6 Іюня, въ 10 часовъ утра, въ г. Соколѣ, на плацу около бѣлостокской заставы.—(С. П.)

— *Вильно*.—Сынъ помѣщика Новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи, Адамъ Пусловскій, оказался виновнымъ въ принятіи участія въ дѣйствіяхъ мятежнической шайки, за что онъ, по утвержденному приговору суда, подвергнутъ смертной казни—разстрѣляніемъ, 26-го числа сего Іюня, въ 6 часовъ по полудни, въ г. Новогрудкѣ. (*Вил. Вѣст.*)

— 24 Іюня [2 Іюля] въ Вильнѣ разстрѣляно поручикъ 6 артиллерійской бригады Константинъ Жабровскій.

Цельзя не замѣтить, что кровожадность явнымъ образомъ растеть. Теперь уже казнятъ смертью не предводителей, а “участниковъ въ дѣйствіяхъ мятежнической шайки” и “распространителей брошюръ и ложныхъ слуховъ”.

Кельнская Газета положительно утверждаетъ второй разъ, что со времени устройства въ Варшавѣ военнаго управленія, въ крѣпости пятають арестантовъ и между прочимъ пазываетъ одного по имени, *Гейне*.

РОССИАДА.

VI.

ХРЕСТОМАТІЯ ИЗЪ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ.

Юмористическая корреспонденція изъ Варшавы въ Моск. Вѣд. Какъ только юмористъ пріѣхалъ въ Варшаву, “явились жида съ предложеніемъ различныхъ услугъ, товаровъ и удовольствій. Слуга поспѣшилъ заявить намъ, говорить онъ, что въ настоящую пору, по случаю ухода множества чиновниковъ, ремесленниковъ и всякаго люда “до ласу”, *жены ихъ скучаютъ*, очень затрудняются въ дневномъ пропитаніи, и по этому выборъ “удовольствій” можетъ быть, по его мнѣнію, самый обширный и разнообразный. И такъ, трауръ по отчизнѣ и вражда къ русскимъ,—подумалъ я,—не мѣшаютъ здѣсь прекрасному полу цивилизованнаго средняго класса, недостающаго варварской Россіи, дѣлать свой досугъ съ грубыми москалями. Признаюсь, я не ожидалъ, на первомъ шагу своемъ въ Варшавѣ, въ городѣ, гдѣ народъ, какъ слышно было, находится въ полномъ возстаніи противъ своихъ притѣснителей, не ожидалъ, чтобы доблестныя гражданки, извѣстныя цѣлому свѣту своимъ патріотизмомъ, такъ легко поддава-

лись покушеніямъ своихъ будто-бы исконныхъ враговъ. Но все это, конечно, проистекаетъ изъ мягкости и цивилизаціи нравовъ, которые никакимъ способомъ не могли-бы выказать русскія бабы, еслибы польскія войска какими-нибудь судьбами зашли въ Москву или въ Сызрань”...

...“Театры здѣсь пусты; никто изъ поляковъ не посѣщаетъ, или лучше никому изъ поляковъ не позволено посѣщать театры; они *разъекаются* изрѣдка зрѣлищами казней на гласисѣ Александровской цитадели”.

Мы искренно увѣряемъ, что никогда не предполагали, чтобъ печать могла дойти до такой храбрости. Какъ-же послѣ этого не вѣрить иностраннымъ газетамъ, что Муравьевъ дозволилъ публичнымъ женщинамъ носить трауръ и велѣлъ у каждой женщины въ траурѣ спрашивать полицейскій билетъ и если его нѣтъ, отводить въ полицію и записывать въ списокъ публичныхъ женщинъ.

Панетирикъ Муравьеву. (Изъ ‘Моск. Вѣдомос’.). “Россія, конечно, не забудетъ службы сослуженной ей въ трудное время. Она прославить людей, дѣйствующихъ теперь вѣрно, не смотря на клеветы и крамолы. Эти люди должны вѣрить, что Россія поддержитъ ихъ своимъ сочувствіемъ, которое есть долгъ ея. Да, Россія обязана стать твердымъ шитомъ вокругъ людей, которые не отступаютъ передъ грозною необходимостью блюсти всю строгость закона для спасенія отечества. Она должна радоваться, что находитъ такихъ людей среди кажущагося всеобщаго разслабленія, но было бы безсмысленно и безчестно укорять ее въ томъ, что она будто бы радуется самимъ казнямъ. Если поднимается мятежъ, мы должны подавлять его. Мы были бы *подлецами и измѣнниками*, еслибы отказались отъ исполненія этой обязанности. О полководцѣ покрывающемъ себя лаврами не говорятъ, что онъ кровопійца; столь же мало заслуживаетъ упрека въ кровожадности сановникъ приводящій въ дѣйствіе энергическія мѣры, когда онѣ требуются необходимостію и оправдываются закономъ...”

“Мы должны заранѣе приготовиться къ тому крику, который произойдетъ въ Европѣ, когда совершится покореніе Самогитіи. Уже теперь когда только предчувствуется это убійственное для мятежа событіе, поднялись вопли противъ жестокостей, которыя *будто бы* позволяетъ себѣ генералъ Муравьевъ. Изъ Вильны намъ ничего не пишутъ объ этихъ жестокостяхъ. Если польскимъ дамамъ запрещено носить трауръ, то это не что иное какъ запрещеніе политической демонстраціи, поддерживающей волненіе, и притомъ такой демонстраціи, которою стѣснилась свобода частныхъ лицъ... Намъ пишутъ изъ Вильны, что въ усадьбѣ Свенторжецкаго, которую велѣно было *сравнять съ землей*, жили отецъ и мать его (жена его находится за границей), и что они были перевезены подъ арестомъ въ Минскъ. Еслибы они даже и не были виновны въ содѣйствіи преступленіямъ ихъ сына, то съ ними ничего другаго нельзя было сдѣлать, какъ перевезти ихъ въ Минскъ. Что же касается до усадьбы, то военное

начальство имѣло полное право распорядиться съ нею какъ оно нашло нужнымъ. Какъ скоро не было сомнѣнія въ томъ, что о. Кононаевичъ повѣшенъ по приказанію Свенторжецкаго однимъ изъ его служителей, то срыгіе его усадьбы было дѣломъ справедливымъ и разумнымъ : лучше срыть усадьбу, чѣмъ поддерживать убѣжденіе что подобныя преступленія могутъ совершаться безнаказанно”.

Донесъ Московскихъ Вѣдомостей на Костомарова. — “Мы считаемъ своимъ долгомъ объявить г. Костомарову, чтобы онъ не трудился присылать въ редакцію нашей газеты объявленія о пожертвованіяхъ собираемыхъ имъ въ пользу изданія малороссійскихъ книгъ. Такихъ объявленій мы печатать не будемъ, и каемся, что въ началѣ этого года, по случайной оплошности, эти объявленія раза два появлялись въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Мы думаемъ, что общественный сборъ на такой предметъ по своимъ послѣдствіямъ, если не по намѣреніямъ производящихъ его лицъ, гораздо хуже чѣмъ сборъ на Руси *добродѣтельныхъ подаяній въ пользу польскаго мятежа*.”

Плачь о слабости тайной полиціи. Мы читаемъ въ *Моск. Вѣд.* : “У всякаго правительства, въ тревожныя эпохи, кромѣ явной полиціи, бываютъ секретныя ; разительнымъ примѣромъ силы секретной полиціи служить та секретная полиція, которая состоитъ при подземномъ правительствѣ ; но у законнаго правительства секретная полиція чрезвычайно слаба ; на все отпускается около 500 р. въ мѣсяцъ”.

Почему-же редакція *Моск. Вѣд.* не открытъ патристическую подписку на увеличеніе окладовъ тайной полиціи въ Польшѣ—да ужъ и въ Россіи.

Настоящій-ли жемчугъ ?—Въ 146 л. “*Моск. Вѣдомостей*” лѣтописецъ путешествія наслѣдника говоритъ, “что шлиссельбургскіе крестьяне пришли изъ окрестностей въ своихъ оригинальныхъ нарядахъ, весьма богатыхъ, если только жемчугъ, которымъ нарядъ унизанъ настоящий”. Одна возможность этого вопроса доказываетъ шереметьевское богатство сельскаго населенія около Шлиссельбурга ; что значить тройская ризница и преданіе о кастанѣ Болибрука въ сравненіи съ *деревенскими* костюмами, шитыми жемчугомъ, состоящимъ въ подозрѣніи неподдѣльности ?

ПИСЬМО КН. П. В. ДОЛГОРУКОВА

къ
РЕДАКТОРУ “СОВРЕМЕННОМУ”.

Мы получили отъ кн. П. В. Долгорукова слѣдующее письмо, посланное имъ въ “Современникъ”. Что же издатель “Дня” и тутъ удивится за чѣмъ кн. Долгоруковъ желаетъ, чтобы его письмо было напечатано именно въ *Современникѣ* ? Довольно, что правительство конфискуетъ имѣнія отсутствующихъ, конфисковать право отъѣзда, было бы изъ рукъ вонъ. Мы увѣрены, что письмо кн. Долгорукова будетъ напечатано. Вотъ оно.—*Ред.*

М. Г. Въ юльскій книжъ Вашего журнала прочелъ я разборъ книжки г. Аммосова : *Послѣдніе дни жизни А. С. Пушкина*, и увидѣлъ, что г. Аммосовъ позволяетъ себѣ обви-

нять меня въ составленіи подметныхъ писемъ въ Полбрѣ 1836 года, а князя Ивана Сергѣевича Гагарина въ соучастіи въ такомъ гнусномъ дѣлѣ, и увѣряетъ, что Гагаринъ будучи за границею, признался въ томъ.

Эго клевета и только : клевета и на Гагарина и на меня. Гагаринъ не могъ признаваться въ томъ, чего никогда не бывало и онъ никогда не говорилъ подобной вещи, потому что Гагаринъ человѣкъ честный и благородный и лгать не будетъ. Мы съ нимъ соединены съ самаго дѣтства узами тѣснѣйшей дружбы, неоднократно бѣсѣдовали о катастрофѣ, положившей столь преждевременный конецъ поприщу нашего великаго поэта и всегда сожалѣли, что не могли узнать именъ лицъ, писавшихъ подметныя письма.

Г. Аммосовъ говоритъ, что писалъ свою книжку со словъ Константина Карловича Данзаса. Не могу вѣрить, чтобы г. Данзасъ обвинялъ Гагарина или меня. Я познакомился съ г. Данзасомъ въ 1840 году, черезъ три года послѣ смерти его знаменитаго друга, и знакомство наше продолжалось до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 году, т. е. 19 лѣтъ. Г. Данзасъ не сталъ-бы знакомиться съ убійцею Пушкина и не онъ, конечно подучилъ г. Аммосова напечатать эту клевету.

Г. Аммосову неизвѣстно, что Гагаринъ и я, послѣ смерти Пушкина, находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ людьми, бывшими наиболѣе близкими къ Пушкину. Г. Аммосову неизвѣстно, что я находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ друзьями А. С. Пушкина : графомъ Мих. Юр. Вельгорскимъ, графомъ Григ. Ал. Строгоновымъ, княземъ Ал. Мих. Горчаковымъ, княземъ Петр. Анд. Вяземскимъ, Пет. Ал. Валуевымъ, съ первыми двумя до самой смерти ихъ, съ тремя послѣдними до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 году. Г. Аммосову неизвѣстно, что уже послѣ смерти Пушкина я познакомился съ его отцомъ и его братомъ и находился въ знакомствѣ съ ними до самой смерти ихъ.

Начальнику III отдѣленія, по офиціальному положенію его, болѣе другихъ извѣстны общественныя тайны ; Л. В. Дуббельтъ, младшій сынъ коего женатъ на дочери великаго поэта, никогда не обвинялъ ни Гагарина, ни меня, по дѣлу Пушкина. Когда, въ 1843 году, я былъ арестованъ и сосланъ въ Вятку, въ предложенныхъ мнѣ вопросныхъ пунктахъ не было ни единого намека на подметныя письма.

Съ негодованіемъ отвергаю, какъ клевету, всякое обвиненіе, какъ меня, такъ и Гагарина, въ какомъ-бы то ни было соучастіи въ составленіи или распространеніи подметныхъ писемъ. Гагаринъ, нынѣ находящійся въ Бейрутѣ, въ Сиріи, вѣроятно самъ напишетъ Вамъ тоже. Обвиненіе—и какое ужасное обвиненіе !—напечатано было въ *Современникѣ*, и долъ чести предписываетъ русской ценсурѣ разрѣшить напечатаніе этого письма моего.

Прося Васъ напечатать это въ ближайшей книжѣ *Современника*, честь имѣю быть, М. Г., Вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

Князь Петръ Долгоруковъ.

7, Parson's Green, Fulham, London,
12 [24] Іюля 1863.

... А ДѢЛО ИДЕТЬ СВОИМЪ ЧЕРЕДОМЪ.

The emperor of Russia is himself at this moment the first revolutionist in Europe... It is a popular insurrection against property, and the emperor is at the head of it...

Лордъ Элленборо (Рѣчь 24 Іюля 1863).

Въ этомъ то и состоитъ вся непреодолимая сила *дѣла*, вся нѣкогда умилявшая чувствительныхъ естествоиспытателей *упорная экономія* и *настойчивость* природы. Весь секретъ ея состоитъ въ томъ, что если дѣло хорошо заковано — то вертись какъ хочешь, оно пойдетъ своимъ чередомъ, ему все на пользу, какъ ниому обжорливому ребенку, ѣсть себѣ всякую всячину, животи болятъ, а самъ растетъ.

Много разъ ставили мы вопросъ — кому служить всѣ ужасы, дѣлаемые въ западныхъ губерніяхъ, кому они идутъ въ прокъ, въ чью игру играютъ? И намекали на *суженаго* *котораго конемъ не объѣдешь* (Кол. л. 165), на наши слова мало обращали вниманія. Ну вотъ наконецъ явился лордъ Элленборо, который съ британской откровенностью, въ полномъ парламентѣ, да еще въ высшемъ, сказалъ въ чью и назвалъ суженаго. — “Россійскій императоръ первый революціонеръ въ Европѣ, онъ становится во главѣ освобожденныхъ крестьянъ противъ ихъ прежнихъ господъ, противъ землевладѣльцевъ, противъ собственности”.

Мы воображаемъ какіе глаза Юноны сдѣлаетъ Александръ Николаевичъ, прочитавши эти слова лорда Элленборо. — “Михаилъ Николаевичъ — будетъ онъ телеграфить Муравьеву 2, помилуйте, я забылъ вамъ старые крѣпки, неплотные прогоны, отложенныя денжонки, противоѣдѣніе освобожденію крестьянъ, и послалъ васъ царскимъ бульдогомъ православія, народности и самодержавія, послалъ на усмиреніе мятежа, лапеза, революція и конституція, а вы, забывъ генералъ-аншефское званіе и везель на эпюлетахъ, пошли въ Прудоны, въ Кабэ... Обо мнѣ въ лондонскомъ дворянскомъ собраніи какой то уѣздный предводитель открыто сказалъ..... страшно вымолвить, того и гляди что отецъ и благодѣтель забудетъ, что онъ исключенъ за смертію изъ списковъ, встанетъ въ ботфортахъ, каскѣ... открыто сказалъ что *Мы первый революціонеръ въ Европѣ* — мы, сказавшіе, что мы первый дворянинъ московскій? Съ нами Богъ — и да расточатся полицы!”

Какъ будетъ отвѣчать бульдогъ православія, обтерши провъ съ губъ, мы не знаемъ, а знаемъ то, что мѣсяць тому назадъ мы сказали, что самъ царь, когда хочетъ возбудить русскій народъ съ какой бы сноекорыстной цѣлью ни было, сей часъ ударится въ Пугачевы. Еслибъ Александръ Николаевичъ читалъ *Колоколъ* какъ прежде, его Элленборо не удивилъ бы и не пришлось бы ему краснѣть.

Тамъ онъ могъ-бы прочесть еще два, три назидательныя мѣста и между прочимъ узналъ-бы нашу философію *дѣла идущаго своимъ чередомъ* и зародыша развивающагося путемъ *безумнымъ*, когда ему нѣтъ разумаго выхода.

Какимъ хочешь будь *самодержцемъ*, все-же будешь поплавающимъ на водѣ, который дѣйствительно остается на верху и будто завѣдуетъ ею, а въ сущности носится водой и съ ея уровнемъ подымается и опускается. Человѣкъ очень силенъ, человѣкъ поставленный на царское мѣсто еще сильнѣе, но

тутъ опять старая штука, силенъ-то онъ только съ теченьемъ и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ его больше понимаетъ, но течение продолжается и тогда, когда онъ его не понимаетъ и даже если противится ему; запруженный потокъ обходитъ плотину, низвергается порогами, вертится круговоротами, увлекаетъ въ омуты, бросаетъ на отмѣли.

“...Что можетъ быть противоположеніе усмиренію возстанія, какъ революція? А Элленборо совершенно правъ, муравьевское усмиреніе политическаго-національнаго возстанія — аграрная коммунистическая революція, пугачевщина, организованная самимъ правительствомъ.

Что правительство русское хватилось за это средство, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, сколько разъ толковали мы, что петровская имперія — диктатура, не имѣющая никакихъ нравственныхъ началъ, ничего заветнаго, что она изъ мономаховой шапки можетъ дѣлать все — отъ дурацкой прусской каски, до фригійской шапки, ея цѣль *власть и династія*. Императоръ Спартакъ насъ также мало удивляетъ, какъ гайдамачущая императрица. Важный вопросъ же въ этомъ, а вотъ въ чемъ, почему мѣры, именно эти, мѣры экспроприаціи шляхты и землевладѣльцевъ, отдачи земель крестьянамъ, первыя представились правительству *естественными, необходимыми и возможными*?

Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ. А теперь прибавимъ еще одинъ вопросъ.

Почему съ своей стороны центральный комитетъ польскій съ самого начала поставилъ общей основой уступку земли крестьянамъ и выкупъ ея правительствомъ. Почему при началѣ возстанія въ Литвѣ земля провозглашена принадлежностью крестьянъ?

И—тъ.

СМБСЪ.

— *Англійская и французская горчица московскаго Дня*. — Мы получили положительное удостовѣреніе, что слова, приписанныя г. И. Тургеневу (повторенныя нами въ Кол. л. 167), чистая выдумка.

— *Приказъ Кіевскаго генералъ-губернатора*. Въ русскихъ журналахъ напечатано распоряженіе Анненкова, запрещающее чиновникамъ употребленіе польскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ.

— *Явленный слухъ*. С. Пч. съ 25 Іюня (7 Іюля) говоритъ: — “Недавно появился въ Москвѣ слухъ, что московское купечество собирается дать обѣдъ И. С. Аксакову, въ знакъ сочувствія къ газетѣ *День*.”

— *Въ общій фондъ*. Изъ Германіи 5 фунт., исключительно для вспомошествованія русскимъ эмигрантамъ.

— *За недостаткомъ мѣста* Тобольское Дѣло отложено до 15 Августа.

въ продажѣ:

— СОЧИНЕНІЯ М. Л. МИХАЙЛОВА — издавныя въ пользу автора въ Берлинѣ 1862 у *Георія Стильке*.

СОБРАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА
Томъ I, Выпускъ I. и II. (Цѣна 8 шил. каждый).

У С. Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Str., Soho, продаются
ЗАПИСКИ РУФИНА ПЛОТРОВСКАГО, (1843—1846).

NORRKEPING, ERIC BJORNSTROM, 1863.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цена 6 пен. Получается въ Вольной Русской
Типографіи, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

ЛИСТЪ 169.

15 АВГУСТА 1863.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Виллафранка передъ Солферино—И. Кельсіевъ и Н. Утинъ—Висѣлицы и журналы—Выводъ изъ владѣнія—

Товольское дѣло. Смысль: Отъ Н. Утина—Письмо изъ Гейдельберга—Общій фондъ.

ВИЛЛАФРАНКА ПЕРЕДЪ СОЛФЕРИНО.

Войны не будетъ!

На этотъ разъ кто отгадалъ? Чье довѣріе оправдала Европа?
И какое довѣріе?

Къ чему же была у насъ вся эта роскошь патріотизма,
фанатизма, адрессовъ, къ чему 1812 годъ безъ непріятеля и
съ своими двенадцатью подкупленными языками?

Страхъ уляжется въ сердца, адреса улягутся въ архивъ,
а круговая порука съ Муравьевымъ, а тосты ему останутся
на совѣсти, останутся въ исторіи...

И. КЕЛЬСІЕВЪ И Н. УТИНЪ.

Два энергическихъ представителя университетской молодежи
— съ двухъ совершенно разныхъ сторонъ — спаслись отъ
преслѣдованія петербургскаго правительства.

И. Кельсіевъ, братъ издателя раскольническихъ сбор-
никовъ, былъ арестованъ по дѣлу московскихъ студентовъ, и
сосланъ въ Верхотурье, отсюда его выписывали для какихъ то
допросовъ по дѣлу Аргиропуло и Зайчневскаго. Аргиропуло
умеръ въ тюрьмѣ. Зайчневскаго отправили въ кагоржную
работу. Кельсіева сенатъ приговорилъ къ шестимѣсячному
тюремному заключенію, послѣ котораго ему приходилось
снова продолжать свое изгнаніе въ Верхотурьи (такъ же какъ
это было сдѣлано съ Сулинымъ, Повиковымъ и Гольцъ-
Миллеромъ послѣ ихъ заключенія въ смиренный домъ).
Онъ предпочелъ — и прекрасно сдѣлалъ — оставить сначала
частный домъ, въ которомъ содержался, а потомъ и общій
острогъ, въ которомъ содержится Россія. Теперь онъ внѣ ея
границъ.

Н. Утинъ былъ въ петербургскомъ университетѣ, его
имя, какъ имя Кельсіева знакомо нашимъ читателямъ. Онъ
былъ въ числѣ зачинщиковъ петербургской университетской
демонстраціи, содержался въ петропавловской крѣпости и
передъ новымъ арестомъ рѣшился оставить Россію.

Отъ души привѣтствуемъ ихъ обоихъ въ Европѣ.

Годъ VII.

ВИСѢЛИЦЫ И ЖУРНАЛЫ.

Мы не будемъ больше помѣчать политическія убійства
русскаго правительства, ни дѣлать выписки изъ русскихъ
газетъ. Смертныя казни вошли у насъ въ обыденной по-
рядокъ. Послѣ собственноручныхъ упражненій Петра I, въ
Россіи ничего подобнаго не бывало, ни при Биронѣ, ни при
Павлѣ. Мы отворачиваемся со стыдомъ и горестью отъ
висѣлицъ и отъ ихъ дневниковъ.

1863 годъ останется памятнымъ въ исторіи русской журна-
листики и вообще въ исторіи нашего развитія. Героическая
эпоха нашей литературы прошла. Съ университетскихъ
исторій, съ петербургскаго пожара, обличилось въ ней новое
направленіе: она сдѣлалась официальной, офиціозной, въ
ней появились доносы, требованіе *небывалыхъ* казней и пр.
Правительство, подкупая, поощряя всѣми средствами под-
давшіеся ему журналы, запрещало на французскій манеръ
органы независимые. Полицейская литература воспользо-
валась этимъ, она говорила не стѣсняясь, возражать ей въ Россіи
никто не могъ. Изъ независимыхъ журналовъ, имѣвшихъ
политическую мысль удержался одинъ "День", его велико-
русскій патріотизмъ ставилъ его въ особое положеніе.
Направленіе "Дня" мы знали; но откровенно признаемся,
что еслибъ годъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что "День"
будетъ называть открытыхъ противниковъ, сражающихся за
независимость своего отечества — *бандитами*, а польское пра-
вительство организовавшее возстаніе и управляющее между
жизнью и смертію всей страной — *вертепомъ разбойниковъ*
и *стѣшателей*, мы бы не повѣрили, такъ какъ не повѣрили
бы тому, что на вопросъ, что дѣлать съ инсургентами въ
провинціяхъ, тотъ-же журналъ отвѣчалъ разумѣется *казнить*,
и это безъ малѣйшей нужды — инсургентовъ и безъ того
казнять — а изъ желанія заявить свое сочувствіе, свое
одобреніе.

Патріотическое остервененіе вывело наружу все татарское,
помѣщичье, сержантское, что сочно и полузабыто бродило въ
насъ; мы знаемъ теперь сколько у насъ Аракчеева въ жилахъ
и Николая въ мозгу. Это заставитъ многихъ призадуматься и
многихъ приведетъ къ смиренію. Не очень видно далеко
образованная Россія забѣжала передъ правительствомъ? Ни
французскій языкъ въ былыя времена, ни берлинская фило-

софія, ни Англія по Гнейсту ничего не сдѣлали. Говоря чистымъ парижскимъ нарѣчіемъ, мы сѣкли дворовыхъ и крестьянъ; разсуждая по Гнейсту, мы требуемъ конфискаціи, военнаго управленія и казней по секретному суду. Славяно-филамъ есть чему радоваться, національный, до-петровский фонд не измѣнился, по крайней мѣрѣ въ дикой исключительности, въ ненависти къ иностранному и въ неразборчивости средствъ суда и расправы. Усовершенся одинъ языкъ, все злое прорывавшееся у Мара и у *Règne Duchêne'a*, перешло къ намъ отъ канибальскихъ фразъ, до тонкихъ намековъ, ведущихъ прямо на висѣлицу или на исключеніе изъ живыхъ. Таковы краснорѣчивыя *умалчиванія* "Моск. Вѣд." объ измѣнѣ Константина Николаевича и графа Велепольскаго, это въ своемъ родѣ *chef d'œuvre*, которые навѣрно заслужили-бы 4 на экзаменѣ у Яго или у *Don Basilio*.

Рядомъ съ полицейской маратовщиной идутъ разбитыя корреспонденціи изъ Польши.

Человѣкъ по натурѣ свирѣпъ. Толпы оставляютъ работу, не спятъ ночи, идутъ двадцать верстъ, чтобъ увидѣть, какъ вѣшаютъ какого-нибудь несчастнаго, или какъ самъ Леотаръ виситъ на какомъ-нибудь мизинцѣ. Первые всегда довольны. Леотаръ когда еще сорвется и упадетъ, а на казни зрѣлище заключается всегда трагическимъ финаломъ. Изъ всѣхъ звѣрей одинъ человѣкъ любитъ смотрѣть, какъ мучать ему подобнаго, одинъ онъ изъ убійства дѣлаетъ удовольствіе и называетъ его по преимуществу *охотой*. Но человѣкъ въ гуманность воспитывается, онъ средой отучается отъ кровожадныхъ инстинктовъ—какая-же среда въ которой жили корреспонденты нашихъ журналовъ? Мы не можемъ при-выкнуть къ ихъ повѣствованіямъ. Это рассказы студентовъ въ анатомическомъ театрѣ о вивисекціяхъ, смягчаемые иногда шутками и остротами, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ.

Одинъ повѣствуетъ какъ дрожали ноги у человѣка приведеннаго на мѣсто казни для расстрѣліянія. Другой какъ цвѣтъ лица осужденнаго на висѣлицу былъ зеленый и потомъ блѣдный, какъ въ глазахъ была видна тревога. Третій сказавъ что Падлевскій не ожидалъ, что его осудятъ на смерть, прибавляетъ: "*Забавникъ*, онъ думалъ за свои злодѣянія отдѣлаться арестомъ....., но онъ забылъ, что отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ". Гдѣ же во всемъ этомъ смѣшное? Надо имѣть необыкновенную смѣшливость, чтобъ находить забавнымъ положеніе осужденнаго.*

Какія же тутъ выписки и споры? Грустно проводивши стараго знакомаго въ сумасшедшій домъ, мы станемъ ждать его выздоровленія, навѣщая изрѣдка и вѣря въ здоровой организмъ, который все вынесетъ. Патріотическое бѣшенство слишкомъ жаростно, чтобъ долго продержаться.

* Воображеніе привыкло у насъ до того ко всѣмъ ужасамъ, что страшные образы пытокъ и изтязаній являютъ первыми въ голову. Одинъ мирный фельетонистъ—который пишетъ вовсе не о Муравьевѣ и не о Польшѣ, а о прогулкѣ въ Кронштадтѣ, вотъ какъ выражается о негодѣ застигнувшей его: "Это была не та буря, про которую Пушкинъ говоритъ:

То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.

"Нѣтъ! А это былъ такой раздражающій душу и нервы рожъ, какъ еслибы положить рядомъ баталіонъ солдатъ, и нещадно начать пороть его батогами; тогда бы, мнѣ кажется, это было нѣсколько похоже!" Возьмите всѣ литературы, отъ Саади и Гафиса до Дикенса и Гюго, и вы не найдете подобнаго сравненія.

Тѣмъ, которые растлили наше слово, даромъ это не пройдетъ. Совѣсть пробудится, не у нихъ, такъ у молодого поколѣнія, не помѣченнаго ни московскими профессорами, ни петербургскимъ дворомъ; оно съ ужасомъ отпрянетъ отъ псалмопѣвцевъ висѣлицы, отъ клакѣровъ Муравьева, отъ всѣхъ этихъ Коцебу православія и фельетонныхъ Аракчеевыхъ. Мы не сомнѣваемся въ этомъ, и потому оставляемъ ихъ неистовствовать и оканчивать свое гнилое броженіе.

И—рѣ.

5 Августа 1863.

ВЫВОДЪ ИЗЪ ВЛАДѢНІЯ.

Конфискація дѣло не новое, и тутъ мудрено отличиться даже Муравьеву. Когда убійство возводится въ добродѣтель, а казнь противника въ любовь къ отечеству—чему же дивиться, что право собственности такъ-же улѣтучивается, какъ право на жизнь. Конфискація относится къ грабежу такъ какъ оптовая торговля къ мелкой и доказываетъ только, что правительства въ сущности никогда серьезно не принимали за право—право собственности. Что оно очень условно и вовсе не состоитъ въ правѣ *d'user et d'abuser*, въ этомъ конечно не мы будемъ спорить; но конфискація гнуснѣ всякой экспроприаціи тѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ не *мѣру* вызванную необходимостью, безличную, а наказаніе, месть. Тутъ вся безконечная разниа рекрутскаго набора вообще и рекрутскаго набора по выбору полиціи какъ это было въ Варшавѣ. Одно просто несчастіе, другое несчастіе и обида.

Новое въ споліаціи польскаго дворянства состоитъ не въ отобраніи ихъ имѣній подъ безсмысленными предлогами,* не въ *выводѣ ихъ изъ владѣнія*—а въ *вводѣ во владѣніе ихъ имуществомъ крестьянъ*.

Планъ правительства очевиденъ, оно хочетъ, *per fas et nefas*, вытѣснить изъ западнаго края польское населеніе, и привязать къ Россіи населеніе православное, русинское—узами болѣе крѣпкими чѣмъ статьи М. П. Погодина и филологическія изслѣдованія великороссійскихъ патріотовъ.

Рѣшиться на азіатскую мѣру всеобщаго изгнанія, насильственнаго переселенія не хватило духу; это было бы свирѣпо, несправедливо, но сильно. Низкое средство обвиненій частныхъ, основанныхъ на доносахъ, т. е. растлѣній крестьянъ показалось ему пріятнѣе. Не надобно думать, чтобъ петербургское правительство вообще церемонилось употреблять такіа *радикальныя* средства; считая себя по восточному понятію собственникомъ земли и населенія, оно никогда не останавливалось ни передъ чѣмъ и не стѣсняясь брало мѣры, которыя берутъ хозяева со стадами. Въ Псковѣ голодъ, въ Тобольскѣ хлѣбъ уродился хорошо; Николай приказываетъ гуртомъ, столько то тысячъ семействъ—гнать изъ Пскова въ Тобольскъ. Въ западныхъ провинціяхъ задача была мудренѣе. Въ Псковской губерніи дѣло шло о мужикахъ... баталіонъ солдатъ, нѣсколько казаковъ въ должности пастушескихъ собакъ, возъ розогъ, и съ богомъ въ дальнюю дорогу. Въ западныхъ провинціяхъ—дворяне, шляхта, ксендзы, горожане, и все это не молча страдаетъ отъ голода, а громко

* "Кельская Газета" на пр. рассказываетъ о конфискаціи имѣній принадлежавшаго фамиліи Комаръ, за то что изъ ихъ фамиліи какой то молодой человѣкъ 16 лѣтъ, былъ взятъ въ числѣ повстанцевъ.

требуетъ воли и отчизны. Ограбить ихъ просто какъ то неловко, тутъ и дворянская грамота и грамота которую они знаютъ—гласность, шумъ. Что же дѣлать?... А духи то подземные шепчутъ какъ въ Фаустѣ: “Отдай неправое стяжаніе крестьянамъ, отдай землю крестьянамъ, ты видишь и начальный комитетъ польскій и наши *заграничные* рефюжѣ и рефюжѣ оставшіеся въ границахъ только и бредятъ о томъ, чтобъ землю отдать крестьянамъ... Отдай самъ!”

И вотъ Гретхенъ Муравьевъ спрашиваетъ Ihr Fläschchen (mit Tinte) Nachbarin и пишетъ:

“Во время настоящаго мятежа, въ числѣ лицъ разныхъ сословій, принявшихъ участіе въ ономъ, находится значительное число мелкой шляхты, а также и однодворцевъ, имѣющихъ притязаніе на свое нѣкогда шляхетское происхождение. Лица эти, состоя большаго частью поселенными на земляхъ, принадлежащихъ обществамъ крестьянъ, какъ казенныхъ такъ и временно-обязанныхъ, оставляютъ свои жилища и хозяйство, и присоединяются къ мятежникамъ, или, оставаясь на мѣстѣ своего жительства содѣйствуютъ мятежническимъ шайкамъ, снабжая оныя различными припасами, скрывая отъ военныхъ командъ ихъ мѣстопробываніе, и давая въ своихъ жилищахъ пристанище злоумышленникамъ. Почитая справедливымъ лишить такіа лица права пользованія тѣми выгодами и удобствами, какія представляются вѣрному своему долгу и присягѣ крестьянскому сословію, среди котораго они поселены, я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы земельные участки, съ усадьбами, на которыхъ водворены однодворцы, шляхта и другіе разночинцы, были немедленно отобраны отъ тѣхъ лицъ, которые присоединились къ мятежнымъ шайкамъ, или оказываютъ содѣйствіе онымъ, и таковыя участки вмѣстѣ съ находящимся на оныхъ хозяйствомъ передать въ распоряженіе казенныхъ или временно-обязанныхъ крестьянскихъ обществъ, въ составѣ которыхъ оныя находятся, съ тѣмъ: 1) чтобы общества предоставляли такіе участки въ пользованіе крестьянамъ—огородникамъ и бобылямъ, или кутникамъ, которые не имѣютъ полевыхъ надѣловъ; 2) чтобы участки эти отдаваемы были обществами тѣмъ изъ крестьянъ, которые отличаются порядочною жизнію и преимущественно оказавшимъ особыя услуги по содѣйствію своему въ преслѣдованію и уничтоженію мятежниковъ; и 3) чтобы вводъ во владѣніе этими участками былъ производимъ не иначе, какъ по мірскому приговору. Затѣмъ, прошу ваше превосходительство приказать прочесть, во всѣхъ крестьянскихъ обществахъ на полномъ сходѣ настоящее мое предписаніе, объявить, что будучи увѣренъ въ преданности этихъ обществъ государю и правительству, я поручаю ихъ заботливости, чтобы они не допускали со стороны крамольной шляхты вѣроломныхъ поступковъ и удерживали какъ шляхту и однодворцевъ, такъ и прочихъ разночинцевъ и дворовую челядь, живущую на землѣ, принадлежащей обществу, а также официалстовъ и помѣщичью прислугу, отъ участія въ мятежѣ и содѣйствія оному; всѣхъ же, кто окажется виновнымъ, или будетъ заподозрѣнъ въ сношеніи съ мятежниками, задерживали, безъ различія званія и состоянія, и передавали ближайшимъ военнымъ командамъ, и если бы во какомъ либо случаѣ нашелся между крестьянами такой, который, измѣнивъ вѣрнопоподданническому долгу, отлучился съ мѣста жительства для присоединенія къ шайкамъ мятеж-

никовъ, или былъ уличенъ въ содѣйствіи онымъ, то съ участкомъ и хозяйствомъ и такого крестьянина общество обязано поступить по приведенному выше указанію”.*

(11/23 Іюня 1863).

Попавъ на эту похвальную дорогу, Муравьевъ и пошелъ и пошелъ. “Эту землю ты на аренду взялъ?... на столько то лѣтъ, есть условіе, платишь какъ надобно? Хорошо, а гимнъ пѣлъ? Вотъ тебѣ твое условіе, вотъ тебѣ твоя аренда. А вы чего зѣваете, въ надѣлъ его аренду”.

Во всемъ этомъ нельзя не замѣтить наивность, достойную просвѣщенныхъ временъ и политической экономіи персидскаго Кира и библейскаго Нимрода. Признаніе права собственности *наградой за порядочное поведеніе!* царской милостью—что скажете? Кого люблю, того дарю!

Далеко шелъ Грахъ Бабефъ, но Западомъ и администраціей ни онъ, ни Конвентъ 1794 года, ни коммунисты не могли подняться до того, до чего естественно дошелъ нашъ татарскій Грахъ; вотъ что значитъ черпать премудрость изъ прямыхъ источниковъ Востока.

..... Если правительство въ самомъ дѣлѣ распространить эти спартаковскія мѣры во всей Россіи и найдетъ такихъ рьяныхъ исполнителей, то пожалуй людямъ проповѣдывавшимъ права крестьянъ на землю и землю государственной почвой никому собственно не принадлежащей, придется тоже строчить адрессъ Александру Николаевичу и благодарить его за то, что онъ державными руками (хотя и надѣвъ Муравьева рукавицами) изволилъ взять на себя все скорбное, насильственное, противное будущаго *земскаго переворота*.

И—рѣ.

ТОБОЛЬСКОЕ ДѢЛО.†

(М. И. Михайловъ, Тобольское Общество и Допосытки).

Съ незапамятныхъ временъ въ Тобольскѣ и въ другихъ губернскихъ городахъ Сибири на арестантовъ привыкли смотрѣть снисходительно, принимали въ нихъ участіе, оказывали имъ сочувствіе. При вступленіи въ Сибирь арестантъ становился въ глазахъ мѣстныхъ жителей человѣкомъ, преступленіе его забывалось. Мало обращали вниманія даже на родъ преступленія. Особенно пользовались снисхожденіемъ арестанты изъ привилегированнаго сословія, т. е. изъ дворянъ, если они казались порядочными людьми. Къ числу послѣднихъ принадлежали конечно и политическіе преступники безъ различія національности; съ 1826 года они ежегодно пересылались чрезъ Тобольскъ—то въ большемъ, то въ меньшемъ числѣ. Къ нимъ привыкли. Многіе изъ нихъ послѣ каторги жили въ этомъ городѣ, пользовались уваженіемъ, были любимы всѣми и вообще зарекомендовали себя съ самой лучшей стороны. Около нихъ сосредоточивалось лучшее общество.

* Мы взяли этотъ образчикъ какъ одинъ изъ самыхъ характеристичныхъ, хотя и сознаемъ, что Муравьевскіе приказы, предложенія, распоряженія по этой части слѣдовало бы перепечатать подъ заглавіемъ Энциклопедіи Споліаціи—это образцовый кодексъ отобранія собственности у дѣлаго сословія по мелочи. Если будущій Пугачевъ предпочтетъ такіа воровскія и нечестныя средства—откровенному объясненію, то ему стоитъ только муравьевскія распоряженія перевести на свой языкъ, и ни одинъ русскій помѣщикъ не ускользнетъ и ни одинъ больше рубашки, да развѣ трубки съ собой не увезетъ.

† Дѣло это рассказывалось съ разными вариантами, такъ что трудно было составить о немъ вѣрное понятіе. Но въ концѣ Феврала намъ удалось узнать всѣ подробности этого дѣла, отъ лицъ возвратившихся изъ Сибири. Въ томъ видѣ какъ мы слышали отъ нихъ и передается читателямъ.

Оно-же первое и начало брать къ себѣ въ домъ изъ острога пересылавшихся преступниковъ изъ дворянъ, а въ особенности политическихъ. Не скрылъ этого отъ читающей публики и Ф. Достоевскій въ своихъ запискахъ изъ "Мертваго Дома" ("Время". Декабрь, 1862). Мѣстное начальство не обращало вниманія на выѣзды ихъ изъ острога, видало ихъ въ частныхъ домахъ, проводило съ ними вечера. Такъ было во все царствованіе Николая и въ царствованіе настоящаго государя, до Января прошедшаго года. Послѣднимъ преступникомъ, которому оказано снисхожденіе въ Тобольскѣ былъ Михаилъ Даріоновичъ Михайловъ, осужденный въ каторжную работу на 6 лѣтъ. Онъ-то и составляетъ причину *Тобольскаго дѣла*.

Для ясности самаго предмета мы изложимъ сначала, что дѣлали для Михайлова въ Тобольскѣ, потомъ какъ полетѣли въ Петербургъ доносы на лицъ, принимавшихъ Михайлова, наконецъ, что открылось по слѣдствію.

По прибытіи Михайлова въ Тобольскъ съ жандармами, разумѣется, его помѣстили въ острогъ, въ одномъ отдѣленіи съ каторжными, только не знаемъ навѣрно въ одной-ли камерѣ или въ отдѣльной, потому что одни со словъ смотрителя говорить будто онъ былъ помѣщенъ въ камеру къ надзирателю, а другіе со словъ причастныхъ къ дѣлу въ камеру каторжныхъ; но какъ-бы то ни было, только никогда не помѣщались прежде каторжные изъ дворянъ въ кандалное отдѣленіе и онъ попалъ туда во-первыхъ потому, что смотритель острога не былъ трезвъ въ то время какъ его привезли, а во-вторыхъ потому, что имѣлъ на себѣ кандалы, чего съ другими арестантами—прежде не бывало. Посѣщавшій по обыкновенію въ то время острогъ предсѣдатель губернскаго правленія Соколовъ, приказалъ безъ всякой задней мысли, просто по примѣру прежнихъ арестантовъ, перевести его въ отдѣленіе гдѣ всегда помѣщались пересыльные арестанты изъ дворянъ всѣхъ разрядовъ, т. е. и каторжные и ссыльные на житье; а полицмейстеръ Кузичинскій, въ тотъ-же или на другой день распорядился снять съ него кандалы, такъ какъ никогда прежде въ острогѣ не держали арестантовъ изъ дворянъ въ кандалахъ—да и неправильно на дворянина надѣли ихъ, потому, что по 54 ст XV г. кандалы составляютъ тѣлесное наказаніе, а дворяне свободны отъ тѣлесныхъ наказаній; слѣдовательно, и не должны имѣть кандалы. Два черезъ два послѣ того, взявъ Михайлова къ себѣ управляющій комиссіаріатскою комиссіею подполковникъ Жданъ-Пушкинъ, знавшій его еще въ Петербургѣ. Потомъ брали его въ домъ предсѣдателя губернскаго правленія Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ, товарищъ предсѣдателя губернскаго суда Андрониковъ, военный врачъ Анучинъ и почетная гражданка Шленкова. У всѣхъ ихъ Михайловъ обѣдалъ, по одному, по два, и даже по три раза; но у Соколова онъ бывалъ не для одного обѣда, а еще для изслѣдованій его болѣзни, которыя составляютъ его специальность. У Михайлова въ Тобольскѣ показалось кровохарканіе, и потому онъ занялся его леченіемъ съ самаго пріѣзда, посылалъ ему лекарства изъ вольной аптеки. Всѣ обѣды были семейные, самые скромные, безъ всякихъ публичныхъ заявленій, такъ что не многіе и знали тогда гдѣ бывалъ Михайловъ. Вывозилъ-же его изъ острога или самъ полицмейстеръ или кто-нибудь изъ полицейскихъ чиновниковъ, съ разрѣшенія послѣдняго, или брали нѣкоторые по запискѣ его-же, но къ вечерней повѣркѣ возвращали его въ

острогъ. Тѣ же лица, у которыхъ онъ бывалъ въ домахъ, посѣщали его и въ острогѣ довольно часто вмѣстѣ съ знакомыми. Было у Михайлова въ острогѣ и нѣсколько дамъ, читавшихъ статьи его въ "Современникѣ" объ эманципаціи женщинъ. Прокламацію его, за которую онъ пострадалъ, никто не читалъ въ Тобольскѣ, ее вовсе не было тамъ, даже немногіе—правду сказать—интересовались ею. О пронагандѣ не было и въ мысли ни у кого. Да что за пропаганда въ Сибири! Во время содержанія Михайлова въ острогѣ, шла переписка приказа о ссыльныхъ съ губернаторомъ объ отправленіи его, по случаю болѣзни, на свой счетъ съ жандармами до Иркутска. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Января отправили его дальше. Передъ выѣздомъ изъ города онъ въ послѣдній разъ обѣдалъ у Пушкина, гдѣ было человѣкъ пять знакомыхъ, въѣ они порядочно выпили тутъ, и вечеромъ проводили его за заставу; на прощаньи пили шампанское. Тѣмъ и закончилось пребываніе Михайлова въ Тобольскѣ. Послѣ его отъѣзда все пошло по старому обычнымъ порядкомъ: никто не бунтовалъ народъ, никто не распространялъ возмущительныхъ воззваній, какъ будто и не бывало Михайлова. Такъ это и осталось-бы безгласнымъ, и не дошло-бы до III Отдѣленія, если-бы не замѣшалась тутъ месь нѣкоторымъ лицамъ со стороны жандармскаго адъютанта Ланскаго. Месь то и была главнымъ поводомъ къ доносу. Вотъ именно какимъ образомъ возникло это дѣло:

По пріѣздѣ Ланскаго въ Тобольскъ—кажется въ Ноябрь или Декабрь 1861 года—жена его еблизилась съ женою лекаря Анучина (дочерью жандармскаго штабъ-офицера). Вскорѣ послѣдняя выпросила у первой бурнусъ и долго не возвращала; та присылала за нимъ нѣсколько разъ, и наконецъ сама пріѣхала за нимъ. Войдя въ залъ, она застала г. Анучину дѣлающую выкройку съ ея бурнуса, который при этомъ надѣтъ былъ на служанку. Это вызвало обмѣнъ колкихъ выраженій съ обѣихъ сторонъ и послужило началомъ раздора. Спустя нѣсколько дней послѣ того, Ланской сдѣлала дерзость студенту Тутолмину въ залѣ собранія на репетиціи; послѣдній заявилъ объ этомъ присутствующимъ, въ числѣ коихъ былъ лекарь Анучинъ. Онъ собралъ молодыхъ людей, подойдя съ ними къ Ланскому требовалъ, чтобъ тотъ извинился предъ оскорбленнымъ. Не хотя Ланской исполнилъ это требованіе, но съ этого времени онъ искалъ случая отмстить Анучину. Жандармскій штабъ-офицеръ Коленъ—тестъ Анучина—съ своей стороны съ того-же времени, сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ показывать свое неудовольствіе Ланскому, и дѣлать кой-какія непріятности. Наконецъ однажды Ланской былъ замѣченъ въ подлогѣ во время карточной игры, что побудило нѣкоторыхъ членовъ Благороднаго Собранія предложить ему, чтобъ онъ не посѣщалъ его, а когда тотъ отказался, то назначили въ собраніи надъ нимъ судъ. Предоставлено было обвиненному избрать адвокатовъ, назначены были обвинители, приглашены и свидѣтели. Судьями оставили директоровъ. Это былъ опытъ гласнаго судопроизводства, только безъ присяжныхъ. Кажется было два или три засѣданія, но къ рѣшенію не могли придти. Началось это скандальное дѣло. Ланской желалъ прислужиться предъ III Отдѣленіемъ, особенно-же предъ княземъ Долгоруковымъ, которому обязанъ своей должностію и который покровительствовалъ ему за то, что онъ женился на крестницѣ его, дочери какого-то генералъ-маіора Маркова, послалъ въ Петербургъ доносъ, что

Михайлову оказано было послабление и сочувствие. По этому доносу затребовано объяснение отъ жандармского штаб-офицера, который отписалъ въ III Отдѣленіе, что дѣйствительно Михайловъ выѣзжалъ изъ острога въ частные дома и его посѣщали въ острогъ, что участие въ немъ приняли какъ дворянинъ и литераторъ, а особенное сочувствіе выразили ему дамы за статьи объ эманципаціи женщинъ, что политическаго въ этомъ ничего не было, и что наконецъ настроеніе умовъ въ Тобольскѣ осталось—послѣ отъѣзда Михайлова въ Иркутскъ совершенно такимъ-же, какимъ было и до его пріѣзда; послѣднее сдѣлано для успокоенія правительства. Такого-же содержанія послалъ Коленъ донесеніе и окружному начальнику генераль-маіору Масолову. Недѣлю черезъ двѣ, послѣдній потребовалъ отъ Колена свиданій—у кого империю бывалъ Михайловъ и кто его посѣщалъ. Когда было послано это донесеніе, содержаніе котораго, разумеется, было извѣстно Ланскому, этотъ господинъ, не дожидаясь окончанія дѣла о его поступкѣ въ собраніи, вдругъ уѣзжаетъ въ Омскъ подъ предлогомъ будто-бы объясниться съ генераль-губернаторомъ Дюгамелемъ о своемъ поступкѣ, а въ самомъ дѣлѣ передать Масолову лично о пребываніи Михайлова въ Тобольскѣ, что и выполнилъ съ различными прибавленіями. По возвращеніи его изъ Омска, пріѣзжаетъ въ Тобольскъ генераль-маіоръ Масоловъ и останавливается въ домѣ гражданскаго губернатора Виноградскаго — стараго своего пріятеля и товарища по денежнымъ дѣламъ.

Тутъ надобно сдѣлать маленькое отступленіе отъ самаго дѣла, надобно прежде познакомить читателей въ короткихъ словахъ съ этими личностями и указать на тѣсную связь между ними. Масоловъ въ прежнее время служилъ въ Ирбитѣ, дѣлалъ экономіи гдѣ только представлялся случай, но въ особенности двойной коровой для него служили золотопромышленники и ихъ рабочіе. Онъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что назначилъ сборъ по руб. серебромъ на каждаго паспортнаго; а какъ ихъ было отъ 15 до 20,000 въ губерніи, то ему помогалъ Виноградскій не забывая ни гдѣ и себя. Впослѣдствіи Масоловъ женился на дочери золотопромышленника Горохова, дѣлами котораго вмѣстѣ съ компаніей управлялъ нѣкоторое время Виноградскій и такъ хорошо управлялъ, что золотопромышленная эта компанія объявлена была несостоятельною, а долги на ней оказались болѣе четырехъ милліоновъ. Говорятъ, что когда конкурсное управленіе приступило къ разсмотрѣнію документовъ по дѣламъ компаніи, то обнаружено было золото взятое Виноградскимъ, но старикъ Гороховъ постарался заглушить дѣло и далъ отзывъ, что онъ подарилъ ему золото. Какъ-бы то ни было, только и Масоловъ и Виноградскій вмѣстѣ пользовались отъ золотыхъ промысловъ и оба купили себѣ высшія должности; Масоловъ—окружнаго начальника, заплативши во время Тимашева какому-то мелкому чиновнику 6000 р. с., а Виноградскій должность губернатора, заплативши въ Сибири Почекунину съ Гасфордомъ 7,000 руб. Кажется ясно, что одинъ другому ни въ чемъ не уступали и имъ обоимъ въ Тобольской губерніи нужно было избавиться отъ двухъ лицъ по разнымъ причинамъ: Масолову отъ Колена, Виноградскому отъ Соколова.

Масоловъ, по переводѣ своемъ въ Омскъ изъ Вологды, гдѣ до 1859 года былъ штаб-офицеромъ (послѣ Сибирской службы) перевелъ въ Тобольскъ бывшаго своего адъютанта капитана Кермека, человека сумасброднаго, по временамъ подвержен-

наго умопомѣшательству и способнаго развѣ на то только, чтобы забирать “Колоколъ” по городу, чѣмъ особенно занимался въ Вологдѣ, перевелъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его штаб-офицеромъ вмѣсто полковника Колена, который по его предположенію долженъ былъ или выйти въ отставку или умереть. По томъ на его бѣду оставался живъ и въ отставку не выходилъ. Хотя чрезъ годъ и удалось Масолову перевести Кермека въ Омскъ на какую-то высшую должность, не менѣе того онъ не оставлялъ своей прежней мысли, и потому дѣлалъ разныя непріятности съ цѣлю заставить Колена бросить службу. Не правился Коленъ и Виноградскому за свои справедливыя представленія по разнымъ вопіющимъ дѣламъ, и вѣроятно онъ не разъ просилъ Масолова избавить его отъ Колена. Пастбищій случай, т. е. бездѣтельность его во время пребыванія Михайлова въ Тобольскѣ и недонесеніе о выѣздахъ его куда слѣдуетъ, представлялся самымъ удобнымъ. Это съ одной стороны; съ другой-же, какъ мы сказали выше, пужно было Виноградскому избавиться отъ Соколова. Предсѣдатель губернскаго правленія Соколовъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ постоянно находился въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Виноградскому. Будучи прямаго характера и строгой честности и при томъ чрезвычайно дѣятельный, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ, явно не одобрялъ распоряженій губернатора, возставалъ противъ его злоупотребленій, но въ особенности вооружалъ его противъ себя какой-то статьей, въ которой описалъ его неправильныя дѣйствія. Намъ рассказывали много случаевъ столкновенія ихъ между собою. Кто изъ нихъ правъ, не беремся рѣшить, но судя по отзывамъ лицъ, живущихъ въ Тобольскѣ, думаемъ, что правъ Соколовъ и грязныхъ дѣлъ за нимъ вѣроятно не было, иначе губернаторъ воспользовался-бы первымъ случаемъ, чтобы стереть его съ лица земли. Отзывы объ немъ служатъ въ его пользу. Мы лично не знаемъ этого человѣка, но говорили объ немъ съ знакомыми и старыми его товарищами. Какъ-бы впрочемъ тамъ ни было, только Виноградскій замыслилъ уничтожить его при содѣйствіи Масолова. Вотъ два друга и условились дѣйствовать за одно ко вреду, въ особенности двухъ, т. е. Колена и Соколова. Масоловъ, по пріѣздіи въ Тобольскъ, вслѣдъ за Ланскимъ, занялся по указаніямъ послѣдняго, секретнымъ изслѣдованіемъ о пребываніи Михайлова въ Тобольскѣ, о чемъ впрочемъ говорили тотъ часъ-же на базарѣ. Разслѣдованію этому помогалъ и Виноградскій, подставляя ему тѣхъ лицъ, которыя могли болѣе вѣрять, согласно съ его видами. Результатомъ этихъ квазі секретныхъ разслѣдованій, вышелъ пространный доносъ слѣдующаго содержанія:

Михайловъ, какъ политическій преступникъ, былъ принятъ въ Тобольскѣ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ нѣкоторыми должностными лицами, которыя давали ему торжественные обѣды во все время пребыванія его въ городѣ. Дамы поднесли ему букетъ. Очень многіе изъ чиновниковъ постоянно навѣщали его въ острогъ, тоже дѣлали и нѣкоторыя дамы. Содержали его въ дворянскомъ отдѣленіи безъ кандаловъ, хотя онъ былъ привезенъ съ жандармами закованный. Вообще, будто бы, во время 4-хъ недѣльнаго пребыванія въ Тобольскѣ онъ пользовался совершенной свободой. Передъ отъѣздомъ данъ былъ ему большой обѣдъ въ домѣ подполковника Ждапъ Пушкина. При входѣ его туда въ кандалахъ, собравшіеся гости привѣтствовали его восторженными криками, а лекарь Анучинъ сказалъ ему спичъ. Потомъ послѣдній сблизъ съ него

кандалы, а прочіе присутствующіе разорвали ихъ на части, и раздѣлили между собой. Самую-же большую часть взяла къ себѣ г-жа Пиленкова, которая повѣсила ихъ на стѣнѣ, въ видѣ гирлянды, и убрала плющомъ. Изъ колецъ кандалныхъ, взятыхъ на память въ послѣдствіи, подѣлали браслеты и пресъ-папье. Всѣхъ лицъ владѣвшихъ такими вещами, онъ не поименовалъ, но только указалъ на Соколова, у котораго частный приставъ Капачинскій видѣлъ будто-бы кандалныя кольца на письменномъ столѣ въ кабинетѣ. Послѣ обѣда, разумѣется съ шампанскимъ, всѣ бывшіе на обѣдѣ отправились его провожать за городъ, тамъ на прощанье опять пили шампанское, и послѣ того Михайловъ уѣхалъ изъ Тобольска; но на десятой или двѣнадцатой верстѣ догналъ его Соколовъ, и простался съ нимъ. Очевидно, описавши такимъ образомъ пребываніе Михайлова въ городѣ, Масоловъ хотѣлъ придать посѣщеніямъ, обѣдамъ и проходамъ видъ политической демонстраціи, о которой вовсе никто и не думалъ, которой въ дѣйствительности не было, какъ увидимъ ниже. Но ему казалось мало этого: если бывалъ политической преступникъ въ частныхъ домахъ, то навѣрно онъ проводилъ свои политическія идеи. А такъ какъ онъ уже заявилъ ихъ разъ въ своемъ воззваніи къ молодому поколѣнію, то навѣрно цѣль его посѣщеній была распространить свою прежнюю прокламацію; по этому должно быть, прибавилъ этотъ жандармъ, перепечатывалась она въ губернской типографіи, состоящей въ вѣденіи губернскаго правленія, гдѣ предсѣдательствуетъ Соколовъ, посѣщавшій часто Михайлова, лечившій его и принимавшій его въ своемъ домѣ. Масолову хотѣлось по просьбѣ Виноградскаго сдѣлать болѣе всѣхъ виновнымъ Соколова, поставивши его во главѣ воображаемаго политическаго заговора, въ которомъ участвовали всѣ лица, принимавшія его у себя дома и нѣкоторые изъ посѣщавшихъ. Въ такомъ видѣ и отправилъ свое донесеніе къ шефу жандармовъ, рассчитывая навѣрно получить высочайшую награду за такое важное открытіе. Какъ ни ловко составлено было оно и какъ ни казалось съ перваго разу правдоподобнымъ, однакожъ не совсѣмъ повѣрили въ Петербургѣ написанному Масоловымъ, а потому спросили генералъ-губернатора Западной Сибири Дюгамеля, что происходило въ Тобольскѣ во время пребыванія тамъ Михайлова и что за причина непонятнаго сочувствія и вниманія, оказаннаго ему нѣкоторыми лицами и послабленія, сдѣланнаго начальствующими лицами. Дюгамель, какъ главный начальникъ края, имѣлъ полное право сдѣлать дознаніе чрезъ довѣреннаго чиновника и потомъ подвергнуть взысканію лицъ, допустившихъ безпорядокъ по содержанію арестантовъ, потому, что не одинъ Михайловъ пользовался нѣкоторой свободой во время содержанія въ Острогѣ, но и другіе арестанты, что не могло не открыться при производствѣ дознанія, и это дѣлалось съ давнихъ временъ, какъ сказано нами въ началѣ статьи. Дюгамель, повторяемъ, долженъ былъ успокоить III Отдѣленіе, что никакихъ политическихъ замысловъ не было во время проѣзда Михайлова чрезъ городъ, и въ настоящее время не замѣтно никакихъ послѣдствій отъ него, и что наконецъ имъ приняты всѣ мѣры, чтобы на будущее время не повторилось ничего подобнаго съ другими арестантами. Такъ по нашему мнѣнію обязанъ былъ поступить *должный начальникъ*, а Дюгамель далеко не принадлежитъ къ разряду подобныхъ начальниковъ. Чтобы понять даль-

нѣйшее распоряженіе этого сановника по дѣлу Михайлова, мы постараемся передать въ короткихъ словахъ, что это за личность г. Дюгамель. Онъ имѣетъ 60 лѣтъ отъ роду, большаго росту, съ оловянными глазами, съ фizioноміей, выражающей отсутствіе всякой мысли, былъ когда-то посланникомъ въ Персін,—значить служилъ по дипломатическому корпусу, потомъ состоялъ первоприсутствующимъ въ Сенатѣ, ревизовалъ, (кажется въ 1859 году) Олонецкую губернію, и по этой ревизіи особенно отличился; но онъ ни душою, ни тѣломъ въ ней не виноватъ, какъ оказалось въ послѣдствіи; всей ревизіей заправляли два оберъ-секретаря, которые порядочно напакостили ему такъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ отписаться. Вступивши въ управленіе Западной Сибири, по военной и гражданской частямъ, онъ ровно ничѣмъ не занялся. Первую предоставилъ начальнику штаба Крофусу, а вторую, совѣтникамъ главнаго управленія и мѣстнымъ губернаторамъ, а самъ только подписывалъ, что подадутъ. Въ два года своего управленія, ознаменовалъ себя полнѣйшею бездѣятельностію. Считаютъ его добрымъ и благороднымъ человекомъ, но эти его качества приносятъ пользу однимъ только подлецамъ и грабителямъ, а не честнымъ и благороднымъ людямъ. Одно только объ немъ можно сказать хорошее: онъ не взяточникъ и не грабитель, но за то г-жа Дюгамель всюду вмѣшивается, вездѣ принимаетъ участіе и распоряжается по своему усмотрѣнію, сообразно съ своими видами. Ловкіе люди подмѣтили вліяніе ея на мужа и отлично воспользовались этимъ открытіемъ. Говорятъ, о нѣкоторыхъ интересныхъ дѣлахъ докладываютъ прежде ей, а она уже настраиваетъ мужа.

Дюгамель предоставилъ совѣтнику распорядиться съ предложеніемъ шефа жандармовъ, а тотъ какъ истый бюрократъ препроводилъ его для исполненія къ Тобольскому губернатору Виноградскому. Послѣдній, зная хорошо содержаніе рапорта Масолова, написалъ тоже самое, что и этотъ жандармъ и въ подтвержденіе всего написаннаго имъ, приложилъ подлинное донесеніе полицмейстера Кувчинскаго, отъ котораго собралъ свѣденіе и Масоловъ, присоединивши свое объясненіе такого рода: что поводъ къ заявленію сочувствія Михайлову подалъ Соколовъ, который приказалъ перевезти его изъ кандалнаго отдѣленія въ дворянское; что приказалъ его расковать, потомъ посылалъ ему въ острогъ лекарства и жареныхъ рябчиковъ, бралъ его къ себѣ въ домъ на обѣдъ, что примѣру его послѣдовали другіе, въ особенности лекаръ Анучинъ, который увлекся, будто-бы его статья и руководимъ даже имъ въ литературныхъ занятіяхъ, что Соколовъ, обязанный циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ имѣть наблюденіе за острогомъ, умышленно допустилъ послабленіе въ содержаніи Михайлова въ острогѣ, и не докладывалъ ему о выѣздахъ этого преступника къ частнымъ лицамъ и о посѣщеніи его послѣдними. Такимъ образомъ обвиненіе Соколова шло *сверху*: Масоловъ слегка выдвинулъ на первый планъ, а губернаторъ окончательно поставилъ его во главѣ дѣйствія, разумѣется проводя одинаковую съ Масоловымъ мысль, что въ пріемѣ Михайлова въ дома скрывалась политическая цѣль. Получивши такое громкое донесеніе, Дюгамель не въ состояніи былъ выкинуть въ смыслъ его, не въ состояніи былъ сообразить—можетъ-ли быть дѣйствительно такъ, какъ описалъ Виноградскій; а просто спросилъ совѣтника Лещева, зятя бывшаго генералъ-губернатора Гасфорда, истаго бюрократа, что надобно сдѣлать съ донесеніемъ губернатора.

Тотъ присовѣтовалъ представить подлинникомъ рапортъ жандармовъ съ приложеніемъ рапорта полицмейстера, безъ всякаго съ своей стороны заключенія. Такъ и сдѣлалъ начальникъ края. Все это дѣлалось въ отсутствіи Соколова, который былъ въ то время въ Москвѣ, выѣхавъ изъ Тобольска въ половинѣ Іюля до пріѣзда Масолова для секретнаго дознанія; иначе ни одинъ изъ нихъ не рѣшился-бы плести эту интригу, какъ-бы ни далеко простирались ихъ мести.

Пославши донесеніе, Виноградскій рассчитывалъ, что съ Соколовымъ поступить точно также, какъ съ управляющимъ провіантстскою комиссіею Куткинымъ, въ 1810 году во времена всесильнаго Аракчеева. Куткина не взлюбилъ Пестель, и искалъ случая погубить его. Когда Куткинъ отправился въ Петербургъ, получивши отпускъ съ намѣреніемъ переимѣнить мѣсто служенія, Пестель вслѣдъ за нимъ послалъ къ Аракчееву донесеніе, въ которомъ выставилъ его грабителемъ казны. Не успѣвъ Куткинъ представиться къ своему начальству, какъ по приказанію Аракчеева схватили его, посадили на повозку, отправили подъ карауломъ въ Тобольскъ на гауптвахту и предали суду, да девять лѣтъ и продержали его подъ арестомъ, и только въ 1819 году Сперанскій обратилъ вниманіе на него. Дѣло разсмотрѣли и не нашли никакой вины его. Дѣло Пестеля съ Куткинымъ очень памятно въ Тобольскѣ, и Виноградскій жилъ въ то время и былъ очевидецъ этого. Онъ и поступилъ съ Соколовымъ, какъ Пестель съ Куткинымъ. Но ошибся немножко во времени. То было 50 лѣтъ тому назадъ. Пославши донесеніе, онъ объявилъ приближеннымъ, что онъ отвѣтилъ на всѣ статьи Соколова однимъ разомъ, навѣрно теперь писать больше не будетъ; потомъ чрезъ нѣсколько времени сказалъ, что онъ арестованъ, и сидитъ въ крѣпкомъ мѣстѣ. Но случилось вовсе не такъ какъ предполагалъ Виноградскій. По полученіи донесенія отъ генералъ-губернатора съ вышесказанными приложеніями, происходило совѣщаніе между министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ, которые рѣшили испросить высочайшее повѣленіе о производствѣ слѣдствія. Слѣдователемъ избранъ былъ свитскій генералъ-маіоръ Сколковъ, долго бывшій прежде адъютантомъ князя Меншикова, человѣкъ честной, добрый, умный и благородный. Дѣлопроизводителемъ къ нему Валуевъ назначилъ чиновника Львова, брата того поручика, котораго убилъ полковникъ Фонъ-Раденъ, лѣтомъ 1862 года, оправданный флигель-адъютантомъ Яновскимъ. Депутатами назначили отъ министерства внутреннихъ дѣлъ чиновника особыхъ порученій Кузмича, человѣка неспособнаго; отъ министерства же юстиціи—исправляющаго должность оберъ-прокурора Афонасенко, сенатскую крысу, выжигу, который привыкъ не смѣть свое сужденіе имѣть, а дѣлать какъ прикажутъ. Онъ тотчасъ объявилъ своимъ знакомымъ, что Василій Андреевичъ смотритъ на это дѣло, какъ на весьма важное, слѣдовательно, оно должно быть такимъ; Василій Андреевичъ говоритъ, что тутъ скрывается политическій замыселъ, слѣдовательно, это мнѣніе его надо поддерживать и угодить ему. Съ такими правилами прослужилъ Афонасенко около 30 лѣтъ въ Сенатѣ и былъ извѣстенъ начальству за самаго ревностнаго исполнителя не только начальническихъ приказаній, но даже однихъ намековъ ихъ.

Передъ началомъ слѣдствія распорядились такъ: Соколова уволили въ отставку безъ его вѣдома, Виноградскаго причислили къ министерству, Колена съ Ланскимъ смѣнили, а прочихъ оставили при своихъ должностяхъ. Такъ какъ

Соколовъ былъ въ Петербургѣ, то съ жандармскимъ офицеромъ отправили его въ Тобольскъ на слѣдствіе. Какъ видно, Виноградскій немножко ошибся въ своемъ расчетѣ, относительно Соколова, съ тою только разницею, что и самъ не ускользнулъ: рассчитывая получить звѣзду, къ которой Дюгамель представилъ его за отличное управленіе губерніею, попалъ въ министерство. Говорятъ, что это еще милостиво поступили съ вышесказанными лицами. Боже избави такихъ милостей! Не разобравши-то дѣла уволить въ отставку! Это чисто по-турецки. При незабвенномъ Николаѣ распорядились бы еще несправедливѣе, но за то и былъ незабвенный, чтобъ свирѣпствовать надъ своими рабами! Посмотримъ-же теперь, что оказалось по слѣдствію.

Какъ ни старалась сенатская крыса Афонасенко отыскать что-нибудь политическое, какъ ни натягивалъ вездѣ, какъ ни помогалъ ему въ этомъ Кузмичъ, ничего не могли открыть больше того, что дѣйствительно было. По слѣдствію оказалось слѣдующее: Соколовъ приказалъ перевести Михайлова изъ кандайскаго отдѣленія въ дворянское, гдѣ всегда помѣщались каторжные изъ дворянъ и прежде Михайлова и послѣ; полицмейстеръ велѣлъ его расковать, потому, что Михайловъ былъ боленъ, да притомъ каторжные изъ дворянъ всегда содержались въ острогѣ безъ кандаловъ; онъ въ первый разъ свезъ его на обѣдъ къ подполковнику Жданъ-Пушкину, а послѣ того къ Соколову, въ другой-же разъ приказалъ отвести къ нему какому-то частному приставу, онъ-же разрѣшилъ отпустить Михайлова къ Андроникову и лекарю Анучину; прокуроръ самъ бралъ его къ себѣ, также точно и купчиха Пиленкова. Посѣщали Михайлова въ острогѣ свободно, потому что къ пересыльнымъ арестантамъ всегда былъ свободный доступъ; да и въ законѣ нѣтъ точныхъ указаній, какъ должно содержать ихъ; въ уставѣ о ссыльных говорится только о содержащихся подъ стражею во время слѣдствія и суда, объ осужденныхъ-же вовсе не упоминается. Ихъ только нужно доставить на мѣсто ссылки, и лишить возможности къ побѣгу. Въ законѣ не полагается также никакого различія между преступниками—будь онъ политическій преступникъ, убійца, разбойникъ, дѣлатель фальшивыхъ монетъ; всѣ они принадлежатъ къ одному разряду каторжныхъ. По этому въ Тобольскѣ изъ числа пересыльных выпускался изъ острога не одинъ политическій преступникъ Михайловъ, но осужденные и за другія преступленія. Даже оказалось, что Михайловъ, съ самаго пріѣзда въ Тобольскъ заболѣлъ, имѣлъ кровохарканье, пользованъ былъ Соколовымъ, который и бралъ его къ себѣ для изслѣдованія. Жемчужниковъ знакомъ былъ съ родными Михайлова, Пушкинъ—съ родными Михайлова и съ нимъ самимъ въ Петербургѣ, Андронникова просилъ принять участіе въ Михайловѣ кто-то изъ петербургскихъ литераторовъ. Букета дамы ему не подносили, да и не могли носить, потому что во всемъ городѣ въ Январѣ мѣсяцѣ нельзя было достать ни одного цвѣтка. Торжественныхъ обѣдовъ ему не давали, а бывалъ онъ на семейныхъ обѣдахъ; слѣдовательно, о демонстраціи не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ, передъ отѣздомъ, обѣдалъ въ послѣдній разъ у Пушкина; тамъ вынуты были заклепы изъ кандаловъ; самые же кандалы положены въ мѣшокъ, и доставлены въ цѣлости въ Иркутскъ вмѣстѣ съ Михайловымъ. Что ихъ разорвать нельзя, объ этомъ составленъ актъ. По этому вся нечѣпость Масолова о кольцахъ, браслетахъ и гирляндахъ сдѣлалась очевидно сама собою. Послѣ обѣда проводили за городъ и на прощаньи выпили шампанскаго;

это было ночью, такъ что никто изъ жителей города и не зналъ о выѣздѣ Михайлова. За городомъ на 10 верстѣ встрѣтилъ его Соколовъ съ женою, возвращавшіеся изъ татарскихъ юрть, и передали ему пять жареныхъ рябчиковъ на дорогу. Встрѣча эта была случайная : Соколовъ поѣхалъ было съ своей женой въ монастырь за 25 верстѣ отъ города, но по случаю сильнаго мороза, вернулся назадъ, такъ какъ жена не могла вынести сильнаго холода; рябчики были взяты ими для себя, но по случаю возвращенія въ городъ, оказывались ненужными, и потому поступили къ Михайлову. Прокламаціи въ губернской типографіи не печатались вовсе, и не было въ городѣ. Михайловъ во время посѣщеній своихъ ничего политическаго не проводилъ. Больше ничего не могли открыть, потому, что больше вышесказаннаго ничего не было. Этимъ окончилось слѣдствіе. И стоило-ли посылать изъ Петербурга одного генералъ-маіора, двухъ д. с. совѣтниковъ, одного коллежскаго ассессора съ канцеляріей, чтобъ написать нѣсколько томовъ, въ которыхъ-бы заключалось кто посѣщалъ Михайлова и у кого онъ обѣдалъ? Правительству вездѣ представляются заговоры, революціи, пропогандисты, а III отдѣленіе изъ силъ выбивается, чтобъ открыть ихъ, и тѣмъ доказать свою полезную дѣятельность. Не даромъ-же Поляповъ, на одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь какого-то чиновника III отдѣленія, переведеннаго въ другое вѣдомство, сказалъ спичъ, въ которомъ доказывалъ своимъ птенцамъ-шпіонамъ, что III отдѣленіе есть первое и самое благодѣтельное учрежденіе для Россіи, что оно назначено покойнымъ государемъ утирать слезы несчастнымъ, и этой выходкѣ оплодировали подчиненные.

Министру Валуеву и шефу жандармовъ такъ и лезутъ въ глаза революціи. Недавно они придумали было заговоръ въ Зарайскѣ, Рязанской губерніи. Дѣло было такъ : на одномъ вечерѣ сошлось нѣсколько гостей, танцовали и пили. Подпивши порядкомъ, мѣстной страпчій и лекарь стали подтрунивать надъ солдатами музыкантами, что они несутъ тяжкую царскую службу, что лучше-бы жить въ домѣ и въ семействѣ. Тѣ объявили своему командиру—будто-бы ихъ подговаривали измѣнить царю. Узнавши объ этомъ дворянскій предводитель Павлишинъ донесъ немедленно губернатору Муравьеву, а тотъ по телеграфу министру, засадивши тотчасъ въ острогъ в страпчаго и лекаря. Назначили изъ Петербурга слѣдователя какого-то д. с. с. Аннинскаго, который и нашелъ, что сказано выше. Выпустили арестованныхъ, продержавши 5 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Такъ-то теперь въ Россіи.

Тобольское дѣло еще не кончено : его намѣрены передать въ I-й департаментъ правительствующаго сената, который долженъ рѣшить, что должно сдѣлать съ обвиняемыми. А между тѣмъ причислили къ министерству прокурора Жемчужникова ; смѣнили, говорятъ, и Масолова за то, разумеется, что во время не донесъ о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ выѣздъ Михайлова изъ острога. Ланскому приказано въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ перейти въ другое вѣдомство. Старого Колена состоящаго 52 года на службѣ, кажется жандармское начальство передало суду. Одно благодѣніе для губерніи привнесло Михайловское дѣло : смѣнили губернатора Виноградскаго. Вотъ все, что мы до сихъ поръ съ большимъ трудомъ узнали о тобольскомъ дѣлѣ, будемъ слѣдить за нимъ до конца и по окончаніи его увѣдомимъ читателей.

8 Марта, 1863.

ОТЪ Н. УТИНА.

Н. Утинъ уже въ Лондонѣ, онъ проситъ насъ напечатать слѣдующее :

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ
ОБЩЕСТВА "ЗЕМЛИ И ВОЛИ".

Прибывъ наконецъ въ Англію, считаю первымъ и главнымъ своимъ дѣломъ увѣдомить печатно Комитетъ общества *Земли и Воли* объ успѣшномъ исходѣ моего путешествія, длившагося такъ долго вслѣдствіе моей случайной тяжелой болѣзни.

Благодарю публично Комитетъ за своевременное предупрежденіе меня о грозившей мнѣ гибели; благодарю за снабженіе меня всѣмъ нужнымъ для выхода изъ Россіи; за средства, какъ денежныя, такъ и всѣ другія; за пути, которыя были мнѣ указаны.

Комитетъ на мнѣ выказалъ все то бдительное вниманіе, съ которымъ онъ относится къ каждому изъ близкихъ къ нему, хотя бы близость заключалась только въ одной и той же, общей намъ ненависти къ петербургскому правительству. Считаю нужнымъ замѣтить здѣсь для свѣденія Комитета, что всѣ лица, къ которымъ я долженъ былъ обращаться, во время своего пути, по указанію Комитета, вполне оправдали его довѣріе.

Николай Утинъ.

Лондонъ 28 Іюля [10 Августа] 1863.

— *Письмо изъ Гейдельберга.* — Мы получили длинное письмо изъ Гейдельберга отъ 6 Августа, авторъ не прочь, чтобъ мы напечатали его, безъ имени, но съ нашимъ отвѣтомъ. Мы не напечатать ни имени, ни письма, ни отвѣта.

Мы еще разъ просимъ всѣхъ господъ недовольныхъ нами, посылать статьи въ другіе русскіе журналы, особенно когда въ нихъ, какъ въ гейдельбергскомъ посланіи, все такъ согласно съ постановленіями императорской цензуры. Мы не намѣрены изъ редакціи *Колокола* дѣлать фехтовальную залу, въ которую каждый, знакомый и незнакомый, можетъ ходить пробовать свою рапиру съ пуговкой и искусство своей руки.

— Второй листъ "СВОБОДЫ" вышелъ, мы еще не имѣемъ его.

— *Въ общій фондъ.* Отъ бывшей институтки 50 фр., отъ старообрядца безпопощника 10 руб. сер. (№. 37).

въ продажѣ :

ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѢ,
СБОРНИКЪ ЕЯ ПЕРВЫХЪ ЛІСТОВЪ.

(Цѣна 2 ш. 6 п.).

— СОЧИНЕНІЯ М. Л. МИХАЙЛОВА — изданныя въ пользу автора въ Берлинѣ 1862 у *Георга Стильке*.

СОБРАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА
Томъ I, Выпускъ I. и II. (Цѣна 8 шил. каждый).

У *С. Тхоржевскаго*, 1, Macclesfield Str., Soho, продаются
ЗАПИСКИ РУФИНА ПІОТРОВСКАГО, (1843—1846).
NORRÆPING, ERIC BJORNSTRÖM, 1863.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington Middlesex,

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. цѣна 9 пенсовъ, съ двадцать первымъ листомъ—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

ЛИСТЪ 170.

1 СЕНТЯБРЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHIE No. 21).

У Трибнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorkowski, 1, Maecolefield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHIE No. 21.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Точка поворота—Въ этапъ—Post scriptum—Изъ юга Россіи—Нивинная вѣща. Слѣсъ : Изъ "Дистна"—Изъ заведенія А. А. Краевского—Помѣшательство Погодина—Къ своводу книгопечатанія—Къ Муравьевщину—Старикъ Ведринъ—Чистая ложь—Адресомошество—Александровскій День и пр.

ТОЧКА ПОВОРОТА.

Господинъ издатель,

Общество русскихъ въ Италіи поручило мнѣ прибѣгнуть къ посредству вашего журнала, чтобы протестовать противу ложно патріотическихъ чувствъ, заявляемыхъ официальной Россіей по поводу польскаго возстанія.

Самъ я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы вновь высказать мое живѣйшее сочувствіе благороднымъ дѣателямъ польской независимости и заявить вамъ лично совершенное уваженіе и преданность.

Флоренція, 8 Августа 1863.

Л. Мечниковъ.

Мы съ искренной радостью передаемъ нашимъ читателямъ *первое слово* проснувшейся русской совѣсти. Подписавшіе этотъ актъ (намъ извѣстны имена) не ждали нашего протеста, чтобъ исполнится негодованіемъ и порвать всякую солидарность съ куртизанами Муравьева.

ВЪ ЭТАПЪ.

Насъ лагаютъ... по слабости и формѣ копыть не трудно догадаться, что за звѣри торопятся не отстать отъ жандармскихъ одношерстныхъ лошадей и отъ водовозныхъ патріотическихъ влять, откровенно убѣжденныхъ, что міръ перестанетъ ѣсть овесъ и утратить всѣ добродѣтели конюшни, если снять отечественную дугу. Ихъ усердіе, предпримчивость и безцеремонность, ясно доказываютъ, что мы *въ немилости*, не только у зимняго дворца, но и у большинства читающей Россіи.

Мы привыкли къ опалѣ, мы всегда были въ меньшинствѣ, иначе мы и не были-бы въ Лондонѣ, но до сихъ поръ насъ гнала власть, теперь къ ней присоединился хоръ.

Союзъ противъ насъ полицейскихъ съ доктринерами, «лиозападовъ» съ славянофилами, своего рода отрицательное признаніе нашего «нравственнаго гражданства» въ Россіи. За настоящимъ кварталнымъ и поддѣльнымъ зипуномъ

Годъ VII.

поплелось отъ насъ все слабое, шаткое, ни то ни сѣ—нищіе духомъ, разслабленные тѣломъ, приживалки литературныхъ круговъ, лазари питающіеся крупцами съ доктринерскаго стола — перешли на другую сторону и туда перенесли оптический обманъ своего существованія. Они представляютъ ложную силу, думашъ будто это мышцы, а на дѣлѣ опухоль, во время борьбы это опасно, а потому они хорошо сдѣлали что ушли. Мы признаемся откровенно, что рѣшительно не боимся ни оставаться въ меньшинствѣ, ни даже совсѣмъ въ пустой комнатѣ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ мы были въ такомъ-же положеніи передъ европейской реакціей, мы не уступили ей ни на іоту и только высказавши всю свою мысль, отошли въ сторону, сохраняя сознаніе, что *правда* съ нашей стороны.*

Въ настоящемъ случаѣ мы не отойдемъ и не замолчимъ, въ русскомъ дѣлѣ намъ недостаточно сознанія своей правоты, мы хотимъ участія въ немъ. Оно развивается уродливо, безумно, преступно—*но идетъ своимъ чередомъ*.

Западный міръ былъ намъ чужой, не потому что онъ за Таурогенымъ и Вержболовымъ, а по другому. Мы не признаемъ ни генеральнаго, ни спеціальнаго межеванія въ общечеловѣческихъ дѣлахъ; у насъ, какъ у Поздрева по эту сторону границы и по ту—все наше. Люди имѣютъ полное право мѣшаться во все и особенно въ то, что дѣлается около нихъ. Философію собакъ, которую недавно намъ проповѣдывалъ одинъ великорусскій журналъ, мы отвергаемъ, какъ отвергаемъ пошлую non-intervention дипломатовъ; можетъ съ борзой или гончей точки зрѣнія и не слѣдуетъ приставать «чужой собакѣ когда свои дерутся», но съ антропологической не такъ, и Донъ-Кихотъ мѣшающійся не въ свои дѣла въ тысячу разъ больше человѣкъ, чѣмъ какой-нибудь лавочникъ, которому ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ до чужихъ денегъ. Королева Елизавета вызвавшая своего посла изъ Франціи послѣ варшавскаго вечера и пивовары Берклея и Церкиса, вы-

дравшие усь Гейнау, безъ сомнѣнія играли лучшую роль, чѣмъ министры королевы Викторіи, которые пьютъ портеръ Берклея съ Бруновымъ, въ то время какъ гнусный царскій сатрапъ изводитъ поляковъ. Называя Европу чужой, мы вовсе не думали о разноплеменности, разноплеменность снята единствомъ образованія.

Чужимъ западный міръ былъ для насъ (и для многихъ своихъ), такъ какъ вѣдохавѣтная Іудея была *чужой* для христіанъ. Давно сложившійся юдаическій міръ, успокоенный въ своемъ консерватизмѣ, осылся въ своихъ предѣлахъ и привыкъ къ нимъ; безъ тоски по лучшему, безъ угрызения совѣсти, онъ свелъ жизнь на обрядъ, на ритуалъ, выработавъ форму для всѣхъ мелочей и для всѣхъ подробностей. Такой міръ былъ *чуждъ* протесту жизни задыхавшейся въ немъ и подавлялъ силой стремленіе вырваться изъ кожанѣющей среды. Точно такъ и западный міръ своимъ *Назареемъ* противопоставляетъ законченный организмъ установившихся отношеній, недопускающихъ сомнѣнія въ своихъ основахъ. Захватывая человѣка съ самаго рожденія въ свою сложно сплетеную паутину, онъ увлекаетъ его съ безпоощадностью рока, не позволяя ему ни одного движенія *не по формѣ*, ни одного вопроса, ни одного сомнѣнія далѣе извѣстныхъ границъ, уродуя его мысль лжеаксіомами, суживая его горизонтъ заборами, отнимая у него всякій досугъ и сталкивая его въ омутъ мелочей, называемый по преимуществу *практической* сферой.

Выбьется западный человѣкъ или пойдетъ на волю, мы не знаемъ. Процессъ дѣлится и далеко не конченъ. Во всякомъ случаѣ задача его трудна; нитки крѣпки, узлы спутаны и все не только вошло въ тѣло, норосло въ него.

Мы вовсе не въ этомъ положеніи; окончательнаго склада наша жизнь не приняла. Въ ея шаткости, въ ея противорѣчіяхъ бездна дурнаго, но не объ этомъ рѣчь. Рѣчь о томъ, что мы не вступили въ *консервативную эпоху* нашего существованія, что у насъ консерватизмъ — или полицейское сопротивление или доктринерское подражаніе Западу; въ обоихъ случаяхъ невызванная необходимостью помѣха.

Бытовое существованіе народа едва теперь приходитъ къ сознанію и слову; полное силъ и указаній, самобытности и способностей — оно бѣдно развитіемъ. Другая жизнь больше обозначенная представляетъ у насъ западную цивилизацію переложенную на наши нравы. Народному характеру русскому не всѣ стороны западной жизни соотвѣтствуютъ, это онъ доказалъ страдательнымъ поп *rossimus* внизу и путаницей понятій наверху.

Въ западной жизни выработались нравственные понятія совершенно независимыя отъ всякаго географическаго опредѣленія; это рядъ истинъ, которыя однажды будучи открытыми принадлежать всѣмъ, становятся вѣчнымъ достояніемъ присущемъ извѣстному развитію, т. е. извѣстному возрасту мозга. Но быть Западу не на нихъ основанъ, онъ своимъ *бытомъ до нихъ дошелъ* и онѣ оказались въ явномъ противурѣчьи съ нимъ.

По мѣрѣ усвоенія ихъ, начинается рядъ столкновеній съ ними преданій, привычекъ, сословныхъ интересовъ и монополій — разрѣшающихся рядомъ сочетаній, уступокъ, компромиссовъ. Эти компромиссы по большей части постепенно сложившіеся съ случайными перевѣсами и искаженіями той или другой стороны, по большей части едва прикрываютъ страшныя противурѣчія существующаго и логики, и едва держатся на матеріальныхъ выгодахъ и на неразвитости массъ. И ихъ-то хотѣло сначала правительство втѣснить намъ подъ предлогомъ порядка и образованія, а теперь втѣсняють умники подъ предлогомъ, что западный государственный и общественный бытъ, единая спасающая церковь цивилизаціи.

Они не заботятся даже о томъ, что если и у насъ должны быть компромиссы, то они должны идти отъ *другаго быта* и отъ другихъ столкновеній.

Неопредѣленность и безпорядокъ русской жизни, доводящій ее до безобразныхъ крайностей и противурѣчій, до безпокойнаго отыскиванія началъ и бессмысленнаго хватанья за все на свѣтѣ — съ одной стороны; элементарная прочность, выносливость народнаго быта, безучастность его къ экспериментальнымъ реформамъ и улучшеніямъ — съ другой — доказываетъ ясно, что жизнь наша не припала окончательнаго склада, не натолкнулась на формы ей соотвѣтствующія, не развила ихъ изъ своего быта, не можетъ найтись въ чужихъ домахъ, не можетъ осытаться, и живетъ на кочевьи.

Первый разъ, когда на своей закраинѣ встрѣтились двѣ жизни, двѣ Россіи, первый разъ, когда вопросъ ихъ занимавшій, разрѣшился не кнутомъ — онъ разрѣшился *не по западному*. Но западному даже *поставить* этого вопроса нельзя. Съ того дня, въ которой правительство косвенно признало право крестьянъ на землю, въ которой литература принялась обсуживать съ землей или безъ земли слѣдуетъ освобождать крестьянъ и если съ землей, то какъ ею владѣть общиною или лично, начался первый серьезный компромисъ между русскимъ народнымъ бытомъ и идеаломъ западной цивилизации. Вотъ почему молчавшій вѣкъ крестьянъ заговорилъ и заговорилъ дѣло.

Теперь послѣ этого перваго, можетъ самаго труднаго шага, теперь намъ надобна ширь сличеній, воля мысли, открытыя во всѣ стороны заставы, пуще всего спятыя стропилы, отброшенные модели, которыхъ оригиналы оказались негодными на Западѣ. И теперь, въ это самое время, нашісь “измѣнники” проповѣдующіе западно-восточный консерватизмъ петербургскихъ балагановъ.

То, чего не сдѣлала цивилизующая имперія, собираются сдѣлать доктринующіе цивилизаторы.

Вережки, которыми насъ опутало правительство, легко порвать; это дѣло мышцъ, а не *созьсти* — какъ на Западѣ. Литературные Муравьевы хотятъ затянуть петли, да еще увѣрить насъ, что все это для нашего блага, они хотятъ не только подавить властью, но и развратить убѣжденіемъ. Они

теперь, въ эпоху, въ которую намъ надобно разбить нашъ планъ, поставить вѣхи—хотятъ съузнить нашу мысль, стыдятъ ее варварской необузданностью, ея неустановившейся многосторонностью, хотятъ привить намъ консервативное старчество Европы и прививаютъ только ея застарѣлыя болѣзни; а то что восполняетъ тупую покорность закону, оторочившую неразвѣзность мысли въ Англіи, то что восполняетъ въ романской Европѣ, ея давно утраченную молодость, то что сгладилося отъ долгаго трепія, этого они не могутъ захватить; ни таможня, ни цензура не пропускаютъ, да врядъ и хотять-ли. Они сами легко умѣютъ обходиться безъ свободныхъ учрежденій, безъ свободы книгопечатанія и поздравляютъ себя съ побѣдой надъ революціей 1862 года въ Петербургѣ, о которой никто изъ насъ не слыхалъ.

Эту лишнюю, скучную страницу нашего учебника надобно выдрать. Довольно муштровали насъ въ петровскую эпоху, и быть необходимости, уничтожая тѣлесныя наказанія, вводить духовныя.

Мы съ своей стороны на сколько есть силъ, (много ли ихъ все равно, подаютъ же воинственные адреса деревеньки въ два дома и киргизскія кибитки) будемъ мѣшать мандаринамъ-паукамъ заплетать насъ въ эту паутину, будемъ противудѣйствовать этому второму и ненужному вторженію пѣмцовъ. А что они насъ будутъ оживлять задомъ жандармскихъ лошадей, при одобрительномъ ржаніи и братской помощи ихъ единоутробныхъ подражателей, это насъ не остановитъ. Жаль только, что они передъ ляганьемъ не обтираютъ копыты, грязи ужъ очень много; но *à la guerre comme à la guerre*.

И—ръ.

20 Августа 1863.

POST SCRIPTUM.

Нельзя дальше идти не бросивъ взгляда на путь пройденный отъ послѣдняго этапа.

Пока мы плелись, прокладывая скромную дорогу нашему русскому станку, шли и событія — и дошли до какого-то поворота; тѣни явнымъ образомъ прокладываются въ другую сторону.

Десять лѣтъ тому назадъ Россія молчала и передъ нами стоялъ одинъ врагъ—правительство. Оно не имѣло защитниковъ въ литературѣ и яростныхъ партизановъ въ обществѣ. Литература молчала объ немъ, общество боялось его. Литература, за исключеніемъ всѣми презираемыхъ органовъ полиціи, была оппозиціонная. Общество не было оппозиціонно—равнодушное и сонное, оно не имѣло мнѣнія, оно *жуировало*, подъ кровомъ самодержавія.

Потомъ общество раздѣлилось; одна часть возненавидѣла правительство за освобожденіе крестьянъ, другая полюбила за него. Вся литература стала въ этомъ вопросѣ за правительство, а съ легкой руки этого вопроса, стало за него и въ нѣкоторыхъ другихъ. Литераторы въ первый разъ увидѣли возможность и удовольствіе оставаться при всѣхъ выгодахъ либерализма, безъ всѣхъ невыгодъ оппозиціи. Такимъ

образомъ исподволь началась система *надеждъ и упований* со стороны литературы и система *хорошаго по немножку* (постепенности съ хроническимъ задержаніемъ прогресса) со стороны правительства. Россія жила въ какомъ то оптическомъ обманѣ: правительство ничего не уступало, литература и доля общества были увѣрены, что они берутъ все. Правительство даже тѣ мелочи, которыя допускало, не узаконивало и могло всегда взять назадъ. Литература, имѣя анонимную гласность и временно-смягченную цензуру, вообразила себѣ, что мы наканунѣ радикальнаго переворота, что конституція дописывается или уже переписывается, что свобода книгопечатанія *est garantie*, что недостаетъ нѣкоторыхъ формальностей, а главное дѣло сдѣлано. Увѣровавшіе журналы принявъ тотчасъ чрезвычайно европейскій характеръ — нѣсколько консервативный, но далеко непрочъ отъ прогресса — они заговорили о политическихъ партіяхъ, объ оппозиціонныхъ листахъ, о демократическихъ, федеральныхъ, социальныхъ—забывая, что у насъ много полиціи и мало правъ, что цензура въ *самомъ дѣлѣ*, а судъ *только по формѣ*, и облегчая такимъ образомъ значительно работу третьяго отдѣленія.

Журналистика и правительство въ этотъ медовой мѣсяцъ казеннаго либерализма были въ отношеніяхъ деликатнѣйшей учтивости. Журналы показывали величайшее довѣріе къ реформирующему начальству, правительство толковало о горести, что оно не можетъ такъ скоро улучшить и исправить всѣ учрежденія, какъ ему хочется, толковало о своей любви къ гласности и ненависти къ откупу.

Они были похожи на двухъ благородныхъ людей, спорившихъ другъ съ другомъ въ вѣжливости—одинъ требуетъ долгъ, говоритъ что онъ вполне чувствуетъ какъ должнику его пріятно заплатить; другой отсрочивалъ, увѣряя что онъ дѣлаетъ жертву, отдавая наслажденіе уплаты.

Это надобно и не безъ причины, особенно правительству. Въ какую щель ни пропусти свѣтъ, онъ освѣтитъ что-нибудь не скромное, въ какой искаженной формѣ ни давай воду слова, она доведетъ до дѣла. Правительство хмурилось, ждало какихъ-нибудь безпорядковъ; чтобъ имѣть предлогъ; безпорядковъ не было; пришлось взять нѣры рѣшительныя. Выдумали матрикулы и Путятина, набили биткомъ петропавловскую крѣпость студентами, набили самихъ студентовъ на тверской площади въ Москвѣ, но дѣло не удалось. Возникшее общественное мнѣніе не было въ пользу драгонадъ, журналистика, еще державшаяся въ границахъ стыда, не заявила ни любви къ матрикуламъ, ни нѣжности къ Путятину, ни одобренія къ уличнымъ сраженіямъ съ безоружными, барышни не хотѣли танцовать съ преображенскими побѣдителями. Драгонады не удалась; правительство, чтобъ скрыть ошибку, вытолкнуло Путятина и Игнатьева. Революція въ Петербургѣ (Московскія Вѣдомости) продолжалась; терроръ продолжался, правительство не знало что выдумать, канія новыя матрикулы... но счастію пожаръ выручилъ. Не даромъ народъ русскій любитъ поджогъ.

Москва въ 1812, пожаромъ освободила страну отъ иноплемennого ига, Петербургъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ тѣмъ-же средствомъ освободилъ императорскую власть отъ ига либерализма и многихъ публицистовъ отъ насилия притворяться благородными людьми.

Революція, терроръ, были побѣждены. Туча нависнувшая надъ головами прошла, плита лежавшая на груди превратилась въ Станислава I-ой степени... Испуганное общественное мнѣніе жалось къ правительству, журналистика была за него. Въ это время показываюся первые опыты доносовъ въ печати, первыя требованія *энергическихъ* мѣръ, т. е. казней. Правительство, видя это настроеніе, воспользовалось имъ.

Что сказалъ-бы нашъ незабвенный Чичиковъ, еслибъ онъ увидѣлъ, какъ на развалинахъ мнимыхъ багриадъ и на пеплѣ толкучаго рынка, Головинъ и Валунъ учредили открытые рынки, на которыхъ покупались "Мертвыя Души" *литературнаго міра*? Ремонтеры были посланы въ Москву, гдѣ ни одной живой души не было послѣ смерти Грановскаго и слѣдовательно мертвыхъ тѣмъ тѣмущая.

Вскорѣ въ нашей журналистикѣ нельзя было никого узнать,
Все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ.

Какъ переѣзжались наши публицисты... такъ-ли какъ образа *мѣняются*, или по убѣжденію — знаетъ и томъ П. Ф. Павловъ, а не мы. Мы знаемъ одно, никогда нельзя было думать прежде, чтобъ Щукинъ дворъ былъ такъ близокъ къ ихъ душѣ; только при утратѣ его можно было оцѣнить, какъ онъ глубоко вросъ въ сердце Нашего Времени, Моск. Вѣдомостей и другихъ Пчелъ и Записокъ.

Съ поджоговъ, лишенныхъ поджигателей, начинается циническая близость полиціи и печати, *открытая связь* правительства съ журналистикой. Государь рука объ руку съ Катковымъ на балѣ московскаго дворянства напоминаетъ прогулку Церова съ Цицогоромъ по улицамъ Рима.

Сконфуженное общество не знало куда повернуться; пожары его настрашали, но ихъ не было, правительство лыняло отъ всякаго объясненія по этому дѣлу и начинало пробовать смертныя казни, каторгу за статьи... снова было начался ропотъ, но тутъ на счастье правительства возсталъ Польша. Дворянство, отшарахнувшееся отъ престола за освобожденіе крестьянъ, страстно ринулось къ нему при первой вѣсти о порабоженіи Польши и заявило готовность принять въ немъ участіе.

И вотъ передъ нами вмѣсто одного Николая, трое враговъ — правительство, журналистика и дворянство — Государь, Катковъ и Собакевичъ.

И—ръ.

ПИСЬМО ИЗЪ ЮГА РОССИИ.

Удовлетворяя требованію и ожиданіямъ многихъ изъ тифлисскихъ жителей, я долженъ передать вамъ еще одну изъ здѣшнихъ возмутительныхъ исторій, о которой прокричалъ весь городъ, но которая кажется не дошла до васъ. Князь Барятинскій, уѣзжая съ Кавказа въ свой европейскій походъ для излеченія брэннаго своего тѣла, взялъ съ собою только часть своей военной свиты, остальную же оставилъ въ Тифлисѣ. Эта послѣдняя, состоявшая изъ нѣсколькихъ его адъютантовъ и офицеровъ по особымъ порученіямъ при его особѣ, обрадовавшись отъѣзду барина, пошла кутить.

6 Декабря, въ день св. Николая, былъ праздникъ въ конвойной командѣ, состоящей при особѣ намѣстника, изъ отборныхъ людей кавказскаго линейнаго казачьяго войска (кубанскаго и терскаго). Этой командой завѣдывалъ тогда адъютантъ фельдмаршала, штабъ-ротмистръ или ротмистръ гвардіи Воронцовъ-Дашковъ. Онъ устроилъ праздникъ на свой счетъ и пригласилъ на него всѣхъ высшихъ представителей власти военнаго и статскаго чина. Послѣ обѣда и попойки ватага офицеровъ въ эксельбантахъ и адъютантскихъ мундирахъ, имѣя во главѣ Воронцова-Дашкова и за собой всю команду казаковъ съ нагайками, отправилась въ загородный садъ Муштанда (бывшій, теперь же казенный). Тамъ они пуще перепились, перебили посуду и стекла и отирались наконецъ домой по лучшей части города, называемой *нѣмецкой колонией*. Здѣсь веселой компаніи захотѣлось еще пошалить; храбрые воины вздумали въ сумерки останавливать на главной улицѣ колоніи проѣзжающихъ и загонять ихъ нагайками въ ближайшіе дворы. Одна дама такимъ образомъ нехотя очутилась въ дворѣ дома, гдѣ жили драгунскій офицеръ г. Аппарусовскій и инженерный капитанъ кажется по фамиліи г. Карминъ. Первый, занимаясь въ своей комнатѣ и думая, что шумъ поднятъ на дворѣ дамой, заглѣвъ пьянымъ кучеромъ, съ утра поссорившимся съ своей женой, остался у себя въ комнатѣ; инженерный же капитанъ вышелъ на крикъ испуганной дамы, въѣхавшей во дворъ къ нимъ на извозникѣ, и узналъ отъ нея, что адъютанты главнокомандующаго, какъ она тутъ же рассказывала, нагайками втопляютъ всѣхъ встрѣчающихся имъ проѣзжающихъ въ чужіе дворы. Въ это же время одинъ изъ достойныхъ членовъ *нѣмецкой* опричины, стоявшій по особымъ порученіямъ при намѣстникѣ, полковникъ гвардіи Позень, уронилъ свой портъ-сигаръ. Онъ слезъ съ лошади и съ казаками сталъ искать среди улицы потерянную вещь. Между тѣмъ на встрѣчу имъ ѣхали на извозникѣ два военныхъ чиновника — провіантскаго вѣдомства г. *Стротановичъ* и артиллерійскаго г. *Рудневъ*; имъ велѣли въѣхать въ ближайшій дворъ. Г. Стротановичъ возмущенъ такимъ насилиемъ и сталъ кричать, что это разбой среди дня. *Его приняли тутъ же въ нагайки*, какъ онъ самъ рассказывалъ, *собственноручно и. Позень и Воронцовъ-Дашковъ*. На другой день г. Стротановичъ отправился къ своему высшему начальнику генералъ-интенданту кавказской арміи, генералу Колосовскому, чтобы лично объяснить все случившееся съ нимъ наканунѣ, и просилъ слѣдствія и суда надъ виновными. Генералъ совѣтовалъ оставить дѣло безъ послѣдствій, представляя своему подчиненному, что противъ такихъ лицъ, какъ бывшіе виновники побоища, нечего и искать законнаго удовлетворенія. При этомъ заботливый начальникъ справился у Стротановича — подавалъ ли о томъ же просьбу по своему начальству товарищъ его по приключенію, г. Рудневъ. Стротановичъ на это передалъ Колосовскому слова Руднева, который говорилъ, что онъ слѣшкомъ давно служить на Кавказѣ, чтобъ не знать, что отъ лицъ приближенныхъ къ намѣстнику нельзя добиться никакой справедливой расправы и поэтому считаетъ совершенно лишнимъ хлопотать по пустому.

Какъ бы то ни было, но исторія вскорѣ разошлась по всему городу и дошла до высшихъ сферъ, вездѣ кричали противъ новыхъ опричниковъ. Случай этотъ, надо замѣтить, какъ нарочно совпалъ со временемъ чтенія въ Тифлисѣ

первых частей романа гр. Толстаго "Князь Серебряный", и довольно характерно напомнил всем русскоподданным, что времена Ивана Грозного далеко не миновали и что царская опричина XVI столетия в царствование Александра Николаевича умножена только мелкими опричниками каждого из его сатрапов, в генерал-губернаторских и губернаторских мундирах. Тифлисские опричники, не смотря однако на полную уверенность в безнаказанности своих действий, попытались, вероятно из чувства приличия, и с своей стороны уладить дело частной сдѣлкой, и отправили для мирных переговоров къ г. Стротановичу из своей среды майора Батянова, который наговорил оскорбленному человеку новых дерзостей, и поэтому был прогнанъ послѣднимъ отъ себя безъ всякихъ объясненій. Тѣмъ все дело и кончилось; пошумѣли въ клубѣ, поговорили въ трактирахъ и частныхъ домахъ, хотѣли даже (въ одномъ извѣстномъ мнѣ кругу) опубликовать фактъ этотъ за многими подписями въ газетахъ, но ничего не сдѣлали. Нѣкоторые говорили, что будто бы самъ начальникъ главнаго штаба генерал-лейтенантъ Карцовъ, бывшій утромъ на праздникъ въ конвойной командѣ и почувствовавшій себя не совсѣмъ здоровымъ послѣ пиршества, не желалъ дать законной огласки этой исторіи. Но я, зная прямой и честный характеръ г. Карцова, не могу съ этимъ согласиться. Замѣчательно, что вскорѣ послѣ этого скандала, Воронцовъ-Дашковъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ в. и. в., и въ половинѣ Января уѣхалъ изъ Тифлиса въ Петербургъ. На прощальномъ обѣдѣ, который ему давали его достойные сослуживцы, одинъ изъ нихъ пренаивно выразилъ въ своей прощальной рѣчи мысль, что никто другой при общественномъ положеніи, имени, богатствѣ и связяхъ Воронцова-Дашкова, не низошелъ бы до такого сближенія съ ними какъ онъ. Эта простодушно-откровенная выходка показала слишкомъ унижительною для присутствовавшихъ; нѣкоторые изъ нихъ попытались прервать оратора, доказывая что ужъ онъ слишкомъ уронилъ въ своемъ спичѣ ихъ собственные личные достоинства.

НЕВИННАЯ ВИНА.

Не можемъ удержаться, чтобъ не перепечатать изъ *Слв. Пч.* отрывокъ изъ разсказа одного священника, помѣщеннаго въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Рѣдко падаетъ свѣтъ въ эти низменные, печальные слои общества; въ безучастной, сословной разобщенности — мы мало знаемъ о трагедіяхъ тамъ совершающихся, о страданіяхъ раздирающихъ душу бѣдняка и мало заботимся о ихъ врачеваніи. Вотъ почему мы передаемъ глубоко-печальнымъ разсказъ отца М. Чемепа.

"Приглашаютъ меня—говорить о. М. Чемепа—въ анатомическій домъ похоронить покойника. На билетѣ, выданномъ докторомъ и засвидѣтельствованномъ полицейскою частію, значится: "Тѣло неизвѣстнаго по имени и званію человека, умершаго отъ анекрисма, предать землѣ"... Дело нерѣдкое, къ нему мы привыкли. Входимъ съ причетникомъ въ домикъ, видимъ исхудавшее отъ болѣзненности лице чернорабочаго великорусса; никого нѣтъ въ домѣ, кромѣ старухи, прислуживающей при уборкѣ тѣла, да сторожей-гробокопателей. Маленькій огарокъ свѣчи тускло освѣщаетъ тѣло труженика,

незнаемаго, забытаго, оставленнаго тѣми, которымъ онъ приносилъ въ жертву остатки своихъ силъ. "Быть же не можетъ, чтобы никто не зналъ его!" такъ думалось мнѣ. "Уединенія и неизвѣстности въ такомъ городѣ можетъ искать только преступникъ, занимающійся темнымъ ремесломъ, по темнымъ ночамъ, а въ этихъ мягкихъ чертахъ лица покойника видны только горе, скорбь, болѣзнь и терпѣніе! Ему ли укрываться отъ людей?"

"Началось погребеніе. Нѣсколько любопытныхъ женскихъ лицъ, съ суетвѣрнымъ почти страхомъ, заглянули въ окна мрачнаго домика и отошли. Вотъ подошла къ окну еще одна женщина, зарыдала плачемъ, который видно долго сдерживала, и немедленно удалилась. Плачъ могъ вызвать подозрѣніе; но мѣсто и время ли ему во время молитвы? Да и то сказать, женщины очень чувствительны; плачутъ онѣ иногда отъ пустяковъ, а здѣсь какъ не пролить слезы состраданія къ несчастному, во имя любви къ человѣчеству?"

"Погребеніе окончено; тѣло незнаемаго покойника отнесено сторожами кладбища въ могилу, и, по-видимому, никто не обращалъ вниманія на дело. Но не забыть покойникъ тѣми, съ которыми дѣлилъ онъ свою горькую жизнь. Въ отдаленномъ захолустіи Молдованки, въ бѣдной хижинѣ, втихомолку оплакивала его семья, стараясь скрыть отъ людей свое горе. Къ горю потери кормильца присоединилось *сознаніе вины* передъ нимъ: совѣсть безпокоила овдовѣвшую жену его за то, что она, *по совѣту людей, отказалась отъ его трупа*, не проводила его до могилы. Гдѣ искать утѣшенія несчастной? Куда обратиться ей за совѣтомъ? Какой избрать ей подвигъ для успокоенія неумолкающей въ упрекахъ совѣсти? Людямъ не всегда безопасно ввѣрять тайну, за которую она *боялась ответственности*, быть можетъ, позорной. Идетъ, бѣдная, въ храмъ Божій, несетъ свое горе и свою вину къ милосердному Спасителю, чтобы у вѣста его сложить ихъ: пусть служитель Христовъ скажетъ слова мира, прощенія или запрещенія—все легче станетъ на душѣ."

"И пришлось мнѣ слышать печальную повѣсть скорби и *невинной вины*."

"Мы люди бѣдные," говорила несчастная: "пришли изъ Россіи сюда на заработки. Работали мы, сколько могли, но едва дѣтокъ и себя прокармливали. Скорби ли отъ неудачъ, труды ли тяжкіе сломили здоровье мужа. Сталъ онъ жаловаться на боль въ сердцѣ—простонетъ ночь, а на утро идетъ на работу: "Нужно, говорить, хлѣбушки достать для дѣтей." И ходилъ онъ такъ-то на работы, пересталъ ужъ и жалиться, а все чахнетъ, да тоскуетъ. Вышелъ вотъ это одинъ разъ къ одному хозяину, да съ лопатой-то и упалъ мертвый. Прибѣжали земляки, да и говорятъ: "Молчи да молись! Богъ къ себѣ прибралъ нашего земляка, мужа твоего."—Я въ слезы, а они заперли дверь, да говорятъ: "Молчи, а то хуже будетъ; *не признавайся, что онъ твой мужъ, и что ты его знаешь; хозяинъ тѣло его велѣлъ вынести тихонько на улицу подальше*; найдутъ люди, придетъ полиція, сдѣлаетъ свое дело, да и похоронятъ, ничего не узнавши, а то *пойдутъ таскать насъ, да хозяина, да тебя на допросы*, и конца не будетъ спросамъ; *отъ дѣла оторвутъ, а хлѣба не дадутъ*; да, чего добраго, *по подозрѣніямъ и въ острогъ посадятъ*."—Пожелтѣло у меня въ глазахъ, закружилась голова—и сама не знаю, что со мной было. Прошелъ денекъ, другой, а я все боюсь и людей, и тѣни своей, и покойника. Дай, думаю,

пойду я, хоть издали взгляну на своего кормильца, хоть могилку-то его замѣчу, когда нибудь вдоволь поплачу на ней. Вотъ прихожу, а вы, батюшка, погребаєте его. Какъ схватило у меня за сердце, какъ заплачу я, такъ и посмотрѣли на меня люди! Миѣ и *представилось* что земляки говорили миѣ. Испугалась я, да безъ оглядки убѣжала домой, и не знаю, гдѣ похоронили его. Тяжкій грѣхъ мой! Чѣмъ я заплачу его? А покойникъ все снится миѣ, да корить меня: “что, молъ, *отреклася* отъ меня?”

“Случай, мною описанный—говорить о. М. Чемень далѣе—не единственный въ своемъ родѣ. Когда-то, при погребеніи такого же неизвѣстнаго покойника, въ небольшой толпѣ любопытныхъ, окружавшихъ гробъ, явился человекъ, *шопотомъ подсказалъ* миѣ имя усопшаго, и немедля исчезъ. *Вѣроятно многіе изъ покойниковъ, погребаемыхъ подъ именемъ “неизвѣстныхъ,” бываютъ извѣстны кому либо, но опасенія придирчивыхъ разслѣдованій заставляютъ скрывать дѣло.”*

“Почтенный авторъ сопровождаетъ свой рассказъ предложеніемъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція очень занята, “ввѣрить осмотръ покойника и составленіе акта ближайшимъ честнымъ домохозяевамъ. Можно въ каждомъ кварталѣ или улицѣ *избрать присяжныхъ изъ местныхъ хозяевъ, которымъ и сообщить немудренныя формы акта и отдать на ихъ совѣсть предварительныя работы по слѣдствію.* Народъ нашъ не такъ испорченъ, чтобъ ему нельзя было ввѣрить такое дѣло. *Народъ не будетъ скрываться передъ честными сосѣдями-хозяевами, да и самые-то присяжные хозяева будутъ знать въ лице каждаго изъ близкорасположенныхъ пожильцовъ. Въ такомъ случаѣ и скрываться не будетъ возможности...”*

СМѢСЬ.

письмо кн. п. в. долгорукова

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

Ваше Императорское Величество,

Въ странѣ самодержавія имѣются лишь властители и рабы. Изъ этого жалкаго порядка вещей происходитъ тотъ горестный выводъ, что Государь несетъ, передъ общественнымъ мнѣніемъ, нравственную отвѣтственность за всѣ поступки своего правительства.

Въ No. 30 Іюля издаваемой въ Петербургѣ газеты Голосъ помѣщена рѣзкая, ругательная и клеветами исполненная пасквильная статья противъ эмигрантовъ вообще и противъ меня въ особенности. Сборникъ неограниченной свободы книгопечатанія, и, если бы свобода эта въ Россіи существовала, если-бы сочиненія мои не подвергались строгому запрещенію, не придавалъ-бы ни малѣйшаго значенія пасквильнымъ статьямъ, подобнымъ напечатанной въ Голосѣ, будучи вполнѣ убѣжденнымъ, что истина всегда окончательно восторжествуетъ и что клеветы всегда окончательно падутъ на тѣхъ, которые унижаются до изобрѣтенія ихъ. Но обстоятельства иные: сочиненія эмигрантовъ въ Россіи запрещены, не могутъ проникать въ Россію иначе, какъ путями окольными, лица, ихъ распространяющія и читающія, подвергаются ссылкѣ на каторгу, въ рудники или даже разстрѣливаю, какъ то доказывается примѣромъ юридически-умерщвленыхъ: Аригольда, Сливидкаго и Ростовскаго, *убійство*

коихъ совершенно было, въ Іюнѣ 1862 года, по приказанію генерала Лидерса, и съ согласія Вашего Величества. А вслѣдъ за тѣмъ три молодыхъ офицера, *за то лишь, что отслужили панихиду за упокой душъ* трехъ разстрѣлянныхъ товарищей своихъ, приговорены были е. и. в. великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ къ изгнанію изъ арміи и къ заключенію въ крѣпость, и приговоръ этотъ, возмущающій челоуѣчество, утвержденъ Вашимъ Величествомъ въ высочайшемъ приказѣ 15 Сентября 1862 года. Съ другой стороны, самыя гнуснѣйшія нападки на эмигрантовъ не только разрѣшаются Вашею ценсурой, но еще къ нимъ подстрекають Ваши царедворцы и желающіе попасть въ кругъ царедворцевъ Вашихъ.

И почему же сочиненія эмигрантовъ запрещены въ Россіи? Если-бы въ нихъ печаталась ложь, никто бы не сталъ ихъ читать; если-бы они не согласовались съ направлениемъ подданныхъ Вашихъ, если-бы они не соответствовали ихъ нуждамъ, то нашли бы самый ограниченный кругъ читателей; то же самое съ ними конечно послѣдовало-бы, если бы Ваше правительство точно пользовалось *истиннымъ сочувствіемъ и довѣріемъ* русскихъ. Тогда не существовало бы для Васъ ни малѣйшаго повода къ запрещенію сочиненій эмигрантовъ, никто-бы не сталъ читать ихъ. Но вовсе не то: въ сочиненіяхъ этихъ превозглашается истина; сочиненія эти соответствуютъ стремленіямъ и желаніямъ русскихъ, это именно и пугаетъ Васъ, Государь! Вы царствуете надъ семидесятью милліонами людей, и трепещете передъ нѣсколькими напечатанными листами бумаги!...

Если-бы изданія мои были доступны русской публикѣ, въ Россіи, тогда публика эта имѣла-бы возможность опѣнить и опредѣлить, до какой степени нападки, на меня чинимыя, заслуживаютъ довѣрія, а люди, на меня нападающіе, заслуживаютъ уваженія. Но дозволить ругательства и клеветы, можетъ быть даже подстрекая къ нимъ, когда сочиненія мои запрещены, это значить, Ваше Величество, *нарушать самыя основныя начала справедливости, добросовѣстности и чести... Подобный образъ дѣйствій безчестенъ...*

“Листоукъ”

ИЗЪ ЗАВЕДЕНІЯ А. А. КРАЕВСКАГО.

...“Таково... (каково было поведеніе французскихъ эмигрантовъ первой революціи) свойство всѣхъ выходцевъ, неумѣющихъ дѣйствовать въ трудныя минуты отечества, котораго они не знаютъ и не любятъ, а принимающихъ на себя разныя красивыя позы агитаторовъ *издали, съ того берега...*

“Съ нашими эмигрантами таже исторія. Именно въ то время, когда Россія готовилась къ обновленію и наиболѣе нуждалась въ людяхъ талантливыхъ, честныхъ, дѣльных и знающихъ; когда готовилась уже крестьянская реформа, поднимавшая народный духъ и оживившая весь организмъ государства; когда мы напрягали всѣ силы, чтобъ вступить на путь новой гражданской жизни—эти господа почли за благо *распродать* свои имѣнія съ своими *крѣпостными*, собрать деньги и уѣхать изъ родной земли, чтобы тамъ, на другомъ берегу, спокойно наслаждаться зрѣлищемъ болѣзней переносимыхъ обновляющейся Россіей; и утѣшать себя тѣмъ, что вотъ они, эмигранты, такъ высоко поставлены натурой и такъ великодушны, что не могутъ перенести русскихъ поряд-

новъ, предоставляя намъ, чернорабочимъ, трудиться на самомъ дѣлѣ; они-же будутъ только издали писать намъ наставленія, похваливать изрѣдка за прилежаніе, или нускать въ насъ каламбурами, если что не по нимъ сдѣлается... Гаже этой роли—трудно что-нибудь придумать!..”—(*Голосъ* N. 195).

Еслибъ ученый авторъ этихъ достопримѣчательныхъ строкъ спросилъ у своего принципала, онъ увидалъ-бы, что очень легко не только придумать, но вспомнить роли гораздо гаже. Андрей Александровичъ Краевскій, занимаясь двадцать пять лѣтъ пристаниодержательствомъ въ русской литературѣ, много видѣлъ и много помнитъ.

Дѣйствительно, судьба этого замѣчательнаго содержателя литературныхъ притоновъ, сама по себѣ очень интересна и можетъ служить примѣромъ несправедливости и безапелляционности нашего суда. Краевскій состоитъ четверть столѣтія въ подозрѣніи *грамотности и образа мыслей*—обнаруженнаго въ рядѣ статей писанныхъ другими, но подписанныхъ лись къ лису имъ самимъ. Напрасно люди, принимавшіе участіе въ немъ, оправдывали его, говорили что грамота грамотѣ рознь, что есть три грамоты, одна читаетъ, одна пишетъ, одна счеты сводитъ и что Краевскій только дошелъ до первой и отличился въ послѣдней. Мало ли, говорили они, примѣровъ у насъ, читать человекъ читаетъ, а писать не пишетъ, другой не пишетъ и не читаетъ—а на счетахъ пощелкиваетъ словно орѣхи грызетъ. Но противники Краевского и тутъ пашлись, они говорятъ, это не доказываетъ что у него нѣтъ образа мыслей, онъ не писалъ, но онъ диктовалъ—одному Бѣлинскому томовъ десять продиктовалъ, а Бѣлинской-то сами знаете, что такое за человекъ. Такъ и остался Краевскій въ подозрѣніи имѣнія образа мыслей. Двадцать пять лѣтъ не шутки—кабы мнѣніе его было безпорочное, можно было-бы его представить къ пражѣ, вмѣсто которой онъ исхлодагаствовалъ бы у Головинна денежное вознагражденіе. Это впрочемъ одно предположеніе. Безпорочнаго образа мыслей у насъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ онъ не называется *образомъ мыслей*.

Открывая свои притоны приходящимъ — Краевскій не могъ отвѣчать за нравственность и умъ посѣтителей. Радикалы и полицейскіе, натуралисты и богослоны, кто не завертывалъ въ горькую минуту къ нему. Дѣло Краевского было торговое, теткинское, онъ искалъ сбытъ цѣну товара, покупалъ иногда гнилой; но врежде у него была смѣтка, чутье, а съ лѣтами и богатствомъ—все это притупилось. Мы ему совѣтуемъ, по старому знакомству, возбудить свою бдительную осторожность; она можетъ съ успѣхомъ замѣнить благородство.

Статья изъ которой мы выписали нѣсколько строкъ направлена противъ кн. Ш. В. Долгорукова и онъ въ долгу не остался—но по дорогѣ задѣты и мы.

О правѣ и значеніи эмиграціи, о томъ полезна или нѣтъ была наша десятилѣтняя дѣятельность, мы съ Краевскимъ и его лаборантами разсуждать не будемъ. Этого дѣла не разрѣшивъ въ комерческомъ судѣ, на это есть инстанція новыше. Мы возьмемъ предметъ больше доступный практическому взгляду неогіанта, а именно : *продажу имѣнія съ крѣпостными людьми*. Положимъ, честнѣйшій Андрей Александровичъ, что вашъ фельетонщикъ не знаетъ продавалъ я или нѣтъ *Крещеную Собственность*, но вы то знаете, что я не продавалъ никогда никакого имѣнія, никакихъ людей; я смѣло говорю, что *вы это знаете*. Не отговаривайтесь тѣмъ, что я не названъ

по имени — это только *гаже* — говоря языкомъ вашего фельетонщика; за прямое обвиненіе есть отвѣтственность, а въ прозрачномъ намекѣ всегда остается возможность ее отклонить. “Съ того молъ берега, это не значить съ вашего, коли есть пѣнной мостъ, стало есть и у III отдѣленія и тотъ и этого берега”.

И такъ, вы, безсребрениѣйшій Андрей Александровичъ, помѣстили *эту клевету совершенно сознательно*, чтобъ подслужиться Головинну, угодить Валуеву, подладится Долгорукову и вы воображаете, что поступили разсчетливо. Гдѣ ваше чутье? Великій... (*далее ценсура не пропустила*).

И—гъ.

— *Помѣшательство Погодина принимаетъ опасный характеръ*.—На дняхъ еще Михаилъ Петровичъ могъ ходить по волѣ или содержаться подъ легкимъ надзоромъ сродниковъ. Болѣзнь его была кроткая, сознаваясь, онъ заговаривался, но безвредно. Такъ на пр. онъ обѣявлялъ, что онъ почти знаетъ, что Грейгъ не на Невскомъ кладбищѣ схороненъ, но все таки будетъ говорить, что онъ тамъ схороненъ. Но болѣзнь растетъ такъ быстро, что на него сдѣдуетъ надѣть куртку. Судите сами :

“Папскаго вунція принимать намъ не надо, но отъ своихъ отщепенцевъ сугубо и трегубо оборони насъ Боже! Папскій пунцій, будь онъ самъ Ома Кемпійскій, Франсуа-де-Саль, Ласказасъ, Лакордеръ, не обратятъ у насъ никого, или очень мало, а Печеринъ, повторяю, обратитъ тысячи. Русскій католикъ, чѣмъ онъ выше, чише, умнѣе, лучше, тѣмъ онъ опаснѣе, особенно въ виду русской мягкости, легкости, воспріимчивости—и невѣжества! Покажите вы маленькое послабленіе въ этомъ отношеніи, и половина нашего высшаго сословія, особенно дамы, кинутся въ объятія любезныхъ французскихъ аббатовъ! *О съ какимъ остервецнѣіемъ готовъ я былъ вцѣпиться въ волоса* (извиците) какой-то Воронцовой или Бутурлиной, встрѣтивъ ее въ Римѣ, съ молитвенникомъ въ рукахъ, близъ Piazza de Spagna.”—(*Моск. Вѣд.*).

Каково это великое *извините* въ скобкахъ!

— *Къ свободѣ книгопечатанія*.—Въ IV пунктѣ временныхъ правилъ о ценсурѣ постановлено было слѣдующее : въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учреждений. Нынѣ с. и. в. по докладу управляющаго министерствомъ юстиціи, въ дополненіе выше-означеннаго правила, высочайше повелѣтъ созвонилъ : распространить дѣйствіе сего правила и въ отношеніи мѣстъ судебныхъ.—(*С. П.*).

— *Къ Муравьевщинѣ*.—Въ Кельиской газетѣ отъ 19 Авг. напечатано въ корреспонденціи изъ Риги въ Ostsee Zeitung “Въ Дюббельскихъ водахъ умерла нѣсколько дней тому назадъ дѣвица Сляпова, скончавшаяся въ слѣдствіе тѣлеснаго наказанія, къ которому ее приговорилъ Муравьевъ за ношеніе траура. Всѣ поляки и нѣмцы находящіеся здѣсь присутствовали на ея похоропахъ”. Какова кожа носорога у правительства если это не правда и оно не оправдывается? И каково правительство, если это правда?

СТАРИКА ВЕДРИНА

КРѢПКОЕ ДО ПОЛЬСКИХЪ БРАТІЙ СЛОВО.*

Братья! Сестрины дѣти! Одной матери дѣти! Не шали! Полю! Вѣдь, впрямь безмозглые, одна кровь въ жилахъ течетъ. Забыли что ли? Ну побаловали, и шабашъ, надобно честь знать. Люблю васъ, потому и говорю... не любилъ бы, не говорилъ бы; мнѣ что до васъ... велика надобность, пропадите совсѣмъ со свѣта. Анъ нѣтъ, не усидѣлъ покойно въ своей мурѣ: возьму молъ да и скажу имъ слово. Русское сердце не злонамятное, сорветъ злобу и отляжетъ. Михаилъ то Николаевичъ спуску не даетъ, мы знаемъ этого Ваньку Каина, тяжелъ на руку... а васъ небось по головкѣ гладить, да вяземскими ковригами кормить? Безъ наказанія нельзя, домострой того требуетъ, семья безъ кулака не устоитъ, Богъ любитъ наказать. На что жезлъ у пастыря?—чтобъ бить. Скипетръ у царя за чѣмъ?—тоже палка чтобъ бить. У Ивана Васильевича Грознаго была долбня; у Петра Алексѣевича—дубинка съ желѣзнымъ набалдашикомъ, теперь еще въ кусамерѣ хранится. Спинѣ православной бывало больно, за то теперь сердцу хорошо. Петрополь вызвалъ изъ блатъ... флотъ, академія наукъ! Да что толковать, у васъ подъ носомъ торчала гетманская булава—за чѣмъ? Волосы что ли расчесывать? Покойникъ Федоръ Лукичъ Морошкинъ, товарищъ по факультету, говорилъ: “Булава ничего—обида нѣтъ—булава объ голову стучитъ, голова объ голову стучитъ”. Померъ не такъ давно и не старой былъ человекъ, смахивалъ на покойнаго Николай Павловича со стороны, честный мужикъ былъ, малую толку семью оставилъ—на профессорствѣ не разживешь.

...Что бишь я говорилъ?—да, да, помню, ну круто наказалъ Михаилъ Николаевичъ, что за бѣда!.. свой вѣдь, не нѣмецъ, варяго-русь, бояринъ, стыда нѣтъ, одной матери дѣти! Да и ужъ что влѣпилъ, того не воротить. Рабъ жестокий наказалъ, царь мягкодушій простить наказаннаго; царь простить—мужикъ простить! Царевъ умъ—мужиково сердце!

Брось дѣло, говорятъ тебѣ, добра не будетъ! Не слушайся ты у меня этихъ проклятыхъ ксендзовъ, эту вѣроломную шляхту. Что за попъ коли въ православной церкви не бываетъ, “едина же на потребу?” Что за дворянинъ коли бѣлому царю не служить? Мятужники, крамольники, бандиты, какъ загнулъ имъ Денской Сергѣичъ. Да и ты шляхта одумайся, не баламутъ, одумайся пока есть время, побереги ты руки, ноги свои, да и копѣйку то побереги, пригодится, повѣрь пригодится. Ты гоноръ то подъ лавку, да и строчи батюшкѣ царю челобитную: такъ молъ и такъ, по молодости лѣтъ, по дурному товариществу и пр. Простить, умъ у него не змѣиной, а сердце голубиное, за всѣхъ болѣетъ, 60 милліоновъ—шутка сказать!—А потомъ ужъ заверни къ старику, въ первопрестольную; возрадуюсь—что тебѣ Семеонъ богопріимецъ—къ сердцу прижму, въ губы подаю, не разъ, три раза, по нашему, по русски, вытирай рыло, сестринъ сынъ, и баста, все забыто, кто старое помянетъ глазъ вонъ!

Господи, владыко живота моего! Полякъ, русскій, ляхъ, хорватъ, чехъ, украинецъ, хохоль, москаль, чубъ—единоутробцы, пальцы одной руки, а лезутъ въ потасовку! Разбойники! Братья вы мои родные!

* Ведринъ тряхнулъ стариной, и послѣ двадцатилѣтняго молчанія, хватилъ и свой адресъ, а дискать тоже Валуевъ!

ЧИСТАЯ ЛОЖЬ.

Не смотря на пошлую нечѣстность, напечатанную сначала въ одномъ австрійскомъ журналѣ и перепечатанную въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ и даже въ лондонскомъ “Daily Telegraph” — я все-же считаю небезполезнымъ заявить, что я никогда ни въ какой перепискѣ съ императоромъ Александромъ не былъ, что ни онъ и вообще никто у меня никакихъ проектовъ не спрашивалъ и слѣдовательно я не посылалъ. Подобныя новости распространяются русскими агентами съ явной цѣлью поселить недоувѣріе къ намъ со стороны польскихъ друзей вашихъ. Съ этой-же цѣлью вѣроятно были посланы на мое имя *три письма* (два изъ Парижа и одно изъ Варшавы). Автора парижскихъ писемъ мы наконецъ узнали. Изъ Варшавы ждемъ отвѣта, кажется и варшавское письмо изъ той-же фабрики—мы не преминемъ сообщить ее фирму.

29 Августа 1863.

А. Гкрденъ.

— *Адресоложство продолжается*, только падая глубже и глубже, оно запуталось, въ розгахъ и орудіяхъ пытки. Въ 210 Но. “Сѣв. Пчелы”, въ одномъ Но. напечатаны привѣтствіи Муравьеву: Отъ Моршанскаго общества, изъ Тамбова, изъ Смоленска, еще изъ Моршанска, изъ Луги, изъ Симбирска, изъ Рязани, изъ Ахтырска и отъ петербург. купечес. общества для взаимнаго сношенія.

Русскому человеку не разъ случалось съпьяну просыпаться въ помойной ямѣ, на этотъ разъ онъ проспится въ кровавой.

Намъ кажется, что Муравьевъ напрасно теряетъ время, надобно ковать желѣзо пока горячо. Сожерилъ бы онъ теперь Александра Николаевича, да и съѣлъ бы на его мѣсто. Общество которое публично пьетъ за палача, вполне заслуживаетъ чтобъ бразды правленія надъ нимъ были въ рукахъ вѣшателя.

Что правительство и въ этихъ демонстраціяхъ играетъ роль подстрекателя, это мы знаемъ по сношеніямъ кн. Долгорукова съ однимъ публицистомъ, которому было приказано хвалить *Муравьева*.

— **АКСАКОВСКІЙ ДЕНЬ.** Мы прочли въ *Днѣ* слѣдующій доносъ на поляковъ и кievское начальство:

“Изъ Кіева.—Поляки опять осмѣлились—наше начальство называютъ *почти всѣмъ ойцемъ*; осужденныхъ, отсылаемыхъ на каторгу и поселеніе, провожаютъ съ оваціями, толпами, съ маханіемъ платковъ и криками — до забоченья (до свиданья). Точно также третьяго дня приведенная шайка 90 плѣнныхъ, взятыхъ въ Радзивиловъ, была встрѣчена толпою съ криками “брево, вивать Польша”, съ маханіемъ платковъ и цвѣтами, хотя всѣ плѣнные, какъ галиційскій и европейскій сбродъ, не могли имѣть ни родныхъ, ни знакомыхъ въ Кіевѣ. Въ городѣ видѣнъ и трауръ, а иногда и чамарки, ляхи съѣжаются и совѣщаются межъ собой и въ городѣ и за городомъ; а что-же тѣ дѣлаютъ, отъ кого зависятъ недорускать подобныхъ вещей?.. Что дальше будетъ—увидимъ, но хорошаго нельзя ожидать”.

— Письмо капитана генеральнаго штаба *Ротковскаго*, исполненное интереса, будетъ помѣщено въ слѣдующемъ листѣ “Колокола”.

— **ВЪ ОБЩЕМЪ ФОНДѢ** не только ничего нѣтъ, но дефицитъ растетъ съ необходимостію поддерживать русскихъ не имѣющихъ возможности возвратиться въ Россію.

— **ЗАМѢЧЕННАЯ ОШИБКА.** Стр. 1403, 2 кол. слово сознаясь—лишнее.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пен. Получается въ Вольной Русской
Типографіи, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

ЛИСТЪ 171.

1 Октября 1863.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

О ГЛАВЛЕНІЕ.—СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССИИ — БРАТСКОЕ СЛОВО — МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ — ПИСЬМО Г. РОШКОВСКАГО.

СМѢСЬ: ВАРШАВА УТѢШЕНА — СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ЛИБЕРИ И ЗАПЯТОКЪ — НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ АДРЕССАХЪ (ВЪЗЪ РОССИИ) — ОБЩІЙ ФОНДЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССИИ.

Да! оно неизящно на сію минуту. Палачество въ Польшѣ и мнимыя реформы дома. Рядомъ будто бы съ независимостью суда—запрещеніе печатать что либо о судейской неправдѣ, и замѣна тѣлесныхъ наказаній смертной казнью даже въ неполитическихъ преступленіяхъ.* Вѣрноподданническіе адреса петербургскому правительству, добровольные и рассчитанные со стороны большинства дворянства, заказные и безсознательные со стороны нѣмага множества. Дворянство, изгоняющее изъ англійскаго клуба Стюрлера за то, что онъ усомнился въ доблести палачества. Литература, кадящая самодержавію. *День*, самъ того не замѣчая, совпадающій съ направлениемъ Московскихъ Вѣдомостей. Московскія Вѣдомости, ставшія представителями мнѣнія большинства образованнаго(?) класса въ Россіи!.... Все это не утѣшительно!

Но все это очень естественно. Дворянство, которое играло въ оппозицію при освобожденіи крестьянъ, примкнуло къ правительству какъ скоро рѣчь идетъ о порабоженіи Польши. Оно чувствуетъ, что ему предстоитъ одна выгода—сохранить себя какъ чиновничество. Право чиновничествовать въ покоренномъ краѣ—да какъ же уступить такое прибыльное право? (То есть прибыльное не для Россіи, а для чиновничества). Большинство дворянства чувствуетъ, особенно послѣ устранения крѣпостнаго права, что для него лучше всего, во что бы ни стало, поддерживать самодержавіе. Лучше быть рабомъ кого нибудь, лишь бы оставаться бариниомъ надъ множествомъ. Московскія Вѣдомости совершенно выражаютъ своимъ подлымъ языкомъ это подлое мнѣніе. Онѣ даже предлагаютъ конфискаціи въ Литвѣ замѣнить насильственной продажей польскихъ помѣщичьихъ имѣній русскимъ помѣщикамъ; конфискація по ихъ мнѣнію обращаетъ все въ государственное имущество (а это—чего добраго!—можетъ перейти въ крестьянское, въ народное имущество) между тѣмъ какъ главное дѣло ввести всюду русское помѣщичество. Какъ же послѣ этого дворянству не пить за здоровье Каткова на ряду съ Муравьевымъ и Александромъ II! Самодержавіе поддерживаемое палачами, журналистами, англійскимъ клубомъ и большинствомъ дворянства, — оно само пойметъ, что его выгода поддерживать преимущественно сословный интересъ: дворянство его орудіе, его чиновничество; безъ него оно не можетъ управлять множествомъ...

* Въ Саратовѣ расстрѣлянъ 10 Августа, со всей театральнѣй, безобразной и безчеловѣчной обстановкой, крестьянинъ сарат. уѣзда, села Березовки, Алексѣй Хромовъ, за поджогъ дома своего отца. (См. Моск. Вѣд. No. 193). Ясно, что дѣло возникло изъ семейныхъ причинъ, а между тѣмъ и тутъ смертная казнь! Благодушіе возобновляетъ времена до Каласветнискія.

† Даже и "Дея" признаетъ это.

Годъ VII.

Но между тѣмъ общее положеніе вещей имѣетъ и свою другую сторону. Игравъ въ адреса можно и въ самомъ дѣлѣ наткнуться на войну. Шу! если тогда тѣ же люди, которые подавали адреса, скажутъ правительству: "за что ты насъ вводишь въ бѣду? Дало бы Россіи конституцію, тогда и Польша повѣрила бы въ конституцію, и Россія не утратила бы нисколько своего государственнаго могущества, не опозорилась бы передъ челоуѣчествомъ татарскими злодѣйствами и не вызвала бы противъ себя западной коалиціи. Конституція для Россіи и для Польши, на сію минуту, была бы спасеніемъ для самаго правительства. Начать введеніе конституціи съ Россіи *добровольно*—было бы гораздо важнѣе чѣмъ являться конституционалистомъ въ Финляндіи — со страха иначе утратить ее. Но въ томъ то и горе, что правительство стоитъ свиду во главѣ, а въ сущности во хвосту прогресса, и будь еще въ то время вмѣсто *pas de rêveries*—дана конституція, дѣло обошлось бы мирно и блистательно".

Многіе думаютъ, что когда дойдетъ до войны, настроеніе большинства дворянства повернется въ эту сторону. Мы этого не думаемъ. Мы ожидаемъ совсѣмъ другого. Европа теперь обрадовалась, что слишкомъ поздно начать войну и надѣется, что въ продолженіи зимы Польшу усмирятъ муравьевщиной, и тогда опять уже выйдетъ слишкомъ поздно приниматься за войну. Европѣ, слишкомъ занятой на биржѣ и слишкомъ боящейся всякаго революціоннаго элемента (а Польша ей представляется революціоннымъ элементомъ) — Европѣ въ сущности очень будетъ непріятно, что и въ продолженіи зимы возстаніе не усмирено и ей придется отдѣлываться новыми словами. Но каково то будетъ положеніе Россіи? Адрессы вызваны, бранный восторгъ одушевляетъ—а врага нѣтъ. Это невыносимо скучно, потому что это пошло; это просто глупое положеніе. Война только и есть съ повстанцами; но видно и для этой войны нужны военные таланты, а не бездарные палачи. Польша безсильна, но и Россія безсильна; иначе возстаніе было бы усмирено вначалѣ. Два безсилія могутъ драться также долго какъ и двѣ силы. Наконецъ польскій вопросъ надобѣтъ даже большинству дворянства. Выгода отъ всей этой усобицы—остановка торговли, остановка промышленности, безденежье. Что же дѣлать? Ужъ не возвратиться ли къ внутреннему устройству?

Какое бы ни было окончаніе польскаго вопроса, и даже если къ веснѣ вовсе не будетъ окончанія — Россія все же обратится къ своимъ внутреннимъ вопросамъ, и не съ настроеніемъ адрессоложства, а съ требованіемъ Земскаго Собора. Это время ближе чѣмъ можетъ казаться казенной литературѣ.

Кромѣ этой литературы и большинства чиновничества,

существует еще пародъ, существует то множество, которому въ сущности до польскаго вопроса дѣла нѣтъ; оно готово рѣшить его какъ какая волна нахлынула. Въ сущности ему дорогъ исключительно свой экономическій, поземельный вопросъ и все изъ него истекающее общественное, земское устройство.

Еще, кромѣ казенной литературы и дворянскаго большинства, существуетъ образованное меньшинство, для котораго экономическій интересъ народа составляетъ основаніе всѣхъ стремленій, убѣжденій и упованій. Оно сочувствуетъ польскому освобожденію, потому что сочувствуетъ всякой свободѣ; его дѣлъ не подчиненіе кому бы то ни было, а самобытность областей; оно думаетъ, что союзъ самобытныхъ областей, представляетъ гораздо большую государственную силу, чѣмъ самодержавное единовластіе, которое представляетъ гораздо больше всеобщаго рабства и внутренней неурядицы, чѣмъ силы. Когда дворянское большинство постанетъ отъ неразрѣшаемости польскаго вопроса и почувствуетъ отъ собственного теперичнаго настроенія стыдъ, тогда образованное меньшинство заговоритъ вмѣстѣ съ народомъ.

Наше дѣло теперь—выжидать. Нашъ чередъ впереди. Мы не ставемъ перебраниваться съ казенной литературой, ни отвѣчать на ея площадныя выходки; мы выждемъ какъ все это ложное настроеніе, само въ себѣ несостоятельное, рухнетъ отъ собственной жи. А теперь мы возвратимся къ усиленной разработкѣ тѣхъ русскихъ вопросовъ, которые неизбежно возникнуть надъ самопадающей казѣнщиной.

Н. Огаревъ.

БРАТСКОЕ СЛОВО.*

(По поводу заявленія московскихъ и харьковскихъ студентовъ).

Вотъ когда дѣйствительно дошло до конца. Всѣ правительственныя фабрикаціи адресовъ, всѣ глумленія подкупной литературы надъ идущими на казнь героями, площадныя ругательства надъ польскими матерями и женами, циническіе тосты за Муравьевыхъ и Катковыхъ съ Ко., все это не такъ поражаетъ своимъ позорнымъ безобразіемъ, какъ *заявленіе* московскихъ студентовъ. Съ *тѣхъ* и взять нечего! А *вы* то, вы университетская молодежь, чѣмъ *вы* оправдаете позоръ своего холопскаго униженія передъ вашимъ завѣщаннымъ врагомъ?.. Коротка-же память у московскихъ студентовъ! Еще двухъ лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ они шли густою толпою на могилу Грановскаго. Это шествіе было какъ бы прощаніемъ съ доблестнымъ наставникомъ; они какъ будто отдали ему назадъ дапный имъ завѣтъ

* Редакція "Колокола" не могла напечатать этой статьи ранѣе, потому что получила ее уже послѣ выхода прошлаго листа. Мы отъ души благодаримъ автора какъ за статью такъ и за письмо къ Н. П. Огареву, которое мы здѣсь и помѣщаемъ съ искреннимъ сочувствіемъ къ писавшему:

Ваше слово къ русскому юношеству дошло до насъ, хотя и долго шло. Много юношей читало его съ глубокою благодарностью къ вамъ, и ни въ одномъ честномъ умѣ не шевельнулась даже и мысль о наглости вопроса: "по какому праву даетъ совѣты человѣкъ, безопасно стоящій на томъ берегу"? Нѣтъ, давайте совѣты молодежи, побольше честныхъ и прямыхъ совѣтовъ; у русской молодежи нѣтъ теперь совѣтчиковъ на этомъ берегу, т. е. дома. Домашніе лжеучители оказались—одни волками въ овечьей шкурѣ, у другихъ выскладало неприкрытое лживое ухо. Въ нашей домашней литературѣ безстыдно разоблачились всѣ скрытыя до сихъ поръ язвы: гнусная клевета, дикое злѣство, открытый подкупъ, самохвальство доносамъ, все явилось на сцену! Это какія-то отвратительная пляска гѣтевскихъ бѣсовъ и вѣдьмъ; впрочемъ и у тѣхъ было бы болѣе стыда и чести.

"Въ такіа-то минуты, когда мы принуждены жить среди смрада и мракобѣсія, намъ нужно болѣе чѣмъ когда либо, чтобъ до насъ долеталъ честный голосъ правды и истины. Теперь только звонъ "Колокола" да возванія "Свободы" даютъ намъ возможность живо чувствовать, что и вдали, на томъ берегу, и здѣсь, среди насъ, есть люди, рѣчь которыхъ служитъ залогомъ благаго лучшаго времени...

"Послѣдній фактъ совершившійся здѣсь, "заявленіе" московскихъ студентовъ, слишкомъ нелѣпъ и безобразенъ, чтобъ пройти его молчаніемъ. Вотъ почему я посылаю къ вамъ свое братское слово, обращенное къ молодежи; я слишкомъ много имѣю вѣры въ наше юношество и потому хотѣлъ бы сказать ему нѣсколько прямыхъ словъ".

Искренно преданный Вамъ ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

Россія, Августъ 1863.

борьбы,—не подъ силу пришлось!.. И, удалившись отъ могилы, быстрыми шагами пошли по торному пути нравственнаго паденія.

Измѣнился московскій университетъ и по наружности и по содержанію: входя въ университетъ чрезъ путятинскія желѣзныя рѣшетки,* студенты шли слушать поученія о чичеринскихъ желѣзныхъ рѣшеткахъ—сословныхъ; и желѣзныя рѣшетки ставились въ ихъ головахъ и сердцахъ, ограждая ихъ отъ пониманія всего живаго и человѣческаго. Напрасно было энергическое сопротивленіе лучшей части московскаго студентства, не хотѣвшей покориться путятинскимъ изобрѣтеніямъ и за то избитой и перераненой жандармами на площади; напрасно многие изъ этой молодежи пошли на сѣзжи, въ остроги и ссылки: разбойническая расправа съ ними не пробила желѣзныхъ рѣшетокъ въ ихъ товарищахъ. Нѣсколько десятковъ удѣлившей лучшей молодежи рѣшились тогда оставить московскій университетъ; они вышли изъ него и подали Головинну, за личными подписями, объясненіе причинъ своего выхода...† Остальные безропотно поддались дѣйствию Чичерино-катковской заразы, и вотъ ея результатъ, во всемъ своемъ безобразіи.

И кому и что вы заявляете? Вы подаете *адрессъ* тому, кто еще недавно за одну мысль объ адрессѣ подвергъ вапичу московскихъ и петербургскихъ товарищей долгимъ, безчеловѣчнымъ преслѣдованіямъ! И знаете-ли отчего тогда озлобился благодунный монархъ противъ предполагавшихся студентскихъ адрессовъ? Потому, что *зналъ*, что *тѣ* адреса были-бы честныя, свободныя, а не рабскія-униженныя! Что вы заявляете въ *своемъ* адрессѣ? Вы вопиете противъ Польши, вы негодуете на поляковъ за то, что они хотятъ свободы своей родины! Коротка-же память! Только два года тому назадъ, и вы, и ваши петербургскіе братья шли въ польскіе костелы и вмѣстѣ съ поляками юношами, стоя на колѣнахъ, громко пѣли: *Woże coś Polskę!* Не отнекивайтесь отъ этого, не отрѣкайтесь отъ самихъ себя въ томъ недавнемъ прошломъ, потому что только въ томъ прошломъ вы и были тѣмъ, чѣмъ всегда должно быть юношество: свободнымъ и любящимъ, живосочувствующимъ всему человѣческому, ненавидящимъ все преступное и подлое... Да, честныя русскіе юноши на колѣнахъ звали тогда польскую свободу—освобожденіе, и они не были "врагами своего народа", "измѣнниками своего отечества", потому что каждый изъ ихъ товарищей—поляковъ понималъ, что всѣ они въ то же время не задумались-бы броситься на защиту *своего* народа, еслибъ ему (и только ему, а отнюдь не петербургскому императорству) дѣйствительно угрожала опасность. Честное русское юношество призывало освобожденіе Польши, потому что его незараженная совѣсть твердила ему, что пора смыть съ русскаго народа кровавое пятно, которымъ чернитъ его императорскій разбой въ Польшѣ; потому что его разумъ громко говорилъ, что борьба за освобожденіе Польши будетъ борьбою противъ общаго тирана и врага—петербургскаго императорства. И это юношество дало намъ ясно увидѣть, что то не было минутнымъ увлеченіемъ: когда правительство захотѣло преслѣдовать польскихъ студентовъ за панихиду по убитымъ въ Варшавѣ, то русскіе студенты петербургскаго университета въ числѣ болѣе 700 человѣкъ покрыли листы своими подписями, свидѣтельствуя предъ правительствомъ, что всѣ подписавшіеся были на панихидѣ, пѣли польскій народный гимнъ и потому проситъ считать себя виновными наравнѣ съ поляками...‡ Развѣ такая-же панихида не была въ Москвѣ?

* Путятинъ вмѣстѣ съ матрикулами придумалъ ставить желѣзныя рѣшетки у аудиторій для того, чтобъ студенты не смѣшивались, и чтобъ каждый ходилъ на лекцію своего факультета!

† Головиннѣ не забылъ этихъ людей и купилъ съ Потаповымъ и Голыцинымъ большую часть изъ нихъ ностарался спровадить въ крѣпость и ссылку.

‡ Правительство было одурачено, боялось надѣлать шума и поспѣшило прекратить слѣдствіе.

Развѣ на пей не были русскіе студенты? Развѣ не русскій студентъ *Зачичевскій* пошелъ въ каторгу за свою рѣчь па той панихидѣ?! Коротка память! За то и дождались же вы привѣтствій и поздравленій отъ друзей своихъ.* Они радостно спѣшаютъ поздравить васъ съ тѣмъ, что вы порвали связь съ *тѣмъ берегомъ*; отъ порванности такой связи ожидается вашими чинимыми друзьями поворотъ къ новой дѣятельности!

Выходки противъ *того берега* не новы. Съ легкой руки Каткова, русскіе писатели, на подобіе Громеки и другихъ, спѣшаютъ заявить свое всенеподданнѣйшее холопство въ безстыдной брани противъ людей, лишенныхъ возможности отвѣчать имъ у насъ, въ самой Россіи, на ихъ безчестныя клеветы и злоумышленное переименованіе смысла дѣлъ и словъ съ *“того берега”*. Да, рѣчи или “возгласы” (по понятію автора письма къ редактору “Дня”), съ *“того берега”* одиночны, но не одиночно то сочувствіе, которое они пробуждаютъ къ себѣ въ самой Россіи, и пусть будетъ скрыто между нами до поры до времени то сочувствіе и пусть растетъ оно втихомолку. Возгласы *“съ того берега одиночны”*, но эти одиночные возгласы не разъ заставляли дрожать цѣлыя сотни холоповъ, злодѣевъ и грабителей. И опять коротка память у московскихъ студентовъ! И опять они забыли, что эти *“одиночные возгласы”* будили отъ мертваго сна цѣлыя сотни лучшей русской молодежи. Московской университетъ болѣе всѣхъ другихъ рвался къ *тому берегу*, на который Грановскій смотрѣлъ съ радостью и съ *гордымъ чувствомъ*.† Весь университетъ былъ полонъ сочиненіями людей съ *“того берега”*, и то было лучшее время московскаго университета; за *“того берега”* многіе изъ университетской молодежи многимъ готовы были заплатить. *Периклъ Аргиропуло*, честнѣйшій, безукоризненно свѣтлый представитель студентства, жизнью заплатилъ за свое непоколебимое убѣжденіе, что молодежь должна быть пробуждена здоровымъ и правдивымъ голосомъ съ *“того берега”*. *Перикла Аргиропуло* петербургское правительство уморило въ тюрьмѣ, оно не даю ему даже умереть спокойно, и, не задолго до смерти, снова перенесло его изъ квартиры, (гдѣ онъ былъ подъ строгимъ домашнимъ арестомъ) въ убишій его острогъ... Да, конечно не легко стоять на *“томъ берегу”* и понятно, что можетъ обрываться голосъ, особенно когда тѣ люди видятъ, какъ пятнаетъ себя развратнымъ союзомъ съ тиранствующимъ правительствомъ все то, что могло-бы называться честнымъ и русскимъ. Не можетъ быть легко на *“томъ берегу”*; изгнаніе должно быть слишкомъ тяжелая ноша и, конечно, только непоколебимая вѣра въ здравый смыслъ русскаго народа, который скоро пойметъ весь корыстный обманъ своихъ домашнихъ лжеучителей, можетъ дѣлать выносимымъ то изгнаніе для людей *“того берега”*... Вѣроятно, гораздо легче проповѣдывать (какъ авторъ письма въ “День”) изгнаніе *“того берега”* изъ устъ и сердецъ московскаго студентства.

Примѣръ заразителенъ для слабыхъ и шаткихъ: не отвыкнувъ еще отъ учительской указки, они готовы идти по чужимъ слѣдамъ, особенно когда за то не грозитъ имъ наказаніе или какаянибудь неурядица. За горстью московскихъ студентовъ потянулась кучка харьковскихъ... Коротка-же память и у нихъ! Еслибъ они помнили то, что не разъ повторялось среди ихъ изъ рѣчей съ *“того берега”*, то не позволили-бы гг. Апарину съ Ко. позорить харьковское студентство присоединеніемъ его имени къ московскому *“заявленію”*. Я напомию вамъ слова съ *“того берега”* объ васъ, (какъ объ украинцахъ). “Развяжемте имъ (украинцамъ) руки, развяжемте имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнуть чрезъ кнутъ къ намъ, чрезъ папегъ къ вамъ (къ полякамъ) или, если они умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и

на независимость отъ обоихъ.* Вотъ что вамъ не разъ говорилось съ *“того берега”*. Тоже самое сказали бы и завѣщали-бы вамъ ваши родные честные земляки. Вы отступили отъ этого завѣта. Близорукіе и ослѣпленные, вы соединяетесь съ врагомъ вашимъ—петербургскимъ императорствомъ, на собственную-же гибель. Немудрено было дожидаться отъ клеветовъ своего врага поздравленія съ отступленіемъ отъ *“того берега”*. Понятно, такое отступленіе въ выгоды вашихъ враговъ! И какая роковая фантазія увлекаетъ васъ на союзъ съ петербургскимъ императорствомъ? Или вы паввно думаете задобрить его—дать оно вамъ въ награду за хорошее поведеніе похищенныя вольности, убитую самобытность, свободу совѣсти и слова, народное образованіе и т. п.?! *Ras de rêveries, ras de rêveries!* напомию я вамъ единственныя искреннія слова благодушнаго монарха въ Варшавѣ. Не увлекайтесь! Та же разбойничья рука, которая душитъ теперь геройскую Польшу, въ случаѣ успѣха, захочетъ задушить и вашу родину въ своихъ объятіяхъ, оскверненныхъ до конца незастигнутою еще кровью поляковъ, захочетъ задушить васъ также какъ и Великороссію... Въ томъ то и преступная ошибка ваша, что вы не хотите понять, что съ свободою Польши связана неразрывно свобода и вашей родины Украины и нашей—Россіи, и на оборотъ: въ гибели Польши неотвратимый ударъ и для вашей родины и для нашей. Ваше непониманіе такого неизбежнаго хода обстоятельствъ преступно, потому что оно можетъ повлечь за собою великія кровавыя бѣдствія для обоихъ народовъ, и для вашего и для нашего.

Горько и обидно русскому любящему сердцу, свободному и неподкупному пониманію за подобныя *“заявленія”*! По любви ваша къ молодой собратии слишкомъ сильна, вѣра наша въ нее слишкомъ свѣтла, чтобы помрачиться отъ неожиданныхъ сѣрыхъ тучъ.... Триста человѣкъ, у которыхъ не дрогнула рука подписать аксаковское заявленіе, далеко не всѣ 2,000 человѣкъ, составляющихъ московское студентство; 200 харьковскихъ студентовъ, которые подъ руководствомъ гг. Апарина и Аситскаго ‘протестуютъ’ противъ польскаго *“мятежа”*, тоже еще не весь харьковскій университетъ, и всѣ эти пѣвѣдающіе что творять, далеко еще не все русское молодое поколѣніе. Есть и другая еще молодежь; есть и еще университеты (не говоря о многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ).

Насупротивъ вертепа разбоя и разврата—Зимняго дворца—стоитъ тоже университетъ, недавно бывшій опустѣлымъ, послѣ переведенія его учениковъ въ другое зданіе, болѣе близкое и сродное благодушію просвѣщеннаго монарха—въ петропавловскую крѣпость.

Тяжелымъ безпокойнымъ сномъ спалъ петербургскій университетъ, усыпленный Николаемъ. Онъ проснулся полный свѣжихъ, здоровыхъ силъ. Достойный преемникъ Николая захотѣлъ снова пришибить его, захотѣлъ лишить его лучшихъ гражданъ студентства—изгнаніемъ изъ университета всѣхъ бѣдныхъ, всѣхъ немогущихъ платить 50 руб. сер. въ годъ, а такихъ было болѣе половины! Все студентство тогда поднялось за своихъ братьевъ. Благодушный сынъ перешагивалъ незабвеннаго родителя: Николай не выводилъ войскъ противъ студентовъ, не билъ ихъ прикладами и штыками, Николай не бросалъ студентовъ цѣлыми сотнями въ казематы...

Въ настоящую минуту, напомианіе о *бывшемъ* петербургскомъ университетѣ получаетъ особенный смыслъ. Петербургскій университетъ снова открывается. Кто то наполнить

* Письмо неизвѣстнаго изъ Ред. Дня. См. День No. 26.

† Изъ собственнаго письма А. Герцену.

* “За пять лѣтъ”, Ч I., стр. 134.

его? Откуда соберутся въ него молодые друзья?... Какъ бы то ни было, сколькими тайными агентами ни замаралъ бы новаго университета явный агентъ Головинъ, мы твердо вѣримъ, что новый университетъ будетъ продолженіемъ *бывшаго*, а не путятино-головнинскаго. Новое петербургское студентство, опытное недавнею борьбою своихъ предшественниковъ съ правительствомъ, слишкомъ хорошо пойметъ, что и быть не можетъ никакой сдѣлки между честною молодежью и гнусными клеветами закоренѣлаго врага всякаго просвѣщенія.

Оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ! Оставьте московскую молодежь позорить себя и подъ папьемъ Катковыхъ и даже (увы! какъ ни грустно ставить честное имя на ряду съ заклепаннымъ) Аксаковыхъ—наперерывъ “стремиться къ рабству”, какъ тѣ дряхлые консулы и сенаторы, тѣ развращенные всадники, про которыхъ рассказываетъ Тацитъ. Пусть историкъ нашего тяжелаго времени будетъ имѣть безотрадное право сказать про ихъ отношеніе къ благодушному то, что рассказывалъ Тацитъ объ отношеніяхъ того же дряхлаго сенаторства къ Тиверію: “даже ему, врагу человѣчества, была противна такая низкая лесть!” Московская молодежь хочетъ ли дойти до этого?! Пусть же знаетъ она, что если благодушный и не воскликаетъ: “О люди, созданные для рабства!” если ему и непротивно (по его слабости и ничтожности), то во всякомъ случаѣ ему должно быть изумительно такое нежданное сочувствіе московской молодежи.

Но для новаго петербургскаго студентства должны быть сломомъ памятни *студентскіе дни* бывшихъ ихъ собратьевъ, чтобъ пройти даромъ. Пусть молодое студентство не подумаетъ, что кто либо хочетъ призывать его къ какимъ-нибудь демонстраціямъ. Нѣтъ, демонстрацій не нужны теперь. Идите своимъ путемъ, пусть наука, для которой вы собрались, свѣтитъ ярко и тепло на вашемъ пути, но пусть этотъ свѣтъ не затмитъ передъ вами *истинности самой жизни*. Помните, что наука — святое, неотъемлемое достояніе всѣхъ и каждаго; потому что изъ за этого ваши братья и пошли въ казематы и ссылки; помните, что *истинная* наука не терпитъ зла и насилія, мрака и низости. Избѣгайте на своемъ пути ошибки вашихъ предшественниковъ, если таковыя были; но не избѣгайте, а напротивъ, всѣми силами, крѣпко и смѣло храните ихъ торжественный завѣтъ: никогда не увлекайтесь лживыми и льстивыми разглагольствованіями врага, а врагъ вашъ, повторяемъ еще—петербургское императорство, потому что оно врагъ всякой образованности, врагъ всего человѣческаго, врагъ русскаго народа: оно также бьетъ и стрѣляетъ по крестьянамъ, какъ и по студентамъ. Никогда не отступайте и не бойтесь борьбы (въ какихъ бы проявленіяхъ она ни представлялась) съ подлостью и насиліемъ врага. Такой завѣтъ вамъ запечатленъ всей недавнею борьбою вашихъ братьевъ, ихъ заточеніями въ мертвыхъ казематахъ, ихъ ссылками и долгими гоненіями. Та борьба была святая, потому что она была за право каждаго на ученіе, на науку—и значить она была за всю образованность народа, и значить за человѣчность. И напрасно пошлыя головнинскія клеветы хотѣли заклепить юношество нежеланіемъ его заниматься наукою (гнусная клевета, на которую уже давно было громко отвѣчено). Наука никогда не оставалась вашими братьями. Полны и внимательны были аудиторіи даже въ самые послѣдніе дни

передъ закрытіемъ университета. Но вашимъ братьямъ не нужна была наука, которая дарилась только знатному происхожденію и богатому состоянію и гнала отъ себя всѣхъ лучшихъ и честнѣйшихъ юношей, на послѣднюю, потомъ сколоченную копейку, дошедшихъ до университетской двери. Они громко и прямо отрѣклись отъ *той* науки, отъ которой не имѣло смѣлости и разумности отрѣчься московское студентство (за то она и отблагодарила его: довела — до “завлеченій”). *Такой* науки обсплюющихся въ своемъ хавжествѣ Путятиныхъ и III отдѣленствующихъ Головинныхъ, науки продажныхъ московскихъ публицистовъ и профессоровъ, такой науки не нужно и вамъ. Ваши свѣтлые и честные умы сами, безъ помощи правительственныхъ чиновниковъ, сумѣютъ найти путь къ другой наукѣ, единой и истинной, которая учить горячо любить немущаго собрата своего, дѣлиться съ нимъ общимъ достояніемъ—наукою, или бороться выскѣ съ нимъ за лишеніе ея, которая учить любить свой народъ, и потому ненавидѣть врага своего народа, его тирана и убійцу — чужеземное императорство. Вы *сами* найдете путь къ этой истинной наукѣ и вы такъ горячо привяжетесь къ ней и полюбите ее, что за нее, за признаніе въ самой жизни истинъ добытыхъ ею, охотно отдадите—когда прійдетъ слушная пора—и свое спокойствіе, и друзей, и родныхъ и самую жизнь...

Въ дорогу же, братья! Въ добрый часъ!

У насъ пока нѣтъ для привѣтствія Васъ лучшихъ словъ, какъ тѣ, съ кровью вылившіяся изъ сердца каторжника-поэта, слова, которыми еще въ послѣдній разъ напутствовалъ онъ молодое поколѣніе:

Будь борьба успѣшнѣйшая,
Встрѣтъ въ бою побѣда васъ,
И мивуй васъ эта чаша
Отравляющая насъ.

(Одинъ изъ многихъ).

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Пустьбѣтъ Москва... и патриархальное лицо Щепкина исчезло... а оно было крѣпко вплетено во всѣ воспоминанія нашего московскаго круга. Четверть столѣтія старше насъ, онъ былъ съ нами на короткой, дружеской ногѣ роднаго дяди или старшаго брата. Его всѣ любили безъ ума, дамы и студенты, пожилые люди и дѣвочки. Его появленіе вносило покой, его добродушный упрекъ останавливалъ злые споры, его кроткая улыбка любящаго старика заставляла улыбаться, его безграпичная способность извинять другаго, находить облегчающія причины—была школой гуманности.

И при томъ онъ былъ великій артистъ. Артистъ по призванію и по труду. Онъ создалъ *правду* на русской сценѣ, онъ первый сталъ *нетеатраленъ* на театрѣ, его воспроизведенія были безъ малѣйшей фразы, безъ аффектаціи, безъ шаржи; лица имъ созданныя были Теньеровскіе, Остадовскіе.

Щепкинъ и Мочаловъ безъ сомнѣнія два лучшихъ артиста изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ и на протяженіи всей Европы.* Оба принадлежать къ тѣмъ *намекамъ* на сокровенныя силы и возможности русской натуры, которые дѣлаютъ незыблемой нашу вѣру въ будущность Россіи.

* Въ 1847 я еще успѣлъ видѣть два, три превосходныя созданія Фредерика Леметра, и его я охотно поставилъ бы въ сторонѣ отъ больше или меньше

Въ разборъ таланта и сценическаго значенія Щепкина мы не взойдемъ; замѣтимъ только, что онъ былъ вовсе не похожъ на Мочалова. Мочаловъ былъ человѣкъ порыва, не приведеннаго въ покорность и строй вдохновенія; средства его не были ему послушны, скорѣе онъ имъ. Мочаловъ не работалъ, онъ зналъ что его иногда посѣщаетъ какой-то духъ, превращавшій его въ Гамлета, Лира или Карла Мора, и поджидалъ его... а духъ не приходилъ и оставался актеръ дурно знающій ролю. Одаренный необыкновенной чуткостью и тонкимъ пониманіемъ всѣхъ оттѣнковъ роли, Щепкинъ напротивъ страшно работалъ и ничего не оставлялъ на произволъ минутнаго вдохновенія. Но роль его не была результатомъ одного изученія. Онъ также мало былъ похожъ на Каратыгина, этого лейбъ-гвардейскаго трагика, далеко не безталаннаго, но у котораго все было до того заучено, выштудировано и приведено въ строй, что онъ по темпамъ закипалъ страстью, зналъ церемоніальный маршъ отчаянія и правильно убивши ного надобно — мастерски дѣлалъ на погребеніе. Каратыгинъ удивительно шелъ николаевскому времени и военной столицѣ его. Игра Щепкина, вся отъ доски до доски была проникнута теплотой, наивностью, изученіе роли не стѣсняло ни одного звука, ни одного движенія, а давало имъ твердую опору и твердый грунтъ.

По вѣроятію о талантѣ Щепкина и о его значеніи будетъ у насъ довольно писано. Мнѣ хочется рассказать мою послѣднюю встрѣчу съ нимъ.

Осенью 1853 г. я получилъ письмо отъ М. К. изъ Парижа, что такого то числа Щепкинъ ѣдетъ въ Лондонъ черезъ Булонь. Я испугался отъ радости... въ образѣ свѣлаго старика выходила молодая жизнь изъ за гробовъ; весь московскій періодъ... и въ какое время... десять разъ говорилъ я о страшныхъ годахъ между 1850—1855, объ этомъ пятилѣтнемъ безотрадномъ искусствѣ въ многолюдной пустынѣ. Я былъ совершенно одинокъ въ толпѣ чужихъ и полузнакомыхъ лицъ... Русскіе въ это время всего меньше ѣздили за границу и всего больше боялись меня. Горячешный терроръ продолжавшійся до конца венгерской войны, перешелъ въ равномерный гнетъ, передъ которымъ понизилось все, въ безвыходномъ и безпомощномъ отчаяніи. И первый русскій ѣхавшій въ Лондонъ, не боявшійся по старому протянуть мнѣ руку, былъ Михаилъ Семеновичъ.

Ждать я не могъ, и утромъ въ день его пріѣзда, отправился съ экспресомъ въ Фокстонъ.

— Чѣмъ-то онъ мнѣ расскажетъ, какія вѣсти привезетъ, какой поклонъ, какія подробности, чьи шутки... рѣчи? Тогда я еще такъ многихъ любилъ въ Москвѣ!

Когда пароходъ подошелъ къ берегу, толстая фигура Щепкина въ сѣрой шляпѣ съ дубиной въ рукахъ, такъ и вырѣзалась; я махнулъ ему платкомъ и бросился внизъ.

талантливаго гаетста парижскихъ театровъ; но но мѣръ старости и потери настоящихъ силъ, Фредерикъ Леметръ замѣнялъ ихъ преувеличеніемъ и впадалъ въ такое недѣлкатное ставленіе точекъ на I, что я на него смотрѣлъ какъ на развалину ярко раскрашенную пестрыми красками, въ томъ родѣ какъ наше художественное правительство бывало бѣлѣть и размазываетъ памятники. Въ историческихъ воспроизведеніяхъ и въ необыкновенной свѣтлости игры — Théâtre Français сдѣлалъ много; великихъ артистовъ онъ не развилъ, но развилъ необыкновенно умныхъ артистовъ и превосходную труппу, играющую прескверныя пьесы. Мы преимущественно говоримъ о мушкетерахъ; женщинами европейская сцена богаче. Не смотря на всѣ нѣмецкіе возгласы русскихъ чиновниковъ, Рашель была великая художница; а Франція реставрація, Франція Беранже, послѣдняя веселая Франція имѣла своимъ живымъ, веселымъ, гениальнымъ представителемъ—Дежазе.

Полицейской меня не пускалъ, я оттолкнулъ его и такъ весело посмотрѣлъ, что онъ улыбнулся и кивнулъ головой, а я сбѣжалъ на палубу и бросился на шею старика. Онъ былъ тотъ-же какъ я его оставилъ, съ тѣмъ-же добродушнымъ видомъ, жилетъ и лацконы на пальто такъ же въ пятнахъ, точно будто сейчасъ шелъ изъ троичкаго трактира къ Сергѣю Тимоѣевичу Аксакову. “Экъ куда его принесло, это ты пріѣхалъ эдакую даль встрѣчать!” — сказалъ онъ мнѣ сквозь слезы.

Мы поѣхали вмѣстѣ въ Лондонъ; я спрашивалъ его подробности, мелочи о друзьяхъ, мелочи безъ которыхъ лица перестаютъ быть живыми и остаются въ памяти крупными очерками, профилями. Онъ рассказывалъ вздоръ, мы хохотали со слезами въ голосъ.

Когда улеглось нервное раздраженіе, я мало по малу замѣтилъ что-то печальное, будто какая-то затаенная мысль мучила честное выраженіе его лица. И дѣйствительно, на другой день мало по малу разговоръ склонился на типографію и Щепкинъ сталъ мнѣ говорить о тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ въ Москвѣ была принята спсѣла моя эмиграція, потомъ моя брошюра *Du Développement des idées révolutionnaires* и наконецъ лондонская типографія. “Какая можетъ быть польза отъ вашего печатанія? Однимъ или двумя листами, которые проскользнутъ, вы ничего не сдѣлаете, а III отдѣленіе будетъ все читать да помѣчать, вы сгубите бездну народа, сгубите вашихъ друзей...”

— Однакожъ М. С. до сихъ поръ богъ миловалъ, и изъ за меня никто не попался.

— А знаете-ли вы, что послѣ вашихъ похвалъ Бѣлинскому, объ немъ запрещено говорить въ печати.

— Какъ и обо всемъ остальномъ. Впрочемъ я и тутъ сомнѣваюсь въ моемъ участіи. Вы знаете какую роль играло знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю въ дѣлѣ Петрашевскаго. Смерть спасла Бѣлинскаго— мертвыхъ я не боялся компрометировать.

— А Кавелинъ-то, кажется не мертвый?

— Что-же съ нимъ было?

— Да то, что послѣ выхода вашей книги, гдѣ говорится объ его статьѣ о родовомъ началѣ и о спорѣ съ Самаринымъ, его призывали къ Ростовцову.

— Ну!

— Да что-же вы хотите? Ну ему и сказалъ Ростовцовъ, чтобъ онъ *опередъ былъ осторожнѣе*.

— Михаилъ Семеновичъ, неужели вы уже и это считаете мученичествомъ—пострадать при четверовластникѣ Іаковѣ совѣтомъ быть осторожнѣе?

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ, я видѣлъ ясно, что это не только личное мнѣніе Щепкина; еслибъ оно было такъ — въ его словахъ не было-бы того императивнаго тона.

Разговоръ этотъ для меня очень замѣчателенъ, въ немъ слышны первые звуки *московскаго консерватизма*, не въ кругѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына, праздныхъ помѣщиковъ, праздныхъ чиновниковъ, а въ кругѣ образованныхъ людей, литераторовъ, артистовъ, профессоровъ. Я слышалъ въ первый разъ это мнѣніе, выраженное такимъ яснымъ образомъ; оно меня поразило, хотя я тогда былъ очень далекъ, чтобъ понять, что изъ него въ послѣдствіи разовьется то упрямое консервативное направленіе, которое изъ Москвы сдѣлало въ самомъ дѣлѣ Китай городъ.

Тогда это еще была *усталь, зананность*, теперь сознаніе своего безсилія и материнская боязнь за дѣтей. Москва нагло и отважно пьетъ за Муравьева...

— А. И., сказалъ Щепкинъ, вставая и прохаживаясь съ волненіемъ по комнатѣ, вы знаете, какъ я васъ люблю и какі всѣ наши васъ любятъ... я вотъ на старости лѣтъ, не говоря ни слова по англійски, пріѣхалъ посмотрѣть на васъ въ Лондонъ; я сталъ-бы на свои старыя колѣна предъ тобой, сталъ-бы просить тебя остановиться пока есть время.

— Что-же вы, Михаилъ Семеновичъ, и ваши друзья хотите отъ меня?

— Я говорю за одвого себя, и прямо скажу: по моему, поѣзжай въ Америку, ничего не пиши, дай себя забыть и тогда года черезъ два, три мы начнемъ работать, чтобъ тебѣ разрѣшили вѣздъ въ Россію.

Мнѣ было безконечно грустно, я старался скрыть боль, которую производили на меня эти слова, жалѣя старика, у котораго были слезы на глазахъ. Онъ продолжалъ развивать заманчивую картину счастья—снова жить подъ умиловленнымъ скипетромъ Николая, но видя, что я не отвѣчаю спросилъ: Не такъ-ли А. И.?

— Не такъ, Михаилъ Семеновичъ. Я знаю, что вы меня любите и желаете мнѣ добра. Мнѣ больно васъ огорчить, но обманывать я васъ не могу: пусть говорятъ наши друзья, что хотятъ, я *типографію не закрою*; придетъ время они иначе взглянуть на рычагъ утвержденный мною въ англійской землѣ. Я буду печатать, беспрестанно печатать.... Если наши друзья не оцѣнятъ моего дѣла, мнѣ будетъ очень больно, но это меня не остановитъ, оцѣнятъ другіе, молодое поколѣніе, будущее поколѣніе.

— И такъ ни любовь друзей, ни судьба вашихъ дѣтей?

— Я взялъ его за руку и сказалъ ему, Михаилъ Семеновичъ, за чѣмъ вы хотите мнѣ испортить праздникъ свиданья—я въ Америку не поѣду, я въ Россію при этомъ порядкѣ дѣлъ, тоже не поѣду, печатать я буду, это единственное средство сдѣлать что-нибудь для Россіи, единственное средство поддержать съ ней живую связь; если-же то, что я печатаю дурно, скажите друзьямъ чтобъ они присылали рукописи—не можетъ быть, чтобъ у нихъ не было тоски по вольномъ словѣ.

— Никто, ничего не пришлетъ, говорилъ уже раздраженнымъ голосомъ старикъ; мои слова его сильно огорчили, онъ почувствовалъ приливъ въ головѣ и хотѣлъ послать за докторомъ и пѣвками.

На разговоръ этотъ мы не возвращались. Только передъ отъѣздомъ въ амбаркадеръ онъ грустно сказалъ качая головой: 'Много, много радости вы у меня отняли вашимъ упрямствомъ'.

— М. С., оставьте cadaго идти своей дорогой, тогда можетъ иной и придетъ куда-нибудь.

Онъ уѣхалъ; но неудачное посольство его все еще бродило въ немъ, и онъ, любя сильно, сильно сердился и выѣзжая изъ Парижа прислалъ мнѣ грозное письмо. Я прочиталъ его съ той-же любовью, съ которой бросился ему на шею въ Фокстонѣ и—*пошелъ своей дорогой*.

Прошло пять лѣтъ послѣ моего свиданья съ Михаиломъ Семеновичемъ и русскій станокъ въ Лондонѣ снова попался ему на дорогѣ. Дирекція московскихъ театровъ задерживала какія-то экономическія деньги, которыя слѣдовали въ награду артистамъ. Тогда было время *рекламаціи* и артисты избрали Щепкина своимъ ходатаемъ въ Петербургѣ. Директоромъ

тогда былъ извѣстный Геденовъ. Геденовъ началъ съ того, что отказалъ на отрѣзъ въ выдачѣ денегъ за прошлое время, говоря, что книги были контролированы и возвращаться на сдѣланные распоряженія было невозможно.

Разговоръ сталъ упорнѣе со стороны Щепкина и, какъ разумѣется, дерзче со стороны директора.

— Я долженъ буду беспокоить министра, замѣнилъ артистъ.

— Хорошо, что вы сказали, я ему доложу о дѣлѣ, и вамъ будетъ отказъ.

— Въ такомъ случаѣ я подамъ просьбу государю.

— Что вы это—съ такими дразгами соваться къ его императорскому величеству? Я какъ начальникъ запрещаю вамъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ откланиваясь Щепкинъ, деньги эти принадлежатъ, въ этомъ и вы согласны, обѣднымъ артистамъ, они мнѣ поручили ходатайствовать объ ихъ полученіи: вы мнѣ отказали и обѣщаете отказъ министра. Я хочу просить государя, вы мнѣ запрещаете, какъ начальникъ... мнѣ остается одно средство, я передамъ все дѣло въ "Колоколъ".

— Вы съ ума сошли, закричалъ Геденовъ, вы понимаете ли что вы говорите, я васъ велю арестовать. Послушайте, я васъ извиняю только тѣмъ, что вы сгоряча это сказали. Изъ эдакихъ пустяковъ дѣлать кутерму, какъ вамъ не стыдно. Приходите завтра въ контору, я посмотрю.

На другой день сумма была назначена артистамъ и Щепкинъ поѣхалъ домой.*

..... А какъ то потухала его жизнь?... декорации, актеры и самая пьеса еще разъ измѣнились... что дѣлалъ старикъ, дожившій съ одной стороны до осуществленія своей вѣчной мечты объ освобожденіи крестьянъ—въ средѣ пресыщеннаго либерализма, патриотизма кровожаднаго по службѣ, въ средѣ доводовъ университетскихъ, литературныхъ, окруженный измѣнниками своей юности, своихъ благороднѣйшихъ стремленій—рукоплескающими возгласами Писемскаго, статьями "Московскихъ Вѣдомостей" и казнями Муравьева?

10 Сентября 1863.

И—ръ.

ПИСЬМО Г. РОШКОВСКАГО.

Мы помѣщаемъ съ весьма небольшими выпусками письмо капитана генеральнаго штаба г. Рошковскаго. Оно живо представляетъ печальную картину процесса—которымъ петербургское правительство поселяетъ отвращеніе ко всему русскому.

"Послѣ опасной и продолжительной болѣзни на Кавказѣ, я взялъ для излѣченія ея заграничный отпускъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ о переводѣ меня на службу изъ кавказской арміи въ одесскій военный округъ, гдѣ я могъ быть поближе и къ своимъ роднымъ и къ мѣстамъ, которыя болѣе другихъ могъ считать своей родиной въ Россіи, родясь однажды внѣ ея предѣловъ. 20 Января я выѣхалъ изъ Тифлиса, когда еще туда не достигъ слухъ о начавшемся возстаніи въ Польшѣ.

"Позвольте мнѣ здѣсь войти въ нѣкоторыя подробности, лично меня касающіяся и которыя, быть можетъ, объяснятъ вамъ мое настоящее положеніе, образъ мыслей и стремленія мои. Я родился можно сказать въ русскомъ лагерѣ за границей (въ Валахіи во время занятія ея русскими войсками въ 1831 г.); росъ, воспитывался и прожилъ почти всю свою жизнь между русскими и исключительно подъ руссофильскимъ

* Анекдотъ этотъ, тогда же переданный намъ изъ очень пріагого источника, мы не печатали по понятной причинѣ.

вліяннємъ; отъ этого, не смотря на свое польское имя и литовско-валахское происхожденіе, я всегда считалъ и теперь считаю себя русскимъ. Сначала религіозные (православные) и другіе предрасудки, а потомъ дальнѣйшее развитіе и пріобрѣтенныя вмѣстѣ съ тѣмъ симпатіи, вполне оправдывали предъ моею совѣстью естественность такого, быть можетъ, ненормальнаго сознанія. Читать и писать по польски я никогда не умѣлъ; а говорить выучился кое-какъ отъ товарищей по школѣ и по службѣ и въ особенности въ послѣдніе годы моего пребыванія на Кавказѣ, когда я началъ сближаться искреннѣе съ хорошими людьми и истинными патриотами изъ полковъ и когда, выйдя изъ круга узкихъ эгоистическихъ взглядовъ, сталъ лучше понимать ихъ. По политическимъ мнѣніямъ своимъ относительно Польши и Россіи, я долгое время былъ уніонистомъ, но потомъ подобно вамъ и благодаря вамъ, убѣдившись въ невозможности примиренія въ настоящемъ противоположныхъ стремленій со стороны обѣихъ національностей, я сталъ открытымъ приверженцемъ освобожденія Польши *безъ фразъ*. Однажды, во время распространенія ужасовъ послѣ прошлогднихъ пожаровъ и польскихъ демонстрацій, одинъ изъ товарищей моихъ по службѣ въ главномъ штабѣ кавказской арміи, не дальній великороссійскій баричъ-помѣщикъ, нападая на поляковъ и на дѣйствія нашихъ заграничныхъ выходцевъ и усердно защищая Безобразовскія и другія плантаторскія идеи, вывелъ меня изъ терпѣнія, я сказалъ ему, что, какъ русскій, я себя презираю, чувствуя полнѣйшее свое безсиліе противъ господства такихъ позорныхъ убѣжденій въ моихъ согражданахъ, источникомъ которыхъ весь существующій на Руси гнусный порядокъ вещей. Немного спустя потомъ, я рассказывалъ этотъ фактъ, защищая польское дѣло въ другомъ кругу моихъ знакомыхъ изъ молодыхъ либераловъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ меня — въ случаѣ отдѣленія Польши — останусь ли я въ Россіи или присоединюсь къ полякамъ? Я отвѣчалъ что всегда останусь русскимъ, потому что воспитавшись въ Херсонской губерніи (въ одесской гимназіи при Ришельевскомъ лицѣ) и проведя большую часть своей жизни въ южномъ краѣ Россіи, я ни территориально, ни по народнымъ своимъ симпатіямъ не могу принадлежать къ Польшѣ. Эти чувства остались во мнѣ до сихъ поръ. Но вы увидите, сколько горькихъ испытаній они стоили мнѣ.

“Стеченіе совершенно непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, столкнуло меня лицомъ къ лицу съ служеніемъ польскому дѣлу и должно было заставить меня принять болѣе къ сердцу это дѣло — что можетъ быть безъ того остался бы для меня только теоретическимъ принципомъ, на столько-же обязательнымъ въ моихъ практическихъ дѣйствіяхъ, на сколько оно обязательно для всякаго благороднаго и развитаго существа, къ какой бы національности оно ни принадлежало.

“Поездку мою въ Петербургъ и въ Литву нынѣшней зимой вызвали совершенно неожиданныя и вовсе не желанныя обстоятельства. Младшая моя сестра, окончивъ курсъ въ петербургскомъ екатериненскомъ институтѣ, осталась тамъ почти безъ пріюта на чужихъ рукахъ. Ни я съ Кавказа, ни моя мать, проживающая въ Валахіи, гдѣ у нея находится небольшое состояніе, не могли по различнымъ причинамъ ѣхать за сестрой; и рѣшено было чтобъ младшій мой братъ,* бывший тогда въ академіи генеральнаго штаба, отвезъ ее самъ къ матери въ Валахію. Пока шла семейная переписка

объ этомъ, настало лѣто 1862 года; братъ въ числѣ прочихъ офицеровъ академіи находился уже на практической сѣмѣ въ с. Боровичахъ Новгородской губерніи, потому что ему не позволило начальство оставаться въ Петербургѣ при сестрѣ. Революціонныя прокламаціи, приписанныя не знаю ужъ почему самимъ царемъ академикамъ генеральнаго штаба, окончательно сбили съ толку начальство; оно подняло гоненіе на офицеровъ и в. к. Михаилъ Николаевичъ приказалъ никого изъ нихъ ни подъ какимъ видомъ не оставлять въ городѣ въ наступающіе лѣтніе мѣсяцы. Между тѣмъ въ Боровичахъ до моего брата и до его товарищей достигла вѣсть о казняхъ Аригольда и Сливичкаго въ Варшавѣ и о панихидахъ, которыя служились тамъ другими офицерами. Оба эти мученики были товарищами по оружію съ моимъ братомъ и другими академикомъ, Аригольдъ кромѣ того въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ просидѣлъ на одной корпусной скамѣ съ моимъ братомъ и потомъ они вмѣстѣ же служили въ Варшавѣ до поступленія брата въ академію. Девять человекъ изъ академиковъ младшаго отдѣленія отслужили въ Боровичахъ тоже панихиду по казненнымъ офицерамъ, и эта весьма незначительная демонстрація оставалась долгое время безъ всякихъ послѣдствій. Мой братъ, участвовавшій въ ней, съ позволенія начальства, отвезъ сестру нашу послѣ того къ одной родственницѣ въ Литву, чтобъ познакомиться съ ней и погостить у нея предъ отъѣздомъ за границу, а самъ возвратился въ Петербургъ для полученія паспорта въ Валахію. Какъ только онъ появился въ столицѣ, его тотъ часъ же схватили и посадили на гауптвахту. По въ служившій панихиду въ Боровичахъ успѣлъ уже донести на молодыхъ людей. Началось надъ ними слѣдствіе, которое производилъ извѣстный по первымъ убійствамъ, учиненнымъ въ Варшавѣ и по звѣрствамъ творимымъ нынѣ въ Минской губерніи, генералъ *Заболотскій*. Полицейское усердіе этого господина выказалось здѣсь во всей своей красотѣ; между прочимъ обыскавъ и перешаривъ все что находилось при моемъ братѣ, онъ потребовалъ чтобъ послѣдній самъ распечаталъ найденныя въ его бумажничѣ и врученныя ему сестрой для передачи ея институтскимъ подругамъ письма, и когда братъ отказался предлагая слѣдователю исполнить это лично своими руками, Заболотскій распечаталъ письма и прочелъ переписку институтокъ. Брата какъ и всѣхъ участвовавшихъ въ Боровичской панихидѣ продержали подъ строгимъ арестомъ на гауптвахтѣ четыре мѣсяца. Кромѣ панихиды, по слѣдствію ничего не оказалось для обвиненія офицеровъ, а въ Сводѣ Военныхъ Постанов. не смотря на все желаніе начальства, не могли найти статьи, по которой бы можно было отдать ихъ подъ судъ за божественную службу. Пришлось ограничиться однимъ *дисциплинарнымъ наказаніемъ* (по выраженію доклада военнаго министра): всѣхъ виновныхъ въ служеніи панихиды выключили изъ академіи, съ воспрещеніемъ когда либо вторично поступать въ оную; при этомъ ихъ раздѣлили, по обыкновенію нашей военной юриспруденціи, на категоріи; вслѣдствіе чего мой братъ и Лихачевъ, штабсъ-капитанъ 6-го стрѣковаго баталіона, какъ зачинщики, были посланы въ Оренбургскіе линейные баталіоны, и братъ попалъ въ 9-й баталіонъ въ г. Троицкѣ. Прочихъ семи офицеровъ замѣшанныхъ въ дѣло этой панихиды вѣроятно какъ менѣе виновныхъ по окончаніи ареста разослали въ свои или другіе полки арміи по мѣрѣ присужденнаго наказанія.

(Окончаніе въпредѣ).

* Поручикъ 7 стрѣковаго баталіона.

ВАРШАВА УТЪШЕНА!

“Ты возвратишься благодатный!”

Изъ будущей пьесы.

Константинъ Николаевичъ оставляя Варшаву на какую то десятидневную экзекуцію и на муравьевское усмиреніе — утѣшилъ ее явлѣніемъ *обѣщаніемъ возвратиться*, когда опасность и тяжелое положеніе пройдутъ. Какое счастье! Утерты слезы, утерта кровь, Варшава можетъ быть покойна..... жителей не будетъ, домовъ не будетъ, но великій князь возвратится!

Гдѣ тѣ дни юныхъ мечтаній, когда Константинъ Николаевичъ, вперя взглядъ въ широкое море и въ крошечнаго Головнина, мечталъ о великомъ будущемъ... плохо разыгралась игра, и это не случайно; безъ твердыхъ началъ, безъ полной вѣры, безъ всякой мысли въ обыкновенный штиль можно еще кой-какъ поплавать съ Головнинымъ у руля, а въ бури дѣйствительно лучше куда нибудь въ портъ, да и возвратиться въ хорошую погоду...

— СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ЛИВРЕН И ЗАПЯТОКЪ. “Графъ Старжинскій, избранный въ гродненскіе губернскіе предводители дворянства, явился къ губернатору въ *пиджакѣ*, безъ малѣйшаго знака уваженія, подобающаго представителю законной власти въ губерніи”. — (Москов. Вѣд.).

Пиджакъ графа Старжинскаго первый послѣ пальто князя Меншикова вносится въ скрижали бытописанія, и этому онъ обязанъ *делиріуму фискальства* одного изъ самыхъ *муравленыхъ* правительственныхъ органовъ.

Тяжелый формализмъ, военная вытяжка (ррруки по швамъ!) и гражданское подобострастіе въ одеждѣ, наружности и словахъ, идетъ у насъ рядомъ съ другими мерзостями изъ самой, неуклюжей страны въ мірѣ — изъ Германіи. Неотесанность пѣмеккихъ правовъ — обуздывалась только чиновопочитаніемъ. Пѣмецкіе *Ферсали* постоянно сбивались на кордегардію и переднюю. Для пѣмцовъ, не получающихъ вовсе воспитанія, что не мѣшаетъ имъ быть очень учеными, надобно было опростить нюансы, къ которымъ привыкло порядочное общество во Франціи и Англіи и замѣнить его этикетомъ внѣшнимъ и обязательнымъ. А потому церемонмейстеры и вахтмейстеры расписали для пѣмцовъ сколько пуговицъ надо застегнуть въ знакъ уваженія, какъ кланяться и какъ говорить, когда сидѣть и когда держать спину на ногахъ. Узкими штанами и фраккомъ заявлялось уваженіе къ старшему, застегнутымъ воротникомъ — таковая же преданность и пр. Все это было перевезено подъ фирмой цивилизаціи въ Россію. Византійскіе нравы московскаго двора съ аристократами, которыхъ пороли на конюшнѣ и сановниками, которыхъ сѣкли кнутомъ, давали удивительную почву для табели о рангахъ, для этикета, для заявленія раболобія и самоуничженія. Дворяне и дворяне вскорѣ заткнули за поясъ пѣмцовъ. Русскій лакей (до освобожденія) и русскій чиновникъ (можетъ до конституціи Лагероньера) дошли до фізіологической границы дисциплины и подобострастія. Еще шагъ и лакей-чиновникъ превратился бы въ негра, еще шагъ и *вытяжной* офицеръ вытянулся бы въ столбнякъ.

Кто жила въ провинціи, тотъ знаетъ до какой казуистики, до какихъ тонкостей и усовершенствованій довели мы подлость чиновопочитанія и наружныя знаки раболобія. Чиновники въ Вѣдкѣ снимали шубы на губернаторскомъ дворѣ и оставляли ихъ въ саняхъ; были губернскія власти, которыя, если не успѣвали подать губернатору, котораго называли *генераломъ*, шубу, то съ умиленіемъ поправляли ее.

Одинъ протестъ, одно негодованіе и слышалось противъ подлости въ нравахъ. Русская литература позорила кліентизмъ, дѣлала его смѣшнымъ и гадкимъ, дѣлала его презрительнымъ и заставляла стыдиться его.

А теперь печатно защищаютъ ‘знаки уваженія подобающіе’ и подъ этими знаками разумѣютъ вѣроятно *фракъ по утру*. Въ тѣ времена, когда литературу держали въ черномъ тѣлѣ и гнали науку, не было краснорѣчивыхъ защитниковъ ‘подобающихъ знаковъ’, не было и кафедръ рабства, во всей Россіи *тогда* не осмѣливались публично пить ни одного не казеннаго госта, но во всей Россіи не нашлось бы рта, чтобы пить за здоровье Муравьева.

Есть гніенія, которыя только и обнаруживаются когда до нихъ коснется чистый воздухъ. Но счастью у насъ матеріала не много и разложеніе идетъ ужасно быстро, такъ что едва мы успѣемъ обернуться, а вся верхняя короста изъ отвратительной гнили перейдетъ въ то во что должна — въ тучное удобреніе полей.

Все это такъ, но нѣтъ возможности оборониться отъ чувства негодованія, боли и стыда при видѣ этого залавка въ передней, въ который упало наше *образованное* общество, наша торговая литература, наши университеты, украшенные новыми членами. Эта боль — послѣдняя дань уваженія комнатѣ родительскаго дома или школы, гдѣ мы провели дѣтство и юность и гдѣ теперь живетъ будочникъ или сыщикъ.

Еще слово. Какъ же это наши англоманы въ *нечистой* отставкѣ не подумали, что въ Англіи, въ этомъ идеалѣ преобладанія собственности, капиталовъ, землевладѣльцевъ, въ аристократической Англіи, ни къ одному министру, ни къ одному сановнику, ни къ кому вообще никто *не ѣздитъ во фракъ утромъ*. Фракъ утромъ признакъ лакея, и можетъ только закупиться на то, что человекъ въ пиджакѣ пошлетъ его за своей каретой.

Господа, въ честь пиджака графа Старжинскаго бросьте дикую привычку *являться* къ начальству во фракъ въ 8 часовъ утра.

— *Нѣсколько словъ объ адресахъ*. — (изъ Россіи). “Въ Европѣ вообразили вѣроятно, что у насъ адреса выражаютъ общественное мнѣніе. Надобно разуверить западные народы въ этомъ. У насъ за адреса, служащіе выраженіемъ общественного мнѣнія, сажаютъ въ крѣпость подписавшихъ и потомъ велятъ судить какъ бунтовщиковъ. Такъ поступили съ тверскими и подольскими дворянами. Объ адресахъ никто въ Россіи не смѣетъ и думать. Постоянныя адреса посыпались со всѣхъ концовъ Россіи по приказанію Валюева, данному губернаторамъ, вѣроятно по предварительному совѣщанію съ Долгоруковымъ, потому что и тотъ и другой дѣйствуютъ всегда сообща. Свыше было продиктовано и содержаніе адресовъ, оттого они вышли болѣе или менѣе одинаковы. Составляли ихъ чиновники и давали подписывать тѣмъ, которые не смѣли отказаться отъ подписи. Съ адресами этими разыгрывалась просто комедія. Въ нѣкоторыхъ городахъ вообразили было, что можно въ самомъ дѣлѣ выразить общественное мнѣніе о созваніи собора, конституціи; но вскорѣ убѣдились въ противномъ и должны были молчать. Имъ не давали подписывать адреса. Усердные губернаторы приказали писать адреса и крестьянамъ даже, которые и не слыхивали — что такое за штука адреса. Чиновники имъ написали. Такимъ образомъ явились адреса отъ крестьянскихъ обществъ, даже и отъ крымскихъ татаръ. Пересолили Валюевъ и Долгоруковъ съ Потаповымъ! Нахальство ихъ превосходитъ всякую мѣру. Они думаютъ адресами застрашать всю западную Европу. Въ Россіи смѣются всѣ надъ этими адресами. Искренности ихъ вѣрятъ одни министры, царскіе лакеи изъ пѣмцовъ и русскихъ, да самъ великодушный государь”.

— Письмо подъ No. 5 получено.

— Въ *Общій фондъ* получено: за N. 74, отъ старообрядца, признающаго бѣлокривичское священство — 40 франковъ. За N. 2104 — 1000 франковъ, за N. 2105 — 50 франковъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. Цѣна 9 пенсовъ, съ двадцать вторымъ листомъ—ОБЩЕЕ ВѢЩЕ.

ЛИСТЪ 172.

1 НОЯБРЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 22).

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement : VETCHÉ No. 22.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Протестъ—“Симъ побѣдиши” (Стихотвореніе)—Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ (Конституція и земскій соборъ)—Изъ лѣтописи за два послѣдніе года—Письмо г. Рошковскаго (Окончаніе)—Иванъ Кельсиевъ—Общій фондъ и пр.

ПРОТЕСТЪ.

Милостивый государь,

Нижеподписавшіеся русскіе, живущіе въ Швейцаріи, покорѣйше просятъ васъ заявить въ вашей газетѣ, что они протестуютъ противъ безчеловѣчныхъ мѣръ Муравьева и другихъ палачей, огнемъ, мечемъ, депортаціей и грабежемъ опустошающихъ Польшу. Они видятъ въ нихъ стремленіе довести до послѣднихъ предѣловъ нѣмецко-татарскій деспотизмъ не только въ Польшѣ, но и въ самой Россіи. Какъ истинные патріоты, желающіе блага отечеству, они отказываются отъ всякой солидарности съ тѣми купленными и некупленными писателями, которые своими лже патріотическими статьями запятнали, до сихъ поръ, честную русскую прессу. Они выражаютъ также свое сочувствіе къ героямъ умирающимъ и мужественно выдерживающимъ борьбу за свободу своего отечества.

(Слѣдуютъ подписи, за достовѣрность которыхъ редакція Колокола ручается).

“СИМЪ ПОБѢДИШИ”.

(Отвѣтъ писавшему : “Братское слово”, Колоколъ No. 171).

Мой другъ, твой голосъ молодой
Отводитъ душу, сердце грѣетъ,
И призракъ палъ передо мной
И духъ унынія слабѣетъ.
А есть съ чего сойти съ ума,
Или утратить силу вѣры—
Такъ звѣрствъ и подлостей чума
Россіей властвуетъ безъ мѣры!

И вотъ пришло на память мнѣ—
Какъ встарину, никѣмъ не знаемъ,
Бывалъ, спасаясь въ тишипѣ,
Отшельникъ адомъ искушаемъ.
Изъ тьмы угловъ, изъ черной мглы,
Изъ за полуночной завѣсы,
И отвратительны и злы
Его смущать являлись бѣсы,
А онъ крѣпился и мужалъ
И призракъ вѣрой побѣждалъ.

Мой другъ, твой голосъ молодой
Отводитъ душу, сердце грѣетъ,
И призракъ палъ передо мной,
И духъ унынія слабѣетъ,

Годъ VII.

И вѣрю, вѣрю я въ исходъ
И въ наше свѣтлое спасенье,
Въ землевладѣющій народъ
И въ молодое поколѣнье.
И вѣрю я—невдалекѣ
Грядетъ, грядетъ иная доля,
И крѣпко держится въ рукѣ
Одна хоругвь—Земля и Воля.

Н. Огаревъ.

РАСЧИСТКА НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ

(Статья Вторая)

КОНСТИТУЦІЯ И ЗЕМСКІЙ СОВОРЪ.

IV.

Мы долго медлили окончаніемъ этой статьи. Столько было слуховъ о какихъ то конституціяхъ, что мы пріостановились, чтобъ имѣть право сказать наше мнѣніе post facto. Теперь конституціонныя поползновенія Александра II разразились наконецъ въ финляндскую конституцію*. Гора родила мышъ. Подновивъ конституцію Густава III, Александръ II далъ Финляндіи слѣдующія права, которыя никогда не удовлетворять ее :

1) Правительство можетъ отплатить займы только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Чрезвычайныя обстоятельства отыскать не трудно : все, начиная отъ крымской войны и до польскаго возстанія, все можетъ служить чрезвычайнымъ обстоятельствомъ, обременяющимъ долгами Финляндію, которой до этого чрезвычайнаго обстоятельства никакого дѣла нѣтъ.

2) Право созванія камеръ принадлежитъ только государю.

Слѣдовательно Финляндія не можетъ — не только собирать своего сейма въ опредѣленные ежегодные сроки, но даже и тогда, когда народонаселеніе считало бы созваніе сейма необходимою.

3) Предложеніе вопросовъ или законовъ, идущихъ на разсмотрѣніе камеръ, принадлежитъ государю.

Вслѣдствіе этого, петербургское правительство забросало финляндскій сеймъ огромнымъ числомъ предложеній ; но едва ли это удовлетворитъ потребность представителей фин-

* Мы сей часъ получили статью “Голосъ изъ Финляндіи” и очень жалѣемъ, что не успѣли помѣстить ее въ этомъ же листѣ Колокола. Она будетъ помѣщена въ слѣдующемъ листѣ, который выйдетъ 15 Ноября.

ландскаго народа въ собственной инициативѣ, которой первое стремленіе упрочить засѣданіе камеръ въ опредѣленные закономъ сроки, а не по произволу государя.

4) Журналамъ запрещено печатать пренія камеръ, а только ихъ приговоры за секретарской скръпюю.

Слѣдственно эта конституція не содержитъ даже перваго условия жизни всякаго представительнаго собранія, т. е. гласности преній, гласности, которая безъ права печатать пренія—равна нулю.

Вслѣдствие этого случилось вотъ какое обстоятельство: журналисты хотѣли свиданія съ государемъ, чтобы лично заявить ему протестъ противъ такого положенія и, собравшись, просили графа Армфельда доложить государю о ихъ желаніи его видѣть. Графъ Армфельдъ отвѣчалъ имъ, что государь теперь обѣдаетъ, и что развѣ послѣ обѣда около такого то времени ему будетъ дозволено. Дѣло было передъ самымъ обѣдомъ государя. Государь уѣхалъ часомъ раньше. Журналисты послали ему свой протестъ по почтѣ. Отвѣта еще не было.

И такъ вотъ эта знаменитая конституція, задуманная на удивленіе Европы, по которой русскому народу слишкомъ ясно доказываетъ, что все дѣлается только для виду и что въ сущности государь никакой конституціи Россіи дать не хочетъ; а если обстоятельства и вынудятъ его прибѣгнуть къ конституціонному порядку изъ затруднительнаго положенія, то его конституція будетъ однимъ изъ глѣхъ призраковъ, который мелькнетъ на короткое время, чтобы указать на необходимость Земскаго Собора.

Финляндія своимъ призракомъ конституціи, безъ сомнѣнія, обязана польскому возстанію. Безъ него не было бы и этой попытки Лицеѣрно показать Европѣ, что мы де вотъ готовы на всякія уступки, лишь бы не было слишкомъ ярѣпкихъ заявленій со стороны народонаселеній, и притомъ сдѣлать какъ можно меньше уступокъ—вотъ и все что лежало въ намѣреніяхъ петербургскаго правительства. Намѣренія эти сосредоточились на Финляндіи, потому что народонаселеніе малочисленное, на русское общество имѣетъ мало вліянія—не то что Польша—и стало тутъ либеральничать не опасно и удобно.

Но лицемеріе петербургскаго правительства ошибѣтся. Оно встрѣтитъ въ Финляндіи народъ не многочисленный, но стойкій, народъ, который никакого самоуниженія передъ властью не оказалъ, а далѣе будетъ только заявлять свои дѣйствительныя требованія.

Казенная литература старается представить его соподчиненность Россіи, или лучше сказать петербургскому правительству, потому что для дѣйствительной Россіи соподчиненность Финляндіи совершенно равнодушна. По своему географическому положенію и своей внутренней исторіи, Финляндія не можетъ играть роли ни шведской, ни русской провинціи, хотя она съ Швеціей связана предапіями, а съ Россіей какимъ то невольнымъ полу-военнымъ, полу-дипломатическимъ захватомъ. Финляндія какъ она ни мала, по особенностямъ своего племени, предназначена играть роль самобытной народности, служащей мирнымъ узломъ, мирнымъ путемъ между скандинавскимъ и русско-славянскимъ областнымъ союзомъ (федераціей). Обстоятельства введутъ ее въ это ея естественное русло, что бы ни дѣлало наперекоръ петербургское правительство.

По на сію минуту Финляндія служитъ укоромъ русскому дворянству, показывая ему, что и безъ самоуниженія можно достигнуть кое какихъ правъ, что напротивъ того съ самоуниженіемъ до нихъ никогда не достигнешь. Впрочемъ это указаніе не вразумитъ большинства русскаго дворянства; оно гораздо прямѣе вразумитъ русскій народъ въ томъ, что онъ отъ этого большинства ничего хорошаго ждать не можетъ, что это большинство никогда не потребуетъ никакихъ иныхъ правъ, кромѣ права грабить Польшу съ одной стороны и свой собственный народъ съ другой. За это, для кармана выгодное, право оно добровольно откажется отъ всякихъ политическихъ правъ и пойдетъ нѣтъ петербургское холопство.

Но этому-то Россія никогда и не помирится съ какой нибудь дарованной конституціей. Если въ Финляндіи, въ продолженіи вѣковъ, подобно какъ и въ Швеціи, установились четыре сословія, существующихъ рядомъ почти безобидно другъ для друга и требующихъ каждое своего отдѣльнаго представительства; то въ Россіи такихъ сословій нѣтъ. Есть сословіе дворянскаго чиновничества обижающее и есть народъ обиженный. Никакая сословная конституція—а дарованная конституція не можетъ быть иною, потому что она будетъ вертѣться около преимущества управляющихъ, а не управляемыхъ,—никакая сословная конституція не удовлетворитъ русскаго народа. И не конституція, дарованная государемъ по петербургскому регламенту, удовлетворитъ его, а конституція, обдуманная и утвержденная безсословнымъ Земскимъ Соборомъ, конституція вытекающая изъ условий жизни всѣхъ русскихъ областей, выражающая дѣйствительный составъ всего нашего народа и всѣхъ различныхъ племенъ его,—только такая конституція удовлетворитъ его. Удержитсѣ ли при этомъ петербургская династія и въ Петербургѣ сосредоточенное правительство—это совершенно равнодушно. Мы съ своей стороны, можемъ только сказать, что не видимъ никакого географическаго условія, чтобы Петербургъ могъ остаться русскимъ центромъ, а полуторавѣковая исторія его не пустила никакихъ иныхъ корней въ русскомъ народѣ, кромѣ постоянного старанія какъ-бы полѣвче избѣгнуть петербургскихъ преслѣдованій за вѣру, за мысль—и ускользнуть отъ грабежа широко раскинутой сѣти опѣмеченнаго дворянства, составляющаго правительственное чиновничество.

(продолженіе въпредѣ).

И. Огаревъ.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ЗА ДВА ПОСЛѢДНІЕ ГОДА.

Гг. Издатели,

Мы полагаемъ, и вѣроятно исполнѣ согласно съ вами, что въ настоящее время говорить много о палачествѣ петербургскаго правительства въ Польшѣ, даже о томъ, сколько позора и бѣдствій причиняетъ оно русскому народу—безполезно. Страсти слишкомъ разгорячены теперь, и слѣдуетъ выждать пока придетъ день трезваго пониманія историческихъ событій. Теперь же, мы падѣмся, что вы дадите въ своемъ журналѣ мѣсто нашей рѣчи о предметѣ, стоящемъ внѣ всякаго племеннаго вопроса и всегда одинаково близкомъ каждому честному русскому; о предметѣ, отъ котораго слишкомъ существенно и безотносительно зависитъ благосостояніе русскаго народа. Мы считаемъ полезнымъ въ настоящую минуту показать, опираясь на неопровержимые факты, отношеніе петербургскаго правительства къ самому русскому обществу. Напомнимъ русскимъ людямъ, хоть

коротко, поведение этого правительства въ ихъ *собственной* средѣ, и пусть они поймутъ куда ведетъ ихъ петербургское императорство, что сулятъ имъ его дѣйствія — благоденствіе или гибель?

Россія, Сентябрь, 1863.

I.

Говорить здѣсь о всемъ царствованіи “благодушнаго монарха” было бы слишкомъ долго, да оно пока и не нужно. Мы ограничимся однимъ послѣднимъ временемъ и оговоримся только объ одномъ дѣйствіи петербургскаго правительства, которое многіе хотятъ считать актомъ искупающимъ всѣ его преступленія и злодѣянія. Мы говоримъ о реформѣ крѣпостнаго права; мы замѣтимъ, что во 1-хъ слишкомъ цѣлпо полагать, что одинъ порядочный поступокъ можетъ искупать всѣ слишкомъ преступныя вины всѣхъ другихъ дѣйствій; а во 2-хъ, кого и какъ удовлетворила реформа крѣпостнаго права? Народъ, крестьяне, остались ли они удовлетворены? Отвѣтомъ должно служить все то же всегда упоминаемое нами и всегда забываемое русскимъ обществомъ — пролитіе народнои крови. Да и кровопролитіе не повело къ большому удовлетворенію, и народъ ждетъ новой воли, ждетъ *по своему*, ждетъ, потому что слишкомъ страдаетъ отъ несообразныхъ постановленій крѣпостной реформы; въ чемъ выразится это ожиданіе народа — вопросъ другой. Не осталось довольно даже и то дворянство, которое именуется въ важныхъ случаяхъ доблестною опорой пошатнувшагося престола.

За тѣмъ, все “благодушное” царствованіе проявляетъ себя и выражается въ мелкомъ либеральничаніи и не въ мелкихъ преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ изъ-подъ тишка, “подъ-рукою”.

Честное русское общество однако вѣрило въ началѣ и долго вѣрило въ добронамѣренность Александра II, и въ этой вѣрѣ — какъ ни грустно сознавать легкомысліе цѣлаго общества — важно однако то, что въ ней высказалось самимъ обществомъ стремленіе въ лучшей жизни, говоря проще — къ человѣческой жизни, послѣ 30-ти лѣтняго затвора въ смрадномъ острогѣ николаевщины. Въ то время русская литература могла быть только честною; она смѣло высказывала свое и общественное отвращеніе отъ николаевской системы; въ то время, даже корифеи третье-отдѣлѣвающей литературы, Катковы и Павловы съ компаніями, разливались сладкозвучными головами въ пѣсняхъ о прогрессѣ и свободѣ!

А между тѣмъ толки о пресловутой гласности оставались праздными толками; свобода печати оставалась несбыточною мечтою наивныхъ вѣровавшихъ...

... Осенняя студентская исторія была первымъ дѣломъ, смѣнившимъ избытокъ постоянныхъ словъ и словъ. Студентская исторія случилась вслѣдъ за “Великоруссомъ” и “Къ молодому поколѣнію”. Между комитетомъ Великорусса, между авторомъ “Къ молодому поколѣнію” и тѣми студентами, которые горячо приняли къ сердцу правительственное гоненіе противъ молодежи и вообще противъ всякаго образованія, — *связи не было никакой*, въ этомъ мы ручаемся положительно. Тѣмъ не менѣе правительство *увидѣло* связь между этими явленіями; увидѣло потому, что въ первыхъ русскихъ прокламаціяхъ, призывавшихъ общество къ сверженію ненавистнаго ига, *говорилось* о неспособности петербургскаго правительства; въ студентской исторіи, всѣмъ ея ходомъ, всѣми безобразными поступками правительства на *дѣлѣ доказалась* эта неспособность.

Негодующій громъ европейскаго общественнаго мнѣнія оглушилъ правительство, должно быть въ немъ тогда еще остался хоть намекъ на совѣсть; русское общество громко высказывало свое сочувствіе къ студентскому дѣлу и омерзѣніе къ палатамъ честной образованной молодежи; даже скромныя юныя дѣвушки презрительно отказывались танцевать съ ославленными преображенцами... И литература — или молчала или высказывала, хоть робко, что дѣлать со всѣмъ обществомъ сочувствіе къ молодежи. Только одинъ “День” ознаменовалъ тогда свое появленіе неумѣстными менторскими изліяніями. Что побудило его къ тому? Чтобы то ни было, но никто не могъ заподозрить День въ подкупѣ. Современные корифеи казенной литературы молчали *гласно*, молчали только изъ боязни общественнаго мнѣнія, потому что доношничество было и тогда ихъ существеннымъ атрибутомъ — и, *тайно*, нынѣшніе редакторы “Московскихъ Вѣдомостей” въ компаніи съ Чичеринымъ и всѣмъ московскимъ профессорствомъ слали къ юродствовавшему Путятину доносы полные лжи и клеветы.

А сотни студентовъ, брошенные въ сырые, удушливые казематы и содержавшіеся въ первое время на положеніи самыхъ каторжныхъ преступниковъ, по слѣдствію оказались непричастными ни къ какимъ *политическимъ* дѣламъ, и виновными *по слѣдствію* оказались только университетское начальство и полиція — явная и тайная. Это однако не мѣшало правительственнымъ клеветамъ “повергать на высочайшее благоусмотрѣніе” игнатьевскіе проекты “протрезвить молодежь въ рядахъ русскаго воинства”, панинскія требованія “препроводить цѣлыя десятки въ арестантскія роты и болѣе сотни въ сибирскія губерніи”. Подобныя рѣшенія возбудили бы слишкомъ большое озлобленіе въ цѣломъ обществѣ и открытую ненависть въ цѣлыхъ сотняхъ семействъ; подобныя рѣшенія не могли бы придумать оправданія даже казенные искусники и ораторы. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе студентскаго дѣла было вопіюще несправедливо. Оно повело въ ссылки многихъ юношей петербургскаго и московскаго университетовъ, оно лишило всю лучшую молодежь возможности продолжать свое образованіе. Молодежь приняла рѣшеніе “милостиваго монарха” спокойно и гордо; ссылки и исключенные не протестовали, а тѣ, которымъ предложено было раскаяніе (въ видѣ принятія матрикулъ) не задумываясь отвергли его, считая должнымъ съ своей стороны подвергнуться исключенію вмѣстѣ съ товарищами; да еще заключенные въ петропавловской крѣпости попросили прочесть имъ вторично высочайшій указъ, “ибо они не поняли его”, такъ цѣлпо и бессмысленно было рѣшеніе.

На смѣну Шувалова и Путятина явились Потаповъ и Головинъ. Распространеніе о дѣятельности этихъ царскихъ палачей, повело бы насъ слишкомъ далеко. Честные люди легко могутъ видѣть какъ убиваетъ Потаповъ лучшихъ и невинныхъ людей въ казематахъ; какъ убиваетъ Головинъ челоѣчность въ литературѣ и изъ честной превращаетъ ее, своими подкупами и продѣлками, въ растлѣнную.

А безцѣпурные листы, призывавшіе общество къ жизни и свободѣ, распространялись по прежнему, только съ тою разницею, что виновники уже не отыскивались. Не смотря на всѣ ясныя доказательства и опроверженія, правительство хотѣло считать молодежь виновницею всѣхъ агитаціонныхъ

явлений. Правительственные клеветы бѣшено явились отъ одной мысли, что такая лакомая добыча ускользнула изъ-подъ ихъ когтей: вотъ гдѣ источникъ всѣхъ гоненій на молодежь.

И возобновились гоненія сначала робко, изъ-подъ тишка, потомъ смѣлѣе, crescendo, и наконецъ съ возмущающей наглостью и звѣрскою кровожадностью.

Впередѣ всѣхъ робко выступилъ Андрей Краевскій (закабалившій себя Головнину) съ своими "Петербургскими Вѣдомостями", съ обвиненіемъ молодежи въ буйствѣ и крамольничествѣ, въ лѣпи и неохотѣ *учиться*. Походъ былъ неудаченъ, отбитъ на всѣхъ пунктахъ и только ясно указалъ планы Головнина и его слугъ. Нужно было дѣйствовать рѣшительнѣе. Спасительнымъ поводомъ явились пожары.

II.

Пожары въ Россіи въ лѣто 1862 года, и особенно петербургскіе, составляютъ *историческое событіе*. Это событіе осязательно показало какимъ "благодуміемъ" одержимо императорское правительство; оно показало всю ничтожность этого правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ всю кровожадность его; оно было сигналомъ для *операций* преступнаго тріумвирата — Валюева, Головнина и Потапова, оно было сигналомъ и для хора III — отдѣленствующей литературы. Это событіе и до сихъ поръ еще остается загадочнымъ и подозрительнымъ для многихъ; оно и до сихъ поръ остается струною въ инструментѣ продажныхъ писакъ, струною, по которой опи и до сихъ поръ визжать при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и въ то же время это событіе и до сихъ поръ составляетъ безотвѣтный запросъ со стороны свободной пропаганды: сколько разъ ни вызывалъ *Колоколъ* на прямой и доказательный отвѣтъ по обвиненіямъ въ пожарахъ, петербургское правительство, казенные журналы и газеты упорно молчали и не давали отвѣта.

Мы еще разъ говоримъ о пожарахъ, и на этотъ разъ приведемъ нѣкоторые факты для свѣденія общества.

Частые, одновременные и истребительные пожары не новость у насъ. Такіе пожары идутъ на Руси искони и всегда составляли народное бѣдствіе; отъ нихъ также выгоралъ Новгородъ въ давнія времена*, какъ Москва и Петербургъ въ недавнія, благодаря отеческой заботливости петербургскаго правительства.†

Мы полагаемъ, что и петербургскіе пожары были случайностью. Этою случайностью вздумалъ воспользоваться тріумвиратъ; чрезъ своихъ полицейскихъ и шпионовъ пустилъ онъ въ ходъ слухъ о поджигательствѣ, о томъ, что Петербургъ жжетъ образованная молодежь! Гнусная продѣлка удалась тріумвирату усиѣшнѣе, чѣмъ подобная же попытка его предшественникамъ. Во время студентской исторіи правительственные агенты хотѣли распускать слухъ, что "студенты дворяне, бунтующіе противъ царской воли!" Въ Петербургѣ эта попытка совершенно не удалась, въ Москвѣ она имѣла видъ удачи при дѣйствіи переодѣтыхъ шпионовъ и полицейскихъ. Продѣлка тріумвирата имѣла болѣе шансовъ на успѣхъ.

* Стоять только перелистовать Новгородскія лѣтописи, чтобъ увидѣть какъ страшно терпѣлъ народъ отъ частыхъ всенстреблявшихъ пожаровъ. Обвиненія въ поджигательствахъ повторялись и тогда, только не злоумышленно, а по невѣжеству.

† Во время петербургскихъ пожаровъ всѣ пожарныя машины полиціи оказались совершенно негодными, такъ что онѣ должны были оставаться безъ всякаго дѣйствія, въ то время какъ только одна частная американская машина спасала Петербургъ отъ разлива огня!

Народъ ничѣмъ такъ не поражается, какъ страшнымъ, безпомощнымъ зрѣлищемъ огня, который мгновенно поглощаетъ все скопленное трудовыми годами, все чѣмъ часто поддерживалась самая жизнь.

Въ такихъ пожарахъ суевѣріе всегда готово видѣть или божью кару или умысленныхъ поджигателей. Дѣло честныхъ людей (не правительствъ, потому что такихъ правительствъ слишкомъ не много), просвѣщать народъ, дѣло правительствъ — пользоваться невѣжествомъ народа для своихъ преступныхъ видовъ. Полицейскіе и шпионы сновали въ народѣ, толкуя о поджигателяхъ и указывая на молодежь... Тріумвирату показалось этого мало, и длинною вереницею открылся походъ казенно-продажной литературы противъ университетской молодежи. "Сѣверная Пчела" съ И. Мельниковымъ назвала поджигателями *студентовъ*! "Отечественныя Записки" съ Громекою требовали смертной казни и чуть не четвертованія поджигателей — молодежи. "Наше Время" съ Павловымъ и Чичеринымъ требовало *пытки* надъ молодежью, заключенною въ крѣпость, "Современная Лѣтопись" и "Русскій Вѣстникъ", во образѣ братьевъ-публицистовъ Каткова и Леонтьева напустились на "тотъ берегъ", стали обвинять *какихъ-то* людей въ наущеніи молодежи и уже прямо связали политическія дѣйствія, свободную пропаганду съ поджогами!!

Что же оказалось на дѣлѣ? Найдены-ли были хоть одинъ виновный въ поджогахъ? Какія мѣры и дѣйствія были приняты правительствомъ? Кромѣ обвиненія молодежи посредствомъ полицейскихъ шпионовъ и купленной литературы правительство принимало многія "благодѣтельные" мѣры!.. Оно наполнило всѣ казематы петропавловской крѣпости, всѣ части и сѣзжія людьми всѣхъ возрастовъ и классовъ. Оно назначало безчисленныя комиссіи для слѣдствій по поджогамъ. Комиссіи разбирали дѣло, выпустили задержанныхъ въ части людей, и сосредоточили все свое вниманіе на заключенныхъ въ крѣпости, а крѣпость была наполнена задержанными на обумъ и по благоусмотрѣнію тріумвирата студентами бывшаго университета и медицинской академіи. Многочисленными арестами студентовъ правительство хотѣло еще болѣе заставить народъ вѣрить въ свою клевету о поджигателяхъ-студентахъ. Самая наглость заарестованія слишкомъ подтверждаетъ наши слова и мы приведемъ здѣсь хоть одинъ примѣръ подобныхъ арестованій.

Въ первыхъ числахъ Іюня 1862 г., днемъ, въ 12чъ часу, у одного домика на Выборгской сторонѣ остановились четыре кареты съ цѣлою дюжиною жапдармовъ, съ квартальными и другими полицейскими. Очевидно, что въ то время общаго напряженнаго состоянія, народъ кучею столпился около домика поглядѣть, что за необычае такое зрѣлище. Изъ домика вывели нѣсколько человекъ медицинскихъ студентовъ, ихъ хозяйкѣ было сказано, что ихъ арестовываютъ за поджоги, народу по сторонамъ громко объявлялось, что это ведутъ поджигателей...

Въ то время даже нѣмецкіе газеты поспѣшили объявить, что вотъ-де "до какой крайности" дошла революціонная партія въ Россіи, что къ великому скандалу даже медицинскіе студенты *оказались* поджигателями!

Что же оказалось на дѣлѣ? Полиція дѣйствительно *обвиняла* одного изъ медиковъ, Мульгановскаго, въ поджигательствѣ. Явился какой-то мальчишка, лѣтъ 12^{ти}, будто схваченный

полиціей на мѣстѣ преступленія; мальчишка этотъ указывалъ на Мультаповскаго, какъ на подкупавшаго его за большіе деньги. Мультановскаго водили въ комиссію, обвиняли; Мультановскій отвѣчалъ, что мальчишка лжетъ, потому что онъ его и въ глаза не видалъ, а отъ обвиненія въ такой гнусной подлости, какъ поджигательство ему нѣчего и нечѣмъ защищаться; судьи сами должны понять всю нецѣпность подобнаго обвиненія... Уликъ не было, свидѣтелей не было... Мультановскаго приговорили къ смертной казни, ждали дня казни. Благодаря особому случаю, по этому дѣлу было наряжено новое слѣдствіе. *По слѣдствію оказалось, что Мультановскій невиненъ*, что мальчишка лгалъ и путался и даже не могъ отличить разноцѣнныхъ ассигнацій.

Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что мальчика этого (говорятъ выѣхавъ съ его матерью, не ручаемся за это) сослали въ Сибирь на поселеніе, а Мультановскаго продержали 8 мѣсяцевъ въ казематахъ и выпустили на поруки, подъ надзоръ полиціи; не знаемъ позволено ли ему было оставаться въ Петербургѣ. Вотъ какіе оказались поджигатели! Люди, знающіе подобныя дѣла весьма близко, говорили въ то время, что мальчикъ былъ подкупленъ квартальнымъ, желавшимъ угодить начальству; но за вѣрность такой продѣлки мы ручаться не можемъ.

Другое преступленіе, относящееся къ этой же категоріи, было сдѣлано правительствомъ немого раньше, вслѣдъ за большимъ пожаромъ. Именно—торжественное совершеніе приговора надъ Обручевымъ. Злоумышленность при этомъ исполненіи приговора обнаруживается во всемъ безобразіи своемъ, при сравненіи его съ исполненіемъ приговора надъ Михайловымъ.

Обрядъ казни надъ Михайловымъ былъ совершенъ въ тихомолку; его внезапно разбудили ночью и еще до зари торопились покончить съ нимъ, и только потомъ появилась въ газетахъ высочайшая конфирмація; все это было сдѣлано *келейно*, изъ боязни демонстрацій и столкновеній. Съ Обручевымъ поступили иначе: распустивъ въ народѣ слухъ—что поджигаетъ образованная молодежь—правительство для пущей вѣры народа и для доказательства своей силы и умѣнья находить виновниковъ—хотѣло показать народу поджигателей и казнь надъ ними. Оно воспользовалось осужденнымъ на каторгу Обручевымъ; оно оповѣстило во всѣхъ вѣдомостяхъ, начиная съ полицейскихъ, объ имѣющей быть казни; оно торжественно вывело Обручева на Мытную площадь; одинокъ изъ полицейскихъ пробормоталъ невнятно и никому не слышно приговоръ, и палачъ принялся за совершеніе своего обряда. А между собравшимся народомъ переодѣтые полицейскіе и даже не переодѣтые солдаты-инвалиды, или снуя въ толпѣ, или стоя на удобныхъ мѣстахъ, толковали о томъ, что это казнятъ поджигателя, и что изъ нихъ, изъ этихъ студентовъ-разбойниковъ, еще многихъ царь переказнитъ.*

Это еще далеко не все. Это только одинъ пунктъ правительственной дѣятельности. Въ то же время правительство

* Въ доказательство переодѣванья полицейскихъ приведемъ вѣсь одинъ курьезный случай. Во время студентской демонстраціи въ Петербургѣ, 25 Сент. '61 г., около университетскаго двора, въ которомъ собрались студенты, прохаживалась цѣлая толпа разныхъ господъ, въ статскомъ платьѣ, въ шляхахъ и перчаткахъ. Господа эти долго сохраняли важный видъ и только постоянно поглядывали что дѣлается во дворѣ. Но когда внезапно подѣхалъ къ университету Паткуль, полицейская натура не вытерпѣла и нѣкоторые изъ этихъ господъ быстро выткнулись передъ пачальникомъ, приложивъ руку къ гражданской шляпѣ!

объявило *военный судъ*, и не только надъ лицами обвиненными или уличенными слѣдствіемъ въ поджогахъ, но и надъ лицами *заподозрѣнными* и *подозрѣваемыми*! Объявивъ всю Россію въ *осадномъ положеніи*, благодущный монархъ поспѣшилъ торжественно отрѣчься отъ своей царской власти “казнить и миловать”, предоставилъ эту власть въ столицѣ военному генералъ-губернатору и кинулся опрометью изъ Петербурга къ своимъ любезнымъ острейцамъ, а оттуда въ свою вѣрнопопуданническую Москву...

Безчисленныя слѣдственныя комиссіи могли бы достаточно убѣдить всѣхъ и каждого въ томъ, что образованная молодежь не только не причастна къ пожарамъ, но съ ужасомъ и негодованіемъ отвергаетъ малѣйшій намекъ на подобное заподозрѣваніе. Другихъ поджигателей тоже найдено не было. Не смотря на все это, правительство не только не обнародовало результатовъ всѣхъ слѣдствій, которые слишкомъ очевидно оправдали бы молодежь отъ всякаго подозрѣнія и обрушили бы на клеветниковъ все презрѣніе и негодованіе общества; правительство не только не сдѣлало этого*, но рѣшилось еще на самую черную продѣлку, черную даже въ черныхъ лѣтописяхъ петербургскаго правительства! Оно рѣшилось пустить въ народъ *печатное* обвиненіе студентовъ въ поджогахъ. Мы говоримъ про “Письмо къ землякамъ” Кушперова. Это письмо появилось въ Іюнь '62, этотъ манифестъ отъ III отдѣленія напечатанъ крупною печатью, на одной сторонѣ большаго полулиста; къ нему приложена картина, изображающая посѣщеніе Семеновскаго плаца высочайшими особами. Въ этомъ манифестѣ отъ III отдѣленія говорилось прямо о томъ, что “молодежь бунтовала прежде противъ воли, данной народу царемъ, и не хотѣла учиться, а потомъ эта самая молодежь стала разбрасывать разные вражескія грамотки и листки средь народа, для того чтобъ бѣдныхъ мужичковъ обманывать, а потомъ за это же и подвергать православному люду разнымъ наказаніямъ, молодежь-де радуется, когда мужичковъ наказываютъ; и этого показалось мало молодежи бунтующей и вотъ теперь она жжетъ зданія и дома для того, чтобъ народъ въ конецъ обнищалъ; и только царь батюшка да матушка-царица льютъ горькія слезы!”

Если маловѣрные усомнятся, что такое христіанское поученіе къ народу вышло изъ III отдѣленія, то мы укажемъ таковымъ на “Калужскія Епархіальныя Вѣдомости;” къ сожалѣнію мы запомнили номеръ, но пусть перелистуютъ эти вѣдомости за послѣдніе мѣсяцы прошлаго года и сами прочтутъ формальное приказаніе Потапова, чтобъ сельскимъ священникамъ съ тѣмъ, чтобъ они пустили сію въ народъ, продавая его крестьянамъ по уменьшенной цѣнѣ и поощряя ихъ перепродавать сіе Письмо по цѣнѣ увеличенной, чѣмъ они могутъ пріобрѣсти себѣ значительную выгоду.

Слѣдствіемъ всѣхъ изобрѣтеній правительства, воспользовавшагося пожарами, при содѣйствіи казенной литературы и при потворствіи образованнаго общества, явилось уже не гоненіе только на образованную молодежь, а смертная казнь, обрушившаяся постояннымъ закономъ на весь русскій народъ—казнь даже по одному *подозрѣнію* и по произволу мѣстныхъ властей...

(Продолженіе впрѣдъ).

* Правительство не позволило даже напечатать статью одного ученаго, въ которой говорилось о пожарахъ, какъ объ историческомъ явленіи въ русской жизни.

ПИСЬМО Г. РОШКОВСКАГО.

(Окончаніе).

“Когда я уже считалъ брата съ сестрой за грапицей при матери и написалъ даже имъ туда нѣсколько писемъ, меня какъ громомъ поразили извѣстія о всемъ случившемся. Нечего было дѣлать, вмѣсто встрѣчи предложенной нами для всего семейства у матери въ Валахія, брата 6 Мая вывели изъ Петербурга въ Оренбургскую губернію, и мнѣ пришлось поспѣшить окончаніемъ своего казеннаго труда и ѣхать изъ Тифлиса въ Петербургъ и Лигву за сестрой, чтобъ отвезти ее къ матери.

“Далѣе позвольте мнѣ продолжать мой рассказъ строками изъ писемъ моихъ, писанныхъ отсюда къ моимъ друзьямъ въ Россію; можетъ быть чрезъ васъ до нихъ скорѣе дойдетъ обо мнѣ, нежели чрезъ русское почтовое вѣдомство.

“...Подѣзжая къ Воронежу, писалъ я 12 Мая на Кавказъ, я узналъ о первыхъ симптомахъ возстанія въ Польшѣ по стаціоннымъ слухамъ, настроеннымъ заказными газетными новостями. Простой народъ, ближайшій къ грамотному слою, по обыкновенію ничего не понимая, былъ напуганъ фальшивыми ужасами, умышленно распространенными во вредъ полякамъ, и толковалъ о событіяхъ вкривъ и вкосъ. Все это болѣе чѣмъ для всякаго другаго было неприятно для меня. Въ Петербургѣ я узналъ подробности январскихъ событій въ Польшѣ и громогласно въ департаментѣ генеральнаго штаба выразилъ сожалѣніе, что полякамъ не удалось съ перваго разу вырѣзать всѣхъ офицеровъ, занимающихъ гарнизоны въ Польшѣ. Долженъ замѣтить, что ни въ одномъ изъ товарищей по мундиру, въ присутствіи которыхъ высказывалъ я это мнѣніе и ругалъ неумолимо нѣмцевъ, я не возбудилъ своими словами ни малѣйшаго признака негодованія. При помощи же прежнихъ моихъ связей въ Петербургѣ я могъ посѣтить нѣсколько кружковъ средняго слоя общества, и вездѣ пашель если не совершенное сочувствіе къ польскому дѣлу, то по крайней мѣрѣ неодобреніе дѣйствій правительства относительно Польши. При мнѣ появилась 19 Февраля прокламація общества *Земля и Воля* и ходила въ множествѣ экземпляровъ по рукамъ, не смотря на всѣ полицейскія предосторожности, принятія правительствомъ на этотъ день (для предупрежденія вѣроятно всякихъ радостныхъ манифестацій въ пользу его...) ”

“Выйдя въ офицеры въ 1851, писалъ я теперь одной дамѣ, я въ первый разъ имѣлъ случай лично познакомиться съ родиною и родственниками моего отца, увидѣвшись на маленькомъ хуторѣ въ Гродненской губерніи (куда я нарочно для этого взялъ отпускъ) со старикомъ дядею, простымъ и довольно зажиточнымъ шляхтичемъ, почти собственноручно обработывавшимъ свой, относительно довольно большой, кусокъ земли. Я погостилъ у него около двухъ недѣль; потомъ уѣхалъ на службу въ Жмудъ, писалъ ему нѣсколько разъ отсюда и даже, помнится, просилъ его о присылкѣ мнѣ обѣщанной имъ денежной помощи, по никакого отвѣта никогда не получалъ и тѣмъ все кончилось между нами. Не смотря на всю полноту радости съ обѣихъ сторонъ при этой неожиданной встрѣчѣ, свиданіе съ дядею не имѣло на мою судьбу и образъ мыслей никакого вліянія, кромѣ того развѣ, что я еще болѣе почувствовалъ себя чуждымъ этому краю. Когда моего брата въ прошломъ году отправили на азіатскую границу Оренбургскаго края, родная сестра моя институтка была оставлена въ домѣ кузины (дочери другаго брата моего отца) въ Литвѣ до моего пріѣзда за нею съ Кавказа. Между тѣмъ вспыхнуло польское возстаніе и быстро двинулось въ предѣлы Литвы. Петербургскіе мои друзья отговаривали меня ѣхать туда и совѣтовали вытребовать отсюда сестру, и когда позволять матеріальныя средства, выѣхать съ нею изъ Петербурга прямо за границу къ матери. Я самъ чувствовалъ неприятность своего положенія, въ служебной ливрѣ, при встрѣчѣ съ родственниками поляками, изъ которыхъ почти

всѣ увидѣли бы меня въ первый только разъ въ жизни, но съ другой стороны мнѣ показалось слишкомъ малодушнымъ избѣгать свиданія съ ними въ такое тягостное для нихъ время, и я скрѣпя сердце поѣхалъ..... Еще по дорогѣ впечатлѣнія стали ложиться жгучею тяжестью на мою душу—рельсы по всему пути окруженные караулами и часовыми, вагоны полные войскъ, на станціяхъ множество офицерства, жандармовъ и солдатъ; по мѣрѣ удаленія отъ столицы толки о мятежникахъ, часто грубые возгласы; у всѣхъ встрѣчныхъ грустный видъ—отблескъ затаеннаго тяжелаго чувства, женщины въ черныхъ одеждахъ и съ заплаканными глазами, истомленные, мрачныя лица конвоируемыхъ арестантовъ. Такова была картина края, въ которомъ я долженъ былъ повстрѣчаться съ своими родными! Горькія думы пробѣжали въ моей головѣ. Тамъ мучимыя, рыдающія сестры и гибнущіе братья; здѣсь злодѣи мучители тоже свои, однокашники, боевые товарищи, друзья и пріятели. Кто же я? Оставаться нейтральнымъ въ борьбѣ за неправое дѣло—значитъ молча одобрять насиліе, значить быть преступникомъ. И я былъ такимъ.....

“На послѣдней станціи *Жосли*, гдѣ я пересѣлъ изъ вагона желѣзной дороги въ сельскую литовскую повозченку, содержались въ заперти три простолюдина взятые наканунѣ въ плѣнъ, въ схваткѣ нашихъ стрѣлковъ въ лѣсу съ повстанцами.

“... Я поѣхалъ въ Вильно взять заграничный паспортъ для сестры, чтобъ скорѣе отвезти ее къ матери въ Валахію, предоставляя случаю и времени переработать мои чувства и рѣшить выборъ моихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Возвращаясь изъ Вильно я отправился съ мужемъ моей кузины (офицеромъ корпуса лѣсничихъ) въ г. Ковно, на свиданіе съ одною изъ родственницъ моего отца, которая выражала желаніе видѣться со мною. Едва пріѣхали мы съ желѣзной дороги въ домъ этой родственницы, какъ мѣстная полиція обрѣла дворъ, и частный приставъ, по фамилии нѣмецъ *Райхенбахъ* вошелъ въ комнату и объявилъ, что присланъ отъ имени военнаго начальника города, генерала Суходальскаго, узнать—какія два подозрительныя лица прибыли только что въ этотъ домъ. Хозяинъ дома, мужъ моей родственницы, ковенскій губернскаго лѣсничій полковникъ Рудкій, назвалъ меня и мужа моей кузины, его подчиненнаго. Мы оба были въ своей форменной одеждѣ, какъ и во всю дорогу. Полицейской чиновникъ попросилъ моего вида. Какъ ни былъ я удивленъ такимъ требованіемъ, но чтобы поскорѣе избавиться отъ полицейскихъ столкновеній, далъ свой заграничный паспортъ и просилъ о немедленномъ его возвращеніи мнѣ, такъ какъ я намѣревался въ тотъ-же день выѣхать въ деревню за сестрой и продолжать далѣе свой путь за границу. Между тѣмъ появленіе полиціи съ угрожающими приготовленіями на дворъ, взбудоражило и напугало до нелзя всѣхъ въ домѣ и въ особенности мою старуху тетку. Не понимая, какимъ образомъ мой пріѣздъ могъ надѣлать столько тревоги, я поѣхалъ къ генералу Суходальскому объясниться. Мое недоумѣніе еще болѣе возросло, когда я узналъ отъ прислуги генерала, что его превство давно ужъ почивало спокойнымъ сномъ и что не думало никогда посылать ко мнѣ никакого полицейскаго. По возвращеніи моемъ оттуда домой къ Рудкимъ, туда-же вскорѣ снова явился Райхенбахъ съ моимъ паспортомъ и съ объявленіемъ отъ военнаго начальства, чтобъ я немедленно отправился изъ города по назначенію. Тутъ я сказалъ ему, что онъ обманулъ меня, дѣйствуя именемъ Суходальскаго и прибавилъ, что мнѣ, какъ военному лицу, должно быть извѣстно, какимъ путемъ получать приказанія отъ военнаго начальства и потому, если нужно будетъ, я лично явлюсь за тѣмъ къ генералу, а что его Райхенбахъ я не знаю и знать не хочу. Мои слова по видимому оскорбили полицейское достоинство пристава: онъ сталъ неистово кричать, что онъ исполняетъ приказаніе генерала Майделя (другаго нѣмца, военнаго начальника всей губерніи и стало быть по старшему Суходальскаго);

что самъ онъ штабъ-офицеръ, а я только капитанъ и потому долженъ знать его; и наконецъ пустился повторять, что я говорю ему глупости и т. п. Старикъ Рудкій старался остановить гнѣвные изверженія частнаго, но тотъ продолжалъ свое.

“Эта отвратительная сцена съ угрозами пристава возмутила меня до самозабвенія. Вокругъ меня собралось все семейство Рудкихъ перепуганное и озадаченное; я самъ чувствовалъ какъ у меня отъ негодованія дрожали на лицѣ всѣ мускулы, я не выдержалъ и со всѣхъ силъ отвѣсилъ Райхенбаху оплеуху, чтобъ положить этимъ конецъ его дерзостямъ. Дѣйствительно онъ тотчасъ же пустился вонъ изъ комнаты, съ крикомъ, что тутъ дневной разбой, и обѣщая призвать своихъ людей на помощь, но однако не появился болѣе, а я тотчасъ же по его уходѣ отправился къ генералу Суходальскому разсказать все случившееся со мною съ минуты моего пріѣзда въ г. Ковно. Когда я окончивалъ свой разсказъ у Суходальскаго, пріѣхалъ туда и адъютантъ генерала Майделя съ Райхенбахомъ, арестовать меня. Я поѣхалъ съ адъютантомъ къ его генералу. Майдель увидѣвъ меня, сталъ распекалъ за то, что я прибилъ полицейскаго, я оправдывался тѣмъ, что былъ возмущенъ его дерзостями въ семейномъ домѣ и въ присутствіи родственниковъ, которыхъ видѣлъ первый разъ въ своей жизни. Онъ заарестовалъ меня, приказавъ мнѣ оставить у него свою саблю. Когда я проходилъ обратно чрезъ переднюю генерала, Райхенбахъ видя меня обезоруженнымъ, пошелъ за мною, съ явнымъ намѣреніемъ расправиться со мною въ рукопашномъ бою, и когда я сходилъ съ крыльца по лѣстницѣ, онъ вступилъ со мною въ разговоръ съ видомъ поддѣльнаго униженія. Я остановился и отвѣчалъ ему, держась однако наготовѣ отразить кулакомъ всякую попытку напасть на меня. Полицейская крыса замѣтивъ это, отступила на лѣстницу и когда я снова повернулся отъ него, чтобъ идти за ворота, онъ изподтишка ударилъ меня въ високъ и бросился опрометью въ комнаты генерала. Ахъ подлецъ! вскрикнулъ я и пустился за нимъ, схвативъ его за фалду въ дверяхъ передней, я едва успѣлъ нанести ему кулакомъ нѣсколько ударовъ по затылку, какъ онъ вырвался изъ моихъ рукъ и не знаю какимъ образомъ очутился въ углу за генераломъ и его адъютантомъ, которые уже стояли предо мной. Райхенбахъ кричалъ во все горло: опять! опять сталъ бить, онъ убьетъ меня! Генералъ нашелъ нужнымъ снова прійти въ видимое негодованіе и обвинялъ меня, что я затѣялъ буйство въ его домѣ. Ордипарецъ-солдатъ, бывшій въ передней и не видавшій начала драки, спрошенный генераломъ, показалъ, что только я билъ пристава. Мнѣ показалось тогда, что это была подготовленная комедія, разыгранная всѣми для моего униженія и я положилъ ей конецъ, объявивъ, что нахожу излишнимъ представлять какія-либо оправданія ему въ дѣлѣ, въ которомъ считаю себя лично оскорбленнымъ поступками мѣстныхъ властей, и за тѣмъ принимаю на себя всю отвѣтственность личной раздѣлки предъ начальствомъ.

“Я хотѣлъ, возразилъ генералъ, обращаясь къ Райхенбаху, оставить это дѣло безъ послѣдствій, а теперь не оставляю этого такъ. Подайте мнѣ формальную бумагу обо всемъ случившемся”.

“Домой я возвратился въ состояніи близкомъ къ безумію, не помнилъ себя отъ ярости и былъ готовъ на все. Рудкіе старались успокоить меня, напоминая мнѣ обязанности мои къ матери, брату и сестрѣ, участію которыхъ я теперь игралъ. Я опомнился и увидѣлъ, что кромѣ нарушенія покоя этихъ трехъ ближайшихъ ко мнѣ лицъ, изъ которыхъ сестра институтка оставалась на чужбинѣ рѣшительно безъ всякаго пріюта, я навлекъ еще преждевременно и безъ всякой серьезной цѣли, всѣ непріятности полицейскаго гоненія на семейства прочихъ родственниковъ, которые приняли меня такъ радушно въ свой домъ. Я рѣшился выждать у себя подъ арестомъ офиціальнаго разрѣшенія моей участи, а между

тѣмъ хозяинъ дома отправился къ губернатору, третьему нѣмцу, адмиралу Кригнеру узнать причину нечаяннаго набѣга полиціи въ его домъ. Губернаторъ объявилъ моему родственнику, что съ одной изъ станцій желѣзной дороги командиръ какого-то стрѣлковаго баталіона далъ знать по телеграфу о нашемъ прибытіи, выставивъ насъ, т. е. меня и мужа моей кузины подозрительными лицами, на одномъ изъ которыхъ была чемарка (польскій національный костюмъ).

“Нужно сказать, что въ дорогѣ подъ военнымъ пальто и сверхъ форменнаго сертука, на мнѣ былъ надѣтъ для большей теплоты сѣрый пиджакъ, купленный мною въ Лондонѣ еще въ 60мъ году. И этотъ-то пиджакъ, замѣченный вѣроятно подъ распахнувшимся пальто, показался испуганнымъ глазамъ русскаго штабъ-офицера чемаркою, изъ за подозрѣнія которой была поднята вся эта унижительная для меня полицейская тревога.

“На другой день, часовъ въ 10 утра, генералъ Майдель потребовалъ меня къ себѣ, и совершенно смягченнымъ тономъ началъ рѣчь слѣдующими словами: Я удивляюсь, какъ вы образованные люди, офицеръ генеральнаго штаба, могли прибѣгнуть... и т. п. генеральскими увѣщаніями. Потомъ говорилъ, что полицейской исполнялъ его приказаніе, которое онъ вынужденъ былъ дать относительно моего немедленнаго выѣзда изъ края, вслѣдствіе секретнаго распоряженія высшаго начальства, запрещавшаго давать отпуска домовые уроженцамъ западныхъ губерній. При этомъ онъ высказалъ, что къ несчастію многіе офицеры изъ этихъ уроженцевъ оказались измѣнниками и перешли на сторону возстанія. Вотъ и теперь говорилъ онъ, получено извѣстіе объ одномъ офицерѣ путей сообщенія, который училъ крестьянъ военнымъ упражненіямъ.

“На все это я отвѣчалъ, что я никогда не считалъ преимуществомъ образованныхъ людей вообще и офицеровъ генеральнаго штаба въ особенности, выслушивать безотвѣтно дерзости полицейскихъ чиновниковъ; что я узналъ только потомъ, что причиной наглаго поведенія мѣстной власти со мной, былъ мой лондонскій пиджакъ, а между тѣмъ увидѣвъ всеобщее негодованіе въ краѣ на мѣры правительства, въ положеніи, въ которомъ я находился при первой встрѣчѣ съ родственниками, которыхъ прежде никогда не видѣлъ, я менѣе чѣмъ когда либо былъ расположенъ въ своемъ мундирѣ вынести личныя оскорбленія, наносимыя правительственными агентами, что наконецъ, какъ ни унижительно для меня кулачная расправа съ ними, потому что, когда я кою быю, то тѣмъ самымъ даю право и себя бить; по при совершенной невозможности удовлетворить себя другимъ какимъ либо образомъ, если-бъ мнѣ снова пришлось-бы быть въ томъ-же положеніи, я опять поступилъ-бы точно также, какъ теперь поступилъ, отнюдь не колеблясь соображеніями относительно своего мундира и служебной карьеры, съ которыми въ настоящее время, послѣ всего случившагося со мною, самъ признаю нужнымъ разстаться на всегда. “Вы говорите о мѣрахъ правительства, замѣтилъ генералъ, терпѣливо выслушавъ меня. Наше правительство всѣми силами старается не раздражать здѣшнихъ умовъ и успокоить по возможности жителей. Было-бы здѣсь французское правительство, прибавилъ онъ добродушно, не такъ-бы дѣйствовало оно”.

“Я не знаю здѣшнихъ интересовъ ваше превосходительство, отвѣчалъ я, потому что никогда не жилъ постоянно въ этомъ краѣ; два года проведенныхъ еще пранорщикомъ въ батареѣ на Жмуди, уже по званію моему русскаго офицера, отдѣляли меня тогда отъ возможности какого-либо сближенія съ туземнымъ населеніемъ. Но слухами земля полна и мнѣ теперь не трудно было убѣдиться въ основательности ихъ, что я полагаю и вамъ извѣстно.

“Генералъ тутъ-же возвратилъ мнѣ мою саблю, приказавъ мнѣ въ тотъ-же день выѣхать за границу. Я отвѣчалъ, что ранѣе трехъ дней не могу этого исполнить, потому что

долженъ былъ взять съ собою сестру, за которою исключительно и пріѣхалъ въ этотъ край и которая находилась у родствениковъ въ деревнѣ. Онъ молчалъ, я принялъ это за согласіе и отправился въ деревню, гдѣ на другой день получилъ изъ Петербурга телеграмму, переведенную туда изъ Валахій, съ извѣстіемъ, что мать больна сильно, ждетъ пастъ и требуетъ, чтобъ и братъ поспѣшилъ своей отставкой.....

“Наканунѣ нашего выѣзда изъ деревни нашихъ родствениковъ (въ лискомъ уѣздѣ Виленской губерніи), 11 Марта, войска напали на фольваркъ (помѣщичья усадьба) г-жи Горской, близъ станціи желѣзной дороги, *Евѣ* (между гг. Вильно и Ковно). Нападеніе было сдѣлано на повстанцевъ, которые въ это самое время гостили у г-жи Горской. Присутствовавшие при этомъ дамы, которыхъ было шесть, не искали возможности скрыться изъ дому и изъ нихъ двѣ дѣвушки, какъ намъ рассказывали потомъ, принимали даже участіе въ бою. Домъ, скотъ и все остальное имущество помѣщичьи были преданы огню и разоренію.

“Пока мы ждали на станціи *Жосли* (гдѣ намъ переданы были всѣ эти подробности) прибытія поѣзда желѣзной дороги, туда привезли какую-то пожилую даму, одѣтую въ черномъ. Бричку, въ которой сидѣла она съ однимъ офицеромъ, конвоировали казаки, а на козлахъ и на заняткахъ экипажа были посажены нижніе чины гвардейскаго павловскаго полка (сколько нужно храбрѣйшихъ русскихъ воиновъ для заарестованія одной польской женщины!). Офицеръ свелъ подруги даму* въ комнаты станціи. Тутъ же рассказали намъ, что съ предыдущимъ поѣздомъ въ Ковно, прѣхала какая-то пожилая поляка, которая высунувшись изъ оконъ вагона и обращаясь къ толстошекому гвардейскому капитану, командовавшему военнымъ постомъ на этой станціи и съ которымъ по видимому она предъ тѣмъ была знакома, называла гвардейцевъ бездушными злодѣями и грабителями, за ихъ нападеніе на домъ Горской. Скопуженный капитанъ оправдывался какъ могъ, увѣряя, что въ этомъ нападеніи не участвовала гвардія, а были одни только армейскія войска. Поляка настаивала на своемъ, громогласно поносила гвардію и говорила, что только какой-то казачій полковникъ оказался истинно человѣчнымъ, спасши нѣсколько душъ повстанцевъ отъ явной гибели; гвардейскіе-же солдаты, по ея словамъ, не насытившись убійствомъ людей, загопали еще штыками скотъ въ зажженные ими хлѣба.

“Но странное явленіе человѣческое сердце! Когда мы еще только подѣхали къ станціи *Жосли* въ небольшомъ отдаленіи отъ мѣста, гдѣ остановился нашъ экипажъ въ полѣ, стояло нѣсколько человѣкъ гвардейскихъ солдатъ, я еще былъ въ своей форменной одеждѣ, они отдали обычную честь и привѣтливо отвѣчали на вопросы, которые я имъ сдѣлалъ относительно ухода поѣзда и другихъ подробностей отправленія по желѣзной дорогѣ. Замѣтивъ вѣроятно это, сестра моя сильно наэлектризованная восьми-мѣсячнымъ пребываніемъ въ Литвѣ, подлѣяніемъ польскаго патріотическаго духа родствениковъ и безпрестанныхъ слуховъ объ арестанціяхъ, казняхъ и другихъ беззаконіяхъ, творимыхъ москалями въ этомъ краѣ, тутъ-же сказала мнѣ съ институтской наивностью: “Сколько я не пасышлась ужасовъ о русскихъ солдатахъ, но я не могу смотрѣть на нихъ съ ненавистью, у нихъ такіа добрыя и простодушныя лица!..” Это конечно впечатлительность пѣвденія, но въ ней есть своя доля истины. Въ сущности я не знаю натуры, которой были-бы боѣ чужды воинственная жестокость и бездушная служебная исполнительность, какъ натурѣ русскихъ простолюдиновъ, ихъ нужно сначала идиотизировать, чтобъ потомъ обратить въ машины убійства и грабежа. Виповаты тѣ наемники, которые умѣютъ адресировать ихъ такимъ образомъ.

“14 Марта, въ день поѣзда нашего чрезъ Ковно, тамъ разстрѣляли лѣснаго офицера *Карего*, принявшаго участіе въ

возстаніи. Казнь эта совершена по конфирмаціи пѣмца Кригнера, которому, какъ и прочимъ губернаторамъ въ западномъ краѣ, дано свыше уполномочіе совершать подобныя убійства.

“Этотъ кратко-временный эпизодъ изъ жизни моей въ Литвѣ можетъ дать вамъ полное понятіе о положеніи, въ которомъ находится этотъ несчастный край. Что должны вытерпѣвать тамъ коренные поляки-жители отъ мѣстныхъ властей и разныхъ явныхъ и тайныхъ агентовъ петербургскаго правительства, если я православный, капитанъ генеральнаго штаба, имѣя только имя польское и не имѣвъ никакихъ связей съ Польшей, кромѣ случайнаго и, къ стыду своему долженъ сознаться, вовсе нежеланнаго свиданія съ родственниками поляками, могъ подвергнуться такимъ кровавымъ, ничѣмъ неизгладимымъ оскорбленіямъ со стороны этихъ гнусныхъ стражей самовласти. Я нарочно упомянулъ здѣсь о моемъ православіи, потому что, когда я для избѣжанія чиновничьихъ проволочекъ, самъ лично испрашивалъ у Назимова въ Вильнѣ паспортъ для сестры, то дежурный чиновникъ помѣтившій мою просьбу, мимоходомъ въ разговорѣ со мной, справился какого я вѣроисповѣданія, а потомъ и Кригнеръ, когда къ нему ходилъ старикъ Рудкій за объясненіемъ по поводу моихъ ковенскихъ приключеній, тоже не упустилъ спросить дѣйствительно-ли я русскій православный. Каково значеніе православія, въ странѣ, гдѣ кромѣ нѣмцевъ-чиновниковъ и нехристей поповъ, нѣтъ другихъ жителей, защитниковъ этой полицейской вѣры!”

Этими словами я заключилъ письмо свое изъ за границы къ русскимъ друзьямъ.

Пріѣхавъ въ Валахію, я тотчасъ, какъ только могъ исполнить всѣ требуемыя закономъ формальности, послалъ въ одесскій военный округъ просьбу объ отставкѣ, на которую впрочемъ до сихъ поръ еще не получилъ никакого отвѣта. Съ мнѣй, въ которую я подписалъ свою просьбу объ отставкѣ, снялъ съ себя всякую предъ русскимъ правительствомъ нравственную отвѣтственность, которую могутъ потребовать отъ меня русскій народъ и русская земля; и такъ, какъ по моему искреннему и глубокому убѣжденію, въ настоящее время, единственнымъ истинно человѣческимъ средоточіемъ въ Россіи можетъ считаться только “Советъ Общества Земли и Воли”, патріотическія стремленія котораго не должны подлежать никакому сомнѣнію ни на одного изъ русскихъ; то и я въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ буду соображаться по мѣрѣ силъ своихъ, только съ требованіями и указаніями этого Общества.

Съ исключительнымъ уваженіемъ и пр.—Рошковскій.

— *Иванъ Кельсіевъ* проситъ насъ заявить въ “Колоколъ” его благодарность комитету и членамъ общества “Земли и Воли”—за содѣйствіе его уходу изъ Россіи.

— *Смѣсь*, за неимѣніемъ мѣста въ “Колоколѣ”, мы на этотъ разъ помѣщаемъ въ “Общемъ Вѣстѣ”.

— Въ *Общій фондъ* получено: Изъ Любека—100 франк., отъ N. 100—5 талеровъ, отъ N. 113—10 талеровъ, отъ N. 145—50 талеровъ, отъ N. 146—14 шиллинговъ, отъ N. 200—4 фунт. стер.

ЕВВАТА. Стр. 1410 (Колоколъ л. 171) въ началѣ лѣвой колонны напечатано: *теперь сознаніе*,—читай *сознаніе*; а на 2-й строикъ напечатано: *Москва*,—читай *Теперь Москва*.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

* Фамилія ея мнѣ не удалось узнать.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. Цѣна 9 пенсовъ, съ двадцать третьимъ листомъ—О Б Щ Е К В Ъ Ч Е.

ЛИСТЪ 173.

15 НОЯБРЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 23).

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 23.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Голосъ изъ Финляндіи—Съ континента (Нисъмо изъ Неаполя)—Нѣтъ лѣтописи за два послѣдніе года (Продолженіе).

Смѣсь: Вдова Стравовскаго и Гониміи въ Россіи—Общій фондъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ФИНЛЯНДІИ.

Долго спала Финляндія, теперь она пробуждается. При трубныхъ звукахъ открытія сейма въ Гельсингфорсѣ, она пробуждается съ глубокимъ сознаніемъ, что она сама возвращаетъ себѣ свои конституціонныя права, болѣе полустолѣтія попираемыя клятвопреступными самодержцами. Пусть знаетъ императорское правительство, что всякій истинный финляндецъ слишкомъ хорошо понимаетъ современное политическое положеніе, чтобы не догадываться какія государственныя причины побудили петербургское правительство на либеральныя уступки въ Финляндіи. Мы ни на минуту не были обмануты ни лицемѣрными обещаніями, ни Одиссеевскимъ похожденіемъ Александра II.

Послѣ неудачнаго coup d'état Января 1861 года, когда учрежденіемъ комитета делегатовъ хотѣли замѣнить конституціонный сеймъ Финляндіи, что-же оставалось правительству дѣлать, какъ не созвать штаты великаго княжества? Указъ объ учрежденіи означеннаго комитета, обнародованный тогдашнимъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, (ненавистой памяти) графомъ Бергомъ, указъ, на который князь Горчаковъ, въ секретномъ совѣтѣ подъ предѣтельствомъ самаго государя, рассчитывалъ какъ на coup d'état,—не замедлилъ вызвать въ Финляндіи всеобщее негодованіе, всюду—отъ скромной хижины до богатыхъ палатъ. Аврора Карловна Карамзина, бывшая прежде за мужемъ за Павломъ Демидовымъ и урожденная Штериваль, недавно съ обычной ей любезностью принимавшая государя въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ въ Трѣскандѣ—уже въ то время принадлежала къ оппозиціи. Правительство поспѣшило измѣнить учрежденіе комитета другимъ указомъ, который отнималъ у комитета всякую законодательную власть и сводилъ его на предуготовительное собраніе людей для обсужденія—какіе проекты законовъ слѣдуетъ представить на разсмотрѣніе будущаго сейма. Вотъ какимъ образомъ выросъ этотъ сеймъ изъ политическаго промаха графа Берга и его жертвы—товарища барона Лангемшольда, министра финансовъ великаго княжества.

Годъ VII.

Императорское слово было дано; его нельзя было взять назадъ и нельзя было долѣе откладывать исполненія торжественнаго обещанія, не подвергаясь значительнымъ неудобствамъ. Правительство знало, что все населеніе Финляндіи смотрѣло съ нетерпѣніемъ и начинало сомнѣваться въ дѣйствительности намѣреній государя. Къ тому же новое политическое положеніе смущало императорское правительство: Польша возстала, европейская коалиція образуется, дѣло шло къ войнѣ. Нужно было польстить финляндцамъ. Не то Швеція, симпатичная и либеральная, готова протянуть имъ руку и идти къ нимъ на помощь. Надо было этому горю пособить; ultima ratio — было созваніе сейма. Такимъ образомъ правительство протягивало Финляндіи свою мягкую лапку, скрывая когти до другого дня.

Всякая услуга требуетъ платы. Правительство потребовало у финляндскаго народа вѣрноподданическихъ адрессовъ его благодѣтелю, милостивому императору, который далъ ему обещаніе ограниченаго пользованія правомъ конституціи—заплесневѣлой и деспотической. Правительство ошиблось. Финляндія не была ни такъ глупа, ни такъ развращена рабскими правами Зимняго дворца, чтобы попасться въ подставленный капканъ. Народъ не былъ на столько озадаченъ мишурнымъ блескомъ, чтобы потерять чувство своего права и затмить свою совѣсть актомъ, который бы, передъ цѣлымъ свѣтомъ, показался заявленіемъ солидарности съ двуглавымъ орломъ и его кровожадными чиновниками.

Отказъ въ подачѣ адрессовъ изумилъ верхніе слои петербургскаго міра. Чтобы поправить дѣло, императоръ рѣшился снизойти и самъ пріѣхалъ къ намъ за сомнительными сочувствіями и рукоплесканіями народа, который не отказывалъ ему въ нихъ, какъ великому князю финляндскому, но вмѣстѣ ненавидѣлъ въ немъ палача Польши. Этого не могъ понять петербургскій государственный мужъ, который удивлялся, “что это за странный народъ, который кажется, имѣетъ должную любовь къ своему монарху, а вѣрноподданическихъ адрессовъ подавать не хочетъ!..”

Усилия императора сдѣлаться между нами популярнымъ — не показались намъ достаточными. Надо было лично открыть сеймъ и сдѣлать тѣ уступки, которыя составляютъ существенныя потребности края, а именно: періодичность собранія сейма, право предложенія законовъ депутатами (по нашей конституціи только великій князь имѣлъ право предложенія), бюджетъ установленный самими представителями, и пр. Все это, при открытіи сейма, было обѣщано въ будущемъ, но уже такъ хитро, что императоръ ничего не выигралъ въ мнѣніи, а совершенно проигралъ. Чтò онъ давалъ одной рукою, то тутъ-же другой рукою отнималъ. Общее впечатлѣніе оказалось плохо. Проигранная кампанія — и только!

Неудовольствія въ Польшѣ и волненія будто-бы освобожденныхъ крестьянъ въ Россіи, были причиною, что правительство, для Финляндіи, рѣшилось на указъ 12 Апрѣля 1860 года о созваніи комитета делегатовъ въ Январѣ 1861. Нынѣшнимъ сеймомъ у насъ, мы обязаны снова Польшѣ, да можетъ тайному броженію общества "Земля и Воля", да сверхъ всего независимости нашего собственнаго поведенія.

Финляндецъ.

Гельсингфорсъ.

СЪ КОНТИНЕНТА

письмо изъ Неаполя.

5 Октября 1863, Неаполь,
Chiaja, Hotel Washington.

Ну вотъ я и на Кіаіѣ, и потухнувшій Везувій передо мной и синее небо и синее море... Опять увидалъ я своими глазами романскую половину стараго міра, провѣрилъ ее еще разъ отъ Кале до Неаполя — и съ тѣмъ же тяжелымъ чувствомъ, съ которымъ я покидалъ Лондонъ, гляжу на Сентъ Элъмъ и Капри.

Свѣтлыхъ замѣтокъ, хорошихъ воспоминаній я не привезу. На этотъ разъ все хорошее и свѣтлое принадлежитъ природѣ и *партикулярной* жизни.

Положеніе русскаго становится безконечно тяжело. Онъ все больше и больше чувствуетъ себя чужимъ на Западѣ, и все глубже и глубже ненавидитъ все чтò дѣлается дома! Ни вблизи, ни вдали нѣтъ для него ни успокоенія, ни отрады — такое печальное положеніе рѣдко встрѣчалось въ исторіи. Развѣ въ первые вѣка христіанства испытывали подобную скорбь — *чуждости въ обѣ стороны* — монахи германскаго происхожденія, развившіеся въ римскихъ монастыряхъ. Спасать языческій міръ не ихъ было дѣло, его паденіе они предвидѣли, но не могли же они сочувствовать дикимъ ордамъ единоплеменниковъ, бессмысленно шедшихъ на кровавую работу совершающихся судебъ. Имъ оставалось одно, ити съ крестомъ въ рукахъ и съ словомъ братскаго утѣшенія къ разсвирѣпѣвшимъ толпамъ, стараясь добратся до чего нибудь человѣческаго въ ихъ загрубѣлыхъ сердцахъ. Креста у насъ нѣтъ... слово осталось... но до человѣческаго чувства мы еще не договорились...

Какъ далеко мы разошлись въ послѣдніе десять лѣтъ съ западнымъ міромъ, трудно себѣ представить. Мы въ это время расправили немного наши мысли, дали имъ обжиться въ груди нашей, и съ ними намъ стало вдвое невыносимѣе

стучаться на каждомъ шагу въ какія то крѣпостныя стѣны, негодныя на защиту, но оскорбляющія глазъ и суживающія горизонтъ. Западные декораціи намъ приглядѣлись, приглядѣлись и здѣшніе актеры, мы знаемъ ихъ силу и ихъ границу; они насъ вовсе не знаютъ. Мы оскорблены здѣсь въ тѣхъ сторонахъ нашей внутренней жизни, которыя мы дорого цѣнимъ въ себѣ, и уважены въ тѣхъ, которыя мы сами презираемъ.

Еще въ Англіи жить сношѣе, не потому что тамъ больше роднаго, а потому что тамъ чуждость полнѣе, рѣзче, серьезнѣе. Колосальность добра и зла, размѣръ утесовъ, которые двигаетъ этотъ дебелий, полнокровный Сизифъ, привязываютъ къ нему и къ его оригинальнымъ судьбамъ. Къ тому же онъ такъ занятъ, что ему дѣла нѣтъ до какого нибудь иностранца, копышащаго въ своемъ углу. Великій талантъ оставлять человѣка въ покоѣ — принадлежитъ одной Англіи.

Но — какъ бы то ни было — я въ Неаполѣ, и хочу вамъ рассказывать свои *сенсаціи*.

Съ теплымъ, мягкимъ воздухомъ, съ южными горизонтами становится легче на душѣ, люди и города меньше давятъ, меньше занимаютъ, природа выступаетъ на первый планъ. Съ Генуи начиная, свободнѣе дышать, и мнѣ не разъ приходило въ голову, не правъ ли нашъ другъ Мацини, и не найдетъ ли вдова двухъ міровъ, двухъ Римовъ свѣжія силы въ себѣ для третьяго брака. Но — шумная, яркая, пестрая Италія въ худшее время своего угнетѣнія такъ же благотворно дѣйствовала на путешественника, какъ и теперь; она беретъ своимъ теплымъ вѣяніемъ и яснымъ солнцемъ, двумя-тремя закраинами, взморьями да очерками горъ.

Вольтеръ говоритъ, что еслибъ у Клеопатры линія носа была другая, то судьбы древняго Рима были бы иныя. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Шутка линія носа! линія вообще! Отнимите у Неаполя линію моря, линію горъ, полукругъ его залива, что же останется? Кишащее гнѣздо нравственной ничтожности и добродушнаго шутовства, грязь, вонь, нестройные звуки, ослиный крикъ вошиковъ и самихъ ословъ, крикъ и брань торговцевъ, дребезжанье скверныхъ экипажей и хлопанье бичей — рядомъ съ совершеннымъ умственнымъ затишьемъ и съ отсутствіемъ всякаго стремленія выйти изъ него. А съ ними, съ этими линіями будущность Неаполя обеспечена. Съ ними онъ будетъ во вѣки вѣковъ звать путника, и путникъ откуда бы ни шелъ преклонится передъ этими предѣлами красоты. Я смѣло говорю *предѣлами*; могутъ быть такія же красоты, могутъ быть иныя, но лучше, изящнѣе, музыкальнѣе не могутъ быть.

Когда нашъ пароходъ при восхожденіи солнца тихо и плавно огибалъ мысъ Мизенъ и вслѣдъ за Искіей и Прочидой открывалась вся дуга отъ Позилипа до Соренто, все присмирѣло на налубѣ, все съ умиленіемъ молилось этому великому преображенію земли, воды и воздуха.

Но съ городомъ я далеко не такъ свѣтло встрѣтился какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Кто изъ насъ измѣнился — не знаю. Вѣроятно оба. Судьбы Неаполя были тяжелы, пока мы не видались. Отъ баррикадъ на улицѣ Толедо въ 1848 г. и бойни, которой Фердинандъ II окончилъ конституціонную эру своего правленія — до вшествія Гарибальди съ своими ополченцами, жизнь Неаполя, шумливая, суетливая, но сильная и пустая, была подавлена, забита и еще больше обращена на бессмысленный толчокъ и ежедневныя дразни.

Потеря политической дѣятельности въ другихъ мѣстахъ — замѣнялась матеріальными улучшеніями; я не узналъ Марсельскихъ улицъ проѣзжая теперь. Ничего подобнаго въ Неаполѣ. Неаполитанскіе Бурбоны были скряги, мелкіе стяжатели. Въ Капо-ди-Монте до сихъ поръ мебели и бронзы все Мюратовское; Бурбоны обрадовались добычѣ и захватили все обзаведеніе пышнаго врага, легли спать въ его постель, стали обѣдать на его посудѣ. На огромномъ столѣ былъ вепзель Іоахима, вензель перемѣнилъ, но на бѣду вся мозаичная кайма кругъ стола покрыта наполеоновскими пчелами, ихъ мѣнить было дорого, добрые Бурбоны не побрезгали, такъ и сѣли кушать и кушали до '60 года. Такіе короли не поправляютъ городовъ, и новая дорога Via Teresia (какъ то вдругъ сдѣлавшаяся Via Vittorio Emanuele), начата ужъ при Франческѣ. Нечего дивиться, что Неаполь, по большей части скверно построенный, старѣлъ, чернѣлъ и совсѣмъ осунулся въ послѣдніе годы. Гдѣ тутъ было думать объ улучшеніяхъ и о комфортѣ. Онъ жилъ все это время въ вѣчной тревогѣ, боясь явнаго правительства короли и тайнаго намористовъ; откупаясь отъ обоихъ, боясь полиціи и революціонеровъ, боясь свѣтской и духовной ценсуры, запертый на ключъ отъ всего міра, онъ радъ былъ, что его скольконибудь оставляютъ въ покоѣ. Слѣды того что было остались; въ Неаполѣ нѣтъ никакой умственной дѣятельности, книжныя лавки бѣдны книгами, кафе газетами, въ кабинетѣ для чтенія на Толедо нѣтъ книгъ, да нѣтъ и журналовъ; хозяинъ извиняется тѣмъ, что иностранцевъ еще мало, а неаполитанцы не читаютъ.

... Однимъ вечеромъ Неаполь по обыкновенію легъ спать у ногъ своего короля и утромъ проснулся у ногъ Гарибальди. Это пришло сюрпризомъ для всѣхъ. “Что же дѣлать теперь?” — спросилъ испуганный король Либеріо Романо. — “Вздохъ вонъ” — отвѣчалъ министр. Король уѣхалъ, Гарибальди пріѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Викторъ Эмануилъ — la révolution était faite! Неаполь остался при этомъ avortement, но не сталъ на свои ноги какъ Генуя и не могъ, онъ вовсе не такъ воспитанъ; онъ какъ всѣ города выходящіе изъ подъ самодержжнаго гнета привыкъ къ помочамъ, къ опека, къ покровительству и поощренію и вовсе не привыкъ ни къ какой инициативѣ. Неаполь ждалъ обновленія откуда то свыше, ждалъ политическихъ подарковъ и административныхъ “маккарони”, а ему говорятъ: “Ты не маленький, самъ возрастъ имѣешь, вотъ тебѣ права, вотъ тебѣ выборы, дѣлай какъ знаешь”. А онъ не знаетъ какъ и чувствуетъ, что вмѣсто благъ, которыя онъ ожидалъ, онъ дождался потери своего значенія какъ столицы, конскрипціи и разныхъ податей.

Беспечное легкомысліе и вѣчное разсѣяніе мѣшаютъ неаполитанцу сложиться до совершенствленія и подумать о своемъ положеніи, и то же беспечное легкомысліе помогаетъ ему весело переносить все на свѣтѣ. Странный народъ, онъ труситъ передъ вздоромъ и строитъ свои дома подъ вчерашнимъ кратеромъ. Всѣ остальные стороны его жизни носятъ тотъ же характеръ небрежности и необдуманности. Работники и простой народъ живутъ въ каменныхъ щеляхъ между шестизажными домами, въ грязи и вони, о которой теперь въ Европѣ не имѣютъ понятія; для нихъ ничего не сдѣлано, у нихъ нѣтъ ни воздуха, ни воды, а они то и составляютъ все населеніе Неаполя. Народу уступлена правда улица — улица, но не солнце — солнце за стѣной, и этотъ народъ, такъ

грязно живущій, страстно любить свѣтъ, цвѣтъ, веселье, хохотъ, зрѣлища, наружный блескъ; ему королевскій дворецъ необходимъ чистой квартиры, и въ три мѣсяца одинъ фейерверкъ дороже свѣчки у себя дома.

Озабоченный король Италіи, мучимый какъ Танталъ Венеціей и Римомъ, ничего не дѣлаетъ чтобъ занимать этого большаго ребенка и не замѣчая того, оскорбляетъ его безъ нужды всякими пустяками. “Посудите сами”, говорилъ одинъ недовольный офицеръ изъ неаполитанцевъ, “при Франческѣ у насъ было нѣсколько формъ, четырехъ разныхъ пѣтловъ панталоны, считая бѣлыя лѣтнія, а теперь какъ насъ одѣли? Стыдно ходить по улицѣ, служба, потеряла весь престижъ”.

Вы будете смѣяться надъ офицеромъ, и я смѣялся. А въ сущности за чѣмъ Викторъ Эмануилъ не прибавилъ пятую пару? “Оставляя молъ въ ознаменованіе признанной самобытности королевства обоихъ Сицилій прежнюю военную форму, Мы прибавляемъ еще общую итальянскую съ такимъ то шитьемъ” и пр. Офицеръ нашелъ бы изъ панталонахъ del 'unità новую приманку для службы, и не сталъ бы вздыхать о Франческѣ.

Трезвый Піэмонть этихъ вещей не понимаетъ, онъ думаетъ какъ нѣкогда Княгиня*, “что если у ребенка есть башмаки, такъ игрушекъ ему не надобно”. Оттого то онъ и не имѣетъ ничего общаго съ разгульнымъ городомъ. Требования Піэмонта большей частью дѣльны и справедливы, да Неаполю не нужно ни дѣла, ни справедливости; онъ хочетъ чтобъ его занимали, а тамъ пожалуй можно его и пострадать.

Бракъ Неаполя съ Піэмонтомъ рѣшительно не удался; онъ такъ и просится на San Carlino. Розина, Колумбина — сидѣвшая на заперти и бросавшая изъ-подъ-тишка любовныя пидулки Донъ Маццини и назначавшая свиданія Донъ Гарибальди, вышла за мужъ за Бартоло — за дѣльнаго, но безконечно скучнаго, прозаическаго, ограниченнаго, провинціальнаго Бартоло. И Розина очень ограничена, только на свой ладъ, на веселый; она хочетъ жить спустя рукава, а пожалуй и платѣ; она любитъ жуировать, любитъ зрѣлища; не все же смотрѣть процессіи, въ которыхъ богородица съ криволинями, — ей надобно дворъ, гвардія, балы, на которые ее не пригласятъ, но и не запретятъ смотрѣть какъ подѣзжаютъ пышные экипажи, выходятъ пышныя принцессы... Это опять пятые панталоны. Розина совершенно права, на пустой дворецъ гадко смотрѣть и лошади подаренныя Николаемъ своему другу Фердинанду II ушли бы, еслибъ не были мѣдныя. И на что же всѣ эти принцы Умберты†, герцоги и князья Кариніанскіе? да и за чѣмъ самъ хозяинъ живетъ круглый годъ въ какомъ то захолустѣ, когда есть Неаполь и Казерта?

Піэмонть вѣрить въ свою магнитную силу, Туринъ въ свое значеніе итальянской столицы и подтягиваютъ къ себѣ части Италіи. Великое самоотверженіе Флоренціи — избаловало ихъ. Какъ будто тамъ, гдѣ есть Римъ можетъ быть другая столица! Да по счастью и самый Римъ никогда не сдѣлается поглощающимъ центромъ Италіи, какъ онъ былъ въ эпоху цезарей.

... Бѣдный народъ, едва имѣющій одни панталоны и тѣ съ заплатами, также недоволенъ, какъ и офицеръ, которому

* См. “Былое и Думы”.

† Селъ въ руку. Умберто пріѣхалъ въ Неаполь пять дней послѣ нашего отъѣзда.

надобно было четыре пары панталонъ разнаго цвѣта, для того чтобъ защищать отечество. Онъ недоволенъ вводимыми порядками, потому что они порядки, онъ недоволенъ и тѣмъ, что ничего не выигралъ при перемѣнѣ, для совершенія которой онъ впрочемъ ничего и не сдѣлалъ. “Re ladro, re galantuomo e lo stesso. Ni l’ un capite, ni l’ atro non mi pagano niente!” — говоритъ онъ, и въ сущности жалѣетъ о прежнемъ порядкѣ вещей, когда правительство, грабя Сицилию, давало льготы неаполитанской черни, потворствовало всѣмъ ея гадостямъ, принимало участіе въ расприхъ лаццаронъ С. Лучиіи съ лаццаронами порта и горъ, и жило въ той же нравственной грязи и неразвитости, въ которой и она. Неаполитанские Бурбоны и неаполитанская чернь любили другъ въ другѣ родныя черты. Разбойникъ Нарди, сдѣлавшійся полковникомъ Франческа, входя въ Раполло съ своей шайкой, сказалъ собравшемуся народу: *Si dice che Francesco II e un ladro. Or bene — io ladro di professione vengo a restaurare un ladro sul trono**.

Народъ выпосившій все, даже побои (которыхъ не выносить нигдѣ итальянецъ) будируетъ теперичное правительство, съ недоумѣніемъ смотритъ на піэмонгскихъ бергамьеровъ и съ негодованіемъ принимаетъ усилія правительства очистить городъ, подмести улицы. Какъ ни старалось новое “муничипіо”, чтобъ завоевать половину широкаго тротуара на Санта Лучиіи, заваленнаго плетушками, швапчиками, столиками съ продажной рыбой, съ *frutti di mare* — не могло. Лаццарони уперся и отстоялъ себѣ Санта Лучию, по тротуару ходить нельзя. “Умру или останусь грязень!” Бѣдный Лазарь! Грязный — Лазарь! и главное Лазарь сидящій на первомъ мѣстѣ!

Въ этомъ то все и дѣло, что изъ Неаполѣ лаццарони занимаетъ казовой конецъ. Здѣсь нѣтъ богатой, образованной буржуазіи, которая служила бы крытымъ переходомъ между привчяпе и нищимъ. Есть правда какая то балагавная торговля, которая вьетъ свою паутину отъ шестиэтажныхъ домовъ къ каменнымъ канурамъ работниковъ, но она не скрываетъ пустоты между ними, а только придаетъ ей нечистый видъ.

Государство безъ сильнаго средняго состоянія, поражаетъ насъ отсталой дикостью въ самыхъ обычныхъ вещахъ, оно выводитъ насъ изъ торной колеи нашихъ образованныхъ привычекъ, и мы теряемся. При извѣстныхъ условіяхъ въ буржуазномъ государствѣ жить легко и удобно.

Среднее состояніе какъ гүмиластиковая подушка смягчаетъ всѣ столкновенія, стираетъ всѣ разности, мѣшаетъ революціи, мѣшаетъ реакціи, раззоряетъ богатаго, поглощаетъ бѣднаго, все уравниваетъ, все приводитъ въ порядокъ, ограничиваетъ кражу и обманъ и возводитъ ихъ за то въ тарифъ и привилегію, не позволяетъ извозчику брать лишній франкъ,

* “Говорятъ что Францискъ II воръ. Очень хорошо, я воръ по ремеслу — иду возстановлять на престолъ другаго вора”. М. Monnier, *Brigantaggio nelle provincie napoletane* 1863. Слѣствие это обоюдное. Когда Фердинандъ I плелся съ австрійскимъ обозомъ, чтобъ послѣ Мюрата занять тронъ своихъ протцевъ, австрійскій генералъ — рассказывалъ мнѣ извѣстный Пене — при переходѣ черезъ неаполитанскую границу, доложилъ королю, что ему слѣдуетъ лично принять начальство и вѣхать въ Неаполь безъ иностраннаго войска, которое будетъ его охранять на благородной дистанціи; Фердинандъ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ “подвергать себя такой опасности”. — “Да чего ж. в. в. боится — скажалъ наконецъ выведенный изъ терпѣнія генералъ, развѣ вы не знаете, что неаполитанцы страшные трусы?” — “Знаю, отвѣчалъ король, *Anch’ io sono napoletano, ho paura!*” (Я тоже неаполитаецъ — и трушу).

ни истцу заплатить адвокату или нотаріусу золотымъ *меньше*, оно то считаетъ съ улицъ нечистоту и съ нечистойой мелкую торговлю и нищихъ. Въ Неаполѣ его нѣтъ, и оттого Неаполь остается *столицей черни*. Слѣдуетъ ли радоваться этому или печалиться?

Трудно сказать. Потому что трудно себѣ представить, чтобъ неаполитанскій народъ легче перешелъ въ больше человеческую жизнь, чѣмъ оттертый корыстнымъ посредникомъ пролетаріатъ другихъ странъ. Чѣмъ онъ доказалъ это? Онъ живетъ вѣка такъ какъ теперь. Возмите хроники, возьмите путешественниковъ прошлаго вѣка, и вы увидите, что онъ также мало измѣнился какъ кошки и обезьяны... Глядя на то, что здѣсь, при отсутствіи сильной буржуазіи, столичная чернь остается лаццаронами, а провинціальная становится разбойниками, по неволѣ приходитъ въ голову, что народъ по тяжелому закону *selection* только и поднимается черезъ буржуазію къ болѣе развитой жизни.

Можетъ буржуазія вообще *предѣлѣ* историческаго развитія, къ ней возвращается забѣжавшее, въ нее поднимается отставшее, въ ней народы успокоиваются отъ метанья во всѣ стороны, отъ національнаго роста, отъ героическихъ подвиговъ и юношескихъ идеаловъ, въ ея уютныхъ антресоляхъ людямъ привольно жить.

Какой то внутренній голосъ, какая то человеческая скорбь — заставляютъ насъ протестовать противъ окончательнаго рѣшенія; претить намъ сознаться, что всѣ рѣки исторіи (по крайней мѣрѣ всѣ западныя) текутъ изъ мареммы мѣщанства... Но мало ли у насъ такихъ скорбей, развѣ алхимики не скорбѣли о прозѣ технологіи, и мало ли по какимъ идеаламъ мы тоскуемъ. Я очень недавно испыталъ какъ страшно больно стоять у могилы и знать, что нѣтъ *того свѣта!*

... Однако вопросъ этотъ оставимъ открытымъ.

А я лучше скажу въ заключеніе моего письма, какая мысль пришла мнѣ па дняхъ въ голову въ Камалдулинскомъ монастырѣ. Монастырь этотъ стоитъ одиноко на иерпиннѣ горы, съ которой видна Гаета и Террачина, гряды горъ идущихъ въ Абрудцы, гряды идущихъ въ Калабрию — Неаполь, море, острова. Старый монахъ указывалъ мнѣ и называлъ горы и мѣстечки, потомъ замолчалъ. Сдѣлалась та особая, нагорная тишина, которую я когда то слушалъ на Monte Rosa; солнце садилось не по итальянски, тускло и блѣдно, даль покрывалась съ одной стороны темносиними тучами, на канупѣ былъ сильный дождь и гроза, къ ночи готовилась другая. Я облокотился на ограду и смотрѣлъ и смотрѣлъ...

И не только смотрѣлъ на видъ, но и на монаха, и на него то именно я смотрѣлъ съ глубокой завистью — пожилъ бы въ этомъ торжественномъ одиночествѣ — по монастырь для насъ запертъ, это чужой отдыхъ, покой отъ другого бремени, отвѣтъ на другія стремленія. Куда въ самомъ дѣлѣ дѣнется человекъ усталый, сломленный или просто неосторожно загнанный за кулисы, и появившійся *оптический обманъ?*

Потребность одиночества и удаленія будетъ непремѣнно расти, она разумѣется никогда не поглотитъ столько рукъ и силъ какъ всякій гарнизонъ, но расти будетъ. Для страждущихъ духомъ современное общество приготовило только *сумасшедшій домъ*.

Психологія христіанства была глубже и гуманнѣе — она пожалѣла уставшихъ!

И — рѣ.

Post scriptum. 12 Октября. Завтра мы идемъ отсюда, и мнѣ почти жаль Неаполь. Съ нимъ скоро сживаешься, какъ съ нѣкоторыми женщинами на перекоръ разуму и въ прямомъ отношеніи къ ихъ недостаткамъ и слабостямъ. Неаполь можетъ потому и нравиться, что онъ также неисправимъ какъ онѣ.

Геологія и исторія сдѣлали все, чтобъ онъ покался и шелъ въ путяхъ благочестія, но на него ничего не дѣйствуетъ, или хуже—все подстрекаетъ его идти въ противоположную сторону. Везувій, Пизиды, катакомбы—эти грубыя угрозы, эти гуртовья memento mori притупили здѣсь свое жало и “Гетера, пляшущая на Геркуланумѣ, т. е. на гробовой доскѣ”, пока до лавы, также мало заботится о ней, какъ Лаура въ Донъ Жуанѣ о томъ, что въ Парижѣ холодно. Глядя на сгустку дыма, напоминающую что Везувій не умеръ, а только спитъ, никто не думаетъ объ изверженіи. Да многіе ли думали, останавливая взглядъ на бѣломъ зданіи, составляющемъ точку связи между Пизидой, небомъ и моремъ, что по другую сторону этой стѣны были королевскія катакомбы, въ которыхъ хоронили живыхъ людей!

Эта художественная бездушность, эта беспечность ребенка и куртизаны — вдохновеніе Неаполя. Его ничѣмъ невозмущаемая жажда наслажденій, увлекаетъ въ круговоротъ его вихря его поклонниковъ и притупляетъ въ нихъ всѣ чувства, кромѣ чувства красоты.

Неперемонный эпикуреизмъ этого края—не новость; это его геологическая фізіологія. При входѣ въ одинъ помпейскій домъ выложено камнемъ:

Salve lucro!

Какое наглое простодушіе! Какая отвратительная откровенность!

Только на этой вулканической коркѣ, звѣнящей нѣстами подъ копытомъ лошади или подъ брошеннымъ камнемъ, могла придти въ голову эта циническая надпись и не только придти въ голову, но и быть исполнена отличной мозаикой.

Salve lucro, а вмѣсто барыша пришла лава. Везувій перехитрилъ остряка, ему догадаться и написать еще вмѣсто lave lanem, какъ его сосѣдъ, lave montem.

Но вотъ онъ колоссальный lave montem, вышедшій изъ тысячелѣтней могилы, вотъ онъ скелетъ цѣлаго города, стряхнувшій съ себя пепелъ. Неаполитанецъ сквозь его каменные ребра весело смотритъ на свѣжую зелень, на зрѣющія лозы и, стоя на терасѣ Діомедова дворца, думаетъ хорошъ ли будетъ сборъ винограда въ эту осень.

А тамъ залетѣтъ ли лава Портучи или чтонибудь другоедохнуть ли потѣющіе, непростывшіе еофатары своимъ отравленнымъ дыханіемъ, и скоро-ли его самого (если онъ бѣдный человѣкъ) стащатъ едва умершаго, полунагаго, безъ имени въ темную яму темныхъ катакомбъ, гдѣ такая-же тѣснота труповъ какъ живыхъ на улицѣ—до этого ему дѣлать!

П—ръ.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ЗА ДВА ПОСЛѢДНІЕ ГОДА.

(Продолженіе).

III.

Во всѣхъ вышеизложенныхъ преступленіяхъ, цѣль триумвирата и его прислужниковъ была одна: уничтожить въ русскомъ обществѣ всѣ проблески свободныхъ стремленій и сдвинуть его подъ лапою петербургскаго правительства. Триумвиратъ, какъ и сказано выше, выжидалъ удобнаго момента, чтобъ застать общество въ распложъ—напуганнымъ и растеряннымъ; пожары произвели такой моментъ, и триумвиратъ употребилъ всѣ достойныя его средства для того, чтобъ прежде всего унижить и опозорить въ глазахъ всего народа и такъ называемаго образованнаго общества то, что во всякомъ, и цивилизованномъ и дикомъ обществѣ представляетъ силу и составляетъ для народа залогъ его будущности, то есть молодое поколѣніе.

Подвергая молодое поколѣніе гоненію и позору, желая подвергнуть самую жизнь молодежи не заслуженной мести возбужденнаго народа, палачи объявляли молодежь поджигателями, разбойниками и раззорителями трудовой жизни народа!... Находя это недостаточнымъ, палачи захотѣли болѣе прямымъ путемъ лишить нѣсколько сотъ молодежи самой возможности жизни. Они объявили, что петербургскій университетъ не будетъ открытъ еще въ продолженіе цѣлаго года; они уничтожили общество для вспоможенія бѣднымъ студентамъ (и вообще учащимся). А этимъ обществомъ поддерживалась жизнь весьма и весьма многихъ честныхъ юношей, которые во время осенняго гоненія на студентовъ лишились всѣхъ своихъ прежнихъ работъ, а теперь лишились и всякой возможности существованія, ибо весьма многія семейства не хотѣли брать въ учителя и гувернеры студентовъ громогласно обвиняемыхъ въ поджигательствахъ!

Вмѣстѣ съ этимъ нужно было, лишить все образованное общество возможности питаться чтеніемъ не казенной литературы, нужно было лишить весь народъ единственной возможности образованія. Послѣдовали “временныя (безъ сравненія стѣснительнѣе чѣмъ во времена Николая) правила” о печати, и запрещеніе трехъ журналовъ; послѣдовало повелѣніе объ уничтоженіи народныхъ школъ.

Въ то же время началась инквизиція подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго инквизитора Голицына. Хватили людей всѣхъ возрастовъ и обоего пола; хватили женщинъ и дѣвушекъ самымъ наглымъ образомъ; хватили студентовъ и литераторовъ. Со всѣхъ концовъ Россіи, отъ Оренбурга и Полтавы, въ Астрахань и Архангельскъ летали изъ Петербурга жандармы—одни уже съ сосланными, другіе съ арестованными; въ крѣпости не доставало помѣщенія, содержали въ частяхъ и содержали самымъ гнуснымъ образомъ—въ сырости и въ голодѣ; арестованныхъ по два и по три мѣсяца держали безъ допросовъ.

А великаго заговора великіе инквизиторы отыскать не могли, не смотря на всѣ мольбы и приказы *отрыскаюся Величества*. Рассказывать о всѣхъ преступленіяхъ инквизиторской комиссіи не только противъ человѣческой личности, но даже и противъ самого императорскаго закона, мы теперь не станемъ. Въ другой разъ мы представимъ длинный рядъ борцовъ за народную свободу и расскажемъ про многія высокія личности,

про многие энергические характеры. Теперь же мы хотим только указать на некоторые из многих и частых продѣлок инквизиторовъ, которыя ясно показываютъ, какъ петербургское правительство обращается съ русскимъ обществомъ. За неотысканіемъ великаго заговора нужно было прибѣгнуть къ хитрости. Стали сами сочинять заговоръ, явились уличенные преступники, явились обвинители. Были схвачены на мѣстѣ преступленія, со шрифтомъ въ рукахъ, съ написанною прокламаціею—студентъ-медикъ Жизневскій и кандидатъ университета (!) Дмитревскій. Наконецъ то! доискались!.. Жизневскаго содержали въ крѣпости, грозили каторгою, потомъ перевели въ смиренный домъ и наконецъ отравили въ ссылку. Дмитревскаго не держали въ крѣпости ниже получаса.. Оказалось, что Дмитревскій агентъ Потапова, что желая услужить начальству, чтобы начальство въ свою очередь могло похвалиться передъ Александромъ Николаевичемъ: “виновники-де найдены”, Дмитревскій неотвязчивыми просьбами и доводами, что иначе онъ погубитъ себя, уговорилъ Жизневскаго помочь ему въ работѣ, принесть на квартиру Жизневскаго шрифты и писанную прокламацію, а потомъ вышелъ за двери и вошелъ уже вмѣстѣ съ жандармами!! Фактъ этотъ можетъ казаться неправдоподобнымъ, но мы ручаемся за его достовѣрность и предлагаемъ—не угодно ли хоть продажной литературѣ опровергнуть его? А пока, чтобы послѣ не возвращаться къ этой же категоріи инквизиторскихъ изобрѣтеній, расскажемъ болѣе поздній случай, гдѣ блистательно участвовалъ тотъ же шпіонъ Дмитревскій.

Въ послѣднюю зиму, пронеслась по Петербургу однажды небывалая новость. На жизнь Александра Николаевича было сдѣлано покушеніе!! Въ большомъ театрѣ, въ одно изъ представлений, которое “удостоилъ посѣщеніемъ” Александръ Николаевичъ, былъ остановленъ съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ, бывший студентъ *Чебышевъ*. Инквизиторская коммиссія торжествовала, видя продѣлку удавшейся—представился удобный случай арестовать цѣлыя сотни людей и сослать ихъ въ отдаленныя уѣзды; уже были даны распоряженія о заготовленіи помѣщенія для нѣсколькихъ сотъ арестантовъ... что остановило инквизиторовъ, намъ неизвѣстно; вѣроятно боязнъ, что продѣлка обнаружится и взволнуетъ общество. Продѣлка дѣйствительно обнаружилась. Оказалось, что за нѣсколько мѣсяцевъ до мнимаго покушенія на жизнь Александра II, Дмитревскій познакомился съ Чебышевымъ (весьма молодымъ человекомъ). Дмитревскій постоянно либеральничалъ съ нимъ и наконецъ, пріобрѣтя достаточную довѣренность юноши и звавъ его однажды (въ тотъ самый вечеръ, когда произошелъ казусъ) въ театръ, Дмитревскій объявилъ ему, что “полиція ужъ давно слѣдитъ за ними, взять ихъ прямо побойтся, потому что не любитъ скандаловъ, но непременно пришибетъ ихъ гдѣ либо на улицѣ, изъ-за угла; по этому нужно быть съ оружіемъ, нужно зарядить револьверъ (который былъ и прежде у Чебышева) и взять его съ собою”. Чебышевъ отговаривался сначала, боясь нести въ карманѣ заряженный револьверъ. Дмитревскій самъ взял револьверъ, по дорогѣ сталъ имъ пугать извозчика и дурачиться, Чебышевъ отнялъ его, и такимъ образомъ очутился съ револьверомъ, когда его внезапно остановили въ театрѣ и арестовали.

Наконецъ извѣстный агентъ полиціи *Волокитинъ*, въ ком-

паніи съ другими агентами, составилъ будто-революціонное общество, “Всѣхъ смертей”. Волокитинъ и Ко. старались завлечь въ себя юношей и уговорить ихъ присоединиться къ обществу “Всѣхъ Смертей”, цѣль котораго истребить смертью всѣхъ враговъ свободы, начиная съ Александра II! Дѣйствительная цѣль этихъ агентовъ была просто—на подобіе Дмитревскаго, подводить молодыхъ людей подъ крѣпость и каторгу, а самимъ получать щедрыя вознагражденія за “усердіе по службѣ”.

Такими и подобными изобрѣтеніями составили инквизиторы тайное общество. Сущствующаго-же на самомъ дѣлѣ свободнаго тайнаго общества они открыть не могли и не могутъ: въ самый разгаръ ихъ бѣшенства, среди арестовъ и ссылокъ, 8 Сентября '62 года, распространенъ былъ въ обѣихъ столицахъ и въ другихъ городахъ безценсурный листокъ “Къ образованнымъ классамъ”. Этотъ листокъ призывалъ общество опомниться и понять всѣ преступленія, которыя совершаетъ правительство, пользуясь легкомысліемъ и потворствомъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, издатели объявляли, “что правительство губитъ сотни людей въ казематахъ, а нашъ станокъ стоитъ безвредно и будетъ стоять”. Они сдержали свое слово...

IV.*

Аресты, ссылки въ отдаленныя губерніи и въ каторгу продолжались; продолжались слѣдствія о поджигателяхъ и о тайномъ заговорѣ... Продолжался и гнетъ Польши, и цѣлая нація оказалась уже не въ тайномъ, а въ явномъ заговорѣ; въ заговорѣ, чтобы добыть себѣ свободу.

Императорство, видя, что нѣтъ болѣе мѣста гнету въ Польшѣ, спѣшитъ перенести свое палачество къ себѣ, домой, въ свое семидесятимилліонное помѣстье; потому спѣшитъ перенести, что отрѣшиться отъ гнета, оно не можетъ: въ палачествѣ его жизнь.

Опять длинною веревницею потянулась казенно-продажная литература. Начальники ея приказали ударить ея хору въ струны лже-патріотизма; подъмузыку этого хора, Вагуевъ приказалъ писать и подписывать адреса; общество опять растерялось, опять повѣрило въ ложь и клеветы продажной литературы, и, боясь и не доумѣвая стало подписывать *заказные адреса*.† А казенно-продажная литература становилась все безстыднѣе и наглѣе. Разбирать того, что писалось ею о польско-русскомъ вопросѣ мы конечно не станемъ; образецъ этой литературы “Московскія Вѣдомости” предъ глазами русской публики. Мы только укажемъ честнымъ людямъ, какъ правительство презрительно обращается съ русскимъ обществомъ, какъ нагло пользуется оно каждымъ событіемъ и случаемъ, чтобы лишить русское общество всякой тѣни свободы; какъ оно обманываетъ. Для этого намъ достаточно взглянуть на “Московскія Вѣдомости” хоть за какія-нибудь двѣ недѣли.

Редакторъ Катковъ давно уже безнаказно дозволяетъ себѣ клеветать на всѣ явленія не-казенствующаго міра. Такъ, въ Февралѣ, когда раздался свободный голосъ обличившихъ говорить когда нужно, когда комитетъ Общества “Земли и Воли” обратился съ рѣчью о дѣйствительномъ положеніи польско-русскаго дѣла, и указывалъ къ какимъ гибельнымъ результатамъ ведутъ дѣйствія петербургскаго правительства не только въ

* Мы не хотимъ и не хотимъ вступать въ полемику съ правительственной литературой; но не считаемъ себя въ правѣ не дать мѣста въ “Колоколѣ” свободному голосу изъ Россіи.

† Обращенія въ казенныхъ адресахъ были уже помѣщены въ “Колоколѣ”.

Польнѣ, но и въ самой Россіи, 'Моск. Вѣд.' сказали, что какой то никому неизвѣстный комитетъ призываетъ враговъ на русскій народъ! Обозвали членовъ комитета измѣнниками и обвинили, "что это послѣднее дѣйствіе еще хуже чѣмъ поджигательство"! Все это, конечно, оскорбительно не для Общества "Земли и Воли", его дѣло слишкомъ чисто—а оскорбительно для самого русскаго общества, надъ которымъ "Моск. Вѣд." позволяютъ себѣ такъ издѣваться.

При малѣйшей возможности, онѣ повторяютъ свои клеветы и продолжаютъ дурачить русское общество. Эти клеветы заключаются въ постоянныхъ обвиненіяхъ "кого-то" за всѣ свободныя проявленія въ обществѣ, и въ связываніи этихъ свободныхъ проявленій съ такими дѣйствіями, какъ поджигательство и т. п. Недавно повторено слѣдующее изобрѣтеніе:

"Газета 'День' (сказано въ "Московскихъ Вѣдомостяхъ" 8 Сентября, No. 195) находитъ не приличнымъ, что мы для объясненія истинной сущности польскаго востанія сослались на происшедшую у насъ назадъ тому года два революціонную комедію..... Какъ тамъ, такъ и тутъ главная причина одна, при всѣхъ различіи размѣровъ и послѣдствій. И тамъ, и тутъ, въ основаніи одна и та же нитрига; и тамъ, и тутъ, главными виновниками были люди, которые ускользали и ускользываютъ отъ кары, между тѣмъ, какъ несчастныхъ повстанцевъ, вагонныхъ изъ сѣль въ лѣса, бьютъ войска безпощадно, и шестнадцатилѣтніе юноши, бывшіе жертвы гнусныхъ предѣловъ убили, у насъ свою будущность".

Если-бы въ людяхъ говорящихъ это, можно было заподозрѣть человѣческую совѣсть, мы бы потребовали отъ нихъ прямого отвѣта—именнаго указанія на людей, на которыхъ они клеветаютъ. Кто эти, среди насъ, виновники, "гнусныя продѣлки которыхъ заставляли юношей губить себя"? Кто же главные виновники всей революціонной комедіи, ускользающіе отъ кары? Пусть назовутъ ихъ. А мы впередъ смѣло и громко отвѣчаемъ, что нельзя назвать такихъ виновниковъ, потому что ихъ не было... Ни одинъ изъ многихъ сотенъ мученныхъ юношей не указалъ ни на кого изъ какихъ то мнимыхъ главныхъ виновниковъ. Выше рассказано какіе были изобрѣтенные поджигатели. Или все это не слишкомъ торжественное опроверженіе и уличеніе во лжи? Лжецы издѣваются надъ страданіями матерей и женъ по вырваннымъ у нихъ мужьямъ и дѣтямъ! *Комедіей* называютъ они двух-годовую тревогу, причиняемую правительствомъ семействамъ сотенъ юношей. Изъ-за какой-то комедіи правительство убиваетъ лучшихъ людей въ крѣпости и Сибири, изъ-за какой то комедіи правительство моритъ молодежь въ казематахъ и ссылаетъ въ глушь, лишая ее самое всѣхъ средствъ жизни, лишая общество лучшей его силы, изъ-за какой-то комедіи правительство уничтожаетъ литературу, уничтожаетъ народныя школы!..

Да, правительство, конечно, играетъ комедіи, комедіи съ своими Дмитріевскими и Волокитинными, съ изобрѣтенными поджогами и съ балаганскими покушеніями на 'цареубійство'. Можетъ, Александру Николаевичу и нравятся эти комедіи; онъ хочетъ не видѣть всей грозной дѣйствительности изъ за этой комедіи, и съ лихвою награждаетъ комедьянтовъ за ихъ представленія!.. Но эти представленія не на долго, общество скоро опомнится.

"Моск. Вѣд." прямо объявляютъ теперь:

"Мы считаемъ долгомъ объявить нашимъ противникамъ, кто-бы они ни были, что мы не будемъ стѣснять себя никакими соображеніями ни при изобличеніи дѣйствій, которыми считаемъ вредными или ложными. ("Моск. Вѣд." No. 191).

* Подобную-же іереміаду распѣвалъ г. Громека въ апрѣльской книжкѣ "Отечественныхъ Записокъ".

И вотъ, для вѣщаго примѣра онѣ изощряютъ свое краснорѣчіе на г. Костомаровъ и обвиняютъ его прямо въ *сообщничествѣ* съ польскими мятежниками.* За что-же подвергся г. Костомаровъ многочисленнымъ доносамъ 'Моск. Вѣд.'? За то что хотѣлъ издавать народныя книги на малорусскомъ языкѣ. Сначала, правительство встрѣтило такое предпріятіе украинцевъ не только не враждебно, но даже съ видомъ дружелюбія; оно прямо выразило это тѣмъ, что дозволило г. Костомарову и его сотрудникамъ устроить литературно-музыкальный вечеръ для сбора въ пользу изданія малорусскихъ книгъ; этотъ вечеръ "удостоили торжественнымъ посѣщеніемъ" сами власти и громкими рукоплесканіями привѣтствовали г. Костомарова. Во всѣхъ газетахъ, кромѣ того, (и даже въ "Москов. Вѣдом.") печатались объявленія о сборѣ и назначеніи денегъ. Моск. Вѣд. не понравилось это, онѣ донесли, и вотъ, сами объявляютъ, что "г. Костомаровымъ послѣ нашихъ статей встрѣченъ административныя затрудненія въ его предпріятіи"... Съ г. Костомарова переносится обвиненіе въ мятежническихъ стремленіяхъ на всѣхъ украинцевъ:

"Мы повторимъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что сознательно или безсознательно украинцы и другіе сепаратисты служатъ очень дурному и вредному дѣлу; что сознательно или безсознательно они служатъ орудіемъ самой враждебной нитриги... Есть, въ самомъ дѣлѣ, какая то враждебная сила у насъ, которая, пользуясь нашей неурядицей, недостаточнымъ сосредоточеніемъ нашихъ общественныхъ интересовъ, разбродомъ мыслей и мнѣній, отыскиваетъ и поддерживаетъ все что только можетъ послужить матеріаломъ для какихъ нибудь смутъ въ нашей народной жизни и вообще въ нашемъ отечествѣ. Мы не видимъ этой враждебной силы въ лицо, но вездѣ видна ее подталкивающая и пособляющая рука"... (Моск. Вѣдом. 4 Сент. No. 191).

И наконецъ, доходя до павоса, Моск. Вѣд. опять вспоминаютъ задушевный доносъ свой и скромно сравниваютъ дѣятельность г. Костомарова съ поджигателями:

"Съ злымъ ли умысломъ или по глупости или въ предвѣдѣ сномъбулизма, человекъ поджигаетъ домъ, пусть это разъясняютъ слѣдующіе люди, но всякій обязанъ предупреждать очевидное зло".—(Тамъ же).

Пусть же порадуется нашъ братъ украинцы—вотъ какъ объяснены милостивому монарху ихъ мирныя "педагогическія" стремленія! Пусть и русскіе люди порадуется, видя—"какимъ лицемѣрнымъ путемъ идетъ правительство по пути прогресса и свободы". Оно разрѣшаетъ и одобряетъ предпріятіе украинцевъ, а потомъ, по требованію "Моск. Вѣд." запрещаетъ г. Костомарову приводить въ исполненіе дѣло, на которое собраны деньги, и даже запрещаетъ ему *говорить* объ этомъ дѣлѣ!—(См. Моск. Вѣдом. тамъ же).

Впрочемъ "Моск. Вѣд." не забываютъ дарить и русскихъ людей. Прочтите хоть статьи ея о реформѣ судовъ; онѣ говорятъ, что рано еще вводить новые суды, а если ужъ нельзя иначе, такъ нужно чтобы они были какъ можно хуже и безобразнѣе; для этого объявляютъ, что въ печати не должны обсуживаться и предлагаться проекты новыхъ судовъ; литература должна молчать, созерпая великихъ реформаторовъ судовъ, то есть дряхлыхъ, отжившихъ старцевъ государственнаго совѣта, этой жалкой богадѣльни 70-ти милліоннаго помѣстья, гдѣ большинство членовъ выросло и состарѣлось въ николаевщинѣ:

"У насъ есть, (говорятъ "Московскія Вѣдомости" 14 Сентября N. 200)

* Обвиненіе г. Костомарова ясно выражается въ слѣдующихъ словахъ Каткова—"Пусть же утѣшится г. Костомаровъ, пусть онъ и орадуется, значить дѣло которому онъ служитъ, ничего не потеряло. Польскіе націоналы въ западномъ краѣ могутъ также порадоваться этой новой попыткѣ (изданіе Бѣлорусской газеты) отдѣлится правственно Бѣлорусскій край отъ Россіи".—(No. 191).

А въ No. 40 "Дня" нежизненно писано одного Русскаго изъ Вильны, изъ котораго оказывается, что Моск. Вѣд. отъ страха зарепортажились, что никакой подобной газеты и не думали издавать.—Прим. Ред.

государственные люди, члены государственного совета, синода, сената, сами управлявшие или управляющие дѣлами, обладающие политической опытностью, изъ нихъ многие несомнѣнно отличаются высокими достоинствами. Голосъ журнальнаго крикуна раздается на весь народъ, а голосъ этихъ лицъ никому не слышенъ; ихъ голосъ, который могъ бы направлять общественное мнѣніе и политически воспитывать умы, пропадаетъ для общества”.

Хороша будущность преобразованныхъ судовъ!

Но этого мало. Мос. Вѣд. хотятъ показать, что надъ русскимъ обществомъ можно еще болѣе издѣваться. Увлечшись своими обвиненіями всѣхъ и всего, онѣ стали обвинять даже своихъ собратьевъ по ремеслу—даже “Голосъ” Краевскаго, органъ Головинна. И наконецъ пошли еще дальше и дошли до обвиненія самой власти. Имъ надобно описывать ужасы кровопролитія въ Польшѣ, имъ захотѣлось назвать главнаго виновника ихъ и онѣ назвали.

“Мы находимъ единственно вѣрнымъ то мнѣніе, которое приписываетъ возникшій и продолжающійся въ Царствѣ Польскомъ мятежъ системѣ управленія тамъ принятой”.

И далѣе распространяясь о власти, онѣ говорятъ, что “власть должна перестать быть игрушкою въ рукахъ измѣнниковъ”.

Далѣе, еще болѣе прямое обвиненіе власти: “мятежники усиливаются и плодятся вслѣдствіе бездѣйствія власти, или лучше сказать вслѣдствіе такого направленія ея агентовъ, которое прямо способствуетъ развитію революціи въ краѣ”. (“Моск. Вѣд.” No. 195.)

Въ другомъ номерѣ “Моск. Вѣд.” есть прямое названіе администраціи *измѣннической*. (No. 200).

Довольно. Къ этому прибавлять намъ нечего; дальше идти нельзя. Сами правительственные клевреты, въ лицѣ Мос. Вѣд. громко говорятъ русскому обществу, что во всемъ кровопролитіи, стоящемъ русскому народу цѣлыя тысячи жертвъ и милліоны рублей,—виновна “власть”, и сами же онѣ громко сознаютъ, что власть нынѣшняго, т. е. петербургскаго правительства, ничтожна, называя эту власть *игрушкою*...

Здѣсь пока рассказанъ только не большой отрывокъ изъ длинной лѣтописи мрачныхъ послѣднихъ годовъ. Но и этотъ отрывокъ, какъ и вся лѣтопись, представляетъ одинъ непрерывный рядъ правительственныхъ преступленій противъ отдѣльныхъ личностей, противъ цѣлыхъ массъ и учреждений, противъ всего народа. Все что сказано здѣсь—одна голая правда; здѣсь ничего не прибавлено и, можетъ многое опущено. Пусть-же люди русскіе, глядя на то, сколько крови проливается императорскими слугами, пусть подумаютъ, за что и изъ-за чего творится столько позора и бѣдствій надъ ними, надъ ихъ братьями и дѣтьми! Пусть поищутъ въ своемъ разумѣ и сердцѣ причину всего творящагося, и подумаютъ—кто виновникъ всего кроваваго зла и разрушенія?

Искренній отвѣтъ одинъ: *Правительство!*

Лѣтописецъ.

Россія. Сентябрь, 1863.

СМѢСЬ.

— Англійскіе журналы передаютъ слѣдующее извѣстіе, которому хотѣлось бы не вѣрить. Правда это или нѣтъ—предоставляемъ судить русскимъ, ближе знающимъ дѣло. Но только скажемъ, что одна возможность предположить, что это правда—должна заставить одуматься самое большинство

русскаго такъ называемаго образованнаго общества и испугаться передъ мыслью, что оно идетъ въ грязь, и своимъ сочувствіемъ правительству позорить имя русское на цѣлыя вѣка. Вотъ это извѣстіе:

“Г-жа Далецкая, мать вдовы Сѣраковскаго, и ея дѣти сосланы въ Сибирь. Сама вдова Сѣраковскаго была беременна на сношѣ и потому оставалась въ Вильнѣ. Муравьевъ, узнавъ, что она скоро должна родить приказалъ свезти ее, какъ есть съ постелью, на желѣзную дорогу; ребенка, какъ скоро родится, отправить въ Псковъ въ богадѣльню, а мать отправить во внутреннія губерніи. Жандармскій офицеръ, которому было дано порученіе, поѣхалъ въ домъ родилицы и перевезъ ее на станцію желѣзной дороги. Сѣраковская упала въ обморокъ и потомъ лежала въ судоргахъ. Между тѣмъ поѣздъ отправился и она была оставлена на станціи. Офицеръ явился къ Муравьеву съ рапортомъ о случившемся и о негодованіи, которое это происшествіе произвело въ городѣ. Муравьевъ отвѣчалъ, что онъ и приказъ отдалъ съ намѣреніемъ вызвать это чувство негодованія, котораго онъ не боится. Потомъ онъ послалъ русскую повивальную бабку для пособія Сѣраковской, строго требуя, чтобы его варварскій приказъ былъ исполненъ въ точности”.

Духъ замираетъ, читая эти строки. Неужто это правда? Кто же сазалъ, что люди, совершающіе такіе пенужныя и грязныя злодѣйства, представители русскаго народа? Они представители только того императорства, которое опираясь на чиновничество, ньющее за здоровье палачей и фискаловъ, гнететъ народъ русскій совсѣмъ не меньше чѣмъ Польшу, гнететъ старообрядцевъ и образованное меньшинство, разстрѣливаетъ крестьянъ, ссылаетъ молодежь и преслѣдуетъ честныхъ людей и даже ихъ родственниковъ (тоже что въ Польшѣ).

За примѣромъ ходить не далеко.

Генъ и Михаэлисъ, сосланные въ Петрозаводскъ, нынѣ, по ложному доводу губернатора Арсеньева, за то что они будто бы отлучались за 20 верстъ изъ города на какую то свадьбу—сосланы: Генъ—въ Царевосайчурскъ Вятской губерніи, а Михаэлисъ—въ Тару Тобольской губерніи. Главная же вина ихъ въ томъ, что Михаэлисъ—братъ жены Шелгунова, посаженнаго въ крѣпость; а Генъ—братъ жены Бѣлозерскаго, бывшаго издателя “Основы”, обвиняемаго въ желаніи издавать книги на малороссійскомъ языкѣ.

У Бѣлозерскаго былъ произведенъ III отдѣленіемъ обыскъ.—Печатать книги на малороссійскомъ языкѣ запрещено. Костомарову предложено ѣхать, на казенный счетъ, за границу въ Славянскія земли. (За чѣмъ? И принялъ ли онъ это предложеніе?)

И этимъ бесполезнымъ, но злодѣйскимъ преслѣдованіемъ русское общество сочувствуетъ! А народъ про нихъ и не вѣдаетъ! А преслѣдователи выдаютъ себя за представителей русскаго народа!

Тяжелыя времена.

Но судьбы русскаго народа *иныя!*..

— Въ *Общій фондъ* получено: За N. 2999—1 фунтъ ст., за N. 3000—100 франковъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex,

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. Цѣна 9 пенсовъ, съ двадцать четвертымъ листомъ—ОБЩЕЕ БѢЧЕ.

ЛИСТЪ 174.

1 ДЕКАБРЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 24).

У Трибнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 24.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Историческіе документы—Расчистка пѣкоторыхъ вопросовъ (Конституція и Земскій Соборъ, Продолженіе)—Дѣло подпоручика Григорьева. Смѣсь: Александровская пропаганда посредствомъ Павловскихъ штукъ—Адресовскіе—Еще о вдовѣ Свраковскаго—Общій фондъ—Евгата.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.

(Переписка по дѣлу объ убійствѣ Аракчеевской Настасьи)

ДВА ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА I КЪ АРАКЧЕЕВУ.

1.

Любезный другъ!

Нѣсколько часовъ какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе о ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя! Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ предъ Богомъ. Предайся слѣпо его святой волѣ — вотъ единая отрада, одно успокоеніе; которое въ подобномъ несчастіи я могу тебѣ указать. Другаго не существуетъ по моему убѣжденію. Искренно раздѣляю я твою печаль. Хотя я и не зналъ и не видывалъ особы, тобой оплакиваемой, но она была тебѣ искреннимъ и давнишнимъ другомъ, сего довольно, чтобы потеря ея была для меня прискорбна. Къ сему присоединяется еще ужасная мысль объ образѣ сей кончины. Я живо воображаю себѣ все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти! Твое положеніе, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое собственное здоровье сильно оное почувствовало.

Но еще разъ тебѣ повторяю съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ — отчаяніе есть грѣхъ и великій грѣхъ. Покорность совершенная волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонять головы наши съ умиленіемъ и повиновеніемъ его святой волѣ. Покорись ей и Богъ самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ.

Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь куда ѣхать? Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будемъ здѣсь жить такъ какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ. Но заклипаю тебя всѣмъ что есть свято, вспомни отечество, сколько служба твоя ему полезна; могу сказать необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далеко отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти.

Годъ VII.

Дай себѣ все нужное время для нѣкотораго успокоенія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Вспомни сколь многое тобою произведено и сколь требуетъ все оное усовершенія. Я Бога усердно прошу, чтобы онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ бы въ тебя необходимую твердость съ повиновеніемъ его святой волѣ.

Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показанія преступниковъ и твое по всему оному предположеніе. Объяви губернатору мою волю, чтобы старались дойти всѣми мѣрами не было ли какихъ тайныхъ направленій или подущеній. Любезный другъ, жаль мнѣ выше всякаго изрѣченія твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ что оно должно чувствовать и скорблю съ нимъ искренно. Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга и вѣрнаго тебѣ друга.

Александръ.

таганрогъ 22 Сентября 1825.

2.

Твое здоровье любезный другъ, душевное и тѣлесное, послѣ такого несчастія крайне меня беспокоитъ. Я нарочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человека тебѣ преданнаго, дабы съ нимъ посовѣщаться на счетъ твоего положенія, и, по довольномъ разсужденіи, положили мы, чтобы ему отложить до другаго времени осмотръ войскъ, находящихся подъ начальствомъ гр. Витта, дабы могъ онъ возвратиться къ тебѣ. А я буду имѣть возможность получать подробныя свѣденія, какъ о твоёмъ здоровьи, такъ и о подробностяхъ всего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ, мнѣ крайне прискорбно, что Даллеръ ни одной строки о тебѣ не пишетъ, когда прежде онъ всякій разъ исправно извѣщалъ о твоёмъ здоровьи. Неужели тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебѣ въ такую важную минуту твоей жизни. Грѣхъ тебѣ забыть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно! и еще грѣшнѣе усомниться въ его участіи въ твоей печали. Убѣдительно прошу тебя, любезный другъ, если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣщать на свой счетъ; и въ сильномъ безпокойствѣ. На вѣкъ искренно тебя любящій.

Александръ.

таганрогъ 30 Октября 1825.

3.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА I КЪ ФОТІЮ.

Отецъ Архимандритъ Фотій! По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, гр. Алексій Андреевичъ, послѣ несчастія его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянію. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы, съ помощью Всевышняго, много можете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпивъ ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ, ибо служеніе гр. Аракчеева драгоцѣнно для отечества.

Христіанинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою Господнею ему наносимые. Мы всѣ въ волѣ его.

Испрашивая благословенія вашего, предаю себя молитвамъ вашимъ.

Александръ.

Письмо сіе хранить въ тайнѣ.

Таганрогъ 30 Октября 1825.

4.

ПИСЬМО ГР. АРАКЧЕЕВА КЪ...*

Милостивый государь, Дмитрій Сергѣевичъ!

Сего мѣсяца 1 числа получилъ я изъ Таганрога собственноручный е. и. в. рескриптъ, 22 Сентября писанный, въ коемъ государю императору благоугодно было возложить на меня объявленіе в. п. высочайшей его воли въ ономъ рескриптѣ означенной, по поводу совершившагося въ Грузинѣ истекшаго 10 Сентября смертоубійства. Слабое состояніе здоровья моего препятствовало мнѣ на сіе время оное исполнить; по прибытіи же начальника штаба, П. А. Клейнмихеля, нарочно ко мнѣ государемъ императоромъ отправленнаго, узналъ я отъ него лично, что неизмѣнная воля всемилостивѣйшаго государя императора нашего есть дабы дѣло сіе было изслѣдовано со всею строгостію, что самое П. А. Клейнмихель въ проѣздъ свой вамъ лично объявилъ.

Въ слѣдствіе сего свѣдѣнію препроводить къ в. п. копію съ вышеупомянутаго ко мнѣ высочайшаго рескрипта, дабы вы, м. г., имѣли уже полное право наблюдать за ходомъ сего дѣла сходно съ высочайшею волею, въ рескриптѣ упомянутою.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть в. п.

Покорный слуга—Графъ Аракчеевъ.

Грузино 14 Октября 1825.

5.

ПИСЬМО КЛЕЙНМИХЕЛЯ КЪ...

Милостивый государь, Дмитрій Сергѣевичъ!

Имѣя высочайшее повелѣніе доводить до свѣденія государя императора, какъ объ успѣхахъ слѣдствія производимаго объ убійствѣ въ Грузинѣ г-жи Шумской, такъ и о подробностяхъ онаго, я доносилъ о извѣстномъ вамъ ходатайствѣ Уголовной палаты, дворянскаго засѣдателя — Мусина — Пушкина и Новгородскаго уѣзда исправника Лялина за преступницу женку Анну Константинову, и получилъ монаршее повелѣніе объявить в. п., что государь императоръ повелѣваетъ вамъ въ особенности внимательнѣе заняться розыскомъ сего дѣла и открытіемъ причины такого ходатайства и всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ономъ лицъ.

Сообщая вамъ, м. г., таковую высочайшую волю, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть—П. Клейнмихель.

Новгородъ 2 Ноября 1825.

* Въ присланномъ спискѣ фамилья этого Дмитрія Сергѣевича не означена; сколько мы ни искали, сколько ни вспоминали, не можемъ допытаться кто этотъ достопочтенный слоповникъ.—Прим. Издат.

РАСЧИСЛКА НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ

(Статья Вторая)

КОНСТИТУЦІЯ И ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

V.

Ни Земскій Соборъ, ни конституція въ Россіи не новость. Хотя московское царство и петербургское императорство и оттерли и то и другое на задній планъ, забили и то и другое военно-чиновничьею силою,—но и то и другое, или лучше сказать—*уставъ самоуправленія, выходящій изъ состава народной жизни, конституція, созданная Земскимъ Соборомъ*—хранятся внутри русскаго человѣка, въ мысли русскаго народа и необходимо идутъ къ осуществленію. Мысль, лежащая въ цѣломъ складѣ народномъ, не можетъ не найти себѣ исхода; она все же сильнѣе всякаго царства и всякаго императорства.

Михаилъ Федоровичъ Романовъ былъ избранъ Земскимъ Соборомъ на *конституціонныхъ условіяхъ*. Прежде всего приведемъ въ доказательство историческій документъ; послѣ мы покажемъ почему эта первая конституціонная попытка рухнула. Мы беремъ этотъ документъ изъ книги барона Штраленберга: “Историческое описаніе русскаго государства, изданное на нѣмецкомъ языкѣ, въ Стокгольмѣ, въ 1730 году”*. Штраленбергъ шведскій офицеръ, бывшій долгое время въ плѣну въ Россіи; онъ собиралъ свои свѣденія почти отъ очевидцевъ, или по крайней мѣрѣ отъ людей, для которыхъ преданіе объ избраніи на престолъ Михаила Романова было живо, какъ дѣло вчерашняго дня. Хотя Штраленбергъ называетъ вещи именами, принадлежащими петербургскому времени и ближе подходящими къ европейскимъ понятіямъ (такъ онъ посланцевъ на Земскій Соборъ постоянно называетъ сенаторами), но книга его, написанная просто и искренно, все же составляетъ драгоцѣнную лѣтопись русской исторіи XVII столѣтія. Вотъ отрывокъ, который мы приводимъ:

“Такъ какъ избраніе и провозглашеніе новаго царя были совершены въ Москвѣ, то депутація отъ сената (т. е. Земскаго Собора) отправилась въ Угличъ, въ сопровожденіи знатныхъ бояръ (seigneurs de la cour) торжественнымъ поѣздомъ, чтобы заявить избраніе молодому царю Михаилу Романову и его матери.

“Эта боярыня (Princesse) потребовала дозволенія переговорить съ посланцами отъ Земскаго Собора (les sénateurs) прежде чѣмъ они предложатъ престолъ ея сыну. На это согласились, и мѣсто для переговоровъ было назначено въ церкви. Боярыня Романова снова протестовала, и плакала, и умоляла посланцевъ отгнѣвить избраніе ея сына, который не въ силахъ вестн такую огромную тягу. Ей растолковали, что—такъ какъ дѣло рѣшено—то объ этомъ уже и говорить нечего.

“Немного успокоившись, она просила посланцевъ принять ея сына подъ свое попечительство и отвѣчать передъ Богомъ за всѣ ошибки, могущія произойти отъ его молодости и неопытности и отъ того, что онъ никогда не былъ воспитанъ для занятія такой высокой должности.

“Посланцы были такъ тронуты ея рѣчью, что поклялись ей передъ алтаремъ, что исполнять ея требованія. Они привезли Михаила Романова (le prince) въ Москву, гдѣ онъ вскорѣ былъ коронованъ царскимъ вѣщомъ. Но передъ

* Мы имѣемъ подъ рукою французскій переводъ: “Description historique de l’empire russe, traduite de l’ouvrage allemande du baron de Strahlenberg, Tome I. A Amsterdam et se trouve à Paris. 1757”. Страниц. 81—83.

коронаціей его заставили приять и подписать слѣдующія условия: 1) что онъ станетъ блюсти и сохранять вѣроисповѣданіе; 2) что онъ проститъ и забудетъ все что было дѣлано противъ его отца и никакой личной вражды не дастъ хода; 3) что онъ не издастъ никакихъ новыхъ законовъ и не измѣнитъ прежнихъ, и въ важныхъ обстоятельствахъ ничего не станетъ рѣшать самъ собою, а только по существующему закону и обычному суду; 4) что онъ не пачнетъ войны и не заключитъ мира съ сосѣдственными державами по своему произволу; и наконецъ 5) что онъ, дабы совершенно быть безкорыстнымъ и во избѣжаніи всякой тяжбы съ частными людьми, отдастъ свои помѣстья родственникамъ или же передастъ ихъ въ государственное имущество**.

Что-же это если не опытъ конституціи, сообразной тогдашнему времени и созданной Земскимъ Соборомъ, но нисколько не дарованной (октроированной), а поставленной условіемъ избранному царю, условіемъ, безъ принятія котораго само избраніе не состоялось-бы? Замѣтите, что и *условіе положено* Земскимъ Соборомъ и *царь избранъ* Земскимъ Соборомъ. Кажется, изъ этого слѣдовалъ-бы спокойный и широкій ростъ общественной свободы; но многое ему помѣшало.

Московское царство уже слишкомъ глубоко запустило въ управленіе свою развращающую лапу. Бояре уже слишкомъ сдѣлались чиновниками, чтобы не продать выгоды народа русскаго царямъ—за право грабить народъ. Вотъ отъ чего конституція и рухнула; они столпились около царскаго престола, чтобы вымогать свои дворянскія права въ ущербъ народу; а цари тоже очень ясно поняли, что самовластіе сопряжено съ дарованіемъ льготъ дворянству въ ущербъ народу. И первый опытъ конституціи былъ принесенъ въ жертву дворянской корысти, пошатнулся уже при самомъ царѣ Михаилѣ Федоровичѣ и совершенно заглохъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Дѣло пошло—не на развитіе свободнаго народнаго самоуправления, а на созданіе сильнаго государственнаго единства посредствомъ насилія. Отношенія къ сосѣднимъ державамъ долею вели къ необходимости такого исхода; сперва имѣлось цѣлью огражденіе отъ враговъ, потомъ цѣлью сдѣлалось захватить и заправленіе всего внутри посредствомъ царской власти и ея чиновничества-дворянства. Люди прикрѣплялись къ землѣ, земли съ людьми раздавались дворянамъ; новое царское православіе вводилось для понужденія народа къ безусловному повиновенію. Дикость правовъ брала свое, ужасы творились. Наконецъ сама Москва показала слѣшкомъ народною стихією. Царь сдѣлался императоромъ, столицей сдѣлался Петербургъ, дворянство оиѣмчилось ради того, чтобъ разорвать всякую братскую связь съ народомъ и стать сословіемъ *управляющимъ безъ зазрѣнія совѣсти*. Петровская революція была не началомъ чего-то новаго, а завершеніемъ московскаго царства, которое шло къ разрыву съ народомъ во имя исключительнаго самовластія, вооруженнаго чиновничествомъ, и только въ Петербургѣ окончательно достигло своей корыстной цѣли.

Съ петровской революціей внесено и много хорошихъ элементовъ, науки, искусства, новая фабричная промышленность... Но не пришло ли бы все это и безъ петровской революціи, безъ всякаго ущерба для народной свободы? Это

* Династическое, что въ то время было отличалось государственнымъ имуществомъ отъ государственнаго имущества и что наши удѣльные имущества—привилегіи.

еще вопросъ; но вопросъ который остается празднымъ, потому что петровская революція фактъ, и намъ остается только брать въ расчетъ условія жизни, изъ него вытекшія.

Но вопросъ является гораздо сложнѣе, если мы спросимъ себя: какое-же коренное измѣненіе въ народѣ сдѣлалъ царско-императорскій переворотъ?

Мы не станемъ входить въ подробности—легко или трудно поддавался народъ этому перевороту, сколько онъ противился, сколько онъ бунтовалъ, сколько жертвъ было принесено водворенію нѣмецко-канцелярскаго порядка и православно-канцелярской церкви; мы не станемъ говорить о Стенькѣ Разинѣ и о Пугачевѣ; но мы спрашиваемъ: какимъ образомъ сохранилось старообрядчество? какимъ образомъ сохранился народный обычай такъ, что самъ Николай Павловичъ (изказавши, конечно, и подчинивши все дѣло чиновничеству) *узаконилъ* выборное начало въ сельскомъ управленіи и соединеніе (федерацию) селъ въ волости?

Вѣдь и это тоже фактъ. Наука принялась, промышленность развилась, а казенное управленіе и даже казенная церковь остались народу чѣмъ-то глухо враждебнымъ, противъ чего онъ тихо собиралъ и собираетъ свои могучія силы, то осторожно только *отстаивая* свой обычай, то порываясь поставить его своимъ жизненнымъ вопросомъ, дѣломъ своей самостоятельности.

Заключеніе одно: до-царскія, до-московскія времена остались живы въ народѣ, но *преображенныя* историческимъ развитіемъ. Новые элементы вошли въ жизнь, но природное основаніе осталось.

До-царскія времена являются намъ въ видѣ удѣльнаго раздѣленія, которое составляло, не смотря на распри, общій союзъ, какъ скоро дѣло шло о противустаніи внѣшнему врагу. Далѣе этого общественная мысль древняго періода не могла идти. Но у народа былъ самосудъ и самоуправленіе, свобода передвиженія и право на землевладѣніе. Весь этотъ внутренний строй сохранился вопреки царству и императорству. Притѣсненія царскихъ чиновниковъ, заставляли народъ ошибочно предполагать правду у царя, который стоялъ во главѣ всей неправды; внѣшніе враги и внутренніе притѣснители заставляли народъ жертвовать величію государства; но внутренне онъ остался съ тѣми-же требованіями землевладѣнія для каждаго, сельскаго самоуправления и самосуда, и соединенія ихъ въ областное и союзное (федеративное) самоуправленіе. *Земство* осталось основаніемъ, внутреннимъ смысломъ русскаго народа.

Удѣльныхъ князей давно нѣтъ; распри удѣловъ теперь невозможны. Но и жертвовать государственному величію областною самостоятельностью тоже дѣло отъ дня невозможнѣе. Императорство становится также призрачнымъ, какъ и адреса ему подаваемые и ничего не доказывающіе въ пользу его вѣрности. Польское возстаніе, можетъ быть геройски-мученически погибнуть; но потребность областныхъ самостоятельствъ, которую оно возбудило, не погибнетъ. Не погибнетъ по очень простой причинѣ: область, будь она основана на племенномъ различіи, или на различіи географически-промышленныхъ условій, область представляетъ союзъ городовъ и волостей, которыя въ свою очередь представляютъ союзъ селъ и деревень, какъ кто куда естественно тянется. Это тяготѣніе къ своему естественному складу—не можетъ заглушить ступи. Какъ скоро единоедержавіе пришло къ несостоятель-

ности (а оно пришло къ ней, какъ-бы призрачно ни поддерживалось) нѣтъ ипаго исхода, какъ союзъ самостоятельныхъ областей. Спорить они между собой не станутъ, какъ спорили удѣльные князья,—это настроеніе прошло; но не положить свою основу общественной свободы и самоуправленія онѣ не могутъ. Государственный строй перейдетъ въ союзный (федеративный) и конечно, болѣе сильный, потому что это строй свободный. Инаго исхода нѣтъ: или рабство и единодержавіе, или союзъ самобытныхъ областей и свобода.

Французская революція 1789 года на долго убила свободу на европейскомъ материкѣ уничтоженіемъ областной жизни, поглощеніемъ ея въ государственномъ единствѣ. Все подчинилось будто-бы свободной централизациі. Централизованная республика проповѣдовала свободу посредствомъ гильотины и дошла до дѣйствительной императорской централизациі. Съ тѣхъ поръ Фрнція стала неспособна къ своему идеалу гражданской свободы; она во всякомъ случаѣ смѣшиваетъ его съ полицейской пропагандой общественныхъ понятій и рушитъ долю свободы ради мысли о свободѣ.

Русскій народъ теоріи не имѣетъ. Онъ имѣетъ свой обычай и свои мѣстные условія. Онъ не станетъ проповѣдывать право человека вообще, но постоятъ за свою областную самостоятельность и придетъ къ общему союзу.

Мы видимъ въ этомъ залогъ громаднаго развитія—не государственной казармы—а человѣчески-общественнаго строя. Но мы не станемъ увлекаться нашими вѣрованіями. Въ настоящее время — существуютъ казенныя губерніи, а областей нѣтъ.

Какой-же выводъ изъ этого?

А вотъ какой выводъ: дарованная конституція никого не удовлетворитъ и приведетъ къ Земскому Собору; а такъ какъ области не разграничены, а существуютъ только губерніи и уѣзды, то первый Земскій Соборъ, который будетъ предварительный, соберется по уѣздно и въ своемъ общемъ собраніи разграничитъ области и дастъ право существованія самостоятельнымъ, областнымъ думамъ, которыхъ выборные составятъ второй, обычно и закононо учрежденный, постоянный союзный Земскій Соборъ изъ посланцевъ отъ областей.

Н. Огаревъ.

(Продолженіе впереди).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-АУДИТОРІАТА ПО ДѢЛУ О ПОДПОРУЧИКѢ ГРИГОРЬЕВѢ.

ПИСАНО ГЕНЕРАЛЬ-АУДИТОРОМЪ ФИЛОСΟΦОВЫМЪ,

(Примѣчанія основаны на изложеніи дѣла въ высочайшемъ докладѣ).

По разсмотрѣніи настоящаго дѣла, генераль-аудиторіатъ находитъ, что подпоручикъ Григорьевъ, по обвиненію въ распространеніи между нижними чинами возмутительныхъ идей, преданъ былъ военному суду, съ тѣмъ, чтобы, согласно высочайшему повелѣнію, приговоръ о немъ постановленъ былъ на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ. Изъ дѣла видно, что обвиненіе въ семъ преступленіи возникло на подпоруч. Григорьева вслѣдствіе дошедшихъ до командира лейбъ-гвар. Измайловскаго полка генераль-маіора Дрентельна 26 Мая сего года, свѣденій о сообщеніи Григорьевымъ возмутительныхъ мыслей утеръ-офицеру Бродничуку, бывшему съ Григорьевымъ на дежурствѣ, 24 Апрѣля сего года, во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Бродничукъ, бывъ допрошенъ командиромъ полка, показалъ: что 24 Апрѣля Григорьевъ

отлучившись съ дежурства, возвратился въ госпиталь въ 8 часовъ вечера и въ 9 часовъ увелъ его, Бродничука, въ дежурную комнату, гдѣ пилъ чай и разговаривалъ съ нимъ до 12 часовъ о разныхъ предметахъ, касающихся солдатской и крестьянской жизни; между прочимъ объяснялъ, что разнощикамъ запрещено носить въ казармы книги, чтобы солдаты меньше знали что дѣлается; осуждалъ существующій будто бы въ Россіи произволъ, какъ въ порядкѣ судопроизводства, такъ и во власти начальниковъ и самого государя; выставялъ лучшее, по его мнѣнію, положеніе иностранныхъ государствъ, гдѣ власть монарховъ ограничена; удостовѣрялъ, что дворяне и крестьяне пойдутъ за одно, остается только привлечь войско, и что офицеры будто бы всѣ подписали согласіе, остается одинъ генералъ, да и тотъ согласится, ежели увидитъ, что солдаты на ихъ сторонѣ, а если солдаты будутъ согласны, то предлагалъ (1) идти ко дворцу и насильно заставить государя подписать, чтобы онъ такой воли не имѣлъ, а подписалъ бы только то, что судъ присудитъ, а не то, что самъ пожелаетъ; причемъ Григорьевъ предлагалъ ему, Бродничуку, заходить къ нему на квартиру, обѣщаясь показать печатный листокъ и прося его, какъ о разговорѣ, такъ и о томъ что прочтаетъ сообщать товарищамъ и передавать знакомымъ въ другихъ полкахъ. Къ сему Бродничукъ присовокупилъ, что онъ по возвращеніи въ казарму, въ тотъ же день объявилъ о разговорѣ Григорьева фельдфебелю—Александру Иванову, который означенную ссылку на него Бродничука подтвердилъ, но о причинѣ недонесенія о томъ своевременно пачальству остался по дѣлу не спрошеннымъ (2). При производствѣ формальнаго слѣдствія, кромѣ означеннаго показанія утеръ-офицера Бродничука (3), повтореннаго имъ при передопросѣ и на очныхъ ставкахъ съ Григорьевымъ, въ подтвержденіе возникшаго на него обвиненія, обнаружены слѣдующія обстоятельства:

1. Находявшійся въ госпиталѣ, по болѣзни, арестантъ Ивановъ, бывшій писарь с.-п.-бургскаго арсенала, состоявшій подъ судомъ за подлоги и побѣгъ, и впослѣдствіи по конфирмаціи начальства сосланный въ арестантскія роты, между прочимъ показалъ, что Григорьевъ въ бытность на дежурствѣ въ госпиталѣ, 24 Апрѣля и 22 Мая, весьма долго разговаривалъ какъ съ нимъ такъ и съ другими арестантами (4), порицая пачальство и государя и говоря, что государя, если не убьютъ, то ядомъ напоятъ; причемъ рассказывалъ (5) въ подробности

(1) Изъ дѣла видно, что не предлагалъ, а предполагалъ возможнымъ.

(2) Изъ этого видно, что свѣденіе о разговорѣ Григорьева дошло до генераль-маіора Дрентельна не по командѣ. Но онъ, какъ сказано въ дѣлѣ, убѣдился въ справедливости свѣденія личнымъ дознаніемъ, и того же 26 Мая, около полуночи донесъ о случившемся начальнику дивизіи генер.-адъютанту Гильденштуббе, а 27 Мая, въ 7 часовъ утра начальнику корпуснаго штаба генераль-адъютанту гр. Баранову. Въ 11 часовъ Григорьевъ арестованъ, въ квартирѣ его сдѣланъ обыскъ и бумаги опечатаны.

(3) Свидѣтелей при разговорѣ Григорьева съ Бродничукомъ не было.

(4) Сущность разговора Григорьева съ арестантами Ивановъ при первомъ допросѣ не показывалъ, а объявилъ на очной ставкѣ.

(5) Другія показанія Иванова подобны этому. Такъ онъ привелъ слова Григорьева: "Государь насъ обидѣлъ, отобралъ крестьянъ, уменьшилъ содержаніе студентамъ и кадетскимъ корпусамъ и вообще всѣмъ дворянамъ худо стало. Насъ (отъ которыхъ государь не спасетъ себя) много: здѣсь, въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ"*. Ивановъ говорилъ, что какъ онъ ни защищалъ государя,

* Какъ же согласовать это показаніе съ цѣлымъ смысломъ всѣхъ остальныхъ показаній? Тутъ уже начинается принятая правительствомъ система клеветать на всѣхъ людей народу преданныхъ, выставяя ихъ дворянниками и врагами народными; между тѣмъ какъ на оборотъ узко-дворянскій интересъ представлялъ только правительствомъ и его чиновничествомъ.—(Прим. Ред. Колокола).

случай, бывшіе въ послѣднее время въ войскахъ, какъ то : о фельдшерѣ лейбъ-гвард. Измайловскаго полка, который былъ сужденъ за грубость предъ офицеромъ(6); о горнистѣ того же полка, жестоко осужденномъ за подачу государю жалобы; о конногвардейскомъ солдатѣ, который ударилъ офицера лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и былъ жестоко наказанъ, потому что одинъ начальникъ дивизіи ѣхалъ по одной сторонѣ, а другой по другой, и приказывали бить крѣпче; о случаѣ, бывшемъ въ саперномъ баталіонѣ(7), гдѣ будто бы на вопросъ его высочества в. к. Николая Николаевича у дежурнаго офицера—почему арестованный студентъ, возмущавшій солдатъ, не посаженъ подъ караулъ, а взятъ въ дежурную компану, одинъ изъ офицеровъ сказалъ : “еслибы я былъ на его мѣстѣ, то такъ же бы поступилъ какъ и дежурный офицеръ”; причемъ Григорьевъ присовокупилъ, что и онъ бы на мѣстѣ этого офицера сказалъ бы тоже самое. Далѣе, по словамъ арестанта Иванова, подсудимый Григорьевъ, рассказывая о рядовомъ с.-п.-бургскаго арсенала Прохоровѣ, который сорвалъ съ офицера эполеты, сказалъ, что лучше бы Прохоровъ убилъ офицера, “все равно было отвѣчать”(8). Наконецъ арестантъ Ивановъ показалъ, что когда онъ, вслѣдствіе вопроса Григорьева о томъ, жестоко ли его наказали, отвѣчалъ, что нынѣ легко наказываютъ, то Григорьевъ сказалъ : который добрый начальникъ, тотъ легко наказываетъ, а который не имѣетъ креста, тотъ наказываетъ жестоко, и приводилъ въ примѣръ наказаніе конногвардейскаго солдата, упоминая, что такихъ посрамлѣній за границею нѣтъ, потому что тамъ устроено, и что со временемъ въ Россіи все переѣмнится и солдатамъ будетъ такъ : если на службѣ, то солдатъ, а если на гуляньи, то такой же господинъ.

2. Прочіе арестанты, бывшіе въ госпиталѣ во время двукратнаго дежурства Григорьева, подтвердивъ что онъ разговаривалъ съ ними и спрашивалъ каждого о причинѣ преданія суду, объяснили, что онъ вредныхъ мыслей имъ не внушалъ, за исключеніемъ впрочемъ Тратина, Аникиѣва и Фризе, изъ коихъ первый показалъ, что Григорьевъ рассказывалъ имъ случаи, бывшіе въ саперномъ баталіонѣ и кавалергардскомъ полку, причемъ рядоваго этого полка, который донесъ на художника, покушавшагося возмущать солдатъ(9), называлъ дуракомъ и скотиною(10); второй(11) объяснилъ, что Григорьевъ говорилъ имъ, что государь хотѣлъ уничтожить арестантскія роты, но господа на это не согласились; наконецъ Григорьевъ все опровергалъ его. Во время слѣдованія въ херсонскія арестантскія роты Ивановъ объявлялъ въ Москвѣ и Тулѣ жандармскимъ штабъ-офицерамъ и помощнику окружнаго генерала 6 округа внутр. стражи, что имѣетъ объявить случаи, подобные случаю Григорьева и касающіеся правительства и государя, но открытъ ихъ не можетъ, пока не будетъ возвращенъ въ Петербургъ и потому просить о вытребованіи его въ С.-Петербургъ, для объявленія извѣстныхъ ему замысловъ. Въстѣ съ тѣмъ Ивановъ жаловался, что онъ отправленъ въ арест. роты законнымъ въ кандалы, будто бы вслѣдствіе того, что открылъ при слѣдствіи о замыслахъ Григорьева, тогда какъ члены слѣдственной комиссіи увѣрили его, что онъ за подробное показаніе о дѣйствіяхъ Григорьева получитъ награду.

(6) Васильковскимъ.

(7) При арестованіи студента Ивлева по допосу фельдфебеля Миниха.

(8) Замѣчаніе вызвано рассказомъ Иванова, что Прохоровъ прогналъ черезъ 100 человекъ 8 разъ.

(9) Солдатъ встрѣтивъ въ трактирѣ художника, угощалъ его и когда тотъ сталъ дурно говорить о правительствѣ, предложилъ ему сходить въ погребокъ, напоилъ пьянымъ и отвелъ въ полкъ, за что и былъ награжденъ.

(10) Прибавивъ, если брать всякаго пьянаго и слушать его, то можетъ всякій оговорить нѣ-ва награды.

(11) Аникиѣвъ, онъ же и Аленсѣвъ.

нецъ арестантъ Фризе показалъ, что подсудимый Григорьевъ говорилъ ему, что служба теперь легкая и будетъ еще легче, на казачьихъ правахъ, три или шесть лѣтъ(12).

3. Изъ госпитальныхъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицеръ Кулешовъ подъ присягою показалъ, что подсудимый Григорьевъ спрашивалъ его—сколько онъ получаетъ жалованья, и на отвѣтъ его улыбувшись, сравнивалъ его положеніе съ гвардейскими солдатами, которые получаютъ гораздо болѣе и служба ихъ легче. Тотъ же Кулешовъ объяснилъ, что во время разговора Григорьева съ арестантами, онъ слышалъ, что Григорьевъ говорилъ имъ о сокращеніи срока службы на казачьемъ положеніи до 6 лѣтъ, и на замѣчаніе арестантовъ, что въ столь краткій срокъ солдатъ не можетъ быть обученъ, сказалъ, что все устроится и будетъ хорошо.

4. Той же команды унтеръ-офицеръ Бажановъ также подъ присягою показалъ, что Григорьевъ съ нимъ говорилъ, что въ гвардіи служить легче и жалованья даютъ больше.

5. Унтеръ-офицеръ лейбъ-гвард. Измайловскаго полка Михайлюкъ подъ присягою объяснилъ, что въ бытность его дежурнымъ въ госпиталѣ вмѣстѣ съ подпоруч. Григорьевымъ 22 Мая, сей послѣдній, позвавъ его вечеромъ въ дежурную комнату, предложилъ ему пить съ нимъ чай; но когда Михайлюкъ, послѣ двукратнаго приглашенія, на это не согласился, то Григорьевъ продолжая съ нимъ разговоръ, рассказывалъ ему, что онъ хотѣлъ завести воскресную школу, въ которую бы ходили офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые, и гдѣ бы никто не могъ называть другъ друга “ты”, но что полковой командиръ на это не согласился; и что въ чужихъ земляхъ есть парламенты, гдѣ судятъ по голосамъ(13). Сверхъ того Михайлюкъ показалъ, что Григорьевъ въ то же время рассказывалъ ему случаи, бывшіе въ саперномъ баталіонѣ о дерзкомъ отзвѣвѣ, сдѣланномъ однимъ офицеромъ его высоч. в. к. Николаю Николаевичу, въ тѣхъ же словахъ, какъ объяснено выше въ показаніи арестанта Иванова, хотя притомъ и не упоминаетъ, что еслибы онъ былъ на мѣстѣ этого офицера, то поступилъ бы точно также.

6. Спб. плацъ-адъютантъ капитанъ Роштейнъ донесъ, что подсудимый Григорьевъ былъ доставленъ для арестованія къ коменданту и находясь въ плацъ-адъютантской комнатѣ, говорилъ ему, что онъ вѣроятно арестованъ по допосу солдатъ(14), но что онъ не виноватъ, если читалъ и знаетъ наизусть всѣ прокламаціи, и такъ какъ *это* его убѣжденіе(15), то пусть съ нимъ дѣлаютъ что хотятъ. На замѣчаніе же Роштейна, что онъ удивляется, какъ Григорьевъ можетъ выражаться такимъ образомъ передъ лицомъ официальнымъ и ему незнакомымъ, подсудимый отвѣчалъ, что онъ надѣется что Роштейнъ, какъ человекъ благородный, не донесетъ на него.

(12) Спрошенные арестанты показали, что Григорьевъ разговаривая съ ними преимущественно о причинѣ ихъ содержанія подъ арестомъ, приписывалъ государю кполнѣ благія намѣренія сократить срокъ службы, уничтожить тѣлесныя наказанія и арестантскія роты.

(13) На вопросъ военно-судной комиссіи—съ какою цѣлью Григорьевъ говорилъ Михайлюку о парламентахъ, онъ отвѣчалъ, что упомянулъ о нихъ, рассказывая въ продолженіи 6 часовъ объ иностранныхъ государствахъ. Михайлюкъ также показалъ, что Григорьевъ ходя съ нимъ съ 9½ час. вечера до 2 час. ночи по корридору ведущему въ арестантскія налаты, рассказывалъ ему : въ какой губерніи чѣмъ занимаются, въ какихъ государствахъ какія реки, моря и города, но ничего противнаго порядку службы не говорилъ.

(14) Григорьевъ считалъ эту причину лишь возможною.

(15) Слѣдствіе не разъяснило что подразумѣвалъ Григорьевъ подъ словомъ : *это*.

7. Бывшій въ этой комнатѣ секретарь комендантскаго управленія, титуляр. совѣтникъ Савельевъ, подъ присягою показалъ, что онъ изъ разговора Роштейна съ Григорьевымъ слышалъ только послѣднія, приведенныя Роштейномъ слова, т. е. что Григорьевъ на выраженное Роштейномъ удивленіе изъяснилъ увѣренность, что Роштейнъ, какъ человѣкъ благородный на него не допесетъ.

8. Содержавшійся на гауптвахтѣ государственнаго банка артиллеріи подполковникъ Зубковъ, донесъ, что Григорьевъ, бывшій въ то время въ караулѣ на той гауптвахтѣ, въ разговорѣ съ нимъ изъяснилъ сочувствіе къ нижнимъ чинамъ, подвергавшимся взысканіямъ за преступленія при настоящемъ несовершенномъ порядкѣ судопроизводства и развивалъ нелѣпыя идеи о равенствѣ всѣхъ сословій, допущеніи женщинъ ко всѣмъ должностямъ, облегченіи развода и предоставленіи всѣмъ полной свободы словами и дѣйствіями обнаруживать свои убѣжденія.

9. Подсудимый Григорьевъ получивъ въ Іюлѣ минувшаго года неизвѣстно откуда пять экземпляровъ возмутительной прокламаціи "Великоруссъ", не донесъ о томъ начальству и представилъ тѣ экземпляры полковому командиру только вслѣдствіе его требованія (16), а въ Апрѣлѣ сего года раздавалъ (17) нижнимъ чинамъ, безъ разрѣшенія начальства, объявленіе о читальнѣ Серно-Соловьевича, но за оба эти поступка ему же было въ то же время сдѣлано нолповымъ командиромъ надлежащее внушеніе.

10. Сверхъ того по дѣлу видно, что вскорѣ послѣ втораго дежурства Григорьева во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ между арестантами произошелъ шумъ и крикъ, поводомъ къ которымъ были возникшіе у нихъ споры о политическихъ вопросахъ, причѣмъ арестантъ Фризе, какъ и самъ сознался, осмѣлился произнести нелѣпыя укорительныя слова противъ священной особы вашего импер. величества, и арестантъ Алексѣевъ обвиняется въ томъ же преступленіи по показаніямъ своихъ товарищей.

Подсудимый Григорьевъ въ отвѣтахъ данныхъ имъ во время производства слѣдствія и въ военносудной комиссіи, и на очныхъ ставкахъ съ обвиняющими его лицами, отвергая взводимыя на него какъ унтеръ-офицеромъ Бродничукомъ и арестантомъ Ивановымъ, такъ и прочими лицами обвиненія, сознался въ самовольной отлучкѣ съ дежурства 24 Апрѣля, и въ томъ, что неоднократно приглашалъ унтеръ-офицеровъ пить съ собой чай и разговаривалъ какъ съ ними, такъ и съ арестантами о разныхъ предметахъ, касающихся ихъ жизни и службы; если же притомъ упоминалъ о существующихъ за границею законодательствахъ и судебныхъ учрежденіяхъ и о нѣкоторыхъ политическихъ событіяхъ, бывшихъ въ послѣднее время, то отвѣчалъ на ихъ разпросы и имѣлъ цѣлю предотвратить ложное съ ихъ стороны по сему предмету

(16) Прикомъ генер.-маіоръ Дрентельнъ, по показанію Григорьева, впрочемъ отвергнутому Дрентельномъ, спрашивалъ Григорьева, раздѣляетъ ли онъ убѣжденія "Великорусса".

(17) Генералъ-маіоръ Дрентельнъ уведомилъ, что объявленіе объ открытіи читальни принесено было Григорьевымъ въ числѣ 10 или 15 экземпляровъ въ полковую канцелярію. Получившій ихъ старшій писарь представилъ ихъ полковому адъютанту, а послѣдній — Дрентельну, который сдѣлалъ Григорьеву строгій выговоръ за то, что онъ объявленіе это, хотя и съ разрѣшенія правительства (спб. оберъ-полициейстера) напечатанное, хотѣлъ распространять въ полку, не спросивъ разрѣшенія. (Объявленіе было объ открытіи книжнаго магазина и читальни, съ платою за день со взрослою по 3 коп., а съ малолѣтнихъ по 1 коп.

толкованіе и убѣдить ихъ въ невозможности примѣнить къ Россіи политическія учрежденія другихъ государствъ, по неразвитости и необразованности народа. Между прочимъ Григорьевъ сознался :

1) Что арестанты при разговорахъ съ нимъ въ корридорѣ отзывались дурно о своихъ начальникахъ и онъ имъ не противорѣчалъ, не потому чтобы соглашался съ ними, а потому, что хотѣлъ узнать ихъ мнѣнія.

2) На разпросы арестантовъ о случаяхъ, бывшихъ въ кавалергардскомъ полку и въ саперномъ баталіонѣ, онъ рассказывалъ имъ такъ, какъ самъ слышалъ, что въ кавалергардскомъ полку солдатъ встрѣтивъ въ трактирѣ художника, который дурно отзывался о правительствѣ, напоялъ его пьянымъ и потомъ привелъ въ дежурную комнату; а въ саперномъ баталіонѣ какой то студентъ также дурно отзывавшійся о правительствѣ, былъ представленъ фельдфебелемъ баталіонному командиру, и когда былъ посаженъ дежурнымъ офицеромъ, вопреки приказанію баталіоннаго командира, вмѣсто гауптвахты, въ дежурную комнату, то на вопросъ его пм. высоч. в. к. Николая Николаевича о причинѣ подобнаго распоряженія, другой офицеръ вышелъ и сказалъ : "я бы то же самое сдѣлалъ".

3) Что онъ опровергалъ мнѣніе арестантовъ о томъ, будто бы фельдшеръ лейбъ-гвар. Измайловскаго полка былъ осужденъ несправедливо.

4) Желая примирить ихъ съ настоящимъ положеніемъ, старался внушить арестантамъ, что государь желаетъ всѣмъ добра, что даже было предположено сократить службу до 6 лѣтъ и что арестантскія роты гражданскаго вѣдомства уничтожены.

5) Что онъ рассказывалъ унтеръ-офицеру Михайлюку о предположеніи открыть въ полку воскресную школу, пресовокупляя, что полковой командиръ на это вѣроятно не согласился бы, потому что по правиламъ воскресныхъ школъ нужно всѣмъ говорить "вы".

6) Что онъ, разговаривая съ солдатами, старался ихъ развивать и нападалъ на тѣлесныя наказанія.

7) Въ разговорѣ съ подполковникомъ Зубковымъ, хотя изъяснилъ участіе къ преступникамъ, но не потому, что ихъ строго наказывали, а потому, что ему жалко всякаго человѣка; равнымъ образомъ говорилъ и о предстоящихъ реформахъ въ государствѣ, уже официально объявленныхъ, и излагалъ мнѣнія свои о необходимости распространить на всѣ сословія обязанность уплаты податей и несенія военной службы, а также о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій и объ облегченіи развода. Наконецъ Григорьевъ, хотя и не сознавался въ разговорѣ съ унтеръ-офицеромъ Куленовымъ относительно сравненія положенія его со службою гвардейскихъ солдатъ, но противъ обвиненія унтеръ-офицера Бажанова, который подъ присягою утверждалъ, что подсудимый имѣлъ и съ нимъ подобный же разговоръ, Григорьевъ отозвался, что онъ разговора съ Бажановымъ не упоминаетъ.

Изъ вышеприведеннаго усматривается, что на подсудимаго Григорьева возникло обвиненіе : 1) въ произнесеніи предъ нижними чинами преступныхъ словъ противъ священной особы вашего импер. величества и въ склоненіи ихъ къ возмущенію. 2) въ покушеніи поселить между нижними чинами и арестантами неудовольствіе къ существующему порядку и недовѣріе къ начальству.

Первое изъ означенныхъ обвиненій основано на показа-

нихъ арестанта Иванова и унтеръ-офицера Бродничука, спрошенныхъ безъ присяги, а потому не имѣющихъ полной достовѣрности, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ обвинителей арестантъ Ивановъ, самъ оказался изобличеннымъ въ подлогахъ. Но принимая во вниманіе совокупность означенныхъ показаній, своевременное заявленіе о томъ, сдѣланное Бродничукомъ фельдфебелю Иванову, что подтвердилъ и сей послѣдній и въ особеннѣйшей вредный образъ мыслей Григорьева, обнаруженный какъ собственными его показаніями, такъ и другими обстоятельствами дѣла, генералъ-аудиторіатъ находитъ, что подпоручикъ Григорьевъ напускаетъ въ томъ на себя сильное подозрѣніе. Что же касается до втораго изъ упомянутыхъ обвиненій, то изъ собственныхъ показаній подсудимаго видно, что неумѣстно фамиліарно обращался съ нижними чинами (18) и арестантами и входилъ съ ними въ продолжительные разговоры о такихъ предметахъ, которые выходятъ изъ круга ихъ понятій, выслушивалъ безъ противорѣчія укорительные отзывы арестантовъ о своихъ начальникахъ и тѣмъ самымъ какъ бы подтверждалъ справедливость ихъ жалобъ; рассказывалъ имъ и нижнимъ чинамъ о событіяхъ, бывшихъ въ кавалергардскомъ полку и въ саперномъ баталіонѣ, совершенно въ превратномъ видѣ, съ очевидною цѣлю выставить дѣйствія начальства съ неблагопріятной стороны и даже осмѣливался рассказывать о дерзкомъ отзывѣ будто бы сдѣланномъ однимъ офицеромъ его имп. высоч. в. к. Николаю Николаевичу, тогда какъ неучаствуя по обязанностямъ службы въ изслѣдованіи означенныхъ дѣлъ, если и зналъ о нихъ по народному слуху, то ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ говорить о томъ съ арестантами и распространять между ними дошедшія до него въ превратномъ видѣ или имъ самимъ вымышленныя свѣденія; распускалъ между арестантами и нижними чинами ложный слухъ о предстоящемъ сокращеніи срока службы до 6 лѣтъ и о совершенномъ будто бы упраздненіи арестантскихъ ротъ гражданского вѣдомства; объяснялъ унтеръ-офицеру Михайлюку о затрудненіи, встрѣченномъ къ открытію въ полку воскресной школы по случаю несогласія полковаго командира, потому только, что въ школѣ всѣ должны говорить другъ другу “вы”; нападалъ на тѣлесныя наказанія, сообщалъ свѣденія о существующемъ за границею устройствѣ судебнаго и законодательнаго управленія, но мнѣнію его болѣе совершенномъ, нежели устройство подобныхъ учреждений въ Россіи, причемъ хотя и объяснялъ, что говорилъ имъ объ этомъ съ цѣлю доказать невозможность введенія подобнаго порядка въ Россіи по случаю неразвитости и необразованности народа, но тѣмъ не менѣе могъ и долженъ былъ вселить въ слушателей по образованію своему неприготовленныхъ къ обсужденію подобнаго рода вопросовъ, чувство неудовольствія къ существующему порядку. Независимо отъ сего по показанію двухъ госпитальныхъ нижнихъ чиновъ, отобранныхъ подъ присягою и составляющихъ полное по закону доказательство, Григорьевъ оказывается виновнымъ въ изъясненіи имъ сожалѣнія при сравненіи участи ихъ со службою гвардейскихъ солдатъ. Совокупность означенныхъ обстоятельствъ вполне доказываетъ, что Григорьевъ въ разговорѣ съ нижними

(18) Съ нѣкоторыми изъ нихъ Григорьевъ уже за три года до того занимался на дому математикой. Они подъ присягою показали, что Григорьевъ съ ними никакихъ разговоровъ постороннихъ наукъ не имѣлъ. Бывшіе съ нимъ въ караулѣ съ Марта мѣсяца 5 унтеръ-офицеровъ, изъ которыхъ 3 были у Григорьева на дежурствѣ чай, были также спрошены подъ присягою, но въ ихъ показаніяхъ ничего обвиняющаго не оказалось.

чинами и арестантами имѣлъ цѣлю возбудить между ними чувство недовѣрія къ начальству и правительству, и недовольство настоящимъ ихъ положеніемъ, что подтверждается и обнаруженнымъ имъ въ высшей степени вреднымъ образомъ мыслей, который засвидѣтельствованъ плацъ-адъютантомъ Роштейпомъ и подполковникомъ Зубковымъ. И хотя Григорьевъ отвергаетъ справедливость ихъ показаній, но первое изъ нихъ отчасти подтверждается отобраннымъ подъ присягою показаніемъ секретаря комендатскаго управленія, который слышалъ послѣднія слова разговора Роштейпа съ Григорьевымъ, когда послѣдній изъяснялъ увѣренность, что Роштейнъ на него не допесетъ, чего бы не имѣлъ надобности говорить, еслибы не сообщалъ Роштейну чего либо противозаконнаго.

По симъ соображеніямъ признавая подсудимаго подпоручика Григорьева вполне изобличеннымъ въ распространеніи между нижними чинами — посредствомъ разговоровъ и сообщенія ложныхъ слуховъ, превратныхъ понятій о ихъ обязанностяхъ относительно начальства и правительства и въ покушеніи поселить между ними чувство неудовольствія къ существующему порядку и имѣя въ виду, что *означенный видъ преступленія не предусмотрѣнъ полевыми законами и общими военно-уголовными законами*, генералъ-аудиторіатъ на основаніи 83 ст. кн. I Воен. Угол. къ уложенію о наказан. Угол. и Исправит., согласно 308 ст. сего уложенія полагаетъ:

1. Подпоручика Николая Григорьева, за означенныя преступленія, по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства, бронзовой медали въ память войны 1855—1856 г. и всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а въ произнесеніи преступныхъ словъ противъ священной особы вашего импер. величества и въ склоненіи нижнихъ чиновъ къ возмущенію, оставить въ сильномъ подозрѣніи.

2. Какъ относительно лицъ, виновныхъ въ произнесеніи нехвалныхъ укорительныхъ выраженій противъ священной особы вашего импер. велич., высочайшимъ повелѣніемъ 4-го Декабря 1852 г. установленъ особый порядокъ, на основаніи котораго военные начальники, предварительно предоставленія подобнаго рода дѣламъ дальнѣйшаго хода въ установленномъ законномъ порядкѣ должны предоставлять военному министру для испрошенія на каждый отдѣльный случай высочайшаго разрѣшенія, то предоставить тому начальству, въ вѣдѣніи котораго находятся арестанты Алексѣевъ и Фризе, обвиняемые въ означенномъ преступленіи, поступить согласно указанному выше порядку.

3. Поступокъ фельдфебеля лейб.-гвар. Измайловскаго полка Александра Иванова, который получивъ 25 Апрѣля свѣденія о преступныхъ внушеніяхъ, сдѣланныхъ подсудимымъ Григорьевымъ унтеръ-офицеру Бродничуку, не допесъ о томъ начальству, которое извѣстилось о томъ только въ концѣ Мая, сообщить по принадлежности на разсмотрѣніе его начальства.

Сіе заключеніе генералъ-аудиторіатъ представляетъ на высочайшее ваше импер. величѣство благоусмотрѣніе.

СМѢСЬ.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ПРОПАГАНДА ПОСРЕДСТВОМЪ ПАВЛОВСКИХЪ ШТУКЪ.

М. В. Д.

НАЧАЛЬНИКУ

МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

По канцеляріи.

1863.

№.

Г. Уезднымъ Начальникамъ.

Съ 1 Сентября 1863 г. начали выходить въ Москвѣ три раза въ недѣлю : “Русскія Вѣдомости” подъ редакціею Н. Ф. Павлова.

Въ составъ этого изданія войдутъ слѣдующіе отдѣлы : 1) Высочайшіе манифесты и указы, а также постановленія правительства; 2) статьи сельско-хозяйственныя, промышленныя и торговыя; 3) статьи, касающіяся народнаго быта; 4) рассказы и описанія путешествій; 5) политика внутренняя и иностранная; 6) объявленія о продажахъ и подрядахъ и другія всякаго рода.

“Русскія Вѣдомости” предназначаются преимущественно для того населенія Россіи, для котораго цѣны другихъ газетъ высоки, и будутъ писаться удобопонятнымъ языкомъ. Чтобы “Вѣдомости” были общедоступны, опредѣлена цѣна за годовое ихъ изданіе весьма умѣренная, три руб. сер. При этомъ со стороны редакціи потребуются значительныя издержки, которыя могутъ быть возмѣщены только большимъ числомъ подписчиковъ. Вслѣдствіе того г. Павловъ обратился къ г. министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ оказаніи къ распространенію “Русскихъ Вѣдомостей” по вѣдомству министра внутреннихъ дѣлъ.

Извѣстный талантъ г. Павлова заставляетъ предполагать, что онъ сумѣетъ придать занимательность своей газетѣ, не прибѣгая къ тѣмъ кривотолкамъ, которые иногда, къ сожалѣнію, служатъ приманкою для довѣрчивыхъ читателей.

Съ тѣмъ вмѣстѣ имѣя поводъ ожидать, что настоящее предпріятіе г. Павлова можетъ принести пользу въ средѣ людей, которымъ недоступны наши періодическія изданія по своей дороговизнѣ и по способу изложенія помѣщаемыхъ въ нихъ статей, г. министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ г. начальника губерніи употребить содѣйствіе къ распространенію “Русскихъ Вѣдомостей” въ губерніи.

Препровождалъ при семъ къ вашему высокоблагородію 4 экземпляра №№ 1, 2 и 3 означенной газеты, прошу Васъ при содѣйствіи гг. мировыхъ посредниковъ, распространить оныя во вѣренномъ Вамъ участіи. Деньги-же, слѣдующія за высланные Вамъ экземпляры, по мѣрѣ поступленія оныхъ, доставлять въ канцелярію г. начальника губерніи, для представленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, впредь до особаго распоряженія.

М. В. Д.

МОСКОВСКАГО

Г. Приставу стана.

уезднаго исправника.

№.

При циркулярномъ предписаніи г. начальника губерніи отъ —бря, за №.

—, препровождены были мною къ вамъ экземпляры издаваемыхъ г. Павловымъ “Русскихъ Вѣдомостей” съ тѣмъ, чтобы оныя розданы были обывателямъ въ видѣ распространенія между ними съ пользою сообщаемыхъ въ оныхъ свѣдѣній. Но къ удивленію моему двое изъ господъ приставовъ, какъ видно по краткости времени, не заявивъ никому изъ обывателей, возвратили “Вѣдомости” назадъ съ донесеніемъ : желающихъ получать никого нѣтъ.

Имѣя въ виду, что цѣнность сего изданія весьма доступна, нужно было бы только употребить содѣйствіе и убѣжденіе гг. приставовъ—чего, конечно, сдѣлано не было—почему въ предупрежденіе сего я вновь предлагаю гг. приставамъ, назначенное для каждаго стана число экземпляровъ, непременно стараться роздать по ближайшему ихъ усмотрѣнію и слѣдующія деньги, хотя по третямъ или за цѣлый годъ представить ко мнѣ немедленно для отсылки по принадлежности.

При чемъ предупреждаю, что на дѣйствія тѣхъ гг. приставовъ, которые возвратятъ “Вѣдомости”, будетъ обращено особое вниманіе.

Уездный исправникъ.

Письмоводитель.

— Къ адресобольсію.—(изъ Россіи). Въ половинѣ Апрѣля по всѣмъ губерніямъ, гдѣ обрѣтаются дворяне, (ибо сначала взяли за дворянъ), поразсылались отъ самаго г. Валуева приказанія къ губернаторамъ, чтобы писали адреса да слали въ столицу. Приказанія эти посылались въ телеграфныхъ депешахъ, (дѣло было спѣшное), да еще и не въ простыхъ депешахъ, а только въ понятныхъ предержавнымъ властямъ шифрами. Заторопились-ли, или не досмотрѣли, только такая одна депеша прилетѣла къ астраханскому губернатору г. Дегаю. Сколько ее ни вертѣлъ Дегай,—не разобралъ, потому что ему и шифра не было дано. Любопытство взяло, просить Дегай у саратовскаго своего собрата Муравьева, научить его какъ прочесть депешу. Муравьевъ спрашиваетъ разрѣшенія у Валуева; разрѣшили, послали ключъ Дегаю; прочелъ Дегай—дѣло-то плохо, адресъ отъ дворянъ писать нужно, а дворянъ-то не выѣтся. Дегай однако не унылъ; былъ онъ прежде цензоромъ, память по себѣ оставилъ! Собрался Дегай съ духомъ, и принялся самъ собственноручно писать адресъ. Написалъ, ‘не хуже, говорить, другихъ будетъ’. Самъ и повезъ его въ Петербургъ. Сказываютъ будто парю не по праву пришелся адресъ, не искренно, да и не правдиво написано, никто не повѣритъ, превзошелъ значить власть. Говорятъ ему сказали—‘плоховать ты, господни губернаторъ’. А Астрахань отъ этого не легче.

— Сѣраковскій оставилъ старуху мать, брата подверженнаго умопомѣшательству, сестру, которая была разбита параличомъ и едва ходитъ, и наконецъ беременную жену. Описывая это положеніе семейства, мать Сѣраковскаго, передъ его казнию, просила государя не о помилованіи сына, а объ отсрочкѣ казни до разрѣшенія невѣстки отъ бремени. Но по резолюціи —“Поступить по закону”—Сѣраковскому, которому Россія обязана уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, даже не дали излѣчиться отъ рапы и, съ изобрѣтенною жестокостью, замѣнили слѣдовавшее по закону разстрѣліаніе повѣшеніемъ, что объясняетъ непонятую многими борьбу Сѣраковскаго съ палачомъ. Пакаунъ казни женѣ Сѣраковскаго позволили съ нимъ видѣться. Это показываетъ, что ее не считали виновной въ чемъ либо. По пріѣздѣ домой, она была арестована. Сначала полагаютъ, что это было сдѣлано для удержанія ее отъ присутствія при казни. Но арестъ длится уже четыре мѣсяца; Сѣраковская, въ своемъ печальномъ положеніи, находится на попеченіи жандарма, и къ ней не допускаютъ даже ея матери. Какая цѣль этого ареста? Строгость его заставляетъ думать, что, или мстятъ за какія вибоды, вырвавшіяся у Сѣраковской, при прощаніи, слова, или хотятъ скрыть переданныя ей, можетъ быть, мужемъ подробности слѣдствія в суда и, пожалуй, въ предстоящую ей критическую минуту отблаться отъ стѣсняющей личности. На послѣднихъ дняхъ Сѣраковскую, говорятъ, куда то вывезли изъ Вильны, гдѣ всѣ знаютъ ее и интересуются ея судьбою.

— Въ Общій фондъ на континентѣ собрано 125 франковъ и издержаны на вспомошествованіе русскимъ, которые спаслись отъ преслѣдованій правительства, но еще не успѣли пріискать себѣ средствъ существованія. Еще собрано 105 фр.

— Продается Біографія М. Н. МУРАВЬЕВА, изданіе кн. П. В. Долгорукова, цѣна 1 шил.

— ЕВКАТА. Въ статьѣ : Письмо изъ Неаполя II—ра, на стр. 1425 ‘Колокола’ напечатано : lave lanem и lave montem ; читай save lanem и save montem.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex,

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. Цѣна 9 пенсовъ, съ двадцать пятимъ листомъ—ОБЩЕЕ ВѢЩЕ.

ЛИСТЪ 175.

15 ДЕКАБРЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 25).

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement : VETCHÉ No. 25.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Г. С. Батеньковъ—Въ вѣчность грядущему 1863 году—Расчетка некоторыхъ вопросовъ (Конституція и Земскій Соборъ, Окопчаніе).
Смѣсь : Университетскія постановленія—Ввозъ нечистотъ въ Лондонъ—Одинъ покрашенный—Графъ амурскій—Біографія М. Н. Муравьева—Общій фондъ.

ГАВРИЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ БАТЕНЬКОВЪ СКОНЧАЛСЯ ВЪ КАЛУГѢ. Кто изъ русскихъ не знаетъ подробности о длинной, страдальческой жизни Батенькова. Слѣдимъ сообщить читателямъ, что въ слѣдующемъ Но. *Листка* будетъ помѣщена біографія этого святаго старца.

ВЪ ВѢЧНОСТЬ ГРЯДУЩЕМУ 1863 ГОДУ.

...“Все было готово къ приступу. Генералъ Толь осмотрѣлъ еще разъ передовыя орудія, и остановился; онъ вынулъ часы: время, данное для отвѣта, не прошло. Наступила страшная тишина... у всѣхъ билось сердце, такъ прошло нѣсколько минутъ. Генералъ показавъ стоящимъ возлѣ часы и положилъ ихъ въ карманъ—сигнальная ракета взвилась со свистомъ, лопнула и разсыпалась. Пушки грянули разомъ,—приступъ начался. Черезъ полчаса ничего нельзя было разобрать въ дыму, огнѣ и шумѣ страшнаго боя”...

Такъ рассказывалъ мнѣ когда то очевидецъ о приступѣ и взятіи Варшавы въ 1831 году.

Мы, Европа, весь міръ—находимся теперь въ томъ самомъ положеніи: генералъ вынулъ часы. Кто этотъ генералъ?—Наполеонъ III, Александръ II, лордъ Россель, кн. Горчаковъ?—Ни одинъ изъ нихъ, всѣ они, да еще кто то, анонимный. Жаль, что въ нашъ скептическій вѣкъ не вѣрятъ даже въ діавола, часы были бы по праву у него и онъ по крайней мѣрѣ былъ бы отъ души радъ, а теперь всѣ, съ внутреннимъ ужасомъ чуя грозныя послѣдствія, поджидаютъ ракету, которая должна быть сигналомъ общему несчастію всей Европы.

Исторія продолжаетъ развивать свою импровизацію путями безумія и крови. Почти всякій разъ все можно предупредить, отворотить, иначе направить; почти всякій разъ ничего не предупреждено, не отвращено. Народы и правительства дивятся, какъ Гоголевъ Селифанъ: “что вѣдь вотъ видѣли, что колесо сломано, да ничего и не сдѣлали”.

Утромъ, когда всѣ спятъ съ закрытыми ставнями, рано проснувшіеся видятъ по зарѣ, что день будетъ бурный; ихъ
Годъ VII.

свидѣтельству не вѣрятъ, небо кажется яснымъ, противъ грозы никто не беретъ мѣрь—а день возвращается къ своей программѣ утра, и когда всего менѣе ждутъ, черная туча шлетъ свою ракету.

Кто ждалъ при тихомъ и невзрачномъ началѣ 1863 г., что онъ насъ поставитъ лицомъ къ лицу передъ столкновеніемъ, которое казалось далекимъ и которое теперь стоитъ грозно и можетъ неотвратно передъ нами?

Борьба, которую пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ предвидѣлъ Наполеонъ, которой прелюдія разыгралась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Черномъ морѣ, о которой доктринеры отзывались, пожимая плечами, какъ о пустой мечтѣ—завязалась на стародавней трагической почвѣ, “гдѣ каждая горсть земли—прахъ мученика, мощи”.

Россія является на барьерѣ, облитая польской кровью, дикая, свирѣпая, сбита съ толку, потерявшая всякое различіе между добромъ и зломъ, между своимъ и чужимъ, между любовью и ненавистью. Она идетъ съ прежнимъ знаменемъ военного деспотизма, въ той же ливрѣ чужой цивилизаціи, во имя которой поднимаются на нее западныя державы. Она одна. Кромѣ нѣмца камердинера, который остался вѣренъ русской передней, догадавшись, что онъ существуетъ только силою штыковъ и покровительствомъ сосѣдняго барина—съ ней нѣтъ никого.

Противъ нея — союзъ непримиримыхъ между собой враговъ. Они долго не подымали перчатки. Старый міръ охотно оставилъ бы Польшу на усмиреніе; его нервы не испугались какимъ нибудь Муравьевымъ, разграбленными домами и невинными жертвами. Что ему до Польши? Но передъ дерзостью русскихъ отвѣтовъ и, главное, передъ нѣмъ обнаруживаніемъ, онъ не могъ остаться въ долгу. Хотѣла ли Россія, безъ денегъ, едва оправившись отъ крымской кампаніи, не умѣвшая въ десять мѣсяцевъ покорить возстанія, подразнить Европу до войны, — мы не знаемъ. Вѣроятно нѣтъ; правительство хотѣло скорѣе похвастаться передъ своими, и повторило ошибку, которую сдѣлалъ Николай: онъ тоже

разсчитывалъ на то, что Европа не вынетъ мечъ изъ ноженъ; она бы и не вынула ни изъ за Турціи, ни изъ за Іерусалимскихъ ключей, но Франція вынула его изъ за того, что онъ не называлъ *братомъ* Наполеона. Дуэль, по западнымъ понятіямъ, очень рѣдко дѣлается изъ за дѣла, а почти всегда изъ за оскорбленія чести. Point d'honneur Европы задѣтъ русскими потоми. Старые бойцы долго не обижались, долго отходили, отступали, давали всѣ средства Россіи сдѣлать *amende honorable*, по Петербургъ закусилъ удила, и Европа тяжело и нехотя надѣвается на себя доспѣхи, съ надеждой, что на годъ, на полгода борьба отложена; союзники чуютъ важность борьбы, ихъ мучитъ взаимное недовѣріе, грозныя предчувствія, а можетъ и встревоженная совѣсть.

Между ними Польша представительница юности и доблести стараго міра, послѣдній вѣнокъ живыхъ цвѣтовъ на латинскомъ крестѣ. Польша, не знающая предѣла преданности, отдающая четвертаго сына послѣ трехъ падшихъ, пятаго послѣ четырехъ, — мужественная, неуловимая, исходящая кровью, гибнущая здѣсь и возраждающаяся возлѣ. Въ ней апотеозъ Запада, въ ней великая и честная кончина стараго міра. Десять мѣсяцевъ борьбы, горсть людей противъ армій — какая эпопея представляетъ чтонибудь героичнѣе? А это правительство, обругиваемое ежедневно подлой, шпионской журпаллисткой въ Россіи, это правительство, скрывающееся въ звѣриныхъ когтяхъ разъяреннаго врага, и управляющее, между его пальцами, страной! Будущія поколѣнія не повѣрятъ этому... Что бы съ Польшей ни было, но это возстаніе, эти десять мѣсяцевъ борьбы ставятъ ее на необыкновенную высоту... и что бы ни было съ Россіей, она долго не смоетъ съ себя усердія къ усмирению и сквернословія своихъ подкупныхъ и даровыхъ клеветовъ.

И есть печальная отрада въ томъ, что Польша въ своемъ преображеніи оставалась одинокой, и приготовляясь къ своей Голгоѣ, подымалась на своемъ Оаворѣ безъ вѣтхозавѣтныхъ Моисеевъ и Ілій западнаго міра.

Для Россіи польское возстаніе было несчастіемъ*; оно врывалось въ начатое русское дѣло, путало его, усиливало правительство и будило въ народѣ чувства звѣриныя и кровожадныя. Остановить польское движеніе было трудно; русское правительство дѣлало ошибку за ошибкой. Людей готовыхъ на гибель, сознательно идущихъ на нее, вообще останавливать нельзя. Да и что же можно было сказать полякамъ? "Подождите, не чувствуйте боли, не чувствуйте оскорбленій, дайте себѣ связать руки и ноги, дайте лучшихъ изъ васъ отдать въ солдаты, — подождите: мы *еще* не готовы". — и это въ то самое время, когда торжественно праздновалось тысячелѣтіе нашего *ребячества*!

* Какой то г. Пяткевичъ напечаталъ sub auspiciis Шодо-Ферротти (Скодо-Ферротти по Моск. вѣдом.) письмо къ польскому правительству. Не пиша передъ глазами самоѣ брошюры, выписываемъ изъ Моск. вѣдом. мѣсто относящееся до насъ. "Г. Герценъ и Ко. (кого онъ считаетъ въ этой компаніи, мы не знаемъ, издатели "Колокола" не составляютъ цѣлую компанію съ г. Герценнымъ, ихъ только двое, Герценъ и Огаревъ) увѣрили, что падедхся во главѣ обширнаго

Смирисясь передъ фактомъ, мы говорили польскимъ друзьямъ нашимъ: "Если ваше возстаніе неотвратимо, да совершится судьба его. Помните, что у васъ только *одна* хоругвь можетъ быть общая съ нами; свято и высоко держа ее, вы не встрѣтите противъ себя Руси пародной, а будете имѣть дѣло съ Россіей —оффиціальной, петербургской, петровской, карамзинской, погодинской, той, которая держала до нельзя народъ въ крѣпостномъ состояніи, той, которая на кнутахъ и штыкахъ, на казематахъ и каторгахъ упрочила сильную державу, основанную на отрицаніи всѣхъ человѣческихъ правъ".

Мы знали, какъ тяжело будетъ полякамъ нести нашу простую хоругвь и всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ желали, чтобъ они нашли силу — не противъ врага, въ этомъ у нихъ недостатка нѣтъ, а противъ собственныхъ предразсудковъ.

ЗЕМЛЮ КРЕСТЬЯНАМЪ, ВОЛЮ ОБЛАСТЯМЪ.

И то и другое, съ западной точки зрѣнія — нелѣпость, и то и другое, съ исторической точки зрѣнія, чуть не предательство!

Западные воззрѣнія стали намъ чужды; историческаго знамени у насъ нѣтъ; мы его видимъ въ будущемъ, мы не *возвращаемся* къ нему, а *къ нему идемъ*. И это вовсе не фантазмагорія и мечта, а ясный, простой фактъ.

заговора обвиняющаго цѣлую Россію, и простирали свое фанфаронство до того, что предлагали Польшѣ содѣйствіе какого то русскаго революціоннаго комитета. Г. Пяткевичъ рассказываетъ, что польскіе патриоты требовали у этихъ господъ доказательствъ ихъ вліянія. Но, продолжаетъ онъ, "вмѣсто всякихъ доказательствъ редакторы "Колокола" могли представить только хвастливыя увѣренія въ своемъ революціонномъ могуществѣ; а потому безъ всякихъ церемоній и не щади ихъ самолюбія, они устранили ихъ какъ отъявленныхъ враговъ". Г. Пяткевичъ очень доволенъ, что польскіе патриоты не уронили своего достоинства формальнымъ союзомъ съ врагами; но, продолжаетъ онъ, "зачѣмъ же польскіе патриоты не были на столько провицательны, чтобъ убѣдиться, что не только роль привнанныхъ вождей русскаго возстанія, на которую претендовалъ лондонскій триумвиратъ, но и самые элементы возстанія, которые, по ихъ увѣреніямъ, будто бы существуютъ въ Россіи, чистая выдумка? Гдѣ эти симпатіи студентовъ къ польскому дѣлу, тайныя общества, составленныя русскими офицерами, рѣшеніе будто принятое солдатами не сражаться съ братьями поляками, стачка раскольниковъ для ниспроверженія верховной власти? Все это существовало только въ хвастливыхъ столбцахъ "Колокола", редакторы котораго лгали, и лгали заведомо, для того только, чтобы доставить себѣ ребяческое удовольствіе прослыть вождями могущественной революціонной партіи"...

Какъ бы противно намъ касаться до поры до времени нѣкоторыхъ вопросовъ, и какъ бы противно дотрогиваться до этой выписки, удобной какъ слѣдуетъ самой крѣпкой и жирной катковинной, нельзя же терпѣть такой вредной лжи, такой колючей клеветы. Пусть укажутъ хоть одну строку "Колокола", "Полярной Звѣзды" или чего бы то ни было изъ нашихъ изданій, въ которой бы мы себя выдавали "вождями могущественной революціонной партіи", въ которой бы мы говорили, что Россія готова возстать, подстрѣкали поляковъ и пр. Но печатаю одно, мы могли негать и говорить другое. А потому мы просимъ всѣхъ поляковъ и не-поляковъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ нами, привести хоть одно слово, сказанное нами въ смыслѣ цитаты. Мы позволимъ всѣ нескромности, развиваемъ всѣ языки. Само собою разумѣется, что цитируя "Колоколъ", надобно въ № листа, а цитируя человѣка, надобно его фамилію.

Повторять по этому поводу наши убѣжденія, которыя мы повторили сто разъ, мы не станемъ. Печатаю документы и притомъ поди самъ и не время. Но чиновники брошюрнаго департамента насъ обязали бы искренно, сказавши и то, что поляки устранили насъ, и устранившие съ такой ловкостью, что мы по простотѣ сердечной и не замѣтили этого. Не тѣ ли, которые писали поджатыми письмами съ поддѣльной печатью народнаго польскаго правительства?

Мы любимъ русскій народъ и Россію, но не одержимы никакимъ патріотическимъ любострастіемъ, никакимъ бѣшенствомъ руссоманіи; и это не потому чтобъ мы были стертыми космополитами, а просто потому что наша любовь къ отечеству не идетъ ни до вымысловъ несуществующаго, ни до той стадной солидарности, которая оправдываетъ злодѣйства и участвуетъ въ преступленіяхъ. Для насъ всегда существовали интересы выше и дороже всѣхъ патріотизмовъ въ мірѣ; мы никогда не подкрашивали объективной истины никакими красками личными, семейными или племенными, и также не обвиняясь, говоримъ *теперь* о будущности русскаго народа, какъ, не оглядываясь и не разсчитывая, стали со стороны Польши съ самаго начала возстанія.

Народъ русскій, для насъ, *больша члмъ родина*. Мы въ немъ видимъ ту почву, на которой разовьется новый государственный строй, почву, не только не заглохшую, не истощенную, но посящую въ себѣ всѣ зерна всхода, всѣ условія развитія. Будущность ея для насъ логическое заключеніе.

Тутъ рѣчь не о священной миссіи, не о великомъ призваніи, весь этотъ юдаическій и теологическій хламъ далекъ отъ нашей мысли. Мы не говоримъ, видя беременную женщину, что ея миссія быть матерью, но безъ сомнѣнія считаемъ себя въ правѣ сказать, что она родить, если ей не помѣшаютъ.

Убѣжденіе наше, что въ Россіи осуществится часть социальныхъ стремленій — совершенно независимо отъ того, что мы родились въ Россіи. Физиологическое сродство, кровная связь съ пародомъ, съ средой, можетъ предшествовали пониманью, ускорили, облегчили его — но *выводъ* одпажды достигнутый — или вздоръ, или долженъ стать независимо отъ пристрастій и случайностей. Человѣкъ, родившійся въ Берлинѣ, или Потсдамѣ, вѣроятно имѣетъ какую нибудь привязанность къ родинѣ; но что же можетъ онъ вывести изъ своей любви къ отечеству, кромѣ необходимости разложенія уродливаго прусскаго королевства?

То, что дѣлается теперь въ Россіи, въ эту черную полосу, которая оставить по себѣ страшныя угрызения совѣсти, ничего не доказываетъ противъ нашихъ упованій. Вся эта оргія палачества и чынаго патріотизма, обнаруживаетъ больше и больше только то, что такими мерзкими абортивами внутренняго движенія остановить нельзя. Само правительство, срываясь съ своей обычной колеи, всякій разъ уносится въ какую то Пугачевщину. Имѣя въ виду одно уничтоженіе польскаго возстанія, изводя польскій элементъ въ Литвѣ, оно не сознавая того, ведетъ Россію вовсе не туда куда думаетъ... "Не намъ, не намъ, а имени твоему!" такъ и останется, съ легкой руки Павла, девизомъ его внучать.

Это наконецъ стали отчетливо понимать злѣйшіе противники Россіи.* Этого только не понимаютъ наши жандарм-

* Мы очень рекомендуемъ нашимъ читателямъ брошюру вышедшую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: *La Pologne et la cause de l'ordre*. Авторъ невольно понялъ тоже что мы — любовью. Католицизмъ, цезаризмъ, консерватизмъ дошелъ до того — до чего мы дошли мысля свободной отъ всякихъ изувѣрствъ и отъ всякой традиціи. Какое же доказательство можетъ быть полнѣе?

ствующіе литераторы и привѣчивающіе доктринеры — ихъ обращать на путь истины не наша забота. Но въ послѣднее время безнравственная и безстыдная пресса — затемнила возникавшее и укрѣплявшееся сознаніе. Честные люди, люди не забывшіе свой умъ схоластикой, ни сердца усердіемъ къ престолу, исполняются сомнѣніемъ. И дѣйствительно, надобно имѣть страшную силу вѣры и любви, чтобъ не отпрянуть отъ бѣснованія не одного Саула, а цѣлаго общества съ нимъ, общества полуобразованнаго и дерзко мутящаго вѣное море чуждой ему жизни народной, вызывая изъ его глубины демоническія страсти, которыхъ разгаръ и кругъ дѣйствій не ему очертить и обуздать.

Передъ этими сомнѣніями, передъ этимъ смѣшеніемъ понятій — наше дѣло ясно. Мы торопимся прочесть отходную въ вѣчность грядущему году, и снова поставимъ на первый планъ развитіе нашей мысли — о будущности нарождающейся Россіи. Оставляя всѣ другіе вопросы, мы будемъ слѣдить шагъ за шагомъ, пульсъ за пульсомъ, за движеніями младенца, за его ростомъ и указывать и обличать безсиліе и нецѣпость, валачей, врачей, заклинателей и всѣхъ подкупленныхъ появальныхъ бабокъ, призванныхъ извести его.

Польскому дѣлу мы принесли что могли, далѣе намъ приходится повторять одно и тоже. Мы горды тѣмъ, что за него лишились нашей популярности, части нашей силы; мы горды той бранью, той клеветой, той грязью, которой бросали въ насъ за Польшу — ярыги патріотизма и *содержанцы* III отдѣленія. Ни нападенія подлыхъ враговъ, ни сожалѣнія слабодушныхъ и слабоумныхъ друзей не своротили насъ съ дороги... Мы съ злой радостью смотрѣли на бѣгущія отъ насъ стада кабановъ и барановъ, сопровождаемыхъ чирканьемъ ихъ пернатыхъ товарищей..... смотрѣли, какъ ихъ Долгоруковъ загонялъ на скотный дворъ Муравьева и въ свои собственные птичники — не завидуя ни тому, что однимъ отдадутъ поношенное платье, награбленное у литовскихъ пановъ, а другихъ научать еще лучше пѣть по органику III отдѣленія. Чертъ съ ними!

Мы остались вопреки всему вѣрными польскому дѣлу и вѣрными русскому народу. Время справедливости не за горами. Но далѣе мы чувствуемъ наше безсиліе во всемъ вѣ русскаго вопроса. Потому то мы и будемъ говорить исключительно о немъ — съ людьми, которымъ дорога не кровавая, не терзающая Польшу Россія, а Россія вспахивающая въ тиши съ своими полями — поле будущаго развитія. Ихъ будемъ мы звать нашимъ *Колоколомъ* вѣстѣ съ молодымъ поболѣніемъ, которое надобно спасать во чтобъ ни стало отъ казенныхъ лжеучителей и нравственно растлѣнныхъ бездѣльниковъ.

Пять лѣтъ мы безъ устали *ссылали живыхъ*. Теперь благо мертвые ушли, и никто отъ мертвыхъ не остался, будемъ звонить къ самой *облѣднѣ*, звать къ сознательному дѣлу!

И—гъ.

ФЛОРИНЦІЯ, 10 Ноября 1863.

РАСЧИСТКА НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ

(Статья Вторая)

КОНСТИТУЦИЯ И ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

(Окончаніе).

VI.

Мы сказали, что первый русскій Земскій Соборъ соберется *поуздно* и *безсловно*, и будетъ только *предварительнымъ* Земскимъ Соборомъ, который опредѣлитъ и разграниченіе областей и форму правленія.

Изъ этого уже очевидно, что мы не беремъ на себя смѣшнаго труда что-либо предпрѣять, или писать проектъ будущей конституціи, или будущаго Земскаго Собора. Мы просто покоряемся обстоятельствамъ: данныя русской жизни такіа, что *иначе* ничего сложиться не можетъ.

Во-первыхъ, у насъ есть огромная масса крестьянства, котораго одно стремленіе сохранить за собой землю. Въ этой массѣ—города представляютъ ничтожность, равно по числу населенія, по развитію промышленности, по образованности большинства и по сосредоточенію денежныхъ капиталовъ,* а помѣщичество представляетъ безденежную немощность—и только. Стало, первое что потребуетъ голосъ на Земскомъ Соборѣ—это сельское населеніе, это крестьянство. Противиться этому движенію дворянство (а остальные городскія сословія едва ли и станутъ противиться) можетъ только посредствомъ правительственной помощи, т. е. войска, разстрѣливающаго крестьянъ. А вѣдь на это, не смотря на всѣ событія въ Польшѣ—надежда не прочна. Сами солдаты устанутъ. Это длиться не можетъ. Крестьянство пойметъ, что *оно сила*—и слѣдственно выборы на Земскомъ Соборѣ невольпо будутъ *безсловные*.

Во вторыхъ, у насъ есть, какъ мы уже говорили, крестьянство, владѣющее землею въ *передѣлѣ*, и крестьянство, владѣющее землею въ *раздѣлѣ*. То и другое ярко отличаются по племени. Кромѣ этого различія—есть разнородныя промыслы и обычаи, соотвѣтствующіе теченію рѣкъ и мѣстной природѣ. Очевидно, есть потребности соединиться въ извѣстныя группы—по условіямъ племеннымъ, или по условіямъ географическимъ. Есть потребности областныя. Но такъ какъ *официально* областей нѣтъ, а есть только губерніи, то нѣтъ иного исхода для выборовъ на Земскій Соборъ, какъ выборы *поуздные*, при которыхъ значеніе официальныхъ губерній *исчезаетъ*.

Но изъ этого ясно, что одна изъ первыхъ задачъ Земскаго Собора должна быть—разграниченіе областей и основаніе областныхъ самоуправленій.

По этому первый Земскій Соборъ можетъ быть только *предварительный*; ему предстоитъ опредѣлить областныя думы и ихъ союзное представительное правленіе для всей общей межи населеній, вступающихъ въ союзъ съ великорусскимъ племенемъ. Мы тутъ вовсе не увлекаемся никакимъ великорусскимъ *дневнымъ* патріотизмомъ, а думаемъ просто, что для каждой группировки нужно свое кристаллизационное ядро, безъ котораго кристаллизациа невозможна. Въ настоящее время отъ Днѣпра до тихаго океана—другаго племени нѣтъ,

* Образованность нашихъ городовъ различается отъ образованности селъ—развѣ только по платью и потому что села играютъ въ свайку, а города—въ карты. Что-же касается до силы ихъ богатства, мы ссылаемся на цифры—въ нашемъ письмѣ къ инокѣ ("Об. Вѣче" No. 23) и въ нашей французской книжкѣ: "Essai sur la situation russe, Chapitre V, pag. 65".

около котораго могли-бы собраться остальные племена. По союзъ—не значить подчиненіе, а только союзъ. Только на самобытности каждой части можетъ быть основана сила и свобода цѣлаго. Безъ этого, еще разъ повгоряемъ, мы будемъ осуждены на общее рабство передъ единоподдержавіемъ; но это единоподдержавіе стоитъ такъ шатко, что Земскій Соборъ придетъ съ его согласія, или по мимо его согласія.

Отъ этого съ или *по мимо* зависить существованіе династїи Романовыхъ. Это равнодушно, лишь-бы—дѣло было.

Какой будетъ способъ выборовъ *поуздно* на первый предварительный Земскій Соборъ—мы, конечно, не знаемъ. Мы только повторимъ здѣсь способъ, предложенный крестьяниномъ П. Мартыновымъ въ его письмѣ къ Александру II:*

"Каждая община (я говорю о главныхъ выборахъ въ Земскую Думу) выбираетъ извѣстное число старшинъ—избрателей, тѣхъ, которымъ народъ вѣритъ, кого дома ввааетъ, кого любитъ. Эти старшины собираются для предварительныхъ совѣщаній въ волости, а потомъ съѣзжаясь въ мѣстный областной городъ, избираютъ кандидатовъ въ тройномъ количествѣ противъ представителей; возвращаются домой, сообщаютъ народу имена кандидатовъ, народъ поголовно избираетъ любого изъ нихъ. Но чтобы всякій поводъ, всякая возможность недоразумѣнія, недобросовѣстности провъсовъ, были устранены, нужно чтобы между тѣми первыми выборами кандидатовъ, которые были произведены старшинами—избрателями и окончательнымъ избраніемъ самичъ народомъ депутатовъ изъ числа объявленныхъ ему кандидатовъ, послѣ объявленія ему именъ послѣднихъ, было дано время и устроена была возможность областно сходки въ областномъ городѣ для всего народа, кто захочетъ быть тамъ. Къ этой сходкѣ народъ можетъ заявить рѣшительное неудовольствіе на выборъ кандидатовъ и вставитъ старшинъ избрать еще равъ кандидатовъ—другихъ если изъ прежнихъ народу ни одинъ не нравится. На дѣлѣ такихъ явленій переизбраніе будетъ мало, по самое право протеста со стороны народа послужитъ побудительной причиною для старшинъ непремѣнно руководиться въ выборѣ кандидатовъ заранее извѣстной имъ волей народа. Процессъ простъ, между тѣми тутъ нѣтъ никакой возможности чего-нибудь подобаго подкупамъ и тѣмъ незаконнымъ вѣлѣніямъ, которыя мы видимъ въ парламентскихъ системахъ другихъ странъ; онъ соотвѣтствуетъ духу народа—какъ продуктъ его жизни, его поватій. Представители избираются безъ различія ихъ занятій, состоянія, общественнаго положенія (кромѣ, разумеется, осужденныхъ и судимыхъ) и національности. Для вступленія въ званіе представителя нужно одно условіе—того народъ захочетъ. Вознагражденіе назначается изъ общихъ доходовъ, срокъ служенія земскому дѣлу отъ 3 до 5 лѣтъ. Засѣданія Земской Думы постоянныя, за исключеніемъ трехъ-четырехъ-лѣтнихъ мѣсяцовъ необходимыхъ представителямъ для непосредственнаго сношенія съ народомъ и ознакомленія съ его текущими насущными потребностями, съ его мѣстными, областными, бытовыми интересами, съ его мнѣніями; для передачи ему собственныхъ свѣдѣній, видовъ и убѣжденій, вынесенныхъ изъ общаго собранія представителей, и вообще для сдачи отчета народу на областныхъ сходкахъ въ своихъ дѣйствіяхъ".

Иного способа выборовъ на Земскомъ Соборѣ мы предположить не можемъ, потому что всякій другой способъ окажется несостоятельнымъ. Это способъ двойныхъ выборовъ. Села (или города) весьма способные хорошо избрать мѣстныя судебныя и распорядительныя власти, потому что очень хорошо понимаютъ свои мѣстные интересы—всѣма могутъ ошибиться въ выборѣ людей, представляющихъ общіе интересы края. По этому они поручаютъ выборъ такихъ людей своимъ мѣстнымъ выборнымъ людямъ и ихъ выборъ повѣряютъ. Едва-ли гдѣ былъ предложенъ болѣе разумный способъ выборовъ. Онъ для насъ тѣмъ болѣе вѣренъ, что онъ предложенъ не какимъ либо научнымъ доктринеромъ, а простымъ крестьяниномъ, который, конечно, лучше понимаетъ смыслъ русскаго народа чѣмъ всѣ славянофиль-

* "Колоколъ", Мав 8, 1862.

ствующие и англофильствующие, или вмѣстѣ (сознательно и бессознательно) петербургфильствующие литераторы. Лишь бы правительственное (чиновничье) управление не вмѣшивалось — такіе свободные выборы могутъ дать только дѣйствительный, народнымъ потребностямъ удовлетворяющій исходъ.

Этотъ способъ выборовъ мы считаемъ единственно разумнымъ; разумность его въ глаза бросается. Далѣе мы ничего предпрѣлать не хотимъ и не можемъ. Мы можемъ только предположить, что этотъ поуѣздно, безсословно выбранный Земскій Соборъ не можетъ не поставить себѣ задачи — установленія постоянного Земскаго Собора (или Земской Думы) избраннаго областными думами уже распределенныхъ областей, въ которыхъ свобода совѣсти, право землевладѣнія для каждаго, общинный самосудъ и самоуправленіе получили бы прочныя основанія.

VII.

Но намъ, пожалуй, скажутъ: «да чтожъ вы такое фантазируете? Вотъ дайте срокъ — правительство покориго Польшу и дасть намъ конституцію, или задасть намъ такое осадное положеніе, что мы всѣ успокоимся безъ всякаго Земскаго Собора».

Вотъ этому то мы и не вѣримъ. Правительство боится покончить польскую войну, потому что всякое окончаніе, какое бы оно ни было, его пугаетъ.

Положимъ, что правительство покорило Польшу... Чтожъ дальше?

Положимъ — оно не дало никакой конституціи. — Разгоряченныя страсти, тайныя несбывшіяся надежды и общая неурядица праведутъ къ необходимости Земскаго Собора.

Положимъ — правительство дало конституцію... подобную финляндской. Да для Россіи тутъ первое не рѣшено — это народное поземельное право; неурядица, возникающая изъ нерѣшенной и нерѣшительной постановки вопросовъ все-же приведетъ къ необходимости Земскаго собора. Дарованная конституція послужитъ ступенькой, облегчающей шагъ къ Земскому Собору.

Ну! А какъ правительство способно только, къ стыду русскаго народа, грабить Польшу, вѣшать и ссылатъ поляковъ, а усмирить возстанія *неспособно*?

Злодѣйство — еще не сила и не талантъ.

А ну! Какъ оно наткнется на европейскую войну?

Тогда Земскій Соборъ не то, что черезъ долгие годы, а *немедленно* становится необходимостью.

Сдѣлаемъ перечень:

1) Для того чтобъ *уставъ* (писанная конституція) былъ выраженіемъ дѣйствительной жизни народной, дѣйствительнаго народнаго *состава* или *склада* — надо чтобъ уставъ былъ писанъ выборными отъ народа, представителями всѣхъ его представимыхъ элементовъ.

2) По этому дарованная (октроированная) конституція, т. е. уставъ, сочиненный императорскими чиновниками, не удовлетворитъ потребностей русскаго народа. Дарованной конституціей, — черезъ которую можетъ быть (хотя оно и сомнительно) мы перейдемъ, — можно и должно воспользоваться, какъ льготой, облегчающей достиженіе Земскаго Собора.

3) Только Земскій Соборъ можетъ выразить всѣ представительные элементы въ Россіи, потому что только онъ можетъ быть избранъ безсословно и сѣдственно будетъ представителемъ всего земства.

4) Представительные элементы въ Россіи сѣла и города, безъ различія сословій, но никакъ не отдѣльное дворянство, которое сословіе правительствующее и, сѣдственно, его представители были-бы только представителями императорскаго чиновничества, нераздѣльнаго отъ правительства; а парламентъ, представляющій исключительно интересы правительства и его чиновничества, былъ-бы только огромнымъ политическимъ уродствомъ и вѣдностью.

5) Первый Земскій Соборъ можетъ быть избранъ поуѣздно, — потому что официально признанныхъ самобытныхъ областей у насъ нѣтъ. Разграниченіе областей, учрежденіе областныхъ думъ и постоянного союзнаго Земскаго Собора — дѣло перваго, предварительнаго, поуѣздно избраннаго Земскаго Собора.

6) Способъ избранія можетъ быть только двойной, т. е. земство избираетъ избирателей, которые изъ своей среды избираютъ посланцевъ на Земскій Соборъ, предоставляя это избраніе на провѣрку земству.

7) Земскій Соборъ до такой степени, исторически и по современной обстановкѣ, въ духѣ русскаго народа, что дарованная конституція будетъ только шагъ къ Земскому Собору, можетъ и замедляющій, но наиболѣе мирный. А продолженіе войны съ Польшей, и тѣ европейская война поставитъ созваніе Земскаго Собора *неотлагаемой, немедленной необходимостью*.

8) Сохранится при этомъ, или вѣтъ династія Романовыхъ — это совершенно равнодушно. Одно ясно: единодержавіе — значить общій гнетъ; союзъ самобытныхъ областей — значить свобода.

Въ заключеніе скажемъ, что революція, ради революціи, т. е. бунтъ только для того чтобъ бунтовать — въ Россіи невозможенъ. Русская революція можетъ быть только реорганизаціей, т. е. мирнымъ-ли путемъ или бунтомъ пойдетъ Россія, но она не успокоится, пока не будутъ возстановлены всѣ тѣ элементы народнаго землевладѣнія, самосуда и самоуправления, которые существуютъ, не смотря ни на какое задушеніе ихъ, и способны къ дальнѣйшему, стройному развитію. Одна перемѣна правительства никого не увлечетъ. Въ Россіи бунтъ невозможенъ иначе, какъ чтобы вмѣстѣ съ нимъ возникли и учредились — народное землевладѣніе, самосудъ и самоуправленіе. Куда-бы мы ни обернулись — мирно-ли мы пойдемъ черезъ дарованную конституцію къ Земскому Собору, или черезъ страшныя потрясенія къ тому же Земскому Собору — Земскій Соборъ все же единственный исходъ внутренняго русскаго движенія, потому что мы только этимъ путемъ можемъ дойти до *устава*, выражающаго народный *составъ*, можемъ довести до представительства существующіе въ народѣ элементы и поставить ихъ въ возможность пойти въ корень и въ ростъ. Наша революція — реорганизация, или по русски сказать: нашъ бунтъ — народное самоустройство.*

Н. ОГАРЕВЪ.

* О различіи революціи и реорганизаціи мы поговоримъ въ особой статьѣ.

СМБСБ.

— *Университетскія постановленія.* — Давно нигдѣ мы не встрѣчали лицемѣрія гаже и отвратительнѣе, какъ новыя университетскія постановленія. Правительство хочетъ убить и просвѣщеніе и молодежь. Всѣ университетскіе, т. е. профессорскіе совѣты, составляютъ разныя положенія—свобода да и только! И всѣ эти положенія сводятся на одно и то же, стало, былъ на то тайный *приказъ*! Ужъ лучше бы просто приказывать, чѣмъ играть въ такую жалкую игрушку шулерскаго лицемѣрія. Все сводится на одно: право учиться въ университетѣ стоитъ 40 р. с., т. е. для большинства студентовъ половина ихъ средствъ существованія, а можетъ и больше. Лучше было бы просто сказать: наука мѣшаетъ деспотизму и погуму правительство не хочетъ чтобъ молодежь училась, исключая той молодежи, которая уже такъ богата, что непременно погрязнетъ въ своекорыстіи.

— Гимназистъ, выдержавшій окончательнѣе экзаменъ, дающій ему право на поступленіе въ университетъ—еще разъ держитъ экзаменъ, т. е. придуманы всѣ средства, чтобъ юноша могъ не поступить въ университетъ.

Ужъ лучше бы просто закрыть университеты; оно было бы нагло, но не такъ подло; оно было бы татарщиной, но не трусостью передъ общественнымъ мнѣніемъ; оно было бы мерзскій поступокъ, но не подлогъ.

“Постороннимъ лицамъ, желающимъ только ознакомиться съ университетскимъ преподаваніемъ, дозволяется свидѣться ректора и съ согласія каждаго профессора, посѣщать безплатно лекціи однажды въ годъ, въ теченіи двухъ недѣль”!!!

“Если не открыты виновныя въ выраженіи одобренія или неодобренія профессору во время лекціи, а также и въ случаѣ сборищъ и сходокъ студентовъ, то цѣлый курсъ закрывается и экзамены не производятся, а также не производится выдача свидѣтельствъ слушателямъ, пока университетское начальство не узнаетъ виновныхъ”.

Отцы! да найдите же въ себѣ хотя маленькую искру благородства, чтобъ вступить за дѣтей.

“Лицамъ женскаго пола посѣщать университетскія лекціи не дозволяется”.

Русская жепщица должна оставаться судомойкой или барыней. Она не можетъ научиться ни до того, чтобъ быть повивальной бабкой и помогать другимъ женщинамъ въ болѣзняхъ (на это есть *пѣлки*); она не должна ничего знать, чтобъ не воспитывать своихъ сыновей въ благородномъ напавленіи, которое для правительства опасно.

Вотъ ПРАВИЛА для студентовъ и слушателей С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: Правила эти составлены совѣтомъ университета и утверждены попечителемъ. Студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета, а потому не допускается никакое дѣйствіе ихъ, посягающее на себѣ характеръ корпоративный; на этомъ основаніи не дозволяется подача адрессовъ, присылка такъ-павываемыхъ депутатовъ, выставленіе отъ имени студентовъ какихъ бы то ни было объявленій. За отступленіе отъ этого правила виновный подвергается увольненію изъ университета на годъ. Студентамъ воспрещается выражать одобреніе или порицаніе на лекціяхъ и производить шумъ на испытаніяхъ, актахъ, собраніяхъ факультетскихъ; виновные подстрекатели, а если ихъ нельзя открыть, то всѣ участвовавшіе, или удаляются изъ университета съ правомъ вступить въ другой университетъ, или исключаются вовсе безъ этого права. За куреніе табаку въ университетѣ или явку въ педозволенной полицейскими правилами одеждѣ, студентъ подвергается выговору или аресту. Студентамъ воспрещается устроить въ университетѣ всякія сходки, особыя студентскія библіотеки, вспомогательныя кассы, спектакли и концерты; въ университетѣ

студенты подчиняются гражданскому начальству относительно устройства кассъ, библіотекъ и преч. Если студенты, составившіе сходку, не разошлись, но первому напоминовенію инспектора или его помощника, то болѣе виновные подвергаются или увольненію, или исключенію изъ университета съ лишеніемъ права вступить въ другой университетъ, а менѣе виновные аресту. Въ университетѣ студентъ по всѣмъ своимъ дѣламъ касающимся преподаванія, учебныхъ занятій, стипендій и испытаній, обращается къ декану своего факультета; по всѣмъ остальнымъ дѣламъ—къ инспектору, а за справками—къ секретарю по студентскимъ дѣламъ, которому онъ обязанъ доставить свой адресъ и извѣщать его всякій разъ о перемѣнѣ оного; отступленіе отъ этого правила наказывается выговоромъ или арестомъ.

Выговоръ или арестъ налагаются инспекторомъ студентовъ; провинности, подлежащія строжайшему взысканію, рассматриваются университетскимъ судомъ, по первой повѣсткѣ котораго студентъ обязанъ явиться подъ опасеніемъ ареста въ первый разъ и исключенія во второй. Студентъ, не дозволившій себя арестовать помощнику инспектора, удаляется изъ университета, съ правомъ поступить въ другой. Исключенію изъ университета безъ этого права студенты подвергаются за сорваніе, искаженіе или уничтоженіе объявленія университетскаго начальства. Дожъ въ показаніяхъ наказывается удаленіемъ на время или исключеніемъ. Судъ можетъ ходатайствовать о смилости наказанія. Судъ собирается по предложенію ректора данному председателю суда. Къ предложенію прилагаются: 1) опредѣленіе правленія о преданіи студента суду; 2) свидѣніи представленныхъ правленію инспекторомъ о проступкѣ студента. Судъ производится дѣла устно, при закрытыхъ дверяхъ, въ присутствіи обвиняемаго и свидѣтелей. Приговоры суда считаются окончательными и жалобы на нихъ не допускаются. Приговоръ объ удаленіи на годъ или навсегда утверждается совѣтомъ университета; приговоръ же объ исключеніи съ сообщеніемъ всѣмъ другимъ университетамъ, коирируется попечителемъ. Частныя студентскія объявленія выставляются въ университетѣ только съ разрѣшеніемъ инспектора, которому предоставляется ходатайствовать чрезъ ректора объ измѣненіи нѣкихъ утвержденныхъ правилъ.

Слушатели, подчиняясь тѣмъ же правиламъ, какъ и студенты, допускаются на лекціи при слѣдующихъ условіяхъ: а) они должны быть не моложе 17 лѣтъ; б) имѣть согласіе профессора, котораго хотятъ слушать; в) внести опредѣленную плату. На посѣщеніе лекцій выдаются билеты, возобновляемые каждое полугодіе; билетъ этотъ слушатель не имѣетъ права передавать другому лицу. Ректоръ или профессоръ могутъ дозволить посѣщеніе лекцій безплатно постороннему лицу, но болѣе трехъ разъ.—(Московскія Вѣдомости, №. 290).

Въ петербургскомъ университетѣ, въ настоящее время, состоитъ студентовъ 502; изъ нихъ прежнихъ студентовъ 282 и вновь поступившихъ 220.(!) Вольнослушателей числится 150 человекъ. Въ числѣ 502 студентовъ числится освобожденныхъ отъ платы 161; уроженцевъ Царства Польскаго 4; западныхъ губерній 80. Съ сентября мѣсяца вышло 8 студентовъ по прошенію и одинъ по нежеланію подчиниться новымъ правиламъ; по той же причинѣ двое не приняты.

Очевидно университеты въ загонѣ.

Какія жалкія средства правительство употребляетъ для самохраненія!

Оно думаетъ, что этими дорожками создаетъ себѣ силу, а оно только вызываетъ на себя Немезиду, которая и откликнется.

— *Ввозъ нечистотъ въ Лондонъ.* — Какой то плодкой корреспондентъ *Сѣверной Пчелы*, (№. 308), повѣствуетъ о томъ, что “я сложилъ свой вольный станокъ и собираю компанію, чтобы вывозить нечистоты изъ Лондона”. Плодкой корреспондентъ ошибся, до него дошли слухи о нечистотѣ, о Лондонѣ, о станкѣ... но онъ не понялъ въ чемъ дѣло. Я расскажу его самъ для пользы сѣверныхъ пчелъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ.

Послѣ трехмѣсячнаго отсутствія изъ Англіи, меня чуть не постигла участь николаевской памяти генералъ-адъютанта Кокошкина, я попалъ въ кучу русскихъ газетъ, и чуть не

задохнулся въ этихъ ямахъ полицейскаго срама и инквизиторскаго гноя. Что передъ ними неаполитанскія катакомбы и парижскія клоаки, что передъ ними Мара и Гебертисты... тѣ были фапатики tout de bon, не по тысячу цѣлковыхъ съ фанатизма, они, едва воскреснувшіе отъ долгаго гнета, неслись безъ оглядки, ошибались, ломали, лили кровь, теряли морально и физически голову, но были честны, но были чисты въ своемъ идеалѣ, въ своей вѣрѣ—а наши невскіе и москворѣцкіе Камилъ Демулен'ы, наши Père Duchên'ы III отдѣленія, фапатики рабства, бульдоги дресированные Муравьевымъ на поляковъ, циническіе, дерзскіе, мерзскіе, наглые, опертые на двѣ позиціи, на цензуру, на консисторію—они возвели въ литературную рѣчь все грубое и гадкое что грязнѣло у насъ казарму, съѣзжую, помѣщичью переднюю и исправительную конюшню русскаго демократическаго дворянства.

Меня почти обрадовалъ ввозъ этихъ нечистотъ въ Лондонъ, дальше гниль, тупость, глупость, паденье идти не могутъ,—дальше полное разложеніе или новая жизнь... Ну до разложенія намъ далеко,—здѣсь я скажу, какъ нянюшка принцессы Тюндентентронгъ въ Кандидѣ—on ne meurt pas de ses chosés... Россія загрязнилась, но вынесетъ эту Mist-Kuhr!

А забавно видѣть, какъ на воюющей поверхности этой помойной ямы всякія пчелы, черви, оводы и золотомъ шитыя мухи поѣдаютъ другъ друга, особенно московскіе петербургскіе. Тутъ нашъ литературный Шишковскій-Катковъ—оттаскалъ въ одномъ номерѣ двухъ министровъ и одного великаго князя и прямо говоритъ: “я служу—да, я несу добровольную службу”—какъ будто можно человѣка заставить противъ воли и доносить, и клеветать, и указывать жертвы и рукоплескать налечамъ? Твердо идетъ Катковъ по слѣдамъ Шерауда на завоеваніе титула *Вѣрнаго*, не даромъ Байборода напоминалъ съ поклономъ вѣка Майбороду... Тутъ—возлѣ сильныхъ доносами—слабые, дрянные фискальчики

Куда конь съ копытомъ мчнется,
Какъ съ клешней туда тащется
И давай и сать.

Какой-нибудь экзъ-ракъ библіотеки для чтенія, романистъ, аферистъ, драматистъ, ставить на сцену новую русскую жизнь съ подхолозой точки зрѣнія подъячаго, не совсѣмъ вымышлаго руки отъ... канцелярскихъ чернилъ—дѣлаетъ шаржи на событія, отъ которыхъ еще до сихъ поръ льются слезы—и чертитъ силуэты каніхъ то дураковъ въ Лондонѣ, воображая, что это наши портреты.

Видно придется намъ выручать рака и прибавить ему не большую картинку изъ романа:

ВЗБОЛТАННАЯ ПОМОЙНАЯ ЯМА.

ГЛАВА XVIII.

ПОДЧИНЕННЫЙ И НАЧАЛЬНИКИ.

ПОДЧИНЕННЫЙ.—Находясь проездомъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, съелъ обязанностью явиться въ вашему превосходительству.

НАЧАЛЬНИКЪ А.—Хорошо, братецъ. Да что то пре тебя ходятъ дурные слухи?

ПОДЧИНЕННЫЙ.—Невиненъ, ваше превосходительство, все канцелярскія молодцы напакостила, а я передъ вами какъ передъ богомъ, ни въ чемъ-съ.

НАЧАЛЬНИКЪ В.—Вы не маленькій, чтобъ ссылаться на другихъ. Стукайте...

Эпиграфъ этотъ изъ романа, который былъ бы очень извѣстенъ, еслибъ существовалъ, живо представился герою нашего разсказа однимъ лѣтнимъ днемъ 1862 года...

Было вечеромъ, было въ дождливую погоду, было на островѣ Вайтъ.

Герой нашъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на море.

Почтовой факторъ стоялъ у дверей и смотрѣлъ на рыжую Кецаю.

Кецаія взошла съ письмомъ и посылкой, и вышла безъ письма и посылки.

Герой нашъ пересталъ смотрѣть на море.

Почтовой факторъ продолжалъ смотрѣть на златовласую Кецаю.

Герой нашъ прочелъ слѣдующее: “Одна изъ главнѣйшихъ цѣлей моей поѣздки въ Лондонъ состояла въ томъ, чтобъ лично узнать васъ, чтобъ пожать руку человѣка, котораго я такъ давно привыкъ любить и уважать. Когда вы воротитесь? Пожалуста сообщите объ этомъ NN., котораго я имѣю счастье знать еще въ R.R.”.

P. S. “Я прошу васъ принять новое изданіе моихъ сочиненій въ знакъ *глубокаго... глубокаго* уваженія къ вамъ”...

И герой нашъ развернулъ сочиненія, переплетенныя въ сафьянахъ и позолотахъ—и не читалъ ихъ.

Прошла недѣля, лѣто и дождь продолжались..... Кецаія осталась на маленькомъ островѣ, герой нашъ былъ на очень большомъ. Въ девять часовъ вечера шелъ дождь на Вестборпъ Террасъ и не одинъ дождь...

(Продолженіе нѣтъ).

P. S. По какому то странному случаю, который мнѣ мнѣльному человѣку показался бы вовсе *не случаемъ*, мы получили всѣ NN. *Свер. Пчелы, за исключеніемъ 308*. Еслибъ князь П. В. Долгоруковъ не сказалъ намъ о томъ, что въ немъ навечатана навозная новость, мы не позаботились бы достать его. Нѣсколько предшествующихъ строкъ были набраны, когда мы прочли полную корреспонденцію. Вотъ что пишетъ плоцкой корреспондентъ *Свер. Пчелы*:

“Я прежде удивлялся, читая повѣсти и разсказы нѣтъ прошедшаго Польши, въ которыхъ говорится, что имъ одного сейника у поляковъ не обходилось безъ сабли и драки. Теперь это меня ни мало не удивляетъ, какъ не удивляетъ и то, что Герценъ вступилъ съ поляками въ близкое родство. Кстати объ Герценѣ. Поляки считаютъ Герцена своимъ передовымъ человѣкомъ и хотѣтъ усминовить его (прекрасно! наши законы не мѣшаютъ такому сочетанію); черезъ евреевъ они въ большомъ количествѣ прежде выписывали печатныя бредни Герцена. Припоминался мнѣ при этомъ случай, бывшій со мной года 3 тому назадъ. Мнѣ привелось по дѣламъ службы быть въ обществѣ польскихъ номѣщиковъ. Между своими разговорами они между прочимъ ввели рѣчь и о Герценѣ: хвалили его, изъявляли сожалѣніе, что они не довольно хорошо знаютъ русскій языкъ, чтобы понимать Герцена. И, разумеется, потупя глаза, слушалъ, а самъ думалъ про себя: ‘подождите, онъ еще удружитъ вамъ и выведетъ васъ на свѣжую воду’. И точно вывелъ. Въ самомъ дѣлѣ, если слѣдить ученіе Герцена съ дѣйствіями поляковъ, то не трудно замѣтить въ польскомъ пожарѣ тѣнь этого человѣка. Поляки вѣшаютъ—это родная мысль Герцена; поляки отравляютъ—это тоже по его части; поляки бросаютъ гранаты и жгутъ—этому ремеслу подучилъ ихъ Герценъ. Теперь поляки по немногу начинаютъ понимать Герцена. Сужу это потому, что они нускаютъ про него не очень лестные слухи. На примѣръ вѣсь говорятъ, что Герценъ уже сложилъ свой ‘вольный станокъ’, поставленный на британской землѣ, и собираетъ компанію, какъ вы думаете, для чего? Для того чтобы подражаться у англичанъ вывозить всѣ нечистоты изъ Лондона. Выгоды громадныя, говорятъ, отъ этого подрада, а главное тутъ будетъ много работы уму. Немало также услужилъ полякамъ и странствующій Долгорукій своимъ сочиненіемъ о Россіи. Но его словамъ, такъ вотъ Россія и упадетъ и разрушится и онъ же ящерицей ползетъ по ея развалинамъ, а поляки ему и повѣрили, да и не одни поляки, а кто то и повыше ихъ повѣрилъ. Недаромъ Наполеонъ заученнымъ языкомъ говоритъ: ‘мнѣ измѣнили, мнѣ измѣнили!’ Стыдася сказать: меня обманули, меня обманули Герценъ, Долгорукій и подобные имъ видявидимы”

Мы не могли не перенечатать этихъ гнусныхъ строкъ, мы указываемъ ихъ всѣмъ честнымъ противникамъ и врагамъ нашимъ, пусть они знаютъ съ кѣмъ они идутъ за одно. Не вытерпѣла *Сверная Пчела*, ей не спалось отъ зависти—и въ одинъ фельетонъ обѣжала Каткова..... а вѣдь какъ она огорчилась, когда мы ее назвали *оффиціозной*?—И—ръ.

— ОДИНЪ ПОКРАСПѢЛЪ... и очень хорошо сдѣлалъ. Мы знали, что *латоническіе* приверженцы *сильныхъ мѣръ*, не долго останутся подъ обаяніемъ полицейскаго архистратига Михаила, не долго простоятъ на одной доскѣ съ его теской *Москов. Вѣдомостей*. Но неужели достаточно покраснѣть послѣ полугодоваго опьяненія мысли, сердца, всѣхъ человѣческихъ инстинктовъ—и все забыто? Вопросъ этотъ памазистъ легкой руки *Дня*, у насъ теперь пойдетъ лафа на Магдалинѣ, грѣшно скорымъ забвеніемъ мѣшать покаянію. Слишкомъ легкое раскаяніе—не предохраняетъ отъ вторичнаго паденія.

“Никогда, говоритъ редакторъ *Дня*, въ 46 №, полицейская функція государства не пользовалась у насъ большимъ сочувствіемъ общества, какъ въ наше время. Если во времена Грибоѣдова, Фамусовъ выразился о дамахъ, что онѣ “къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ, а потому что патріотки”, то современный Фамусовъ могъ-бы сказать и теперь тоже самое, поставивъ вмѣсто слова “военнымъ”, слово *полицейскимъ*. Читатели скажутъ, что мы намекаемъ здѣсь на извѣстную дамскую телеграмму, посланную въ Варшаву къ одному офицеру, добросовѣстно, съ мужествомъ и съ талантомъ исполняющему свою трудную полицейскую обязанность. Да, мы именно ее и разумѣемъ. Мы видимъ въ ней очень любопытную черту нравовъ и очень любопытный качественный симптомъ нашего общественнаго современнаго направленія. Мы не думаемъ ни порицать, ни тѣмъ менѣе издѣваться или относиться къ дѣлу иронически. Мы говоримъ очень серьезно. Мы вполнѣ признаемъ всю важность, пользу, необходимость, даже въ нѣкоторомъ отношеніи благотѣльность, въ настоящую минуту полицейской дѣятельности въ Варшавѣ и всю мѣру вниманія, которой она заслуживаетъ,—но обществу, кажется намъ, пора-бы подумать—не слишкомъ ли уже оно далеко зашло въ патріотическомъ увлеченіи государственными интересами, не уклонилось-ли нѣсколько

отъ своего общественнаго призванія въ ущербъ своимъ общественнымъ интересамъ? Нельзя, конечно, предполагать, чтобъ общество возшло *во вкусъ* такого рода отправленій государственнаго организма, которыхъ необычайное развитіе рѣдко обходится безъ вреда самому организму,—но пельзя и не предостеречь общество на счетъ опасности нѣкоторыхъ рождающихся въ немъ наклонностей”...

А развѣ “*День*” предостерегалъ его, когда начались ужасы въ Литвѣ, развѣ онъ не находилъ муравьевскія мѣры необходимыми, развѣ не называлъ людей иначе съ ними думающихъ, преступниками и измѣнниками, а открытыхъ враговъ своего московскаго кумира бандитами, которыхъ можно обвинять, не давая права оправдываться и пр.?

Не смотря на все на это, мы знали, что придетъ время въ которое издателю “*Дня*” будетъ не по себѣ...

...wird gewiss einmal bei seiner Katkofähneichkeit bange.

— Имя амурскаго графа въ числѣ подписавшихся на икону, поднесенную виленскому палачу, исполнило насъ умиленіемъ. Видно мы не такъ то *ошиблись* въ немъ, какъ онъ *говорилъ*... гнѣваясь на насъ, за нѣсколько словъ, сказанныхъ о немъ по поводу Беклемишевскаго дѣла. Вотъ онъ прогрессивный генералъ-губернаторъ, демократъ-вое-начальникъ, государственный человѣкъ *aux larges vues*. Какой страшный пробный камень—этотъ 1863 годъ.

— Князь П. В. Долгоруковъ, издалъ чрезвычайно любопытную біографію Муравьева-вѣшателя, рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ, эта историческая монографія, вмѣстѣ съ житіемъ нынѣ забытаго Панина, составляютъ очень хорошій матеріалъ для изученія нравственнаго уродства, до котораго петербургское управительство довело Россію.

— Въ *Общій фондъ*.—Изъ Швейцаріи 150 и 100 фр., изъ Германіи 1,000 фр. и одинъ фунтъ стер.

КОЛОКОЛЬ

въ

1864

будетъ издаваться на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ прошлые годы.

Какъ ни скучно толковать одно и то же, но постоянно повторяющіяся обвиненія въ безкорыстныхъ русскихъ журналахъ, что Колокольъ продается слишкомъ дорого, заставляютъ насъ еще разъ сказать, что цѣна, которую платятъ въ Германіи, Франціи и пр., до насъ не касается.

Печать въ Лондонѣ дорога. Англійскіе журналы живутъ объявленіями и рассчитываютъ на огромный сбытъ. Пока мы печатаемъ въ Лондонѣ, цѣну уменьшить нельзя. Мы дѣлаемъ огромную уступку книгопродавцамъ, на какомъ основаніи они берутъ дороже объявленной цѣны, мы не знаемъ. Всякій кто хочетъ выписать экземпляръ отъ Г. Трюбнера или Тхоржевскаго, получитъ Колокольъ и Овсее Ввче по объявленной цѣнѣ съ прибавленіемъ въсоевыхъ, по англійской таксъ, одинъ пенсъ съ листа и съ границы.

ОГЛАВЛЕНИЕ КОЛОКОЛА

ЗА

1863.

№. 153.—1 Января.

МРОСССЛХІІІ. Официальный контръ-адрессъ. Разборъ основныхъ положеній преобразования судебной части въ Россіи (продолженіе). Изъ Петербурга. Убіиство Лвова. Франко-руссій союзъ. Третье отдѣленіе съчета. Балтійскіе иѣмцы. Общій фондъ.

№. 154.—15 Января.

Ехріатио! Концы и Начала (Письмо седьмое). Разборъ основныхъ положеній преобразования судебной части въ Россіи (окончаніе). Смѣсь: Раппортъ не доносъ. Продолженіе смѣси на стр. 52 "Общаго Вѣща": Доносъ или не доносъ. Уравненіе правъ иностранцевъ съ русскими, передъ каторгой. Сп. Вѣдомости. Independance. О яко-бы офицерскомъ письмѣ въ "Теймсъ". Полицейская пропаганда и доносъ. Асаконъ и Скалонъ.

№. 155.—1 Февраля.

Resurrexit По дѣлу адреса офицеровъ. Наглое злоупотребленіе полицейскаго слова. Братская просьба къ русскимъ воянамъ. Письмо Н. И. Тургенева. Смѣсь. М. И. Тонилъскій. Яиншъ. Удѣльные князья. Сепать или домъ ума лишенихъ? Генералъ-майоръ Фрейгангъ. Съ Дона А. А. Яковлевъ. Подать платинамъ гордамъ. Кончина П. Аргиропуло. Пашъ дядя на борсгахъ Шпре. Смертная казнь въ Варшавѣ и пр.

№. 156.—15 Февраля.

Преступленія въ Польшѣ. Исторія адреса и контръ-адресса. Концы и Начала (Письмо восьмое). Исповѣдь русскаго правительства. Смѣсь: Изъ Петербурга. Князь Орловъ и баронъ Вудбергъ. Всомогательное французское войско въ Польшѣ. Запросъ евѣѣйшему сиподу о іерейскомъ двоеженствѣ. Свѣтское консульство въ Лондонѣ. Изъ Вильно. Викторъ Гюго къ русскому войску. Ки. Н. В. Долгоруковъ и пр.

№. 157.—1 Марта.

Земля и Воля. Вольскіи и Маркевичъ. Schinderknecht. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Вѣлая церковь. Смѣсь: Рекрутскій наборъ въ Россіи "Свободное Слово". Г. Вудбергъ. Совѣтъ Общества "Земли и Воли". Изъ "Morning Post". Общій фондъ. 21 Февраля 1863. Равенбургское и Сьопинское предложенія. Сборникъ Типографіи и пр.

№. 158.—8 Марта.

Плачь. Русскій грабежъ и разбой въ Польшѣ. Къ русскимъ жепщинамъ. Смѣсь: Александровская конституція и павловское время. Нѣмцы и не-нѣмцы въ зимнемъ дворцѣ. Генералъ Хрущевъ. Полковникъ Корѣвъ. Поврвка. Правительственная пугачевщина. Безословность въ Москвѣ. Русскіе во Флоренціи, Женевѣ и Ниццѣ.

№. 159.—15 Марта.

Увѣдомленіе. Great Western. Студентамъ въ Россіи. Дссѣтилѣтіе Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ (отрывокъ изъ предисловія). Хвала русской жепщинѣ. Домбровский и Михеда. Надписанинъ. Die Geschiklichkeit ist mit smeg Oekonomie verbpnden. "Le Nord". Убіиство въ Яионии. Общій фондъ. Поврвка.

№. 160.—1 Апрѣля.

Прокламація "Земли и Воли". 1831—1863. "Молодецкое поведеніе солдатъ". Смѣсь: Манифестъ и литературный Липранди. Изъ Москвы. Графъ Ностицъ. Нечай. Совѣзмъ пошелъ въ Николии. Крестьяне демагога. Командиръ брандер керас. регичента. Константинъ Николаевичъ, гр. Хребтовичъ и архіерей Фелипскій. Развратъ войны. Бѣдное русское имя. Русскіе посланники. Императорскій указъ. Объявленіе.

№. 161.—15 Апрѣля.

А. А. Потебня. Русскіе офицеры. 1831—1863. Напильцевы и Тихменевы. Книгосожигатель Савва. Смѣсь: Передняя тѣшится и полиція тоже. Пять лѣтъ каторги. Зарница совѣсти. Словесныя роаги. Пгры случайности. Наповскій. Sta Bottussia. М. Хотинскій. Къ лѣтописямъ русскаго шпіонства. Митингъ въ Hyde Park'ѣ. "Daily News". Ward Jackson, и пр.

№. 162.—1 Мая.

Между молніей и громомъ. Падгробное слово. Полковникъ Красовскій. Дѣло Зейферга. Смѣсь: Болтовня о Центральномъ комитетѣ. Пробламація. Къ свободѣ книгопечатанія въ Россіи. Военное, свѣтское и духовное тиранство. Записки Декабристовъ и сочпеніе М. Михайлова. "Всеобщій Лисвиникъ" и "Московскія Вѣдомости". Александръ Николаевичъ пошелъ въ горы. Дороговиана кухонныхъ снарядовъ. Общій фондъ. Поврвка.

№. 163.—15 Мая.

Первое Мая. Чего они такъ испугались? 1831—1863. Доносъ на Спб. Вѣдомости, Смѣсь: Крестьяне и помѣщикъ Мажаровъ. Еще каторжная работа. Какое правленіе въ Россіи? Абрамовичъ и Келлеръ. Начало амнистии. Патріотичамъ въ Парижѣ. Ковалинскій съчетъ беременныхъ. "Очерки" и "Нордъ". А. А. Погобинъ Изъ Варшавы и Петербурга. Совѣтъ Общества "Земли и Воли". Отвѣты. Шокушеніе на англійскую прессу и пр.

№. 164.—1 Іюня.

С. Падлѣзскій. Свобода. Конституція и Земскій Соборъ. Россіада Два образчика Валуевскихъ циркуляровъ. Плачь о Мининевскомъ. Финляндія. Самара. И въ розы безъ шиновъ. Для свѣденія. Общій фондъ.

№. 165.—10 Іюня.

Россіада II и III: Письмо литвинъ изъ Литвы. Письмо русскаго изъ Польши. Русскіе журналы, Императорскія Пугачевщина. Смѣсь. Финляндія и адрессъ. Пиръ въ Стокгольмѣ. Г. М. Хотинскій и III отдѣленіе. Личное объясненіе. Общій фондъ.

№. 166.—20 Іюня.

Подлые! Конституція и Земскій Соборъ. Россіада IV. Возстаніе въ Россіи, Преданіе, Зажигатели, Теорія грабежа, Лавры и мирты. "День" и "Колоколъ". Смѣсь: Волжскій манифестъ. Толь-сѣвкшій. Общій фондъ и пр.

№. 167.—10 Іюля.

Польскій мартирологъ. "Колоколъ" и "День". Россіада. свобода книгопечатанія, адрессоложство, юхновцы, М. П. Погодинъ, канibalскій обѣдъ и казни. Смѣсь: Наслѣдникъ престола. Не вѣримъ. Секреты. Побѣда. Общій фондъ.

№. 168.—1 Августа.

Протестъ. Сигизмундъ Стравовскій. "День" и "Колоколъ". Казни и пытка. Россіада VI: Хрестоматія изъ русскыхъ газетъ. Письмо ки. П. В. Долгорукова. А дѣло идетъ своимъ чередомъ. Смѣсь: И. С. Тургеневъ. Киевскій генералъ-губернаторъ. Явленный слухъ. Общій фондъ.

№. 169.—15 Августа.

Вилла-Франка передъ Сольферино. П. Кельсевъ и Н. Утинъ. Висѣльницы и журналы. Выводъ изъ владѣнія Тобольское Дѣло. Смѣсь: Отъ Н. Утина. Письмо изъ Гендельберга. Общій фондъ.

№. 170.—1 Сентября.

Точка переворота. Въ этапѣ. Post scriptum. Изъ Юга Россіи. Ценная вина. Смѣсь : Изъ "Листка". Изъ заведенія А. А. Краевского. Помѣшательство Погодина. Къ свободѣ книгопечатанія. Къ Муравьевичу. Старикъ Ведрицъ. Чистая ложь. Адресоложство. Аксаковский день и пр.

№. 171.—1 Октября.

Современное положеніе Россіи. Вратское слово. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Письмо г. Рошковского. Смѣсь : Варшава утѣшена. Съ точки зрѣнія ливреи и запятокъ. Нѣсколько словъ объ адресахъ (изъ Россіи). Общій фондъ.

№. 172.—1 Ноября.

Протестъ. "Синъ побѣдиши". Расчетка нѣкоторыхъ вопросовъ (Конституція и земскій соборъ). Изъ Лѣтописи за два послѣдніе года. Письмо г. Рошковского (окончаніе). Иванъ Кельсиевъ. Общій фондъ.

№. 173.—15 Ноября.

Голосъ изъ Финляндіи. Съ Континента (Письмо изъ Неаполя). Изъ Лѣтописи за два послѣдніе года (Продолженіе). Смѣсь : Вдова Страковского и Гопеніе въ Россіи. Общій фондъ.

№. 174.—1 Декабря.

Историческіе документы. Расчетка нѣкоторыхъ вопросовъ (Конституція и Земскій Соборъ, Продолженіе). Дѣло подпоручика Григорьева. Смѣсь : Александровская пропаганда посредствомъ Павловскихъ штукъ. Адресованіе. Еще о вдовѣ Страковского. Общій фондъ. Errata.

№. 175.—15 Декабря.

Г. С. Батенковъ. Въ вѣчность грядущему 1863 году. Расчетка нѣкоторыхъ вопросовъ (Конституція и Земскій Соборъ, Окончаніе). Смѣсь : Университетскія постановленія. Возвѣтъ нечистотѣ въ Лондонѣ. Одинъ покраснѣлъ. Графъ амурскій. Биографія М. И. Муравьева. Общій фондъ.

ОБЩЕЕ ВѢЧЕ.

№. 8.—1 Января.

Странинкъ. Прошеніе старообрядцевъ.

№. 9.—15 Января.

Иерархамъ отъ старообрядцевъ. Бѣлое духовенство и петербургское правительство. Стр. 1285 "Колокола".

№. 10.—1 Февраля.

По поводу прошеній молдавскихъ старообрядцевъ. Какъ у насъ понимаютъ законность. Отецъ ректоръ Ефремъ. Просьба отъ издателей.

№. 11.—1 Марта.

Отъ старообрядца старообрядцамъ. Еще пріяиска къ старообрядцамъ отъ издателей.

№. 12.—8 Марта.

Отъ старообрядцевъ нареду русскому посланію. Отъ старообрядца старообрядцамъ.

№. 13.—15 Марта.

Слово правды. Подцензурная литература. Совѣтъ Общества "Земли и Воли".

№. 14.—15 Апрѣля.

Мысли россиянина при чтеніи указа. Отзвѣтъ старообрядца къ старообрядцамъ. Материалы для жизнеописанія оберъ-іерарха древня столицы.

№. 15.—1 Мая.

Что то будетъ. Отъ старообрядца о старообрядцѣ. Материалы для жизнеописанія оберъ-іерарха древня столицы (окончаніе). Отъ издателей.

№. 16.—15 Мая.

Выпиванье духовъ. Отъ старообрядца старообрядцамъ. Денежный сборъ общества "Земли и Воли".

№. 17.—1 Іюня.

Грѣхи и безумія. Письмо изъ Москвы. Вѣнокрещеній Митрополитъ Кирилъ. Изъ Екатеринбурга. Совѣтъ общества "Земли и Воли".

№. 18.—20 Іюня.

Отъ старообрядца старообрядцамъ. Отзвѣтъ старообрядца. Отъ издателей.

№. 19.—10 Іюля.

Старообрядцу и его обществу. Отъ старообрядца старообрядцамъ. Изъ Западнаго края.

№. 20.—1 Августа.

Отъ старообрядца старообрядцамъ. Изъ Москвы.

№. 21.—1 Сентября.

О ввѣдѣ во искушеніе (письмо къ старообрядцамъ поповщинскаго согласія). Отъ старообрядца старообрядцамъ слово ободренія. Нѣсколько словъ о бѣломъ духовенствѣ. Отъ издателей.

№. 22.—1 Поября.

Отъ старообрядца старообрядцамъ. Замѣчанія старообрядца на тайныя "постановленія по части раскола" (Стмхотвореніе). Письмо къ Инокѣ. Смѣсь "Колокола" : Преступленія въ Біарницѣ. Казнь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

№. 23.—15 Поября.

Сущность старообрядческой свободы. Второе письмо Инокѣ.

№. 24.—1 Декабря.

Отъ старообрядца іерархамъ. Второе письмо Инокѣ (Продолженіе). Къ крестьянамъ.

№. 25.—15 Декабря.

Отъ издателей. Отъ старообрядца старообрядцамъ. Уголовное дѣло въ городѣ Грязницѣ, Вологодской губерніи.